

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

Санкт-Петербургское отделение Общероссийской Общественной организации
«РОССИЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ СУДЕЙ»

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

**Сборник статей по материалам
VI Международной научно-практической конференции
2 ноября 2018 года**

Санкт-Петербург
2019

УДК 347.1
ББК 67.404 / 67.410
У26

Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции 2 ноября 2018 г. // Отв. редактор Е. Н. Рахманова, доктор юридических наук, доцент; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». — СПб., 2019. — 584 с.

В сборник включены доклады выступлений участников VI Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная практика», проходившей в Северо-Западном филиале ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург) 2 ноября 2018 г.

Издание предназначено для судей, участников законодательного процесса, ученых-правоведов, аспирантов, магистрантов и студентов юридических вузов.

Данная работа выполнена при информационной поддержке компании «Консультант Плюс».

ISBN 978-5-9676-1024-0

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный
университет правосудия», 2019
© Коллектив авторов, 2019
© ИД «Петрополис», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Ярославцев В. Г.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	16
---	----

РАЗДЕЛ I

Андреева Л. А.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	27
---	----

Антонова Е. Ю.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ.....	34
---	----

Бекмагамбетов А. Б.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН). НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ.....	42
---	----

Берестовой А. Н.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ).....	51
---	----

Бокуц Е. Ю.

ДЕЯНИЕ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ (СТ. 251 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)	59
---	----

Бычков С. Н., Смирнов А. А.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	66
--	----

Винсе Вари

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ	70
--	----

Волков К. А.

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ, СООТНОШЕНИИ И ВЗАИМНОМ ВЛИЯНИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ	76
--	----

Галиев Б. Б.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ ЛИЦ, СВЯЗАННЫХ С НЕОКАЗАНИЕМ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ ...	85
--	----

Гейнце О. В.

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	93
---	----

Гельдибаев М. Х.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	101
--	-----

Гилинский Я. И.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ЧЕЛОВЕК.....	105
-----------------------------------	-----

<i>Гуринская А. Л.</i> ОКО ЗА ОКО? ДЕТЕРМИНАНТЫ КАРАТЕЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	112
<i>Дворецкий М. Ю.</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ.....	123
<i>Дворянсков И. В.</i> ИНТЕРЕСЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ.....	129
<i>Дикаева М. С.</i> УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	136
<i>Емельянов В. А.</i> ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	142
<i>Жунисбаева Г. Н.</i> ПРОБАЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ.....	145
<i>Зубалова О. А.</i> ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ЭКСТРЕМИЗМА.....	154
<i>Кажкеева Б. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ НОРМ 272 УК РК И 212 УК РФ.....	163
<i>Караваева Ю. С., Космовская А. А.</i> ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОКУЛЬТНЫМ ПРАКТИКАМ (XVII–XXI ВВ.).....	172
<i>Кафиатулина А. В.</i> ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА.....	178
<i>Клюев А. А.</i> РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НЕПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ В ОСНОВАХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК 1991 ГОДА	186
<i>Кобец П. Н.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С СОВРЕМЕННЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ	191
<i>Коблева М. М.</i> ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ.....	199
<i>Козлов Ю. А.</i> ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ	207
<i>Коротков А. В., Яковлева А. С., Воинкова С. П.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ	214

<i>Кравченко Р. М.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА И БЛАНКЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ НЕБЕЗОПАСНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ И ОКАЗАНИЯ УСЛУГ	223
<i>Кузнецова Н. И.</i> К ВОПРОСУ О ПЕНАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	229
<i>Лясковска К.</i> УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИЦАМ, ВИНОВНЫМ В СОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВ, в Польше	235
<i>Мельник С. Ю.</i> НОВОЕ О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ	248
<i>Нестеренко А. В., Пинкевич Т. В.</i> УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ	252
<i>Нечаев А. Д.</i> НЕОБОСНОВАННЫЙ ОТКАЗ В ПРИЕМЕ НА РАБОТУ ИЛИ НЕОБОСНОВАННОЕ УВОЛЬНЕНИЕ: к вопросу о трендах современной уголовной политики в России	259
<i>Никуленко А. В.</i> НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ	269
<i>Ниязова С. С.</i> НАУЧНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИСТЯЖАНИЕ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В АСПЕКТЕ ЕГО СВЯЗИ С ПОВЕДЕНИЕМ ПОТЕРПЕВШЕГО	277
<i>Панченко П. Н.</i> УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ НА ОСНОВЕ УСИЛЕНИЯ ЕЕ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА	285
<i>Перекислов В. Е.</i> СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	295
<i>Пещеров Г. И.</i> ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	301
<i>Пинкевич Т. В.</i> РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ	305
<i>Полтавец В. В.</i> УЧЕТ ХАРАКТЕРА И СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ СУДОМ	314
<i>Полтавцева Л. И., Полтавцева А. В.</i> УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	321
<i>Рахманова Е. Н.</i> СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ	325

<i>Репин М. Е.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МАЛОЛЕТНИХ.....	331
<i>Решетников А. Ю.</i>	
МОДЕЛИРОВАНИЕ САНКЦИИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ...	339
<i>Решняк М. Г.</i>	
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА.....	345
<i>Русскевич Е. А.</i>	
ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ИКТ).....	351
<i>Рябенко Ю. Н.</i>	
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ — ЗАПРЕТ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	359
<i>Савинский А. В.</i>	
И НА СОЛНЦЕ ЕСТЬ ПЯТНА (О ПОГРЕШНОСТЯХ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ)	362
<i>Сафонов В. Н.</i>	
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ (ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД «ДЕЛОМ СКРИПАЛЕЙ»).....	370
<i>Сергеева А. А.</i>	
ВЛИЯНИЕ ЛОББИСТКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	376
<i>Симович М. Н., Йовашевич Д., Симович В. М.</i>	
КОНФИСКАЦИЯ И ИЗЪЯТИЕ СОБСТВЕННОСТИ КАК ЧАСТЬ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ — СОВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ ПРЕСТУПНОСТИ	384
<i>Скрипченко Н. Ю.</i>	
РАЗЪЯСНЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОБ ИЗМЕНЕНИИ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	392
<i>Соколова О. В., Степанова И. Б.</i>	
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ	396
<i>Стромов В. Ю.</i>	
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ.....	402
<i>Сумачев А. В.</i>	
РОДИТЕЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ	406
<i>Титов А. Н.</i>	
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПРАВОСЛАВИЕ	412
<i>Тиханьки М.</i>	
ИЗМЕРИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ	422

<i>Топильская Е. В.</i> ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ СОУЧАСТНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ	428
<i>Улезько С. И.</i> АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	435
<i>Цветков П. В.</i> О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 184 УК РФ.....	440
<i>Шарапов Р. Д.</i> ХИЩЕНИЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ	447
<i>Шепелева С. В., Зюрзя Н. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН	454
<i>Якулин В.</i> ПОЛИТИКА НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СЛОВЕНИИ.....	462
<i>Янина И. Ю.</i> ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРИЧИНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ.....	467

РАЗДЕЛ II. ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Алешин В. В.</i> СООТНОШЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ	474
<i>Бараев А. С.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ.....	479
<i>Вернер А. Р.</i> К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ.....	486
<i>Винокурова М. Б.</i> ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО Ч. 1 СТ. 182 УК РФ	490
<i>Власова Е. Д.</i> ДЕТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ.....	495
<i>Гоголев И. И.</i> АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	498
<i>Дубровина Е. С.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	503
<i>Епифанова Н. А.</i> ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	509
<i>Иващенко К. А.</i> КОНКУРЕНЦИЯ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 178 УК РФ	516

<i>Исакова Д. Д.</i>	
КОНТРОЛЬ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ.....	521
<i>Кетенчиева Е. С.</i>	
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ.....	526
<i>Кирдин Н. И.</i>	
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	529
<i>Комаров В. Б.</i>	
ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ЗА НАМЕРЕННОЕ НЕВЫПОЛНЕНИЕ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В ВИДЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ.....	534
<i>Кривенко В. А.</i>	
ТОЛКОВАНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.	540
<i>Ларченко А. А.</i>	
ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	546
<i>Мороз А. А.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 222–222 ¹ УК РФ.....	550
<i>Старцева Д. А.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА, СВЯЗАННЫХ С НЕОКАЗАНИЕМ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ (СТ. 125 УК РФ).....	555
<i>Стрельникова Д. Л.</i>	
РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА СО СМЕЖНЫМИ И КОНКУРИРУЮЩИМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	559
<i>Трофимов Л. М.</i>	
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ.....	565
<i>Хочуева Р. А.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ	570
<i>Чепурная А. С.</i>	
НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ОТ ПРЕСТУПНОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ	574
<i>Шапошникова Е. В.</i>	
К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВЕ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ».....	579

CONTENT

INTRODUCTORY ARTICLE

Yaroslavtsev V. G.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN CRIMINAL LEGISLATION	16
---	----

SECTION I

Andreeva L. A.

PROBLEMS OF CRIMINAL POLICY AGAINST CORRUPTION.....	27
---	----

Antonova E. Y.

SOCIAL DANGER AS A BASIS FOR THE CRIMINALIZATION OF ACTS	34
--	----

Bekmagambetov A. B.

CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF COUNTERACTION TO HUMAN TRAFFICKING: THE INTERNATIONAL STANDARDS AND NATIONAL EXPERIENCE (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN). SOME ASPECTS.....	42
--	----

Berestovoy A. N.

IMPLEMENTATION OF THE CITIZENS' RIGHT FOR JUSTIFIED DEFENSE (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)	51
--	----

Bokuts E. Yu.

ACT AS A MAIN ELEMENT OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME BODY OF THE AIR POLLUTION (ART. 251 CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION).....	59
--	----

Bychkov S. N., Smirnov A. A.

PUBLIC DANGER AS A CRIMINAL LEGAL CATEGORY	66
--	----

Vince Vári

SOCIAL AND LEGITIMACY DIMENSIONS OF THE POLICE EFFICIENCY	70
---	----

Volkov K. A.

TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING, RELATIONSHIP AND MUTUAL INFLUENCE OF CRIMINAL POLICY AND JUDICIAL PRACTICE.....	76
--	----

Galiev B. B.

CRIMINAL AND LEGAL ASSESSMENT OF PERSON'S ACTS ASSOCIATED WITH NON- PROVIDING ASSISTANCE TO THE PATIENT	85
--	----

Heintse O. V.

COMPLEX QUESTIONS OF QUALIFICATION OF THE MEDIATION IN BRIBERY AND THE WAYS OF THEIR RECESSON: THEORY AND PRACTICE	93
---	----

Geldibaev M. Kh.

INTELLECTUAL PROPERTY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION	101
---	-----

<i>Gilinsky Ya. I.</i>	
THE CRIMINAL POLICY OF THE STATE AND A MAN	105
<i>Gurinskaya A. L.</i>	
AN EYE FOR AN EYE? DETERMINANTS OF PUNITIVE ATTITUDES AMONG RUSSIAN YOUTH.....	112
<i>Dvoretzky M. Yu.</i>	
CRIMINAL RESPONSIBILITY: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE.....	123
<i>Dvoryanskov I. V.</i>	
THE INTERESTS OF THE JUDICIARY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION	129
<i>Dikayeva M. S.</i>	
CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF IMPOSITION OF IMPRISONMENT TO JUVENILES.....	136
<i>Emelyanov V. A.</i>	
PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION OF MODERN CRIMINAL ANTINARCOTIC LEGISLATION	142
<i>Zhunisbaeva G. N.</i>	
PROBATION AS A FORM OF SOCIAL-LEGAL AND CRIMINAL-LEGAL INFLUENCE IN A MODERN PENAL-CORRECTION SYSTEM.....	145
<i>Zubalova O. A.</i>	
CAUSE EXTREMISM COMPLEX.....	154
<i>Kazhkeeva B. S.</i>	
ORGANIZATIONAL FEATURES OF MASS RIOTS IN THE LIGHT OF THE LAST CHANGES OF NORMS 272 OF THE CRIMINAL CODE OF THE 'REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND 212 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	163
<i>Karavaeva Y. S., Kosmovskaya A. A.</i>	
HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY AGAINST OCCULT PRACTICES (XVII–XXI CENTURIES)	172
<i>Kafiatulina A. V.</i>	
DEPRECIATION OF THE RIGHT TO CERTAIN DEFINITIONAL POSITIONS OR TO DO A CERTAIN ACTIVITY: LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE.....	178
<i>Klyuev A. A.</i>	
REGULATION OF UNLAWFUL ACTS IN THE BASIS OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE UNION OF THE USSR AND THE UNION REPUBLIC OF 1991	186
<i>Kobets P. N.</i>	
CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF THE STRUGGLE AGAINST MODERN INTERNATIONAL TERRORISM.....	191

<i>Kobleva M. M.</i>	
HUMANIZATION OF CRIMINAL LEGISLATION AS A BASIC DIRECTION OF CRIMINAL POLICY	199
<i>Kozlov Y. A.</i>	
PROBLEMS OF THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PUNISHMENTS BY MILITARY SERVANTS	207
<i>Korotkov A. V., Yakovlev A. S., Voinkova S. P.</i>	
CURRENT PROBLEMS OF THE MODERN RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM.....	214
<i>Kravchenko R. M.</i>	
THE RELATIONSHIP OF THE CRIMINAL CODE AND BLANKET LEGISLATION ON THE EXAMPLE OF THE UNSAFE PERFORMANCE OF WORKS AND RENDERING OF SERVICES	223
<i>Kuznetsova N. I.</i>	
TO THE QUESTION OF THE ENVIRONMENTAL CRIMES	229
<i>Lyaskovska K.</i>	
CRIMINAL POLICY FOR PERSONS GUILTY OF MURDERING IN POLAND	235
<i>Melnik S. Yu.</i>	
NEWS ABOUT JURY TRIAL	248
<i>Nesterenko A. V., Pinkevich T. V.</i>	
CRIMINAL POLICY AND DIGITAL SECURITY: GENERAL AND PRIVATE IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	252
<i>Nechaev A. D.</i>	
UNFOUNDED REFUSAL IN EMPLOYMENT OR UNFOUNDED DISMISSAL: TRENDS OF MODERN CRIMINAL POLICY IN RUSSIA	259
<i>Nikulenko A. V.</i>	
DIRECTIONS OF CRIMINAL POLICY IN THE AREA OF REGULATION OF LAWFUL CASE OF HARM IN CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIME OF ACTION.....	269
<i>Niyazova S. S.</i>	
SCIENTIFIC AND THEORETICAL PROBLEMS OF DETERMINING THE CONCEPT OF «TORTURE» IN CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN IN CONNECTION WITH THE VICTIM'S BEHAVIOR.....	277
<i>Panchenko P. N.</i>	
CRIMINAL POLICY AS A FACTOR OF EFFECTIVE COUNTERACTION TO CRIMES UNDERTAKEN ON THE BASIS OF ENHANCING ITS INFORMATION RESOURCE	285
<i>Perekislov V. E.</i>	
RATIO OF THE CRIMINAL AND CIVIL LAW IN THE SPHERE OF INTELLECTUAL PROPERTY: PROBLEM QUESTIONS OF LAW APPLICATION.....	295
<i>Pescherov G. I.</i>	
EVOLUTION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL POLICY OF RUSSIA.....	301

<i>Pinkevich T. V.</i>	
THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY AND ITS IMPACT ON CRIMINOLOGICAL SECURITY OF RUSSIA	305
<i>Poltavets V. V.</i>	
CONSIDERING THE CHARACTER AND DEGREE OF THE PUBLIC DANGER OF THE COMMITTED CRIME AT ASSIGNMENT OF PUNISHMENT BY COURT	314
<i>Poltavtseva L. I., Poltavtseva A. V.</i>	
CRIMINAL POLICY AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES	321
<i>Rakhmanova E. N.</i>	
ELDERLY AND CRIME.....	325
<i>Repin M. E.</i>	
CRIMINAL–LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF COUNTERACTION AGAINST CRIMES AGAINST CRIMINAL PROTECTION SEXUAL UNKNOWLEDGE AND SEXUAL FREEDOMS OF MINORS AND INFANT	331
<i>Reshetnikov A. Yu.</i>	
MODELING OF THE SANCTIONS AT THE APPOINTMENT OF PUNISHMENT FOR UNFINISHED CRIME	339
<i>Reshnyak M. G.</i>	
ABOUT SOME PROBLEM ASPECTS OF MODERN CRIMINAL LAW LEGISLATION.....	345
<i>Ruskevich E. A.</i>	
PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION OF MODERN CRIMINAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES (ICT).....	351
<i>Ryabenko Yu. N.</i>	
UNDERAGE IN COURT OF JURY — PROHIBITION OR VALIDITY	359
<i>Savinsky A. V.</i>	
THERE ARE LEES TO EVERY WINE (ON THE ERRORS OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA)	362
<i>Safonov V. N.</i>	
PROBLEMS OF CRIMINAL–LEGAL PROTECTION OF THE STATE SECRETS (OR REFLECTIONS ON «SCRIPALIES’ CASE»)	370
<i>Sergeeva A. A.</i>	
INFLUENCE OF LOBBING ACTIVITIES ON THE FORMATION OF CRIMINAL LAW POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	376
<i>Simović M. N., Jovašević D., Simović V. M.</i>	
CONFISCATION OF AND RESTRICTION ON THE PROPERTY AS FUNCTION OF FIGHT AGAINST TERRORISM AS A FORM OF MODERN CRIME.....	384
<i>Skripchenko N. Yu.</i>	
EXPLANATIONS OF THE SUPREME COURT’S PLENURY DECISION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON CHANGING THE CATEGORY OF CRIMES.....	392

<i>Sokolova O. V., Stepanova I. B.</i>	
CALCULATION OF SERVING TERM BY FORCED LABOR: PROBLEMS ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION	396
<i>Stromov V. Yu.</i>	
PROBLEMS OF MODERN PENAL EXECUTION POLICY	402
<i>Sumachev A. V.</i>	
PARENTAL AUTHORITY AND CRIMINAL LAW ASPECTS OF ITS IMPLEMENTATION	406
<i>Titov A. N.</i>	
CRIMINAL POLICY OF THE DONETSK REPUBLIC AND ORTHODOXY	412
<i>Tihanyi M.</i>	
MEASURABILITY OF THE SOCIAL EFFECTS OF LAW ENFORCEMENT	422
<i>Topilskaya E. V.</i>	
VOLUNTARY REFUSAL OF PARTICIPANTS: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION.....	428
<i>Ulezko S. I.</i>	
ANALYSIS OF SOME PROBLEMS OF YATROGEN CRIMES.....	435
<i>Tsvetkov P. V.</i>	
ABOUT DIRECT OBJECT OF THE CRIME PROVIDED BY ST. 184 CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	440
<i>Sharapov R. D.</i>	
THEFT OF NON-CASH AND ELECTRONIC FUNDS: QUALIFICATION ISSUES.....	447
<i>Shepeleva S. V., Zyurzya N. A.</i>	
PROBLEMS OF APPLICATION OF CONDITIONAL SENTENCE I N RELATION TO FOREIGN CITIZENS.....	454
<i>Vid Jakulin</i>	
SENTENCING POLICY IN SLOVENIA	462
<i>Yanina I. Yu.</i>	
THEORY OF CRIMIINAL LAW INFLECTION IN RUSSIAN CRIMINAL POLICY	467
 SECTION II. THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS <hr/>	
<i>Aleshin V. V.</i>	
RELATION OF ORGANIZED CRIME AND CORRUPTION	474
<i>Baraev A. S.</i>	
SEVERAL PROBLEMS OF LEGALIZATION (MONEY-LAUNDERING) OF MONEY AND OTHER PROPERTY, OBTAINED BY CRIMINAL WAY	479
<i>Werner A. R.</i>	
TO THE QUESTION ABOUT PROBLEMS OF QUALIFICATION OF OBTAINING A BRIBE	486

<i>Vinokurova M. B.</i>	
OPTIMIZATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY UNDER THE PART 1 OF ARTICLE 182 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION	490
<i>Vlasova E. D.</i>	
CHILDREN'S TERRORISM: PROBLEMS OF QUALIFICATION	495
<i>Gogolev I. I.</i>	
ADMINISTRATIVE PREUDITION IN CRIMINAL LAW OF MODERN RUSSIA	498
<i>Dubrovina E. S.</i>	
CURRENT PROBLEMS OF THE HUMANIZATION OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION	503
<i>Epifanova N. A.</i>	
A LEGAL ENTITLY AS A MEMBER OF THE CRIMINAL PROCIDING. HISTORICAL ASPECT	509
<i>Ivashchenko K. A.</i>	
COMPETITION OF COMMON AND SPECIAL NORMS IN SOLVING THE ISSUE ON CRIMINAL RESPONSIBILITY EXEMPTION FOR THE CRIMES NAMED IN ART. 178 OF CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	516
<i>Isakova D. D.</i>	
MONEY FLOWS CONTROL AS A METHOD OF STRUGGLE AGAINST ORGANIZED CRIME.....	521
<i>Ketenchieva E. S.</i>	
MODERN CONDITION OF CRIME MIGRANTS.....	526
<i>Kirdin N. I.</i>	
PREVENTION OF RECIDIVISM	529
<i>Komarov V. B.</i>	
RECEIVING A BRIBE BY OFFICIAL FOR INTENTIONAL OMISSION OF THE PROFESSIONAL DUTIES.....	534
<i>Krivenko V. A.</i>	
INTERPRETATION OF THE LEGAL PRINCIPLE IN THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS.....	540
<i>Larchenko A. A.</i>	
EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRECIATION OF THE RIGHT TO TAKE DEFINED POSITIONS OR TO WORK FOR DEFINED ACTIVITIES.....	546
<i>Moroz A. A.</i>	
SOME QUESTIONS OF THE QUALIFICATION OF CRIMES PROVIDED BY ST. 222–2221 OF THE CRIMINAL CODE	550
<i>Startseva D. A.</i>	
CRIMINAL LAW ESTIMATION OF THE ACTIONS OF THE PERSON CONNECTED WITH NON-PROVIDING HELP TO A PATIENT (ART. 125 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)	555

<i>Strelnikova D. L.</i>	
DIFFERENTIATION FRAUD WITH RELATED AND COMPETING CRIMES	559
<i>Trofimov L. M.</i>	
ADMINISTRATIVE PRE-JUDICICTION IN CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF COMBATING ILLICIT TRAFFICKIN OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES	565
<i>Khochueva R. A.</i>	
SOME ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE RECIDIVISM	570
<i>Chepurnaya A. S.</i>	
NECESSARY DEFENSE AS A WAY OF PROTECTION AGAINST CRIMINAL OMISSION	574
<i>Shaposhnikova E. V.</i>	
TO THE QUESTION OF ILLICIT TRAFFICRING OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN THE INTERNET	579

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ/ INTRODUCTORY ARTICLE

Ярославцев В. Г.¹
Yaroslavtsev V. G.

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN
CRIMINAL LEGISLATION

Аннотация. Обращается внимание, что конституционные положения и корреспондирующие им нормы международного права, исключая возможность произвола со стороны публичной власти, обязывают государство обеспечивать в правоприменении условия для претворения конституционных прав. В рамках правоприменительного процесса должны утверждаться конституционные принципы и отстаиваться конституционные ценности. При этом вопросы установления и изменения уголовной ответственности относятся к праву законодателя, реализуемого им самостоятельно в конституционно определенных пределах. В то же время за последние годы в вопросах как криминализации, так и пенализации отмечаются «маятниковые» колебания уголовной политики. Такие колебания коснулись не только вопросов криминализации деяний, но и содержания наказаний.

Ключевые слова: конституционные принципы, конституционные ценности, уголовная политика, конституционно определенные пределы.

Summary. Attention is drawn to the fact that constitutional provisions and corresponding norms of international law, which exclude the possibility of arbitrariness on the part of public authority, oblige the state to ensure conditions for the implementation of constitutional rights in law enforcement. Within the framework of the law enforcement process, constitutional principles should be established and constitutional values should be defended. At the same time, the issues of establishing and changing criminal responsibility relate to the law of the legislator, which he implements independently within the constitutionally defined limits. At the same time, in recent years, «pendulum» fluctuations in criminal

¹ ЯРОСЛАВЦЕВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ, судья Конституционного Суда, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации / YAROSLAVTSEV VLADIMIR GRIGORIEVICH, Judge of the Constitutional Court, Ph. D. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

policy have been noted in matters of both criminalization and penalization. Such fluctuations affected not only the issues of criminalization of acts, but also the content of punishments.

Keywords: constitutional principles, constitutional values, criminal policy, constitutionally defined limits.

Положения о правах и свободах, содержащиеся в тексте Конституции Российской Федерации (далее также — Конституция), будучи предназначены для оценки конкретных ситуаций с точки зрения абстрактных параметров (право на жизнь, уважение частной жизни, справедливое судебное разбирательство и т. д.), обретают свою конкретизацию, прежде всего, в решениях Конституционного Суда. Защищая центральный элемент системы субъективных прав — конституционные права — конституционное правосудие наполняет предметным содержанием конституционные принципы и ценности.

На современном этапе российское конституционное правосудие более гибко, чем прежде, воздействует на правовую систему, предпочитая простой дисквалификации подвергающихся проверке законоположений корректировку их применения.

В настоящее время преобладающим методом преодоления противоречия между оспариваемым регулированием и Конституцией является именно конституционно-правовое истолкование.

Формулируя в своих решениях общие, обладающие конституционной значимостью требования к правоприменению, Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что конституционные положения и корреспондирующие им нормы международного права, исключая возможность произвола со стороны публичной власти, обязывают государство обеспечивать в правоприменении условия для претворения конституционных прав. В рамках правоприменительного процесса должны утверждаться конституционные принципы и отстаиваться конституционные ценности.

Для правоприменительных органов, в том числе судов, обязательны как имеющие универсальное для всех видов юридической ответственности значение общеправовые принципы справедливости, гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности (Постановление от 17 января 2018 года № 3-П).

Правоприменительные органы, уполномоченные на вынесение решений, связанных с реализацией гражданами их прав, обязаны основываться на всестороннем исследовании фактических обстоятельств, включая оценку достоверности соответствующих сведений, обеспечивая тем самым реализацию конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и не допуская отступлений от принципа равенства в правоприменении (Постановление от 26 февраля 2018 года № 10-П и др.).

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно подчеркивал, что вопросы установления и изменения уголовной ответственности относятся к праву законодателя, реализуемого им самостоятельно в конституционно определенных пределах. При этом особенно следует отметить, что уголовное право и уголовное законодательство в своей совокупности представляют собой своеобразный «слепок» современного общества с его типичными характеристиками — цифровизацией, глобализацией, компьютеризацией, виртуальностью и т. п., что свидетельствует о том, что «сегодняшний социум находится в состоянии постоянной стремительной трансформированности»².

В связи с этим на наш взгляд следует согласиться с мнением Ю. Е. Пудовочкина и М. М. Бабаева, что «отсутствие надежных стандартов среди множества стандартов поведения в непредсказуемо меняющихся условиях жизнедеятельности — вот этот фон, на котором должны ныне разворачиваться процессы правового, и, что особенно сложно — уголовно-правового регулирования»³.

Последовательно Конституционным Судом Российской Федерации определялись границы установления уголовной ответственности с тем, чтобы:

- правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не влекло для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности (Постановление от 20 декабря 1995 года № 17-П);
- уголовным правом не запрещались деяния, которые могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств (Постановление от 25 апреля 2001 года № 6-П);
- закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не было произвольным (Постановление от 19 марта 2003 года № 3-П) и избыточным (Постановление от 20 апреля 2006 года № 4-П);
- исключалось расширительное истолкование норм, вводящих ответственность, и не допускалась возможность уголовной ответственности за правонарушения, являющиеся, по существу, административными (Постановление от 27 мая 2008 года № 8-П) и др.

² Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — С. 240. Гилинский Я. И. Криминологические основы уголовного права в эпоху постмодерна // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. — М.: Проспект, 2016. — С. 294–298; Гилинский Я. И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалист. — 2016. — № 1 (18) — С. 3–8.

³ Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития // Российское правосудие. — 2018. — № 9. — С. 14–23.

В обобщенном виде правовые позиции, ранее сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П и др.), сводятся к следующим требованиям к нормативному регулированию оснований, условий и сроков привлечения к юридической ответственности:

- юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; использование различных видов юридической ответственности должно согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности; общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины — либо доказанной, либо презюмируемой, но опровержимой — как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. предусмотрено непосредственно в законе;
- закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель связан вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантированное статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия);
- конституционные требования справедливости и гуманизма предопределяют необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, а потому, предусматривая для совершивших правонарушение лиц конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых

последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств;

- виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов (ограничений); в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое, по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 17 (часть 3), 18 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заключается, главным образом, в превентивном использовании присущих ему юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства.

Обращаясь к вопросам дифференциации уголовной ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал ряд позиций, определяющих конституционные требования к данному направлению уголовной политики:

- принимая решение о криминализации деяния, федеральный законодатель обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести — в силу принципа справедливости — дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности (Постановление от 25 апреля 2018 года № 17-П);
- основаниями такой дифференциации могут быть тяжесть содеянного, размер и характер причиненного ущерба, степень вины правонарушителя и иные существенные обстоятельства, обуславливающие индивидуализацию наказания (Постановление от 19 марта 2003 года № 3-П);
- дифференциация мер уголовно-правовой ответственности должна отвечать требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности) (Постановление от 11 декабря 2014 года № 32-П).

Обращаясь к вопросам динамики карательной (уголовно-правовой и административно-деликтной) политики, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что в случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному

применению государственного принуждения, законодатель — исходя из указанных конституционных принципов — обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями (Постановление от 20 апреля 2006 года № 4-П). Положение статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, запрещающее привлечение к ответственности за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, — принимая во внимание возможность изменения степени общественной опасности некоторых деяний — не исключает законодательной корректировки их противоправности, предполагающей допустимость преобразования составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений и наоборот (постановления от 14 июля 2015 года № 20-П и от 10 февраля 2017 года № 2-П). Это обусловлено тем, что административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, таких как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка, в силу чего они имеют схожие задачи и принципы и тем самым дополняют друг друга (Постановление от 14 июня 2018 года № 23-П). При этом положения уголовного и административно-деликтного законодательства должны быть системно согласованы (Постановление от 25 апреля 2018 года № 17-П).

Хотя, как отмечают специалисты, «уголовное право сложилось на протяжении столетий в чрезвычайно инерционную систему»⁴, а «уголовное законодательство должно отличаться статикой, консерватизмом к переменам, постоянством»⁵, но в отличие от уголовного права, стремящегося к определенной стабильности, в уголовной политике «постоянно стабильны только принципы, в соответствии с которыми она осуществляется»⁶.

Скоротечность и турбулентность развития общества со всей очевидностью усиливает вероятность принятия неэффективных политико-правовых решений в отношении криминализации, квалификации, назначения наказания и т. д. (ст. 212.1 УК РФ и дело Дадина, Постановление КС РФ от 10.02.2017 г. № 2-П), что приводит, по сути, к невозможности спрогнозировать иные негативные последствия, которые могут затронуть все слои общества (ст. 74 УК РСФСР, 282 УК РФ).

За последние годы в вопросах как криминализации, так и пенализации отмечаются «маятниковые» колебания уголовной политики. Такие колебания

⁴ Жалинский А. Э. Верховенство права как фактор экономики. — М., 2013. — С. 377.

⁵ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. — М., 2009. — С. 214.

⁶ Там же. — С. 37.

коснулись не только вопросов криминализации деяний, но и содержания наказаний.

В частности, Федеральный закон от 8 июня 2012 года №65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» ввел в систему административных наказаний такую меру, как обязательные работы (пункт 1 статьи 1), которые совпали — по своему названию — с аналогичным уголовным наказанием.

Проверяя конституционность такого решения законодателя, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что закрепленный в ст. 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях перечень видов административных наказаний не рассматривается как закрытый и может дополняться и уточняться федеральным законодателем, обладающим широкой дискрецией в установлении способствующих наиболее эффективному достижению целей административной ответственности на том или ином конкретно-историческом этапе развития государства мер реагирования на совершение административных правонарушений. В связи с этим само по себе расширение Федеральным законом от 8 июня 2012 года №65-ФЗ перечня видов административных наказаний путем включения в него обязательных работ не может расцениваться как не соответствующее Конституции Российской Федерации. Обязательные работы как вид административного наказания и обязательные работы, назначаемые в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации за совершение преступлений, нельзя признать идентичными наказаниями: обязательные работы, отбываемые в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, меньше по продолжительности, чем соответствующее уголовное наказание, которое назначается на срок от шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов (часть вторая статьи 49 УК Российской Федерации), а их назначение, хотя и производится по постановлению судьи, не влечет наступление судимости, которая как специфическое уголовно-правовое состояние сопряжена с гораздо большими — в сравнении с административной наказанностью — ограничениями прав и свобод, причем не только по срокам, но и по характеру негативных последствий (Постановление от 14 февраля 2013 года №4-П).

Федеральным законом от 22 декабря 2014 года №430-ФЗ «О внесении изменений в статью 171² Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», введенным в действие с 3 января 2015 года, часть 1 статьи 14.1.1 КоАП Российской Федерации была изложена в новой редакции, а административная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр вне игровой зоны и с использованием сети «Интернет» сохранена только

для юридических лиц. Тем же Федеральным законом была изложена в новой редакции и статья 171² «Незаконные организация и проведение азартных игр» УК Российской Федерации, предусматривая, что незаконные организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне наказываются штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет (часть первая). Тем самым были криминализованы ранее запрещенные КоАП Российской Федерации деяния по организации и проведению азартных игр.

В 2016 году произошла частичная декриминализация такого деяния, как побои. Так, статьей 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в Уголовный кодекс Российской Федерации внесен ряд изменений, в том числе изложена в новой редакции статья 116 «Побои» (пункт 4) и введена статья 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» (пункт 5). Эти изменения вступили в силу с 15 июля 2016 года.

Пунктом 4 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», также вступившего в силу с 15 июля 2016 года, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнен статьей 6.1.1 «Побои».

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, если ответственность за деяние смягчена, но не устранена, а само деяние получило другую отраслевую юридическую квалификацию, то его декриминализация при одновременном закреплении тождественного состава административного правонарушения не может рассматриваться как установление нового противоправного деяния, не наказуемого ранее. Такая декриминализация представляет собой смягчение публично-правовой ответственности за совершение соответствующего правонарушения, проявляющееся во введении

менее строгих — по сравнению с уголовными — административных санкций, меньшее по степени — по сравнению с уголовно-правовым институтом судимости — ограничение прав при применении мер административной ответственности. Отмена законом уголовной ответственности за определенное деяние с одновременным его переводом под действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях свидетельствует о том, что федеральный законодатель продолжает рассматривать данное деяние как правонарушающее, однако по-иному оценивает характер его общественной опасности. Применительно к вопросу о введении административной ответственности за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, на основании вступившей в силу с 15 июля 2016 года статьи 6.1.1 КоАП Российской Федерации это означает не исключение, а смягчение публично-правовой ответственности, что, следовательно, — в силу вытекающих из конституционных принципов справедливости и равенства требований неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение, а также определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в общей системе правового регулирования — предполагает привлечение лиц, совершивших такие действия, хотя и до указанной даты, к административной ответственности. В иных случаях при оценке последствий изменения отраслевой принадлежности норм, устанавливающих наказуемость определенных форм поведения (например, при введении уголовной ответственности вместо административной или при отказе от уголовной ответственности в пользу административной, что, в свою очередь, влечет усиление либо смягчение санкции соответствующей нормы), также следует иметь в виду не только совпадение объема запрещенного деяния (по признакам, характеризующим его объективную и субъективную стороны, субъекта, потерпевшего, предмет посягательства), но и одновременность изменения природы его противоправности, поскольку лишь синхронные изменения законодательной оценки тождественных деяний означают преемственность правового регулирования публично-правовой ответственности. При этом перевод деяния из категории преступлений в группу административных правонарушений, влекущий смягчение ответственности за его совершение, не может расцениваться как ухудшение правового положения лица, совершившего такое деяние (Постановление от 14 июня 2018 года № 23-П).

Нередко бывают и ситуации, когда «маятник» уголовной политики законодателя движется в обратную сторону в короткое время.

Например, отнесенная Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ к административным правонарушениям клевета чуть больше чем через полгода была вновь криминализована (Федеральный закон от 28 июля 2012 года № 141-ФЗ).

При этом возникла проблема исполнения назначенных в «промежуточный» период административных наказаний. Определением от 10 октября 2013 года № 1485-О Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению жалобы граждан (которые оспаривали конституционность соответствующих норм КоАП РФ), указав на возможность возмещения имущественного ущерба и морального вреда, причиненного административным правонарушением, в порядке гражданского судопроизводства.

Но такие изменения законодательства были и с другими деяниями, такими как лжепредпринимательство, создание фирм-однодневок (статьи 173, 173¹ УК Российской Федерации), а еще ранее — с размером хищения, признаваемого мелким.

Подобные маятниковые колебания, особенно в части поспешной криминализации новых общественных явлений, ведут, с нашей точки зрения, к умалению значения Уголовного кодекса РФ как кодифицированного акта и этот эффект умаления усиливается в еще большей степени в связи с использованием законодателем неопределенного понятийного аппарата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.
2. Верховенство права как фактор экономики / Международная коллективная монография; под редакцией Е. В. Новиковой, А. Г. Федотова, А. В. Розенцвайга, М. А. Субботина. — М.: Мысль, 2013.
3. *Гилинский Я. И.* Криминологические основы уголовного права в эпоху постмодерна // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. / Отв. ред. В. С. Комиссаров. — М.: Проспект, 2016. — С. 294–298.
4. *Гилинский Я. И.* Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалистъ. — 2016. — № 1 (18). — С. 3–8.
5. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. — М.: Волтерс Клувер, 2009
6. *Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М.* Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития // Российское правосудие. — 2018. — № 9. — С. 14–28.

РАЗДЕЛ I

SECTION I

*Андреева Л. А.*¹
Andreeva L. A.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

PROBLEMS OF CRIMINAL POLICY AGAINST CORRUPTION

Аннотация. Автор рассматривает основные направления уголовно-правовой политики по противодействию коррупции, анализирует уголовно-правовые нормы, определяющие ответственность за коррупционные преступления, эффективность наказания. Автор полагает, что эффективность мер уголовно-правового воздействия на фигурантов коррупционных преступлений следует рассматривать в целом в системе уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: коррупция, преступление, уголовная политика, наказание, конфискация имущества.

Summary. The author examines the main directions of the criminal law policy on combating corruption, analyzes the criminal law rules that determine responsibility for corruption crimes, the effectiveness of punishment. The author believes that the effectiveness of measures of the criminal-legal impact on persons involved in corruption crimes should be considered as a whole in the system of criminal-legal policy.

Keywords: corruption, crime, criminal policy, punishment, confiscation of property.

Противодействие коррупции в России во многом связано с выработкой уголовной и антикоррупционной политики в области взаимодействия власти и общества. Более двух десятков лет ведущие ученые занимаются разработкой законодательства о противодействии коррупции. Как подчеркивал В. В. Лунев: «У нас многое есть для более эффективной борьбы с коррупцией, но у нас нет главного — политической воли. А без нее все наши интеллектуальные потуги бесполезны. Коррупция стала нашей конституцией, а ответственность за нее — повседневной практикой»². Уголовно-правовое понятие коррупции отсутствует, не указан и сам термин. Однако уголовное право и криминология участвуют в процессе противодействия коррупции, а последовательное утверждение национальных планов противодействия коррупции можно рассматривать как некое отражение политической воли,

¹ АНДРЕЕВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА, доцент кафедры теории и практики управления Новгородского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, кандидат юридических наук (В. Новгород) / ANDREEVA LUBOV ALEKSANDROVNA, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Management of the Novgorod Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D in Law.

² Лунев В. В. Юридическая статистика: Учебник. — М.: Юристь, 2000. — С. 112.

направленное на совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и исполнительного производства. Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» определил дальнейшие перспективы развития антикоррупционной политики в сфере экономики и финансов, в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, совершенствование системы запретов, ограничений и требований, направленных на защиту субъектов предпринимательской деятельности от злоупотреблений служебным положением со стороны должностных лиц, устранения пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции. В частности, мероприятия, определенные Национальным планом, направлены на совершенствование системы запретов, повышение эффективности механизмов предотвращения конфликта интересов, ограничений, в том числе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд отдельными юридическими лицами³.

Переход к бюджетному финансированию расширил сферу «личного усмотрения» при принятии решений, возникновения спецпроектов, зон экономического благоприятствования, налоговых льгот, которые не обеспечили реализацию прав собственников и акционеров, контрактных прав, установления прозрачности деятельности организаций и предприятий, увеличили шансы появления у чиновников поводов принимать меры воздействия, в том числе посредством контроля со стороны аффилированных лиц⁴.

Отсутствие единого подхода к определению содержания коррупции затрудняет учет и контроль распространенности коррупционных преступлений, оставляет открытым вопрос определения границ воздействия норм уголовного закона, требует систематизации законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции, унификации форм статистической отчетности о результатах реализации мер по противодействию коррупции.

Прежде чем реформировать уголовную политику, целесообразно проанализировать ситуацию, в том числе в экономической сфере. Среди факторов, влияющих на отношения в сфере экономической преступности, можно указать отдельные коррупционные решения, во многих случаях по разным причинам непредсказуемые, а статистический разрыв между количеством выявленных преступлений и приговорами настолько велик, что не позволяет объективно

³ Указ Президента РФ от 29.06.2018— № 378 (в ред. от 06.07.2018) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/ (дата обращения 18.10.2018).

⁴ *Андреева Л.А.* Аффилированность как признак коррупционности власти и бизнеса // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. — № 4(4). — Новосибирск: СИБАК, 2017. — С. 19.

определить обоснованность применения мер уголовной ответственности даже по отдельным составам преступлений. В целом затруднена оценка необходимости и достаточности запретов, так как субъекты экономики вступают в сложные, нередко деформированные, структурированные и многозвенные коррупционные экономические отношения, носящие признаки организованной преступности.

Среди областей, наиболее подверженных коррупционным рискам, рассмотрим осуществление закупок. В процессе закупок применяются различные виды конкурентных и неконкурентных способов, в том числе в электронной форме, с ограниченным участием либо закупки у единственного поставщика. В целом, формы закупки, в основном как антикоррупционный механизм, исчерпаны и требуют дальнейшего совершенствования в виде антикоррупционной оговорки, применяемой в договорах, заключаемых по результатам торгов. Именно в этом случае бизнес дает гарантии отсутствия элементов коррумпированности, аффилированности и наличия конфликта интересов⁵.

Данный механизм следует распространить, прежде всего, на механизмы предупреждения, направленные на создание системы криминологического анализа и прогнозирования коррупционных последствий изменений в экономике, а понятия «аффилированного лица», «конфликта интересов» применять в качестве квалифицирующего признака отдельных составов групповых преступлений, когда лица, заведомо зная об обстоятельствах, желали и достигли преступного результата.

Например, оказались не эффективными меры по установлению ограничений для бывших государственных или муниципальных служащих после увольнения со службы в течение двух лет, для замещения должностей в коммерческих и некоммерческих организациях. Основным критерием запрета послужило то, что отдельные функции государственного управления данными организациями входили в должностные (служебные) обязанности служащего, но не рассматривается умысел, возникающий у бывшего служащего, направленный на достижение преступного результата.

Исходя из особенностей взаимоотношений между хозяйствующими субъектами и «субъектами власти» и анализируя экономическую коррупцию, следует выделить два основных направления: во-первых, хозяйствующий субъект вопреки интересам общества, добивается решения, обращаясь к субъекту власти, имеющему собственный экономический интерес, который трансформируется в общий коррупционный интерес; во-вторых, наоборот, для реализации экономического интереса хозяйствующего субъекта требуется выполнение субъектом власти служебных обязанностей, однако наличие

⁵ Андреева Л.А. Там же. — С. 20.

у него коррупционного экономического интереса приводит к тому, что он отказывается от выполнения своих должностных обязанностей.

При системном анализе нормативных правовых актов обычно обнаруживаются коррупционные факторы, например в концессионных соглашениях. Это возможно при анализе всего текста соглашения, а не его отдельных норм, в том числе достаточно обнаружить ложные цели и нормативные коллизии. Например, инвестиции могут быть подменены бюджетным финансированием, несвойственным органам местного самоуправления полномочия по заключению концессионного соглашения требуется неукоснительно исполнить⁶.

В мировом сообществе в экономике наблюдается повышение роли некоммерческих организаций. Подобный «организованный общественный сектор» получает государственное и муниципальное имущество от органов власти, бюджетное финансирование, в значительной степени обеспечен государственным заказом. «Аффилированные» некоммерческие организации (НКО) имеют бюджетное финансирование, это ставит их в привилегированное положение перед другими юридическими лицами, в чем усматриваются нарушения конкуренции. В отдельных случаях они регистрируются только с целью участия в конкурсах, своеобразного «осваивания» господдержки и получения субсидий. Российское законодательство не проводит разграничения разных типов НКО, в связи с чем распространяются различные льготы и преференции, что позволяет усматривать коррупционность данных отношений⁷.

Рассмотрев отдельные особенности противодействия коррупции, следует отметить, что необходимо правовое регулирование в отношении отдельных юридических лиц, находящихся в «особом статусе», отдельных «аффилированных» лиц и лиц, замещающих должности государственной и муниципальной службы, а также отдельных форм организации государственно-частного партнерства, способствующих возникновению коррупции.

Уголовный кодекс Российской Федерации в действующей редакции не дает определения самого понятия коррупции или как таковых преступлений коррупционной направленности. Данное определение приведено в п. «а» ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁸. Указанный закон относит к коррупционным преступлениям: злоупотребление служебным положением — ст. 285 УК РФ, получение взятки — ст. 290 УК РФ, дачу

⁶ Андреева Л. А. Криминологические особенности коррупционной составляющей концессии // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф. — № 5(5). — Новосибирск: СибАК, 2017. — С. 14.

⁷ Там же. — С. 18.

⁸ Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008. — № 273-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения 18.10.2018).

взятки — ст. 291 УК РФ, злоупотребление полномочиями — ст. 201 и ст. 202 УК РФ, коммерческий подкуп — ст. 204 УК РФ либо другое незаконное использование физическим лицом своего должностного положения, действия которого будут противоречить законным интересам общества и государства. Коррупционеры преследуют цель получить выгоду — деньги, ценности, другое имущество или услуги имущественного характера, иные имущественные права для себя или для третьих лиц, либо незаконное совершение этих деяний от имени или в интересах третьих лиц. Анализ перечня преступлений, которые относятся к коррупционным, не является исчерпывающим. В УК РФ содержатся и другие разновидности общественно опасных деяний, имеющих коррупционную направленность, ответственность за которые предусмотрена в различных разделах и главах УК РФ (в частности предусмотренных статьями 159, 160, 292, 304 УК РФ). Следует рассматривать, как преступления против национальной безопасности нецелевое использование или хищение бюджетных средств государственного оборонного заказа. По мнению А. Н. Хоменко, наказания за такие преступления следует приравнять к пресечению финансирования терроризма⁹. Примечательно, что данные преступления зачастую совершаются лицами, возглавляющими борьбу с коррупцией, злоупотребляющими служебным положением должностных лиц правоохранительных и контрольных органов, в том числе применяющими необоснованные оперативно-розыскные мероприятия.

Учитывая имеющиеся результаты борьбы с коррупцией, Национальный план по противодействию коррупции на 2018–2020 годы, предусматривает подготовку законопроектов по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, в том числе конфискацию имущества как меры наказания. Автор подчеркивает, что конфискация должна стать важнейшим уголовно-правовым институтом. Вместе с тем также следует установить контроль за расходами лиц, подозреваемых в совершении коррупционных преступлений, и с последующим обращением в доход Российской Федерации имущества, обнаруженного при расследовании таких преступлений.

Как показывает практика, политика либерализации отношений в борьбе с преступлениями коррупционной направленности к положительным результатам не привела. М. К. Журавлев отмечает, произошло снижение наказаний по 118 составам преступлений, исключен так называемый нижний предел наказания, по ряду составов преступлений в качестве основного наказания

⁹ Хоменко А. Н. Вопросы уголовно-правовой политики наказания за преступления коррупционной направленности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2015.— № 1 (13). — С. 53.

предусматривается штраф¹⁰. Вместе с тем, наоборот, необходимо предусмотреть расширение перечня видов имущества, подлежащего обращению в доход Российской Федерации (включая денежные средства и иные ценности, предметы роскоши), если в отношении такого имущества не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Предложение о включении запретов, распространяемых на супругов чиновников, близких родственников и свойственников, весьма «расплывчато» и не связано с конфискацией имущества, обнаруженного в ходе предварительного расследования. После установления указанного имущества, следственным органам, согласно п. 8 ст. 73 УПК РФ, требуется доказать, что имущество, на основании ст. 104¹ УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходом от этого имущества, либо, использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления. Что неизбежно влечет возрастание объема и сложности расследования соответствующих уголовных дел.

Автор полагает, что средства супругов, родственников и свойственников могут быть использованы с целью формирования источника средств для уплаты штрафа — своеобразное «страхование» риска привлечения к уголовной ответственности и осуждения. В подобных случаях штрафы будут уплачены, однако это не приведет к снижению уровня коррупции. С другой стороны, использование субъектами коррупционных преступлений (супругами, родственниками и свойственниками) имущества послужат созданию схем сокрытия преступных доходов, видимости невозможности уплаты штрафа. Сложно вести оперативную разработку системных коррупционных преступлений, совершаемых чиновниками, с большим количеством посредников, сложными комбинациями, связями фигурантов в правоохранительных органах.

До настоящего времени возникают проблемы квалификации действий посредника во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) по сумме взятки при наличии нескольких посредников. Специальная норма (ст. 291.1 УК РФ) отменяет общую (ч. 5 ст. 33 и ст. 290 УК РФ или ч. 5 ст. 33 и ст. 291 УК РФ). Несовершенство редакции ст. 291¹ УК РФ не должно преодолеваться путем нарушения известных правил квалификации преступлений при конкуренции норм. Как особая разновидность пособничества во взяточничестве не теряет специфических свойств из-за того, что размер взятки не достигает значительного.

Остается дискуссионным вопрос об уголовной ответственности взяткодателей. Например, М. К. Журавлев предлагает отказаться от уголовной ответственности взяткодателей, если взятки даются за совершение должностным лицом в пользу взяткодателя или указанных им лиц законных действий,

¹⁰ Журавлев М. К вопросу о назначении наказания за коррупционные преступления // Уголовное право. — 2013. — № 5. — С. 67–70.

а наказывать только за подстрекательство, когда в результате взятки должностное лицо совершает противоправное действие — злоупотребление властью или превышение власти. М. К. Журавлев подчеркивает, что в таком случае была бы разорвана та цепочка, которая связывает взяточдателя с взякополучателем, и значительно была бы облегчена задача разоблачения последнего¹¹.

Как отмечает О. Е. Калпинская, в повышении эффективности наказания за коррупционные преступления, сыграет положительную роль конфискация имущества в качестве вида уголовного наказания. Это способствовало бы возрастанию социальной справедливости, а также поддержало финансовую политику государства, нацеленную на преодоление экономического кризиса¹². Автор полагает, что расширение перечня лиц, супругов, родственников и свойственников, подпадающих под меры конфискации имущества, полученного преступным путем, в определенной степени повысит эффективность уголовно-правовых мер по противодействию коррупционным преступлениям. Таким образом, следует отметить, что только средствами уголовно-правового запрета невозможно преодолеть угрозу от преступлений коррупционной направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева Л. А.* Аффилированность как признак коррупционности власти и бизнеса // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. № 4(4). — Новосибирск: СибАК, 2017. — С. 19.
2. *Андреева Л. А.* Криминологические особенности коррупционной составляющей концессии // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф. № 5(5). — Новосибирск: СибАК, 2017. — С. 14.
3. *Журавлев М.* К вопросу о назначении наказания за коррупционные преступления // Уголовное право. — 2013. — № 5. С. 67–70.
4. *Калпинская О. Е.* Уголовно-правовая политика современной России в сфере противодействия коррупции. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-sovremennoy-rossii-v-sfere-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения 18.10.2018)
5. *Лунеев В. В.* Юридическая статистика: Учебник. — М.: Юристь, 2000. — С. 112.
6. *Хоменко А. Н.* Вопросы уголовно-правовой политики наказания за преступления коррупционной направленности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2015. — № 1 (13). — С. 52–57.

¹¹ *Журавлев М.* К вопросу о назначении наказания за коррупционные преступления // Уголовное право. — 2013— №5. — С. 67–70.

¹² *Калпинская О. Е.* Уголовно-правовая политика современной России в сфере противодействия коррупции. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-sovremennoy-rossii-v-sfere-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения 18.10.2018)

Антонова Е. Ю.¹

Antonova E. Y.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ

SOCIAL DANGER AS A BASIS FOR THE CRIMINALIZATION OF ACTS

Аннотация. В статье рассматривается общественная опасность как основание криминализации деяний. Автор приходит к выводу о том, что оценка общественной опасности должна базироваться как на типовых ее критериях, которые могут быть заложены в конструкцию состава преступления, так и обстоятельствах, характеризующих конкретное деяние или лицо, его совершившее.

Ключевые слова: криминализация, общественная опасность, характер общественной опасности, степень общественной опасности, преступление.

Summary. The article deals with the social danger as the basis of the criminalization of acts. The author comes to the conclusion that the social danger assessment should be based both on its typical criteria that can be laid down in the design of the corpus delicti and on the circumstances characterizing the particular act or the person who committed it.

Keywords: criminalization, social danger, nature of social danger, degree of social danger, crime.

Основным материальным признаком всех преступлений является общественная опасность. При этом не всякое общественно опасное деяние должно считаться преступлением и влечь уголовную ответственность². Например, не являются преступлениями общественно опасные деяния, совершаемые лицами, не подлежащими уголовной ответственности в силу невменяемости или недостижения установленного законом возраста.

Интересным в этой связи представляется мнение В.М. Когана, считающего, что общественная опасность деяний и их обозначенность в качестве преступления в уголовном законе могут не совпадать. Обосновывая данное утверждение, автор приводит следующее соотношение общественной опасности и уголовной противоправности: 1) все, что общественно опасно, запрещено уголовным законом, и наоборот; 2) все, что общественно опасно, запрещено уголовным законом, но не все, что запрещено уголовным законом, общественно опасно; 3) не все, что общественно опасно, запрещено уголовным законом, но все, что запрещено уголовным законом, общественно опасно; 4) не все, что

¹ АНТОНОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права», доктор юридических наук, доцент; ANTONOVA ELENA YURIEVNA, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Khabarovsk State University of Economics and Law, Doctor of Law, Associate Professor.

² *Беляев Н.А.* Избранные труды. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — С. 81.

общественно опасно, запрещено уголовным законом, и не все, что запрещено уголовным законом, общественно опасно³.

Верными представляются утверждения и о том, что преступление — это всегда синтез двух составляющих: общественной опасности деяния и его оценки государством⁴, а общественная опасность — это «уголовно-политический ориентир для распределения энергии и силы государственного реагирования на преступность»⁵. Не бесосновательным является высказывание Е. В. Епифановой, согласно которому общественная опасность является зависимой и производной от уголовной политики государства⁶.

В научной литературе отмечается, что общественная опасность деяния не зависит от воли законодателя. От законодательного запрета или его отсутствия не повышается и не понижается объективно причиненный ущерб, выраженный, как правило, в материальных показателях. Законодатель лишь оценивает общественную опасность преступления на уровне его типичных черт и выражает эту оценку в уголовно-правовой санкции⁷.

Отсюда и возникает потребность выработки единых критериев оценки общественной опасности преступления и лица, его совершившего, с тем, чтобы не допускать хаотичности в процессе криминализации деяний, которую мы наблюдаем в последние годы (например, декриминализация клеветы и ее повторная криминализация через очень короткий промежуток времени).

«Типовая степень общественной опасности, — пишет Т. А. Лесниевски-Костарева, — отличается тем, что она характеризует степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, регламентирована в законе. ... В законе невозможно отразить индивидуальные черты содеянного и опасность конкретной личности. ... В отличие от типовой степени общественной опасности индивидуальная степень характеризует более мелкие перепады в степени общественной опасности в сравнении с типизированной степенью либо те из значительных перепадов, которые не являются

³ Коган В. М. Социальные свойства преступности: учеб. пособ. // Российский криминологический взгляд. — 2011. — № 1. — С. 103–153.

⁴ Криминология: учебник / Г. А. Аванесов и др.; под ред. Г. А. Аванесова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М., 2013. — С. 195.

⁵ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. — М., 2014. — С. 33.

⁶ Епифанова Е. В. Концепция уголовно-правовой политики России как средство управления процессом противодействия преступности // Вестник Самарской гуманитарной академии. — Сер. Право. — 2009. — № 2(6). — С. 75.

⁷ Коган В. М. Указ. соч. С. 106, 110; Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. — 2009. — № 4. — С. 19.

обычными для данной категории дел и вследствие этого не могут быть типизированы в законе»⁸.

Важность выработки критериев оценки общественной опасности преступления и лица, его совершившего, обусловлена тем, что именно общественная опасность является базовым основанием криминализации деяний, выделения привилегирующих и квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава преступления, построения санкций уголовно-правовых норм. Кроме того, характер и степень общественной опасности кладется в основу категоризации преступлений, учитывается при применении институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания, а также при назначении наказания. В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Именно характер и степень общественной опасности деяния лежит в основе разграничения преступлений и иных правонарушений.

Заметим, что в зависимости от характера общественной опасности, а именно от ценности объекта посягательства, все преступления группируются законодателем по признакам родового и видового объектов.

По мнению некоторых ученых (Г. Ю. Лесников, Н. А. Лопашенко, П. А. Фефелов⁹), общественно опасное поведение является единственным основанием для криминализации деяния.

С таким утверждением сложно согласиться, поскольку при криминализации деяний необходимо оценивать не только его общественную опасность, но и его относительную распространенность, причины и условия, порождающие данное деяние, возможность борьбы с ним уголовно-правовыми средствами и целый ряд других моментов.

Например, по мнению А. Э. Жалинского, необходимо отталкиваться от следующего набора требований, достаточных для признания общественной опасности поведения, подлежащего уголовно-правовому запрету: а) причинение и возможность причинения деянием не поддающегося полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, то есть правовым благам, имеющим конституционный ранг; б) распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных

⁸ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. — М., 2000. — С. 57.

⁹ Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Понятие уголовной политики, ее содержание и принципы // Энциклопедия уголовного права. — СПб., 2005. — Т. 1. — С. 75; Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. — 1970. — № 11. — С. 101–105.

членов общества; в) явная социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещаемых деяний, причиняемого вреда или его опасности, отраженная в достигнутом политическом или ином консенсусе о необходимости уголовного наказания; г) доказанная непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда; д) субъектно-объективное противопоставление деяния существующим социальным запретам при наличии иного выбора¹⁰.

Е. В. Рогова считает, что криминологическими основаниями закрепления привилегирующих и квалифицирующих признаков являются: 1) меньшая или большая общественная опасность деяния, не нашедшая полного отражения в законодательной конструкции основного состава; 2) свойства личности виновного, которые не нашли достаточно полного выражения в признаках общественно опасного деяния, наряду со свойствами, которые проявляются в общественно опасном поведении; 3) определенная степень распространенности; 4) определенные условия, способствующие совершению преступления, оказывающие провоцирующее воздействие на лицо, а также уменьшающие степень общественной опасности деяния и лица, его совершившего, — для привилегирующих признаков¹¹.

Вместе с тем считаем, что отправной точкой процесса криминализации деяний должна стать оценка его характера и степени общественной опасности. Только общественно опасное деяние может быть криминализировано, а отпадение общественной опасности является основанием для декриминализации преступления.

На важность такого критерия, как общественная опасность деяния, неоднократно указывал и Конституционный Суд РФ: «...уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, а его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет ограничивать его от иных противоправных, а тем более законных деяний, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования»

¹⁰ Жалинский А. Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й—Международ. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. — М., 2009. — С. 48–52.

¹¹ Рогова Е. В. Криминологические основания закрепления признаков, дифференцирующих уголовную ответственность // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. — 2015. — № 4 (75). — С. 79.

(постановления от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П, от 16 июля 2015 г. № 22-П и др.).

В науке уголовного права существуют разные мнения относительно понятия общественной опасности и ее критериев. Вместе с тем анализ существующих точек зрения позволяет утверждать, что общественная опасность — это способность деяния причинять вред или создавать угрозу причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Так, по мнению Н. Д. Дурманова, общественную опасность преступления определяют само деяние, значение объекта преступления, причиненный деянием вред, конкретные условия места, времени и обстановки совершения деяния, элементы субъективной стороны, свойства субъекта и способ совершения преступления¹².

Ю. И. Ляпунов полагает, что «уголовно-правовая общественная опасность — это определенное объективное антисоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающее в себе реальную возможность причинения вреда (ущерба)... общественным отношениям, поставленным под охрану закона»¹³.

Представляется обоснованным суждение А. Э. Жалинского, полагавшего, что общественная опасность должна представлять собой такую систему отражающих показателей, которые должны получать общую оценку именно как система, как состав наличия или отсутствия общественной опасности путем взвешивания и сопоставления позиций. Отсутствие необходимых признаков общественной опасности, так же как и в случае отсутствия противоправности, вины, влечет вывод о невозможности признания деяния преступлением¹⁴.

Исходя из этого, полагаем, что системообразующими компонентами (критериями, показателями, признаками) общественной опасности, которые должны приниматься во внимание законодателем в процессе криминализации деяний, являются: 1) ценность объекта посягательства (характер общественной опасности); 2) негативные последствия, наступающие или могущие наступить в результате совершения деяния (при этом учитывать необходимо не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду) и их тяжесть (степень общественной опасности); 3) особенность совершенного деяния и его интенсивность (в частности, выбранный лицом способ для совершения деяния — насилие, особая жестокость, обман и т. д.; избранные им орудия и средства

¹² Дурманов Н. Д. Понятие преступления. — М., 1948.

¹³ Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. — М., 1989. — С. 45.

¹⁴ Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 2 / Сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов; отв. ред. О. Л. Дубовик. — М., 2015. — С. 231.

совершения деяния и др.), а также место, время, обстановка его совершения (степень общественной опасности); 4) форма вины, мотив и цели совершенного деяния; 5) совершение деяния в соучастии (необходимо учитывать вид и форму соучастия — данный критерий может быть учтен законодателем как в процессе криминализации деяния, так и судом в процессе назначения наказания; а вот характер и степень фактического участия лица в совершении преступления невозможно учесть в процессе криминализации деяний, данный критерий может быть оценен только судом при назначении наказания исходя из конкретных обстоятельств дела); 6) повторность, систематичность совершения деяния, в том числе наличие рецидива (отказавшись в 2003 году от учета рецидива преступлений в качестве криминообразующего признака конкретных преступлений, законодатель вновь начал класть его в основу криминализации некоторых деяний, например, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ); 7) восприятие деяния обществом как вредного, общественно опасного.

Указанный перечень нельзя признавать закрытым, исчерпывающим, поскольку категория общественной опасности является оценочной, а ее критерии исторически изменчивыми. К примеру, совершение преступления в состоянии опьянения в некоторые исторические периоды признавалось обстоятельством смягчающим наказание, а в некоторые — отягчающим. Изначально в действующем уголовном законодательстве совершение преступления в состоянии опьянения расценивалось как нейтральное. В настоящее же время законодатель установил, что «судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения...» (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ). Более того, данный признак можно встретить и в качестве криминообразующего в некоторых составах преступления (ч. 2, 4, 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ).

Свой вклад в оценку степени общественной опасности вносит и судебная практика. Так, Верховный Суд РФ в постановлении от 20 сентября 2018 г. № 32 указал, что при решении вопроса о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети суду **следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного** и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы

данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений. Кроме того, при решении вопроса о малозначительности указанного деяния судам необходимо учитывать размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию.

Фактически в приведенном положении Верховный Суд РФ устанавливает критерии оценки общественной опасности конкретного преступления.

Соответственно анализ всех компонентов общественной опасности должен базироваться как на типовых ее критериях, которые могут быть заложены в конструкцию состава преступления, так и обстоятельствах, характеризующих конкретное деяние или лицо его совершившее. Именно поэтому законодатель, например, регламентирует обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ст. 61, 63 УК РФ), которые не брались в расчет при конструировании конкретного состава преступления, но при определенных обстоятельствах могут свидетельствовать о меньшей или большей степени общественной опасности совершенного деяния или лица его совершившего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики. — М.: Проспект, 2014.
2. *Беляев Н. А.* Избранные труды. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
3. *Дурманов Н. Д.* Понятие преступления. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
4. *Епифанова Е. В.* Концепция уголовно-правовой политики России как средство управления процессом противодействия преступности // Вестник Самарской гуманитарной академии. — Сер. Право. — 2009. — № 2(6). — С. 72–76.
5. *Жалинский А. Э.* Избранные труды: в 4 т. Т. 2 / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов; отв. ред. О. Л. Дубовик. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
6. *Жалинский А. Э.* Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правосознания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. — М., 2009. — С. 48–52.
7. *Козан В. М.* Социальные свойства преступности: учеб. пособ. / Академия МВД СССР. — М., 1977. — 92 с.
8. *Криминология: учебник / Г. А. Аванесов и др.; под ред. Г. А. Аванесова.* — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

9. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. — М., 2000.
10. *Ляпунов Ю.И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. — М.: Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989.
11. *Прозументов Л.М.* Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. — 2009. — № 4. — С. 18–24.
12. *Рогова Е.В.* Криминологические основания закрепления признаков, дифференцирующих уголовную ответственность // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. — 2015. — № 4 (75). — С. 74–80.
13. *Фефелов П.А.* Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. — 1970. — № 11. — С. 101–105.
14. Энциклопедия уголовного права. — СПб., 2005. — Т. 1.

Бекмагамбетов А. Б.¹
Bekmagambetov A. B.

**Уголовная политика в сфере противодействия торговле людьми:
международные стандарты и национальный опыт (на примере
Республики Казахстан). Некоторые аспекты**

**CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF COUNTERACTION TO HUMAN
TRAFFICKING: THE INTERNATIONAL STANDARDS AND NATIONAL EXPERIENCE
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN). SOME ASPECTS**

Аннотация. В настоящей публикации проанализированы вопросы развития уголовной политики и эволюции уголовного законодательства в сфере противодействия торговле людьми в контексте реализации международных стандартов.

Ключевые слова: торговля людьми, международные стандарты, уголовная политика.

Summary. In the present publication questions of development of criminal policy and evolution of the criminal legislation in the sphere of counteraction to trafficking in persons in the context of implementation of the international standards are analysed.

Keywords: trafficking in persons, international standards, criminal policy.

В концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, утвержденной Указом Президента №858 от 24 августа 2009 года, закреплено, что в условиях глобализации данный социальный регулятор имеет всевозрастающий международно-правовой аспект и нацеленность на защиту долгосрочных национальных интересов во внешнеполитической сфере, обеспечение взаимовыгодного сотрудничества на международной арене в двусторонних и многосторонних форматах².

¹ БЕКМАГАМБЕТОВ АЛИМЖАН БАУРЖАНОВИЧ, заместитель директора Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по науке, член экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член межведомственной комиссии по борьбе с торговлей людьми при акимате Костанайской области, к. ю. н., доцент (г. Костанай, Республика Казахстан); BEKMAGAMBETOV ALIMZHAN BAURZHANOVICH, Deputy Director of the Kostanay Branch of «Chelyabinsk State University» for Science, Member of the Expert Council of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan, Member of the Interdepartmental Commission on Combating Human Trafficking in the Akimat of Kostanay Region, Ph.D in Law, Associate Professor (Kostanay, Republic of Kazakhstan).

² [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741>.

В новейший период наша страна установила дипломатические отношения со 183 государствами³.

Противодействие торговле людьми и преступлениям, связанным с ней, стало предметом правового регулирования не только в ратифицированных документах ООН, но и в 22 принятых в рамках СНГ и ЕАЭС международных договорах и соглашениях⁴. Кроме того, подписано 13 двусторонних договоров с государствами дальнего зарубежья по оказанию взаимной правовой помощи по уголовным делам.

В рамках реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, Закона Республики Казахстан № 37-IV от 4 июня 2008 года «О ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности», решения Совета глав государств Содружества Независимых Государств «О программе сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми на 2014–2018 годы», в стране сформирован определенный правовой механизм, наработан отечественный опыт.

На протяжении свыше 20 лет свою роль выполняют Миссия организации по миграции в Республике Казахстан, Центр Организации безопасности и сотрудничества в Европе в г. Астана, Союз кризисных центров Казахстана, ряд неправительственных организаций, СМИ во всех регионах страны.

В модельных, типовых, рекомендательных актах Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ сформирован оптимальный понятийно-категориальный аппарат. В нем базовыми терминами являются «торговля людьми» и «преступления, связанные с торговлей людьми». Они соотносятся как главный (основной) и производный (корреспондирующий).

В 2008 году ратифицированы Конвенция о рабстве⁵ и Палермский протокол Конвенции против транснациональной организованной преступности. В последнем впервые дано унифицированное определение понятия торговли

³ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/diplomatia-zarsysy-zaa-mausymda>

⁴ Подробнее см.: Аналитический доклад «Актуальные проблемы защиты прав трудящихся-мигрантов и жертв торговли людьми в Республике Казахстан». Под общей редакцией Куаныша Султанова, Тастемира Абишева. — Астана: Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан, 2017. — С. 144–147.

⁵ Закон РК от 5 февраля 2008 года — № 19-IV «О ратификации Конвенции о рабстве от 7 декабря 1953 года и Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7.09.1956 года» // Ведомости Парламента РК-2008-№ 2–3 (2508) — Ст. 10.

людьми. В обсуждении последнего из вышеперечисленных документов довелось принимать участие нам посредством направления письменных предложений через Управление внутренней политики акимата Костанайской области в соответствующий отдел Администрации Президента Республики Казахстан⁶.

На 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ был принят пакет значимых документов: Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми⁷, Модельный закон «О противодействии торговле людьми»⁸, Модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми»⁹, Комментарий к модельному законодательству СНГ в сфере противодействия торговле людьми¹⁰.

Сегодня на передний план выходит многосторонность (полисубъектность), проактивность стратегии (стратегия опережающих мер), комплексность сотрудничества на глобальном, региональном, субрегиональном уровнях.

На планетарном уровне мониторинговую деятельность осуществляет Управление по наркотикам и преступности ООН, отражая результаты в периодических аналитических обзорах под названием *Global report trafficking in persons* (Всемирный доклад о торговле людьми). Изучение таких обзоров от 2009, 2012, 2014 и 2016 годов, охватывающих 2003–2014 годы, позволяет выявить общие и региональные тренды развития преступности, связанной с торговлей людьми. В свою очередь, Республика Казахстан ведет собственную информационно-аналитическую работу по выполнению взятых на себя

⁶ Бекмагамбетов А.Б. Сравнительная таблица к проекту Концепции Закона Республики Казахстан по имплементации норм Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // Актуальные проблемы сравнительного правоведения в современный период развития отношений между Республикой Казахстан и Российской Федерацией: материалы международной научной научно-практической конф., посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 15-летию Конституции Республики Казахстан, а также председательствованию Казахстана в ОБСЕ (30 марта 2010 года). Костанай, 2010. — С. 67–85.

⁷ Постановление— №30–13 от 30 апреля 2008 года // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ-2008. — № 42. — С. 390.

⁸ Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ-2008. — № 42. — С. 301.

⁹ Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ-2008. — № 42. — С. 354.

¹⁰ Приложение к постановлению МПА СНГ от 23.11.2012 г. №38–19 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ-2012. — № 56.

международных обязательств в сфере прав человека, включая защиту от преступлений, связанных с торговлей людьми¹¹.

Это выражается в принятии законов РК от 4 июля 2001 года № 219 «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии»¹², от 26 декабря 2002 года № 367 «О ратификации Конвенции о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Конвенция 182)»¹³, от 14 декабря 2005 года № 100 «О ратификации Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами и Заключительного протокола»¹⁴.

В Рекомендациях по унификации и гармонизации законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми, на наш взгляд, весьма удачно обозначены контуры правовой политики противодействия торговле людьми. Кроме того, что очень важно, было предписано осуществлять взаимодействие в части закрепления в законодательстве государств-участников СНГ унифицированных правовых дефиниций, определяющих:

- 1) само понятие «торговля людьми» и его составных элементов, таких как «купля-продажа», «иные сделки с человеком», «вербовка», «рабство», «обращение в рабство», «положение (состояние), сходное с рабством», «долговая кабала», «подневольное состояние», «крепостное состояние», «шантаж», «эксплуатация», «сексуальная эксплуатация»;
- 2) иные понятия в сфере торговли людьми, такие как «преступления,

¹¹ Второй периодический доклад о выполнении Республикой Казахстан Международного пакта о гражданских и политических правах. Утвержден постановлением Правительства РК от 03.12.2014 г. № 1271. — Астана, 2014; Второй периодический национальный доклад Республики Казахстан в рамках Универсального периодического надзора по правам человека. Утвержден постановлением Правительства РК от 29.09.2014 г. № 1038. — Астана, 2014; Первый периодический доклад о мерах, принятых Республикой Казахстан в целях осуществления Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. Утвержден постановлением Правительства РК от 27.05.2014 г. № 547. — Астана, 2014. — 22 с.; Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие (Генеральная Ассамблея): Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах рабства, включая его причины и последствия, Гульнар Шяхинян. Совет по правам человека от 26.08.2014 г. — Женева, 2014; Первоначальный доклад о мерах, принятых Республикой Казахстан в целях осуществления Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Утвержден постановлением РК от 6.05.2004 г.

¹² Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2001. — № 15–16. — Ст. 220.

¹³ Казахстанская правда. — 2002. — 31 дек. — № 289–290.

¹⁴ Казахстанская правда. — 2005. — 21 дек. — № 347–348.

связанные с торговлей людьми», «жертва торговли людьми», «уязвимое положение», «социальная адаптация жертвы торговли людьми», «социальная реабилитация жертвы торговли людьми» и др.

Проблематика торговли людьми в Республике Казахстан постоянно находится в зоне уголовно-правового регулирования.

Экспертами выделяются три периода новейшей истории эволюционирования уголовного законодательства, предшествующих принятию новой редакции УК РК: 1997–2003 годы, 2004–2007 годы и 2008–2013 годы¹⁵. В УК РК 1997 года «изменения и дополнения в него были внесены 80 законами»¹⁶.

Скорость обновления УК 2014 года не менее впечатляющая: с 1 января 2015 года 19-тью законами внесены очередные поправки. Об отсутствии стабильности уголовного законодательства свидетельствуют следующие данные. Например, с момента принятия действующего Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года (далее — УК) до 1 сентября 2017 года было принято 15 законов Республики Казахстан, которыми внесены изменения и дополнения в 28 статей Общей части и 73 статьи Особенной части. Если учесть, что в редакции двадцати одной статьи изменения вносились 2 раза, в редакции одной статьи — 3 раза, а редакцию одной статьи (ст. 3 УК) — 8 раз, то получается, что общее количество изменений, внесенных в УК за довольно короткое время, прошедшее с момента принятия УК до 1 сентября 2017 года (прошло 3 года 1 месяц 27 дней), равно 130, то есть в среднем условно один раз в каждые 8,7 дней¹⁷. Однако, в целом, это отдельная тема для анализа. В общем тренде находилась и проблематика противодействия торговле людьми.

Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми» от 2 марта 2006 года № 131-III ЗРК¹⁸ были внесены поправки в УК РК, ужесточающие ответственность за торговлю людьми — состав преступления,

¹⁵ Уголовное законодательство Республики Казахстан: проблемы и пути совершенствования: Аналитический отчет по теме фундаментального и научно-прикладного исследования / Институт законодательства Министерства юстиции РК. — Астана, 2013. — С. 5.

¹⁶ Там же. — С. 22.

¹⁷ Проблемы совершенствования законодательства об административных правонарушениях и уголовного законодательства Республики Казахстан (пути устранения нестыковок, пробелов и других недостатков) (за 2017 год). Заключение отчет об итогах фундаментального и прикладного научного исследования / ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан». — Астана, 2018. — С. 6.

¹⁸ Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми» от 4 июля 2013 года — № 127-IV ЗРК // Казахстанская правда. — 2006. — 11 марта.

«имеющий качественно новое содержание и разработанный при учете норм международного права»¹⁹.

Законодатель принял за основу положения, закрепленные в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. и в целях выполнения международных обязательств унифицировал понятие торговли людьми, повысил санкций от 5 до 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества²⁰.

Отдельно стоит отметить, что законодатель впервые дал аутентическое толкование понятия эксплуатации человека. В дальнейшем в этом русле проводились реформы с акцентом на защиту от эксплуатации, в особенности детей. Поэтому 23 ноября 2010 г. был принят закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения защиты прав ребенка»²¹.

В соответствии с ним в Законе РК «О правах ребенка» появился ряд социально-значимых новелл: ст. 16–1 «Право ребенка на защиту от экономической эксплуатации», ст. 39–41–1 «Защита ребенка от информации, наносящей вред его здоровью, нравственному и развитию», «Защита ребенка от действий по вовлечению в оборот продукции, наносящей вред его здоровью, нравственному и духовному развитию», «Защита ребенка от незаконного перемещения», а в УК РК: ст. 132¹ «Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией», ст. 273¹ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних либо привлечение для участия в зрелищных мероприятиях».

Законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми» от 4 июля 2013 года № 127-IV ЗРК²² были внесены поправки в УК РК, ужесточающие ответственность за торговлю людьми — состав преступления, «имеющий качественно новое содержание и разработанный при учете норм международного права»²³. Этим же НПА было внесено еще одно важное

¹⁹ Уголовное законодательство Республики Казахстан: проблемы и пути совершенствования. Аналитический отчет по теме фундаментального и научно-прикладного исследования / Институт законодательства Министерства юстиции РК. — Астана, 2013. — С. 5.

²⁰ Специальный доклад «Актуальные проблемы защиты прав человека в сфере противодействия торговле людьми в Республике Казахстан» / Под общ. ред. К. Султанова, Т. Абишева / Комиссия по правам человека при Президенте РК. — Астана, 2015. — С. 31.

²¹ Казахстанская правда. — 2010. — 27 нояб. — С. 10.

²² Казахстанская правда. — 2013. — 11 июля. — № 230 (27504).

²³ Уголовное законодательство Республики Казахстан: проблемы и пути совершенствования. Аналитический отчет по теме фундаментального и научно-прикладного

новшество, отвечающее эталонным стандартам Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Примечание к статье 128 УК РК «Торговля людьми» дополнялось пунктом 4 следующего содержания: «преступлениями, связанными с торговлей людьми, признаются преступления, предусмотренные статьей 113, пунктом 113, пунктом «б») части третьей статьи 125, пунктом «б») части третьей статьи 126, статьями 128, 132–1, 133, 270 и 271 настоящего Кодекса»²⁴.

На сегодняшний день в составе уголовно-правового инструментария также нормативное постановление №7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми» от 29.12.2012 г.²⁵ с последующими поправками²⁶. Заметим, что проект вышеназванного документа проходил процедуру согласования и получил экспертное заключение соответствующих структур ОБСЕ. На данный момент в целях выполнения международных обязательств проводится мониторинг характерных трендов развития судебной практики и составлено два обобщения по материально-правовым и уголовно-процессуальным, а также виктимологическим аспектам: «Обобщение судебной практики по уголовным делам, связанным с торговлей людьми за 2013 и 2014 годы (предусмотренным статьями 125 ч. 3 п. «б», 126 ч. 3 п. «б», 128, 132–1, 133, 270, 271 УК)»²⁷.

В целом, выполнение Республикой Казахстан международных обязательств в сфере противодействия торговле людьми осуществляется преимущественно посредством ратификации Конвенций ООН (всего свыше 60 документов), прямым следствием чего выступают:

- составление и защита соответствующих докладов о текущей ситуации с обеспечением прав и свобод человека, выявленных проблемных (постановочных) вопросов, перспективах дальнейшего совершенствования правотворческой, правоохранительной и правозащитной политики;
- приведение в соответствие норм действующего уголовного

исследования / Институт законодательства Министерства юстиции РК. — Астана, 2013. — С. 5.

²⁴ Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми» от 4 июля 2013 года— №127-V // Казахстанская правда. — 2013. — 11 июля. — №230 (27504); Ведомости Парламента РК. — 2013. — №15. — Ст. 78.

²⁵ Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. — 2013. — №1. — С.22–26.

²⁶ Нормативное постановление— №3 «О внесении изменений дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» // Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. — 2017. — №4. — С. 31–34.

²⁷ Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. — 2015. — №12. — С.36–64.

законодательства (права) посредством криминализации или пенализации деяний в сфере торговли людьми на основе расширительного или ограничительного подхода к интерпретации. Уполномоченным субъектом совершенствования норм УК является высший законодательный орган — Парламент РК, а совершенствования норм уголовного права — Верховный суд РК. Особо следует отметить процедуру согласования проектов нормативного постановления Верховного Суда в сфере противодействия торговле людьми. В плане резервов совершенствования уголовной политики в части выполнения международных стандартов, следует отметить необходимость формирования и развития криминологического законодательства, в структуре которого обязательно должен быть базовый (специальный) закон о торговле людьми. Тем более, что это прямо вытекает из предписаний ООН и МПА СНГ, которыми даже предложены типовой и модельный законодательные акты о борьбе с данным глобальным злом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми» от 4 июля 2013 года № 127-IV ЗПК // Казахстанская правда. — 2006. — 11 марта.
2. Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми» от 4 июля 2013 года № 127-V // Казахстанская правда. — 2013. — 11 июля. — № 230 (27504); Ведомости Парламента РК. — 2013. — № 15. — Ст. 78.
3. Закон РК от 5 февраля 2008 года № 19-IV «О ратификации Конвенции о рабстве от 7 декабря 1953 года и Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7.09.1956 года» // Ведомости Парламента РК. — 2008. — № 2–3 (2508). — Ст. 10.
4. Нормативное постановление № 3 «О внесении изменений дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» // Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. — 2017. — № 4.
5. Аналитический доклад «Актуальные проблемы защиты прав трудящихся-мигрантов и жертв торговли людьми в Республике Казахстан» / Под общей редакцией Куаныша Султанова, Тастемира Абишева / Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан. — Астана, 2017.
6. Второй периодический доклад о выполнении Республикой Казахстан Международного пакта о гражданских и политических правах. Утвержден постановлением Правительства РК от 03.12.2014 г. № 1271. — Астана, 2014.
7. Второй периодический национальный доклад Республики Казахстан в рамках Универсального периодического надзора по правам человека. Утвержден постановлением Правительства РК от 29.09.2014 г. № 1038. — Астана, 2014.

8. Первоначальный доклад о мерах, принятых Республикой Казахстан в целях осуществления Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Утвержден постановлением РК от 6.05.2004 г.
9. Первый периодический доклад о мерах, принятых Республикой Казахстан в целях осуществления Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. Утвержден постановлением Правительства РК от 27.05.2014 г. № 547. — Астана, 2014. — 22 с.
10. Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие (Генеральная Ассамблея): Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах рабства, включая его причины и последствия, Гульнары Шахинян. Совет по правам человека от 26.08.2014 г. — Женева, 2014.
11. Специальный доклад «Актуальные проблемы защиты прав человека в сфере противодействия торговле людьми в Республике Казахстан» / Под общ. ред. К. Султанова, Т. Абишева / Комиссия по правам человека при Президенте РК. — Астана, 2015.
12. *Бекмагамбетов А. Б.* Сравнительная таблица к проекту Концепции Закона Республики Казахстан по имплементации норм Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // Актуальные проблемы сравнительного правоведения в современный период развития отношений между Республикой Казахстан и Российской Федерацией: материалы Международной научной научно-практической конф., посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 15-летию Конституции Республики Казахстан, а также председательствованию Казахстана в ОБСЕ (30 марта 2010 года). — Костанай, 2010. — С. 67–85.
13. Проблемы совершенствования законодательства об административных правонарушениях и уголовного законодательства Республики Казахстан (пути устранения нестыковок, пробелов и других недостатков) (за 2017 год). Заключительный отчет об итогах фундаментального и прикладного научного исследования / ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан». — Астана, 2018.
14. Уголовное законодательство Республики Казахстан: проблемы и пути совершенствования: Аналитический отчет по теме фундаментального и научно-прикладного исследования / Институт законодательства Министерства юстиции РК. — Астана, 2013.

Берестовой А. Н.¹
Berestovoy A. N.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

**IMPLEMENTATION OF THE CITIZENS' RIGHT FOR JUSTIFIED DEFENSE
(HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)**

Аннотация. В статье исследуются тенденции развития в отечественном уголовном законодательстве такого правового явления как необходимая оборона. В частности, указывается на незыблемость позиций данного института в уголовно-правовом регулировании прав каждого человека на защиту собственных интересов, а также интересов других лиц. Отмечается устойчивость его позиций в Российском уголовном законодательстве вне зависимости от вносимых в него изменений качественного и количественного характера.

Ключевые слова: необходимая оборона, условия правомерности необходимой обороны, обстоятельства, исключающие преступность деяния, преступление, условия правомерности, правомерный поступок, уголовно-правовая квалификация.

Summary. The article examines the development trends of such a legal phenomenon as a necessary defense in the domestic criminal legislation. In particular, it is pointed out the inviolability of the positions of this institution in the criminal law regulation of the rights of each person to protect their own interests, as well as the interests of others. The stability of its position in Russian criminal legislation is noted regardless of the changes of a qualitative and quantitative nature introduced into it.

Keywords: necessary defense, conditions of necessary defense, legality circumstances precluding criminality of an act, crime, conditions of legality, lawful act, criminal law qualification.

Одним из древнейших обстоятельств, исключающих преступность деяния, является институт необходимой обороны, он присущ уголовному законодательству на всех этапах его развития.

Человеку, как впрочем и любому живому существу, от природы дано чувство выживания. Это чувство самосохранения вложено в человека природой с рождения и не оставляет его до конца жизни. Каждый человек стремится

¹ БЕРЕСТОВОЙ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург); BERESTOVOY ANDREY NIKOLAEVICH, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor (St. Petersburg) /

к самосохранению, с одной стороны, инстинктивно, а с другой — сознавая свое право на защиту по закону. Именно в силу этого стремления к самосохранению человек старается избежать опасности и принимает все меры к ее устранению различными путями. По авторитетному утверждению Ю. Н. Юшкова: «Необходимая оборона как акт человеческого поведения основывается на инстинкте живых существ защищать себя от опасности. В ответ на угрозу человек пытается ей противодействовать или нейтрализовать ее»².

С появлением понятия преступления против жизни одновременно в юридической науке возникает понятие самозащиты. Великий отечественный криминалист А. Ф. Кони утверждал, что «в первобытном состоянии общества, когда оно еще не выработалось в правильно организованное современное государство, сознание о праве не имело в себе ничего объективного. Всякий руководствовался своими личными, субъективными воззрениями на право, и считал им то, что ему в данном случае заблагорассудится считать за право. С другой стороны, всякий и защищал свое право собственными силами и средствами. Очевидно, здесь господствовала сила, только сильный мог защититься как следует, и только право кулачное признавалось всеми, безусловно». По мере исторического развития общества крепнет государство, роль личности при защите правопорядка слабеет, отступает на второй план. Отдельному индивиду нужно все меньше и меньше быть в постоянной боевой готовности. В этот исторический период развития общества «первоначальная широта прав отдельного лица в области защиты и восстановления своих нарушенных прав по мере укрепления государственной власти сужается. Если на ранних стадиях развития человеческого общества отдельный гражданин не только защищал себя сам, но и сам возвращал себе похищаемое и сам мстил нарушителю своего права, то сейчас из всего этого комплекса прав осталось только право необходимой обороны»³.

Самостоятельная физическая защита себя и своей семьи, имущества уступает место государственной защите. Право необходимой обороны лежит в личных, естественных неотъемлемых правах, принадлежащих любому человеку от рождения.

Причинение смерти нападающему является одной из самых древних форм дозволенного причинения смерти. О ней знало законодательство почти всех государств, даже рабовладельческого периода. Типичным примером этого является убийство вора, застигнутого на месте совершения преступления. Еще Платон писал: «Если кто очно убьет вора, захватив его при попытке ограбить

² Юшков Ю. Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Государство и право. — 1992. — № 4. — С. 61.

³ Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. — М., 1996. — С. 8.

дом, тот не виновен; кто, обороняясь убьет грабителя, тот не виновен; если кто совершит убийство, защищая своего отца, не сделавшего ничего нечестивого, или свою мать, детей, братьев, супругу, то он совершенно не виновен»⁴. С дальнейшим развитием общества в целом, и уголовного права в частности институт необходимой обороны находил различные обоснования. Признанные классики права римские юристы — считали право необходимой обороны прирожденным и рассматривали его как «*jus gentium*». В качестве исторического примера приведем известное высказывание Цицерона о необходимой обороне, которая есть неписанный, но необходимый закон — «*est haec non scripta sed nata lex*»⁵. Необходимо отметить, что Римское право не дает четкого определения необходимой обороны, а смотрит на необходимую оборону как на нечто естественное, личное субъективное право гражданина, которое дается ему от рождения, и вытекающее из его положения в обществе. В тот период развития права не существовало общих правил, каждый случай рассматривался отдельно. Судебная практика того времени была таковой, что для того, чтобы убедить судью, достаточно было убедить его поставить себя на место действовавшего лица, находящегося в состоянии необходимой обороны, чтобы удостовериться, насколько обороняющийся достиг цели защиты.

Интересен, с точки зрения истории развития данного вопроса, взгляд на неотъемлемое субъективное право человека со стороны религии. Тут необходимо отметить, что позиция религии к праву необходимой обороны, не взирая на политические события, столетиями не менялась. В XIX веке А. Ф. Кони по этому поводу писал: «Церковь не только не смотрела на лицо, убившее кого-нибудь в необходимой обороне, как на преступника, но даже не видела в нем и великого грешника. Церковь не считает необходимую оборону безнравственной. Тот, с кем случилось такое несчастье, что он, обороняясь, пролил кровь брата своего должен на основании канонического права и, следуя влечению сердца, очиститься постом молитвой и милостыней. Церковь не налагает на него ни какого наказания. Она смотрит на него как на человека гораздо более достойного сожаления, чем проклятия. Налагаемое ею небольшое наказание, эпитимию, нельзя считать наказанием в истинном смысле этого слова»⁶.

Обращаясь к иудаизму, мы видим, что в нем защитные действия конкретизированы: «Если человека преследуют и он может защитить себя, не подвергая опасности жизнь тех, кто его преследует, то ему запрещается убивать. Но, если для преследуемого нет другого выхода, как убить, чтобы спастись,

⁴ Платон. Законы: в 15 томах. — Т. 14. — СПб.: Academia, 1923. — С. 109.

⁵ Ciceron. Pro Milione IV, Ulpian, D 43/Nº Donnedieu de Vabres. — P. 231.

⁶ Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. — М., 1996. — С. 65.

то ему разрешается опередить своего преследователя и убить его. «Встань, чтобы убить того, кто пришел убить тебя»⁷.

Исторически первыми памятниками по русскому праву были Договоры Олега и Игоря с греками (911 г., 945 г.), в которых содержались также нормы уголовного и гражданского права. В этих исторических документах не было специального правила определявшего понятие необходимой обороны, однако такое право допускалось при защите личности, собственности и выступало в форме убийства на месте преступления. В соответствии со статьей 4 договора Олега, в случае, если русич убьет византийца или византиец убьет русича, то виновный должен умереть на том месте, где совершил убийство. Здесь, как справедливо отмечает В. П. Долопчев, «необходимая оборона еще не выделяется из самоуправства»⁸.

На следующем этапе исторического развития Руси, в договоре Игоря, мы видим некоторые изменения. Например, в ст. 13 уже говорится, что убийца может быть задержан и лишен жизни ближайшими родственниками убитого, но вместе с тем допускались определенные ограничения расправы над преступником при совершении имущественных преступлений. Статья 6 договора Олега говорит, что собственник имеет право убить только противящегося вора. Но если вор не станет сопротивляться и будет задержан, то хозяин может только связать его.

Правовые нормы о необходимой обороне содержатся и в другом памятнике русского права — «Русской правде». В этом историческом памятнике, в нормах, которые можно отнести к необходимой обороне, говорится о том, что защита допускается главным образом при нарушении имущественных прав. По «Русской правде» разрешалось убивать ночного вора, который не сдается. Если же собственник убьет связанного вора или вора, который был задержан до рассвета, то должен платить за него уголовный штраф. Хозяин мог преследовать вора только в пределах своего жилища, за воротами же убивать было нельзя.

Из сказанного можно сделать вывод, что древнерусское законодательство вводило определенные ограничения при осуществлении права на необходимую оборону. Право задерживать преступника и причинять ему какой-либо вред предоставлялось только собственникам и ближайшим родственникам убитого. Что касается права необходимой обороны при посягательстве на личность, то в «Русской правде» указывалось: «Если кто ударит другого батоном,

⁷ Шварц Й. Семь законов торы народам мира. — М., 1993. — С. 102.

⁸ Долопчев В. П. О праве необходимой обороны // Юридический вестник. — 1874.

а защищающийся ткнет мечом, то вины ему в том нет»⁹. Можно сказать, что здесь в определенной степени сделана попытка определить некоторые условия соразмерности (правомерности) нападения и защиты при необходимой обороне.

Свое дальнейшее развитие право граждан на необходимую оборону получило в Уложении 1649 года. А. А. Берлин писал, что «только в Уложении 1649 года, а позднее в Воинских артикулах и Морском Уставе мы находим уже довольно подробное регулирование необходимой обороны»¹⁰.

Однако, по мнению А. Ф. Кони, Уложение составлено на основании прежних русских узаконений, где определены и ясно указаны границы необходимой обороны, что является огромным шагом вперед против господствовавшего прежде самосуда. Вместе с тем постановления эти довольно отрывочны и разбросаны, представления о необходимой обороне не сложились еще в отдельные, связанные между собой правила¹¹.

Необходимая оборона допускалась при защите личности, собственности, а также при защите интересов третьих лиц. При этом причинение вреда нападающему считалось ненаказуемым, если имело целью отражение противозаконного нападения. Этим определялись границы необходимой обороны, что давало возможность отличать защитные действия от преступлений против личности.

Вопросы применения необходимой обороны в законодательстве Петра I нашли свое отражение в Воинских артикулах 1716 г. и в Морском Уставе 1720 г. Хочется отметить, что Уставы эти составляют первое полное теоретическое изложение основ уголовного права по военному делу. Если в Уложении 1649 г. необходимая оборона излагалась в разных статьях и разделах, то здесь она впервые получила специальное название: «Нужное оборонение». Правила «Нужного оборонения» излагались в главе о смертоубийстве, так как под правом необходимой обороны понималось право убийства нападающего. Воинские артикулы признавали необходимую оборону при посягательстве на жизнь, а Морской Устав — и при нападении, угрожающем здоровью.

В последующие годы издавались нормативные акты, в которых в той или иной степени упоминалось о праве необходимой обороны. В 1731 г. был издан Указ, которым запрещалось оборона при насильственном завладении землями. В Манифесте о поединках, изданном в 1787 г., упоминается о необходимой

⁹ *Владимирский-Буданов Н. Ф.* Обзор истории русского права. — СПб., 1909. — С. 312.

¹⁰ *Берлин А. А.* О необходимой обороне. — Ярославль, 1911. — С. 8.

¹¹ *Кони А. Ф.* О праве необходимой обороны. — М., 1996. — С. 65.

обороне, вместе с тем содержится требование немедленного донесения начальству об этой обороне.

В 1832 г. уголовное законодательство России было кодифицировано, уголовные законы составили пятнадцать томов Свода законов. Уголовный кодекс, получивший название «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», в определенной степени отразил принципы западноевропейского права. В Уложении 1832 г. вопросы необходимой обороны рассматривались как в общей, так и в особенной частях. Следует отметить, что в Уложении 1832 г. не нашел отражения институт превышения пределов необходимой обороны. Данный институт получил свое признание в Уголовном Уложении 1903 г. В частности, статья 435 устанавливала, что превышение пределов обороны чрезмерностью или несвоевременностью защиты наказывается только в случаях, особо указанных законом.

Значительные изменения в теории уголовного права и практике применения права на необходимую оборону произошли в связи с политическими событиями октября 1917 г. Как отмечает А. В. Косарев, после революции взгляд на необходимую оборону и преступления, совершенные с ее превышением, несколько отошел от общепринятых в демократических государствах понятий. Понятие необходимой обороны в советском уголовном праве впервые было дано в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. В соответствии со статьей 15 «не применялось наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или другой личностью, и если совершенное насилие не превышает мер необходимой обороны»¹².

Следующая в хронологическом порядке норма о необходимой обороне была закреплена в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Ст. 19 определяла, что не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны¹³.

Далее норма о необходимой обороне регламентировалась в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. Ст. 92 Основных начал гласила: «Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены лишь в состоянии

¹²Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. — М., 1919. — С. 29.

¹³Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / Под ред. И. Т. Голякова. — М., 1953. — С. 118.

необходимой обороны против посягательств на советскую власть и революционный порядок, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны»¹⁴.

Эта норма практически полностью была повторена в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. Необходимая оборона в тот период рассматривалась как обстоятельство, исключающее наказуемость деяния. В теории уголовного права отсутствовало четкое определение понятия необходимой обороны.

Одним из важных источников официального толкования рассматриваемого института стало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1959 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне», в котором отмечен ряд основополагающих моментов о порядке применения статьи 13 УК «Необходимая оборона», в т. ч. обращено внимание судов на противоречащее законодательству положение, согласно которому «...лицо, подвергшееся нападению, не вправе активно защищаться, если имеет возможность спастись бегством, обратиться за помощью к гражданам, к органам власти или избрать какие-либо иные способы, не носящие характера активного противодействия посягающему»¹⁵.

Следующим нормативным источником применения права на необходимую оборону, имеющему немаловажное значение как для развития теории уголовного права, так и для практики, стало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»¹⁶.

Нужно отметить, что статья о необходимой обороне, действовавшая более 30 лет, в какой-то мере способствовала развитию инициативы граждан в борьбе с преступными посягательствами, а также устраняла некоторые правовые разночтения, существовавшие в прежних редакциях. И все же нужно признать, что она носила несколько декларативный характер. Провозглашая конституционное право граждан на защиту своих прав и законных интересов, она в то же время так и не давала гражданину четких ориентиров правомерности действий в состоянии необходимой обороны¹⁷.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. — Ч. 2. — М., 1978. — С. 69.

¹⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1986. — М., 1987. — С. 69.

¹⁷ *Акимошкин В.* Нападение и защита // Российская юстиция. 1998. — № 1. — С. 15–16.

Для соблюдения исторической справедливости отметим, что в 1991 г. был подготовлен проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик, который не был утвержден. В соответствии с ч. 1 ст. 23 названного проекта «не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

В результате можно констатировать, что в настоящее время необходимо социально и криминологически обусловленное совершенствование института необходимой обороны. Завершая рассмотрение развития права на необходимую оборону, приведем высказывание А. Ф. Кони: «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне существует исстари и никогда не перестанет существовать»¹⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимочкин В. Нападение и защита // Российская юстиция. — 1998. — № 1.
2. Берлин А. А. О необходимой обороне. — Ярославль, 1911.
3. Владимирский-Буданов Н. Ф. Обзор истории русского права. — СПб., 1909.
4. Долопчев В. П. О праве необходимой обороны // Юридический вестник. — 1874.
5. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. — М., 1996.
6. Платон. Законы: в 15 томах. — Т. 14. — СПб.: Academia, 1923.
7. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. — М., 1919.
8. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 / Под ред. И. Т. Голякова. — М., 1953.
9. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. — Ч. 2. — М., 1978.
10. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1986. — М., 1987.
11. Cicero. Pro Milione IV, Ulpian, D 43/№ Donnedieu de Vabres.
12. Шварц Й. Семь законов торы народам мира. — М., 1993.
13. Юшков Ю. Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Государство и право. — 1992. — № 4.

¹⁸ Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. — М., 1996. — С. 10.

Бокуч Е. Ю.¹
Vokuts E. Yu.

**ДЕЯНИЕ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА
ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ
(СТ. 251 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**ACT AS A MAIN ELEMENT OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME BODY
OF THE AIR POLLUTION (ART. 251 CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Аннотация. Автор статьи рассматривает проблемы привлечения к уголовной ответственности за загрязнение атмосферы. Автором дается толкование деяния как обязательного признака объективной стороны состава загрязнения атмосферы.

Ключевые слова: атмосфера; загрязнение воздуха; уголовная ответственность; состав преступления; деяние.

Summary. The author of the article studies problems of imposition of criminal liability for atmosphere pollution. The author gives an interpretation of the main element of the objective side of the body of crime of the air pollution.

Keywords: atmosphere, air pollution, criminal liability, body of the crime, act.

Объективная сторона любого состава преступления в качестве обязательного признака включает в себя общественно опасное деяние в виде действия или бездействия, установление наличия которого является существенным этапом процесса квалификации преступлений. Деяния, охватываемые ст. 251 Уголовного кодекса Российской Федерации², абстрактно описаны в части первой настоящей статьи — это нарушения правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ и нарушения правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов.

Как видим, данная диспозиция нормы уголовного закона является бланкетной и отсылает к требованиям природоохранного законодательства, закрепленным в Федеральном законе от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»³ и других многочисленных нормативных правовых актах.

¹ БОКУЦ ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА, старший помощник Ленинградского межрайонного природоохранного прокурора Ленинградской области, кандидат юридических наук; BOKUTS ELENA YURYEVNA, Senior Assistant of the Leningrad Interdistrict Environmental Prosecutor of the Leningrad Region, PhD in Law.

² СПС «Консультант Плюс».

³ Федеральный закон от 04.05.1999— № 96-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об охране атмосферного воздуха» // СПС «Консультант Плюс».

Так, Научно-исследовательским институтом охраны атмосферного воздуха (НИИ Атмосфера) Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации в результате систематизации действующего законодательства установлено, что на территории Российской Федерации по состоянию на 2014 год действует 693 законодательных, нормативных и инструктивно-методических документа в области охраны атмосферного воздуха⁴. При этом в это число не были включены нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха.

Между тем в соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха» к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха относятся принятие законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством; осуществление в пределах своей компетенции координации деятельности физических и юридических лиц в области охраны атмосферного воздуха; введение ограничений на передвижение транспортных средств в населенных пунктах, местах отдыха и туризма, на особо охраняемых территориях в целях уменьшения выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух и др. В рамках осуществления данных полномочий ими могут устанавливаться региональные правила охраны атмосферного воздуха, так как регулирование общественных отношений в сфере охраны окружающей среды в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В связи с этим возникает вопрос о возможности наступления уголовной ответственности за нарушение требований регионального законодательства об охране атмосферного воздуха. Считаем, что на данный вопрос следует ответить утвердительно. В противном случае лица, допустившие нарушения региональных запретов и ограничений, установленных в целях предотвращения чрезвычайных ситуаций с учетом состояния окружающей среды в конкретном субъекте Российской Федерации, повлекшие загрязнение атмосферы, могли бы избежать заслуженного наказания.

Данный вывод подтверждается разъяснениями, данными в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», согласно которому при рассмотрении дел об экологических правонарушениях судам следует руководствоваться

⁴ Открытое акционерное общество «Научно-исследовательский институт охраны атмосферного воздуха» (ОАО «НИИ Атмосфера»). Перечень законодательных, нормативных и инструктивно-методических документов в области охраны атмосферного воздуха. — СПб., 2014. — С. 3.

положениями гражданского, административного, уголовного и иного отраслевого законодательства, в том числе положениями Земельного, Лесного, Водного кодексов Российской Федерации, Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», другими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды и природопользования⁵.

Таким образом, полагаем возможным привлечение к уголовной ответственности по ст. 251 УК РФ за нарушение нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации по вопросам охраны атмосферного воздуха.

При квалификации конкретного общественно опасного деяния по ст. 251 УК РФ необходимо установить наличие нарушения действующего законодательства об охране атмосферного воздуха, а именно: нарушения нормы (группы норм) определенного нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в данной сфере.

В связи с тем, что в диспозиции нормы уголовного закона указаны две группы нарушений правил охраны атмосферного воздуха, некоторые авторы выделяют два самостоятельных основных состава преступления. Однако приводимые ими понятия нарушения правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ и нарушения правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов взаимосвязаны и даже пересекаются⁶. Это обусловлено тем, что действующее законодательство об охране атмосферного воздуха не кодифицировано, и его разделение на две вышеприведенные группы норм является весьма условным и спорным. Нормативные правовые акты, регулирующие отношения в данной сфере, и их отдельные положения могут содержать одновременно как правила выброса в атмосферу загрязняющих веществ, так и правила эксплуатации установок, сооружений и иных объектов.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012— № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «Консультант Плюс».

⁶ См., напр.: Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / Под общ. ред. Председателя Верховного Суда РФ, докт. юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.М. Лебедева; отв. ред. канд. юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ А.В. Галахова. — М.: ИД «Городец», 2009. — С. 704; Применение ответственности за экологические правонарушения: Учебно-методическое пособие для практических работников / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. О.Л. Дубовик. — М.: ИД «Городец», 2007. — С. 155–157; *Тангиев Б.Б.* Экокриминалогия. Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Под общ. редакцией В.П. Сальникова; предисловие Д.А. Шестакова. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. — С. 308–309.

Так, например, ст. 18 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха», устанавливающей общие правила выбросов вредных (загрязняющих) веществ при хранении, захоронении, обезвреживании и сжигании отходов производства и потребления, запрещено сжигание загрязняющих атмосферный воздух отходов без специальных установок.

Такой же, по существу, запрет содержится и в п. 5.7 раздела 5 «Гигиенические требования к эксплуатации полигонов ТБО и их консервации» СанПиН 2.1.7.1038–01 «Гигиенические требования к устройству и содержанию полигонов для твердых бытовых отходов», введенных в действие постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30.05.2001 № 16⁷ и устанавливающих основные требования по эксплуатации полигонов твердых бытовых отходов, которые в отличие от мусороперерабатывающих заводов не имеют специальных установок для сжигания отходов и предназначены только для их хранения и захоронения.

С необходимостью разграничивать данные группы норм сталкивается правоприменительная практика, так как выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух в результате незаконных возгораний на полигонах твердых бытовых отходов являются одним из наиболее распространенных оснований возбуждения уголовных дел по ч. 1 ст. 251 УК РФ. Как правило, правоприменительная практика в сложных случаях идет по пути указания конкретного нарушения, не относя его к какой-либо группе норм, указанных в ч. 1 ст. 251 УК РФ⁸.

Также нельзя однозначно дать ответ на вопрос о том, к какой из вышеуказанных групп норм должно быть отнесено установленное п. 1 ст. 14 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха» требование об осуществлении выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух стационарным источником только на основании разрешения, выданного территориальным органом федерального органа исполнительной власти в области охраны окружающей среды, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды, в порядке, определенном Правительством Российской Федерации. К правилам выброса в атмосферу загрязняющих веществ

⁷ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 30.05.2001— № 16 «О введении в действие санитарных правил» (вместе с «СП 2.1.7.1038–01. 2.1.7. Почва, очистка населенных мест, отходы производства и потребления, санитарная охрана почвы. Гигиенические требования к устройству и содержанию полигонов для твердых бытовых отходов. Санитарные правила») // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — № 33. — 2001, 13 авг.

⁸ Архив Ленинградской межрайонной природоохранной прокуратуры за 2015 г., уголовное дело — № 410270.

стационарным источником или правилам эксплуатации стационарных источников выбросов загрязняющих атмосферу веществ?

Как показывают примеры из судебной практики, в таких случаях при описании признаков вменяемого подсудимому состава преступления в приговоре суды также уходят от конкретного отнесения тех или иных нарушений законодательства об охране атмосферного воздуха к одной из двух вышеуказанных групп нарушений.

Например, в обвинительном приговоре Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 16.02.2011 по делу № 1–72/2011 указано: «Зотов С. В. ... нарушил правила выброса в атмосферу загрязняющих веществ и эксплуатации установки при следующих обстоятельствах. ... Строительство асфальтобитумной установки ООО «<данные изъяты>» произведено без утвержденного проекта. На территории асфальтобитумного завода находится 6 труб, предназначенных для выброса отходов производства. Вместе с тем, блок рукавных фильтров установлен для очистки выбросов от продуктов горения, которые выходят из одной трубы. Остальные же трубы, из которых также выходят продукты горения, в частности битума, фильтрами не оборудованы, следовательно, продукты горения не очищаются, с вредными примесями попадают в атмосферный воздух. Кроме того, не разработаны предельно допустимые выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух. ... Вследствие этого, асфальтобитумный завод с установленной асфальтобитумной установкой и двумя резервуарами с битумом ... эксплуатировался в аварийном режиме, что повлекло выброс вредных веществ — азота диоксида и формальдегида. В результате этого выброс формальдегида превысил предельно допустимую концентрацию в 6,3 раза, а выброс азота диоксида превысил предельно допустимую концентрацию в 6,8 раза. Согласно заключению экологической судебной экспертизы в результате выброса в атмосферу загрязняющих веществ была создана угроза причинения существенного вреда окружающей среде. ... Действия Зотова С. В. подлежат квалификации по ч. 1 ст. 251 УК РФ, т. к. он нарушил правила выброса в атмосферу загрязняющих веществ и нарушил эксплуатацию установок, что повлекло загрязнение воздуха»⁹.

Таким образом, одно и то же действие может нарушать одновременно и правила выброса в атмосферу загрязняющих веществ, и правила эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, что позволяет говорить лишь об относительной самостоятельности этих составов преступлений.

⁹ Судебная практика [Электронный ресурс] // Росправосудие сайт: URL: <https://www.rospravosudie.com> (дата обращения 09.03.2016).

Полагаем, что данная конструкция была использована законодателем в целях общего описания наиболее распространенных противоправных деяний в сфере охраны атмосферного воздуха и в настоящее время не является совершенной. Кроме того, при применении буквального толкования ее содержания она не охватывает ряд нарушений, которые могут повлечь установленные уголовным законом общественно опасные последствия.

Например, к какой группе нарушений (нарушения правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушения правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов) отнести запрещенное законом сжигание отходов на их несанкционированной свалке, в результате которого имело место причинение вреда атмосферному воздуху воздействием высоких температур, или незаконное размещение на той же несанкционированной свалке радиоактивных отходов, повлекшее заражение атмосферного воздуха?

Вышеуказанные деяния в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха» подпадают под понятие «вредное физическое воздействие на атмосферный воздух» и непосредственно с выбросами вредных (загрязняющих) веществ в атмосферу могут быть и не связаны. А правила эксплуатации несанкционированных свалок отсутствуют и не могут быть приняты ввиду того, что их организация запрещена действующим законодательством. Применение к данным случаям правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов (например, правил эксплуатации полигонов бытовых и промышленных отходов) будет юридически не корректным.

В целях устранения вышеуказанного недостатка диспозиции уголовного закона и несоответствий между уголовным законом и действующим природоохранным законодательством в сфере охраны атмосферного воздуха полагаем возможным заменить формулировку ч. 1 ст. 251 УК РФ «нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений или иных объектов» на «нарушение правил охраны атмосферного воздуха». Это позволит устранить все сложности, возникающие при отнесении того или иного нарушения норм некодифицированного и несистематизированного законодательства об охране атмосферного воздуха к конкретной группе нарушений, поименованной в ст. 251 УК РФ, и упростить процесс квалификации преступлений, предусмотренных данной статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / Под общ. ред. Председателя Верховного Суда РФ, докт. юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. М. Лебедева; отв. ред. канд. юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ А. В. Галахова. — М.: ИД «Городец», 2009.

2. Открытое акционерное общество «Научно-исследовательский институт охраны атмосферного воздуха» (ОАО «НИИ Атмосфера»). Перечень законодательных, нормативных и инструктивно-методических документов в области охраны атмосферного воздуха. — СПб., 2014.
3. Применение ответственности за экологические правонарушения: Учебно-методическое пособие для практических работников / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. О. Л. Дубовик. — М.: ИД «Городец», 2007.
4. *Тангиев Б.Б.* Экокриминалогия. Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Б.Б. Тангиев. Под общ. редакцией В.П. Сальникова; предисловие Д. А. Шестакова. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.

Бычков С. Н.¹, Смирнов А. А.²
Buchkov S. N., Smirnov A. A.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

PUBLIC DANGER AS A CRIMINAL LEGAL CATEGORY

Аннотация. В статье анализируются точки зрения различных исследователей на содержание понятия «общественная опасность». Общественно опасное деяние является частью общего состава преступления. Делается вывод о необходимости создания эффективной концепции оценки общественной опасности деяний.

Ключевые слова: преступление, учение о преступлении, уголовное право, признак преступления, общественная опасность.

Summary. The article analyzes the views of various researchers on the content of the notion of «public danger». A socially dangerous act is part of the overall composition of the crime. It is concluded that it is necessary to create an effective concept for assessing the social danger of acts.

Keywords: crime, legal doctrine, criminal law, social dangerousness, pre-criminal danger to society, crime sign.

Вопросы общественной опасности и противоправности неоднократно и обстоятельно исследовались в науке уголовного права, преимущественно в аспекте их взаимодействия в понятии преступления, первичности и вторичности по отношению друг к другу. Мнение о приоритетности признака общественной опасности либо противоправности постоянно менялось. На необходимость учета общественной опасности как обязательного признака преступления указывали многие исследователи (несмотря на формальный подход к понятию преступления в законодательстве того периода). Так, Ходжалиев С. А. считает, что абсолютизация того или иного признака в ущерб другому не может способствовать адекватному восприятию сущности преступления. Преимущественной, по его мнению, является «смешанная» позиция;

¹ БЫЧКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», кандидат юридических наук, доцент; BUCHKOV SERGEY NIKOLAEVICH, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

² СМИРНОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, магистрант 3 курса Северо-Западного института управления ФГБОУ ВШ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»; SMIRNOV ALEKSEY ALEKSANDROVICH, the 3rd year undergraduate of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

она более компромиссна, меньше «будоражит» научную мысль, подвигая ее на поиски все новых аргументов в обоснование значимости того или иного признака (хотя научная дискуссия не есть плохо)³.

В теории советского уголовного права общепризнанным являлось положение, что материальное содержание преступления составляет общественная опасность. Наука советского уголовного права во все периоды своего развития понятие преступления связывала с общественной опасностью деяния. Тем не менее, исторически сложилось так, что на протяжении длительного периода в науке советского уголовного права общественной опасности не было посвящено ни одного специального монографического исследования.

Общественная опасность, ставшая аксиомой материального понимания преступления, интерпретировалась в теории советского уголовного права неоднозначно⁴, и несмотря на распространенность применения законодателем категории «общественная опасность», в уголовном законе ее сущность и содержание не раскрываются. В теории уголовного права, хотя и имеется достаточно много работ, так или иначе касающихся рассматриваемой проблемы, единообразного понимания исследуемой категории также не наблюдается.⁵

Категория «общественная опасность» является одной из основных категорий уголовного права, и, в то же время, одной из наименее определенных. В уголовном законе данная категория встречается довольно часто: при характеристике принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), характеристике времени совершения преступления (ст. 9 УК РФ), определении понятия преступления и его категорий (ст. ст. 14–15 УК РФ), определении так называемой «возрастной незрелости», невменяемости и «ограниченной вменяемости» (ст. ст. 20–22 УК РФ), характеристике вины, ее видов и невиновного причинения вреда (ст. ст. 25, 28 УК РФ), описании условий правомерности необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. ст. 37, 38 УК РФ), характеристике общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ) и т. д.

Уголовный кодекс РФ в ст. 14 определяет понятие преступления как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой наказания. Таким образом, одним из главных (материальных)

³ *Ходжалиев С. А.* Особенности формирования признаков общественной опасности и противоправности уголовно-правового бездействия // Молодой ученый. — 2015. — № 21. — С. 640.

⁴ *Балашов С. К.* Анализ различных точек зрения на содержание понятий: преступление, деяние и общественно опасные действия (бездействие) // Российский следователь. — 2015. — № 10. — С. 14–18.

⁵ *Ходжалиев С. А.* Цит. соч. — С. 641.

признаков преступления называется такое его свойство, как «общественная опасность».

В теории советского уголовного права одно из первых определений общественной опасности было сформулировано А. А. Пионтковским: «Общественная опасность преступного деяния порождается тем, что оно или непосредственно наносит вред социалистическим общественным отношениям, или заключает в себе возможность причинения соответствующего ущерба». Данная позиция стала преобладающей⁶. В современной уголовно-правовой доктрине рассматриваемая категория определяется аналогично. Так, А. П. Козлов определяет общественную опасность как «угрозу возникновения вреда или создание вреда существующим общественным отношениям»⁷. Ю. Е. Пудовочкин указывает: «Общественная опасность деяния проявляется в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Опасность (вредоносность) заключена в самом действии или бездействии лица, которое по своим внутренним характеристикам и свойствам является негативным социальным отклонением, угрожающем стабильности общества и безопасности составляющих его членов»⁸. Аналогично Ф. Н. Сотсков предлагает считать общественную опасность «внутренним свойством деяния, выраженным в объективной способности деятельности человека причинить или создать угрозу причинения вреда, которое находит свою юридическую оценку в запрете совершения деяния под угрозой наказания»⁹.

Э. А. Васильев указывает, что общественная опасность, являясь сложной, системной социально-правовой категорией, отражает особое качество противоправного деяния, угрожающего (либо нарушающего) условиям существования общества, определяя самую вредоносную разновидность правонарушений — преступления¹⁰.

Таким образом, определяя общественную опасность, большинство специалистов подчеркивают, что это свойство деяния, отражающее его способность

⁶ *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении. — М.: Юридическая литература, 1961. — С. 157.

⁷ *Козлов А. П.* Понятие преступления. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — С. 709.

⁸ *Чемеринский К. В.* Общественная опасность как категория уголовного права. — [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 02.10.2018)

⁹ *Сотсков Ф. Н.* Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — С. 8

¹⁰ *Васильев Э. А.* Административное правонарушение и преступление: общие черты и различия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 10–11.

причинять вред либо создавать угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям¹¹. В данной позиции вызывает возражение указание на «угрозу причинения вреда» общественно опасным деянием. Очевидно, указывая не на фактическое причинение вреда, а на угрозу его причинения, авторы имеют в виду неоконченное преступление, в первую очередь приготовление к нему, поскольку оконченное преступление во всех случаях причиняет конкретный вред общественным отношениям, а не создает опасность его причинения. Однако, учитывая нематериальный характер общественных отношений, являющихся объектом уголовно-правовой охраны, даже на этапе приготовления к преступлению, этим отношениям фактически причиняется вред, а не создается угроза его причинения, хотя степень этого вреда, конечно же, меньше, чем у оконченного преступления. Таким образом, общественная опасность — это качество деяния, отражающее его способность причинять вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям¹².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балашов С. К.* Анализ различных точек зрения на содержание понятий: преступление, деяние и общественно опасные действия (бездействие) // Российский следователь. — 2015. — № 10. — С. 14–18.
2. *Васильев Э. А.* Административное правонарушение и преступление: общие черты и различия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
3. *Козлов А. П.* Понятие преступления. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
4. Курс уголовного права. Общая часть. т. 1: Учение о преступлении. Учебник для ВУЗов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. — М., 2002.
5. *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении. — М.: Юридическая литература, 1961.
6. Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М.: РГУП, 2017
7. *Пудовочкин Ю. Е.* Учение о преступлении: избранные лекции. — М.: Юрлитинформ, 2008.
8. *Сотсков Ф. Н.* Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
9. *Ходжалиев С. А.* Особенности формирования признаков общественной опасности и противоправности уголовно-правового бездействия // Молодой ученый. — 2015. — № 21.
10. *Чемеринский К. В.* Общественная опасность как категория уголовного права. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 02.10.2017).

¹¹ Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие // РГУП / Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М., 2017. — С. 42

¹² *Пудовочкин Ю. Е.* Учение о преступлении: избранные лекции. — М.: Юрлитинформ, 2008. — С. 245

Винсе Вари¹
Vince Vári

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

SOCIAL AND LEGITIMACY DIMENSIONS OF THE POLICE EFFICIENCY

Аннотация. Результаты современных научных исследований в настоящее время играют более важную роль, чем количественные показатели, являющиеся результатом полицейской работы, а большинство показателей качества, например «признание общества» или доверие к полиции? стали более приемлемыми с научной точки зрения. Начиная с 1990-х годов, кроме описаний эффективности «utilitarianist», возникла необходимость «процессуального правосудия» и включения элементов социального равенства. Кроме того, достоверные данные не могут быть получены без учета местных социокультурных и криминологических характеристик. В целях обеспечения эффективной работы и устойчивого развития необходимо разработать и постоянно управлять системой измерения и оценки, которая, ориентируясь на конкретные области, дает нам обратную связь о содержании и изменении в деятельности полиции. Действующее в настоящее время в Венгрии регулирование вопросов эффективности полиции не имеет развитой методологии или устарело. Все это приводит к пониманию, что научного изучения эффективности полиции нельзя избежать, а пересмотр критериев эффективности, основанных на международных тенденциях, является своевременным. Это исследование предоставляет обзор соответствующих вопросов о важности социального измерения и легитимности действий полиции.

Ключевые слова: измерение производительности, эффективность, индикаторы, полиция, социальные измерения.

Summary. The results of modern scientific research now play a more important role than the quantitative indicators produced mainly during police work, and most indicators of quality — e. g. «public satisfaction» or trust in the police have become scientifically more and more acceptable. From the 1990s besides the «utilitarianist» efficiency narratives there is a need for «procedural justice» and the inclusion of social equality elements. In addition, no valid data can be obtained without taking into account local sociocultural and criminological characteristics. In order to ensure effective operation and sustainable development, it is necessary to develop and continuously operate a measurement and evaluation system which — focusing on specific areas — provides us with feedback on the content and changes of police. The

¹ ВИНС ВАРИ, доцент кафедры уголовно-процессуального права факультета правоприменения Национального университета государственной службы (Будапешт, Венгрия); VINCE VÁRI, Assistant Lecturer, National University of Public Service, Faculty of Law Enforcement, Institute of Criminal Sciences, Department of Criminal Procedure Law, Ph D. (Budapest, Hungary).

current Hungarian regulation on the questions of the efficiency of the police does not have a developed methodology or it is out-of-date due to its statistical approach. Taking all these into account, the scientific development of police efficiency cannot be avoided, and the revision of its criteria based on international trends is timely. This study besides providing an overview of the relevant questions about important of the social dimension and the legitimacy in police performance.

Keywords: performance measuring, efficiency, indicators, police, social dimensions.

In essence «efficiency orthodoxy» is the rational and practical use of resources and costs in order to produce the required product or service. Its axiom is that every production branch, process and service must be rationalised, while expenditure is minimised and profit maximised in order to achieve this. The question is whether the police as security provider exploits all the opportunities which determine its organization and operation socially and politically (i. e. uses the conditions optimally, that is rationalizes) in its own social medium (among its service users) in order to increase satisfaction and trust (or profit)². When setting out the interpretative framework for good police, defining the aims of police activity is important as efficiency can only be assessed in the dimension of achieving these targets. These constitutionally defined aims are as follows: compliance with the law, ensuring the rule of law and protecting human rights. For this reason, traditional market tools are unsuitable for measuring the quality and efficiency of the police. In order to consider measuring efficiency at all, devising indicators which demonstrate the protective capabilities of the police in a way that is consistent with the social objectives of law enforcement is necessary. Therefore, instead of the organizational aims of the police, its social objectives have been the focus of this research. The organizational aims can be regarded as the quality indicators of internal efficiency. Compliance with the performance expectations set by the organization (within the framework of bureaucracy), however, can easily contradict interpretations of effectiveness set by other areas of justice and mainly by society³. Thus, in line with the concept of the good state, devising indicators that show the quality of the social (and not organizational) functioning and impacts of the police is decisive. «The police will not receive an objective picture of the development of its social role while it assesses its own performance using a

² VÁRI Vince. A bűnüldözés relatív hatékonysága és a rendőrség. *Studia Doctorandorum Alumnae: Válogatás a DOSz Alumni Osztály tagjainak doktori munkáiból*, SZABÓ Csaba (szerk.), Doktoranduszok Országos Szövetsége, Budapest, 2016. P.582.

³ VÁRI Vince. A bűnüldözés relatív hatékonysága és a rendőrség. PhD-értekezés. Miskolci Tudományegyetem Állam- és Jogtudományi Kar, Deák Ferenc Doktori Iskola, Miskolc, 2015.

standard it sets itself»⁴. In this regard, quality indicators mean factors indicating the results and effectiveness of the implementation of the social objectives.

CONCEPTUAL PREMISES

The quality characteristics of police work appear in the performance assessment system of police forces. The indicators in this system are both quantitative and qualitative. Quantitative indicators include the number of police actions and indicators characterizing crime. These cannot be regarded as actual indicators of quality due to the absence of the benchmark necessary for this. Different local characteristics require different organizational, staffing and technical conditions to enable police forces working in different geographical areas to deliver service of at least approximately the same standard. For this reason, converting the indicators of organizational performance assessment into qualitative indicators or replacing them accordingly is treated as a key criterion. Quality indicators are suitable to show the input values that need to be changed in order to shift the output values in a positive direction.

According to relevant literature, it seems evident that the definitions of public order and public safety as the basic interpretative framework of police functions are fairly unclear⁵. Of the existing and familiar definitions, the interpretation of public safety in Team Consult's 1991 report fits in with the qualitative indicators in the Good State — Good Police project. This states that public safety means the part of the intangible infrastructure of modern society which enables individuals and communities to achieve their goals that are valuable for society⁶. Accordingly, safety, like other forms of infrastructure, is an investment-intensive area. How the finite economic room for manoeuvre is exploited is the responsibility of the current government. Police tools which are able to produce results that can be measured objectively and sustained in the long term, and which positively influence the subjective sense of security of the population need to be applied⁷. In this approach public safety means the medium in which individuals have the right to freely develop their personality in a way which is in the interests of society.

The police is not a factory producing security but an entity and authority overseeing legal order, thus in its performance the triple requirements of legitimacy, professionalism and service are dominant. However, the degree to

⁴ *Tihanyi M.* A társadalmi kontroll helye, szerepe a rendőrség működésében. A rendőrség társadalmi kontrollja, TIHANYI Miklós (szerk.), NKE, Budapest, 2013. P.8.

⁵ *Finszter G.* A rendőrség joga. MRTT, Budapest, 2014. P.160.

⁶ Team Consult: Jelentés. Kézirat, Budapest, 1991.

⁷ *Tihanyi M.* A városok problémái. Értekezések a rendészetről, KORINEK László, NKE, Budapest, 2015. P.160.

which these requirements are met cannot be estimated through statistical data. In this case, quality — the quality of the rule of law — and not quantity is considered. In constitutional democracies, law enforcement must find a balance between legitimacy and effectiveness. The values of the rule of law cannot be protected by defying the law⁸. Public safety is a measurable social phenomenon: the objective state of the security of persons and property is reflected by criminal statistics, while public opinion of public safety reflects a subjective sense of security. Undeniably, the main custodian of public safety is the police. This statement is particularly true in the light of the fact that domestic society expects the police to create public safety and holds the police accountable for it⁹. If public safety is the output of the system, its quality can be evaluated in every aspect of reality in the light of both effectiveness and efficiency.

Thus public safety constitutes an output result of the police both in terms of the public image of it and the general and collective feeling about it. The efficiency of criminal statistics, and thus of the entire police organization, becomes interpretable in this regard. Naturally, due to its cooperative nature, the state of public safety is influenced by numerous factors apart from the work of the police. Thus it is impossible to draw up a clinical formula about the quality of police work based solely on data characterizing public safety. However, despite all these deficiencies and flaws, no better approach is available. When the state of public safety is seen as the work of the police, essentially a negative approach is applied since the police influences the result or product from which its own performance originates in many cases but, apart from these, a number of (crime geography) factors are also involved which are independent of the police and in whose development the police plays no, or only a very small, recognised role.

THE SIGNIFICANCE OF LEGITIMACY AND TRUST ACCOMPANYING THE POLICE

Though legitimacy and trust can be regarded as a kind of «after effect» value accompany in the activity of the organization, but it also takes part in the escalation of an event or incident. In this way it is emphasized what can be operatively done in order to form public opinions that it should support and not weaken the work of the police, and that the police should work effectively in the interest of public safety and with real and wide social authorization¹⁰. Significant researches have confirmed the hypothesis that even negative acts can be accepted (arrests,

⁸ *Finszter G.* Közbiztonság és jogállam. Jog, Állam, Politika, 2009. 1. évf. 3. sz. 179.

⁹ *Barabás A. T.* (szerk.): Épített környezet — bűnözés — szituációs bűnmegelőzés. OKRI, Budapest, 2008.

¹⁰ *Murphy K. H., Lyn-Flemming J.* Encouraging Public Cooperation and Support for Police, Policing & Society. Vol. 18. No. 2. June 2008. P. 136–155.

punishments, etc.) if the decision processes leading to the result is made to be transparent and tangible, if they can be learnt and mostly understood for anybody. If the processes, the fairness, legitimacy and impartiality are transparent, negative results may be accepted¹¹.

Creating proper indicators offers the best chance of legitimate policing and of being able to *critically* measure positive social effects. As far as the legitimacy of policing and public opinion are concerned, we have to aim not only to reduce the number of crimes and improve statistic results, but also to show the process that leads to them and how they were obtained. A harmful –regarding its social «side effects» – police strategy, rejected by the majorities, may not be verified even if it improves statistic results.

The reform of measuring police efficiency and performance has been a challenge for years, this scientific field has significant results. Several researches have aimed to grab the essence of social effects and legitimate operation by multiple measuring, but they have not been accepted widely¹².

FINDINGS

The problem of efficiency caused by the statistical approach may be basically explained by the compulsion to display the exact statistical indicators of the police. Thus actual and real work performance and quality hiding behind the numbers are pushed into the backgrounds, which, unfortunately, because of the lack of recognition and reinforcement, does not encourage development. The current police efficiency is mainly case effectiveness based. It does not satisfy the public and scientific needs for presenting the legitimate operation. Community apperception and the results of police efficiency measurement shall be made in accordance with each other as mapping and understanding all the factors influencing subjective feelings. Firstly, it requires researches in order to detect / find out the factors that influence trust and supporting approach towards the police. Today any information can be quickly reached on the world wide web, and anyone can get optional quality of information and news. The importance of change is not any more insignificant from a political point of view: the possibility of sharing news on the internet is able to start tectonic social effects.

¹¹ *Mazerolle Lorraine-Antrobus, Emma-Bennet, Sarah-Tyler, Tom R.*: Shaping Citizen Perceptions of Police Legitimacy: A Randomized Field Trial of Procedural Justice, *Criminology*, Vol. 51. No. 1. 2013. P. 33–63.

¹² *Maguire, Edward R.* Measuring the Performance of Law Enforcement agencies, *CALEA Update*, Issue 83, September 2003. As of February 22, 2017: <http://www.calea.org/calea-update-magazine/issue-83/measuring-performance-law-enforcement-agencies-part-1of-2-oart-article>.

REFERENCES:

1. *Barabás A. Tünde* (szerk.): *Épített környezet — bűnözés — szituációs bűnmegelőzés.* OKRI, Budapest, 2008.
2. *Finszter Géza.* *Közbiztonság és jogállam. Jog, Állam, Politika, 2009. 1. évf. 3. sz. 173–196.*
3. *Finszter Géza.* *A rendőrség joga.* MRTT, Budapest, 2014.
4. *Maguire, Edward R.* *Measuring the Performance of Law Enforcement agencies, CALEA Update, Issue 83, September 2003. As of February 22, 2017: <http://www.calea.org/calea-update-magazine/issue-83/measuring-performance-law-enforcement-agencies-part-1of-2-oart-article>.*
5. *Mazerolle, Lorraine-Antrobus, Emma Bennet, Sarah Tyler, Tom R.* *Shaping Citizen Perceptions of Police Legitimacy: A Randomized Field Trial of Procedural Justice, Criminology. Vol. 51. No. 1, 2013. P. 33–63.*
6. *Moore, Mark H.-Braga, Anthony A.* *Police performance measurement: A normative framework. Criminal Justice Ethics. Vol. 23. 2004. P. 13–19.*
7. *Murphy, Kristina-Hinds, Lyn-Flemming, Jenny.* *Encouraging Public Cooperation and Support for Police, Policing & Society. Vol. 18, No. 2. June 2008. P. 136–155.*
8. *Team Consult.* *Jelentés. Kézirat. Budapest, 1991.*
9. *Tihanyi Miklós.* *A társadalmi kontroll helye, szerepe a rendőrség működésében. A rendőrség társadalmi kontrollja, Tihanyi Miklós (szerk.), NKE. Budapest, 2013.*
10. *Tihanyi Miklós.* *A városok problémái. Értekezések a rendészetről, Korinek László, NKE, Budapest, 2015.*
11. *Vári Vince.* *A bűnüldözés relatív hatékonysága és a rendőrség. PhD-értekezés. Miskolci Tudományegyetem Állam-és Jogtudományi Kar, Deák Ferenc Doktori Iskola, Miskolc, 2015.*
12. *Vári Vince.* *A bűnüldözés relatív hatékonysága és a rendőrség. Studia Doctorandorum Alumnae: Válogatás a DOSz Alumni Osztály tagjainak doktori munkáiból, Szabó Csaba (szerk.), Doktoranduszok Országos Szövetsége, Budapest, 2016. P. 477–582.*

Волков К. А.¹

Volkov K. A.

**К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ, СООТНОШЕНИИ И ВЗАИМНОМ ВЛИЯНИИ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

**TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING, RELATIONSHIP AND MUTUAL
INFLUENCE OF CRIMINAL POLICY AND JUDICIAL PRACTICE**

Аннотация. В статье рассматривается понятие «уголовная политика» и ее направления. Обращается внимание, что в настоящее время среди ученых нет общего представления о понятии, содержании и формах судебной практики. Анализируется соотношение и взаимное влияние уголовной политики и судебной практики.

Ключевые слова: судебная практика, уголовная политика, недостатки правового регулирования, позиции суда, правопонимание.

Summary. The article discusses the concept of «criminal policy» and its direction. It is noted that at present there is no general idea among scientists about the concept, content and forms of judicial practice. The ratio and mutual influence of criminal policy and judicial practice are analyzed.

Keywords: judicial practice, criminal policy, shortcomings of law regulation, position of the court, understanding of law.

Проблемные аспекты понимания, соотношения и взаимного влияния уголовной политики и судебной практики привлекали и привлекают внимание представителей как отраслевой, так и общетеоретической юриспруденции. При этом, как правило, в правовой литературе применительно к судебной практике делается акцент как на одну из форм реализации уголовной политики посредством отправления правосудия по уголовным делам в достижении целей и задач противодействия преступности. Такой подход в силу своей традиционности вполне допустим, однако считать его единственно возможным и правильным не следует. В рамках данной статьи мы постараемся рассмотреть обозначенные проблемы в несколько ином ракурсе. Для начала считаем важным определиться со смысловой нагрузкой терминов «уголовная политика» и «судебная практика».

¹ ВОЛКОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ, директор Дальневосточного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент; VOLKOV KONSTANTIN ALEKSANDROVICH, Director of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor.

Давая обобщенное определение уголовной политики, М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин и В. К. Андрианов² под уголовной политикой понимают социальную политику борьбы с преступностью, которую можно характеризовать «как концентрированную, социально обусловленную концептуальную реакцию государства на существующую совокупность криминальных угроз». Сегодня в юридической науке традиционно выделяются уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику. При этом некоторые авторы, справедливо обращая внимание на взаимосвязь указанных направлений, делают поспешный вывод о малопродуктивности и даже оторванности от правовой реальности рассмотрения отдельных направлений уголовной политики в качестве самостоятельных её направлений. По мнению Р. А. Ромашова, сторонники подобного рода разграничения смешивают отраслевое и научное правосознание, в связи с чем автор предлагает обойтись понятием «государственная уголовная политика»³. Представляется, что указанная позиция с научной точки зрения малопродуктивна, поскольку само по себе добавление к термину уголовная политика слова «государственная» не свидетельствует о невозможности проводить классификацию подсистемы указанного явления. Кроме того, вне рамок государства уголовная политика существовать не может в принципе, поскольку является одним из направлений политики государства в сфере социально-правового контроля преступности, а это означает, что данный признак является перманентным для понимания уголовной политики.

Рассматривая современные приоритетные направления российской уголовной политики, можно отметить, что таковыми стали в области уголовно-правовой политики борьба с терроризмом и экстремизмом, коррупцией, наркотизмом, преступлениями против несовершеннолетних. В свою очередь, в сфере российской уголовно-процессуальной политики такими направлениями являются: дифференциация форм уголовного судопроизводства, в том числе расширение института компромисса; придание важного значения судебному контролю на различных стадиях уголовного судопроизводства, вплоть до появления «института следственных судей»; усиление защиты процессуальных интересов потерпевших, а также такой категории обвиняемых, как предприниматели; расширение процессуальных возможностей стадии исполнения приговоров. В области уголовно-исполнительной политики векторами деятельности являются: гуманизация отбывания наказания; усиление контроля

² Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е., Андрианов В. К. Уголовная политика: Учебное пособие / РГУП. — М., 2018. — С. 10.

³ Ромашов Р. А. К вопросу о понимании, соотношении и взаимном влиянии государства и преступности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2013. № 2 (24). — С. 320–324.

в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы; достижение европейских стандартов содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей, а также осужденных в местах лишения свободы; попытка «разгрузить» уголовно-исполнительную систему, в том числе за счет применения института амнистии, а также путем придания условиям института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания императивного метода правового регулирования.

Судебная практика как научная категория довольно широко употребляется в отечественных общетеоретических и отраслевых исследованиях. Вместе с тем в российском законодательстве данный термин не раскрывается, хотя он упоминается в Конституции РФ и других федеральных законах. В соответствии со ст. 126 Конституции РФ, являясь высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики. Указанное положение детализируется в п. 1 ч. 7 ст. 2 Федеральный конституционный закон от 05 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ»⁴, согласно которому Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства на территории Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения. В числе важных мер обеспечения доступа к правосудию Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» выступает размещение в сети «Интернет» разъяснений, обобщений и обзоров по вопросам судебной практики рассмотрения судами дел⁵. Данные законодательные положения, как и само определение «судебная практика», воспроизводятся и в других нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность судов.

Вместе с тем, по справедливому замечанию М. Н. Марченко, несмотря на широкое распространение и активное использование термина «судебная практика», среди ученых нет общего представления о понятии, содержании и формах указанного явления. При этом еще в советской юридической литературе сложилось два представления о судебной практике: широкий и узкий смысл. В широком смысле судебная практика рассматривается как совокупность решений судебных органов по различным категориям дел, которая не оказывает существенного влияния на развития уголовного законодательства и правоприменительной деятельности. Судебная практика здесь исключительно результат деятельности суда, связанный с отправлением правосудия,

⁴ Российская газета. — 2014. — 07 февр.

⁵ Российская газета. — 2008. — 26 дек.

вбирающая накопленный опыт применения действующего законодательства⁶. Указанный подход к пониманию термина «судебная практика» соответствует так называемому нормативистскому представлению о понятии и сущности права в целом. Социологический подход о праве дал толчок к появлению узкого понимания судебной практики как деятельности отдельных судебных органов по принятию судебных решений, содержащих правовые положения. Исходя из этого, правовые положения судебной практики представляют собой устоявшиеся типовые решения по применению юридических норм, которые в реальности приобретают черты общих правил⁷. При этом относительно круга таковых решений в юридической литературе никогда не было единства во мнениях, однако чаще всего к таковым относились разъяснения, содержащиеся в Постановлениях Пленума Верховного Суда СССР (РСФСР, РФ).

Рассматривая правовую природу судебной практики, необходимо упомянуть фундаментальный труд В. В. Ершова «Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений», в котором на основе интегративного подхода к пониманию права автор приходит к научно обоснованному выводу о необходимости дифференциации правового и индивидуального регулирования общественных отношений. Анализируя управленческую природу судебной практики, В. В. Ершов говорит о недостаточности «внешнего» правового регулирования общественных отношений и необходимости его дополнения «внутренним саморегулированием» с учетом складывающейся правореализационной практики и реальных процессов на основе принципов и норм права, содержащихся в системах национального и международного права. Таким образом, с позиции разграничения правового и индивидуального регулирования общественных отношений в «судебной практике» могут вырабатываться позиции судов или своеобразные «прецеденты» индивидуального судебного регулирования сложившихся фактических правоотношений⁸.

Говоря о соотношении и взаимном влиянии уголовной политики и судебной практики следует констатировать, что несмотря на внешне обновленные ориентиры, современная уголовная политика в содержательном плане оставляет желать лучшего. По мнению А. И. Рарога, поиск законодателем уголовно-правовых средств противодействия новым преступным вызовам далеко

⁶ См.: *Болдырев Е. В., Иванов В. Н.* Судебная практика и уголовное право // Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С. Н. Братуся. — М.: Юридическая литература, 1975. — С. 244.

⁷ *Вопленко Н. Н.* Источники и формы права. — Волгоград, 2004. — С. 74.

⁸ См.: *Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений / РГУП. — М., 2018. — С. 304.

не всегда завершается успехом⁹. В. А. Номоконов в этом вопросе пошел еще дальше, говоря об имитации политики в области противодействия преступности. Он считает, что «на повестке для криминологии и уголовного права в России сегодня появляется проблема неадекватной ... уголовной политики, не соответствующей ни современным данным науки, ни объективным социальным потребностям, ни естественным ожиданиям общества...»¹⁰. Как следствие лейтмотивом большинства взглядов на современную уголовную политику в уголовно-правовой и криминологической литературе является констатация её кризисного состояния.

При этом процесс совершенствования уголовной политики сегодня осуществляется преимущественно за счет установления все новых и новых форм общественно опасного поведения. В то же время процесс криминализации не всегда сопровождается глубокой научной проработкой как самих нормативных конструкций, так и последствий их применения на практике. В связи с этим М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин обоснованно заявляют, что пытаюсь достичь неясных целей, современное уголовное право «хаотично меняется в режиме “ручного управления”, совмещая старые (неадекватные) и новые (непроверенные) инструменты в процессе противодействия деяниям, опасность которых оценивается весьма произвольно»¹¹.

На наш взгляд, сегодня одним из последствий «ручного управления» в сфере уголовной политики стал феномен «норм аватаров», когда в рамках действующей уголовной ответственности за преступное деяние законодатель производит дублирование отдельных его видов, «искусственно» придавая им статус самостоятельного состава преступления. В качестве примера может служить законодательная дифференциация уголовной ответственности за мошенничество в зависимости от сферы деятельности. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в уголовном законе вместо одной нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) появилось дополнительно еще шесть (ст. 159.1–159.6 УК РФ). Сегодня приходится констатировать, что попытки усовершенствовать уголовную ответственность за экономические виды мошенничества не привели к ощутимым результатам. Более того, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 11 декабря 2014 г. № 32-П признал

⁹ См.: *Парог А. И.* Приоритеты российской уголовно-правовой политики // Сб.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке / материалы XII Междунар. научно-практ. конференции 29–30 января 2015 г. — М., 2015. — С. 13–17.

¹⁰ *Номоконов В. А.* Уголовная политика: пока имитация // Сб.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке / материалы XII Междунар. научно-практ. конференции 29–30 января 2015 г. — М., 2015. — С. 18.

¹¹ *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития // Российское правосудие. — 2018. — № 9. — С. 18.

не соответствующими Конституции РФ положения ст. 159.4 УК РФ, предусматривающие ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. В частности, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что специальным видом мошенничества для предпринимателей установлены юридические преференции для предпринимателей. Несправедливым было названо и то обстоятельство, что мошенничество в «крупном и особо крупном» размере для предпринимателей по ст. 159.4 УК РФ начинается с суммы в шесть раз более высокой, чем для «простых» мошенников по ст. 159 УК РФ. Кроме того, в отличие от простого мошенничества, в ст. 159.4 УК РФ отсутствует целый ряд квалифицированных составов, а санкция статьи в два раза мягче простого мошенничества¹². В конечном счете, Конституционный Суд РФ признал положения ст. 159.4 УК РФ не соответствующими Конституции РФ, обязав законодателя в срок не позднее шести месяцев со дня провозглашения судебного решения внести в уголовный закон соответствующие изменения. Как известно, такие изменения внесены не были, как следствие с 12 июня 2015 года уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 159⁴ УК РФ, утратила свою силу. При этом перед судебной практикой возник вопрос: «По какому уголовному закону следует квалифицировать мошенничество, подпадающие под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159⁴ УК РФ, совершенное до 12 июня 2015 года?» Представляется, что поскольку эти деяния не декриминализованы федеральным законодателем, а ст. 159 УК РФ устанавливает более строгое наказание, такие деяния с учетом положений ст. 49 и 54 Конституции РФ надлежит квалифицировать по ст. 159⁴ УК РФ.

Изучение законотворческого процесса применительно к уголовному закону свидетельствует о сохранившейся тенденции увеличения количества «норм аватаров» в статьях Особенной части УК РФ. Так, в 2018 г. было принято двенадцать федеральных закона по вопросам совершенствования уголовной ответственности, из них в пяти случаях по составам, по которым даже при отсутствии законодательных новелл уголовная ответственность за преступления все равно имела место быть (ст. 159³, 159⁶, 171², 200⁴, 200⁵, 215³ УК РФ).

Не ставя перед собой цели сделать подробный анализ всех недостатков уголовной политики и мер по их устранению, считаем необходимым заметить, что значение судебной практики в механизме укрепления таковой не привлекает к себе должного внимания со стороны специалистов в области юриспруденции. Хотя попытки исследовать значение отдельных форм судебной практики на развитие уголовной политики предпринимаются, при этом общее

¹² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. — № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Российская газета. — 2014. — 24 дек.

отношение к указанному предмету научного осмысления в современной юридической литературе является настороженным. В какой-то мере это связано с отказом специалистов воспринимать уголовную политику как нечто большее, чем содержание уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства.

П. С. Дагель, рассматривая место и роль практики реализации правовых предписаний в сфере противодействия преступности, подчеркивал, что уголовная политика не только выражается в праве и определяет содержание правовых норм, но и направляет практику их применения. По мнению автора, уголовная политика может измениться при неизменившемся законодательстве, когда изменения находят свое выражение в практике его применения¹³. В частности автор, приводит пример, когда в конце 50-х гг. прошлого столетия значительно сократился удельный вес реального лишения свободы и была расширена практика освобождения от уголовной ответственности при сохранении норм УК РСФСР 1926 г.

По мнению Я.И. Гилинского, поскольку в нашей стране отсутствует научно обоснованная, четко сформулированная уголовная политика, то на практике ее заменяют правовые акты *ad hoc* и реальная политика, выявляемая в процессе анализа правоприменительной деятельности¹⁴. Таким образом, автор говорит о том, что уголовная политика — это не столько совокупность законов в сфере борьбы с преступностью, сколько ее реализация в правоприменительной практике (прежде всего, в судебных решениях).

Очевидно поэтому в юридической литературе все чаще констатируется наличие судебного нормотворчества при реализации отдельных направлений уголовной политики. При этом в рамках концепции источников права обсуждается вопрос так называемого «широкого» понимания уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, которое выходит за традиционные рамки нормативистской парадигмы, включая в себя различные формы судебного нормотворчества.

Мы убеждены, что содержание уголовной политики наряду с законами составляет позиции высших судебных органов судов (прежде всего, Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ) или своеобразные «прецеденты» индивидуального судебного регулирования сложившихся фактических правоотношений. При таком подходе абсолютно по-новому должны рассматриваться проблемы правопонимания в уголовном праве в целом. Именно по этой

¹³ См.: *Дагель П. С.* Проблемы советской уголовной политики. — Владивосток, 1982. — С. 8

¹⁴ См.: *Гилинский Я. И.* Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Сб.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке / материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. 29–30 января 2015 г. — М., 2015. — С. 39.

причине А.Э. Жалинский справедливо указывал на необходимость различать закрепленное в законе и применяемое уголовное право. По его мнению, важно найти сопоставимые индикаторы применяемого уголовного права и уделять им большее внимание на основе углубленного анализа судебной практики, и в частности аргументации судебных решений¹⁵.

При таком подходе основной проблемой уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права становится уже не столько проблема постижения смысла правовых норм, сколько вопросы индивидуального судебного регулирования сложившихся фактических правоотношений, осмысления правоприменителем всей правовой действительности в целом.

При этом важнейшей функцией судебной практики высших судебных органов всегда выступало преодоление недостатков позитивно-правовых установлений посредством выработки наиболее удачных вариантов правоприменительной практики. Полагаем, что при общем ограничении роли высших судебных органов «применением» уголовного закона, они имеют право восполнять недостатки закона, как следствие — вносить «коррективы» в применяемый закон и уголовно-правовую политику. При этом судебные органы должны действовать не произвольно, а непосредственно опираясь на принципы уголовного права, нормы Конституции РФ и Уголовного кодекса РФ. Основанием для данного утверждения служит общепризнанное правило, что суд не может отказаться от разрешения уголовного или гражданского дела по существу под предлогом неясности, неполноты или противоречия закона. Когда в судебной практике встречается казус и отсутствует закон, его регулирующий, то суд обязан рассмотреть спорный вопрос по духу всего действующего законодательства, на основании его общего разума. Таким образом, роль судебной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ состоит в обеспечении возможности преодоления противоречий уголовно-правовой политики до того момента, когда законодатель сам обратит свое внимание на них и сможет устранить на законодательном уровне.

Обращение к судебному правотворчеству в уголовном праве свидетельствует о неудовлетворенности существующим представлением правопонимания в уголовном праве, что, в свою очередь, заставляет отыскивать новые парадигмы модернизации уголовной политики. При этом, какая бы парадигма правопонимания ни находилась в основе уголовно-правовых моделей, критерием справедливости норм уголовного права остается правосознание, а не норма позитивного права. Интерпретационная деятельность Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ выступает здесь центральным

¹⁵ См.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2009. — С. 68.

элементом всякого правоприменительного процесса, а где есть процесс — присутствует и механизм творческого участия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития // Российское правосудие. — 2018. — № 9.
2. *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К.* Уголовная политика: Учебное пособие. — М., 2018.
3. *Болдырев Е.В., Иванов В.Н.* Судебная практика и уголовное право // Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. — М.: Юридическая литература, 1975.
4. *Вопленко Н.Н.* Источники и формы права. — Волгоград, 2004.
5. *Гилинский Я.И.* Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Сб.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке / материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. 29–30 января 2015 г. — М.: РФ-Пресс, 2015.
6. *Дагель П.С.* Проблемы советской уголовной политики. — Владивосток, 1982.
7. *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений / РГУП. — М.: Litres, 2018.
8. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2009.
9. *Номоконов В.А.* Уголовная политика: пока имитация // Сб.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. научно-практ. конференции 29–30 января 2015 г. — М.: РФ-Пресс, 2015.
10. *Рарог А.И.* Приоритеты российской уголовно-правовой политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. научно-практ. конференции 29–30 января 2015 г. — М., 2015.
11. *Ромашов Р.А.* К вопросу о понимании, соотношении и взаимном влиянии государства и преступности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2013. — № 2 (24).

Галиев Б. Б.¹
Galiev B. B.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ ЛИЦ, СВЯЗАННЫХ С НЕОКАЗАНИЕМ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ

CRIMINAL AND LEGAL ASSESSMENT OF PERSON'S ACTS ASSOCIATED WITH NON-PROVIDING ASSISTANCE TO THE PATIENT

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы юридической оценки деяний, сопряженных с неоказанием помощи больному. Одним из проблемных является вопрос, кто может быть субъектом рассматриваемого противоправного деяния и каковы пределы уголовной ответственности тех, чья деятельность прямо или косвенно, в силу различных обстоятельств, связана с оказанием помощи больному либо лицу, нуждающемуся в медицинской помощи.

Ключевые слова: больной, медицинская помощь, врач, фельдшер, фармацевт, санитары, спасатель, работник полиции, правовая обязанность.

Summary. The author discusses the questions of legal assessment of acts associated with failure to assist a patient. One of the problem is the question of who can be the subject of the wrongful acts and what are the limits to criminal responsibility those whose activities directly or indirectly, due to various circumstances, connected with the treatment of the patient or person in need of medical care.

Keywords: patient, medical aid, doctor, paramedic, pharmacist, nurses, lifeguard, police officer, legal duty.

В следственно-судебной практике нередко возникают вопросы уголовно-правовой оценки деяний, связанных с неоказанием помощи больному. Данный вид преступления предусматривался и прежним уголовным законодательством Российской Федерации, где в ч. 1 ст. 128 УК РСФСР 1960 г. за неоказание помощи больному наступала уголовная ответственность лица, обязанного ее оказывать по закону или специальному правилу². Последствия не указывались, в силу чего состав относился к числу формальных. Практически аналогичного содержания норма изложена в ч. 1 ст. 124 УК РФ 1996 г. (неоказание помощи больному), с той лишь разницей, что указанный состав законодатель определяет как материальный, так как уголовная ответственность наступает в случае, если деяние повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда

¹ ГАЛИЕВ БАХЫТ БАЙСЕКЕНОВИЧ, профессор кафедры права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат юридических наук (Костанай, Казахстан); GALIEV BAHYT BAISEKENOVICH, Professor of the Department of Law, Chelyabinsk State University, PhD in Law (Kostanay, Kazakhstan).

² Уголовный кодекс РСФСР: с постановочными материалами. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 56.

здоровью больного. Соответственно, в части второй упомянутой статьи определена ответственность за то же деяние, но повлекшее по неосторожности смерть больного или причинение тяжкого вреда здоровью.

В диспозиции ч. 1 ст. 124 УК РФ непосредственно не указан сам характер помощи и на кого возлагается обязанность оказывать помощь больному (пострадавшему), и это явилось причиной различных толкований о субъекте рассматриваемого преступления. Соответственно, в юридической литературе относительно субъектного состава данного преступления до настоящего времени единого мнения нет.

Существовала даже точка зрения, в соответствии с которой указанный состав позволительно было инкриминировать водителю машины «Скорой помощи», отказавшемуся от перевозки больного³. Разумеется, с этим мнением трудно согласиться, так как это не вытекает из смысла закона.

Так, одни авторы считают, что субъектом ст. 124 УК РФ могут быть не только врачи по образованию, но и другой медицинский персонал, в обязанности которого входит оказание помощи больному (фельдшер, медицинская сестра, акушерка)⁴. Если обратиться к истории, то сходную позицию занимали авторы учебника «Курс советского уголовного права», согласно которой лицом, обязанным оказать такую помощь по закону или по специальному правилу, мог быть не только врач, но и другой медицинский персонал, на обязанности которого лежало оказание помощи больному (сестра, акушерка и т. п.)⁵.

Другие, наряду с перечисленными лицами, называют фармацевтических работников: провизоров и фармацевтов и, кроме того, работников полиции и спасателей, так как им вменена обязанность принимать неотложные меры по спасению людей и оказанию им первой медицинской помощи⁶. Категории работников органов внутренних дел и спасателей названы не случайно, поскольку в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323 — ФЗ (в ред. ФЗ от 29.07.2017 г. № 242-ФЗ) говорится о первой помощи (ст. 31) и медицинской

³ Бердичевский Ф. Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. — М.: Юридическая литература, 1970. — С. 74.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Расширенный уголовно-правовой анализ / Под общ. ред. В. В. Мозякова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Экзамен, 2003. — С. 226.

⁵ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. / Отв. ред. проф. Н. А. Беляев, проф. М. Д. Шаргородский. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — С. 600.

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. — СПб.: Питер, 2008. — С. 219; Уголовное право. Особенная часть: в 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. — М.: Юрайт, 2015. — С. 100.

помощи. Первая помощь до оказания медицинской помощи оказывается гражданам при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью, лицами, обязанными оказывать первую помощь в соответствии с федеральным законом или со специальным правилом и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками, военнослужащими и работниками Государственной противопожарной службы, спасателями аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб⁷.

То, что субъектами данного преступления могут выступать фармацевт, санитарка, лаборант, не согласен С. И. Никулин, так как, по его мнению, лица медперсонала, которые по работе не оказывают медицинскую помощь, за рассматриваемое преступление ответственности не несут. Их бездействие в соответствующих случаях может квалифицироваться по ст. 125 УК РФ (оставление в опасности)⁸.

С точки зрения проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, к субъектам названного преступления, помимо врачей, можно отнести руководителей туристических групп, сиделок, людей специально выделенных для оказания медицинской помощи во время турпоездов, зимовок и т. д.⁹

Думается, однозначного решения о наличии основания уголовной ответственности в отношении перечисленной категории быть не должно. Прежде всего, условиями ответственности за неоказание помощи больному являются наличие правовой обязанности оказать ее больному и реальная возможность эту обязанность исполнить. Как правило, этих критериев достаточно применительно к медицинским работникам при проявлении преступного бездействия, повлекшего наступление указанных в законе последствий, разумеется, при отсутствии уважительных причин. К уважительным причинам, исключающим ответственность за неоказание помощи больному, как правило, относят: непреодолимую силу (например, стихийное бедствие); состояние крайней необходимости (оказание помощи другому тяжело больному); болезнь самого медицинского работника; его недостаточная квалификация, при условии, если он предпринял

⁷ Сборник законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 48. — Ст. 6724; Сборник законодательства РФ. — 2017. — № 18. — Ст. 2663.

⁸ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М. П. Журавлев и др.; под ред. А. И. Рарога. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2012. — С. 317.

⁹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. — Изд. 2-е, исправл. и доп. / Под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, д. ю. н., проф. А. И. Рарога, д. ю. н., проф. А. И. Чучаева. — М.: Контракт: ИНФРА-М, 2010. — С. 77.

все от него зависящее в сложившейся ситуации; отсутствие необходимых медикаментов, средств транспортировки больного.

Иные критерии и оценки должны быть в отношении немедицинских работников. Так, согласно п. 3 ст. 12 Федерального закона РФ «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 № 272-ФЗ) работники полиции обязаны оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует¹⁰. В соответствии со ст. 27 Федерального закона РФ от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» (в ред. ФЗ от 18.07.2017 г. № 167 — ФЗ) аналогичная обязанность распространяется и на спасателей. Там, в частности, в ст. 27 говорится, что спасатели обязаны активно вести поиск пострадавших, принимать меры по их спасению, оказывать им первую помощь и другие виды помощи¹¹.

Но опять же, если вышеназванные лица имеют соответствующую подготовку по оказанию первой помощи, о чем прямо говорится в ст. 31 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323 — ФЗ (в ред. ФЗ от 03.08.2018 № 323-ФЗ)¹², то в Приложении № 1к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 477н¹³ дается перечень состояний, при которых оказывается первая помощь: 1) отсутствие сознания; 2) остановка дыхания и кровообращения; 3) наружные кровотечения; 4) инородные тела верхних дыхательных путей; 5) травмы различных областей тела; 6) ожоги, эффекты воздействия высоких температур, теплового излучения; 7) отморожение и другие эффекты воздействия низких температур; 8) отравление.

¹⁰ Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900; Собрание законодательства РФ. 2017. — № 31 (часть I). — Ст. 4821.

¹¹ Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 35. Ст. 3503; Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 30. — Ст. 4447.

¹² Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724; Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 32 (часть II). — Ст. 5116.

¹³ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 4 мая 2012 г. — № 477н «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» (с изменениями и дополнениями). — URL: <http://base.garant.ru/70178292/#text#ixzz4wufkNCLm> (дата обращения 21.10.2018 г.

На наш взгляд, если эти лица не имеют соответствующей подготовки либо навыков по оказанию первой помощи с учетом указанных состояний, то они обязаны принять меры к вызову врача к пострадавшему или его транспортировке в медицинское учреждение. В этом же контексте рассуждают и другие авторы, по логике которых закон не связывает совершение необходимых действий в отношении больного исключительно с медицинской помощью. В этой связи помимо врачей и лиц из числа медицинского персонала субъектами преступления могут выступать и некоторые иные категории лиц, обязанные в силу закона или специального правила принимать меры к вызову врача или транспортировке больного¹⁴.

В отдельных случаях представители этих профессий до прибытия медицинской помощи могут, например, остановить кровотечение посредством наложения повязки либо сделать искусственное дыхание, но это не следует рассматривать, как правило. Если эти необходимые действия не были осуществлены в силу некомпетентности работника полиции или спасателя или отсутствия у них необходимых навыков, или элементарного неумения, о чем было сказано выше, то нет оснований инкриминировать им состав ст. 124 УК.

Что касается санитарок, сиделок, руководителей туристических групп, фармацевтов, то эти лица не имеют отношения к медицинской деятельности и им не вменена обязанность по роду их деятельности ее оказывать в нормативном порядке. Поэтому следует согласиться с мнением С. И. Никулина и Л. Л. Кругликова, что перечисленные лица не могут быть субъектами деяния, предусмотренного ст. 124 УК и при соответствующих условиях могут нести уголовную ответственность по ст. 125 УК (оставление в опасности).

Кроме того, по нашему мнению, следует различать профессиональные и должностные функции медицинских работников. В любом случае обязанность оказать медицинскую помощь является профессиональной обязанностью всех медицинских работников, независимо от занимаемой ими должности. Следовательно, должностные лица от медицины (заведующий отделением, главный врач больницы) за невыполнение своих профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи подлежат уголовной ответственности по ст. 124 УК, так как проявленное противоправное бездействие должностным лицом без использования должностного положения полностью охватывается составом анализируемой статьи. Совершенно иное положение складывается в тех случаях,

¹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный). — 13-е издание, перераб. и доп. / Отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2013. — С. 209.

когда неоказание медицинской помощи выступает одновременно и злоупотреблением должностными полномочиями, например отказ главного врача больницы в госпитализации тяжелобольного. Но правовая оценка действий виновного должна осуществляться дифференцированно. Ситуация, когда главный врач или заведующий отделением должен был оказать медицинскую помощь и затем дать указание госпитализировать больного, но не сделал этого, должна получить совокупную юридическую оценку. Действия главного врача в этом контексте не могут охватываться только по ст. 124 УК, так как ущерб причиняется не только жизни или здоровью граждан, но и нормальной работе медицинского учреждения. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблениях должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» прямо отмечается, что лица, злоупотребляющие должностными полномочиями либо превышающие свои должностные полномочия, посягают на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций... РФ, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства¹⁵.

В связи с этим не разделяется точка зрения отдельных авторов, согласно которой ответственность следует определять лишь по ст. 285 УК (злоупотребление должностными полномочиями) и содеянное поглощает ст. 124 УК.

Изложенное позволяет сделать вывод, что неоказание помощи медицинским работником, являющимся должностным лицом, связанное со злоупотреблением должностными полномочиями, должно квалифицироваться по ст. 124 УК и по совокупности со ст. 285 УК РФ, разумеется, при установлении наличия всех конститутивных признаков основного состава.

Вместе с тем, если первую медицинскую помощь оказал дежурный врач, но больной не был госпитализирован ввиду отказа со стороны должностного медицинского работника, то налицо, мы полагаем, основание уголовной ответственности в соответствии со ст. 285 УК РФ без ссылки на ст. 124 УК.

В отличие от УК РСФСР 1960 г. в УК Казахской ССР 1959 г. (ч. 1 ст. 111 УК) — неоказание помощи больному) аналогичный состав был сформулирован несколько по иному, поскольку конкретно оговаривалось — «лицом медицинского персонала», что исключало иные категории лиц¹⁶.

¹⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 12.

¹⁶ Уголовный кодекс Казахской ССР. — Алма-Ата: Казахстан, 1986. — С. 9.

Конструктивно состав являлся формальным, ибо последствия не упоминались. Однако в УК Республики Казахстан 1997 г. содержание упомянутой нормы в ч. 1 ст. 118 УК РК кардинально изменилось, и речь шла уже о неоказании помощи больному без уважительных причин обязанным ее оказывать в соответствии с законом или по специальному правилу, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного¹⁷, что позволяет говорить о рецепции этой нормы из УК РФ. Естественно, это повлекло ту же неоднозначную оценку в толковании закона в процессе его применения, о чем было сказано выше применительно к УК РФ.

В неизменном виде данная норма перекечевала в ч. 1 ст. 320 нового УК Республики Казахстан 2014 г. Однако, надо отдать должное, в новом УК РК 2014 г. была введена специальная Глава 12 «Медицинские уголовные правонарушения», куда и была помещена ст. 320 УК РК (Неоказание помощи больному), что, по сути, определяет специальный субъектный состав рассматриваемой нормы. Речь идет о лицах, по роду своей деятельности, обязанных и могущих в пределах своей компетенции оказать медицинскую помощь больному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 г. — Алма-Ата: Казахстан, 1986.
2. Уголовный кодекс РСФСР: с постановочными материалами. — М.: Юридическая литература, 1984.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 28.11.2011. — № 48. — Ст. 6724.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. — 14.02.2011. — № 7. — Ст. 900.
5. Федеральный закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» // Российская газета. — № 169. — 1995. — 31 авг.
6. Приказ Минздравсоцразвития России от 04.05.2012 № 477н «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» // Российская газета. — № 115. — 2012. — 23 мая.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблениях должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 12.
8. Бердичевский Ф. Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. — М.: Юридическая литература, 1970. — 128 с.

¹⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 г.: учебно-практическое пособие. — Алматы: Норма К, 2010. — С. 45

9. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Расширенный уголовно-правовой анализ / Под общ. ред. В. В. Мозякова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Экзамен, 2003.
10. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. — СПб.: Питер, 2008.
11. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) (13-е издание, переработанное и дополненное) / Отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2013.
12. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3 / Отв. ред. проф. Н. А. Беляев, проф. М. Д. Шаргородский. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
13. Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 г.: учебно-практическое пособие. — Алматы: Норма К, 2010.

Гейнце О. В.¹
Heintse O. V.

**СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО
ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ПУТИ ИХ РЕЦЕССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**COMPLEX QUESTIONS OF QUALIFICATION OF THE MEDIATION IN BRIBERY AND
THE WAYS OF THEIR RECESSON: THEORY AND PRACTICE**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы квалификации преступного посредничества и его места в системе норм института соучастия на примере посредничества во взяточничестве. Анализируются существующие подходы к правовой оценке преступного посредничества, основания и пределы уголовной ответственности посредника. На базе ретроспективного анализа и современных подходов к уголовно-правовой оценке преступного посредничества, а также актуальной судебной практики высказываются предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: взяточничество, посредник, соучастие, групповое преступление, противоправное влияние, коррупция.

Summary. The article considers the issues of qualification of criminal mediation and its place in the system of norms of the institution of complicity on the example of mediation in bribery. Existing approaches to the legal assessment of criminal mediation, the grounds and limits of criminal responsibility of the mediator are analyzed. On the basis of a retrospective analysis and modern approaches to the criminal legal assessment of criminal mediation, as well as relevant judicial practice, suggestions are made to improve criminal legislation.

Keywords: bribery, criminal mediation, complicity, group crime, illegal influence, corruption.

Посредничество во взяточничестве является самостоятельным уголовно наказуемым деянием с момента вступления в силу Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции».

Криминализация законодателем посредничества во взяточничестве объясняется тем, что взяточничество как одна из форм коррупции, которая создает

¹ ГЕЙНЦЕ ОЛЬГА ВИКТОРОВНА, судья Верховного Суда Республики Хакассия (Абакан); HEINTSE OLGA VIKTOROVNA, Judge of the Supreme Court of the Republic of Khakassia (Abakan).

серьезные препятствия на пути развития всего гражданского общества и правового государства, приобретая различные формы, становится реальной угрозой мировому сообществу.

Согласно ч. 1 ст. 291¹ УК РФ посредничество во взяточничестве — это непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя (так называемое «физическое посредничество») либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки («интеллектуальное посредничество»)² в значительном размере, т. е. свыше 25 000 рублей (на основании Примечания 1 к ст. 290 УК РФ).

Между тем вопрос квалификации действий лиц, посредничавших в получении или даче взятки в размере менее 25 000 рублей, остается дискуссионным. Ряд авторов полагает, что действия таких посредников подлежат квалификации по правилам института соучастия, аргументируя тем, что «если было совершено посредничество в даче или получении взятки в незначительном размере, специальным составом (имеется в виду ч. 1 ст. 291¹ УК РФ. — *О. Г.*) данный случай не предусмотрен, следовательно, действия будут квалифицированы как соучастие в получении или даче взятки»³.

Эта позиция частично была поддержана и судебной практикой. Так, Верховный Суд РФ в апелляционном определении от 21 ноября 2013 года указал, что «содержание понятия «посредничество во взяточничестве» идентично понятию «пособничество во взяточничестве», ответственность за которое до введения в УК РФ статьи 291–1 УК РФ предусматривалась ст. 290 или ст. 291 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ»⁴.

Данная точка зрения не является новой: подход к оценке посреднических действий через пособнические является исторически сложившимся.

Не подвергая критике решение высшей судебной инстанции, сам подход к отождествлению посредничества и пособничества представляется неверным, поскольку физическое посредничество не подпадает в перечень пособнических действий, перечисленных в ч. 5 ст. 33 УК РФ, данное деяние в большей

² О понятии физического и интеллектуального посредничества см.: *Здравомыслов Б. В.* Должностные преступления. Понятие и квалификация. — М.: Юридическая литература, 1975. — С. 152.

³ *Гарбатович Д.* Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. 2011. — № 5 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21.11.2013 — № 14-АП/13–16СП в отношении Минакова С. В., осужденного по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ, по ч. 3 ст. 30, п. п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, *Витенко С. В., Агеевой С. Г.*, осужденных по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ, по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ // СПС «Консультант Плюс».

мере соответствует понятию «исполнение преступления», а интеллектуальное посредничество может, наоборот, выходить за пределы этих действий. Кроме того, посредничество во взяточничестве предполагает содействие посредника двум лицам, совершающим самостоятельные преступления — взяткодателю и взяткополучателю, тогда как переквалификация на пособничество потребовала бы указания только на одного из них, то есть, пособничество либо в даче взятки, либо в ее получении, что не будет соответствовать фактической стороне содеянного.

Принимая во внимание разъяснения Верховного Суда РФ, согласно которым уголовная ответственность установлена только за посредничество в коммерческом подкупе или во взяточничестве, если сумма предмета подкупа или размер взятки являются значительными (превышают 25 тысяч рублей)⁵, возможность криминализации преступного посредничества в отношении меньшего размера взятки на сегодняшний день полностью исключается.

Вместе с тем наличие соответствующих разъяснений, а также устоявшаяся судебная практика не позволяют сделать вывод о разрешении данной проблемы. Как обоснованно отмечают некоторые авторы, например Т. О. Кошаева, норма о посредничестве явно не «задумывалась» законодателем в качестве смягчающей уголовную ответственность, напротив, посредничество «усилило уголовную ответственность за взяточничество, а лица, способствующие даче или получению взятки, преследуются ныне не за соучастие, а за совершение конкретных преступных действий»⁶. Однако при существующей ситуации иного решения, кроме декриминализации посредничества во взяточничестве, совершенного в размере менее значительного, быть не может. Кроме того, подлежат освобождению от наказания лица, осужденные до 04.05.2011 за пособничество в получении или даче взятки в размере менее значительном, если их деяния отвечают признакам посредничества во взяточничестве. Эти их действия подлежат переквалификации по новой норме закона с освобождением от наказания ввиду декриминализации деяния на основании ст. 10 УК РФ вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу.

⁵ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года — № 323-ФЗ — 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. — № 12. — С. 35.

⁶ Кошаева Т. О. Ответственность за взяточничество по уголовному законодательству Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. — № 6. — С. 25.

В целом, оставление за рамками уголовно-правового регулирования действий по посредничеству во взяточничестве в размере менее 25 тысяч рублей выглядит нелогичным и требует законодательного изменения.

Исходя из диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, в которой признак значительно размера взятки указан после слов «иное содействие взяткодателью и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки» и через союз «либо», сформировалась точка зрения о том, что данный признак относится только к интеллектуальной форме посредничества, указанной в ч. 1 настоящей статьи, и не распространяется на обещание и предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 настоящей статьи). Данная позиция озвучивалась в работах таких авторов, как И. Ткачев⁷, В. Борков⁸, В. И. Тюнин⁹. Иного мнения придерживался П. С. Яни, отмечая, что признак значительно размера относится ко всем видам посредничества, поскольку по тексту нормы «из оборота “иное содействие” видно, что законодатель считает непосредственную передачу взятки частным случаем содействия взяткодателью и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки»¹⁰.

К аналогичному выводу можно прийти при анализе п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», где указано, что, по смыслу закона, если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, впоследствии совершило преступление, предусмотренное частями 1–4 статьи 291¹ УК РФ, содеянное им квалифицируется по соответствующей части этой статьи как посредничество во взяточничестве без совокупности с частью 5 статьи 291¹ УК РФ.

С целью исключения возможных сомнений и неясностей диспозиция ч. 5 ст. 291¹ УК РФ предлагается сформулировать следующим образом:

«Обещание или предложение посредничества во взяточничестве в значительном размере — ...».

Либо:

⁷ Ткачев И. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С. 64–70 // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Борков В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. — 2011. — № 4. — С. 9–14 // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Тюнин В. И. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Российская юстиция. — 2011. — № 8. — С. 21–23 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Яни П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. — 2013. — № 2. — С. 24–29 // СПС «Консультант Плюс».

«Обещание или предложение совершения деяний, предусмотренных частями 1–4 настоящей статьи — ...».

Другим недостатком ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, создающим неясность ее содержания, является отсутствие понятий «обещание» и «предложение» посредничества во взяточничестве. Данный вопрос представляется важным. Применение уголовного закона по аналогии не допускается, а потому понятия и признаки соответствующих деяний, признаваемых преступными, должны быть изложены в законе ясно и непротиворечиво, чтобы исключить возможность его не единообразного применения либо произвольного толкования.

П. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 разъясняет, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий (бездействия), направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве. Если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, впоследствии совершило преступление, предусмотренное ч. 1–4 ст. 291¹ УК РФ, содеянное им квалифицируется по соответствующей части этой статьи как посредничество во взяточничестве без совокупности с ч. 5 ст. 291¹ УК РФ.

Из изложенного следует, что совершение посредничества «поглощает» обещание или предложение посредничества, которое в этом случае остается без самостоятельной правовой оценки. Представляется, что подобное решение вызвано тем обстоятельством, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, относится к категории средней тяжести, что согласно ст. 30 УК РФ исключает уголовную ответственность за приготовление к нему. С учетом принятых Россией международных обязательств, законодатель посчитал необходимым введение уголовной ответственности за такие деяния, как обещание или предложение посредничества во взяточничестве, что без изменения Общей части УК РФ возможно только путем признания данных действий самостоятельным оконченным преступлением.

Тем не менее, вопрос о том, является ли обещание или предложение посредничества обязательным элементом посредничества (в таком случае возможность юридической оценки действий лица по данной норме закона зависит лишь от степени реализации самого посредничества), либо обещание или предложение объективно отличаются от простого согласия лица на совершение посредничества, остается открытым. Его решение представляется важным, поскольку максимальная санкция по ч. 5 ст. 291¹ УК РФ за обещание и предложение посредничества во взяточничестве составляет до семи лет лишения свободы, в отличие от самого посредничества, предусмотренного ч. 1–4 ст. 291¹ УК РФ, санкция за которое составляет от четырех до двенадцати

лет лишения свободы. Таким образом, лицо, которое обещало или (и) предложило так называемое «простое» посредничество, при его доведении до конца или хотя бы до стадии покушения будет отвечать по ч. 1 ст. 291¹ или ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 291¹ УК РФ за преступление средней тяжести, в случае покушения еще и со льготой, установленной по ч. 3 ст. 66 УК РФ за неоконченное преступление, а лицо, обещавшее или предложившее посредничество, будет нести уголовную ответственность по ч. 5 ст. 291¹ УК РФ за тяжкое преступление. В этой связи необходимо четко разграничить критерии уголовной ответственности за обещание и предложение посредничества во взяточничестве.

Такое разграничение может быть проведено исходя из семантического значения понятий обещания и предложения. Применительно к посредничеству во взяточничестве, отличие данных деяний друг от друга заключается в форме выражения виновным лицом действий, свидетельствующих о его намерении стать посредником во взяточничестве. По логике, обещание предполагает добровольное обязательство лица стать посредником во взяточничестве, а предложение (от слова «предложено») предполагает проявление инициативы от самого этого лица. При этом уголовно наказуемые «обещание» и «предложение» посредничества необходимо отличать от простого согласия лица на совершение посредничества во взяточничестве, в противном случае все посредники автоматически должны отвечать за обещание или предложение этих действий, поскольку совершить посредничество без предварительной договоренности об этом, которая подразумевает соответствующее обещание или предложение, невозможно. В реальности грань между этими деяниями тонка, что заранее предопределяет сложности в установлении и правильном определении характера действий виновного лица.

Также остается вопрос, каким образом квалифицировать действия лица, которое и обещало и предложило посредничество (например, обещало взяткодателю, а предложило взяткополучателю или наоборот), возможна ли квалификация действий как обещание и предложение посредничества одновременно, при том, что в диспозиции ч. 5 ст. 291¹ УК РФ данные деяния перечисляются через союз «или». Такая квалификация возможна, поскольку употребление союза «или» допустимо и в качестве соединительного, тогда как для связи «однородных членов предложения и предложений, по значению взаимоисключающих или заменяющих друг друга, указывая на необходимость выбора между ними»¹¹, должен употребляться союз «либо». С другой стороны, в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 употребляется именно союз «либо» в контексте

¹¹ GLOSUM. Сборник словарей. — [Электронный ресурс] URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Либо-в-словаре-Ефремовой> (дата обращения 30.07.2018).

разъяснений правовой оценки действий лица, обещавшего, предложившего посредничество во взяточничестве.

В целях единообразного применения законодательства было бы верным решением закрепить в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ понятия «обещание» и «предложение» посредничества во взяточничестве, а также уменьшить санкции за обещание или предложение посредничества, предусмотренного ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, до размера санкций, установленных за такое посредничество.

Диспозиция ч. 5 ст. 291¹ УК РФ может быть изложена следующим образом:

«Обещание посредничества во взяточничестве, т. е. добровольное обязательство лица стать посредником во взяточничестве; предложение посредничества во взяточничестве, т. е. доведение до сведения другого лица своего намерения стать посредником во взяточничестве, —».

Одновременно было бы целесообразным установление более строгой ответственности за обещание или предложение посредничества, совершенные неоднократно, с целью борьбы с так называемыми «профессиональными посредниками», чья деятельность представляет собой повышенную общественную опасность, а также введение в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ квалифицирующих признаков, усиливающих ответственность за обещание или предложение посредничества, аналогичные ч. 1–4 ст. 291¹ УК РФ, т. е. за обещание или предложение посредничества за совершение заведомо незаконных действий, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, в крупном размере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Российская энциклопедия. Судебники 15–16 вв., кодексы права Рус. государства. — [Электронный ресурс] URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4171795 (дата обращения 11.08.2017).
2. Борков В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. — 2011. — № 4. — С. 9–14 // СПС «Консультант Плюс».
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / [Соч.] Проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. — 7-е изд. — Пг.; Киев: Н. Я. Оглоблин, 1915.
4. Гарбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. — 2011. — № 5. — С. 4–8.
5. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. — М.: Юридическая литература, 1975.
6. Кошаева Т. О. Ответственность за взяточничество по уголовному законодательству Российской Федерации // Журнал российского права. — 2013. — № 6. — С. 25–31.
7. Новое уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г., с приложением Предметного алфавитного указателя. — СПб.: Изд. Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. — 249 с.
8. Таймасов С. У. Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбургской губернии. — Sterlitaмак: Sterlitaмак. гос. пед. акад., 2007.

9. *Ткачев И.* Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С. 64–70.
10. *Тюнин В. И.* Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Российская юстиция. — 2011. — № 8. — С. 21–23.
11. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов и др.; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. — М.: КОНТРАКТ, 2017 // СПС «Консультант Плюс».
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 года. — [Электронный ресурс] URL: <http://xix-vek.ru/material/item/f00/s00/z0000003/st070.shtml> (дата обращения 30.08.2017).
13. *Яни П. С.* Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. — 2013. — № 2. — С. 24–29.

Гельдибаев М. Х.¹
Geldibaev M. Kh.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

INTELLECTUAL PROPERTY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Аннотация. В статье анализируются вопросы, связанные с общественно опасными посягательствами в области интеллектуальной собственности в соответствии с действующим законодательством и практикой его применения

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, уголовное законодательство и проблемы его применения, общественно-опасные посягательства в сфере интеллектуальной собственности.

Summary. The issues related to socially dangerous encroachments in the field of intellectual property in accordance with the current legislation and practice of its application are analyzed in this article.

Keywords: criminal law protection, criminal legislation and problems of its application, socially dangerous encroachments, the field of intellectual property.

Действующее уголовное законодательство в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» предусматривает главу 21 «Преступления против собственности», объединяющую статьи 158–168. Объектом посягательства указанных преступлений является отношения собственности, связанные с владением, использованием и распоряжением имущества. Считается, что предметом этих преступлений выступает имущество.

Так, в примечании к ст. 158 УК РФ отмечается, что под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. При этом, понятие «имущества» в самом УК не раскрывается.

Известно, что под предметом преступления в теории уголовного права понимается вещь материального мира, а именно то, по поводу чего совершается преступление. Вред предмету преступления не причиняется. Он не причиняется и в том случае, когда путем мошенничества совершается хищение чужого имущества или приобретается право на чужое имущество (ч. 1 ст. 159 УК РФ). Право на имущество, приобретаемое в следствие мошенничества

¹ ГЕЛЬДИБАЕВ МОВЛАД ХАСИЕВИЧ, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург); GELDIBAEV MOVLAD KHASIEVICH, Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of «Russian State University of Justice», Doctor of Law, Professor (St. Petersburg).

(обмана или злоупотребления доверием), то, по поводу чего и совершается данное преступление, выступает объектом посягательства, а не его предметом.

В данном случае сложности в понимании «имущества» как предмета преступления не возникает. Тем не менее, полагаем целесообразным дать определение «имущества» в примечании к ст. 158 УК РФ с учетом положений гражданского законодательства.

Кроме того, уголовное законодательство, практика его применения, а также развитие теории уголовного права, прежде всего в вопросах уголовной ответственности и наказуемости, соответственно квалификации тех или иных общественно-опасных деяний (действий или бездействия), позволяет высказать некоторые соображения по его совершенствованию применительно и к другим вопросам.

По нашему мнению, целесообразно в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» выделить отдельную главу под названием «Преступления в сфере интеллектуальной собственности».

В данную главу следует внести составы, закрепленные в ст. ст. 146, 147, 180 и 183 УК РФ в силу специфичности тех отношений, на которые осуществляется посягательство, являющиеся объектами уголовно-правовой охраны. Представляется очевидным, что эти отношения призваны регулировать и охранять результаты интеллектуальной деятельности, обладающих свойствами интеллектуальной собственности.

При этом обоснованным можно считать и объединение в этой главе всех норм УК РФ, устанавливающих ответственность за нарушение прав на интеллектуальную собственность, в том числе, и в ст. ст. 272–274 УК РФ.

Обращает на себя внимание несовершенство уже действующих норм уголовного закона с точки зрения их применения в правоохранительной деятельности при квалификации преступлений данной направленности и установлении виновности лиц, обвиняемых в их совершении. Следует отметить, что установление размера ущерба, причиненного автору или правообладателю при квалификации общественно-опасных деяний (действий или бездействия), предусмотренных ст. 146 и ст. 147 УК РФ, представляется проблематичным.

В связи с этим более правильным представляется признание составов преступлений, предусмотренных ст. 146 и ст. 147 УК РФ, оконченными с момента совершения самих деяний (действий или бездействия) независимо от наступления общественно-опасных последствий, т. е. признать их формальными составами преступлений, и внести соответствующие изменения в действующее уголовное законодательство. Данное обстоятельство безусловно окажет положительное влияние на уголовно-процессуальное доказывание по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 146 и ст. 147 УК РФ.

В этом случае установление самого факта совершения деяния (действия или бездействия) при условии доказанности вины, независимо от наступивших последствий, будет достаточным для привлечения к уголовной ответственности и наказания виновных лиц.

Одновременно в качестве квалифицирующих признаков общественно-опасного деяния (действий или бездействия), предусмотренного ст. 146 УК РФ, представляется необходимым обозначить следующее: «принуждение к соавторству, отказу от авторства под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего, его родных или близких, а также любым иным способом посягательство на права и законные интересы автора или правообладателя».

Следует также признать и, соответственно, предусмотреть в действующем уголовном законодательстве в ч. 2 ст. 147 УК РФ «Нарушение изобретательских и патентных прав» в качестве квалифицирующего признака «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения».

Обозначенное обстоятельство обусловлено повышенной общественной опасностью разглашения против воли (при отсутствии согласия) автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели либо промышленного образца до официальной публикации сведений о них должностными лицами, участвующих в процессе регистрации объектов интеллектуальной деятельности.

Полагаем, что в ч. 3 ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» в качестве квалифицирующего признака следовало бы предусмотреть «совершение общественно-опасного деяния (действий или бездействия) с использованием материальной, служебной или личной зависимости автора или правообладателя».

Введение в норму закона указанного квалифицирующего признака позволит оказывать противодействие злоупотреблениям, осуществляемым при наличии обозначенных форм зависимости. В настоящее время данное явление представляется достаточно распространенным, когда должностные лица умело используют различные формы зависимости от них отдельных лиц для присвоения результатов интеллектуальной деятельности последних.

Полагаем, что в тексте уголовного закона, особенно в диспозициях данных составов преступлений, является уместным использование терминов «интеллектуальная собственность», что позволит облегчить его понимание и применение при квалификации рассматриваемых общественно-опасных посягательств.

При этом в примечании к главе «Преступления в сфере интеллектуальной собственности» следует дать определение интеллектуальной собственности в соответствии с российским гражданским законодательством.

Так, согласно ч. 1 ст. 1225 ГК РФ «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» к результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации юридических лиц, товаров, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются: произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ): базы данных; исполнения; фонограммы; сообщения в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хау), фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; наименования мест происхождения товаров; коммерческие обозначения. В ч. 2 ст. 1225 ГК РФ определяется, что интеллектуальная собственность охраняется законом, в том числе, уголовным, который, в свою очередь, нуждается в совершенствовании.

Известно, что интеллектуальная собственность, в отличие от товара как материальной вещи, в состоянии приносить обладателю прибыль многократно, т. е. до тех пор, пока ее результаты будут востребованы в обществе. Эти и связанные с ними обстоятельства требуют более детального регулирования и охраны отношений, возникающих в сфере интеллектуальной собственности.

Таким образом, использование терминологического словосочетания «интеллектуальная собственность» в наименовании отдельной самостоятельной главы «Преступления в сфере интеллектуальной собственности», предусматривающей составы преступлений, посягающие и причиняющие вред либо создающие угрозу причинения вреда отношениям в сфере интеллектуальной собственности, представляется необходимым и обоснованным.

*Гилинский Я. И.*¹
Gilinsky Ya. I.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ЧЕЛОВЕК

THE CRIMINAL POLICY OF THE STATE AND A MAN

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления уголовной политики в условиях усиливающегося противоречия между возрастающей свободой человека в современном мире постмодерна и возрастающей возможностью контроля государства за каждым гражданином.

Ключевые слова: уголовная политика, государство, свобода, гражданин.

Summary. The article examines the main directions of criminal policy in the context of the growing contradiction between the increasing freedom of man in the modern world of postmodern and the growing possibility of the state to control every citizen.

Keywords: criminal policy, state, freedom, citizen.

Последние годы проблема уголовной политики приобретает все большее значение. Это находит отражение и в фундаментальных трудах отечественных авторов², и в тематике международных конференций (так, на 18-й конференции Европейского общества криминологов — Сараево, 2018 — вопросам уголовной политики была посвящена работа свыше 40 секций). В этом нет ничего удивительного: в обществе постмодерна (постсовременном, постклассическом, постиндустриальном) постоянно изменяются привычные условия бытия, меняются представления о дозволенном / недозволенном, допустимом / недопустимом, возникают все новые и новые проблемы, требующие, в том числе, правового и уголовного-правового регулирования³. Одно из главных противоречий современности — между возрастающими возможностями свободы человека (передвижения, информирования, творчества и др.) и возрастающими возможностями государства устанавливать тотальный контроль

¹ ГИЛИНСКИЙ ЯКОВ ИЛЬИЧ, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург); GILINSKIY YAKOV IL'ICH, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg).

² Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. Монография. — М., 2014; Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика и уголовный закон. — М., 2017; Босхолов С. С. Основы уголовной политики. — М., 1999; Лопашенко Н. А. Уголовная политика. — М., 2009; и др.

³ Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. — СПб., 2017.

за жизнедеятельностью каждого гражданина. Как уголовная политика, уголовный закон, правоприменительная деятельность должны реагировать на вызовы времени?

Свобода

Ваша свобода заканчивается у носа соседа⁴.

Эрик Фромм в ряде своих работ («Библейская концепция человека», «Бегство от свободы») рассматривает свободу как *цель человеческого развития*. Он различает «свободу от» (негативную) и «свободу на» (позитивную).

Свобода как *высшая ценность* человеческого существования закреплена в различных национальных и международных актах. Так, еще в «Декларации прав человека и гражданина» (1789, Франция)⁵ говорилось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» (ст. 1). Свобода человека трактуется как возможность «делать всё, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом» (ст. 4).

Ст. 1 Всеобщей декларации прав человека [принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.] гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах».

Ст. 2 Конституции Российской Федерации провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Но одно дело — провозгласить, другое — реально осуществить...

В современном обществе постмодерна протекает разнонаправленный процесс *свобода — не-свобода*. Неизмеримо выросла и продолжает расти *технологическая свобода* людей. Быстрое перемещение в любую точку Земли; разговор по мобильному телефону, смартфону, скайпу с другом, находящимся на другом конце Земли; высказывание своей точки зрения по любому вопросу в любое время в социальных сетях; многочисленные удобства проживания в современных домах / квартирах; электронные переводчики, позволяющие «говорить» на любом языке; служебные и домашние помощники-роботы и т. п. Значительно сложнее обстоят дела *с личностной свободой*. «Цифровой» мир, открывающий беспредельные технологические возможности, делает каждого

⁴ Распространенный краткий вариант решения Парижского суда (XIII в.): «Ваша свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается свобода чужого носа».

⁵ Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года // Конституции зарубежных государств / Сост. В. В. Маклаков. — М., 1999.

из нас объектом наблюдения и воздействия. От друзей / знакомых до преступников и органов власти. Каждый из нас находится «под колпаком», любые сведения о каждом из нас доступны в сетях. Недавно я с удивлением увидел, что мой ИНН, запомнить который я не в состоянии, висит на многочисленных сайтах. Равно как прочие сведения о моей жизни, а также... мой автограф.

Государство

*В нашем мире немного простых
и незыблемых истин:
Кони любят овес.
Сахар бел.
Государство — твой враг.*

Ю. Нестеренко

Сразу оговорюсь: речь идет о *любом* государстве, будь то Древний Рим, Древняя Греция, средневековая Франция или современные Нидерланды, США, Япония... Государство, созданное с самыми благими намерениями (защита подданных и граждан, обеспечение общих интересов и т. п.), в действительности нередко служит репрессивным орудием в руках господствующего класса, группы, клана. Да, долгое время в государстве видели результат «общественного договора», орган, объединяющий людей, должный способствовать всеобщему процветанию и благоденствию. Да, государство обеспечивает в большей или меньшей степени развитие общества, в большей или меньшей степени безопасность населения. Но оно же служит репрессивным орудием в целях подавления действий, а то и мыслей, нежелательных для господствующих властных сил⁶.

Не случайно Томас Гоббс (1588–1679) сравнивал государство с Левиафаном — ветхозаветным чудовищным морским змеем, нередко отождествляемым с сатаной. Жутковатый образ Левиафана до сих пор служит символом государства. Позднее Левиафана дополнил образ Паноптикума (или Паноптикона) — «идеальной тюрьмы» И. Бентама (1748–1832). Образ государства-тюрьмы обосновывается в трудах М. Фуко (1926–1984)⁷.

Конечно, государства различаются по степени либеральности / репрессивности. И все же в уголовном законе различных стран криминализированы многочисленные деяния («преступления»), угрожающие власти и очень скромно криминализированы немногочисленные деяния власти... Эти особенности уголовного закона многократно усиливаются практикой правоприменения.

⁶ См., например: Политический режим и преступность. — СПб., 2001.

⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. — М., 1999 и др.

О селективности полиции и других правоохранительных органов хорошо известно как в России, так и в других странах (например, сравнительное исследование проф. М. Брустена в ФРГ, ГДР и Австралии). В современном мире особенно заметно различное отношение правоприменителей к представителям властных структур и олигархата и — к «простым гражданам».

Репрессивность и селективность в наибольшей степени присущи авторитарным и тоталитарным режимам. Но и в самых демократических странах противоречие «государство — человек» проявляется все чаще, вызывая соответствующую реакцию в виде протестных движений (например, Occupy Wall-Street!), демонстраций, митингов (будучи пару лет назад в Париже, я с удивлением увидел демонстрацию с красными знаменами и Марсельезой; на мой вопрос — что случилось? — французский коллега ответил — не знаю, у нас каждую неделю демонстрации). И это — нормально. Члены общества должны свободно высказывать свое мнение, свое недовольство, свои пожелания и претензии.

Эти общеисторические тенденции приобретают особенно опасный характер в обществе постмодерна, когда усиливающейся свободе граждан противостоят безмерные возможности контроля за ними со стороны государства. Технологический прогресс, «цифровой мир» обеспечивает не только необходимые условия для Свободы человека, но и технологические предпосылки *тотального контроля Государства* над каждым его членом, т. е. Несвободы... Это предсказанный Дж. Оруэллом «1984» с полицией мыслей, министерством правды и Старшим Братом...

***Государство vs Человек* — вот одно из главнейших противоречий и проблем общества постмодерна.**

Уголовная политика

Уголовная политика — часть, элемент политики государства. Естественно, уголовная политика зависит от государственной политики в целом и, прежде всего, от политического режима. Но если в XX веке можно было достаточно четко разграничить уголовную политику авторитарных (тоталитарных) государств и демократических стран, то мир постмодерна обуславливает *неопределенность* уголовной политики многих государств, независимо от политического режима. Так, англо-американская модель «предупреждения преступности» вряд ли заслуживает одобрения и заимствования⁸. Но и в европейских странах, в частности в Германии возникает

⁸ *Гуринская А. Л.* Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. — СПб., 2018.

дилемма: «право безопасности» или права личности? В России эта проблема освещается в трудах проф. Н. В. Щедрина⁹. С моей точки зрения — безусловно приоритет прав и свободы личности (о чем я говорил, в частности, на заседании Санкт-Петербургского Криминологического клуба 1.11.2013¹⁰). К сожалению, практика многих стран идет по противоположному пути — приоритет «мер безопасности», вопреки правам и свободе человека, когда под предлогом и лозунгом «безопасности» грубейшим образом нарушаются элементарные права человека — право на неприкосновенность личной жизни, на свободу мнений и их высказывание, право на свободу протестных акций, право на свободу мирных собраний, митингов, демонстраций и шествий и т. п.

Современные возможности государства по контролю над людьми должны быть использованы только для выявления субъектов действительно опасных деяний — убийц, насильников, террористов, и не должны распространяться на иных, нежелательных для властей по каким-либо соображениям граждан. Конечно, это легко провозгласить, но предотвратить соблазн контроля над каждым — очень непросто, о чем свидетельствует, в частности, практика преследования в России лиц, «оскорбляющих чувства верующих» (ст. 148 УК РФ), «призывающих к осуществлению экстремистской деятельности» (ст. 280 УК РФ) или «унижающих достоинство лиц, принадлежащих к какой-либо социальной группе» (ст. 282 УК РФ). На практике к таким «социальным группам» относят полицию, членов правительства, депутатов Госдумы, но отнюдь не бездомных или гомосексуалистов...

Каковы, с моей точки зрения, должны быть основные направления российской уголовной политики, соответствующие мировым тенденциям и особенностям современного общества постмодерна?

В области *законотворчества*:

- Декриминализация деяний мало значительных; не имеющих юридического определения («экстремизм», «порнография»); являющихся гражданско-правовыми, административными или дисциплинарными деликтами; и т. п. (например, ст. ст. 146, 148, 151, 151¹, 158¹, 168, 172¹, 172², 176, 185³, 191¹, 193, 194, 195, 200¹, 200², 204², 212¹, 230, 230¹, 231, 234¹, 242, 242¹, 280, 280¹, 284¹, 286¹, 291², 328, 330¹ и др.).
- Минимизировать уголовную ответственность за деяния, связанные

⁹ См., например: *Щедрин Н. В., Кылина О. М.* Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. — Красноярск., 2006.

¹⁰ Беседа на тему «Право безопасности» // URL: <http://www.criminologyclub.ru/video/148-2013-12-14-19-00-50.html> (дата обращения 29.09.2018).

с наркотиками, исключив противоречащую основным принципам уголовного права ответственность за действия с аналогами наркотических средств и психотропных веществ.

- Прекращение криминализации деяний мало значительных; не имеющих юридического определения; являющихся гражданско-правовыми, административными или дисциплинарными деликтами, а также ad hoc (вроде ст. 191¹ УК РФ как реакции на «Дело братьев Навальных» и редакции 2013 года ст. 148 УК РФ как «ответа» на «Дело Pussy Riot»).
- Исключение п. «н» ст. 44 и ст. 59 УК РФ из Уголовного кодекса.
- Учитывая «ускорение времени» в обществе постмодерна и практику европейских стран и Японии, сократить максимальный срок лишения свободы до 10 (15) лет, а по совокупности приговоров или рецидиве — до 15 (20) лет.
- Обсудить возможность исключения пожизненного лишения свободы из перечня наказаний (ст. ст. 44, 57 УК РФ).

В сфере *правоприменения*:

- Реализовать на практике принцип равенства граждан перед законом, принципы справедливости и гуманизма.
- Реализовать на практике независимость суда.
- Реализовать на практике принцип неотвратимости уголовной ответственности, прежде всего работников дознания, следствия, суда, уголовно-исполнительной системы, за преступления по должности (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконное возбуждение уголовного дела, незаконное задержание, заключение под стражу, принуждение к даче показаний, вынесение заведомо неправомерного приговора и т. п.).
- Сократить масштабы применения наказания в виде лишения свободы, переходя к иным мерам наказания.
- Исключить применение пыток при производстве дознания и следствия, привлекать организаторов и исполнителей пыток к строжайшей уголовной ответственности.

В сфере *исполнения наказаний*:

- Абсолютный отказ от пыток и строгая уголовная ответственность их организаторов и исполнителей.
- В местах лишения свободы обеспечить условия, не нарушающие нормальную жизнедеятельность заключенных (качественное питание, надлежащая медицинская помощь и т.п.) и не нарушающие их чувство собственного достоинства.

- Приоритетом в деятельности пенитенциарных учреждений должны стать ресоциализация, реадаптация заключенных, а не их репрессирование.

Разумеется, это не все направления совершенствования российской уголовной политики. При этом автор не является наивным идеалистом и не надеется на скорейшую реализацию столь необходимой трансформации отечественной уголовной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики. Монография. — М.: Проспект, 2014.
2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Российская уголовная политика и уголовный закон. — М.: Юрлитинформ, 2017.
3. Беседа на тему «Право безопасности» // URL: <http://www.criminologyclub.ru/video/148-2013-12-14-19-00-50.html> (дата обращения 29.09.2018).
4. *Босхолов С. С.* Основы уголовной политики. — М.: Юринфор, 1999.
5. *Гилинский Я.* Девиантность в обществе постмодерна. — СПб: Алетей, 2017.
6. *Гуринская А. Л.* Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. — СПб: изд-во РГПУ, 2018.
7. Конституции зарубежных государств / Сост. В. В. Маклаков. — М., 1999
8. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. — М.: Wolters Kluwer, 2009.
9. Политический режим и преступность. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
10. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. — М.: Ad Marginem, 1999.
11. *Щедрин Н. В., Кылина О. М.* Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. — Красноярск: КГУ, 2006.

Гуринская А. Л.¹
Gurinskaya A. L.

**ОКО ЗА ОКО? ДЕТЕРМИНАНТЫ КАРАТЕЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ
 РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

**AN EYE FOR AN EYE? DETERMINANTS OF PUNITIVE ATTITUDES
 AMONG RUSSIAN YOUTH**

Аннотация. Одной из задач реформы уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации является повышение гражданского участия в ее деятельности, в том числе общественного контроля. Вместе с тем мы пока недостаточно знаем о том, что думают граждане в России о проблемах наказания. Целью настоящей работы является поиск факторов, детерминирующих представления молодых граждан о необходимости сурового обращения с правонарушителями. Данные, полученные в результате опроса граждан в двух городах, показывают: более карательных взглядов придерживаются мужчины, религиозные люди, а также те, кто усматривают причины преступности в бедности и проблемах в семье. Также более суровы будущие полицейские. Опыт виктимизации и восприятие уровня преступности как повышающегося не приводит к более репрессивным взглядам.

Ключевые слова: уголовная политика, реформа уголовно-исполнительной системы, наказание, преступность, репрессивность, установки граждан.

Summary. One of the goals of the corrections system reform in Russia is to increase civil participation in its activities as well as establishing public control over its institutions. However, little is known about citizens perceptions of punishment in Russia. The goal of this paper is to search for determinants of punitive attitudes of young citizens and their calls for harsh treatment of the offenders. The results show that being male, religious and sharing the view of crime as a product of unequal social conditions are positively related to punitiveness. Future policemen are also more punitive. Prior victimization experience as well as the belief that the crime rate is increasing did not show to be statistically related to views about harshness of punishment.

Keywords: crime control policy, corrections system reform, punishment, crime, punitiveness, citizens attitudes.

Несмотря на продолжающуюся тенденцию снижения показателей преступности, эта проблема по опросам общественного мнения традиционно

¹ ГУРИНСКАЯ АННА ЛЕОНИДОВНА, доцент кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург); GURINSKAYA ANNA LEONIDOVNA, Associate Professor, Department of Criminal Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, PhD in Law, St. Petersburg.

занимает верхние позиции в рейтингах. В 2017 г. около 46 процентов россиян, а в Москве и Санкт-Петербурге — до 56 процентов граждан, высказали озабоченность проблемой преступности, а 7 процентов из них заявили, что за последний год стали жертвой преступления². При этом, как следует из опросов, проблемы наказания интересуют граждан в незначительной степени³. Так, если в 1997 году лишь 18 процентов граждан не были осведомлены о ситуации содержания осужденных в колониях тюрьмах, то двадцать лет спустя этот процент вырос до 68. Причем, упал также и процент тех, кто полагает, что условия содержания заключенных необходимо улучшать — с 32 до 17. Изучение общественного мнения показывает, что за эти 20 лет достаточно существенно менялось представление граждан о допустимости жестких условий содержания в местах лишения свободы. В 1999 году сторонников жестких мер было порядка 37 процентов, к 2012 году таких осталось 25 процентов, а в 2016 показатель вновь вырос до 34 процентов. Более того, 17 процентов населения в декабре 2016 г. полагали, что к заключенным можно применять физическую силу не только для самозащиты или предотвращения побега, но и в других случаях.

Сложно утверждать, с чем связано падение интереса граждан к проблемам наказания. Возможно, одним из факторов является снижение числа заключенных за 20 лет более чем на треть — с 925 тысяч человек в 2000 до 602 тысяч в конце 2017 г., что составляет исторический минимум для России. Вместе с тем эти цифры все еще ставят Россию на лидирующие позиции (15-е место) в мире по числу осужденных на душу населения⁴. По этому показателю (402 заключенных на 100 000 населения) мы в два раза обходим Чехию, в четыре — Францию, в восемь — Финляндию и в 10 раз Японию. Отсутствие осведомленности тем более удивительно, что сообщения о пытках, эксплуатации осужденных и голодовках в колониях с регулярностью продолжают появляться в средствах массовой информации⁵. По всей видимости, эти

² Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=536> (дата обращения 20.10.2018)

³ Фонд общественного мнения. Условия содержания заключенных. Представляют ли люди условия в тюрьмах? И как, по их мнению, должны содержаться заключенные? URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13158> (дата обращения 20.10.2018)

⁴ Institute for Criminal Policy Research. From highest to lowest: Prison population rate. URL: http://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (дата обращения 20.10.2018)

⁵ Только из новостей октября 2018 г. см.: Главу ФСИН пожурили за пытки в колониях. URL: https://lenta.ru/news/2018/10/02/not_good/ (дата обращения 20.10.2018); ФСИН отказалась принести извинения заключенным в Оренбургской области, над которыми издевались сотрудники службы. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/>

факты стали настолько обыденными, что не привлекают интереса граждан и не заставляют задуматься о проблемах уголовно-исполнительной системы.

Вместе с тем одной из задач реформы уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации является сотрудничество с институтами гражданского общества, привлечение общественности для оказания социальной помощи осужденным, создание условий для развития общественного контроля за деятельностью системы. Для реализации этой задачи предполагается необходимость выяснения мнения граждан о работе органов и учреждений уголовно-исполнительной системы⁶. Действительно, эффективный гражданский контроль за деятельностью колоний вряд ли возможен со стороны тех, кто, с одной стороны, не осведомлен об имеющихся проблемах, а с другой — придерживается достаточно жестких взглядов о том, каким должно быть наказание в виде лишения свободы.

Достаточно неоднозначным является вопрос о том, должно ли государству учитывать мнение граждан при разработке планов по реформированию системы контроля над преступностью. В работе Н. Фрост описываются три теории, которые объясняют наличие (или отсутствие взаимосвязи) между решениями в области уголовной политики и мнением граждан⁷. Все три теории появились для объяснения процессов, происходящих в условиях либерально-демократического политического устройства. Первая из этих теорий — теория «демократии в действии». Согласно ей, граждане испытывают страх перед растущей (в реальности или в воображении) преступностью, и их взгляды становятся все более репрессивными. Требования ужесточить наказание находят отклик у законодателя, который идет на поводу у общественного мнения. Такой взгляд не учитывает ни особенности сложного устройства политического процесса, ни не менее сложного процесса формирования общественного мнения.

Вторая теория, карательного популизма, призвана компенсировать недостатки слишком прямолинейной модели теории «демократии в действии». Она также предполагает, что политики учитывают мнение граждан о необходимости ужесточения тех или иных мер борьбы с преступностью, но используют это мнение в своих политических целях. Популистская уголовная политика

2018/10/18/146058-fsin-otkazalas-prinesti-izvineniya-zaklyuchennym-v-orenburgskoy-oblasti-nad-kotorym-izdevalis-sotrudniki-sluzhby (дата обращения 20.10.2018); ФСИН подтвердила голодовку заключенных в ярославской колонии. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/634194> (дата обращения 20.10.2018).

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010— № 1772-п (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СПС «Консультант Плюс».

⁷ Frost N. A. Beyond public opinion polls: Punitive public sentiment & criminal justice policy // *Sociology Compass*. — 2010. — Vol. 4. — № 3. — P. 156–168.

не является искренним ответом на общественный запрос, а представляет собой манипуляцию, эксплуатацию страхов граждан для решения политических задач. Вместе с тем оба изложенных подхода предполагают, что уголовная политика формируется снизу – вверх являясь, так или иначе ответом на репрессивные установки граждан.

Третья теория манипулирования со стороны элиты предполагает, что само общественное мнение о необходимости ужесточения санкций является продуктом политического манипулирования со стороны групп, принадлежащих к политической элите. Публичные представления о серьезности проблемы преступности сознательно формируются для того, чтобы потом быть использованными для политических целей, прежде всего для получения поддержки граждан на выборах. Обещание решить проблему преступности может стать серьезным политическим козырем и обеспечить электоральную поддержку, если публика поверит в насущность этой проблемы. Как утверждает К. Бекетт в книге «Заставить преступность платить», американская публика оказалась очень восприимчивой к консервативной идеологии контроля над преступностью, поскольку именно эта идеология апеллировала к ключевым ценностям установкам общества о значимости индивидуализма и индивидуальной моральной ответственности⁸.

Какую бы теорию из этих трех мы бы ни взяли за основу представлений о формировании уголовной политики, общественное мнение и общественные настроения будут играть в этом процессе ключевую роль. Несмотря на то, что политический процесс в современной России развивается по модели, отличной от западной, было бы неверным снижать значение общественного мнения в российском контексте. Оно не только выполняет традиционную функцию обратной связи между властью и обществом, но и играет роль в формировании политической повестки и принятии политических решений. Таким образом, мнение граждан о том, насколько суровым должно быть наказание, может иметь существенное значение в сфере уголовной политики.

Представления граждан о наказании социально обусловлены, не являются однородными и последовательными. Они формируются под воздействием множества факторов, как связанных с опытом столкновения с преступностью и системой уголовной юстиции, так и с обстоятельствами жизни, которые не имеют прямого отношения к проблематике безопасности. Криминологические исследования выявили социально-демографические различия во взглядах на суровость наказания. Например, женщины в меньшей степени, чем мужчины, разделяют мнение о необходимости применения смертной казни,

⁸ *Beckett K. Making crime pay: Law and order in contemporary American politics.* — Oxford: Oxford University Press, 1999.

а также больше уверены в возможности ресоциализации осужденных⁹. Карательные предпочтения также связаны со степенью тревожности граждан. Тревожность может быть вызвана как мнением о серьезности криминальной ситуации (которое формируется под воздействием опыта виктимизации, проживанием в районе с высоким уровнем преступности, степени страха перед преступностью, ощущением безопасности), так и отсутствием уверенности в экономической стабильности¹⁰. Теория групповой угрозы объясняет степень карательности восприятием определенных групп населения в качестве источников повышенной опасности (в частности, афроамериканцев белыми гражданами в США)¹¹. Приверженность определенной политической идеологии также может рассматриваться как фактор, способный определять представления о наказании. Так, на страницах англоязычных криминологических журналов разгорелись дебаты о том, связаны ли консервативные установки с репрессивными настроениями¹². Значение для объяснения репрессивности могут иметь и особенности религиозных представлений граждан¹³. Озабоченность разрушением социальных связей, отсутствием в обществе консенсуса также может влиять на степень репрессивности респондентов¹⁴. Исследования показывают, что бытовые представления о причинах преступности определяют карательность¹⁵. Так, те, кто полагают, что преступление является результатом сознательного выбора индивида, будут склоняться к более жестким мерам

⁹ *Applegate B. K., Cullen F. T., Fisher B. S.* Public views toward crime and correctional policies: Is there a gender gap? // *Journal of Criminal Justice*. — 2002. — Vol. 30. — № 2. — P. 89–100.

¹⁰ *Costelloe M. T., Chiricos T., Gertz M.* Punitive attitudes toward criminals: Exploring the relevance of crime salience and economic insecurity // *Punishment & Society*. — 2009. — Vol. 11. — № 1. — P. 25–49.

¹¹ *King R. D., Wheelock D.* Group threat and social control: Race, perceptions of minorities and the desire to punish // *Social Forces*. — 2007. — Vol. 85. — № 3. — P. 1255–1280.

¹² *Unnever J. D., Cullen F. T., Fisher B. S.* «A liberal is someone who has not been mugged»: Criminal victimization and political beliefs // *Justice Quarterly*. — 2007. — Vol. 24. — № 2. — P. 309–334; *King A., Maruna S.* Is a conservative just a liberal who has been mugged? Exploring the origins of punitive views // *Punishment & Society*. — 2009. — Vol. 11. — № 2. — P. 147–169.

¹³ *Unnever J. D., Cullen F. T., Applegate B. K.* Turning the other cheek: Reassessing the impact of religion on punitive ideology // *Justice Quarterly*. — 2005. — Vol. 22. — № 3. — P. 304–339.

¹⁴ *Tyler T. R., Boeckmann R. J.* Three strikes and you are out, but why? The psychology of public support for punishing rule breakers // *Law and Society Review*. — 1997. — Vol. 31. — № 2. — P. 237–265.

¹⁵ См. обзор этих исследований у: *Maruna S., King A.* Once a criminal, always a criminal? «Redeemability» and the psychology of punitive public attitudes // *European Journal on Criminal Policy and Research*. — 2009. — Vol. 15. — № 1–2. — P. 7–24.

наказания. А представления о преступнике как продукте процессов социального неравенства, бедности, невозможности получить образование ведут к более либеральным взглядам. Значение для формирования репрессивных установок также имеют представления о том, способны ли правонарушители к исправлению, возможна ли ресоциализация в принципе¹⁶.

В России существует ряд работ, в которых анализируется общественное мнение относительно проблем преступности, правопорядка, общественной безопасности¹⁷. Позиция населения в отношении проблем наказания исследовалась в меньшей степени, однако имеются работы о мнении граждан относительно смертной казни¹⁸. Детерминанты же взглядов граждан по этим вопросам до настоящего времени не были предметом изучения в российской криминологии.

Настоящее исследование. Нашей целью было выявить детерминанты карательных настроений граждан в России. Для реализации этой цели была разработана стандартизированная анкета, которая была протестирована в ходе пилотного опроса 37 студентов в ноябре 2016 г., в результате чего были изменены и уточнены формулировки ряда вопросов. В 2017 г. был проведен анкетный опрос студентов высших учебных заведений в двух городах Российской Федерации — Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону. В Санкт-Петербурге опрашивались студенты гражданских вузов, а также студенты Университета МВД РФ, которые были выделены в отдельную демографическую группу. Данные о респондентах содержатся в Таблице 1. Всего было опрошено 777 человек, из них 255 в Санкт-Петербурге, 253 в Ростове-на-Дону и 269 в Санкт-Петербургском университете МВД РФ. Чуть более 50 процентов респондентов — женщины. Все респонденты являлись на момент опроса студентами, поэтому их возраст составлял около 19–20 лет, около четверти респондентов были несколько старше. Примерно половина заявили, что доход их семьи средний. 57 процентов респондентов указали, что являются религиозными; особенно высока была доля религиозной молодежи в Ростове-на-Дону — 67,2 процента.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Клейменов М. Н., Фокин М. С. Анализ общественного мнения о криминологической ситуации в регионе // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2013. — № 4 (37). — С. 123–126; Попова В. И., Морев М. В. Динамика криминальной ситуации в России в зеркале официальной статистики и общественного мнения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2017. — № 37. С. 39–49; Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Оценка гражданами состояния правопорядка и уровня безопасности в мегаполисе: результаты криминологического мониторинга // Актуальные проблемы экономики и права. — 2018. — Т. 12. — № 3. — С. 569–593.

¹⁸ Турранен В. А. Смертная казнь и ее влияние на преступность: теория, практика и общественное мнение // Криминологический журнал БГУЭП. — 2010. — № 3(13). — С. 91–95.

Таблица 1.

Социально-демографические характеристики респондентов (N = 777)

<i>Переменная</i>	<i>Значение</i>	<i>СПб %</i>	<i>Рост. %</i>	<i>МВД %</i>	<i>Все %</i>
Пол	Мужской	42,4	42,7	42,4	42,5
	Женский	55,3	56,1	55,0	55,5
Возраст	Моложе 19	12,9	25,7	0,7	12,9
	19 или 20	48,6	40,3	59,5	49,7
	Старше 20	24,3	17,8	25,7	22,7
Религиозность	Нет	52,2	30,0	31,2	37,7
	Да	43,1	67,2	62,5	57,7
Доход	Ниже среднего	22,7	19,8	21,2	21,2
	Средний	42,4	43,1	54,3	46,7
	Выше среднего	31,0	34,0	21,2	28,6
Мнение о состоянии преступности	Снизилась	27,1	24,9	45,0	32,6
	Увеличилась	38,0	40,3	32,0	36,7
	Не изменилась	32,2	34,0	21,6	29,1
Опыт виктимизации (имущ. прест)	Да	76,9	71,9	77,3	75,4
	Нет	22,4	27,3	21,9	23,8

Респондентам было предложено по шкале Лайкерта (от 1 до 7) оценить ряд суждений, где «1» соответствовало «совершенно не согласен», а «7» — «полностью согласен». Вопросы касались их мнения относительно состояния преступности в стране, причин преступности и наказания. Также студентам было предложено указать, имеется ли у них опыт виктимизации, испытывают ли они страх перед преступностью и сообщить социально-демографическую информацию о себе.

Зависимая переменная. Карательность (репрессивность) граждан является достаточно сложной теоретической концепцией. Для операционализации этого понятия нами была использована адаптированная к российским условиям шкала репрессивности из работы С. Маруны и А. Кинг¹⁹. В указанной работе шкала состояла из 8 вопросов, число которых мы сократили до 4. Шкала отражает, насколько респондент согласен с утверждениями о необходимости применения суровых наказаний к правонарушителям. В таблице 2 представлено частотное распределение ответов респондентов на вопросы, которые являются компонентами шкалы.

¹⁹ Maruna S., King A. Op. cit. — P. 15.

Таблица 2.

Распределение ответов респондентов
по компонентам шкалы репрессивности ($\alpha = 0,65$)

Вопрос	Группа	Согласны (%)
Необходимо вернуть применение смертной казни за наиболее тяжкие преступления	Все	59
	СПб	49
	Ростов-на-Дону	61
	Ун-т МВД (СПб)	65
Большинство преступников заслуживают наказания, а не понимания	Все	62
	СПб	51
	Ростов-на-Дону	62
	Ун-т МВД (СПб)	73
Условия лишения свободы должны быть достаточно суровыми	Все	60
	СПб	45
	Ростов-на-Дону	60
	Ун-т МВД (СПб)	74
Если мы применяем лишение свободы, то должны делать это как можно реже и только в крайних случаях*	Все	17
	СПб	22
	Ростов-на-Дону	15
	Ун-т МВД (СПб)	13

* Для использования в качестве компонента шкалы показатель был перекодирован.

Независимые переменные. Для оценки различий во взглядах респондентов в зависимости от их представлений о причинах преступности были использованы шкала «Социальное неблагополучие», состоящая из 2 вопросов ($\alpha = 0,51$) и индивидуальная переменная «Выбор». Высокие показатели по шкале социального благополучия свидетельствовали о том, что респондент придерживается мнения о том, что корни преступности уходят в проблемы социального неравенства, отсутствия одинаковых возможностей для всех членов общества, дисфункциональности семейных отношений. Высокий балл в переменной «Выбор» свидетельствовал о склонности респондента рассматривать преступление как результат свободного выбора индивида. Еще одной независимой переменной стала шкала «Исправление», состоящая из 4 компонентов, которая отражала взгляды респондента относительно возможности исправления правонарушителя ($\alpha = 0,59$). Чем выше показатель по этой шкале, тем в большей степени респондент верит в то, что правонарушитель может «перерасти» совершение преступлений или исправиться в результате привлечения к труду, а также оказания ему поддержки.

В качестве независимых переменных были использованы две социально-демографические характеристики респондентов — пол и религиозность. Религиозность респонденты оценивали самостоятельно, отвечая на вопрос,

который предлагал варианты ответов «да» и «нет». Отдельными переменными выступали мнение респондентов об ухудшении криминальной ситуации, а также опыт виктимизации от насильственных и корыстных преступлений. Кроме того, отдельной переменной выступало обучение в гражданском вузе (в Санкт-Петербурге или Ростове-на-Дону) или в правоохранительном учебном заведении (Санкт-Петербургский университет МВД РФ).

Результаты. Полученные в результате опроса данные были обработаны с помощью программы IBM SPSS Statistics. Для ответа на вопрос о том, какие факторы влияют на репрессивные настроения граждан, был проведен линейный регрессионный анализ по методу наименьших квадратов.

Таблица 3.

Бета-коэффициенты и нормированный R-квадрат для регрессионного анализа, предсказывающего репрессивные установки граждан

<i>Переменная</i>	β
Социальное неблагополучие	0,15***
Выбор	0,059†
Исправление	- 0,495***
Пол (1 = мужчина)	0,054†
Учебное заведение (1 = МВД)	0,183***
Состояние преступности	0,014
Опыт виктимизации (1 = Да)	0,032
Религиозность	0,131***
Нормированный R ²	0,29

†p < .10 *p < .05 **p < .01 *** p < .001

Полученные в результате регрессионного анализа данные показывают нам, что репрессивные установки выше у студентов Университета МВД в сравнении со студентами гражданских вузов, у тех молодых людей, кто не верит в то, что преступники способны исправиться, а также у тех, кто религиозен. Привержены более жестким взглядам и те, кто верит, что преступление является продуктом социального неравенства. Можно утверждать, хотя и с меньшей долей вероятности, что мужчины в большей степени репрессивны, чем женщины, как и те, кто считает, что преступление является результатом свободного выбора. Не установлено статистически значимой связи между опытом виктимизации, восприятием состояния преступности и репрессивными взглядами.

Повышенный уровень репрессивности полицейских был отмечен и в других исследованиях. Так, в исследовании Университета Чикаго (США) демонстрируется, что индивиды с более карательными взглядами самостоятельно выбирают себе профессию, связанную с правоохранительной деятельностью, для того, чтобы

иметь возможность реализовывать имеющиеся у них представления в реальности — строго наказывать преступников²⁰. Необходимы дополнительные исследования для того, чтобы объяснить такую суровость будущих и действующих полицейских. Например, можно использовать модель, которая показывает связь между возрастом, рангом, способом справляться со стрессом полицейской работы и степенью психической стабильности²¹.

Большинство полученных нами результатов соответствуют тем теоретическим моделям, которые были разработаны для изучения детерминант репрессивности в других странах. Так, возраст и отношение к преступлению как к результату свободного волеизъявления и в других исследованиях были слабо, но все же связаны с карательными установками. Ряд исследователей также, как и мы, не увидели связи между опытом виктимизации и репрессивностью граждан. Однако интересным и необычным выводом является установление положительной связи между восприятием преступления как продукта общественного неурядиства и суровым отношением к правонарушителям. Социальное неравенство, отсутствие у граждан одинаковых возможностей для успешной карьеры и жизни является традиционным объяснением причин преступности. В предшествующих исследованиях такие взгляды коррелировали скорее с более либеральным отношением к правонарушителям. Получается, что молодежь, которая признает бедность в качестве детерминирующего преступность фактора, одновременно хочет более строго покарать нарушителя, являющегося «заложником» своего социального положения. Вор должен сидеть в тюрьме, даже если он украл, чтобы прокормить семью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=536> (дата обращения 20.10.2018).
2. Главу ФСИН пожурили за пытки в колониях. — URL: https://lenta.ru/news/2018/10/02/not_good/ (дата обращения 20.10.2018).
3. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Оценка гражданами состояния правопорядка и уровня безопасности в мегаполисе: результаты криминологического мониторинга // Актуальные проблемы экономики и права. — 2018. — Т. 12. — № 3. — С. 569–593.

²⁰ Dharmapala D., Garoupa N., McAdams R. H. Punitive police? Agency costs, law enforcement, and criminal procedure // The Journal of Legal Studies. — 2016. — Vol. 45. — № 1. — P. 105–141.

²¹ Shafiq N., Ohlsson I. M., Mathias P. Predictors of punitive attitudes among police officers // Journal of Forensic Practice. — 2016. — Vol. 18. — № 1. — P. 76–86.

4. *Клейменов М.Н., Фокин М.С.* Анализ общественного мнения о криминологической ситуации в регионе // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2013. — № 4 (37). — С. 123–126.
5. *Попова В.И., Морев М.В.* Динамика криминальной ситуации в России в зеркале официальной статистики и общественного мнения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2017. — № 37. — С. 39–49.
6. *Тирранен В.А.* Смертная казнь и ее влияние на преступность: теория, практика и общественное мнение // Криминологический журнал БГУЭП. — 2010. — № 3(13). — С. 91–95.
7. Фонд общественного мнения. Условия содержания заключенных. Представляют ли люди условия в тюрьмах? И как, по их мнению, должны содержаться заключенные? — URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13158> (дата обращения 20.10.2018)
8. *Applegate B. K., Cullen F. T., Fisher B. S.* Public views toward crime and correctional policies: Is there a gender gap? // Journal of Criminal Justice. — 2002. — Vol. 30. — № 2. — P. 89–100.
9. *Beckett K.* Making crime pay: Law and order in contemporary American politics. — Oxford: Oxford University Press, 1999.
10. *Costelloe M. T., Chiricos T., Gertz M.* Punitive attitudes toward criminals: Exploring the relevance of crime salience and economic insecurity // Punishment & Society. — 2009. — Vol. 11. — № 1. — P. 25–49.
11. *Dharmapala D., Garoupa N., McAdams R. H.* Punitive police? Agency costs, law enforcement, and criminal procedure // The Journal of Legal Studies. — 2016. — Vol. 45. — № 1. — P. 105–141.
12. *Frost N. A.* Beyond public opinion polls: Punitive public sentiment & criminal justice policy // Sociology Compass. — 2010. — Vol. 4. — № 3. — P. 156–168.
13. Institute for Criminal Policy Research. From highest to lowest: Prison population rate. URL: http://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (дата обращения 20.10.2018).
14. *King A., Maruna S.* Is a conservative just a liberal who has been mugged? Exploring the origins of punitive views // Punishment & Society. — 2009. — Vol. 11. — № 2. — P. 147–169.
15. *King R. D., Wheelock D.* Group threat and social control: Race, perceptions of minorities and the desire to punish // Social Forces. — 2007. — Vol. 85. — № 3. — P. 1255–1280.
16. *Maruna S., King A.* Once a criminal, always a criminal? ‘Redeemability’ and the psychology of punitive public attitudes // European Journal on Criminal Policy and Research. — 2009. — Vol. 15. — № 1–2. — P. 7–24.
17. *Shafiq N., Ohlsson I. M., Mathias P.* Predictors of punitive attitudes among police officers // Journal of Forensic Practice. — 2016. — Vol. 18. — № 1. — P. 76–86.
18. *Tyler T. R., Boeckmann R. J.* Three strikes and you are out, but why? The psychology of public support for punishing rule breakers // Law and Society Review. — 1997. — Vol. 31. — № 2. — P. 237–265.
19. *Unnever J. D., Cullen F. T., Applegate B. K.* Turning the other cheek: Reassessing the impact of religion on punitive ideology // Justice Quarterly. — 2005. — Vol. 22. — № 3. — P. 304–339.
20. *Unnever J. D., Cullen F. T., Fisher B. S.* «A liberal is someone who has not been mugged»: Criminal victimization and political beliefs // Justice Quarterly. — 2007. — Vol. 24. — № 2. — P. 309–334.

Дворецкий М. Ю.¹
Dvoretsky M. Yu.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

**CRIMINAL RESPONSIBILITY: PROBLEMS OF THEORY
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Аннотация. Автором рассматривается уголовная ответственность в уголовно-правовых отношениях и в механизме правового регулирования в контексте решения актуальных вопросов теории и проблем современной правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность; проблемы теории и правоприменительной практики; уголовно-правовые отношения; механизм правового регулирования.

Summary. The author considers criminal responsibility in criminal law relations and in the mechanism of legal regulation in the context of solving urgent problems of theory and problems of modern law enforcement practice.

Keywords: criminal responsibility; problems of theory and law enforcement practice; criminally-legal relations; mechanism of legal regulation.

Вследствие постоянного и продолжительного использования разработчиками нормативных актов понятия ответственности, в качестве основополагающей общеправовой категории, отечественный законодатель в положениях Уголовного кодекса ограничивается формулированием оснований, особенностей несения ее различными группами виновных, и одновременно оно используется характеризуя иные уголовно-правовые институты. Основания привлечения к уголовно-процессуальной ответственности разработчиками воспроизводятся и в положениях УПК, требуя также анализа разнообразных аспектов реализации. Целесообразность проведения дальнейших теоретических исследований данной проблемы состоит в наличии целого ряда общенаучных и прикладных обстоятельств.

В настоящее время лишь отечественная уголовно-правовая теория одновременно оперирует шестью различными по содержанию вариантами основополагающей категории «Уголовная ответственность», не имея нормативно

¹ ДВОРЕЦКИЙ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат юридических наук, доцент (Тамбов); DVORETSKY MIKHAIL YURYEVICH, Professor of the Department of Criminal Law and Process of the Institute of Law and National Security of Tambov State University named after GR. Derzhavin, PhD (Law), Associate Professor.

закрепленного понятия в положениях Уголовного кодекса. Последователи, разделяющие первую позицию считают, что она означает непосредственную реализацию той или иной предусмотренной уголовно-правовой санкции, тем самым позиционируясь категорией, тождественной какому-либо виду наказания. Сторонники, представляющие вторую позицию, отождествляют категорию «Уголовная ответственность» и какое-либо уголовно-правовое отношение, реализованное разнообразными вариантами, производными от определенного уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного отношения, позиционируя как межотраслевой институт. Третья позиция непосредственно позиционирует уголовную ответственность, как фактическим образом имеющуюся отрицательную оценку, общественное порицание, в реальной действительности состоявшееся осуждение виновного за содеянное, официально квалифицированное в качестве определенного состава преступления, предусмотренного ныне действующим Уголовным кодексом. Согласно положениям, сформулированным последователями в содержание четвертой позиции, уголовной ответственностью, признается основополагающий элемент, представляющий по отношению к виновному — обязанностью быть подвергнутым назначенному виду наказания за содеянное общественно опасное деяние. Соответственно пятая позиция позиционирует уголовную ответственность в качестве принудительной меры, уголовно-правовой формы правового государства, официально признающего существование какого-либо противоречия, не способного быть органами власти непосредственно нейтрализовать детерминанты асоциального явления, реально обезопасить общество и охранять законопослушных граждан от совершаемых общественно-опасных деяний. По представлению сторонников шестой позиции: данное основополагающее понятие — «Уголовная ответственность» означает уголовно-правовую форму решения, систематически возникающих социальных конфликтов общества и государства, всего социума и отдельной личности, и друг с другом за счет участия властных органов в их эффективном разрешении и предупреждении.

На сегодняшний день современная наука уголовного права, законодательная и правоприменительная практика, в первую очередь, непосредственно акцентируют внимание в контексте отдельных аспектов повышения эффективности основополагающей категории «Уголовная ответственность» в реальной социальной действительности Российской Федерации. Поскольку в настоящее время не следует ее рассматривать, фактически ограничиваясь методологическим контекстом, непосредственно устанавливая обще закономерные связи, то именно она реализуется также недопустимо малоэффективно, из-за разрыва с общими социальными, политическими, экономическими, научными,

нравственными парадигмами, доминирующими в цивилизованном обществе и гарантированными правовым государством.

Представляется, что в естественнонаучном контексте именно это изучение должно состоять в анализе взглядов ученых в сферах общественно-психологических наук, прежде всего, психофизиологии на реализацию уголовной ответственности. Так, фактически теория уголовного права должна учитывать как биологические, так и философские первоосновы, поскольку теряется всякий смысл непосредственного воздействия механизма наиболее эффективного воздействия по отношению к психоэмоциональной сфере жизнедеятельности виновного в содеянном общественно опасном деянии при реализации уголовной ответственности. Экономический аспект уголовной ответственности, выступающей государственно-принудительной мерой, позиционируется детерминированностью отдельных преступлений, складывающихся в преступность в целом, существованием конфликта прогрессивных производительных сил общественного развития и устаревших производственных отношений, становящегося базисной первоосновой окончательного позитивно-прогрессивного преодоления, исходя из социальных, экономических, политических и правовых форм. Следовательно, дискуссия вокруг разнообразных аспектов основополагающей категории «Уголовная ответственность», прежде всего, в контексте эффективной реализуемости — это актуальная научно-прикладная проблема.

Вследствие реализуемости уголовной ответственности посредством решения возникающих асоциальных противоречий, именно она непосредственно выступает в качестве первопричины иных является конфликтных ситуаций общества и отдельных его представителей, смыслом которых, отраженном в положениях УК, является обеспечение материального принуждения виновных лиц, ее несущих. Поскольку ведение асоциальных форм взаимоотношений постоянно приводит к совершению общественно-опасных деяний, а в результате к появлению преступности, выступающей в качестве стабильного массового антиобщественного негатива, требующего систематических государственно-принудительных мер, которые позиционируются адекватной декларируемой реакцией государства. Фактически возрастание социальных потребностей и государственных возможностей их оптимального удовлетворения приводят к необходимости высокоэффективной репрессивной политики, при этом непосредственно требует в реальной действительности наиболее плодотворно-анализированного дополнения и изменения отечественного понятийно-терминологического аппарата, прежде всего, в контексте понятий, сущностных особенностей, систематизации, критериев эффективности реализуемой основополагающей категории «Уголовная ответственность». Также наиболее актуально определение как самих мест,

так и конкретно выполняемых ролей в реализации государством репрессии при осуществлении комплекса мероприятий, целенаправленных на правовое урегулирование связей членов социума, постоянно возникающих в обществе. Отличия отечественной уголовно-правовой теории фактически проявляются в разнообразии мнений, противоречивости высказываний, полемике и дискуссионности выводов исследователей непосредственно в отношении как общих, так отдельных проблем основополагающей уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность», что сказывается определяющим образом в реальной действительности на эффективном применении отечественных уголовно-правовых норм.

Фактическая охрана, осуществляемая непосредственно по отношению как к отдельным лицам, так и обществу и (или) государству, целенаправленно защищает посредством превенции ею (уголовной ответственностью), также и осуществлением в отношении уже совершивших общественно опасные деяния виновных субъектов. Констатируем, фактически именно это обстоятельство непосредственно и, предотвращая совершение преступлений, должно быть реально максимально ясным для реализации. Вследствие того, что следует изменить редакцию именно тех положений основополагающей уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность» в контексте аспектов, которые в настоящее время не обеспечивают разрешение декларируемых законодателем задач, то, прежде всего, необходимо рассмотреть перечень проблем, связанных с ее основанием. Так, когда оно фактически решает задачи отраслевого законодательства, его нормы непосредственно высокоэффективны в современной реальной действительности. В свою очередь, если же оно не соответствует тому или иному требованию, реализация уголовной ответственности не оптимальна, противореча нормативно закрепленным целям, в реальной действительности препятствуя формированию правового государства и функционированию цивилизованного социума, дестабилизируя их.

Положение об основополагающей уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность», эффективной реализуемости сегментов нашло отражение в следующих обстоятельствах. В первую очередь, были сформулированы общенаучные основы учения об уголовной ответственности в XVIII–XX веках, которые представлены в трудах, прежде всего, западноевропейских ученых-философов и правоведов. Во вторую очередь, наиболее проблемные аспекты урегулирования правоотношений, которые связаны с эффективной реализуемостью форм основополагающей категории «Уголовная ответственность» и их видов нашло отражение в период XIX–XX веков и связано с А. Ф. Кистяковским, Н. Д. Сергиевским, П. И. Люблинским, Н. С. Таганцевым, С. В. Познышевым, И. Я. Фойницким. В третью очередь, фактически «советская эпоха» генезиса отечественного правоведения и непосредственно

исследование основополагающей уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность» в реальной действительности связана со следующими учеными: З. А. Астемировым, Н. А. Беляевым, И. М. Гальпериним, А. А. Герцензоном, И. И. Гореликом, А. Э. Жалинским, А. Н. Игнатовым, И. И. Карпецом, В. Н. Кудрявцевым, Н. Ф. Кузнецовой, Г. А. Кригером, А. И. Марцевым, И. С. Ноем, А. А. Пионтковским, Ф. Р. Сундуровым, М. Д. Шаргородским. В четвертую очередь, проблемные аспекты, связанные с реализуемостью основополагающей уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность» плодотворно исследовались Р. А. Базаровым, Р. Р. Галиакбаровым, И. Я. Козаченко, Л. Л. Кругликовым, В. П. Малковым, Г. М. Миньковским, С. Ф. Милюковым, А. С. Михлиным, С. В. Полубинской, А. И. Парогом и другими. В пятую очередь, проблема эффективности основополагающей уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность» выступает предметом исследований, осуществленных и ведущихся Ю. М. Антоняном, Х. Д. Алиперовым, Д. Н. Бахрахом, А. Г. Безверховым, В. Г. Беляевым, Г. Н. Борзенковым, А. И. Бойцовым, Е. В. Благовым, Я. М. Брайниным, С. Н. Братусем, А. В. Бриллиантовым, Б. В. Волженкиным. Вследствие того, что фактически есть исследования методологических основ этой основополагающей категории, то в настоящее время рассматривались те формы основополагающей уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность» и их виды, которые традиционно вызывают полемику среди представителей научной общественности разных периодов развития отечественной науки уголовного права и современной правоприменительной практики.

На сегодняшний день концепция уголовной ответственности в уголовно-правовой теории сложилась из относительно целостной системой познания об ее реализуемости в формах и их видах, структурно составляя важную часть отечественной науки уголовного права и современной правоприменительной практики. Так, концепция уголовной ответственности непосредственно выступает, как методологическая, так и общетеоретическая первоосновы в оптимальной разработке и эффективном осуществлении научно обоснованных политических решений государственных органов в реальной действительности, целенаправленно в данном отраслевом контексте. Элементы механизма, регулирующего общественные отношения образуются за счет следующей комбинаций — норм-правоотношений — уголовной ответственности.

Вследствие недостаточной разработанности методологического аспекта исследование уголовной ответственности, данная причина требует воспользоваться диалектическим, системным, комплексным подходами анализируя проблемы существования в понятийно-терминологическом аппарате уголовного права и практики дальнейшей ее эффективной реализации. Фактически требуется непосредственно придерживаться соблюдения принципов в реальной

действительности. Прежде всего, это существующая взаимосвязь, причинная обусловленность общеправовых явлений и (или) процессов имеющимися социально-экономическими, социально-политическими, а также природными, морально-нравственными факторами совершенствования общественного развития, соблюдением историзма в социальных процессах. Именно такой концептуальный подход обеспечивает наиболее значимую аргументацию при обосновании общественно-значимых сущностных особенностей, практики применения. Следовательно, методология основополагающей уголовно-правовой категории «Уголовная ответственность» — это концепция, достоверно подтверждающая разностороннюю ее сущность, фактическую взаимосвязь с факторами жизни общества, непосредственно систематизацией, как базовых принципов, так и методов анализа эффективности реализуемости.

Каждое организованное общество фактически в первую очередь определяется с официальным правовым установлением непосредственного появления и наличия разнообразной согласно реализуемым видам социальной ответственности, в том числе и ее юридической составляющей. Поскольку именно данная юридическая основополагающая категория должна всегда осознаваться законопослушным индивидом, проявляясь в общественно-полезном поведении, то в тот момент всякое содеянное правонарушение в любой разновидности, в том числе и преступления, влечет меры государственно-принуждения, а именно несение виновным уголовной ответственности, связанной с судимостью и ее последствиями. Так, в свою очередь, уголовной ответственностью презюмируется в качестве фундаментальной по содержанию естественной реакцией, предпринимаемой цивилизованным обществом и правовым государством в отношении асоциальных членов-сограждан непосредственно неправомерно посягать за защищаемые ценности. Именно категория «Уголовная ответственность» реально выступает необходимым средством обеспечения в контексте осуществления последовательно-стабильной уголовно-правовой политики условий для нормальной жизнедеятельности всего социума. К образующим систему признакам данной уголовно-правовой категории фактически относятся: во-первых, фундаментальность как уголовно-правовая категория и, во-вторых, триединая сущность в виде социально-политической, морально-нравственной и уголовно-правовой составляющих ее сегментов.

Дворянсков И. В.¹
Dvoryanskov I. V.

ИНТЕРЕСЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

THE INTERESTS OF THE JUDICIARY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Аннотация. Статья посвящена исследованию концептуальных подходов и существенных проблем уголовно-правовой охраны интересов судебной власти. Осуществлен критический обзор существующих в науке подходов к определению группы преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ. Рассматриваются философские, аксиологические и правовые аспекты проблемы. Моделируются позитивные эффекты уголовно-правовой охраны интересов судебной власти.

Ключевые слова: интересы судебной власти, преступления против правосудия, объект уголовно-правовой охраны, правоохранительная деятельность.

Summary. The article is devoted to the study of conceptual approaches and essential problems of criminal law protection of the interests of the judiciary. A critical review of existing approaches to the definition of crimes under Chapter 31 of the criminal code is carried out. Philosophical, axiological and legal aspects of the problem are considered. Positive effects of criminal and legal protection of interests of judicial power are modeled.

Keywords: interests of the judiciary, crimes against justice, the object of criminal law protection, law enforcement.

Судебная власть, будучи инструментом обеспечения правопорядка, сама также нуждается в охране. Предлагаемый нами концептуальный подход заключается в том, что охране подлежат интересы судебной власти. Это обусловливает изменение не только наименования, но и содержания объекта, что требует теоретического обоснования. На сегодняшний день, как уже отмечалось, в науке господствует точка зрения, согласно которой видовым объектом преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, выступает правосудие.

Охраняя правосудие, мы, по крайней мере терминологически, не распространяем охрану на важнейшую составляющую судебного механизма регулирования, определяющую его эффективность и сущность в целом, т. е. его

¹ ДВОРЯНСКОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, отдел по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности УИС центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний, доктор юридических наук, доцент (Москва); DVORYANSKOV IVAN VLADIMIROVICH, Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department for Improving the Legal Regulation of the UIS in the Center for Studying Management Problems and the Organization of Penalty Execution, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow).

властно-принудительный блок. Речь в данном случае идет не только о судах, тем более у них нет собственного силового аппарата, но и о государственных органах, призванных обеспечивать интересы судебной власти на всех стадиях судопроизводства (включая дознание, следствие, прокуратуру, органы, исполняющие судебные акты).

Аксиология судебной власти строится на основе соблюдения законности на всех стадиях ее реализации, что наглядно доказывает «сквозной» характер ряда принципов и правил, в частности регулирующих процесс доказывания, охрану прав участников судопроизводства и т. д.

Интересы судебной власти имеют характер системного признака, интегрирующего все главы в разделе X УК РФ. Так, в гл. 29 УК РФ речь идет об общегосударственных интересах в охране основ конституционного строя и безопасности государства. Главой 30 УК РФ предусматривается охрана государственной власти (общий интерес), интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. В гл. 31 УК РФ фактически закреплена охрана интересов судебной власти, а в гл. 32 УК РФ — интересов органов управления.

Интересы судебной власти тесно связаны с вытекающими из закона ее задачами, которые можно в общем виде сформулировать как: а) охрана правопорядка; б) обеспечение безопасности конституционного строя, политической и экономической систем государства, прав и законных интересов физических и юридических лиц; в) разрешение социальных конфликтов и восстановление (поддержание) социальной справедливости, стабильности и баланса интересов в обществе. Решение указанных задач является критерием оценки осуществления судебной власти. Однако уголовное право не имеет в распоряжении средств непосредственного обеспечения ее эффективности. Роль уголовно-правовых норм может состоять лишь в охране соответствующих правовых предпосылок.

Охрана рассматриваемых интересов, в сущности, не исключает охраны правосудия. Наоборот, последнее понимается как суд, основанный на законе и справедливости. Правосудие как результат правоохранительной и судебной деятельности является одним из главных интересов судебной власти, критерием ее эффективности, выполнения социального предназначения. Вместе с тем правосудность не является ни имманентным свойством, ни закономерным результатом судопроизводства. Скорее она выступает идеалом, к которому нужно стремиться. Это подтверждается возможностью и фактической практикой пересмотра судебных решений как неправосудных, совершением различных преступлений, препятствующих осуществлению правосудия, в частности вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ). В этой связи очевиден вывод: нельзя охранять то, к чему

только стремишься; охранять можно то, что уже есть в наличии. М. В. Немыгина справедливо отмечает, что термин «правосудие» применительно к России следует употреблять крайне осторожно, поскольку в русле отечественной правовой традиции он означает «суд правый», можно продолжить — «скорый и милостивый»².

Охраняя отраженные в праве интересы судебной власти, мы обеспечиваем и правосудие, поскольку его гарантии встроены в систему правового регулирования на всех процессуальных и постпроцессуальных (исполнительных) стадиях. В этой связи термин «уголовно-правовая охрана правосудия» в контексте охраны процедур и участников судопроизводства представляется некорректным. В то же время при охране атрибутов, процедур и участников реализации судебной власти происходит обеспечение правосудия, закладываются предпосылки для этого.

Приведем еще один аргумент в пользу правовой охраны интересов судебной власти. В ряде норм гл. 31 УК РФ объект персонифицируется в личности субъектов осуществления правосудия. Закон называет их потерпевшими. При этом посягательства на них не случайно отнесены именно к преступлениям против правосудия. Эти лица (судья, присяжный заседатель, прокурор, защитник и пр.) являются не просто гражданами, но и носителями важных функций, без которых правосудие невысказимо. Закон охраняет прежде всего данные функции, их нормальное осуществление. Личность же их носителя выступает дополнительным объектом. Не будем здесь останавливаться на вопросе — оправданно ли ставить человека на второе место по сравнению с какими бы то ни было другими социальными благами и как это соотносится с конституционным положением о том, что личность признается высшей ценностью. Вероятно, здесь есть повод для размышления.

Думается, что проблема состоит в неправильном определении видового объекта охраны. Для ее оптимального решения нужно рассматривать объект преступлений, предусмотренных в гл. 31 УК РФ, как сложную многоуровневую систему. Это позволит раскрыть максимально большее число его существенных признаков и социально полезных свойств, внутрисистемных и внешних взаимосвязей, положительных и отрицательных факторов судопроизводства. Правосудие в процессуальном законодательстве — это всего лишь функция суда, причем не единственная. Между тем уголовный закон совершенно справедливо охраняет более широкий круг общественных отношений. Личность, вступающая в качестве участника в сферу судопроизводства, автоматически встраивается в его механизм в качестве необходимого элемента, без которого

² См.: *Немыгина М. В.* Право России как интеграционное пространство. — Саратов, 2008. — С. 137, 140.

его реализация невозможна (например, в качестве свидетеля, потерпевшего, эксперта, защитника, судьи, прокурора и др.). Стало быть, личность подлежит охране в качестве такого элемента наряду с остальными элементами и условиями реализации судебной власти. При этом человек не теряет своих прав, своего статуса, оставаясь самим собой. Это снимает проблему противоречия в иерархии объектов охраны.

В литературе рассматриваемый объект преступления отдельными авторами представлен в виде интересов правосудия³. Иногда они выделяются в качестве самостоятельного элемента наряду, например, с «законной и правильной деятельностью судебных учреждений по рассмотрению уголовных и гражданских дел»⁴. Встречается также отождествление интересов и общественных отношений как объекта преступлений против правосудия. Например, по словам Т.К. Агузарова, «видовой объект преступлений против правосудия определяется как интересы правосудия, складывающиеся из двух групп общественных отношений – отношений по отправлению правосудия судом и отношений по осуществлению правоохранительными органами деятельности, направленной на реализацию целей и задач правосудия путем создания необходимых условий для осуществления судом его полномочий по отправлению правосудия»⁵.

Признавая интерес сущностью, а не элементом общественного отношения, мы полагаем, что причинение вреда объекту посягательства может выражаться в нарушении охраняемого интереса. Однако уголовное право, будучи публичной отраслью, не может охранять интересы отдельных субъектов общественных отношений, а имеет в виду обобщенные интересы личности, общества и государства, выражающиеся в необходимости урегулированности общественных отношений, создании благоприятных условий для их реализации. Н. С. Таганцев указывал, что сущностью преступления не может быть посягательство на частный интерес, поскольку при таком решении вопроса утратит «всякое значение социальная сторона преступной деятельности, исчезнет возможность надлежащей оценки проявившейся в преступлении личности преступника, оценки видов виновности, сделается невозможной правильная оценка карательных мер»⁶. Если, с одной стороны, отмечал автор,

³ См., например: *Носкова Н. А.* Ответственность граждан за преступления против правосудия. — М., 1975. — С. 12.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б. Т. Разгильдиева, А. Н. Красикова. — Саратов, 1999. — С. 557.

⁵ *Агузаров Т.К.* Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.— М., 2004. — С. 18.

⁶ См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1.— М., 1994. — С. 5.

«несомненно, что преступное деяние хотя и имеет своим непосредственным объектом конкретное благо, но сущность его не исчерпывается вредом и опасностью, причиняемыми этому благу, а по преимуществу заключается в противодействии, оказываемом им господству права в государстве, то, с другой стороны, также очевидно, что сравнительная тяжесть отдельных преступных деяний для правопорядка определяется не этим противодействием праву, даже не проявленной виновным энергией этого противодействия, а значением правоохраняемого интереса, на который направлялось посягательство»⁷.

В современный период концепцию интересов как сущностной основы уголовно-правового регулирования разрабатывают, в частности О. А. Мотин⁸, Н. В. Шигина⁹. По словам последней, в уголовно-политическом смысле государство является субъектом, обладающим правом устанавливать адресованные индивиду запреты в жизненно важных интересах (безопасности в широком смысле) личности, общества и себя самого, определяемых необходимыми и достаточными условиями их существования, гарантирование которых является обязанностью государства и обеспечивается государственным принуждением¹⁰. Таким образом, автор справедливо рассматривает интересы, охраняемые правом как публичные категории, обусловленные социальными потребностями, по отношению к которым государство в лице его органов может выступать как гарант, но не как генератор либо носитель. В этой связи позиция Т. К. Агузарова выглядит необоснованной. У судебной власти не может быть интересов, отличных или обособленных от интересов общества. Собственно и сама судебная власть — это механизм разрешения социальных конфликтов, т. е. играет не самостоятельную, а подчиненную роль в социальной жизни.

Применительно к посягательствам на судебную власть интересы участников судопроизводства учитываются и охраняются уголовным правом только как интегрированные в публично-правовую форму. В этом смысле они не могут противоречить друг другу, что исключает возможность противостояния интересов, когда любой исход дела будет расцениваться как «проигрыш» одной из сторон. Напротив, только в случае вынесения судебного или иного властного решения (например, постановления об освобождении от уголовной ответственности, прекращении уголовного дела и т. п.) на основе законности

⁷ Там же.

⁸ См.: Мотин О. А. Частный интерес в системе уголовно-правовой охраны. — Самара, 2006.

⁹ См.: Шигина Н. В. Интерес в уголовном праве (методологический аспект). — Владимир, 2007; Она же. Отражение интересов субъектов уголовного права и субъектов уголовно-правовых отношений в Уголовном кодексе РФ. — Владимир, 2008.

¹⁰ См.: Шигина Н. В. Указ. соч. — С. 132–133.

и справедливости можно говорить о всеобщем «выигрыше», о соблюдении общего интереса.

Итак, по нашему мнению, следует рассматривать в качестве видového объекта преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, не правосудие, а интересы судебной власти. Это согласуется и с наименованием раздела X УК РФ «Преступления против государственной власти». Исходя из конституционного принципа разделения властей, охране должна подлежать именно судебная власть как одна из ветвей государственной власти, а не правосудие как лишь одна из функций.

Предлагаемая концепция интересов судебной власти как объекта уголовно-правовой охраны снимает противоречие между уголовным правом и процессуальными отраслями, поскольку данное понятие характеризует не только непосредственный процесс реализации судебной власти, но также предварительные и последующие за судебным решением стадии.

Введение данной категории позволяет решить и некоторые теоретические проблемы, в частности о включении в объект охраны всех видов судопроизводства (например, арбитражного, административного, конституционного), а также иных видов судебной деятельности, например, судебного контроля. Кроме того, концепция интересов судебной власти позволяет теоретически обоснованно использовать потенциал уголовного права для обеспечения деятельности правоохранительных, судебно-исполнительных органов.

Представленный подход дает возможность рассматривать объект уголовно-правовой охраны в аксиологическом аспекте. Интересы всегда базируются на ценностях, актуальных для субъекта — носителя интереса. В данном случае для судебной власти как института государства интересы проистекают из правовых основ судопроизводства. Охраняя его ценностные аспекты, мы тем самым обеспечиваем достижение поставленных перед судебной властью целей, решение соответствующих задач, в конце концов — правосудие как основное предназначение судебной власти, закрепленное в ст. 118 Конституции РФ. Иными словами, уголовно-правовая охрана интересов судебной власти при определении правильных параметров таковой предполагает обеспечение того положительного эффекта, на который рассчитывают общество и государство. Сама по себе охрана не является формой непосредственного воздействия ни на объект, ни на отношения, в рамках которых он существует, имеет пассивный характер. Однако достигаемая посредством нее безопасность определенных содержательных аспектов объекта призвана оказывать положительное влияние на него в целом, обеспечивая тем самым необходимое состояние и динамику складывающихся в его рамках общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агузаров Т.К.* Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2004.
2. *Мотин О.А.* Частный интерес в системе уголовно-правовой охраны. — Самара, 2006.
3. *Немытина М.В.* Право России как интеграционное пространство. — Саратов, 2008.
4. *Носкова Н.А.* Ответственность граждан за преступления против правосудия. — М., 1975.
5. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. — М., 1994.
6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. — Саратов, 1999.
7. *Шигина Н.В.* Интерес в уголовном праве (методологический аспект). Владимир, 2007.
8. *Шигина Н.В.* Отражение интересов субъектов уголовного права и субъектов уголовно-правовых отношений в Уголовном кодексе РФ. — Владимир, 2008.

Дикаева М. С.¹
Dikaeva M. S.

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
 В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF IMPOSITION
 OF IMPRISONMENT TO JUVENILES**

Аннотация. Исторически изменение курса уголовной политики государства в сторону смягчения наказания и условий его отбывания начиналось в качестве эксперимента именно с несовершеннолетних. На сегодняшний день наказательная политика России в отношении несовершеннолетних направлена на существенное сокращение данной категории лиц в местах лишения свободы.

Ключевые слова: несовершеннолетние; лишение свободы; уголовное наказание; статистика.

Summary. Historically, a change in the course of the state's criminal policy towards mitigation of punishment and the conditions of its serving began as an experiment with juveniles. Today the penal policy of Russia in relation to juveniles is aimed at a substantial reduction of this category of convicts in prisons.

Keywords: juveniles; imprisonment; criminal punishment; statistics.

Самый длительный период человеческой истории, вплоть до середины XX в., связан с применением к виновным именно наиболее строгих наказаний, и лишь в последние 60–70 лет прочно определился тренд на смягчение этой политики. Исторический анализ развития института наказания показывает, что изменение курса уголовной политики государства в сторону смягчения наказания, придания ему новых целей начиналось в качестве эксперимента именно с несовершеннолетних.

Так, создание в 1780-х гг. в Лондоне филантропического общества, поставившего себе задачу предупреждения преступлений путем воспитания и исправления молодых бродяг, можно считать началом перехода от средневековой идеи устрашения к идее исправления. Впоследствии в Англии появляется еще несколько таких обществ (в 1830 г. «Общество детских друзей», в 1848 г. ферма-школа для молодых преступников «Редгилль», в 1870-е гг.

¹ ДИКАЕВА МИЛАНА САЛМАНОВНА, старший преподаватель кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург); DIKAEVA MILANA SALMANOVNA, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, PhD in Law (St. Petersburg).

индустриальные школы), в которых апробировались новые воспитательные программы, включавшие в себя и элементы самодеятельности².

В России толчком к общественной деятельности в пользу нравственного исправления малолетних преступников послужил Закон от 5 декабря 1866 г., которым были приняты Правила об устройстве приютов. В объяснительной записке II отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии к проекту Устава о наказаниях (1866 г.) предлагалось для несовершеннолетних создать принципиально иные пенитенциарные учреждения, в организации которых использовался бы передовой опыт европейских стран. Отмечалось, что «тюремное заключение в тех условиях, в каких оно используется над взрослыми, в отношении к ребенку, едва вступившему на путь порока, очевидно, имело бы последствием окончательную его порчу и гибель», «что в отношении к детям закон должен иметь в виду менее цель карательную, чем исправительную»³.

На формирование и развитие в России идеологии цивилизованного отношения к лицам, осужденным за преступления, оказали влияние ученые-юристы дореволюционной России, такие как М. Н. Гернет, М. В. Духовской, А. А. Жижиленко, А. Ф. Кистяковский, В. Д. Спасович, Н. С. Таганцев, выступавшие против жестокости наказания и против смертной казни. Они обосновывали необходимость предупреждения преступлений путем решения социальных проблем и налаживания быта осужденных. Первые заведения для несовершеннолетних были открыты в Санкт-Петербурге (1871 г.), Саратове (1873 г.), Москве (Большевский приют, 1874 г.), Казани и Киеве⁴.

Самодеятельность осужденных рассматривалась как один из методов их исправления. В конце 1860-х годов в России развернулась дискуссия о моделях пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних, в ходе которой предлагалось обобщить положительный опыт исправительных приютов и «старания земств и частных благотворительных лиц, вкладывающих живую душу в святое дело исправления нравственно заброшенных детей»⁵. Например, целью Вологодского исправительного приюта ставилась организация «правильного религиозно-нравственного, умственного и физического

² Минц П. М. Английская система принудительного воспитания // Журнал Министерства Юстиции. — 1896. — № 3–4. — С. 241–242.

³ Дриль Д. А. Тюрьма и принудительное воспитание // Журнал Министерства Юстиции. — 1900. — Апрель. — С. 138.

⁴ Беляева Л. И. Становление отечественной школы предупреждения преступлений несовершеннолетних (середина XIX — начало XX в.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. — № 3. — С. 43.

⁵ Журнал Министерства Юстиции. — 1900. — Апрель. — С. 142–143.

воспитания и ремесленного образования, ...приучение к честному труду»⁶. В отчетах о деятельности этого приюта есть информация о поощрении самостоятельной инициативы подростков, о праве самим выбирать профессиональное занятие (сапожное, столярное, переплетное, огородное)⁷. В 1905 г. в 47 исправительно-воспитательных заведениях России несовершеннолетние могли сделать самостоятельный выбор из 16 профессий⁸.

Однако общая ситуация в стране по организации тюремного дела была сложной. По признаниям правительств, вследствие громадных пространств территории России немислимо было ждать прочно устроенной системы исправления малолетних преступников⁹. При постоянном росте численности несовершеннолетних преступников мест их содержания хронически не хватало. Так, по статистике на 1 января 1890 г., в 18 исправительных приютах и земледельческих колониях России содержалось 941 лицо, тогда как ежегодно подвергалось наказанию около 9000 несовершеннолетних¹⁰.

Что касается современной наказательной политики России, законодатель пошел на значительное снижение максимального срока лишения свободы для несовершеннолетних. Так, в силу ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы назначается несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления в возрасте до 16 лет, на срок не свыше шести лет; этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним осужденным наказание назначается на срок не свыше 10 лет и отбывается в воспитательных колониях. А согласно ч. 6¹ ст. 88 УК РФ при назначении несовершеннолетнему осужденному наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК, сокращается наполовину.

Справедливо замечание А. В. Комарницкого о том, что современная политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей является отражением стратегии государства в области противодействия преступности, скорректированным социальным отношением к несовершеннолетию¹¹. Такая

⁶ Устав Вологодского исправительного ремесленного приюта для несовершеннолетних мужского пола. — Вологда, 1881. — С. 1.

⁷ Одиннадцатый отчет Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1894 г. — Вологда, 1895. — С. 36.

⁸ Извлечение из отчета Главного Тюремного Управления за 1905 г. // Журнал Министерства Юстиции. — СПб., 1907. — № 8 (октябрь). — С. 189, 196.

⁹ Хроника // Министерство Юстиции. — 1987. — Май. С. 354, 356.

¹⁰ Таганцев Н. С. Сводный отчет о деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников на 1891 год. — М., 1891. — С. 76–77.

¹¹ Комарницкий А. В. Основы ювенального права. — СПб., 2011. — С. 301.

политика в отношении несовершеннолетних привела к тому, что за последние годы численность осужденных несовершеннолетних уменьшилась в три раза (таблица № 1).

Таблица № 1

Общее количество осужденных несовершеннолетних (чел.) и их удельный вес в общем числе осужденных (в %)¹²

2008		2009		2010		2011		2012	
73333	7,9	56406	6,3	46954	5,6	38287	4,9	32572	4,4
2013		2014		2015		2016		2017	
29205	4,0	23586	3,3	22816	3,5	23912	3,2	20632	2,9

Таблица № 2

Количество несовершеннолетних, осужденных за отдельные виды преступлений, отбывающих наказание в воспитательных колониях¹³

Год	Общее кол-во осужденных	Общее кол-во совершенных преступлений	Убийство	Умышленное причинение ТБЗ	Изнасилование	Кража	Грабеж, разбой
2010	4053	78548	315	473	262	851	1431
2011	2792	71910	256	325	240	548	947
2012	2293	64270	184	255	192	488	728
2013	1974	67225	175	225	168	402	585
2014	1776	59549	155	215	170	302	518
2015	1683	61833	170	187	134	279	459
2016	1655	53736	167	195	209	251	435
2017	1443	42504	119	150	168	204	327

¹² Основные статистические показатели судимости в России за 2008–2017 годы. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://сдер.гу/индекс.php?id=79&item=2074> (дата обращения 17 сентября 2018 г.)

¹³ Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения 17 мая 2018 г.); А также: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 гг. Официальный сайт Министерства внутренних дел России. — URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/?noredirect=1> (дата обращения 17 сентября 2018 г.).

Почти в три раза сократилась и численность несовершеннолетних лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (таблица № 2): с 4053 чел. в 2010 г. до 1443 чел. в 2017 г. Это совпадает с тенденцией сокращения количества зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Несмотря на провозглашенный курс либерализации уголовной политики и гуманизации исполнения наказаний, политику государства в данном направлении нельзя назвать последовательной, причем это касается и политики в отношении несовершеннолетних. Как справедливо отмечают авторы монографии «Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития», противоречивость пенализационной политики связана, помимо прочего, с необходимостью «лабиринтов» между репрессивными установками населения и либеральными декларациями официальных властей. Примером последнего может служить разработка проекта закона, направленного на установление возможности применения высшей меры наказания к несовершеннолетним, достигшим 16-летнего возраста, при одновременной реализации международных обязательств по отмене смертной казни¹⁴. Между тем курс на дальнейшую либерализацию уголовной политики представляется наиболее предпочтительным.

История развития пенитенциарной системы, мер социального контроля над преступностью показывает их изменчивость, зависимость уголовной и пенитенциарной политики от состояния экономики, политики, культуры общества. Формы и методы воздействия на преступность — это элемент культуры: постепенное развитие общества, открытие новых знаний, повышение культурного уровня населения приводит к осознанию необходимости отказа от квалифицированных видов казней, телесных наказаний и поиску новых видов наказания, отвечающих современному стилю и образу жизни. Современная наказательная политика России в отношении несовершеннолетних, направленная на существенное сокращение данной категории лиц в местах лишения свободы, дает надежду на то, что она окажет свое влияние и на общую политику в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляева Л. И.* Становление отечественной школы предупреждения преступлений несовершеннолетних (середина XIX – начало XX в.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 3.

¹⁴ Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: Монография / Под общ. ред. В. Ф. Лапшина.— М.: Юрлитинформ, 2018. — С. 78.

2. *Дриль Д. А.* Тюрьма и принудительное воспитание // Журнал Министерства Юстиции. — 1900. — Апрель.
3. Журнал Министерства Юстиции. — 1900. — Апрель.
4. Извлечение из отчета Главного Тюремного Управления за 1905 г. // Журнал Министерства Юстиции. — СПб., 1907. — № 8 (октябрь).
5. *Комарницкий А. В.* Основы ювенального права. — СПб., 2011.
6. *Мицц П. М.* Английская система принудительного воспитания // Журнал Министерства Юстиции. — 1896. — № 3–4.
7. Одиннадцатый отчет Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1894 г. — Вологда, 1895.
8. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: Монография / Под общ. ред. В. Ф. Лапшина. — М.: Юрлитинформ, 2018. 408 с.
9. Устав Вологодского исправительного ремесленного приюта для несовершеннолетних мужского пола. — Вологда, 1881.
10. Хроника // Министерство Юстиции. — 1987. — Май.
11. Шестой отчет Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1889 г. — Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1890.

*Емельянов В. А.*¹
Emelyanov V. A.

**ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО
АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION OF MODERN
CRIMINAL ANTINARCOTIC LEGISLATION**

Аннотация. Необходима систематизация современного уголовного антинаркотического законодательства путем пересмотра санкций статей, квалифицированных составов и исключения «мертвых» норм из Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: систематизация, уголовное антинаркотическое законодательство, наркотические средства.

Summary. It is necessary to systematize the modern criminal anti-drug legislation by reviewing the sanctions of articles, qualified compositions and the exclusion of «dead» norms from the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: systematization, criminal anti-drug legislation, drugs.

Преступность в сфере незаконного оборота наркотиков тревожит российское население не одно десятилетие. Это не случайно. Вред, наносимый ею, однозначно говорит о необходимости постоянного контроля и противодействия как со стороны правоохранительных органов, так и общества. У них несомненно имеются определенные достижения, однако, анализируя действующее уголовное антинаркотическое законодательство и российскую судебную практику, понимаешь, что нормы уголовного закона, к сожалению, не систематизированы, что имеет разные проявления.

В частности, постоянно меняются санкции за те или иные деяния в сфере незаконного оборота наркотиков. Мнение законодателя колеблется: от лояльного отношения к наркопреступникам до установления суровых мер и увеличения сроков.

Совершенно очевидно, что в предусмотренном наказании в виде «лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового или пожизненным лишением свободы» за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических

¹ ЕМЕЛЬЯНОВ ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ, федеральный судья Ессентукского городского суда (Ессентуки); EMELYANOV VIKTOR ANATOLYEVICH, Federal Judge of Essentuki City Court (Essentuki).

средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества или деяния, предусмотренные частями второй, третьей или четвертой статьи 228¹, совершенные в особо крупном размере, имеется явный перекокс. Для сравнения: пожизненное лишение свободы имеется среди альтернативных наказаний за квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ). В иерархии ценностей, защищаемых уголовным законом, жизнь — наибольшая ценность, здоровье населения также охраняемо уголовным правом, однако эти ценности не равнозначны.

Кроме того, внесенные в декабре 2003 года поправки в Уголовный кодекс РФ отменили институт конфискации по всем видам преступлений, что дает дополнительную возможность лицам, причастным к незаконному обороту наркотиков, обогатиться за счет преступных действий с наркотиками. Однако Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ² (Вена, 1988 г.) зафиксировала положение о необходимости изыскания средств государством для организации лечения и возвращения к нормальной жизни наркоманов. Одним из источников средств для этих целей предполагается конфискация доходов от незаконного оборота наркотиков. В соответствии с названной Конвенцией государства соглашаются изменить свои национальные законы, чтобы обеспечить конфискацию доходов от незаконного оборота наркотиков.

Кроме того, в соответствии с частью 1 статьи 8 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма³ каждое государство-участник принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права необходимые меры для того, чтобы определить, обнаружить, заблокировать или арестовать любые средства, используемые или выделяемые в целях совершения преступлений, а также средства, полученные в результате таких преступлений, для целей возможной конфискации.

В связи с этим утративший юридическую силу обязательный вид наказания с установлением размеров конфискованного имущества в пределах дохода, полученного или предполагаемого в результате приобретения или сбыта наркотиков необходимо, по нашему мнению, восстановить. Восстановление

² Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: Конвенция ООН, 20.12.1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. — М., 1988. — С. 133–157.

³ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: Конвенция ООН, 9.12.1999 г., Нью-Йорк // СЗ РФ. — 2003. — № 12. — Ст. 1059.

конфискации в виде уголовно-правовой меры в главе 15¹ УК РФ⁴ и ее применение к ряду статей, предусмотренных за наркопреступления, не обладает тем необходимым предупредительным эффектом, которым обладает вид наказания.

Совершенствование современного уголовного антинаркотического законодательства требует пересмотра и ряда квалифицированных признаков статей 228–234 УК РФ. Многочисленные изменения, внесенные в них за прошедшее десятилетие, не всегда были обоснованы.

Поэтому в ближайшей перспективе хотелось бы увидеть результаты работы законодателя по систематизации современного уголовного антинаркотического законодательства. Оно несомненно должно опираться на результаты теории и судебной практики. Необходимо исключить «мертвые» нормы, а также «мертвые» санкции, излишнюю детализацию в виде квалифицированных составов основных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков и обеспечить стабильность основных уголовных институтов применительно к сфере исследования.

⁴О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и федерального закона «О противодействии терроризму»: Федеральный закон, 27.07.2006. — № 153-ФЗ // Российская газета. — № 165 (с изм. Фед. закона от 05.06.2007. — № 87-ФЗ).

Жунисбаева Г. Н.¹
Zhunisbaeva G. N.

ПРОБАЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

PROBATION AS A FORM OF SOCIAL-LEGAL AND CRIMINAL-LEGAL INFLUENCE IN A MODERN PENAL-CORRECTION SYSTEM

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования системы уголовно-правовой политики с помощью социально-правового и уголовно-правового воздействия. Одной из форм воздействия является проба-ция лиц освобожденных из мест лишения свободы. Определения направления развития правовой системы и обеспечение согласованной правовой политики с реформами в социально-экономической и политической областях. В этом аспекте следует обратить внимание на важность проводимой работы. Реформирование должно носить согласованный характер, потому что при качественном законодательстве невозможно реализовать его положения, если не будет готово к этому общество, его экономика.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, ресоциализация граждан, осужденные; проба-ция.

Summary. Questions of the right regulation of system of criminal — legal policy by means of social- legal and criminally — legal influence are considered in the article. One of influence forms is the probation of the persons released from places of detention. Definitions of the direction of development of legal system and providing the coordinated legal policy with reforms in social — economic and political areas. In this aspect it is necessary to pay attention to importance of the carried-out work. Reforming has to have the coordinated character because at the good legislation it is not impossible to realize its provisions if society, its economy is not ready to it.

Keywords: penal correction system, resocialization of citizens, convicts; probation.

Уголовная политика государства может быть выражена в конституционных, программных, правовых документах или же содержаться в реальной деятельности государства и его органов по противодействию преступности и ее отдельным видам. По уголовной политике государства можно судить о степени его демократичности. В статье 1 Конституции Республики Казахстан закреплена важная норма, что Республика Казахстан утверждает себя

¹ ЖУНИСБАЕВА ГУЛЬЗАТ НУРСТАНОВНА, докторант Университета «Туран», магистр юридических наук (г. Алматы, Республика Казахстан); ZHUNISBAYEVA GULZAT NURSTANOVNA, PhD Student at Turan University, Master of Law (Almaty, Republic of Kazakhstan).

демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы².

Началом формирования уголовной и уголовно-исполнительной политики нашего государства является Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан, принятая 12 февраля 1994 года, по мере исполнения ее основных направлений была принята Концепция правовой политики, одобренная Указом Президента РК в сентябре 2002 года³, направленная на реализацию принципиальных положений совершенствования правового регулирования борьбы с преступностью. Дальнейшее реформирование правовой системы страны происходит в рамках Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года №858⁴. Это является прямым свидетельством последовательной и системной работы по созданию правового государства.

За последние пятьдесят лет в мире накоплен огромный международный опыт, позволяющий составить представление о создании эффективной уголовной политики. Казахстан использует этот опыт путем присоединения к ряду международных договоров по вопросам борьбы с преступностью, а также дифференцированно подписал ряд международных договоров предусматривающих защиту прав и свобод человека и гражданина. Это Международный пакт о гражданских и политических правах, Всеобщая декларация прав человека, второй Факультативный протокол против пыток, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и другие международные акты.

В соответствии с этими международными документами Казахстан строит свою уголовную и уголовно-исполнительную политику, в основе которой находится принцип гуманизма и экономии уголовных репрессий, предусматривающий применение наказания лишь в том случае, если нет возможностей его избежать, либо применить меры, освобождающие от уголовной ответственности и наказания. Даже в этом случае более строгий вид наказания должен быть назначен в случае, если менее строгий не сможет обеспечить достижения цели наказания.

² Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями от 7 октября 1998 года) // Казахстанская правда. — 2004. — 24 дек.

³ О Концепции правовой политики Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года — №949 // Казахстанская правда. — 2002. — 15 окт.

⁴ Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года — №858 // Казахстанская правда. — 2009. — 27 авг.

Важнейшим шагом в реализации положений Концепции правовой политики является задача определения направления развития правовой системы и обеспечение согласованной правовой политики с реформами в социально-экономической и политической областях. В этом аспекте следует сделать небольшое пояснение и обратить внимание на важность проводимой работы. Реформирование должно носить согласованный характер, потому что при качественном законодательстве невозможно реализовать его положения, если не будет готово к этому общество, его экономика.

Для достижения эффективности норм действующего уголовного законодательства в процессе правотворческой деятельности целесообразно учитывать объективные факторы как внешнего, так и внутреннего порядка и содержания, оказывающие воздействие на показатели преступности. Кроме того, нельзя упускать из внимания то обстоятельство, что степень эффективности проводимой государством уголовно-правовой политики находится в прямой зависимости от социальной обусловленности и социальной обоснованности норм действующего уголовного законодательства⁵.

Приоритетом в сфере уголовной политики являются гуманизм и смягчение порядка применения наказания, которые предусматривают сведение к минимуму репрессии, пытки, другие жестокие, бесчеловечные и унижающие достоинство человека обращения, которые граничат с преступными. Уголовная ответственность и наказание применимы только тогда, когда нет других оснований их исключить.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 год отмечено, что важнейшим звеном правовой политики государства является уголовная политика, совершенствование которой осуществляется путем комплексной, взаимосвязанной коррекции уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также правоприменения. Исходя из этих положений в Республике Казахстан в рамках гуманизации уголовно-правового воздействия был принят Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года «О профилактике правонарушений»⁶.

Это не констатация сущности пробации, восхваление ее возможностей, есть конкретные примеры законодательной практики, которые реализуются

⁵ *Нуртаев Р. Т.* Актуальные проблемы реформирования уголовного законодательства Казахстана в условиях модернизационных и инновационных процессов // Новое уголовное законодательство Республики Казахстан: проблемы, тенденции и пути совершенствования: Материалы международной научно-практической конференции 20 марта 2013 года. — Астана: Қазақстан Республикасының заң шығару институты, 2013. — Б. 70–71 — казақша, орысша.

⁶ О профилактике правонарушений: Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года // Казахстанская правда. — 2010. — 12 мая.

и весьма успешно. Например, в США порядка 20 % (в отдельных штатах до 40 %) поступающих в тюрьмы составляют те, кому изначально было назначено более мягкое наказание и они находились на свободе под надзором служб пробации. Но они по своей вине не выполнили требования надзора, не выполнили обязанности, предписанные судом, тем самым не прошли испытания, и суд по представлению службы пробации заменил им изначально наказание на тюремное заключение. Главный смысл такой практики заключается в том, что государство, благодаря гибкости уголовного закона дает шанс многим преступникам, не представляющим опасности для общества и не допустившим наступления тяжких последствий в результате преступления, избежать тюремного заключения при условии выполнения определенных требований. На основе приведенного примера Е. А. Саламатов приходит к выводу о необходимости преобразований, способных установить изначальный приоритет альтернативных лишению свободы видов наказаний вкупе с четкими основаниями и упрощенным механизмом их замены на лишение свободы в случае ненадлежащего поведения осужденного⁷.

Республика Казахстан на основе положений Конституции, определяющих права и свободы человека высшей ценностью, руководствуясь указанными специальными международными стандартами, также стремится к совершенствованию системы социально-правового контроля, в рамках правового государства. В ст. 21 УИК РК изложены условия пробационного контроля. Одним из условий является помощь лицу, в отношении которого установлен пробационный контроль. Она достаточно конкретно изложена в ч. 4 ст. 21 УИК РК «местные исполнительные органы, общественные объединения и иные организации оказывают социально-правовую и иную помощь лицу, в отношении которого установлен пробационный контроль, в соответствии с индивидуальной программой, разработанной службой пробации». Данная норма содержит меры, направленные на стимулирование правомерного поведения лица, находящегося под пробационным контролем.

Пробация в Казахстане является комплексным явлением, состоящим из совокупности мер, вырабатываемых и реализуемых государственными, уполномоченными органами в отношении лица, находящегося под пробационным контролем, направленного на исполнение им возложенных на него судом обязанностей и ограничений, а также мер социального-правового характера, которые носят строго индивидуальный характер, осуществляемых в целях

⁷ Саламатов Е. А. Обновление уголовного законодательства через призму пенитенциарной системы // Новое уголовное законодательство Республики Казахстан: проблемы, тенденции и пути совершенствования: Материалы международной научно-практической конференции 20 марта 2013 года. — Астана: Қазақстан Республикасының заң шығару институты, 2013. — С. 146–147 — казакша, орысша.

коррекции поведения осужденных с целью предупреждения совершения ими новых уголовных правонарушений и действующих в течение всего срока probationного контроля, установленного судом.

Одной из актуальных является проблема социальной адаптации бывших осужденных. В процессе подготовки осужденного к освобождению необходимо в стенах учреждения проводить весь комплекс мероприятий, направленных на успешную социальную адаптацию осужденных после отбытия наказания, и в этом процессе большое значение имеет поддержка государственных структур, их совместная работа с общественными организациями на основе совместных программ.

Социальная помощь необходима практически всем лицам, освободившимся из мест лишения свободы.

В ходе подготовки осужденных к освобождению необходимо периодически анализировать сделанное, чтобы увидеть динамику, тенденцию развития как отдельных осужденных, так и коллектива в целом, результативность применяемых форм и методов индивидуального воздействия на данного осужденного, действенные приемы и средства дальнейшего педагогического воздействия на него. Необходимо создание информационной базы осужденных. Внедрение электронных технологий в процесс подготовки осужденных к освобождению значительно сократит время, позволит осуществлять сбор сведений для оценки эффективности проводимой работы субъектов ресоциализации, а также осуществить мероприятия для обеспечения открытости и прозрачности в работе государственных органов, общественных объединений, неправительственных организаций. Одним из важных направлений является развитие банка данных деятельности специального отдела учреждения. Качественный анализ сведений данного банка позволит контролировать эффективность, законность и обоснованность проведения мероприятий по освобождению осужденных территориальными управлениями Комитета уголовно-исполнительной системы, а также координировать их деятельность, направленную на своевременное устранение выявленных нарушений и недостатков.

Основной недостаток существующей системы оценки степени исправления осужденного состоит, во-первых, в том, что она учитывает только показатели, оценивающие поведение в учреждении, — отсутствие дисциплинарных взысканий, участие в работе самодеятельных организаций, добросовестное отношение к труду и обучению в профессиональной школе. Во-вторых, поскольку суть исправления заключается в нравственной перестройке личности осужденного, система показателей должна быть направлена в первую очередь на оценку собственно моральных качеств. Критерием собственно морального качества является то, что оно не требует дополнительной моральной оценки: всякое положительное моральное качество положительно характеризует

личность, всякое отрицательное — отрицательно. В-третьих, оценка степени исправления должна быть не формально-стандартной, а дифференцированной, с учетом существующих личностных особенностей и качеств осужденного. Например, требования к успеваемости, труду на производстве лиц с психическими девиациями должны отличаться от требований, предъявляемых к другим осужденным, претендующим на условно-досрочное освобождение. В-четвертых, социологическая оценка должна дополняться психологической.

Согласно положениям ст. 172 УИК РК, на службу пробации возложена обязанность оказывать помощь социального характера указанной категории лиц, вместе с сотрудниками органов внутренних дел. Этот контроль оправдан, так как направлен прежде всего на предупреждение совершения ими правонарушений и недопущение рецидивной преступности, он носит принудительный характер и имеет ряд ограничений, которые подлежат контролю в части исполнения.

Правила организации деятельности службы пробации утвержденные приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 14 августа 2014 года № 511 предусматривают организацию работы с освобожденными из мест лишения свободы, в отношении которых судом установлен административный надзор.

Административный надзор осуществляется сотрудниками органов внутренних дел по месту жительства освобожденного из мест лишения свободы.

Введение новых моделей пробации безусловно, потребует дополнительных затрат. Однако эти меры имеют долгосрочные перспективы и в итоге должны снизить расходы на многолетнее содержание осужденных, обеспечить благоприятный социальный климат в обществе. Создание службы пробации — несомненно системная реформа уголовно-исполнительного законодательства и политики предупреждения преступности. Потребуется проведение социальных исследований личности осужденных на первом этапе (разработка методологии исследования, обучение сотрудников службы пробации его проведению, трансляция подобного опыта). В дальнейшем расходы на проведение этих мероприятий будут снижаться, когда будет создана система. Потребуется создание электронных форм контроля за осужденными, ее инфраструктуры для технического обслуживания электронного оборудования. Кроме этого, в службу пробации необходимо вводить сотрудников психологов, психологи нужны для того, чтобы можно было дать объективную психологическую оценку подучетному лицу.

Исследование вопросов современной уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан в сфере пробации позволяет сделать вывод, что страна последовательно движется в направлении соответствия международным

стандартам. Этот вывод строится на основе положений, изложенных в следующей последовательности.

1. Республика Казахстан на основе положений Конституции, определяющих права и свободы человека высшей ценностью, также стремится к совершенствованию системы социально-правового контроля в рамках правового государства.
2. В соответствии со статьей 12. «Виды probation», Закона «О probation» от 30 декабря 2016 года № 38-VI в уголовно-исполнительной системе применяются четыре вида probation: досудебная, приговорная, пенитенциарная, постпенитенциарная, каждый из которых дополняет друг друга и образует непрерывный процесс контроля и оказания социально-правовой помощи подозреваемому, обвиняемому, осужденному, отбывшему наказание.
3. Происходит процесс реализации процедуры ресоциализации осужденных, который представляет собой комплекс мероприятий, направленных на восстановление, приобретение социальных связей, утраченных как вследствие преступной деятельности, так и в период вынужденной изоляции от общества. Объектом в процессе ресоциализации является личность осужденного при его субъектной позиции. Все усилия в период подготовки осужденных к освобождению направлены на недопущение рецидива преступлений во время пребывания осужденного в местах лишения свободы и после освобождения из них.
4. Процесс probation предусматривает комплексную работу всех подразделений органов внутренних дел, а именно подразделений probation и участковых инспекторов полиции, во взаимодействии с местными исполнительными органами. Оказание социально-правовой помощи осуществляется сотрудниками службы по месту жительства освобожденного лица, на основании индивидуально составленной индивидуальной программы, которая в последующем является основанием для оказания помощи местными исполнительными органами, а органы внутренних дел ставят лицо на учет, осуществляют контроль за поведением и исполнением обязанностей, в течение всего срока неотбытого лицом, наказания.
5. В индивидуальную программу включается информация о потребности в оказании социально-правовой помощи, основным направлением которой становится оказание помощи в жилье, трудоустройстве, лечении и получении иной помощи — правовой, социальной и другой.
6. В целях контроля за лицом и получения информации о его местонахождении используются электронные средства слежения, предусмотренные Постановлением Правительства Республики Казахстан от 7 ноября 2014 года № 1180 «Об утверждении перечня электронных средств

слежения, используемых службой пробации уголовно-исполнительной системы и сотрудниками полиции органов внутренних дел Республики Казахстан». Электронные средства слежения, используемые при осуществлении надзора за лицами, отбывающими наказание в виде ограничения свободы, включают средства персонального контроля, технические средства и устройства их мониторинга.

7. Служба пробации способствует качественной трансформации форм социального контроля в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы.
8. Социальная помощь для освобожденного из мест лишения свободы не должна быть исключительно способом удовлетворения бытовых нужд. Она должна быть подчинена цели превенции, быть в русле всего процесса ресоциализации и носить адресный и точечный характер. Социальная помощь — социальное содействие осужденным, нуждающимся в нем, в решении жизненно важных проблем, которые они не готовы решать самостоятельно. Адресная социальная помощь предполагает оказание помощи по следующим направлениям:
 - 1) социально-правовая помощь (содействие в оформлении и восстановлении документов, полисов ОМС, регистрация по месту жительства; предоставление квалифицированной юридической помощи; медиативная помощь);
 - 2) социально-педагогическая и социально-психологическая помощь (подготовка индивидуальных программ ресоциализации; воспитательная работа на основе методик психодиагностики и психокоррекции; анализ поведения, тестирование для определения оптимального варианта помощи; психологическое консультирование, проведение тренингов и пр.);
 - 3) социально-профорientационная помощь (развитие системы образования и профессиональной подготовки лиц, отбывших уголовное наказание и пр.);
 - 4) социально-медицинская помощь (санитарная обработка, медицинское обследование и освидетельствование, обеспечение выполнения гигиенических требований);
 - 5) социально-культурная помощь (развитие художественного творчества и самостоятельности, пропаганда здорового образа жизни и пр.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека — Всеобщая Декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. // Российская газета. — 1998. — 10 дек.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) — Международный пакт о гражданских и политических правах: Принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года. Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17 (1831).
3. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями от 7 октября 1998 года) // Казахстанская правда. — 2004. — 24 декабря.
4. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 // Казахстанская правда. — 2009. — 27 авг.
5. О Государственной программе правовой реформы в Республике Казахстан: Постановление Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 г. № 1569 // Казахстанская правда. — 1994. — 20 марта.
6. О Концепции правовой политики Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года № 949 // Казахстанская правда. — 2002. — 15 окт.
7. О ратификации Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах: Закон Республики Казахстан от 11 февраля 2009 года / Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах: Принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года // Казахстанская правда. — 2009. — 20 марта.
8. О присоединении Республики Казахстан к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания: Закон Республики Казахстан от 29 июня 1998 года // Казахстанская правда. — 1998. — 2 июля.
9. О профилактике правонарушений: Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года // Казахстанская правда. — 2010. — 12 мая.
10. *Жумабеков О. И.* Гуманизация системы исполнения наказаний // Гуманизация уголовной политики Республики Казахстан: достижения и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции) г. Алматы, 29–30 апреля 2004 г.). — Алматы: Раритет, 2004. — С. 100.
11. *Нуртаев Р. Т.* Актуальные проблемы реформирования уголовного законодательства Казахстана в условиях модернизационных и инновационных процессов // Новое уголовное законодательство Республики Казахстан: проблемы, тенденции и пути совершенствования: Материалы международной научно-практической конференции 20 марта 2013 года. — Астана: Қазақстан Республикасының заң шығару институты, 2013. — С. 70–71 — қазақша, орысша.

*Зубалова О. А.*¹
Zubalova O. A.

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ЭКСТРЕМИЗМА

CAUSE EXTREMISM COMPLEX

Аннотация. В статье представлены результаты исследования причин и условий, способствующих распространению экстремизма. Автор уделяет особое внимание анализу специального блока причин и условий на примере Северо-Кавказского федерального округа, где уровень террористической и экстремистской угроз очень высок. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что исследуемый причинный комплекс экстремизма создает общий неблагоприятный фон на территории Северо-Кавказского федерального округа и влияет, в целом, на безопасность личности, общества и государства, а высокий уровень криминогенности характеризуется наличием противоречивых факторов, негативно воздействующих на рост уровня напряженности в исследуемом регионе.

Ключевые слова: экстремизм, причины, условия, безопасность, криминогенные факторы, причинный комплекс, предупреждение.

Summary. The article presents the results of the study of the causes and conditions that contribute to the spread of extremism. The author pays special attention to the analysis of a special block of causes and conditions on the example of the North Caucasus Federal district, where the level of terrorist and extremist threats is very high. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the studied causal complex of extremism creates a General unfavorable background in the North Caucasus Federal district and affects, in General, the security of the individual, society and the state, and the high level of criminality is characterized by the presence of contradictory factors that negatively affect the growth of the level of tension in the region under study.

Keywords: extremism, causes, conditions, security, criminogenic factors, causal complex, prevention.

Основой подготовки мер по противодействию преступности любого вида является анализ современного состояния преступности, особенности личности преступника и изучение причин и условий, способствующих совершению преступлений. В связи с этим для определения оценки уровня

¹ ЗУБАЛОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук (Ставрополь); ZUBALOVA OKSANA ALEKSANDROVNA, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law (Stavropol).

распространенности такого явления, как экстремизм, необходимо выявление детерминации и причинности исследуемых явлений², результаты которого должны лечь в основу предупредительной деятельности, как в отдельно взятом регионе, так и в целом России.

При этом причинность рассматривается как одна из форм универсального взаимодействия между причиной и следствием³. Следует согласиться с мнением А. И. Долговой, которая утверждает, что причина, производя действие порождает следствие, она всегда предшествует следствию, а следствие в свою очередь, не может быть причиной и она (причина) не может быть сведена к следствию⁴.

Учитывая тот факт, что причин и условий, совместные действия которых вызывают следствие, большое количество, необходимо причинный комплекс рассматривать как совокупность факторов и связанных с ними социальных противоречиях, детерминирующих высокий уровень экстремизма в России и отдельно взятом в регионе⁵. При этом, в ходе исследования необходимо учитывать методологические подходы к установлению составляющих причинного комплекса экстремизма. Такой подход позволит раскрыть природу этого явления, объяснить ее происхождение, показать особенности, способствующие сохранению ее высокого уровня.

В России причинный комплекс проявлений экстремистской деятельности имеет свои особенности, которые можно рассматривать в двух блоках: общие причины и условия, способствующие распространению экстремизма и специальные, которые присущи отдельным субъектам Российской Федерации, где уровень террористической и экстремистской угроз очень высок.

Блок общих причин и условий, способствующих распространению экстремизма включает социально-политические, социально-экономические, правовые, идеологические и воспитательные.

Что касается специального блока причин и условий этого явления, предлагаем его рассмотреть на примере одного субъекта Российской Федерации — Северо-Кавказского федерального округа. Данный выбор сделан по ряду причин.

Во-первых, Северо-Кавказский федеральный округ является одним из самых сложных регионов России, поскольку «неблагоприятными остаются

² См.: Преступность и реформы в России. — М., 1998. — С. 45.

³ Материалистическая диалектика. Т. 1. — М., 1982. — С. 210–228.

⁴ В криминологической доктрине используются такие категории как «причина и следствие», «причинно-следственные связи», «причинные комплексы» и др. (См. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А. И. Долговой. — М., 2001. — С. 247–248).

⁵ Клюковская И. Н. Современное состояние коррупции в России и проблемы ее предупреждения. — Ставрополь, 2001. — С. 72.

в данной сфере и прогнозы развития событий на перспективу, поскольку регион характеризуется социальной и политической нестабильностью, слабым экономическим развитием, высоким уровнем безработицы, бедностью значительной части населения, низкой эффективностью функционирования органов государственной власти в отдельных субъектах региона»⁶.

Во-вторых, следует учитывать геополитическое положение региона, его многонациональный состав населения, которое сконцентрировано на относительно небольшой территории, особенности культуры и обычаев проживающих там народов и влияние указанных обстоятельств на распространение экстремизма.

В-третьих, повсеместные нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также недостатки в организации деятельности правоохранительных органов.

В-четвертых, высокий уровень террористической и экстремистской угроз на территории Северо-Кавказских республик. Именно здесь организованность и сплоченность боевиков, их подготовка имеет высокий уровень. Более того, они располагают не только хорошей ресурсной и пособнической базой, но и имеют устойчивые каналы финансовой поддержки⁷. Учитывая вышеизложенное, распространение экстремизма в рассматриваемом регионе явление закономерное, которое относят к угрозам национальной безопасности.

При анализе особенностей причинного комплекса экстремизма следует обратить внимание на тот факт, что социально-экономическая ситуация в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северно-Кавказского федерального округа, была и остается неустойчивой и выглядит недостаточно привлекательно на общероссийском уровне. Известно, что рыночные отношения всегда привносят какие-то социальные изменения или потрясения и наряду с позитивными преобразованиями влекут за собой целый ряд негативных явлений в общественной и государственной жизни страны. Прежде всего, к их числу следует отнести деформацию экономических процессов и кризисные ситуации, которые привели к масштабному спаду производства, высокому уровню инфляции и безработицы, снижению уровня жизни, что в свою очередь влияет на рост преступности.

⁶ Пинкевич Т.В. Экстремизм и терроризм: тенденции и проблемы противодействия в СКФО (региональный аспект) // Проблемы теории и практики борьбы с терроризмом и экстремизмом в России: Материалы научно-практической конференции, Москва // Российская криминологическая ассоциация, Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2015. — С. 107.

⁷ Выявлено около 30 фактов финансирования терроризма и незаконных вооруженных формирований, действующих в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии: подробно см. Заседание коллегии Федеральной службы безопасности 7 апреля 2014 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/20724> (дата обращения 21.11.2018).

Одной из острых социальных проблем является бедность и высокий на протяжении многих лет уровень безработицы. И, несмотря на принятые государством меры, ситуация на рынке труда не улучшается. Многие экономисты и политологи эти проблемы связывают с сохраняющейся высокой степенью зависимости республик от федеральной финансовой помощи. Так, безработица в 2017 г., по данным Федеральной службы государственной статистики России, в целом по стране составила 5,2%, в Северо-Кавказском федеральном округе — 11%⁸, и это самый высокий показатель среди округов России. Что же касается безработицы в отдельных субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, то ситуация еще более неблагоприятна. Самые высокие показатели безработицы в Республиках Ингушетия (27%), Карачаево-Черкесской (13,5%) и Чеченской (14%)⁹. Как видно, на Северном Кавказе высокий уровень безработицы превышает общероссийский показатель более чем в три раза. А ведь безработица всегда составляла резерв преступности¹⁰.

Остается высоким удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума. Он в среднем в 1,6 раза больше населения, фактически находящегося на грани бедности, чем по Российской Федерации в целом.

Высокий уровень криминогенности находится в тесной взаимосвязи с состоянием межнациональных отношений в регионе. На сегодняшний день существует напряженность в отношении представителей различных национальностей, сопровождающаяся настороженностью, подозрительностью и отмеченная, фактами неприязненного отношения между людьми разных этнических групп. «За последнее десятилетие его жители становились свидетелями, а нередко и участниками, различных конфликтных противостояний и противоборств, имевших политический, идеологический, экономический характер. Межнациональные конфликты, как потенциальные, так и открытые, оказывали и оказывают значительное влияние на общую обстановку в регионе»¹¹.

Нестабильная ситуация в межличностных отношениях, наличие открытых очагов этнических конфликтов, возможность конфронтации представителей различных этнических групп в «немалой степени усугубляют неустойчивость социальных процессов, оказывают значительное негативное влияние на эмоционально-психологическое состояние определенной части населения,

⁸ <http://www.gks.ru/> (дата обращения 25.11.2018).

⁹ <http://www.gks.ru/> (дата обращения 25.11.2018).

¹⁰ *Эминов В. Е.* Причины преступности в России: Криминологический и социально-психологический анализ: монография. — М.: Норма: ИНФА-М, 2015. — С. 61.

¹¹ *Ерохин А. М.* Этнополитические процессы в системно-структурной трансформации российского общества. Дис. ... докт. социолог. наук. — М., 2004. — С. 128.

способствует возникновению отрицательных стереотипов по отношению к представителям тех или иных этносов»¹².

Следует также заметить, что «идеология и политика национальной исключительности и превосходства, разжигание ксенофобии и национальной вражды, национализм»¹³ не несут в себе развития и процветания, а сопровождаются разрушением, нагнетанием напряженности в обществе, разжиганием конфликтов, вызывают национальную напряженность и напрямую связаны с терроризмом.

Такая ситуация способствует формированию очагов социальной напряженности, порой приводящих к открытым конфликтам, нарастанию влияния «этноклановых и иных корпоративных групп, влияет на развитие конфликта и использование его деструктивных, насильственных форм в своих корыстных целях; влияет на рост миграции, что влечет за собой тяжелые социальные и экономические последствия и создает новые очаги напряженности в других регионах»¹⁴, способствует росту криминогенных процессов.

Идеологизация процесса межэтнических отношений способствовала появлению многочисленных организаций в регионе, которые были построены на этнической и религиозной основе, их представителями выдвигались претензии не только на монопольное представительство в политической жизни, но и диктовались условия власти¹⁵.

Деятельность ряда политических партий и движений, общественных организаций, которые этничность используют в качестве коллективного средства давления на государственную власть и выдвигают лозунги экстремистского характера как на федеральном, так и на региональном уровнях, следует относить к политическим факторам экстремизма¹⁶.

Увеличивается количество экстремистки настроенных лиц, которые путем применения насилия, предполагающего полное отрицание социальных норм, пытаются достичь политических целей.

Особое внимание сегодня уделяется религиозному фактору, который играет существенную роль в регионах с традиционно повышенной степенью

¹² Аксентьев В.А., Бабкин И.О., Медведев Н.П., Хоц А.Ю., Шнюков В.В. Ставрополье: Этноконфликтологический портрет. — Ставрополь, 2002. — С. 47.

¹³ Ваничкин Д.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края): Дис. ... канд. юрид. наук: Ставрополь, 2004. — С. 112.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ваничкин Д.Е. Указ. соч. — С. 114.

¹⁶ Смирнова А.В. Факторы современного национального экстремизма на Северном Кавказе: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=CJI; n=89847#0> (дата обращения 5.11.2018 г.).

религиозности населения. И здесь следует рассматривать социально-бытовой экстремизм, в рамках которого фактически ведется подрывная деятельность против существующего порядка, сеются ростки, порождающие недоверие у населения к местной власти и т. п.

Как свидетельствуют имеющиеся факты, фундаменталисты и исламские политические деятели устанавливают тесные связи с дельцами теневой экономики и коррумпированными элементами в России и других странах СНГ. Сращивание исламских структур с организованной преступностью позволяет им получить в виде пожертвований значительную материальную поддержку, в свою очередь, они поддерживают и одобряют незаконные действия представителей преступного мира.

Здесь необходимо учесть одно примечательное обстоятельство, имеющее принципиальное значение для понимания агрессивности боевиков, опирающееся на определенную психологическую основу и определенную историческую традицию. Оно связано с особенностью образа жизни, например горских жителей, которые всегда рассматривали грабежи и насилие как форму своего существования и благополучия. Захват заложников, угон скота, ограбление своих соседей рассматривалось не как преступление, а как доблесть, героизм. Весьма часто эти акты окрашивались и в сугубо религиозные формы: борьба с неверными, газават. Под такую идеологию быстро и легко подстраивались любые уголовные элементы, видевшие для себя в этом удобный способ обеспечения своих корыстных интересов. Поэтому так «естественно» интегрировались в происходившие в Чечне после 1991 г. политические процессы криминальные элементы, поэтому Чечня стала убежищем и приютом, опорой для уголовных элементов.

Как отмечает Н. Д. Литвинов: «Анализ информации о формировании боевых террористических организаций на Северном Кавказе позволяет сделать вывод, что преимущественным мотивом вступления в террор для многих является криминально-эгоистический, связанный с возможностью получать деньги или какое-либо материальное вознаграждение за террористическую деятельность»¹⁷.

Так, «в комплексе причин и условий возникновения, например, политического экстремизма и терроризма религиозный фактор играет самостоятельную роль (37 %), либо проявляется вместе с национализмом (62 %), либо используется другими экстремистскими силами (1 %)»¹⁸.

¹⁷ Литвинов Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ). Монография. — М., 1999. — С. 74.

¹⁸ Наумец А. Б. Влияние религиозного фактора на возникновение политического экстремизма и терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. — М., 2000. — С. 134.

В ходе антигосударственной деятельности идеологи и эмиссары ваххабизма на свою сторону стараются привлечь как можно больше молодежи с целью в дальнейшем направить ее на обучение в религиозные учебные заведения. А это обстоятельство, по мнению А. В. Петрянина, «создает не только непосредственную угрозу государственной безопасности, но и всей нации в целом»¹⁹.

Идеи ваххабизма стали оружием в руках организованных преступных формирований, осуществляющих свою деятельность под прикрытием ислама. Ваххабитами совершается подавляющее большинство похищений людей, захватов заложников, им принадлежит значительная доля в противоправном оружейном бизнесе.

Существенно увеличилось количество совершаемых ими преступлений в нефтегазовой, кредитно-финансовой, а также в иных, наиболее прибыльных отраслях экономики, растет участие в обороте алкогольной продукции и др. Их влияние ощущается в ряде субъектов Северо-Кавказского федерального округа.

При этом следует учитывать, что на данной территории, особенно в ее северо-восточной части, распространение получил национально-религиозный экстремизм.

В качестве причин следует отметить, слабое взаимодействие в деятельности правоохранительных органов, отсутствие современных подходов в связи с изменениями криминогенной ситуации в регионе, неэффективность мер организационно-управленческого характера и, как следствие, снижение гражданского доверия к сотрудникам правоохранительных органов²⁰. Необходимо принимать срочные меры по изменению подготовки сотрудников правоохранительных органов. Прежде всего, необходимо проводить серьезную работу по воспитанию демократической гражданственности сотрудников.

Немалая роль в причинном комплексе экстремизма отведена нравственно-психологическому кризису, который проявился в связи с отсутствием идеологии как неотъемлемого признака любого государства.

В связи с вышеизложенным, представляется верным сослаться на мнение М. М. Бабаева, высказанное им более двадцати лет назад, но актуальное и сегодня, о том, что все процессы социально-экономического характера, которые происходят в обществе, непременно будут влиять и влияют

¹⁹ *Петрянин А. В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: Монография. — М., 2017.

²⁰ *Пинкевич Т. В.* Проблемные вопросы уголовной политики в сфере борьбы с экстремистской деятельностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 4.

на развитие негативных социально-психологических явлений и процессов. К таковым автор относит снижение интереса к культурным и нравственным ценностям, ощущение безысходности социальной несправедливости и неуверенности в завтрашнем дне. Как правило, у таких лиц появляется чувство аутсайдера, которое приводит к нетерпимости, ненависти к богатым и толкает таких лиц к совершению преступлений, у них снижается чувство взаимопонимания и взаимопомощи и появляется социальная апатия, разочарование и т. д.²¹.

Рост правового и нравственного нигилизма, к сожалению, способствовал к появлению социальных групп, ориентированных на противоправный образ жизни.

Понижение морально-психологических качеств населения является основной противоправного поведения. Не акцентируя внимания на индивидуальных особенностях конкретной личности, следует отметить общий негативный эмоционально-психологический фон общества, вызванный его значительным обнищанием, отсутствием социальных гарантий, обострением общественных противоречий.

Исходя из результатов анализа причинного комплекса, определяющего тенденции экстремизма, можно сделать следующие выводы: во-первых, исследуемые нами криминогенные детерминанты создают общий неблагоприятный фон на территории Северо-Кавказского федерального округа и влияют, в целом, на безопасность личности, общества и государства; во-вторых, высокий уровень криминогенности характеризуется наличием противоречивых факторов, негативно воздействующих на рост уровня напряженности в исследуемом регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксентьев В. А., Бабкин И. О., Медведев Н. П., Хоц А. Ю., Шнюков В. В.* Ставрополь: Этноконфликтологический портрет. — Ставрополь, 2002.
2. *Бабаев М. М.* Криминологический прогноз социальных последствий перехода к рынку // Криминология и организация профилактики преступлений: Труды / Академия МВД России. — М., 1992.
3. *Ваничкин Д. Е.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края): Дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2004.
4. *Ерохин А. М.* Этнополитические процессы в системно-структурной трансформации российского общества: дис. ... докт. социолог. наук. — М., 2004.

²¹ *Бабаев М. М.* Криминологический прогноз социальных последствий перехода к рынку // Криминология и организация профилактики преступлений: Труды Академии МВД России. — М., 1992. — С. 85–86.

5. *Клюковская И. Н.* Современное состояние коррупции в России и проблемы ее предупреждения. — Ставрополь, 2001.
6. *Литвинов Н. Д.* Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ). Монография. — М., 1999.
7. *Наумец А. Б.* Влияние религиозного фактора на возникновение политического экстремизма и терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. — М., 2000.
8. *Петрянин А. В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: Монография. — М., 2017.
9. *Пинкевич Т. В.* Проблемные вопросы уголовной политики в сфере борьбы с экстремистской деятельностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4.
10. *Пинкевич Т. В.* Экстремизм и терроризм: тенденции и проблемы противодействия в СКФО (региональный аспект) // Проблемы теории и практики борьбы с терроризмом и экстремизмом в России: Материалы научно-практической конференции / Российская криминологическая ассоциация, Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — М., 2015.

Кажкеева Б. С.¹
Kazhkeeva B. S.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ НОРМ 272 УК РК И 212 УК РФ

ORGANIZATIONAL FEATURES OF MASS RIOTS IN THE LIGHT OF THE LAST CHANGES OF NORMS 272 OF THE CRIMINAL CODE OF THE 'REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND 212 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В данной статье проводится сравнительный анализ норм статей 272 УК РК и 212 УК РФ. В частности, раскрывается содержательная сторона организации массовых беспорядков. Проанализировав ч. 1 ст. 272 УК РФ и ч. 1 ст. 212 УК РК автор приходит к выводу, что изменения, внесенные законодателями являются необходимыми. Характеризуя каждую норму в отдельности, автор приходит к выводу, что некоторые признаки состава организации массовых беспорядков являются излишними и недоработанными. В статье автор анализирует каждый признак в отдельности, указывая на спорные моменты, которые могут вызвать проблемы при квалификации беспорядков. В научной статье предлагаются некоторые пути совершенствования норм, предусматривающих уголовную ответственность по УК РК и УК РФ.

Ключевые слова: массовые беспорядки, организация, насилие, погром, поджог, обучение, оружие, разрушения.

Summary. This article provides a comparative analysis of the provisions of articles 272 of the criminal code and 212 of the criminal code. In particular, the content side of the organization of mass riots is revealed. Having analyzed part 1 of p. 272 of the criminal code and part 1 of article 212 of the criminal code, the author comes to the conclusion that the changes made by legislators are necessary. Describing each norm separately, the author comes to the conclusion that some features of the organization of mass riots are excessive and incomplete. In the article, the author analyzes each feature separately, pointing to controversial points that can cause problems in the qualification of disorders. The scientific article suggests some ways to improve the rules providing for criminal liability under the criminal code RK and the criminal code RF.

Keywords: riots, organization, violence, mayhem, arson, training, weapons, destruction.

Массовые беспорядки являются преступлением, степень опасности которого высока в связи с достаточно большим количеством участников

¹КАЖКЕЕВА Бағытгуль Сапаржановна, старший преподаватель кафедры уголовного права Костанайского филиала Челябинского государственного университета (г. Костанай). KAZHKEYEVA Bagytgul Saparzhanovna, Senior Teacher of of Criminal Law Department of the Kostanai Branch of the Chelyabinsk State University (Kostanai city).

и различных способов совершения данного деяния. Особенностью является и то, что в ходе совершения этого преступления возможно использование всевозможных средств, как оружия, так и любых других или «подручных» предметов. Характерна организация и руководство массовыми беспорядками извне, то есть, находясь и за пределами государства. Именно это хотели подчеркнуть законодатели РК и РФ, внося изменения в нормы УК, предусматривающие ответственность за массовые беспорядки. Последние изменения, которые претерпели статьи 272 УК РК и 212 УК РФ, были в 2016 году, именно эти изменения расширили объективные признаки состава беспорядков. Заслуживающим внимание является и то, что до принятия нового уголовного кодекса РК статьи о массовых беспорядках были аналогичны, с 2014 года составы массовых беспорядков по УК РК и УК РФ существенно отличаются. В связи с этим возникла необходимость сравнительного анализа вышеуказанных норм.

В первую очередь, необходимо отметить, что ст. 272 УК РК содержит в себе фактически три самостоятельных преступления, когда в ст. 212 УК РФ законодатель признал преступными и иные деяния, которые связаны с массовыми беспорядками. При изучении данных норм выявляются и другие различия, на которых следует остановиться подробнее. Так, ч. 1 ст. 272 УК РК представлена в следующем виде: «Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, разрушениями, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, в том числе с использованием средств, полученных из иностранных источников»².

Это же преступление по российскому законодательству представлено несколько иным образом: «Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них»³.

² Уголовный кодекс Республики Казахстан, от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2018) // Параграф: информационно-правовой портал. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#pos=3640;-40&sel_link=1005375104_5 (дата обращения 15.09.2018).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 29 июля 2018 г.) // Гарант: информационно правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/10108000/da762a68a9574b563d3f79bbb5a8070/> (дата обращения 15.09.2018).

При этом под организацией массовых беспорядков в обоих случаях подразумеваются действия, направленных на подготовку и проведение массовых беспорядков. Для наличия признаков организации массовых беспорядков достаточно выявить хотя бы одно из возможных проявлений организаторства. Как видим из норм, организация беспорядков должна сопровождаться рядом действий: насилием, погромами, поджогами, разрушениями, уничтожением имущества, применением оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, иных опасных средств и предметов, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, использованием средств, полученных из иностранных источников.

Одним из первых признаков объективной стороны является насилие в отношении которого нет четких характеристик, законодатель не раскрывает характер насилия, так как насилие в традиционном понимании подразделяется на насилие опасное и неопасное. Предполагается, что законодатель имел в виду оба вида насилия. Что касается физического и психического насилия, то этот вопрос также является спорным. Насилие, о котором говорится, в исследуемых статьях следует понимать как физическое, так и психологическое. Такое мнение поддерживает ряд ученых, так по мнению И. Я. Козаченко: «насилие — это действия, направленные на принуждение других лиц к совершению определенных действий путем физического или психического воздействия»⁴. В. Н. Кудрявцев считает, что в ходе массовых беспорядков причиняется как физический, так и психический вред здоровью⁵. Зелинская Н. А. также предполагает, что при массовых беспорядках совершается как психическое, так и физическое насилие⁶.

Присутствует и противоположная точка зрения. Так, Соловьев А. считает, что диспозицией ст. 212 УК РФ охватывается только такое насилие, при котором оказывается физическое воздействие, поскольку, когда законодатель желает предусмотреть ответственность и за психическое насилие, то прямо об этом говорит в тексте закона (например, «с применением насилия или угрозой его применения»)⁷. Предполагается, что подход в оценке насилия должен носить избирательный характер. Прежде всего, учитывая сущность

⁴ Багмет А. М., Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков: Монография. — М.: Проспект. — 2009. — С. 33.

⁵ Уголовное право России. Особенная часть. Учебник / Под редакцией В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. Изд-е 2-е, перераб. и доп. — М.: ЮРИСТЪ. — 1999. — С. 244.

⁶ Уголовное право Российской Федерации [Текст]: Особенная часть. Учебник / Под ред. Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — М.: Инфра-М-контракт, 2010. — С. 370.

⁷ Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. — 2000. — № 7. — С. 47–49.

обязательных признаков данного состава, подавляющий характер имеет насилие физическое. Но вместе с тем при наличии погромов, как показывает практика, могут совершаться и другие, сопутствующие преступления (изнасилования, насильственные и ненасильственные хищения) и в этих случаях, безусловно, может иметь место и насилие психическое.

Еще одним спорным признаком массовых беспорядков является погром. Юридический словарь описывает погром как уничтожение или разрушение имущества, транспорта, средств связи, которые нередко сопровождаются насилием, издевательствами над людьми, совершением убийств, изнасилованиями, разбойными нападениями, хищениями и т. д.⁸ Сложность понимания этого признака заключается в том, что фактически он содержит в себе такие действия, как уничтожение имущества, разрушения, насилие, поэтому непонятна необходимость существования в нормах 272 УК РК и 212 УК РФ таких признаков, как разрушения, уничтожение имущества.

Но, тем не менее, разрушение как способ совершения массовых беспорядков в уголовном законодательстве РК существует и соответственно требуется разъяснение. А. Б. Сералиев под разрушением понимает уничтожение или повреждение имущества, железнодорожных путей, средств связи, транспортных средств и т. д.⁹

Толковый словарь Ожегова понятие разрушение не рассматривает, но такому термину как разрушить дает следующее определение: «1. Ломая, уничтожить, превратить в развалины. 2. Нарушить, расстроить, уничтожить» по смысловому значению данный термин включается в состав «погромы», которые представлены выше¹⁰.

На наш взгляд, следует исключить из диспозиции нормы признаки «разрушение» и «уничтожение имущества», поскольку это охватывается значением слова «погромы». Оставив слово «погромы», предлагаем снабдить статью 212 УК РФ примечанием и соответственно в статье 3 УК РК отразить определение, где надлежит дать законодательное толкование признаку «погромы», что позволит исключить проблемы в процессе применения данной нормы.

Ввиду схожести признаков и в подтверждение вышесказанному выводу необходимо рассмотреть такой признак, как уничтожение имущества, под которым понимается приведение его разными способами в полную

⁸ Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2003. — С. 434.

⁹ Сералиев А. Б. Уголовно-правовая борьба с массовыми беспорядками: Дис. ... кан. юрид. наук. — Алматы, 1999. — С. 35.

¹⁰ Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов [Текст] / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — 22-е изд. стер. — М.: Русский язык, 1990. — С. 652.

непригодность, то есть в такое состояние, при котором оно не подлежит восстановлению¹¹.

Причем необходимо сказать, что в данном случае под имуществом понимается как движимое, так и недвижимое имущество. При изучении материалов судебной практики выявили следующее: любое имущество является предметом массовых беспорядков, при этом такие характеристики, как стоимость и другие значения не имеют.

Очередным обязательным признаком массовых беспорядков является поджог — действия, приведшие к воспламенению или пожарам зданий или иных сооружений, автомашин, иных средств транспорта. Необходимо отметить, что на квалификацию не влияет то обстоятельство, было ли имущество повреждено, уничтожено или наоборот. Исходя из определения, поджог является одним из способов уничтожения имущества. Также необходимо сказать, что не имеет значения частично или полностью было уничтожено имущество пожаром.

Одним из важных отличий ст. 212 УК РФ и ст. 272 УК РК является признак применения орудий и средств преступления. В соответствии с частью 1 ст. 212 УК РФ данный признак прописан следующим образом: «применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих». Согласно действующему законодательству, под применением орудий и средств преступления понимается непосредственное использование по прямому назначению, то есть убийства, причинение вреда здоровью либо угроза его использования, при этом угроза должна быть реальной и действительной. В ч. 1 ст. 272 УК РК данный признак неоправданно сужен: «применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств».

В 2014 году Российский законодатель внес существенные изменения в ст. 212 УК РФ: так, в часть первую был добавлено следующее: «отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих». Надо отметить, что российский законодатель совершенно правильно расширил рамки применения орудий совершения преступления, указав помимо оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ, отравляющие либо иные вещества и предметы, представляющие опасность для окружающих. Однако необходимо разъяснение что подразумевается под «иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих». Думается, таковыми являются психотропные, сильнодействующие и ядовитые вещества. Под предметами следует понимать предметы, используемые в качестве оружия, в том числе предметы хозяйственно-бытового назначения. Так,

¹¹ Багмет А. М., Бычков В. В. См.: Указ. соч. — С. 42.

например, к ним можно отнести: палки, камни, бутылки с горючей смесью, так называемые «коктейли Молотова», топоры, кухонные ножи, устройства со слезоточивыми и раздражающими веществами¹². При сравнении данного признака по УК РФ и УК РК более полно отражает реалии именно норма российского законодательства, ведь в массовых беспорядках в первую очередь применяются для нападения именно подручные средства, такие как камни, палки и др. Полагаем, казахстанскому законодателю следует реципировать указанное дополнение.

Следующим признаком, предусмотренным как УК РФ, так и УК РК, является оказание вооруженного сопротивления представителю власти. В соответствии с действующим законодательством под оказанием вооруженного сопротивления представителю власти понимается неподчинение данному лицу и активное воспрепятствование выполнению им своих должностных обязанностей по восстановлению порядка и пресечению массовых беспорядков путем применения или угрозы применения оружия¹³. Для разъяснения данного признака необходимо выяснить кто является представителем власти. В примечании к ст. 318 УК РФ дается следующее определение: должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости¹⁴.

В то же время Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О Судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» раскрывает данное понятие более шире: «следует относить лиц, осуществляющих законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работников государственных, надзорных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения,

¹² Багмет А.М., Бычков В.В. Указ. соч. — С. 51.

¹³ Багмет А.М. К вопросу о вооруженном сопротивлении представителям власти участников массовых беспорядков // Вестник Воронежского института МВД России. — 2012. — № 2. — С. 104.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. — № 63-ФЗ с изменениями и дополнениями на 29 июля 2018 г.) // Гарант: информационно-правовой портал. — URL: <http://base.garant.ru/10108000/da762a68a9574b563d3f79bbb5a8070/> (дата обращения 15.09.2018).

обязательные для исполнения гражданами, а также организациями независимо от их ведомственной подчиненности»¹⁵.

В ст. 3 УК РК представителем власти считается лицо, находящееся на государственной службе, наделенное в установленном законом Республики Казахстан порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, в том числе сотрудник правоохранительного или специального государственного органа, органа военной полиции, военнослужащий, участвующий в обеспечении общественного порядка.

Исходя из данных определений, можно сказать, что представители власти это лица, которые наделены определенными распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости.

Если с определением представителя власти все понятно, спорным вопросом остается что понимать под вооруженным сопротивлением. Так, Соловьев А. считает, что под «вооруженным сопротивлением» понимается использование против представителей власти любого оружия, подпадающего под положения Закона РФ «Об оружии». Он полагает, что понятие «вооруженное сопротивление» не подлежит расширительному толкованию, и применение предметов, используемых в качестве оружия, не может расцениваться как вооруженное сопротивление¹⁶.

Н. Игнатов утверждает, что вооруженное сопротивление представителям власти означает непосредственное применение огнестрельного или холодного оружия или угрозу применения оружия, адресованную представителям власти, с целью помешать им в восстановлении порядка, пресечении массовых беспорядков¹⁷.

А. З. Ильясов считает, что вооруженное сопротивление, совершенное с помощью любых предметов, способных причинить вред здоровью и жизни, и особенно такими как топор, вилы, стамеска, шило, металлические прутья, колья и т. п. создают такую же опасность для людей, как и применение перочинного ножа, а в ряде случаев даже большую¹⁸.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. — № 24 «О Судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. — URL: [http://base.consultant.ru/ cons/cgi/online.cgi?bas e=LAW; n=155458; req=doc](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?bas e=LAW; n=155458; req=doc).

¹⁶ Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. — 2000. — № 7. — С. 48.

¹⁷ Цит. по: Багмет А. М., Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков. Монография. — М.: Проспект, 2009 — С. 60.

¹⁸ Ильясов А. З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков: Дис. ... канд. юрид, наук. — Махачкала, 1999. — С. 69.

А. Б. Сералиев считает, что применение другого вооружения, кроме огнестрельного, также должно быть квалифицировано как вооруженное сопротивление власти. Следует только полагать, что в таких случаях основным условием привлечения к ответственности является оказание сопротивления лишь во время массовых беспорядков, другим условием является вооруженность, независимо от вида оружия¹⁹. Исходя из этого можно предположить, что вооруженность заключается именно в тех орудиях и средствах, которые указаны в ч. 1 ст. 212 УК РФ, а именно оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих.

Особенностью ст. 212 УК РФ и соответственно отличие от ст. 272 УК РК является определенное нововведение: в части первой помимо выше указанных действий уголовно наказуемым является и подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них, данное изменение было включено в статью Федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ. Представляется, что предложенное Уголовным кодексом РФ дополнение весьма существенно, ввиду того, что подготовка лиц к организации и участию в массовых беспорядках может иметь иностранный элемент, так как к организации подобного рода противоправной деятельности в ряде случаев могут иметь отношение зарубежные неправительственные организации или фонды посредством финансирования и снабжения руководящими инструкциями. Вполне очевидно, что такого рода действия, по сути, подразумевают подготовительную деятельность. Эта деятельность может выражаться в обучении лица приемам и способам организации и проведения массовых беспорядков, в том числе методике организации толпы и управления ею, различным провокациям, обращением с оружием, взрывчатыми веществами, взрывными устройствами и т. п. Что касается казахстанского законодательства, то данный признак представлен несколько иначе: «использование средств, полученных из иностранных источников».

При этом необходимо отметить, что законодательно закреплено и понятие «средства, полученные из иностранных источников» ст. 3 УК РК дает следующее определение: «деньги и (или) иное имущество, предоставленные иностранными государствами, международными и иностранными организациями, иностранцами, лицами без гражданства», использование при организации или участии массовых беспорядков иностранных «инвестиций». Фактически здесь говорится о материальной иностранной финансовой поддержке, когда в ст. 212 УК РФ эти действия снова имеют более масштабный характер.

¹⁹ Сералиев А. Б. Указ. соч. — С. 38.

Подводя итог, можно сказать, что ст. ст. 272 УК РК и 212 УК РФ претерпели достаточно большие изменения, но, тем не менее, есть некоторые признаки деяний, которые возможно отнести к «лишним», то есть нагромождающим норму. Ч. 1 ст. 212 УК РФ представлена в более расширенном виде, предполагается, что некоторые особенности этой нормы, возможно, стоит перенять и норме уголовного законодательства РК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2018 г.) // Параграф: информационно-правовой портал. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#pos=3640;-40&sel_link=1005375104_5 (дата обращения 15.09.2018).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 29 июля 2018 г.) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/10108000/da762a68a9574b563d3f79bbb5a8070/> (дата обращения 15.09.2018).
3. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс].-URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=155458;req=doc>.
4. *Багмет А.М., Бычков В.В.* Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков. Монография — М.: Проспект. — 2009.
5. *Багмет А.М.* К вопросу о вооруженном сопротивлении представителям власти участников массовых беспорядков // Вестник Воронежского института МВД России. — 2012. — № 2. — С. 104–107.
6. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2003.
7. *Ильясов А.З.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков: Дис. ... канд. юрид. наук. — Махачкала, 1999.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. — 22-е изд. стер. — М.: Русский язык, 1990.
9. *Сералиев, А.Б.* Уголовно-правовая борьба с массовыми беспорядками. — Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — Алматы, 1999.
10. *Соловьев А.* Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. — 2000. — № 7. — С. 47–48.

Караваева Ю. С.¹, Космовская А. А.²
Karavaeva Y. S., Kosmovskaya A. A.

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОККУЛЬТНЫМ ПРАКТИКАМ (XVII–XXI ВВ.)**

**HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY AGAINST
OCCULT PRACTICES (XVII–XXI CENTURIES)**

Аннотация. На отдельных исторических этапах развития Российского государства законодатель предлагает различную правовую оценку оккультным услугам. Так, в зависимости от социально-политической конъюнктуры указанные услуги либо признавались преступными, либо получали нейтральную оценку. Авторы на основе анализа соответствующих норм исторических правовых источников, а также с учетом действующего законодательства и особенностей текущей ситуации формулируют собственную позицию относительно специфики уголовно-правового противодействия оккультным практикам.

Ключевые слова: оккультные услуги, исторические этапы, уголовная политика, мошенничество.

Summary. At certain historical stages of the development of the Russian state, the legislator offers a different legal assessment of occult services. Thus, depending on the socio-political situation, these services were either recognized as criminal or received a neutral assessment. The authors on the basis of the analysis of the relevant norms of historical legal sources, as well as taking into account the current legislation and the peculiarities of the current situation formulate their own position on the specifics of criminal law counteraction to occult practices.

Keywords: occult services, historical stages, criminal policy, fraud.

Оккультизм (от *лат.* *occultus* — скрытый, тайный) — это общее название учений и традиций, считающих, что существуют скрытые и неизвестные науке силы и явления в человеке и космосе (природе), опыт которых доступен лишь людям с «особыми способностями» или «посвящённым»³. Невозможно

¹ КАРАВАЕВА ЮЛИЯ СТАНИСЛАВОВНА, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ), кандидат юридических наук (Пермь); KARAVAEVA, JULIA STANISLAVOVNA, Senior Lecturer at Perm State University of Humanities and Pedagogics (PGSPU), PhD in Law (Perm)

² КОСМОВСКАЯ АННА АЛЕКСЕЕВНА, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Пермская государственная фармацевтическая академия» (ПГФА), кандидат исторических наук (Пермь); KOSMOVSKAYA ANNA ALEKSEEVNA, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Perm State Pharmaceutical Academy, PhD in History (Perm).

³ Оккультизм. Большой энциклопедический словарь. — URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/44093/> (дата обращения 15.10.2018).

не согласиться с тем фактом, что сегодня оккультные практики представляют собой значительное явление в социокультурном пространстве. В этой связи возникает вопрос о нормативно-правовом регулировании подобного рода услуг и ответственности за деяния «колдунов» и «знахарей», в том числе — в историческом разрезе.

Так, «Русская Правда» и Судебники 1497 и 1550 г. не содержат положений, устанавливающих ответственность за подобные деяния, что можно объяснить подпаданием их под церковную юрисдикцию. В Уставе князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных»⁴ определялся круг гражданских и уголовных дел, подлежащих рассмотрению церковным судом. Также церковно-государственные отношения регулировались Кормчими книгами.

В Соборном уложении 1649 г. появляется статья об «умысле» на здоровье государя, причем, как отмечается, «материалы колдовских дел показывают, что эта статья успешно использовалась для вынесения смертных приговоров, даже там, где о государевом здоровье даже не упоминалось»⁵.

Вместе с тем архивные материалы предоставляют возможность ознакомления с делами, возбужденными в связи с занятием оккультными практиками — например, дело «о порче будто бы людей посредством икоты». Так, житель Чердынского уезда, крестьянин Терентий Васильевич Талев, жаловался на наветы дьячка Онички Кичимова: «будто бы он (Талев. — Ю.К., А.К.) де у того Онички на жену его напустил икоту, а он де Тренка у того Оничка жены его не порчивал и икоты не напускавал». В результате крестьянина Терентия «без сыску», по ложному челобитию, «норовя Оничке по посулом, на пытке пытали его и огнем жгли, и на пытке три встряски были, и вкинули в тюрьму, и ныне де сидит в тюрьме»⁶.

Аналогичным является дело от 16 июля 1606 г.: по доносу Прокофия Охлупина на чердынца Семейку Ведерника также возвели обвинение в порче людей. На этот раз пострадал торговый человек Богдан Норицын. Подъячий Иван Федоров посадил Семейку Ведерника в тюрьму, его обыскивали, дважды пытали. После пытки доносчика Прокофия Охлупина последний оступися

⁴ Российское законодательство X–XX веков: В 10 тт. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 28–45.

⁵ *Сидорчук М.* Русская инквизиция в XVIII веке. «Ведовские дела». — URL: <https://sfi.ru/science/srietienskiie-chtieniia/xix-sretenskie-chteniya/sekciya-religiovedeniya/russkaya-inkviziciya-v-xviii-veke-vedovskie-dela.html> (дата обращения 15.10.2018).

⁶ Царския грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 14 июля 1606 г., — № 66 (1) // Акты исторические. — Т. 2. — (1598–1613). — СПб., 1841. — С. 82.

от своих обвинений. А Ведерник так и остался сидеть в тюрьме⁷. Воеводе предлагалось узнать, Семейка Ведерник «людей портит ли». В случае подтверждения, что Семейка Ведерник не причастен к «порче», предписывалось выпустить его из тюрьмы.

В этих двух делах отчетливо видны способы расследования: повальный сыск, опросы местных жителей и пытка обвиняемого, которого отправляли в тюрьму по жалобе. Чтобы освободиться из тюрьмы по несправедливому обвинению, подавали челобитные в «вышестоящие инстанции» — в Москву в Четверть. Донсчика после обвинения, которое не подтвердилось, тоже пытали.

Подробную характеристику деяний, совершаемых посредством оккультных практик, можно встретить в Артикуле Воинском 1715 г. В первых двух главах («О страхе божии» и «О службе божии и о священниках») основной список наказуемых деяний «идолопоклонство, чародейство (чернокнижество)». Все это «наикрепчайшее запрещается», вследствие чего «никоторое из оных отнюдь ни в лагере и нигде инде не будет допущено и терпимо»⁸. При этом наказания за религиозные преступления предполагаются создателями Артикула светские и жестокие. Совершивший преступление «по состоянию дела в жестоком заключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть» (Артикул 1)⁹.

Согласно положениям Указа Анны Иоанновны от 20 мая 1731 г., запрещалось заниматься мнимым волшебством. В вину менялось то обстоятельство, что «те мнимые волшебники... за то получают себе не малые прибитки...»¹⁰.

В качестве наказания за колдовство волшебников предполагалось сжигать, а заказчиков — бить кнутом. Для заказчика преступления также не исключено было и сожжение — в зависимости от «важности вины»¹¹. При этом, как отмечает Т.В. Михайлова, «в указе нет никакого разделения в степенях наказания: независимо от того, оказался бы человек волшебником настоящим или мнимым, его ожидала смертная казнь»¹². Согласно данному автору, «актов,

⁷ Царская грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 16 июля 1606 г., — № 66 (II) // Акты исторические. — Т. 2. — (1598–1613). — СПб., 1841. — С. 82–83.

⁸ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 тт. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. — М.: Юридическая литература, 1986. — С. 329.

⁹ Там же. — С. 329.

¹⁰ ПСЗ. Т. 8. — № 5761: 465–466.

¹¹ Там же. — С. 465–466.

¹² Михайлова Т. В. Русское законодательство в отношении колдовства: правовая база русских колдовских процессов второй половины XVIII века и её специфика

изданных светской властью по поводу преступления колдовства в XVIII веке довольно мало, а впоследствии, насколько можно судить, власть вовсе теряет интерес к этой проблеме»¹³. Действительно, в XIX в. светское законодательство достаточно лояльно относится к проблемам оккультизма.

В советский период обращение к подобной тематике в условиях социалистического строительства и массового атеизма могло спровоцировать вызов специальных медицинских служб.

С началом 1990-х гг. в Российской Федерации начинается расцвет оккультных течений и рекламы услуг экстрасенсов — можно говорить о расцвете деятельности лиц, предлагающих услуги оккультного характера. Обывательский интерес к указанному виду деятельности не ослабевает и на современном этапе, что, в свою очередь, обуславливает развитие рынка оккультных услуг и широкое использование возможностей масс-медиа в их продвижении.

Согласно п. 96.09 «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности»¹⁴, среди прочих персональных услуг, не включенных в другие группировки, названа деятельность астрологов и медиумов. Из этого следует, что оккультные услуги известны законодателю, однако их правовая природа остается неясной. Как правило, авторы, исходя из действующего гражданского законодательства, связывают их оказание с заключением договора возмездного оказания услуг (Глава 39 ГК РФ). Однако в этом случае появляются вопросы о возможностях определения их качества и, соответственно, о потребительских рисках в части защиты нарушенных прав¹⁵.

Что касается уголовно-правовых возможностей противодействия оккультным услугам, то они на сегодняшний день ограничены по вполне очевидным причинам — доказать наличие причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями представляется затруднительным. Между тем именно с фактом наступления последних связывается возможность возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ («Мошенничество»), поскольку само по себе занятие оккультными практиками, в том числе и в интересах третьих лиц, противоправным не является. Кроме того, при наличии соответствующих признаков состава действия (бездействия) медиума

// Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. / Отв. ред. С. А. Штырков, В. Б. Колосова. — СПб., 2002. — Вып. 2. — С. 174.

¹³ Там же. — С. 189.

¹⁴ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.10.2018).

¹⁵ См. напр.: Жалинский А. Э., Козловская А. Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг // Журнал российского права. — 2006. — № 11. — С. 60–64.

могут быть квалифицированы по ст. ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство»), 198 («Уклонение физического лица от уплаты налогов...»), на что уже указывалось в литературе¹⁶.

Ситуация, на наш взгляд, осложняется следующими обстоятельствами: во-первых, широкой распространенностью убеждения о возможном наличии «сверхъестественных»¹⁷ способностей у отдельных людей — как среди ученых (в том числе правоведов, что для авторов вдвойне удивительно. — Ю. К., А. К.), так и среди обывателей. Как отмечают А. Э. Жалинский и А. Э. Козловская, «поход к гадалке для русского человека можно сопоставить с походом к психологу или психотерапевту»¹⁸. Это обстоятельство, в частности, влияет на возможность уголовно-правового признания общественно опасными деяний, связанных с осуществлением оккультных практик, поскольку, как обращает внимание Л. М. Прокументов, «...если деяние не обладает чрезвычайно высокой степенью общественной опасности, то при криминализации следует учитывать, что оно не должно быть слишком распространенным (тогда оно из патологии превращается в норму социального поведения)»¹⁹.

По мнению А. А. Тер-Акопова, общественную опасность оккультных практик следует связывать с «...возможностью нанесения вреда здоровью людей, которые обращаются за помощью»²⁰.

Вместе с тем, как указывалось выше, доказать наличие причинно-следственной связи между оккультным воздействием и наступившими последствиями, в том числе, настолько существенными, не представляется возможным. Это вытекает и из специфической роли потерпевшего в механизме причинения преступных последствий, который, как правило, по своей инициативе обращается к медиуму.

С учетом указанного, изменение ситуации, как представляется, возможно посредством предупредительных мер, среди которых и общая стабилизация социально-экономической ситуации в государстве и обществе, и, в частности, всесторонняя поддержка научного знания, его дальнейшая популяризация и повышение привлекательности деятельности ученого, в том числе, и экономической.

¹⁶ См. напр.: Жалинский А. Э., Козловская А. Э. Указ. соч. — С. 60–64.

¹⁷ Середнев В. А. Использование в оперативно-розыскной деятельности в интересах уголовного процесса знаний лиц, обладающих гиперфизическими способностями (философско-психологический аспект) // Записки ученого. — 2015. — № 3. — С. 83–93.

¹⁸ Жалинский А. Э., Козловская А. Э. Указ. соч. — С. 60–64.

¹⁹ Прокументов Л. М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 429. — С. 227–230.

²⁰ Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право. — М.: МНЭПУ, 2000. — С. 68.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жалинский А. Э., Козловская А. Э.* О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг // Журнал российского права. — 2006. — № 11. — С. 60–64.
2. *Михайлова Т. В.* Русское законодательство в отношении колдовства: правовая база русских колдовских процессов второй половины XVIII века и её специфика // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. СПб., 2002. Вып. 2 / Отв. ред. С. А. Штырков, В. Б. Колосова. С. 170–193. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://eu.spb.ru/images/et_dep/sborniki/af12/170_193.pdf.
3. *Прозументов Л. М.* Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 429. — С. 227–230.
4. Российское законодательство X–XX веков: В 9 тт. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. — М.: Юридическая литература, 1986.
5. *Середнев В. А.* Использование в оперативно-розыскной деятельности в интересах уголовного процесса знаний лиц, обладающих гиперфизическими способностями (философско-психологический аспект) // Записки ученого. — 2015. — № 3. — С. 83–93.
6. *Сидорчук М.* Русская инквизиция в XVIII веке. «Ведовские дела» [Электронный документ] // Режим доступа: <https://sfi.ru/science/srietienskiie-ctieniia/xix-sretenskie-cteniya/sekciya-religiovedeniya/russkaya-inkviziciya-v-xviii-veke-vedovskie-dela.html> (дата обращения 15.10.2018).
7. *Тер-Акопов А. А.* Христианство. Государство. Право. — М.: МНЭПУ, 2000.
8. Царская грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 14 июля 1606 г., № 66 (I) // Акты исторические: В 5 тт. Т. 2 (1598–1613). — СПб., 1841.

*Кафиатулина А. В.*¹
Kafiatulina A. V.

**ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ
 ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
 И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

**DEPRECIATION OF THE RIGHT TO CERTAIN DEFINITIONAL POSITIONS OR TO DO
 A CERTAIN ACTIVITY: LEGISLATIVE REGULATION
 AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Аннотация. Статья посвящена содержанию наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в законодательстве и в правоприменительной практике. Особое внимание обращено на то, что данный вид наказания одновременно воздействует на обширный круг статусных характеристик виновного, в связи с чем объем и содержание присущих ему правоограничений достаточно значительны. Автор приходит к выводу, что в различных отраслях национального законодательства (уголовном праве, уголовном процессе, административном праве) активно используется отстранение виновного от сферы, в которой субъект причинил вред и (или) может представлять потенциальную опасность.

Ключевые слова: наказание, лишение права занимать определенные должности, лишение права заниматься определенной деятельностью, дисквалификация, лишение специального права, запрет определенных действий.

Summary. The article is devoted to the content of the punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or to engage in certain activities in legislation and law enforcement practice. Particular attention is paid to the fact that this type of punishment simultaneously affects a wide range of status characteristics of the perpetrator, in connection with which the scope and content of the legal restrictions inherent to him are quite significant. The author comes to the conclusion that the various branches of national legislation (criminal law, criminal procedure, administrative law) the legislator actively uses the removal of the perpetrator from the sphere in which the subject has harmed and (or) may be a potential danger.

Keywords: punishment, deprivation of the right to hold certain positions, deprivation of the right to engage in certain activities, disqualification, deprivation of a special right, prohibition of certain actions.

¹ КАФИАТУЛИНА АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ивановского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Иваново); KAFIATULINA ALLA VLADIMIROVNA, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Ivanovo).

В соответствии с ч. 1 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

Филологический анализ текста закона позволяет сделать вывод, что запрет распространяется на: 1) замещение должностей государственной и муниципальной службы; 2) занятие определенными видами профессиональной деятельности; 3) занятие иными видами деятельности.

Уголовное законодательство РСФСР и СССР предусматривало нормы, прямо поражающие политические права виновного, — лишение активного или пассивного избирательного права, права занимать выборные должности в общественных организациях. УК РФ 1996 г. не содержит прямого указания на ограничение политических прав осужденного, однако такие ограничения регламентированы другими нормативными правовыми актами. Например, Федеральным законом от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» установлено, что гражданин РФ, в отношении которого вступил в законную силу приговор суда о лишении его права занимать государственные должности в течение определенного срока, не может быть зарегистрирован в качестве кандидата на выборах депутатов Государственной думы, если голосование на выборах состоится до истечения установленного судом срока².

Под «государственными должностями» понимаются должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов. Перечень таких должностей устанавливается Президентом РФ и включает в себя должность Президента РФ, Председателя Правительства РФ, Председателя Государственной думы Федерального собрания и т. д. Однако, государственные должности РФ следует отличать от должностей государственной службы, а также государственных должностей субъектов РФ.

Поэтому, строго говоря, в приговоре суда было бы неверным в рамках наказания, предусмотренного ст. 47 УК РФ, запретить виновному занимать государственные должности РФ или государственные должности субъекта РФ, так как такие лица не являются государственными служащими.

Содержание анализируемого вида наказания заключается в целом ряде лишений и ограничений. Так, В. К. Дуюнов указывает, что сам по себе факт

² Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. — № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. — 2014. — № 46; СЗ РФ. — 2014. — № 8. — Ст. 740.

осуждения виновного, отрицательная морально-психологическая оценка его поведения в приговоре от имени государства, ограничение, порой на продолжительный срок, его трудовой правоспособности, возможности свободного выбора должности, профессиональной деятельности или рода занятий, влекущие иногда необходимость переучиваться, утрату квалификации, определенные материальные потери, ограничение ряда льгот и преимуществ, наконец, состояние судимости³. Похожую позицию высказывает Е. С. Литвина, дополняя, что данный вид наказания связан с лишением права занимать должность, выполнять работу по определенной специальности, квалификации с получением вознаграждения по количеству и качеству затраченного труда, возможность свободного выбора должности и связанных с ее осуществлением прав и полномочий⁴. Следует отметить, что сердцевину правового статуса составляют не только права, но и свободы, и обязанности. Это главным образом и определяет правовое положение гражданина в обществе, его роль, возможность участвовать в государственных делах.

Как правильно отмечается в литературе, расчет здесь делается на отстранение преступника от того вида трудовой деятельности, которая использовалась им в антиобщественных целях⁵.

По мнению Н. В. Мирошниченко, рассматриваемое наказание ограничивает виновного в возможности распоряжаться имеющейся информацией, знаниями и навыками⁶. Следует отметить, что эта одна из самых современных и нетривиальных точек зрения, высказанных в последнее время относительно сущности анализируемого нами вида наказания.

Правоприменительная практика демонстрирует разнообразные виды налагаемых запретов в рамках данного вида наказания. Объектом воздействия этого вида наказания является свобода выбора осужденным сферы применения своих способностей к труду и свобода выбора рода профессиональной деятельности.

В содержание юридического статуса субъекта трудового правоотношения входит такой признак, как трудовая правосубъектность, которая складывается

³ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. К. Дуюнова. — М.: РИОР, 2008. — С. 193–194.

⁴ Литвина Е. С. Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Томск, 2003. — С. 114.

⁵ Упоров И. Целеполагание отдельных видов наказания в российском уголовном праве // Уголовное право. — 2001. — № 3. — С. 46.

⁶ Мирошниченко Н. В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. — М., 2016. — С. 324.

из трех элементов: а) трудовой правоспособности; б) трудовой дееспособности; в) трудовой деликтоспособности. Отсутствие хотя бы одного из названных элементов не позволяет субъекту трудовых правоотношений в полном объеме распоряжаться своими способностями к труду. При назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью ограничивается первый из указанных элементов — трудовая правоспособность, под которой понимается обеспеченная государством и установленная законодательством о труде равная возможность своими действиями осуществлять трудовые права и обязанности.

Проведенный нами социологический опрос среди осужденных, отбывающих наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, показал следующие результаты (диаграмма 1).

Сказанное позволяет сделать вывод, что наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью способно серьезно *ограничить свободу осужденного в выборе сферы профессиональной деятельности, самореализации в той или иной профессии.*

Кроме того, судебная практика демонстрирует, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью способно ограничить конституционное право на управление делами государства, закрепленное в ст. 32 Конституции РФ.

Управление делами государства может выражаться в следующих формах: 1) отправление правосудия (возможность занять должность судьи, быть

присяжным заседателем и т. д.); 2) осуществление права избирать и быть избранным (права на участие в управлении государством посредством выборов органов государственной власти и органов местного самоуправления); 3) равный доступ к государственной службе в соответствии со своими способностями и профессиональной подготовкой и др.

Приведем следующий пример из судебной практики. Ленинским районным судом г. Иваново М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 204 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 7 500 000 рублей с лишением права занимать должности, связанные с выполнением управленческих функций в политической партии ЛДПР и ее структурных подразделениях на срок один год⁷. Таким образом, анализируемый вид наказания способен ограничить пассивное избирательное право, а также право на управление политическими партиями.

Самостоятельным элементом правоспособности лица является право заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами. На это указывает ст. 34 Конституции РФ.

Постановление Правительства от 1 июля 2016 г. № 615 «О порядке привлечения подрядных организаций для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме и порядке осуществления закупок товаров, работ, услуг в целях выполнения функций специализированной некоммерческой организации, осуществляющей деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах» содержит требования к участникам предварительного отбора, среди которых — неприменение в отношении участника предварительного отбора — физического лица либо руководителя, членов коллегиального исполнительного органа или главного бухгалтера юридического лица — участника предварительного отбора уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью⁸.

⁷ Дело № 1–263/2014 // Архив Ленинского районного суда г. Иваново.

⁸ П. п. «к» п. 23 постановления Правительства РФ от 01.07.2016 № 615 «О порядке привлечения подрядных организаций для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме и порядке осуществления закупок товаров, работ, услуг в целях выполнения функций специализированной некоммерческой организации, осуществляющей деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах» // СЗ РФ. — 2016. — № 28. — Ст. 4740.

Такие требования к участникам экономической деятельности также способны ограничить автономию личности, ее свободу в экономической сфере.

Далее, судебная практика демонстрирует такие примеры. Распространение в сети Интернет экстремистских материалов повлекло возбуждение в отношении Д. уголовного дела по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ и назначение наказания в виде лишения свободы на срок три года с лишением права заниматься публицистической деятельностью на срок два года.

В своей жалобе в Конституционный суд РФ осужденный указывает на ограничение данным видом наказания свободы литературного, художественного и других видов творчества как писателя и публициста.

Конституционный суд РФ в своем решении указал, что Конституция РФ провозглашает свободу мысли и слова, в том числе право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. При этом государства, руководствуясь целями и принципами Устава ООН и другими нормами международного права, обязаны воздерживаться от попустительства или поощрения деятельности, направленной на совершение террористических актов, противодействия террористической пропаганде, распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению такого преступления.

Это говорит о недопустимости такого использования конституционно и конвенционно гарантированных свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации, которое позволяло бы лицу в нарушение норм национального законодательства и корреспондирующих им международно-правовых норм, являющихся составной частью правовой системы России, беспрепятственно и безнаказанно заниматься какой-либо деятельностью и совершать какие бы то ни было действия, направленные на публичное подстрекательство к терроризму или его публичное оправдание, в частности по религиозным соображениям⁹.

Таким образом, не нарушая в целом конституционных положений, закрепленных в ст. 13 и 44 Конституции РФ, данный вид наказания на законных основаниях ограничивает свободу мысли и слова, в том числе право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, свободу литературного, художественного творчества.

На основе вышеизложенных теоретических и правовых аргументов возможно сделать вывод, что лишение права занимать определенные должности

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 2017 г. № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

или заниматься определенной деятельностью одновременно воздействует на обширный круг статусных характеристик виновного, в связи с чем объем и содержание присущих ему правоограничений достаточно значительны.

Кроме уголовного законодательства, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью содержится в иных отраслях права.

Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в качестве административных наказаний предусматривает *лишение специального права и дисквалификацию*.

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ введен новый вид меры пресечения — *запрет определенных действий* (ст. 105.1 УПК РФ), который заключается, в числе прочих ограничений, в возложении на подозреваемого или обвиняемого запрета на управление автомобилем или иным транспортным средством.

В соответствии со ст. 114 УПК РФ в отношении подозреваемого или обвиняемого возможно применение иной меры процессуального принуждения — *временное отстранение от должности*.

Как мы видим, в настоящее время в различных отраслях национального законодательства (уголовном праве, уголовном процессе, административном праве) активно используется отстранение виновного от сферы, в которой субъект причинил вред и (или) может представлять потенциальную опасность. Соотношение данных институтов лежит в плоскости различных отраслей права — материального и процессуального, но совпадают основные характеристики предполагаемых запретов — отстранение виновного от сферы, в которой субъект может представлять потенциальную опасность, и главная цель — частная превенция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Определение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 2017 г. № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Правительства РФ от 01.07.2016 № 615 «О порядке привлечения подрядных организаций для оказания услуг и(или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме и порядке осуществления закупок товаров, работ, услуг в целях выполнения функций специализированной некоммерческой организации, осуществляющей деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах» // СЗ РФ. — 2016. — № 28. — Ст. 4740.
3. Дело № 1–263/2014 // Архив Ленинского районного суда г. Иваново.

4. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / Под ред. В. Д. Зорькина. 2011. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
5. *Литвина Е. С.* Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Томск, 2003.
6. *Мирошниченко Н. В.* Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. — М., 2016.
7. *Упоров И.* Целеполагание отдельных видов наказания в российском уголовном праве // Уголовное право. — 2001. — № 3.

*Клюев А. А.*¹

Klyuev A. A.

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НЕПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ В ОСНОВАХ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК 1991 ГОДА**

REGULATION OF UNLAWFUL ACTS IN THE BASIS OF THE CRIMINAL
LEGISLATION OF THE UNION OF THE USSR
AND THE UNION REPUBLIC OF 1991

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы регламентации деяний, которые не признавались преступными в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года в силу отсутствия общественной опасности, элементов состава преступления. Затронуты деяния совершенные невменяемыми, малозначительные деяния, невинное причинение вреда и другие.

Ключевые слова: преступление, невменяемость, недостижение возраста уголовной ответственности, малозначительность.

Summary. The article deals with the issues of regulation of acts that were not recognized as criminal in the Foundations of Criminal Legislation of the USSR and Union Republics of 1991 due to the absence of public danger, elements of the crime. Affected actions committed by insane, insignificant acts, innocent harm and others.

Keywords: crime, insanity, failure to reach the age of criminal responsibility, insignificance.

2 июля 1991 года были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик², которые так и не вступили в законную силу в связи с распадом СССР. Данный документ характеризовался детальностью проработки правовых предписаний с учетом потребностей того времени. Многие вопросы о неправомерном поведении в Основах 1991 года были решены по-новому, хотя общий подход к тем или иным его разновидностям существенно не изменился.

Не было существенного изменения в подходе к оценке деяния, совершенного лицами, обладающими дипломатическим иммунитетом. Несмотря на нераспространение национального законодательства («неподсудны судам

¹ КЛЮЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент (Краснодар); KLYUEV ANDREI ALEKSANDROVICH, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North Caucasus Branch of «Russian State University of Justice», PhD in Law, Associate Professor (Krasnodar).

² Далее Основы 1991 года.

по уголовным делам») на поведение лиц, пользующихся международным иммунитетом, их деяние признавалось преступлением, хотя и ответственность за него должна была наступать в соответствии с нормами международного права (ч. 3 ст. 4 Основ 1991 года)³.

В полном объеме Основы 1991 года воспроизводили понятие малозначительности деяния (ч. 2 ст. 8). Однако малозначительным в Основах 1991 года признавалось деяние, формально содержащее признаки преступления, «предусмотренного уголовным законом», а не «Особенной частью уголовного закона», как в УК РСФСР 1960 года. Формулировка Основ 1991 года представляется более правильной, ведь преступные деяния предусмотрены не только в Особенной части, но наряду с ней и в Общей части (как минимум, в вопросах неоконченного преступления и соучастия в преступлении, что отражается в квалификации).

В вопросах возраста уголовной ответственности Основы 1991 года в ст. 13 определили лишь минимальную границу (не менее четырнадцати лет), оставив возможность ее повышения в уголовном законодательстве союзных республик с учетом традиций и обычаев.

Вопросы невменяемости в ст. 14 Основ 1991 года были немного усовершенствованы. Был изменен перечень заболеваний, составляющий медицинский критерий невменяемости. В соответствии с Основами 1991 года невменяемость характеризовалась такими расстройствами психики как «хроническое психическое заболевание, временное расстройство психики, слабоумие или иное болезненное психическое расстройство». Изменения коснулись и юридического критерия. Так, вместо словосочетания: «лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях» в УК РСФСР 1960 года в Основах 1991 года используется: «не могло осознавать значение своих действий», что более правильно отражает интеллектуальный элемент юридического критерия.

Основы 1991 года исключили в норме о невменяемости положения о наказуемости лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее возможность осознавать характер своего деяния и руководить своими действиями. Это регламентировалось в ст. 52 Основ 1991 года «Освобождение от наказания в связи с болезнью». Однако в самой норме предусматривалось, что лицо не подлежит наказанию, если до вынесения судом приговора оно заболело психической болезнью, либо освобождалось от наказания или дальнейшего отбывания наказания, если психическая болезнь наступала после вынесения приговора.

Серьезное изменение в Основах 1991 года, по сравнению с УК РСФСР 1960 года, было осуществлено применительно к институту добровольного

³ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1991. — № 30. — Ст. 862.

отказа от совершения преступления. В соответствии со ст. 18 Основ 1991 года, добровольным отказом признавалось прекращение лицом приготовительных действий либо добровольное прекращение действия (бездействия), непосредственно направленного на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца⁴. Содержание данной части, по сути, являлось первым законодательным определением добровольного отказа в XX в. Из определения видно, что законодатель связывает добровольный отказ с приготовительными действиями и реализацией преступных намерений⁵. Лицо при отказе от доведения преступления до конца должно осознавать возможность доведения преступления до конца. Таким образом, лицо, начав преступную деятельность, которая не обладает признаками приготовления и покушения, должно осознанно прекратить свои преступные действия.

Добровольный отказ в Основах 1991 года расценивался как обстоятельство, не влекущее уголовную ответственность, что позволяло расценить его именно как разновидность непроступного поведения в рамках уголовного законодательства. Для реализации данной формулировки законодатель предусмотрел несколько вариантов ответственности. Во-первых, самостоятельно указывается на не привлечение к уголовной ответственности лица, отказавшегося от совершения преступления (общее правило). Данное положение имеет весьма важное значение. Оно облегчит понимание практическим работникам правовых последствий добровольного отказа. Во-вторых, привлечение лиц, добровольно отказавшихся от совершения преступления, к уголовной ответственности (исключительное правило) лишь при наличии в фактически совершенных действиях лица состава иного преступления.

Впервые на законодательном уровне в Основах 1991 года были закреплены положения, касающиеся особенностей добровольного отказа соучастников преступления. В этом акте не дифференцировались действия организатора, подстрекателя и пособника, а формулировалось общее положение для всех соучастников. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 17 Основ 1991 года, добровольный отказ организатора преступления, подстрекателя или пособника исключает уголовную ответственность, если лицо своевременно предприняло все зависящие от него меры для предотвращения совершения преступления⁶.

⁴ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1991. — № 30. — Ст. 862.

⁵ В отличие от Основ 1991 г. в ч. 1 ст. 31 УК РФ 1996 года сказано, что лицо прекращает приготовление к преступлению. Создатели Основ 1991 года не связывали добровольный отказ с прекращением неоконченного преступления, основываясь на различной правовой природе данных институтов. Законодатель того времени правильно увидел разграничение между добровольным отказом и неоконченным преступлением в зависимости от обстоятельств отказа.

⁶ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1991. — № 30. — Ст. 862.

Из содержания Основ 1991 года следовало, что данные лица лишь должны предпринять все необходимые меры для предотвращения совершения исполнителем преступления до конца. В документе не указывалось, привлекался ли организатор, подстрекатель или пособник к уголовной ответственности, если исполнитель все же довел преступный умысел до конца, несмотря на противодействие данных соучастников, или же им удалось предотвратить преступление. Исходя из формулировки закона, мы считаем, что законодатель широко трактовал добровольный отказ соучастников, и самого факта предпринятых мер по предотвращению совершения преступления было достаточно для неприменения к ним мер уголовной ответственности.

Несколько изменился подход законодателя к непроступным деяниям, образующим группу обстоятельств, исключающих преступность деяния. Во-первых, впервые этим деяниям был выведен самостоятельный раздел, который так и назывался (раздел III). До этого положения о необходимой обороне и крайней необходимости помещались в главы о преступлении. Во-вторых, перечень деяний, не признаваемых преступлением и не влекущих уголовную ответственность, был расширен за счет введения таких его разновидностей, как задержание лица, совершившего преступление (ст. 25 Основ 1991 года), и оправданного профессионального и хозяйственного риска (ст. 27 Основ 1991 года).

Формулировки положений о необходимой обороне и крайней необходимости практически не отличались от Основ 1958 года и УК РСФСР 1960 года. Что касалось задержания лица, совершившего преступление, то в ст. 25 Основ 1991 года указывалось следующее: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но направленное на задержание лица в момент или непосредственно после совершения им преступления в целях передачи задержанного органам власти, если при этом не было допущено явного несоответствия мер задержания характеру и степени общественной опасности содеянного и обстоятельствам задержания»⁷. Обращает на себя внимание то, что в нормативном акте не используется указание на правомерность причинения вреда, как это сейчас предусмотрено в ст. 38 УК РФ, а непроступным признается именно деяние, которое подпадает под признаки того или иного преступления.

Что касается оправданного профессионального и хозяйственного риска, то в соответствии с ч. 1 ст. 27 Основ 1991 года: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но представляющее собой оправданный профессиональный или хозяйственный риск для достижения общественно полезной цели». При

⁷ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1991. — № 30. — Ст. 862.

этом достижение социально полезной цели не возможно без рискованных действий, при условии учета технических знаний и опыта.

Так как Основы 1991 года представляли собой положения Общей части без норм, предусматривающих конкретные преступные посягательства, то и конкретных неправомерных деяний в данном документе не было.

Кобец П. Н.¹
Kobets P. N.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С СОВРЕМЕННЫМ
МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ**

**CRIMINALOGICAL PROBLEMS OF THE STRUGGLE AGAINST MODERN
INTERNATIONAL TERRORISM**

Аннотация. Цель представленной работы — анализ современных проблем международного терроризма с целью выработки подходов к формированию механизма его противодействия. Методы: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, метод межотраслевых юридических исследований. Результаты исследования. Автор приходит к выводу о том, что сегодня назрела потребность унифицировать правовые основы в области международного сотрудничества по противодействию международному терроризму. Проведенное исследование развивает и уточняет теорию причинного комплекса, детерминирующего международный терроризм. Предложенные выводы направлены на снижение террористических вызовов и угроз.

Ключевые слова: международный терроризм, безопасность, наркотерроризм, кибертерроризм, факторный анализ международного терроризма, противодействие международному терроризму.

Summary. The purpose of the presented work is the analysis of modern problems of international terrorism, in order to develop approaches to the formation of the mechanism of its counteraction. Methods: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, method of intersectoral legal research. Research result. The author comes to the conclusion that today there is a need to unify the legal framework in the field of international cooperation in combating international terrorism. The study develops and clarifies the theory of the causal complex that determines international terrorism. The proposed conclusions are aimed at reducing terrorist challenges and threats.

Keywords: international terrorism, security, drug terrorism, cyberterrorism, factor analysis of international terrorism, counteraction to international terrorism.

Чтобы разобраться в современных тенденциях, связанных с проявлением международного терроризма и реагировать на ситуацию адекватно, необходимо понять природу современного международного терроризма, что крайне

¹ КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор (Москва); КОБЕТС ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, Chief Researcher of the Center for Organizational Support of the Scientific Activity of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Moscow).

редко делают современные аналитики. Очень часто международный терроризм рассматривается просто как иная проблема безопасности, которая решается также просто.

Сегодня трудно не заметить разницу между нынешним и прошлым столетием. Современное общество довольно хорошо испытало на себе серьезные и многочисленные отличия двадцать первого века от предыдущего. Поэтому оглядываясь назад, можно с полной уверенностью утверждать, что во всех отношениях жизнь в двадцатом столетии была более проще и намного безопаснее. Безусловно, она не только казалась, но и была на самом деле более организованной симметричной, внутренняя и внешняя среда представлялись относительно постоянными и предсказуемыми. Большинство из угроз в конечном итоге оказывались в значительной степени условными.

Но чтобы двигаться дальше мы должны понимать, что термины «национальная безопасность» и «международная безопасность» больше не ограничиваются стандартными угрозами. Они включают новые угрозы — асимметричные, предполагающие распространение различных форм организованной преступности, наркотерроризм, кибертерроризм, ядерный терроризм и другие опасные виды современной преступности. Границы с становятся все более условными, а частота угроз, с которыми мы сталкиваемся, с каждым годом увеличивается².

Возникающие террористические угрозы конца второго десятилетия XXI столетия, с которыми мы сталкиваемся, становятся не только шире, но и разнообразнее, чем мы могли бы представить в конце двадцатого столетия. А наша способность к решению возникающих проблем еще не в полной мере соответствует требуемой срочности. Если говорить прямо, институты и подходы, которые мы придумали в двадцатом веке, по-прежнему подходят для реалий двадцать первого. Мир определенно изменился, но мы не изменились вместе с ним. Международный терроризм, бесспорно, самая очевидная опасность сегодняшнего общества, хотя и в конечном счете, не самая серьезная угроза для будущего человечества. Но она очевидная, поэтому она пугающая и требует немедленных ответов и реакции со стороны правоохранительных органов и государственных властей большинства развитых стран мира.

По мнению ряда зарубежных исследователей, изучающих проблемы международного терроризма, подобные ситуации будут возникнуть и в будущем, а нестабильная ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке может стать еще одним из факторов, оказывающих влияние на рост рассматриваемой

² См.: *Кобец П. Н.* Некоторые современные тенденции, связанные с проявлением терроризма: природа и причинный комплекс // *Российский следователь*. — 2017. — № 18. — С. 53–56.

проблемы. К тому же в последнее время и положение в Афганистане остается нестабильным. Изобилие наркотиков может легко стать источником финансирования для проявлений нового религиозного насилия. Такое насилие, финансируемое наркотиками, может возникнуть и в Южной Америке, где продолжающие богатеть наркобароны продолжают финансировать деятельность террористических организаций³.

Чтобы определить рамки для понимания угроз и опасностей, стоящих перед мировым сообществом сегодня, включая все проявления современного международного терроризма, конечно, необходимо придерживаться традиционной области исследования, прежде чем продолжать какие-либо прямые наблюдения самого явления⁴. Что касается угроз и опасностей, то современное мировое сообщество часто игнорирует, оттесняет на задний план или недооценивает перспективы, в контексте которых происходят рассматриваемые события. В этой связи важно отметить, что, не понимая их сущности, эффективные действия по противодействию терроризму невозможны.

В условиях XXI столетия экономический и финансовый кризис и его последствия для общества гигантские. Совершенно понятно, что в XXI столетии, как и в XX, преступность оказывает влияние на экономическую сферу общества⁵. В настоящее время преступность представляет из себя некий гибрид. Преступные организации используют террор, а террористы используют средства преступных организаций. Финансово-экономический кризис выступает в качестве турбодвигателя для развития большинства форм преступности. И сегодня мы можем наблюдать как геополитически, оказывая влияние на новых гигантов и развивающиеся страны Ближнего Востока, с природными ресурсами или без них, кризис угрожает будущему Ближнего Востока и его хрупкой модели⁶.

Кроме того, чем больше террористы сражаются в условных рамках «войны», тем более серьезной становится проблема, поскольку такое военное

³ См.: *Тесфай Н.* Горячие точки субсахарской части Африки // ИНТЕРСЕК Журнал по вопросам международной безопасности. — Великобритания, 2015. — Т. 25. — № 10, нояб.-дек. — С. 10–11.

⁴ См.: *Колотков М.Б.* Методологические основы исследования конфликтной модели «терроризм — государство» периода второй половины XIX — начала XX веков // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2016. — № 3(66). — С. 166–175.

⁵ См.: *Гладких В.И., Сухаренко А.Н.* Преступность в условиях экономического кризиса: социолого-правовой взгляд // Безопасность бизнеса. — 2015. — № 4. — С. 23–26.

⁶ Документальное подтверждение наличия террористической деятельности в Европейском Союзе // Полис Профэшнл. — Великобритания, 2012. — № 302, 3 мая. С. 18–20.

насилие прибавляется к «экономическому насилию» со стороны глобализации⁷. Успешные компании по борьбе с терроризмом «разгадывают» террористов, а не «добивают силой», поскольку терроризм бросает вызов всем нормальным правилам ведения войны. И это действительно так, потому что часто террористы намерены показать, какими по-настоящему слабыми оказываются обычные вооружения перед лицом средств ведения войны, лишенных традиционности.

Культура Запада требует мгновенных результатов; она не может ждать годами и проводить долгосрочные кампании или некоторое время ничего вообще не делать. Сегодня международные террористы не нуждаются в том, чтобы только выиграть, и чтобы только преуспеть: им просто нужно заявлять о себе и представлять потенциальную угрозу мировому сообществу⁸.

Поэтому в современном мире один только сбор информации о террористах не может оказать активное противодействие терроризму. Важно понимать, что в настоящее время невозможно сформировать эффективную стратегию борьбы с терроризмом, только занимаясь сбором данных открытого или закрытого характера, даже если они потом будут обработаны самым тщательным образом⁹. Необходимо рассматривать этот процесс, как один из элементов деятельности, направленной на осуществление контроля над угрозами и опасностями современного мира, исходящих от международных террористических организаций, лидеры, которых фанатично уверены в своей метафизической законности и поэтому убеждены в том, что их цели справедливы.

Сегодня глобализация добавляет к числу потенциальных проблем еще. Не все атаки международных террористов достигают нужной цели. Следовательно, требуется все больше и больше времени на подготовку и планирование операций по обеспечению безопасности, а это позволяет проводить хорошо организованные операции меньшими силами. Поскольку возможностей осуществить атаки становится меньше, они должны быть гораздо более эффективными по своему воздействию, как в плане причиняемого ущерба, так и освещения в средствах массовой информации. В своей основе международный терроризм нацелен на средства массовой информации, которые переполнены новостями драматического характера, поэтому для того, чтобы получить достаточное освещение, террорист должен избрать в качестве

⁷ См.: *Моторин Д. И., Коваленко В. Д.* Специфика информационной борьбы запрещенных в России террористических организаций «Аль-Каида» и ИГИЛ // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 5. — С. 13–18.

⁸ См.: *Бельский В. Ю.* Радикализация современной Европы как угроза социальному прогрессу // Вестник экономической безопасности. — 2015. — № 6. — С. 8–11.

⁹ См.: *Динджли Дж.* Тенденции терроризма в мире // ИНТЕРСЕК. — Великобритания, 2004. — Т. 14. — № 5, май. — С. 155–157.

мишени такие события, которые способны произвести захватывающее впечатление. По прошествии какого-то времени общество оказывается озабоченным проблемой терроризма, активисты начинают постоянно обсуждать тему «террористического фактора», что делает ситуацию более драматичной. С каждым годом международные террористы становятся более беспощадными, а по мере того, как правоохранительные органы и службы начинают действовать более эффективно, растет беспощадность и жестокость, которую демонстрируют террористы.

Еще в середине двадцатого века исследователи и специалисты борьбы с терроризмом определили, что любая группировка, сформировавшаяся даже на религиозной почве, становится политической и действует с точки зрения серьезной конфронтации с властями. При этом сторонники глобализации рассматривают террористические или преступные проявления в современном мире как не столь серьезные правонарушения. Ученые-криминологи, напротив, полагают, что эти криминально-террористические проявления мирового хаоса, и, если общество будет их игнорировать, приведут к еще более серьезному международному кризису¹⁰.

Предполагается, что в будущем организованная преступность будет устанавливать тесные связи с террористами и насильственными экстремистскими группами. Многие сепаратисты, религиозные и правые террористические группы уже тесно связаны с организованной преступностью, и связи между террористическими организациями и преступностью могут усилиться. Опять же глобализация в коммуникативной сфере и быстрое распространение интернета может усилить влияние со стороны экстремистских группировок и позволит им мобилизовать и быстро объединить большое количество людей. В ближайшем будущем они смогут расти в политическом, дипломатическом и военном плане, поскольку интернет расширяет их сферу влияния, увеличивает возможности установления контактов и проникновение в кибертерроризм.

В настоящее время традиционные формы безопасности ориентированы главным образом на захват или недопущение действий преступников, которые действуют из соображений весьма предсказуемых — корысти и алчности: такие действия характерны для девиантных субкультур и часто имеют форму психопатии и антиобщественного поведения. В противоположность им террористы не такие, даже если они заключают стратегические союзы с преступниками или ответвляются из организованной преступности. «Обычные»

¹⁰ См.: Кобец П. Н. Анализ природы терроризма и его детерминирующих факторов в условиях середины второго десятилетия XXI столетия // Полицейская деятельность. — 2016. — № 6. — С. 596–602. DOI: 10.7256/2222–1964.2016.6.21353.

преступники часто стараются быть предусмотрительными (неболтливыми), скрывая свою личность. Террористы же, напротив, часто реагируют на общественно-экономические и политические проблемы и не проявляют никаких признаков уничтожения¹¹.

Таким образом, необходимо отметить, что в условиях XXI столетия нам необходимо учитывать пагубную увеличивающуюся роль международных преступных организаций и скрытую угрозу международного терроризма, которая становится все опаснее. Мы должны осознавать совокупную и тесную связь таких явлений, как терроризм и организованная преступность, и не должны отделять эти феномены друг от друга. И только таким образом мы сможем подойти к стадии перспективного мышления, раннего распознавания угроз и опасностей современного мира.

По мере того, как общество становится более сложным, а процесс принятия решений все в большей степени становится делом экспертов, эта проблема приобретает особое звучание. Часто оказывается, что альтернативные ценности становятся результатом альтернативной формы участия и нравственным императивом для нарушения закона и замешанности в проявлении насилия, что является альтернативой разумных, мирных дебатов и дискуссий. Продвижение таких ценностей и идеологии проявилось в регулярных протестах, направленных против глобализации, во время проведения встреч на высшем уровне. Это проблема демократии, которая, с одной стороны, призывает к участию, а с другой, исключает его, ссылаясь на необходимость экспертизы в сложных случаях. Проблема еще больше обостряется скоплением, которое подразумевает, что экономическое развитие, научный эксперимент и разработка продукта проводятся, не исходя из потребностей, а из стремления к роскоши.

Во многих отношениях мир сейчас в большей безопасности, чем когда-либо был, со средней продолжительностью жизни и качеством жизни, которое улучшается, невзирая на все, в большинстве стран мира. Однако средства массовой информации помогли высветить обязательства (или состояние) тех, кто не разделяет преимущества современного общества. Потому, что люди хотят жить долго и во здравии, а внезапная смерть уже воспринимается как серьезная травма для психики и действует более ужасающе, чем раньше. Терроризм отчасти оказывает на это свое влияние. Это реальная угроза, которая не собирается уходить, но признать ее и ее природу — значит сделать первый шаг к борьбе с ней.

¹¹ См.: Хенман М. Региональные угрозы безопасности в 2016 г. Активизация некоторых террористических группировок // ИНТЕРСЕК. Журнал по вопросам международной безопасности. Великобритания, 2015. — Т. 25. — № 10, ноябрь-декабрь. — С. 6–7.

По нашему мнению, в настоящее время силами только правоохранительных органов практически невозможно полностью изучить всю получаемую информацию, касающуюся терроризма и ему противодействовать. Борьба с терроризмом в наши дни предполагает не только сбор доказательственной информации, чтобы преступники предстали перед судом. Вопрос заключается в управлении рисками, и при ограниченных ресурсах вряд ли возможно попытаться управлять каждым и расследовать каждое отдельно взятое дело. Но на самом деле, в реальном мире тем, кто участвует в борьбе с терроризмом, приходится выбирать, поскольку объем информации и количество эпизодов таково, что каждый из них не может привести к окончательному выводу.

Как нам кажется, в настоящее время самая большая проблема, которая стоит перед правоохранительными органами разных стран, заключается в том, чтобы завоевать доверие всего общества. Это связано с тем, что многие граждане с большой долей скептицизма и подозрением относятся к мерам, принимаемым властями в отношении борьбы против терроризма¹².

По мере того, как международный терроризм становится все могущественнее, следует ожидать все больше неожиданных сражений. Если говорить о физических угрозах, то мы также можем ожидать появления новых форм шантажа и схем вымогательства, например «выкупа» за кражу информации, или нарушение в работе умных машин, умных офисов или зданий.

Современная среда обеспечения безопасности быстро меняется. Понимание угрозы и инвестирование в адекватную систему безопасности имеет смысл с самого начала. Это нелегко. Нам необходимо развивать сотрудничество между людьми, коммерческими предприятиями и государством, иначе мы рискуем стать уязвимыми и незащищенными. Поэтому правоохранительные органы должны работать на опережение. Это ключевой момент, лежащий в основе миссии, направленной на борьбу против терроризма. Правоохранительная система любой страны должна работать над слаженностью действий в международном масштабе таким образом, чтобы все сотрудники, занятые в работе по борьбе против международного терроризма действовали по единым стандартам и могли поддержать друг друга в случае кризисной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бельский В. Ю.* Радикализация современной Европы как угроза социальному прогрессу // Вестник экономической безопасности. — 2015. — № 6. — С. 8–11.
2. *Гладких В. И., Сухаренко А. Н.* Преступность в условиях экономического кризиса: социолого-правовой взгляд // Безопасность бизнеса. — 2015. — № 4. — С. 23–26.

¹² См.: *Хейнес К.* Связь с обществом создает фундамент для борьбы против терроризма // Полис Ривью. — Великобритания, 2008. — Т. 115. — № 5967. 22 фев. — С. 5–7.

3. *Динджли Дж.* Тенденции терроризма в мире // ИНТЕРСЕК: Великобритания. — 2004, том 14. — № 5, май. — С. 155–157.
4. Документальное подтверждение наличия террористической деятельности в Европейском Союзе // Полис Профэшнл: Великобритания, 2012. — № 302, 3 мая. — С. 18–20.
5. *Кобец П. Н.* Некоторые современные тенденции, связанные с проявлением терроризма: природа и причинный комплекс // Российский следователь. — 2017. — № 18. — С. 53–56.
6. *Кобец П. Н.* Анализ природы терроризма и его детерминирующих факторов в условиях середины второго десятилетия XXI столетия // Полицейская деятельность. — 2016. — № 6. — С. 596–602. DOI: 10.7256/2222–1964.2016.6.21353.
7. *Колотков М. Б.* Методологические основы исследования конфликтной модели «терроризм — государство» периода второй половины XIX — начала XX веков // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2016. — № 3(66). — С. 166–175.
8. *Моторин Д. И., Коваленко В. Д.* Специфика информационной борьбы запрещенных в России террористических организаций «Аль-Каида» и ИГИЛ // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 5. — С. 13–18.
9. *Тесфай Н.* Горячие точки субсахарской части Африки // ИНТЕРСЕК Журнал по вопросам международной безопасности: Великобритания, 2015. — Т. 25. № 10, нояб.-дек. — С. 10–11.
10. *Хейнес К.* Связь с обществом создает фундамент для борьбы против терроризма // Полис Ривью: Великобритания, 2008. Т. 115. № 5967, 22 февр. — С. 5–7.
11. *Хенман М.* Региональные угрозы безопасности в 2016 г. Активизация некоторых террористических группировок // ИНТЕРСЕК Журнал по вопросам международной безопасности: Великобритания, 2015. Т. 25. № 10, нояб.-дек. — С. 6–7.

*Коблева М. М.*¹

Kobleva M. M.

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

HUMANIZATION OF CRIMINAL LEGISLATION AS A BASIC DIRECTION OF CRIMINAL POLICY

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и основные направления гуманизации уголовного законодательства через призму уголовной политики государства. Анализ осуществляется на основании исследования декриминализации отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: гуманизация, уголовная политика, декриминализация, судебная статистика, побои.

Summary. The article deals with the concept and main directions of humanization of criminal legislation through the prism of the criminal policy of the state. The analysis is based on the study of decriminalization of certain articles of the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: humanization, criminal policy, decriminalization, judicial statistics, beatings.

Российское общество и политика государства находятся в постоянном развитии. Закон, а в особенности уголовный закон, должен отвечать всем реалиям, отражать все изменения, быть справедливым.

*Количество изменений, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в период с 2003 по 2018 год*².

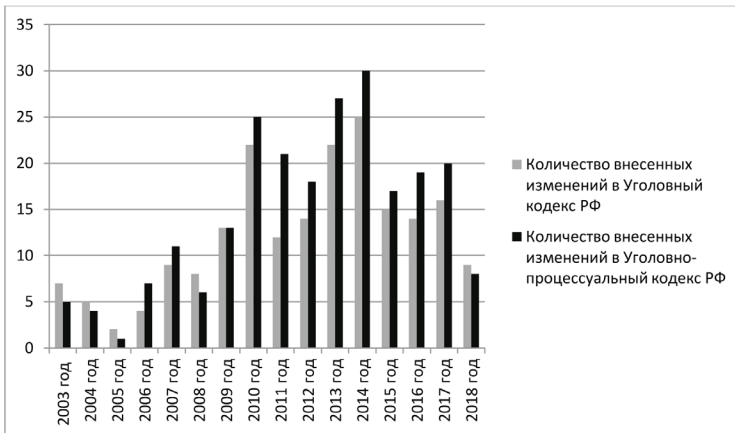
Как видно из Таблицы 1, наибольшее количество изменений уголовного и уголовно-процессуального законодательства произошло в 2010, 2013, 2014 и в 2017 годах. Так, например, изменения в 2014 году коснулись следующих

¹ КОБЛЕВА МАРИЯ МУХАДИНОВНА, декан факультета повышения квалификации судей и госслужащих судов Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права, председатель Ассоциации медиаторов Ростовской области «Примирение» (Ростов-на-Дону); KOBLEVA MARIA MUKHADINOVNA, Dean of the Faculty of Advanced Training for Judges and State Officials of the Courts of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Chairman of the Association of Mediators of the Rostov Region Reconciliation (Rostov-on-Don).

² Обзор изменений «Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996— № 63-ФЗ, Обзор изменений «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001— № 174-ФЗ // ИПС «Консультант плюс».

сфер: введена уголовная ответственность за фиктивную регистрацию и постановку на учёт по месту пребывания и по месту жительства в жилом помещении. УК РФ дополнен соответствующими статьями, усилена защита несовершеннолетних от эксплуатации в качестве сексуального объекта. УК РФ дополнен ст. 240¹, предусматривающей максимальную ответственность в виде лишения свободы на срок до 4 лет за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего, введена уголовная ответственность за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, введена ответственность за реабилитацию нацизма, ужесточилась ответственности за террористическую деятельность, усилена уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), установлен запрет на ношение огнестрельного оружия в состоянии опьянения и ношение огнестрельного оружия ограниченного поражения на территориях образовательных организаций, за исключением организаций, уставные цели и задачи которых предусматривают использование оружия, и другие.

Таблица 1

Изменения 2017 года затронули другие сферы жизни общества, а именно:

- введена уголовная ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств,
- ужесточена ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство несовершеннолетнего, лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо

в материальной и иной зависимости, либо женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, наказывается лишением свободы на срок до 10 лет, а то же деяние, сопряженное с публичным выступлением, использованием сети «Интернет» — до 15 лет,

- усовершенствован институт отсрочки отбывания наказания, согласно которому отсрочка может быть предоставлена еще на стадии вынесения приговора (ранее такая отсрочка предоставлялась только на стадии исполнения приговора) женщине, которая ждет ребёнка, женщине, у которой уже есть дитя в возрасте до 14 лет, мужчине, который является единственным родителем ребёнка, не достигшего 14 лет, и другие.

На первый взгляд может показаться, что речь идет только об ужесточении уголовной ответственности по различным деяниям или введении новых составов преступлений, а признаков гуманизации уголовного законодательства нет. Но это только на первый взгляд, для начала определим, что такое гуманизация.

Гуманизация — это распространение и утверждение в сфере общественной жизни идей, взглядов и убеждений, проникнутых гуманизмом³.

Гуманизм — это признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений⁴.

Гуманизация уголовного законодательства подразумевает придание уголовному и уголовно-процессуальному законодательству гуманистической направленности, то есть ориентации на реализацию человеческих интересов и ценностей и соответственно защита этих ценностей.

В послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 года впервые была поставлена задача по гуманизации уголовного законодательства и системы исполнения наказаний. Постепенно эта задача переродилась в идею, и, начиная с 2002 года, в каждом ежегодном послании Президента РФ, так или иначе, затрагивается этот вопрос.

³ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000 // URL: <https://www.efremova.info/word/gumanizatsija.html#W78zLP19iUm> (дата обращения 11.10.2018).

⁴ Большой энциклопедический словарь // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/111386> (дата обращения 11.10.2018).

В качестве примера гуманизации уголовного законодательства в данной статье будут исследованы особенности и последствия декриминализации статей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Декриминализация — это юридическая перекалфикация части уголовно наказуемых деяний и перевод их в разряд административных, дисциплинарных и иных правонарушений либо правомерных действий⁵.

Декриминализация статей Уголовного кодекса Российской Федерации происходит с различной периодичностью. Особое внимание общественности привлекла декриминализация статей УК РФ, предусматривающих наказание за мелкое хищение, побои, подлог и за злостное уклонение от уплаты алиментов. Остановим внимание на декриминализацию статьи, предусматривающей наказание за побои.

Федеральными законами от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и от 03.07. 2016 № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» были внесен ряд поправок в Уголовный Кодекс РФ и в Кодекс об административных правонарушениях, а именно:

- статья 116 УК РФ была изложена в новой редакции, дополнена адресной и целевой группой, а именно «в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»⁶;
- появилась статья 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутому административному наказанию», КоАП РФ был дополнен статьей 6.1.1. «Побои».

В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ делается акцент на то, что часто деяния, квалифицируемые сегодня

⁵ Большой энциклопедический словарь // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14260> (дата обращения 11.10.2018).

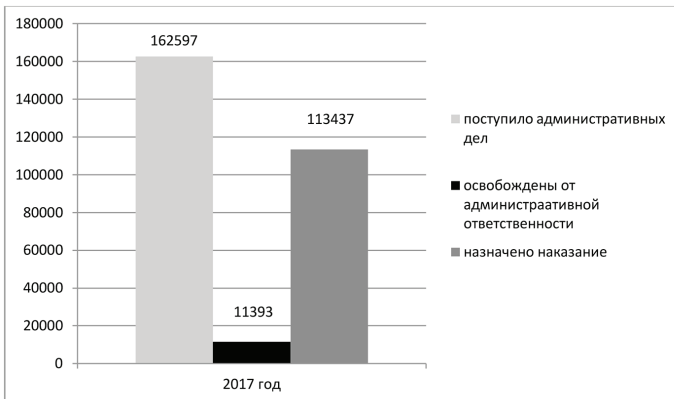
⁶ Федеральный закон от 03.07.2016— № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // ИПС «Консультант плюс».

как преступления небольшой тяжести, либо лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности. Негативные последствия от судимости в таких случаях (причем не только для самого осужденного, но и для его близких родственников) не вполне адекватны характеру этих деяний или личности осужденного и выходом из ситуации является декриминализация некоторых деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, а также либерализация уголовного закона⁷.

Действительно, положительных сторон подобных изменений достаточно много, во-первых, при осуждении за преступления небольшой тяжести наступают негативные последствия в виде судимости, которая может существенно сказаться на дальнейшей жизни человека, во-вторых, декриминализация в силу малозначительности существенно снижает нагрузку на судебную систему, систему расследования преступлений и на уголовно-исполнительную систему.

Таблица 2

Побои (статья 6.1.1. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, данные статистики 2017 года)⁸

Но есть и отрицательные моменты, а именно, при побоях преступники посягают на жизнь и здоровье человека, самое ценное, то, что охраняется законом, а в соответствии с КоАП РФ они могут понести наказание в виде

⁷ Пояснительная записка к Федеральному закону 323-ФЗ 03.07.2016 // URL: <http://royasnite.ru/federalnyj-zakon-323-fz-03-07-2016> (дата обращения 11.10.2018).

⁸ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения 11.10.2018).

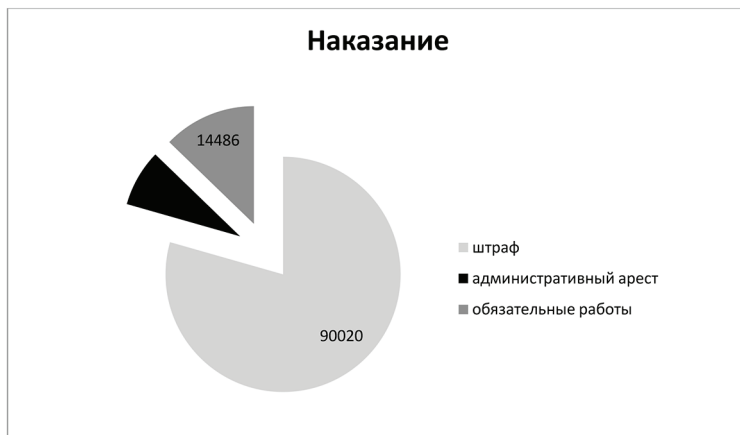
штрафа и есть риск, что наказание не будет соразмерно преступлению. Также есть мнение, что права потерпевшего не защищаются в той же мере, как это предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Безусловно, подлинную эффективность может показать только практика правоприменения.

Судебная практика говорит о достаточно большом обращении граждан за защитой в соответствии с КоАП РФ, за 2017 год поступило 162 597 дел (Таблица 2), по 70 % поступивших дел было вынесено наказание, в основном в виде штрафа.

Таблица 3

Виды наказания за побои, в соответствии с положениями Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, данные статистики 2017 года⁹

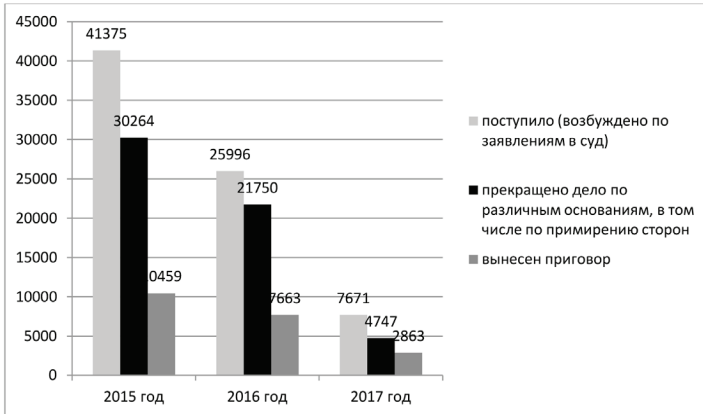

Если сравнить с показателями статистики по уголовным делам, то можно увидеть (Таблица 4), что основную массу дел частного обвинения составляли деяния в форме побоев и после принятия Федерального закона о внесении соответствующих изменений, а именно после 3 июля 2016 года, количество дел частного обвинения значительно снизилось, что позволило разгрузить мировых судей. Особое внимание хотелось бы уделить тому, что в среднем 75 % уголовных дел по данным преступлениям прекращается по различным основаниям, в том числе по примирению сторон.

⁹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения 11.10.2018).

Таблица 4

Дела частного обвинения (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 (до ред. ФЗ от 03.07.2016 № 323-ФЗ и после редакции), 116¹, ч. 1 ст. 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, данные статистики 2015, 2016, 2017 год)¹⁰

Судебная статистика отражает все вышеназванные положительные моменты декриминализации и как показывает практика, административные наказания за побои бывают различными, включая административный арест, поэтому можно утверждать, что наказание соразмерно правонарушению.

Именно через характер изменений в уголовный закон мы видим основные тенденции уголовной политики государства. Приведенный пример в форме декриминализации показал, что сейчас уголовная политика направлена на разгрузку судебной системы, системы исполнения наказания и конечно, главное, она направлена на предоставление возможности для граждан, совершивших малозначительные преступления исправиться без негативных последствий в виде судимости и жить полноценной жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // ИПС «Консультант плюс».

¹⁰ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения 11.10.2018).

2. Большой энциклопедический словарь // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/encЗр/111386> (дата обращения 11.10.2018).
3. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000 // URL: <https://www.efremova.info/word/gumanizatsija.html#.W78zLPiUm> (дата обращения 11.10.2018)
4. *Климкин Н. С., Тугушев Р. Р.* Новый взгляд законодателя на криминообразующие признаки статьи 116 УК России (побои) // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 2. — С. 71–74.
5. *Крылова Н. Е.* Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. — 2015. — № 8. — С. 90–107.
6. Обзор изменений «Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ; Обзор изменений «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
7. Пояснительная записка к Федеральному закону 323-ФЗ 03.07.2016 // URL: <http://royasnlite.ru/federalnyj-zakon-323-fz-03-072016/>(дата обращения 11.10.2018).
8. *Сидоренко Э. Л.* Гуманизация уголовного законодательства сквозь призму системного анализа // Мировой судья. — 2016. — № 11. — С. 18–22.
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения 11.10.2018).

Козлов Ю. А.¹
Kozlov Y. A.

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ
PROBLEMS OF THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PUNISHMENTS BY MILITARY SERVANTS

Аннотация. В статье раскрываются проблемы назначения уголовных наказаний военнослужащим в виде ареста, ограничения по военной службе и лишения свободы, предлагается предусмотреть ответственность за преступления против военной службы, совершённые в военное время либо в боевой обстановке и расширить перечень видов наказаний за превышение власти.

Ключевые слова: военнослужащие, уголовное наказание, арест, военное время, превышение власти.

Summary. The article reveals the problems of imposing criminal punishments on a soldier in the form of arrest, restrictions on military service and imprisonment; it is proposed to provide for responsibility for crimes against military service committed in wartime or in combat and to expand the list of types of punishments for abuse of power.

Keywords: military, criminal punishment, arrest, wartime, abuse of power.

Известно, что уголовная ответственность может наступать только за преступления, указанные в уголовном законе. Это хорошо знакомый юристам принцип «*nullum crimen sine lege*».

Ч. 3 ст. 331 действующего Уголовного кодекса РФ гласит, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершённые в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени. Данная норма изложена не совсем удачно, поскольку уголовный кодекс является единственным кодифицированным законом, устанавливающим уголовную ответственность в России. Согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс. Более того, такого закона в РФ до настоящего времени нет, и о его разработке ничего не слышно, несмотря на фактическое пребывание российских военнослужащих в условиях боевой обстановки.

Отсутствие таких норм является очевидным пробелом в российском уголовном законодательстве, поскольку воинские преступления, совершенные в военное время или в боевой обстановке, представляют повышенную общественную опасность и должны предполагать более суровую уголовную

¹ КОЗЛОВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, судья Ленинградского окружного военного суда; Kozlov Yuri Anatolievich, Judge of the Leningrad District Military Court.

ответственность, что и было ранее установлено в советском уголовном законодательстве.

Другие государства, к примеру государства — члены ОДКБ (Республика Казахстан, Республика Армения и др.) сохранили такой подход и предусматривают в своих уголовных законах повышенную уголовную ответственность как за воинские преступления, совершённые в боевой обстановке и в военное время, так и за применение запрещённых средств и методов ведения войны. При этом расширенно указывают конкретные формы такого применения. Например — убийство лиц, сдавших оружие, лишение военнослужащих права на независимый и беспристрастный суд, либо ограничение права этих лиц на защиту в уголовном судопроизводстве (статья 164 УК РК), дача во время вооруженного конфликта начальником или должностным лицом подчиненному приказу не оставлять никого в живых (ст. 166 УК РК).

Уголовный кодекс РФ в ст. 356 ограничивается лишь общей нормой об ответственности за применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, не уточняя конкретные формы указанных преступлений, что не улучшает восприятие и предупредительное воздействие уголовного закона в этой части.

По моему мнению, своевременное и подробное введение таких норм в уголовный закон Российской Федерации позволит эффективнее решать вопросы привлечения к уголовной ответственности виновных в совершении преступлений, совершенных в военное время или в боевой обстановке (при обязательном четком закреплении этих понятий в законе, чтобы было понятно, что такое война и военное время, в каких случаях наступает боевая обстановка, и чем она отличается от других ситуаций, например, патрулирования). Это также будет способствовать более ясному пониманию военнослужащими, что именно запрещено делать, то есть способствовать профилактике таких преступлений и соблюдению военнослужащими норм Международного гуманитарного права, ратифицированных Российской Федерацией и, в силу этого, обязательных к соблюдению.

Помимо указанного, имеются проблемы с применением уголовного законодательства РФ при назначении уголовных наказаний военнослужащим и в мирное время. Из 10 видов предусмотренных законом видов наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ, которые могут применяться в качестве основных наказаний за преступления, относящиеся к подсудности военных судов, ко всем военнослужащим могут быть применены уголовные наказания в виде штрафа и лишения свободы, к военнослужащим по контракту — ограничение по военной службе, обязательные работы и исправительные работы.

Такие наказания как ограничение свободы и принудительные работы не применяются ко всем военнослужащим в силу прямого законодательного

запрета в ст. 53 и 53¹ УК РФ, а обязательные работы и исправительные работы не назначаются военнослужащим, проходящим военную службу по призыву и военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленный законом срок военной службы по призыву.

Этой категории военнослужащих на основании ст. 55 УК РФ может быть также назначено наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части от трех месяцев до двух лет, как за совершение преступлений против военной службы, так и при замене наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет.

Наказание в виде ареста, предусмотренное ст. 54 УК РФ не введено в действие в связи с отсутствием необходимых условий для его отбывания гражданскими лицами в арестных домах.

Между тем, согласно ч. 3 ст. 54 УК РФ, военнослужащие отбывают арест на гауптвахте. При этом в настоящее время на гарнизонных гауптвахтах, где по решениям военных судов военнослужащие отбывают дисциплинарные наказания в виде ареста, необходимые условия для отбывания аналогичного уголовного наказания созданы. Для применения такого наказания для военнослужащих не хватает воли законодателя разрешить применение такого наказания в отношении военнослужащих, не дожидаясь введения такого наказания для гражданских лиц.

Назначение наказания в виде ограничения по военной службе в силу ст. 51 УК РФ назначается военнослужащим по контракту на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершение преступлений против военной службы, а также вместо исправительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Невозможность назначения этого наказания в других случаях, в том числе при применении ст. 64 УК РФ, сужает возможности суда по выбору наказания, что требует устранения путем внесения изменений в уголовный закон.

7 декабря 2011 года в статьи 15 и 56 УК РФ были внесены изменения, согласно которым наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести (максимальное наказание за которое не превышает трех лет лишения свободы), только при наличииотягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Эти изменения вызвали неоднозначные толкования.

Так, 27 июня 2012 года Президиумом Верховного Суда РФ утверждены ответы на вопросы, поступившие из судов. Отвечая на вопрос 25: «Можно ли лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести при отсутствии отягчающих обстоятельств, назначать наказание в виде лишения свободы условно?», Верховный Суд РФ дал ответ: «Нет, нельзя. Правило о невозможности применения лишения свободы к определенным в законе субъектам носит абсолютный характер и распространяется на все без исключения ситуации».

В то же время, отвечая на вопрос 29: «Какое наказание в соответствии с новой редакцией ст. 56 УК РФ можно назначить иностранным гражданам, лицам без гражданства и без определенного места жительства по статьям УК РФ, в санкциях которых предусмотрено только лишение свободы и ограничение свободы?», Верховный Суд РФ дал ответ: «Невозможность применения к иностранным гражданам ограничения свободы означает, что в указанных случаях лишение свободы остается для них единственным видом наказания. Следовательно, суд вправе назначить им условное или реальное лишение свободы. Кроме того, по закону в таких ситуациях возможно применение наказания с учетом положений ст. 64 УК РФ либо постановление приговора без назначения наказания».

Очевидно, что указание в законе «предусмотрено как единственный вид наказания» не может расширительно толковаться как «может быть применен как единственный вид наказания».

В то же время, принимая эту норму, законодатель не обратил внимания, что при такой редакции, по целому ряду преступлений, совершенных различными категориями лиц (иностранцами, военнослужащими и т. п.), им в силу закона не может быть назначено ни одно наказание, указанное в санкции конкретной статьи, потому что закон не учитывает ситуацию, когда иные, кроме лишения свободы, виды наказаний, хотя и указаны в статье УК, но не могут к ним применяться как в силу законодательного запрета, так и в связи с тем, что не введены в действие.

При этом в УК РФ отсутствует законодательный механизм назначения иного наказания, не указанного в санкции статьи, что требует исправления.

Например, если военнослужащим, срок военной службы которого к моменту вынесения приговора истек, совершенно преступление — неисполнение приказа (ч. 1 и ч. 3 ст. 332 УК РФ), санкция за которое предусматривает наказание в виде ограничения по военной службе (которое военнослужащим по призыву не назначается), арест (который не введен в действие), либо содержание в дисциплинарной воинской части (которое не может быть назначено военнослужащему, срок службы которого истек), суд вынужден назначать наказание,

не указанное в санкции статьи, ссылаясь на нормы УК РФ, препятствующие назначению наказаний, предусмотренных законом за данное преступление.

Такая же ситуация складывается и по другим воинским преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений), ч. 1 и ч. 2 ст. 336 (оскорбление военнослужащего), ч. 1 ст. 337 (самовольное оставление части), а также еще по семи воинским преступлениям, предусмотренным частями 1 статей 339, 341, 342, 343, 344, 349, 350 УК РФ.

Так, в случае совершения таким военнослужащим нарушения правил вождения боевой, специальной или транспортной машины, повлекшее причинение по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 350 УК РФ), не могут быть назначены предусмотренные санкцией данной статьи наказания: в виде ареста (не введен в действие), содержание в дисциплинарной воинской части (не может быть назначено как отслужившему свой срок), лишение свободы на срок до двух лет (не может быть назначено в силу ст. 56 УК РФ). Суд, ссылаясь на невозможность назначения ни одного этого наказания, вынужден назначать иное наказание — штраф, обязательные работы или исправительные работы (с исполнением которых возникают значительные проблемы, так как с места службы по месту жительства до призыва военнослужащие убывают только после вынесения приговора, средств для уплаты штрафа не имеют в силу отсутствия источника дохода).

В аналогичную ситуацию попадает суд и при совершении военнослужащими общеуголовных преступлений.

Так, военнослужащему — офицеру по контракту, совершившему нарушение правил управления не военным, а гражданским транспортным средством, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 264 УК РФ), не могут быть назначены предусмотренные санкцией данной статьи наказания: ограничение свободы и принудительные работы (не применяются к военнослужащим), арест (не введен в действие), лишение свободы на срок до двух лет (не может быть назначено в силу ст. 56 УК РФ). Других наказаний в санкции данной статьи не предусмотрено.

При этом за указанное преступление офицеру не может быть также назначено наказание в виде ограничения по военной службе (поскольку это не преступление против военной службы и в санкции отсутствует такой вид наказания, как исправительные работы).

В случае, если такой военнослужащий продолжает военную службу, наказание в виде обязательных работ будет затруднено к исполнению, поэтому суду остается назначить ему либо штраф, либо исправительные работы по месту прохождения военной службы.

Почему при этом законодатель посчитал, что аналогичное исправительным работам наказание — ограничение по военной службе не может быть

назначено военнослужащему — офицеру не за воинское преступление, что позволит ему остаться в войсках, реализуя вложенные государством на его обучение в военном училище и в военной академии силы и средства, лично мне непонятно.

Острой проблемой в практике военных судов является назначение наказания за превышение власти по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Ранее, в действовавшем до 1997 года УК РСФСР, в главе 12 «Воинские преступления» имелась специальная статья, предусматривающая ответственность за воинские должностные преступления.

Данная норма при принятии УК РФ не была включена в главу 33 о преступлениях против военной службы, и военнослужащие стали привлекаться к ответственности по общеуголовной статье за превышение власти.

При этом в ч. 3 ст. 286 УК РФ было установлено, что превышение должностных полномочий, совершенное: а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) с применением оружия или специальных средств; в) с причинением тяжких последствий, — наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

В то же время уголовным законом установлена ответственность за преступления военнослужащих в отношении воинских начальников. Так, например, ст. 334 УК РФ (насильственные действия в отношении начальника) за нанесение побоев или применение иного насилия в отношении начальника предусматривает наказание в виде ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части либо лишением свободы на срок до 5 лет.

Получается, что в действующем уголовном законе наказание за насилие начальника к подчиненному или угрозу применения такого насилия (от трех — до десяти лет лишения свободы), является в два раза более суровым, чем наказание подчиненного за такие же действия в отношении воинского начальника (до пяти лет лишения свободы, либо ограничение по военной службе, либо содержание в дисциплинарной воинской части).

Такая уголовная политика не способствует укреплению основополагающего принципа единоначалия в вооруженных силах, не отвечает целям наказания в правовом государстве и требует исправления.

Предлагается:

- законодательно ввести в действие уголовное наказание в виде ареста для военнослужащих как по призыву, так и по контракту (за исключением женщин и офицеров — ст. 46 ДУ ВС РФ). Это позволит назначать реальное наказание без изъятия осужденных из сферы воинских правоотношений, в том числе лиц, отслуживших срок по призыву,

поскольку срок отбывания наказания на гауптвахте в срок военной службы не засчитывается;

- внести изменения в ст. 64 УК РФ, указав о возможности назначения судом более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией статьи, при отсутствии возможности назначения указанного в санкции статьи наказания в силу законодательного запрета;
- внести изменения в ч. 1 ст. 56 УК РФ, закрепив, что наказание в виде лишения свободы, в том числе с применением ст. 73 УК РФ, может быть назначено судом не только когда этот вид наказания является единственным, но и когда другие наказания, хотя и указаны в санкции статьи, однако не могут быть ему назначены в силу закона. Это, в том числе, позволит суду назначать условное наказание в виде лишения свободы, а не реальное наказание в виде штрафа;
- внести изменения в ст. 51 УК РФ, указав, что наказание в виде ограничения по военной службе может назначаться военнослужащим по контракту не только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершение преступлений против военной службы и вместо исправительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, но также вместо ограничения свободы и принудительных работ (которые все равно к военнослужащим не применяются) и при назначении судом наказания с применением статьи 64 УК РФ, что позволит расширить применение этого наказания;
- внести изменения в санкцию ч. 3 ст. 286 УК РФ, исключив нижний предел лишения свободы — «от трех лет» и дополнив наказаниями в виде исправительных работ и ареста, что позволит по пункту «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение начальником должностных полномочий с применением насилия или угрозой его применения) назначать наказания, соразмерные действиям подчиненных в отношении воинских начальников, и расширит применение к воинским должностным лицам наказаний, не связанных с лишением свободы.

*Коротков А. В.¹, Яковлева А. С.²,
Воинкова С. П.³
Korotkov A. V., Yakovlev A. S.,
Voinkova S. P.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

CURRENT PROBLEMS OF THE MODERN RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы современной российской пенитенциарной системы. Анализ проблем социализации осужденных, проведение образовательной реформы в стенах пенитенциарной системы, поддержание должного медицинского сопровождения рассматриваются через призму соблюдения базовых потребностей, а также прав и свобод человека и гражданина. Назревшие проблемы правового характера авторы предлагают преодолеть за счет приближения действующего уголовного законодательства к реалиям современного мира, а также путем перцепции ряда аспектов у прогрессивных государств в сфере модернизации пенитенциарной системы, а также постпенитенциарной адаптации бывших осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарная система, осужденный, ресоциализация, постпенитенциарная адаптация, криминогенная обстановка.

Summary. The article examines advanced topics of the modern Russian penal system. The analysis of issues of convicts' socialization, conducting of the

¹ КОРОТКОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург); KOROTKOV ALEKSEY VIKTOROVICH, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor (St. Petersburg).

² ЯКОВЛЕВА АННА СЕРГЕЕВНА, магистрант 3 курса кафедры уголовного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург); YAKOVLEVA ANNA SERGEEVNA, the 3rd Year Undergraduate of the Department of Criminal Law of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)

³ ВОИНКОВА СОФЬЯ ПАВЛОВНА, магистрант 2 курса кафедры уголовно-правовых основ борьбы с экономическими преступлениями Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Санкт-Петербург); VOINKOVA SOFYA PAVLOVNA, 2nd Year Undergraduate of the Department of Criminal Law Foundations in the Fight against Economic Crimes, St. Petersburg University of Management and Economics Technology (St. Petersburg).

educational reform within the penal system, the maintenance of due medical support are considered through the prism of respect for basic needs as well as human and civil rights and freedoms. The authors propose to overcome the urgent issues of a legal nature by approaching the existing criminal legislation to the realities of the modern world in addition with perceiving a number of aspects in progressive states in the field of modernization of the penal system as well as post-penal adaptation of former convicts.

Keywords: penal system, convict, resocialization, post-penal adaptation, crime situation.

В настоящее время особое внимание уделяется вопросу гуманизации отбывания наказания. Современный Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации приблизил российское уголовно-исполнительное законодательство к международным стандартам исполнения и отбывания наказания. Однако необходимо придавать большее значение повышению эффективности достижения главных целей наказания: восстановление социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, путем выявления основных проблем пенитенциарной системы и выработки эффективных путей решения.

Согласно официальным данным, по состоянию на 1 марта 2018 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации различного типа содержался 600 721 человек, что на наш взгляд, является внушительной цифрой⁴. Большой процент лиц, осужденных к лишению свободы, отбывает наказание в течение длительно срока, таким образом, их пребывание в учреждениях уголовно-исполнительной системы должно быть грамотно организовано и не нарушать конституционных прав, и в первую очередь, чтобы осужденные не утрачивали коммуникативные и профессиональные навыки в стенах исправительных учреждений.

В обозначенной выше проблематике крайне важным видится осветить вопросы оказания медицинской помощи, а также проблематики реализации права на получение образования в учреждениях уголовно-исполнительной системы России, что, безусловно, отразится на ресоциализации осужденных.

Вопросы, касающиеся медицинской безопасности в местах лишения свободы, являются одним из приоритетных звеньев в системе национальной безопасности России. От решения проблем медицинской безопасности

⁴ Информационно-аналитический центр Федеральной службы исполнения наказания. — URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 26.09.2018).

в уголовно-исполнительной системе во многом зависит здоровье осужденных в исправительных учреждениях, состояние здоровья страны⁵.

Согласно официальному статистическому источнику, в структуре медико-санитарных частей ФСИН России функционируют 664 медицинских части, 157 фельдшерских и 56 врачебных здравпунктов, 55 центров медицинской и социальной реабилитации, 73 военно-врачебные комиссии, 73 центра санитарно-эпидемиологического надзора, 144 больницы (в том числе 65 туберкулезных больниц, 5 психиатрических больниц, 8 больниц для оказания медицинской помощи сотрудникам ФСИН России)⁶.

Данная статистика указывает на то, что, в целом, проводится работа, направленная на оказание медицинской поддержки осужденных в структуре ФСИН РФ. Что, в свою очередь, соответствует ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь». Из смысла Основного закона усматривается, что нахождение в местах лишения свободы не является основанием для непредоставления или неоказания медицинской помощи в случае, если человек в ней нуждается. А, согласно п. 9 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН/111 от 14 декабря 1990 г.: «заключенные пользуются медицинским обслуживанием, имеющимся в данной стране, без дискриминации в связи с их юридическим положением»⁷.

Нельзя не согласиться с вышеобозначенными тезисами и добавить, что своевременное оказание медицинской помощи лицу, осужденному к отбытию наказания в местах лишения свободы, способствует предотвращению нарушения его гражданских прав, а также распространению заболевания среди осужденных (если речь идет об инфекционном заболевании), что служит превентивным механизмом в соблюдении прав иных осужденных, которые также могут находиться в группе риска по акцепции заболевания и последующему его распространению.

Указанное можно наглядно продемонстрировать на примере значительной роли эпидемиологической опасности в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации, которая представлена рядом заболеваний, таких как

⁵ *Ишков Ю. В., Карамышев С. Г.* Актуальные проблемы медицинской безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник АГТУ. — № 5 (34). — 2016. — С. 233.

⁶ Информационно-аналитический центр Федеральной службы исполнения наказания. — URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 26.09.2018).

⁷ Официальный сайт ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН/111 от 14 декабря 1990 г. «Основные принципы обращения с заключенными». П. 9. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/risoners_treatment.shtml (дата обращения 01.10.2018).

туберкулез, ВИЧ-инфекция, вирусные гепатиты и некоторые другие инфекционные заболевания, которые в отсутствие вовремя принятых мер могут принять весомые масштабы распространения, в том числе вне стен исправительных учреждений.

Вместе с тем эпидемиологическая обстановка в исправительных учреждениях в последнее время весьма неблагоприятна — в исправительных учреждениях содержится значительное количество осужденных, больных туберкулезом, а том числе с открытой формой, однако следует констатировать, что радикальных мер борьбы с болезнью никем не предпринимается, поскольку отсутствуют необходимые средства.⁸ На этом фоне, нельзя согласиться с высказываниями о необходимости сократить финансирование этой сферы, поскольку содержание осужденных становится тяжким бременем для бюджета государства.

Таким образом, соблюдение прав осужденных, а также охрана их здоровья должны гарантироваться государством в лице специализированных лечебных учреждений посредством создания благоприятной среды содержания осужденных в местах лишения свободы, комплексно проработанной системой мер по минимизированию опасных факторов в колониях и тюрьмах. Данные мероприятия могут быть в полной мере воплощены в реальность посредством реализации целенаправленных программ администрацией исправительных учреждений, которая тесно сотрудничает для достижения поставленных задач с органами государственной власти в области оказания медицинской помощи населению.

Представляется, что при организации деятельности уголовно-исправительных учреждений помимо основных структур, которые созданы для достижения основных целей наказания, также должны быть созданы и полноценно функционировать обеспечительные центры, которые в полной мере направлены на соблюдение прав осужденных в период нахождения в местах лишения свободы (такие как, например: центры трудовой адаптации осужденных, производственные мастерские и иное).

Данное веяние, на наш взгляд, должно в полной мере охватывать не только область здравоохранения, но и другие институты социализации осужденных, например через призму функционирования общеобразовательных центров.

В исправительных учреждениях весьма остро проявляются проблемы привлечения осужденных к труду, проблемы общеобразовательного и профессионального обучения. Более 80 процентов осужденных при поступлении в учреждения уголовно-исполнительной системы не имели профессиональных

⁸ *Ишков Ю. В., Карамышев С. Г. Указ. соч. — С. 233.*

и трудовых навыков либо утратили их. Около 50 тыс. осужденных нуждаются в получении обязательного основного общего образования⁹.

По официальным данным на начало 2018 года на территории Российской Федерации при исправительных учреждениях действуют 283 общеобразовательных организаций и 503 их филиалов, 307 профессиональных образовательных учреждений ФСИН России и 399 их структурных подразделений¹⁰.

Данные статистические сведения, по нашему мнению, говорят, с одной стороны, о соответствующем уровне проработки обеспечительных органов в пенитенциарной системе России. Государством создаются необходимые условия для получения осужденными основного общего и среднего (полного) общего образования в исправительных учреждениях, а именно: организуются вечерние общеобразовательные школы, профессиональные училища, учебно-консультационные пункты. А с другой стороны, есть сложности с обеспечением образовательного процесса на местах (персонал, программы, аккредитация образовательных учреждений и т. д.)

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предполагает дальнейшее развитие благоприятных условий для получения осужденными основного общего образования или среднего общего образования, среднего профессионального образования и высшего образования по заочной форме обучения в рамках реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий¹¹.

Таким образом, концепция получения образования для осужденного является ведущим средством в пенитенциарной системе, способствующим решению проблемы социальной реабилитации лиц, отбывающих наказание. В данном случае получение образования выступает не только как конституционное право осужденного, но и оказывает стабилизирующее воздействие на перевоспитание и исправление осужденных. Поэтому профессионально-образовательная занятость осужденных, наряду с другими институтами социализации, в перспективе своего развития позволит получить для общества

⁹ О концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. — 25.10.2010. — № 43.

¹⁰ Информационно-аналитический центр Федеральной службы исполнения наказания. — URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 26.09.2018).

¹¹ О концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. — 25.10.2010. — № 43.

человека, способного реализовать себя в отличных от криминала сферах жизнедеятельности.

Учитывая, что осужденные к лишению свободы на определённый срок изолированы от общества, наряду с вышеуказанными проблемами можно выделить весьма актуальную и важную — проблему восприятия осужденным наказания в виде предупреждения и нейтрализации психологических и социальных последствий отбывания этого наказания. Заключенный изолируется от привычного окружения, от семьи, коллектива по работе, учебе. Меняются условия жизни, ограничиваются возможности удовлетворения различных жизненных потребностей.

В западноевропейских пенитенциарных учреждениях необходимыми составляющими ресоциализации осужденных являются социальное, психологическое сопровождение осужденного, планирование пребывания осужденного, обучение и профессиональная подготовка по различным направлениям, постепенное смягчение режима, а также предоставление отпуска. Данные факторы позволяют поддерживать и развивать социальные контакты осужденного. Заключенные содержатся в одиночных камерах, что позволяет в определенной степени избежать напряженной обстановки между заключенными, а также снизить распространение криминальных субкультур.

Сравнивая российские и западные уголовно-исправительные учреждения очевидно, что российские пенитенциарные учреждения в меньшей степени направлены на комплексную индивидуальную работу с осужденными, обладая более скромными материальными ресурсами.

Обстановка в коллективе заключенных сложна и, как правило, оказывает негативное воздействие на заключенного и на его психику. Практика показывает, что отдельные осужденные в результате длительного пребывания в местах лишения свободы рассматривают условия в исправительных учреждениях в качестве обычных, приемлемых для постоянного существования. Они уже не представляют свою жизнь иначе, за пределами исправительных учреждений.

К сожалению, традиционно возрастает активность криминальных лидеров в местах лишения свободы и вне их, пытающихся распространять «воровские традиции», основанные на преступной субкультуре — образе жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы и придерживающихся определенных законов и традиций. В этих условиях практически невозможен процесс ресоциализации в исправительных учреждениях¹².

¹² *Бриллиантов А. В., Курганов С. И.* Уголовно-исполнительное право Российской Федерации. Учебник. — М., 2016. — С. 206.

Проблема противодействия криминальным структурам требует решения целого комплекса вопросов, связанных с организацией надлежащего взаимодействия правоохранительных органов по нейтрализации внешних и внутренних факторов, создающих угрозу нормальному функционированию исправительных учреждений, то есть угроз со стороны находящихся на свободе криминальных «авторитетов» и угроз «внутри учреждения», исходящих от лидеров группировок осужденных отрицательной направленности.

В последние годы в криминогенном составе контингента исправительных учреждений произошли серьезные изменения. По данным исследователей, за несколько лет количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления возросло вдвое. Более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы, почти половина — отбывает наказание второй раз и более, что приводит к увеличению удельного веса социально деградировавших граждан.

Количество лиц, находящихся в местах лишения свободы, остается стабильно высоким. Темпы строительства и реконструкции исправительных учреждений и следственных изоляторов не соответствуют динамике роста численности осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Вследствие этого в ряде учреждений установленные лимиты превышены на 20–40 процентов¹³.

Это также является весьма актуальной и важной проблемой, ведь переполнение учреждений ведет не только к общему ухудшению условий содержания осужденных, нарушению предусмотренных законом прав и интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, но также создает конфликтные ситуации между отбывающими наказание. Здесь также необходимо учитывать и увеличенную нагрузку на работников уголовно-исполнительной системы, слабую работу по формированию кадрового состава ФСИН в целом и отдельных его звеньев и, в свою очередь, может привести к конфликту с осужденными. Это подтверждается рядом громких уголовных дел в отношении работников ФСИН за совершенные ими преступления в отношении осужденных. Причем закрепляется тенденция перенятия традиций криминального мира сотрудниками исправительных учреждений от сленга до характерных повадок в поведении.

Размещение осужденных в многоместных общежитиях делает невозможным пресечение нежелательных контактов между ними. Установленные

¹³ О концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010— № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. — 25.10.2010. — № 43.

в настоящее время законом принципы раздельного содержания осужденных не позволяют эффективно решать эту проблему¹⁴.

В свое время Ч. Ломброзо весьма точно высказался о несовершенстве пенитенциарной системы, говоря о том, что на увеличение преступлений влияет «скудность в тюрьмах, в которых, по словам самих заключенных, величайшая испорченность окружается ореолом славы, а добродетель считается стыдом. Цивилизация, способствующая умножению крупных тюремных цен-тов, дает тем самым особенное напряжение преступности, особенно когда она связывает с ней благотворительные и филантропические учреждения (школы, патронаты). Современная система наказания ни в коем случае не может влиять на исправление закоренелого преступника. Наши исправительные заведения, возникающие благодаря истинно-гуманным чувствам человеколюбия, оказываются на самом деле вследствие одного только скопления в них испорченных и негодных индивидов совершенно другое действие, обратное той цели, для которой они созданы»¹⁵.

В последнее время проходит много дискуссий на тему реформирования мест лишения свободы путем привлечения частных инвестиций для создания частных тюрем. Данные идеи неоднократно высказывали представители ФСИН России. По их мнению, кроме выделяемых государством средств на строительство, ремонт, а также обслуживание тюрем, можно привлечь частных инвесторов. Здесь можно выделить ряд положительных моментов: исправительные учреждения могут быть преобразованы и максимально приближены к условиям жизни на свободе, что улучшит социально-психологическую обстановку у заключенных; инвесторы будут получать прибыль от производств, на которых будут трудиться осужденные, а также от оказания заключенным дополнительных услуг (спортзал, банный комплекс).

Однако многие находят отрицательные моменты в привлечении частных лиц, обращаясь к практике других государств с частными тюрьмами. Основным аргументом в пользу создания и функционирования частных тюрем в пенитенциарной системе является экономия. Так, например, в США, в штате Нью Джерси, частная тюрьма получает за каждого заключенного порядка 100 долларов в день — это вдвое меньше, чем тратит государство на содержание своих заключенных в государственных тюрьмах. Однако частные тюрьмы отказываются принимать тяжело больных заключенных к себе, заключенных с ограниченными физическими возможностями, ссылаясь на контрактные ограничения, ведь расходы на здравоохранение составляют большую часть

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ломброзо Ч. Преступный человек.— М.; СПб., 2005. — С. 48.

расходов. Таким образом, частные тюрьмы выбирают простых в обращении заключенных, дабы извлечь наибольшую выгоду для себя.

Говоря о реформировании пенитенциарной системы путем создания частных тюрем, необходимо иметь в виду, что главными целями назначения наказания являются восстановления социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Полагаем, что привлекая частных лиц, вышеуказанные цели, закрепленные в законодательстве, уйдут на второй план, ведь главной целью несомненно станет получение наибольшей выгоды и прибыли.

Таким образом, для гуманизации отбывания наказания, повышения эффективности достижения главных целей уголовного наказания, предусмотренных действующим уголовным законодательством, полагаем необходимым проведение работы в следующих приоритетных направлениях: усовершенствование уголовно-исполнительной политики, направленной, в первую очередь, на социализацию осужденного; обеспечение приоритета цели исправления и ресоциализации по отношению к превентивным целям наказания; совершенствование воспитательной, образовательной и трудовой деятельности осужденного на новом уровне, отвечающем современным стандартам; разработка комплексов по усилению психологической работы с лицами, отбывающими наказание; создание обеспечительных центров в рамках уголовно-исполнительной системы, направленных на соблюдение прав осужденных в период нахождения в местах лишения свободы в полной мере; теоретическая разработка и практическая реализация наиболее эффективной системы постпенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основные принципы обращения с заключенными (приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант Плюс».
2. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года» // СЗ РФ. — 25.10.2010. — № 43.
3. *Бриллиантов А. В., Курганов С. И.* Уголовно-исполнительное право Российской Федерации. Учебник. — М., 2016.
4. *Ишков Ю. В., Карамышев С. Г.* Актуальные проблемы медицинской безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник АГТУ. — 2016. — № 5 (34).
5. *Ломброзо Ч.* Преступный человек. — М.; СПб., 2005.

Кравченко Р. М.¹
Kravchenko R. M.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА И БЛАНКЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
НА ПРИМЕРЕ НЕБЕЗОПАСНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ И ОКАЗАНИЯ УСЛУГ**

**THE RELATIONSHIP OF THE CRIMINAL CODE AND BLANKET LEGISLATION ON
THE EXAMPLE OF THE UNSAFE PERFORMANCE OF WORKS
AND RENDERING OF SERVICES**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы взаимодействия составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушение правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг, и отраслевого законодательства, регулирующего общественные отношения в данной сфере. Приведены различные способы использования признака бланкетности при формулировании составов преступлений обозначенной группы. Продемонстрировано влияние изменений бланкетного законодательства на применения уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовное право; бланкетная диспозиция; отраслевое законодательство; нарушение специальных правил; небезопасные работы и услуги.

Summary. The article deals with some issues of interaction of crimes, providing for liability for violation of the rules and safety requirements in the performance of work and provision of services, and industry legislation governing public relations in this area. There are various ways of using the sign of Blankenese in the formulation of offences in the designated group. The influence of changes in the blanket legislation on the application of criminal law is demonstrated.

Keywords: criminal law; blanket disposition; industry legislation; violation of special rules; unsafe work and services.

Уголовный закон содержит большое количество составов преступлений с бланкетной диспозицией. Данное обстоятельство вызвано не только экономией текста уголовного закона, но и необходимостью в установлении основания уголовной ответственности за нарушения норм иных отраслей права, повлекших наступление тяжких последствий либо создавших угрозу причинения такого вреда. Общественные отношения в сфере безопасности граждан и организаций при выполнении работ и оказании услуг охраняются составами

¹ КРАВЧЕНКО РОМАН МИХАЙЛОВИЧ, ст. преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ (Санкт-Петербург); KRAVCHENKO ROMAN, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law St. Petersburg Law Institute (branch) University of Prosecutor's Office of the Russian Federation.

преступлений, предусмотренными ст. 109, 118, 143, 215, 216, 217, 219, 238, 246, 255, 263, 264 УК РФ. Несмотря на различия в элементах и признаках данных составов преступлений, общественно опасное посягательство сопряжено с нарушением правил и требований безопасности работ и услуг, содержащихся в иных отраслях права.

Стоит согласиться с мнением Н. И. Пикурова, утверждающего, что диспозиция такого вида порождает сложное юридическое образование. Для ее применения необходимо сначала установить все признаки административного или гражданского правонарушения со всеми компонентами их состава, а затем дать уголовно-правовую оценку в целом. В итоге состав преступления этой группы поглощает признаки административной противоправности, оставляя один ее вид — уголовную противоправность. Признаки гражданского правонарушения, хотя и входят в состав преступления, но не поглощаются им, оставаясь основанием гражданско-правовой ответственности, реализуемой параллельно с привлечением лица к уголовной ответственности².

Приведенное мнение видится верным, во-первых, так как отражает сложную структуру механизма совершения преступлений с точки зрения его юридической природы, а во-вторых, акцентирует внимание на тесной взаимосвязи положений базового законодательства и норм уголовного закона.

Признак бланкетности диспозиций рассматриваемых уголовно-правовых норм позволяет законодателю в полной мере не описывать общественно опасное деяние в тексте уголовного закона, а отсылать правоприменителя к положениям базового законодательства. Вместе с тем базовое законодательство не формулирует запрещенное поведение, а раскрывают модель правомерного и необходимого поведения в пределах предмета правового регулирования.

Характеристика элементов и признаков таких составов преступлений осуществляется с помощью метода «от противного». То есть при нарушении установленного порядка и процесса выполнения работ и оказания услуг и при наличии иных признаков, закрепленных уже в уголовном законе, можно констатировать, что деяние лица содержит в себе признаки состава преступления рассматриваемой категории.

Результатом подобного взаимодействия является то, что, соединяясь в динамические системы с нормами практически всех отраслей права, уголовное право включает их предписания в свою ткань для детализации признаков общественно опасного деяния³. Данное обстоятельство оказывает влияние на квалификацию общественно опасных деяний в строгом соответствии

² *Пикуров Н. И.* Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. — М., 2009. — С. 36.

³ Там же. — С. 75.

с положениями базового законодательства. На этот факт справедливо указывает Пленум Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 8 постановления от 11.06.1999 № 41/9 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие первой части Налогового кодекса РФ», выразил по данной проблеме позицию, согласно которой институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации при использовании в других отраслях применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено законом. Подобной позиции придерживалась и Н. Ф. Кузнецова, которая утверждала, что коллизияльность между уголовным и иными отраслями права исчезает в случае, если Уголовный кодекс, употребляя понятия других отраслей права в ином понимании, оговорит это в примечании к статье либо при описании состава в диспозиции норм⁴.

Применительно к рассматриваемым составам преступлений приведенное требование реализуется в первую очередь в толковании понятий «работа» и «услуга».

Нормативное определение понятия работы содержится в приказе Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства от 20.05.1998 № 160 «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”». Согласно указанному документу под работами понимается деятельность (работа) исполнителя, осуществляемая за плату по заданию потребителя, имеющая материальный результат (строительство жилого дома, ремонт обуви и т. п.), который передается гражданину для удовлетворения личных (бытовых) нужд.

В соответствии со ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Более подробное определение понятия услуги содержится в Приказе Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства от 20.05.1998 № 160. Так, под услугами понимается совершение за плату определенных действий или осуществление определенной деятельности по заданию гражданина для удовлетворения личных (бытовых) нужд (услуги по перевозке, связи, консультационные, образовательные и т. п.).

Одновременно с этим Приказ МАП от 20.05.1998 № 160 ограничивает перечень отношений, относящихся к предмету правового регулирования

⁴ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. В. Н. Кудрявцев. — М., 2007. — С. 78.

Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». В данный перечень не входят отношения, возникающие из договоров банковского вклада, договоров страхования, договоров государственного займа, заключаемых путем приобретения заимодавцем выпущенных государственных облигаций или иных государственных ценных бумаг, отношения граждан с организациями (общественными объединениями, жилищно-строительными, дачно-строительными кооперативами, товариществами и т. д.), если эти отношения возникают в связи с членством граждан в этих организациях и т. д.

Следовательно, несоответствие выполняемой деятельности понятиям «работы» или «услуги», используемым в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей», исключает квалификацию общественно опасного деяния по ст. 238 УК РФ, так как данная норма охраняет право на безопасность жизни и здоровья потребителей при выполнении работ и оказании услуг.

Внесение изменений в положения базового законодательства порождает вопросы о возможности ретроактивного действия уголовного закона. Согласно ст. 10 УК РФ, уголовный закон, устраняющий преступность деяний, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу. Исключение отдельных общественных отношений из предмета правового регулирования Закона Российской Федерации «О защите прав потребителя» влечет изменение уголовно-правовой оценки общественно опасного деяния виновного. Результатом подобных изменений может быть квалификация преступления не по ст. 238 УК РФ, а, например, по ст. 109 УК РФ.

Санкция пункта «в» части второй ст. 238 УК РФ предусматривает в качестве одного из видов наказания лишение свободы на срок до шести лет. Санкция части первой ст. 109 УК РФ предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет, в случае совершения преступления вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (часть вторая той же статьи) — до трех лет лишения свободы.

Налицо значительное смягчение наказания за совершение по факту аналогичного деяния, но уже не в сфере выполнения работ и оказания услуг. Однако внесение изменений в отраслевое законодательство отнюдь не означает внесение изменений в Уголовный кодекс, в связи с чем, не возникает нового уголовного закона, как и необходимости оценки возможности его ретроактивного действия. С другой же стороны, несмотря на то, что текст статьи Уголовного кодекса не претерпел никаких изменений, содержание уголовно-правовой нормы, которая для конкретизации элементов и признаков состава преступления включает в себя и положения иных отраслей права, кардинально изменилось.

Представляется, что подобное выражение воли законодателя не просто отражается на практике применения уголовно-правовых норм, но и нарушает ее единство, не оставляя возможности пересмотра уголовно-правовых мер, назначенных и реализованных до внесения изменений в отраслевое законодательство.

Одновременно с этим уголовный закон содержит в себе примеры «ограниченного» признака бланкетности в рассматриваемых составах преступлений. В примечании к ст. 143 УК РФ разъясняется, что под требованиями охраны труда следует понимать государственные нормативные требования охраны труда, содержащиеся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. В свою очередь ст. 209 ТК РФ определяет требования охраны труда как государственные нормативные требования охраны труда, в том числе стандарты безопасности труда, а также требования охраны труда, установленные правилами и инструкциями по охране труда. В рамках трудового законодательства требования охраны труда определяются шире, так как включают в себя требования, установленные правилами и инструкциями по охране труда, которые являются правовыми актами индивидуального характера и не относятся к федеральным законам, иным нормативным актам Российской Федерации и законам и иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации.

Таким образом, в ст. 143 УК РФ ограничено количество правовых актов, которые могут выступать базой для определения признаков состава преступления. Следуя формальному толкованию примечания к ст. 143 УК РФ, при нарушении требований охраны труда, содержащихся в локальных актах по охране труда, лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, и наступлении последствий в виде неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью работнику квалификация деяния виновного по ст. 143 УК РФ невозможна.

Подобный метод формулирования составов преступления с бланкетной диспозицией видится неверным. Содержание составов преступлений, анализируемой категории, напрямую связано с положениями отраслевого законодательства, в данном случае трудовым. Следовательно, данные положения имеют первостепенное значение в определении признаков состава преступления. Кроме того, локальные правила и инструкции, принимаемые в соответствии с государственными нормативными требованиями охраны труда, не изменяют и не прекращают трудовые отношения, существующие между работодателем и работником, что никоим образом не изменяет объект уголовно-правовой охраны состава преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ.

Основываясь на изложенном, следует сделать вывод, что внесение изменений в Уголовный кодекс в значительно меньшей степени может оказать влияние на применение норм иных отраслей права в рамках обеспечения безопасности работ и услуг. Реформирование же бланкетного законодательства оказывает серьезное влияние на практику привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в данной сфере, что обосновывает необходимость комплексного и системного анализа законодательных новелл, напрямую не относящихся к предмету правового регулирования уголовного закона, но существенно влияющих на его действие.

Список литературы

1. *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. — М.: Городец, 2007.
2. *Пикуров Н. И.* Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. Монография / Российская академия правосудия. — М., 2009.

*Кузнецова Н. И.*¹
Kuznetsova N. I.

К ВОПРОСУ О ПЕНАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

TO THE QUESTION OF THE ENVIRONMENTAL CRIMES

Аннотация. В статье проанализирована правотворческая и правоприменительная пенализация санкций главы 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления». На примере ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» проведен анализ видов наказаний, назначаемых судами за совершение указанного преступления. Обращено внимание на недостаточную наказуемость деяний, представляющих угрозу экологической безопасности страны.

Ключевые слова: экологические преступления, криминализация, пенализация, незаконная рубка лесных насаждений, наказание.

Summary. The article analyzes the law-making and law enforcement penalization of sanctions of Chapter 26 of the Criminal code of the Russian Federation «Environmental crimes». On the example of article 260 of the criminal code «Illegal cutting of forest plantations» the analysis of penalties imposed by the courts for the Commission of this crime. Attention is drawn to the insufficient punishability of acts that pose a threat to the environmental safety of the country.

Keywords: ecological crimes, criminalization, penalization, illegal cutting of forest plantations, punishment.

Одной из форм реализации уголовной политики является пенализация деяний. Под пенализацией понимают процесс установления характера наказуемости криминализованных деяний, а также процесс назначения наказания в судебной практике². Это процесс установления уголовной наказуемости деяния. В своей работе Э. В. Густова приходит к выводу о том, что пенализация совпадает с криминализацией и образует ее составную часть. Однако пенализация не сводится только к установлению наказания за совершение преступления, она включает также процесс внесения в систему наказаний и в санкции действующего уголовного законодательства изменений в направлении

¹ КУЗНЕЦОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, старший преподаватель кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», кандидат юридических наук (Санкт-Петербург); KUZNETSOVA NATALYA IVANOVNA, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD (Saint Petersburg).

² Коробеев А. И. Советская уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации. Владивосток, 1987. — С. 137.

их ужесточения³. Профессор В. А. Уткин указывает, что пенализация может рассматриваться в двух взаимосвязанных аспектах: общем и частном. Частные аспекты пенализации находят юридическое выражение в статьях Особенной части УК РФ в виде санкций соответствующих норм, предусматривающих ответственность за конкретные преступления. Общие аспекты пенализации отражаются в Общей части УК РФ. Это цели, виды, система, меры (количественная и качественная характеристики) наказаний, порядок их взаимоотношения, их назначения, его особенности применительно к отдельным категориям виновных и т. п.⁴. На наш взгляд, пенализация включает в себя как процесс установления наказуемости (санкций), так и процесс назначения наказания за конкретное преступления.

Наше внимание к вопросам пенализации экологических преступлений вызвано необходимостью анализа действенности мер наказания за совершение указанных преступлений, поиском путей его совершенствования.

Глава 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления» содержит 18 статей, включающих 45 составов. Из них 25 составов относятся к преступлениям небольшой тяжести, 13 — средней тяжести, 7 составов — тяжкие преступления. Составов, содержащих признаки особо тяжких преступлений, в гл. 26 УК РФ нет. Кроме того, 8 составов экологических преступлений вовсе не предусматривают наказания в виде лишения свободы.

В качестве основных наказаний за экологические преступления в санкциях главы 26 УК РФ предусмотрены такие наказания как: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, арест. Если внимательно изучить санкции экологических преступлений, то можно сделать вывод о том, что чаще всего законодатель указывает такой вид наказания, как штраф. Он указан в качестве рассматриваемых преступлений. Размеры штрафа за посягательства на природу варьируются от 80 тысяч рублей до 3-х миллионов рублей. Самый высокий штраф может быть назначен за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и ч. 4 ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений».

Санкции рассматриваемых составов включают в себя несколько видов наказаний, то есть разнообразны, что по смыслу должно способствовать индивидуализации наказания. Однако, как совершенно верно указывает профессор

³ Густова Э. В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 1. — С. 224–228.

⁴ Уткин В. А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. — 2015. — № 4 (25). — С. 118.

Н. А. Лопашенко, «в некоторых случаях вариативность из блага превращается в свою противоположность, поскольку становится поистине безграничной и влечет упоминание в санкции половины уголовному закону видов основного наказания. Коррупционная составляющая таких санкций высока, поскольку создает искусственные стимулы и для виновных и для судей в назначении более мягкого из этого списка наказания, при этом в полном соответствии с законом»⁵.

Следует отметить, что с момента принятия в 1996 году Уголовного кодекса РФ санкции главы 26 претерпели ряд изменений. Наиболее существенные преобразования санкций за совершение экологических преступлений связаны с принятием Федеральных законов № 26-ФЗ от 7 марта 2011 года⁶ и № 157-ФЗ от 27 июня 2018 года⁷.

В 2011 году изменениям подверглись санкции 9 статей гл. 26 УК РФ, устанавливающие минимальную границу наказания в виде лишения свободы. Нижний предел лишения свободы был устранен, что позволило судьям часто необоснованно назначать минимальные сроки лишения свободы за совершение экологических преступлений. Это неоднозначное с точки зрения обеспечения экологической безопасности новелла встретила целый ряд критических замечаний ученых-правоведов и представителей общественности⁸. Такое положение также, по нашему мнению, способствует проявлению коррупции в судебных органах. В 2018 году была усилена уголовная ответственность за некоторые экологические преступления. Так, в частности, в ч. 1 ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» было включено наказание в виде лишения свободы до двух лет. До этого указанная норма не предусматривала наказания в виде лишения свободы. Часть 2 ст. 258 УК РФ была переведена из категории небольшой тяжести в категорию средней тяжести. Ст. 258 УК РФ была дополнена долгожданным примечанием, о необходимости которого давно говорили

⁵ Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. — М.: Юрлитинформ, — 2017. — С. 87.

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 07.03.2011 — № 26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. — № 11. Ст. 1495.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 27.06.2018 — № 157-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. — № 27. Ст. 3940.

⁸ См., например: *Калис Е. Б.* Категории преступлений и их значение // Ученые записки юридического факультета. 2012. — № 24–25. (34–35). — С. 72–73.

ученые⁹. Кроме того, серьезным изменениям подверглась ст. 258¹ УК РФ, которая была дополнена тремя новыми составами.

Анализируя санкции статей гл. 26 УК РФ, следует отметить спорные моменты. Так, к примеру, в ст. 246 и ст. 249 УК РФ содержатся схожие наказания в виде штрафа до 120 тыс. рублей. Однако в первом случае оно отнесено к преступлениям средней тяжести, а во втором случае — небольшой тяжести. С. И. Голубев справедливо отмечает, что в ч. 2 ст. 250 УК РФ и ч. 2 ст. 251 УК РФ (преступления небольшой тяжести) в качестве наказания установлены обязательные работы на срок до 480 часов или исправительные работы до 2 лет. Точно такое же наказание предусмотрено и в ст. 246, ч. 2 ст. 248 УК РФ, но здесь эти преступления уже отнесены к категории средней тяжести¹⁰.

С нашей точки зрения, закрепление в уголовном законодательстве одних и тех же видов и размеров наказаний для преступлений различных категорий тяжести является неправильным, поскольку в соответствии со ст. 15 УК РФ «в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные настоящим Кодексом, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления». Следовательно, у преступлений различной степени тяжести не может быть одинаковой степени общественной опасности и санкции должны быть различными. Подобные несоответствия затрудняют адекватную оценку общественной опасности деяния¹¹.

В 2017 году было выявлено всего 24379 экологических преступлений. Из них: незаконная рубка лесных насаждений — 14422 (59%), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов — 5713 (23,4%), незаконная охота — 1936 (7,9%), незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации — 1104 (4,5%) и уничтожение или повреждение лесных насаждений — 690 (2,8%)¹². На долю всех остальных экологических преступлений приходится 2,4%.

⁹ Кузнецова Н. И. Понятие «Крупный ущерб» применительно к ст. 258 Уголовного кодекса РФ // Уголовная политика, уголовное законодательство, правоприменительная практика: Сборник научных статей / Под ред. В. И. Тюнина. СПб., — 2016. — С. 50–53.

¹⁰ Голубев С. И. Наказания за экологические преступления: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, — 2015. — С. 156.

¹¹ Кузнецова Н. И. Некоторые направления уголовной политики России в сфере борьбы экологическими преступлениями // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 1. — С. 67.

¹² Криминальные реалии, реагирование на них и закон / Российская криминологическая ассоциация / Под ред. проф. А. И. Долговой. — М., 2018. — С. 300–301.

Наказуемость рассматриваемых преступлений неоднократно характеризовалась как недостаточная¹³.

Интерес представляет практика назначения наказаний за экологические преступления. Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2017 году было осуждено 7829 лиц. Из них по ст. 260 УК РФ осуждено 4222 лица, по ст. 256 УК РФ — 2785 лиц, по ст. 258 УК РФ — 398, по ст. 258¹ УК РФ — 368 лиц, по ст. 261 — 27 лиц, по ст. 247 УК РФ — 10, по ст. 246 УК РФ — 5 лиц, по ст. 262 УК РФ — 4 лица, по ст. ст. 249, 251, 253, 254 УК РФ осуждено по 2 лица, по ст. ст. 250 и 257 УК РФ осуждено по 1 лицу. Как видно из приведенных данных наибольшее количество лиц, осужденных за посягательства на природу, это лица, совершившие незаконную рубку лесных насаждений.

Проведем анализ видов наказания за совершение, например, такого преступления, как незаконная рубка лесных насаждений. Как мы выяснили, это преступление является, во-первых, самым распространенным преступлением, во-вторых, среди экологических преступлений за это деяние осуждено самое большое количество лиц.

К лишению свободы на реальный срок по ст. 260 УК РФ осуждено — 301 лицо, условно осуждено к лишению свободы 2458 лиц, к исправительным работам — 82 лица, к обязательным работам — 742 лица, принудительным работам — 1 лицо, к штрафу — 443 лица, условное осуждение к иным мерам претерпело 93 лица.

Изучим сроки лишения свободы по ч. 3 ст. 260 УК РФ. За это преступление к лишению свободы в 2017 году осуждено всего 263 лица¹⁴. Их низ к лишению свободы до 1 года — 36; от 1 года до 2 лет — 108; свыше 2 лет до 3 лет — 98; от 3 до 5 — 20; свыше 5 до 8 лет — 1.

Таким образом, следует делать ряд выводов. Во-первых, из 4222 осужденных по ст. 260 УК РФ такой вид наказания как реальное лишение свободы применяется крайне редко (около 7 % осужденных). Во-вторых, несмотря на то, что санкция ч. 3 ст. 260 УК РФ предусматривает наказание до 7 лет лишения свободы, этот вид наказания на максимальные сроки практически не применяется. В-третьих, недостаточное осознание опасности экологических преступлений ведет к тому, что суды зачастую назначают за них слишком мягкие наказания.

¹³ Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017. — С. 88.

¹⁴ Общее количество лиц, осужденных к лишению свободы и количество лиц, осужденных к конкретному лишению свободы не совпадает, так как учет ведется по наиболее тяжкому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 27.06.2018 № 157-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 27. — Ст. 3940.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 11. — Ст. 1495.
3. *Голубев С.И.* Наказания за экологические преступления: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2015.
4. *Густова Э.В.* Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 1.
5. *Калис Е.Б.* Категории преступлений и их значение // Ученые записки юридического факультета. — 2012. — № 24–25 (34–35).
6. *Коробеев А.И.* Советская уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации. — Владивосток, 1987.
7. Криминальные реалии, реагирование на них и закон // Под ред. проф. А.И. Долговой. — М.: РКА, 2018.
8. *Кузнецова Н.И.* Некоторые направления уголовной политики России в сфере борьбе экологическими преступлениями // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 1.
9. *Кузнецова Н.И.* Понятие «Крупный ущерб» применительно к ст. 258 Уголовного кодекса РФ // Уголовная политика, уголовное законодательство, правоприменительная практика: Сборник научных статей / Под ред. В.И. Тюнина. — СПб., 2016.
10. *Лопашенко Н.А.* Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017. — С. 87.
11. *Уткин В.А.* Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. — 2015. — № 4 (25).

Ляковска К.¹
Lyaskovska K.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИЦАМ, ВИНОВНЫМ В СОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВ, В ПОЛЬШЕ

CRIMINAL POLICY FOR PERSONS GUILTY OF MURDERING IN POLAND

Аннотация. В исследовании рассматриваются три этапа уголовной политики, проводимой в Польше против лиц, совершивших убийства (криминализация, уголовное преследование и осуждение). Указан объем правового регулирования обсуждаемого преступления, содержащегося в уголовном кодексе 1997 года. Помимо этого, представлены результаты уголовного преследования и обнаружения исполнителей убийств Полицией, а также масштабы угрозы убийством. Продемонстрирован также размер наказаний, наиболее часто назначаемых за совершение убийства.

Ключевые слова: убийство, квалифицированное убийство (*morderstwo*), исполнитель, преследование, осуждение.

Summary. The study discusses three stages of criminal policy conducted in Poland against the perpetrators of homicides (criminalization, prosecution and judging). The scope of legal regulation of the crime in question contained in the penal code of 1997 is presented. The effects of prosecution and detection of killers by the Police and the state of threat to this crime are also presented. The dimension of penalties most frequently pronounced for committing a murder was presented.

Keywords: murder, murder, perpetrator, prosecution, conviction.

Убийство в каждой стране является наиболее опасным деянием, за которое угрожает суровое наказание. В польском Уголовном кодексе 1997 г.² оно довольно широко регулировано в статье 148. В ней выделены следующие виды убийства: основной (§ 1), квалифицированные (§ 2 и § 3) и привилегированный вид убийства (§ 4). Кроме того этот кодекс содержит еще два вида квалифицированных убийств, то есть убийство новорожденного ребенка во время или сразу же после родов (ст. 149) и эвтаназию (совершение убийства человека по его просьбе и под влиянием сострадания к нему) (ст. 150). Из-за ограниченного объема исследования предметом анализа является только убийство по ст. 148 УК.

Целью данного исследования является представление объема правового регулирования убийства в Польше, полицейской практики уголовного преследования и судебного опыта в области наказания виновных в его совершении. В принципе

¹ КАТАРЖИНА ЛЯСКОВСКА, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Университета в Белостоке, доктор юридических наук, профессор (Белосток, Польша); KATARZHINA LYASKOVSKA, Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, University of Bialystok, Doctor of Law, Professor (Bialystok, Poland).

² Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks karny, Dz. U. Nr 88, poz. 553 (ze zm.).

цезурой анализа является период 1999 (первый полный статистический год действия кодекса 1997 года) — 2016 г. (до настоящего времени). Однако, из-за отсутствия некоторых данных, вопрос о размере наказания, назначаемого лицам, совершившим убийство, обсуждается за 2008–2016 годы.

1. *Правовое регулирование преступления в виде убийства в Уголовном кодексе Польши 1997 года.*

На основании ст. 148 УК наказываются:

- убийство человека (§ 1). Суть этого преступления заключается в «посягательстве на жизненные функции человека»³. Его последствием является причинение биологической смерти в результате необратимых изменений в мозге⁴;
- убийство человека: с особой жестокостью или в связи с захватом заложника, изнасилованием или разбоем или в результате мотивации, заслуживающей особого осуждения или с использованием взрывчатых веществ (§ 2). В разговорной речи этот акт называется квалифицированным убийством (*morderstwo*). Суть «особой жестокости» состоит в причинении страданий при лишении жизни живого человека, причинении ему физической и психической боли⁵. Наказывается также связь убийства с тремя указанными в статье преступлениями. Эти деяния могут служить устранению (затиранию) следов совершенного преступления. В свою очередь, «мотивация, заслуживающая особого осуждения», обозначает, например, отсутствие причины, жестокость, желание дать выход своей энергии, произведение впечатления на других⁶;
- убийство одним деянием двух или более лиц или убийство человека лицом, ранее правомочно осужденным за убийство, убийство должностного лица, совершенное во время или в связи с выполнением им служебных обязанностей, связанных с защитой безопасности людей или защитой общественной безопасности или общественного порядка (§ 3). Суть этого преступления заключается в лишении жизни нескольких людей или в совершении убийства рецидивистом или убийства, например, сотрудника полиции или сотрудника другой службы. Указанный в качестве

³ *Marek A. Kodeks karny. Komentarz*, LEX a Wolters Kluwer business. — Warszawa 2007, s. 311.

⁴ *Górniok [w:] O. Górniok, S. Hoc, M. Kalitowski, S. Przyjemski, Z. Sienkiewicz, J. Szumski, L. Tyszkiewicz, A. Wąsek. Kodeks karny. Komentarz*, T.I. Art. 117–363, Arche. — Gdańsk 2005, s. 111.

⁵ *J. Giezek [w:] J. Giezek (red.). Kodeks karny. Część szczególna. Komentarz*, LEX a Wolters Kluwer business. — Warszawa 2014, s. 165–166.

⁶ *J. Giezek [w:] J. Giezek (red.), op. cit.*, s. 170.

последнего элемент законоположения был введен в Кодекс в 2010 году после жестокого убийства сотрудника полиции, реагирующего, после отбытия службы, на нарушение закона;

- убийство человека под влиянием сильного возбуждения, вызванного извинительными обстоятельствами (§ 4). Суть данного преступления основана на действии, в котором эмоции доминируют над разумом. Это возбуждение должно быть оправдано обстоятельствами (например, нанесение жертвой убийства тяжкого вреда, такого как супружеская измена или убийство). Это должна быть реакция на внезапное и неожиданное обстоятельство⁷.

Объектом защиты от преступлений по ст. 148 Уголовного кодекса является жизнь человека от рождения до смерти. Субъектом преступления может быть любой человек. Субъективную сторону характеризует умысел как прямой (преступник хочет убить), так и потенциальный (преступник предусматривает смерть человека и примиряется с нею).

За совершение преступления в виде убийства польский законодатель предусмотрел следующие санкции:

- наказание лишением свободы на срок от 8 до 15 лет, наказание лишением свободы на срок в 25 лет или наказание пожизненным лишением свободы (§ 1);
- наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 15 лет, наказание лишением свободы на срок в 25 лет или наказание пожизненным лишением свободы (§ 2);
- наказание лишением свободы на срок от 12 до 15 лет, наказание лишением свободы на срок в 25 лет или наказание пожизненным лишением свободы (§ 3);
- наказание лишением свободы на срок от 1 года до 10 лет (§ 4).

В соответствии с представленной информацией, только в случае убийства в состоянии сильного возбуждения, оправданного обстоятельствами (§ 4), нижний предел наказания это один год лишения свободы, в других случаях — от 8 лет и от 12 лет. За большинство деяний угрожает альтернативное наказание в виде лишения свободы на срок в 25 лет или наказание пожизненным лишением свободы. Отсюда видно, что за преступление в виде убийства угрожают высокие уголовные санкции в виде лишения свободы. Польский Уголовный кодекс не предусматривает смертной казни.

На этом этапе анализа надо было указать обстоятельства, которые, в частности, польский суд принимает во внимание при назначении наказания, в том числе за убийство. Являются ими: мотивация и способ поведения виновного, особенно

⁷ L. Tyszkiewicz [w:] M. Filar: Kodeks karny. Komentarz, LexisNexis. — Warszawa 2012, s. 731–732.

в случае совершения преступления в ущерб лицу, находящемуся в беспомощном состоянии из-за возраста или состояния здоровья, совершение преступления совместно с несовершеннолетним, характер и степень нарушения возложенных на виновного обязанностей, характер и тяжесть отрицательных последствий преступления, личные качества и условия жизни виновного, образ его жизни до совершения преступления и поведение после его совершения, особенно стремление к устранению вреда или к удовлетворению в иной форме чувства общественной справедливости, а также поведение потерпевшего. (статья 53 § 2 УК). Кроме того, в отношении виновного, которому на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет, не назначается наказание пожизненным лишением свободы (ст. 54 § 2 УК). Поэтому, исходя из вышеуказанных законоположений, суд оценивает поведение преступника во время деяния, последствия его совершения и поведение после совершения преступления. Он также учитывает возраст виновного. Имея в своем распоряжении в Уголовном кодексе, определенный ряд уголовных санкций может, соответствующим образом, справедливо наказать правонарушителя.

2. Статистическая картина убийств в Польше в 1999–2016 гг.

В этой части исследования необходимо было представить количественную характеристику убийств, совершенных в Польше в 1999–2016 годах. Данные из этого периода представлены в таблице № 1.

Таблица № 1

Динамика убийств на фоне общего количества преступлений, выявленных в Польше в 1999–2016 гг.⁸

<i>Год</i>	<i>Количество выявленных преступлений</i>	<i>Количество убийств</i>	<i>%</i>
1999	1.121.545	1.048	0,09
2000	1.266.910	1.269	0,10
2001	1.390.089	1.325	0,09
2002	1.404.229	1.188	0,08
2003	1.466.643	1.039	0,07
2004	1.461.217	980	0,07
2005	1.379.962	837	0,06
2006	1.287.918	816	0,06
2007	1.152.993	848	0,07
2008	1.082.057	759	0,07
2009	1.129.577	763	0,07
2010	1.151.157	680	0,06

⁸ Источник: <http://statystyka.policja.pl/st/kodeks-karny/przestepstwa-przeciwko/63411,Zabojstwo-art-148.html> (data dostępu 07.09.2018).

<i>Год</i>	<i>Количество выявленных преступлений</i>	<i>Количество убийств</i>	<i>%</i>
2011	1.159.554	662	0,06
2012	1.119.803	582	0,05
2013	1.061.239	574	0,05
2014	873.245	526	0,06
2015	799.786	495	0,06
2016	776.916	456	0,06

Как видно из данных, содержащихся в таблице № 1, количество убийств в анализируемом периоде размахалось в пределах от 450 до 1300 в год. Хотя в 2000–2001 годах они показали рост, то начиная с 2002 года демонстрируют снижение (за исключением 2007 и 2009 годов). Доля убийств в общем количестве преступлений в Польше минимальная (менее 1 %). Эта постоянная и систематическая тенденция в последние годы объясняется низким уровнем фрустрации в обществе. Стабильная социально-экономическая ситуация влияет на все более редкое применение физического насилия.

В проводимом исследовании важным является определение эффективности правоохранительных органов, измерителем которой является раскрываемость убийств. Данные представлены в таблице № 2.

Таблица № 2

Раскрываемость убийств на фоне общей раскрываемости преступлений в Польше в 1999–2016 гг.⁹

<i>Год</i>	<i>Общая раскрываемость преступлений</i>	<i>Раскрываемость убийств</i>
1999	45,0	85,7
2000	47,8	87,0
2001	53,8	87,5
2002	54,9	89,4
2003	55,5	87,5
2004	56,2	90,8
2005	58,6	90,6
2006	62,4	92,4
2007	64,6	93,4
2008	65,9	93,1
2009	67,1	92,8

⁹ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://statystyka.policja.pl/st/przestepstwa-ogolem/przestepstwa-kryminalne/zabojstwo/64003_Zabojstwo.html (дата обращения 07.09.2018).

<i>Год</i>	<i>Общая раскрываемость преступлений</i>	<i>Раскрываемость убийств</i>
2010	67,9	92,3
2011	68,7	94,7
2012	67,8	94,2
2013	67,1	95,0
2014	65,2	95,8
2015	64,7	94,6
2016	66,5	96,3

Данные, содержащиеся в таблице № 2, показывают, что общая раскрываемость преступлений в Польше в анализируемом периоде чаще всего увеличивалась (от 45% до около 69%). На этом фоне намного лучше представлялась раскрываемость убийств (от примерно 86% до около 96%). На эти высокие цифры влияют многие факторы, лежащие как на стороне исполнителя убийства [например: оставление следов преступником на месте происшествия или легко определяемый (угадываемый) мотив его действий], так и на стороне правоохранительных органов (в том числе: вовлечение в дела убийств лучших сотрудников полиции, использование ими новейших достижений криминалистики).

Затем надо было определить уровень угрозы убийством на основании расчетного (исчисленного соответствующим образом) коэффициента в пересчете на 100 тыс. жителей. Данные из этой области представлены в таблице № 3.

Таблица № 3

*Показатель угрозы убийством
в пересчете на 100 тыс. населения в Польше в 2009–2016 гг.¹⁰*

<i>Год</i>	<i>Показатель угрозы</i>
2009	2,0
2010	1,8
2011	1,7

¹⁰ Источник: Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2009 r., Warszawa 2010; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2010 r., Warszawa 2011; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2011 r., Warszawa 2012; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2012 r., Warszawa 2013; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2013 r., Warszawa 2014; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2014 r., Warszawa 2015; (raporty za lata 2009–2014 w okresie tym były dostępne elektronicznie, obecnie niedostępne, ale w posiadaniu autora); Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2015 r., Warszawa 2016 oraz Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2016 r., Warszawa 2017 dostępne: <https://bip.mswia.gov.pl/bip/raport-o-stanie-bezpie/18405>, Raport-o-stanie-bezpieczenstwa.html (data dostępu 07.09.2018).

<i>Год</i>	<i>Показатель угрозы</i>
2012	1,5
2013	1,5
2014	1,4
2015	1,3
2016	1,2

Как видно из данных, приведенных в таблице 3, показатель (коэффициент) угрозы убийством в пересчете на 100 тыс. жителей в анализируемом периоде является очень низким (от 1 до 2 преступлений) и характеризуется постоянной нисходящей тенденцией.

В рамках проведенных анализов исследовались также мотивы совершения убийств в Польше в последние годы. Данные из этого периода представлены в таблице № 4.

Таблица № 4

Мотивы убийств в Польше в 2009–2016 гг.¹¹

<i>Год</i>	<i>Мотивы убийств</i>						
	<i>семейные конфликты</i>	<i>другие (напр. хулиганские, из ревности)</i>	<i>грабительские (корыстные)</i>	<i>преступные взаиморасчеты</i>	<i>по заказу</i>	<i>сексуальные</i>	<i>неопределенные</i>
2009	228	244	61	0	13	14	203
2010	197	208	65	0	8	11	191
2011	198	194	61	0	1	14	194
2012	168	200	57	0	8	7	142
2013	168	135	31	0	9	11	197
2014	143	134	37	9	1	6	199
2015	135	118	43	8	4	6	185
2016	126	114	24	11	7	4	181
Итого	1363	1347	379	28	51	73	1492

¹¹ Источник: Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2009 r., Warszawa 2010; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2010 r., Warszawa 2011; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2011 r., Warszawa 2012; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2012 r., Warszawa 2013; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2013 r., Warszawa 2014; Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2014 r., Warszawa 2015; (raporty za lata 2009–2014 w okresie tym były dostępne elektronicznie, obecnie niedostępne, ale w posiadaniu autora); Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2015 r., Warszawa 2016 oraz Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2016 r., Warszawa 2017 dostępne: <https://bip.mswia.gov.pl/bip/raport-o-stanie-bezpie/18405>, Raport-o-stanie-bezpieczenstwa.html.(data dostępu 07.09.2018).

Данные, содержащиеся в таблице № 4, показывают, что в анализируемом периоде сотрудникам Полиции чаще всего не удавалось установить мотив убийства. Однако среди установленных причин доминировали две: семейные или другие недоразумения (например, хулиганские, из ревности). Менее часто людей лишали жизни по корыстным (грабительским) причинам, а наименее часто — в рамках преступных взаиморасчетов. Однако следует здесь отметить, что в 1990-х годах расчеты с участием членов организованных преступных групп случались гораздо чаще. Таким образом запугивались свидетели и жертвы, потерпевшие от других преступлений, а также эффективно элиминировались лица, неудобные для криминальных структур.

3. Правосудие в отношении лиц, осужденных за убийства.

На следующем этапе анализов необходимо было представить вопрос, относящийся к практическому наказанию исполнителей убийств польскими судами, в том числе, их количество и размер наказания. Информация из этой области представлена в таблице № 5.

Таблица № 5

Количество осужденных за убийство на фоне общего числа осужденных в Польше в 2008–2016 гг.¹²

Год	Общее количество осужденных	Осужденные за убийство по ст. 148 УК	%
2008	420 729	496	0,12
2009	415 272	489	0,12
2010	432 891	533	0,12
2011	423 464	467	0,11
2012	408 107	493	0,12
2013	353 208	466	0,13
2014	295 353	383	0,13
2015	260 034	362	0,14
2016	289 512	353	0,12

Как видно из данных, содержащихся в таблице № 5, в анализируемом периоде количество осужденных за убийство колеблется между 350 и 530 в год. Оно характеризуется тенденцией к снижению (за исключением 2010 и 2012 годов). Их доля среди общего числа осужденных в Польше составляет небольшой процент (ок. 0,12%). Это связано с сокращением преступности в Польше, и следовательно — уменьшением числа осужденных.

¹² Источник: Prawomocne skazania i warunkowe umorzenia 1999–2016, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (data dostępu 07.09.2018).

Таблица № 6
 Количество осужденных за убийство в разбивке по отдельным деяниям (ст. 148 § 1–4 УК) в Польше в 2008–2016 гг.¹³

Год	Ст. 148 § 1	Ст. 148 § 2	Ст. 148 § 3	Ст. 148 § 4
2008	393	91	3	9
2009	437	46	0	6
2010	522	4	0	7
2011	457	3	0	7
2012	467	16	3	7
2013	410	42	6	8
2014	338	34	5	6
2015	313	42	2	5
2016	294	50	5	4

Данные, содержащиеся в таблице № 6, указывают на то, что чаще всего наказывались исполнители основного состава убийства (ст. 148 § 1 УК) — от примерно 300 до около 500 в год, гораздо реже — исполнители квалифицированных видов убийств (статья 148 § 2 УК), т. н. квалифицированные убийцы — от нескольких до 90 в год. Очень редко осуждались исполнители убийств привилегированного вида (ст. 148 § 3 УК) — менее 10 в год.

Таблица № 7
 Общее количество осужденных за убийство по ст. 148 УК наказанием в виде лишения свободы в Польше в 2008–2016 гг.¹⁴

Год	Лишение свободы
2008	377
2009	372
2010	404
2011	338
2012	355
2013	364
2014	294
2015	292
2016	265

¹³ Источник: Prawomocne skazania i warunkowe umorzenia 1999–2016, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (data dostępu 07.09.2018).

¹⁴ Источник: Prawomocne skazania i warunkowe umorzenia 1999–2016, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (data dostępu 07.09.2018).

Как видно из данных, содержащихся в таблице № 7, количество осужденных за убийство на определенный размер наказания в виде лишения свободы (т.е. от 1 месяца до 15 лет) в анализируемом периоде составляло от около 260 до примерно 400 человек в год. Чаще всего оно демонстрировало снижение (за исключением 2010, 2012–2013 гг.). Сравнение этих чисел с количеством выявленных преступлений в виде убийства, позволяет сделать вывод о том, что большинство преступников было приговорено к определенному сроку лишения свободы, то есть к нижнему пределу уголовной санкции за основной вид убийства.

При обсуждении обвинительных приговоров к наказанию в виде лишения свободы надо было также указать размер наказаний, назначаемых судами в отношении виновников убийств. Данные из этой области представлены в таблице № 8.

Таблица № 8

Размер наказания лишением свободы в отношении осужденных за убийство по ст. 148 УК в соответствии с размером (наказания) в Польше 2008–2016 гг.¹⁵

Год	4 мес. – 5 мес.	6 мес.	7–11 мес.	1 год	> 1 год – < 2 года	2 года	> 2 – < 3 года	3 года	> 3 года – 5 лет	> 5–8 лет	> 8 – 10 лет	> 10 – 15 лет
2008			3	0		3	8	13	58	72	62	154
2009			5	1		4	8	10	35	80	65	164
2010			5	1		4	6	10	40	77	70	191
2011			6		3	2	5	5	41	74	54	148
2012		1	4	1	1	2	4	15	35	53	73	166
2013	1		5	2		2	4	12	32	79	61	166
2014	1		1		1	2	4	9	26	66	65	119
2015			4	1		1	8	12	35	58	59	114
2016					1		5	5	24	58	49	123
Ogółem	2	1	33	6	6	20	52	91	326	617	558	1345

Данные, содержащиеся в таблице № 8, показывают, что в анализируемом периоде убийцы чаще всего приговаривались к наказанию в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет. Часто также назначались наказания в пределах

¹⁵ Источник: Prawomocne skazania i warunkowe umorzenia 1999–2016, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (data dostępu 07.09.2018)

от 5 до 10 лет. Это означает, что наказания назначались ниже нижнего предела уголовной санкции или в её нижних пределах.

Таблица № 9

Общее количество осужденных за убийство по ст. 148 УК к наказанию в виде лишения свободы на срок в 25 лет в Польше в 2008–2016 гг.¹⁶

Год	25 лет лишения свободы
2008	109
2009	93
2010	96
2011	102
2012	99
2013	77
2014	66
2015	64
2016	68

Как видно из данных, содержащихся в таблице № 9, число убийц, приговоренных к 25 годам лишения свободы, колеблется в пределах от 60 до 100 в год. Это обозначает, что суды относительно редко назначают это наказание.

Таблица № 10

Общее количество осужденных за убийство по ст. 148 УК к наказанию в виде пожизненного лишения свободы в Польше в 2008–2016 гг.¹⁷

Год	Пожизненное лишение свободы
2008	10
2009	24
2010	27
2011	26
2012	24
2013	25
2014	23
2015	6
2016	20

¹⁶ Источник: Prawomocne skazania i warunkowe umorzenia 1999–2016, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (data dostępu 07.09.2018).

¹⁷ Источник: Prawomocne skazania i warunkowe umorzenia 1999–2016, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (data dostępu 07.09.2018).

Данные, содержащиеся в таблице № 10, показывают, что число убийц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, колеблется в пределах от 6 до 26 в год. Это означает, что суды очень редко назначают это наказание.

Подводя итоги, надо сказать, что масштабы криминализации убийства в польском Уголовном кодексе 1997 года обширны. Кодекс учитывает способы и мотивы совершения преступления, обращая внимание на разнообразие личностного и эмоционального поведения человека. Наказывает сурово эти деяния, защищая, таким образом, самое важное и самое ценное благо человека, каким является жизнь.

Практику преследования убийств со стороны полиции следует оценивать положительно, если смотреть сквозь призму угрозы убийствами в обществе. Количество выявления этих преступлений и уровень их раскрываемости удовлетворительны. Однако, отмечая снижение, не надо льстить себя надеждой, что убийства исчезнут. Надо все время повышать компетентность полиции, обучать её сотрудников и знакомить их с новыми способами совершения преступлений и избегания ответственности, а также широко использовать современные достижения криминалистики.

Судебная практика указывает на то, что чаще всего виновники убийств несут ответственность за основной вид этого деяния, поэтому назначенный по отношению к ним размер наказания не является высоким. Наиболее часто они получают наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет, значительно реже — в виде 25 лет лишения свободы и пожизненного заключения. Следовательно, политика польского государства в отношении виновников убийств не является строгой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Filar M.* (red.), *Kodeks karny. Komentarz*, LexisNexis. — Warszawa 2012.
2. *Giezek J.* (red.), *Kodeks karny. Część szczególna. Komentarz*, LEX a Wolters Kluwer business. — Warszawa 2014.
3. *Górnio O., Hoc S., Kalitowski M., Przyjemski S., Sienkiewicz Z., Szumski J., Tyszkiewicz L., Wąsek A.*, *Kodeks karny. Komentarz*, T.I. Art. 117–363, Arche. — Gdańsk 2005.
4. *Marek A.*, *Kodeks karny. Komentarz*, LEX a Wolters Kluwer business. — Warszawa 2007.
5. Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. *Kodeks karny*, Dz. U. Nr 88, poz. 553 (ze zm.).
6. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://statystyka.policja.pl/st/kodeks-karny/przestepstwa-przeciwno/63411,Zabojstwo-art-148.html> (дата доступа 07.09.2018).
7. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://statystyka.policja.pl/st/przestepstwa-ogolem/przestepstwa-kryminalne/zabojstwo/64003,Zabojstwo.html> (дата доступа 07.09.2018).
8. *Prawomocne skazania i warunkowe umorzenia 1999–2016*, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (дата доступа 07.09.2018).
9. *Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2009 r.*, Warszawa 2010.
10. *Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2010 r.*, Warszawa 2011.
11. *Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2011 r.*, Warszawa 2012.

12. Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2012 r., Warszawa 2013.
13. Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2013 r., Warszawa 2014.
14. Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2014 r., Warszawa 2015.
15. Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2015 r., Warszawa 2016, <https://bip.mswia.gov.pl/bip/raport-o-stanie-bezpie/18405>, Raport-o-stanie-bezpieczenstwa.html.(data dostępu 07.09.2018).
16. Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2016 r., Warszawa 2017, <https://bip.mswia.gov.pl/bip/raport-o-stanie-bezpie/18405>, Raport-o-stanie-bezpieczenstwa.html.(data dostępu 07.09.2018).

Мельник С. Ю.¹
Melnik S. Yu.

НОВОЕ О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

NEWS ABOUT JURY TRIAL

Аннотация. В предлагаемой статье получили освещения вопросы, касающиеся расширения границ юрисдикции суда с участием коллегии присяжных заседателей в связи с внесённым в российское уголовно-процессуальное законодательство изменениями, вступившими в действие с 1 июня 2018 г. Автор в сравнительном аспекте даёт анализ соответствующих положений, относящихся к организации и функционированию рассматриваемого института, отмечая целесообразность наработки такого функционирования и последующего его обращения.

Ключевые слова: судопроизводство, суд присяжных, судья, присяжные заседатели, коллегия.

Summary. The proposed article received coverage of issues related to the expansion of the jurisdiction of the court with the participation of the jury in connection with the changes to the Russian criminal procedure legislation, which came into effect on June 1, 2018. The author gives a comparative analysis of the relevant provisions relating to the organization and the functioning of the institution under consideration, noting the expediency of developing such a functioning and its subsequent circulation.

Keywords: legal proceedings, jury trial, judge, jurors, board.

Суд присяжных — одна из новейших и молодых для новой России форм судопроизводства.

Такая форма отправления правосудия была введена в 1993 году и до настоящего времени систематически совершенствуется.

Расширение границ юрисдикции суда с участием коллегии присяжных заседателей — одно из направлений продолжения судебной реформы, призванное обеспечить гарантированное Конституцией РФ право граждан на рассмотрение их дел по этой прогрессивной форме судопроизводства. Однако данное направление не ограничивается только изменением границ юрисдикции. Изменился и численный состав коллегии, который различается в зависимости от уровня суда.

¹ МЕЛЬНИК СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ, судья Хабаровского краевого суда, доцент кафедры уголовно-процессуального права Дальневосточного филиала Российский государственный университет правосудия (Хабаровск); MELNIK SERGEY YURYEVICH, Judge of the Khabarovsk Regional Court, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Far Eastern Branch «Russian State University of Justice» (Khabarovsk).

Такие, в общем сказать, изменения уголовно-процессуальных правил вступили в действие в Российской Федерации с 1 июня 2018 г. на основании Федерального закона от 23.06.2016 г. № 190-ФЗ.

Суд присяжных вообще является явлением, вызывающим жаркие дискуссии в профессиональных и научных кругах, на тему «быть или не быть», «своевременно это или нет», «необходима и оправдана ли такая форма судопроизводства для России», «оправдано ли это экономически», «несет ли это в себе действительные демократические принципы».

Споры и дискуссии по этому поводу вероятно будут продолжаться еще долго, а вот суды, невзирая на эти споры и дискуссии, уже сегодня и каждый день воплощают данную форму судопроизводства в жизнь.

Законодатель, в свою очередь, дав правоприменителям такой правовой инструментарий, продолжает обобщать практику его применения и постоянно его совершенствует.

В чём же именно выразились последние изменения в этой процессуальной сфере, какие аспекты устоявшихся действующих процессуальных правил судопроизводства это затронет, как это отразится на общей современной концепции судопроизводства, какие мероприятия необходимо выполнить, сколько это будет стоить и еще много других вопросов возникает в связи с этим².

В порядке экскурса следует вспомнить, что на этапе современного развития институтов государственной власти Российской Федерации, в соответствии с Концепцией судебной реформы и в целях обеспечения гражданам возможности рассмотрения их дел судом присяжных, 16 июля 1993 года был принят закон РФ «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный закон РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. В это же время Постановлением Верховного Совета РФ, в порядке реализации вышеуказанного закона, поэтапно было введено правило рассмотрения уголовных дел судом с участием коллегии присяжных заседателей в пяти субъектах Российской Федерации с 1 ноября 1993 года и еще в четырех субъектах с 1 января 1994 года. Сегодня дела с участием присяжных заседателей рассматриваются во всех субъектах Российской Федерации.

Какие же основные правила, касающиеся такой формы судопроизводства, действовали до 1 июня 2018 года?

Во-первых, такие дела были подсудны только судам субъектовного уровня, то есть Верховным судам республик, областным, краевым, судам городов федерального значения, судам автономных округов и областей, окружным (флотским) военным судам.

² Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 190-ФЗ.

Во-вторых, численный состав коллегии был определен в двенадцать присяжных заседателей и не менее двух запасных к началу рассмотрения дела по существу. Из этого правила вытекало следующее установление — к формированию коллегии присяжных заседателей судья мог приступить лишь при наличии не менее двадцати кандидатов, явившихся в суд.

Что же сегодня? А теперь дела с участием присяжных заседателей подсудны и районным (городским) судам, а также гарнизонным военным судам. При этом законодатель для таких судов определил, что коллегия должна состоять из шести присяжных заседателей и не менее двух, к началу слушания дела, запасных присяжных. А формирование коллегии может быть начато при условии, что в суд явилось не менее 12 кандидатов. Одновременно с этим расширен круг преступлений, дела о которых подсудны суду присяжных.

Так, этими судами с участием присяжных заседателей могут быть рассмотрены уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство без квалифицирующих признаков), ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего), правда, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами до своего совершеннолетия. Кроме того, могут быть рассмотрены уголовные дела о преступлениях, подсудность по которым, по общим правилам, отнесена к судам субъектов РФ, но по которым в качестве наиболее строгого наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в силу положений ч. 4 ст. 66 и ч. 4 ст. 78 УК РФ, то есть за приготовление к преступлению, при покушении на преступление, и в случае признания судом невозможным освобождение лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Перечень таких преступлений, включая наиболее распространенные в практике — ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ², приведен в п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ.

В активе подсудности краевых, областных судов с участием присяжных заседателей остались уголовные дела, перечень которых определен в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 30 и п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, в том числе о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 228¹, ч. 4 ст. 229 УК РФ, и других, за вышеприведенными исключениями, в силу которых не могут быть назначены наказания в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни.

Численный же состав в субъектовом суде теперь определен законодателем в восемь присяжных заседателей и не менее 2 запасных заседателей. При этом формирование коллегии может быть начато, если в суд явилось не менее четырнадцати кандидатов.

Некоторые положения, регулирующие судопроизводство с участием присяжных заседателей, остались неизменными.

Так, безусловно, присяжные заседатели являются судьями факта и свою роль в уголовном процессе выполняют только в этом качестве, и в силу взаимосвязанных положений закона недопустимо рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей в ином, чем в общем, порядке. То есть в таком составе суда не могут быть рассмотрены уголовные дела, например, в особом порядке при заключении досудебного соглашения, поскольку в данном порядке суд не устанавливает фактические обстоятельства дела.

Практически не изменилась общая судебная процедура формирования коллегии присяжных и требования к кандидатам. Однако право дополнительного немотивированного отвода кандидату может быть предоставлено каждой стороне теперь только один раз, какое бы количество неотведенных кандидатов осталось. Несколько изменился порядок формирования списков кандидатов, а также субъектный состав полномочных органов, осуществляющих эту работу.

Совершенно очевидно, что расширение компетенции суда с участием присяжных заседателей потребует совершенствования профессионализма следователей, прокуроров, судей и в особенности состязającychся сторон – обвинителей и защитников. В преддверии 1 июня 2018 года работа в этом направлении, в частности в Хабаровском крае, велась планомерно как с судьями, путем проведения лекций, семинаров, практических занятий, так и с другими представителями, обеспечивающими стороны в уголовном процессе, в том числе на факультете повышения квалификации на базе Дальневосточного филиала РГУП.

Для обобщения полученного опыта функционирования новой формы судопроизводства в судах районного звена необходимо наработать достаточный объем дел, а потому реальнее всего с учетом сложившейся статистики, вернуться к этому вопросу к осени — 2019 года. Как говорится, цыплят по осени считают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суд присяжных: факты и комментарии / Сост. В. В. Золотых, К. М. Мирошниченко. — Ростов н/Д: Терра; Гефест, 2002.

Нестеренко А. В.¹, Пинкевич Т. В.²
Nesterenko A. V., Pinkevich T. V.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

CRIMINAL POLICY AND DIGITAL SECURITY: GENERAL AND PRIVATE IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассмотрены направления уголовной политики России в сфере обеспечения информационной безопасности, а также проблемные вопросы, связанные с использованием современных цифровых технологий как движущего фактора цифровой экономики. Авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время акцент необходимо делать не только на информационной, но и на цифровой безопасности. Однако на концептуальном, законодательном и правоприменительном уровнях уголовная политика в сфере цифровой безопасности недостаточно реализована. Поэтому требуется принятие соответствующих нормативно-правовых актов, регулирующих сферу применения цифровых технологий и охраняющих их от использования злоумышленниками в преступных целях.

Ключевые слова: уголовная политика, общественная, информационная цифровая безопасность, технологии, большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект.

Summary. The article deals with the directions of Russia's criminal policy in the field of information security, as well as problematic issues related to the use of modern digital technologies as a driving factor of the digital economy. The authors come to the conclusion that at present the emphasis should be placed not only on information, but also on digital security. However, at the conceptual, legislative and law enforcement levels, criminal policy in the field of digital security has not been sufficiently implemented. This will therefore require the approval of corresponding normative-legal acts regulating the sphere of application of digital technologies and protecting them from use by criminals for criminal purposes.

Keywords: criminal policy, public, information digital security, technologies, big data, neurotechnologies and artificial intelligence, distributed registry systems.

¹ НЕСТЕРЕНКО АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, преподаватель кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России (Ставрополь); NESTERENKO ANDREY VLADIMIROVICH, Lecturer of Criminalistics Department of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia (Stavropol).

² ПИНКЕВИЧ ТАТЬЯНА ВАЛЕНТИНОВНА, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук (Н. Новгород); PINKEVICH TATYANA VALENTINOVNA, Professor of the Department of Criminal and Penitentiary Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (N. Novgorod).

В целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности России в информационной сфере осуществляется реализация национальных интересов, которая направлена на формирование безопасной среды, оборота достоверной информации, устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры³, развитию информационного общества, информационных технологий и формированию национальной цифровой экономики⁴. Особое место в этой сфере отводится «обеспечению информационной безопасности, определению ее стратегических целей, организационных основ и основных направлений»⁵.

Формирование цифровых технологий, в свою очередь, развивает цифровую экономику, где ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых, по сравнению с традиционными формами хозяйствования, позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг⁶. В тоже время вместе с переходом России к передовым цифровым технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, созданию систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта⁷, возникла необходимость в обеспечении не только информационной, но и цифровой безопасности, под которой, следует понимать **комплекс мер**, направленных на защиту конфиденциальности, целостности и доступности информации от вирусных атак и несанкционированного вмешательства в информационное поле личности, общества и государства.

В этой связи, следует обратить внимание на тот факт, что цифровая экономика и ее составляющие, несут в себе огромный потенциал

³ Доктрина информационной безопасности РФ: Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/#ixzz5X3ZCpkgN> (дата обращения 01.11.2018).

⁴ Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/e91cc5f89aaced60e19c6c6554fc03432f4ee971/ (дата обращения 01.11.2018).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ О Стратегии научно-технологического развития РФ: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения 01.11.2018).

криминологических рисков, являющихся «фоном, на котором разворачивается, и фактором, который определяет основные направления уголовной политики страны»⁸.

При характеристике современных особенностей уголовной политики в ранних публикациях представлены для научного обсуждения понятие, структура, направленность и определены ее уровни⁹. Реализация уголовной политики в сфере обеспечения информационной безопасности конечно же неразрывно связана с цифровой безопасностью.

Если рассматривать концептуальный уровень уголовной политики в сфере информационной и цифровой безопасности, то их реализация «должна основываться на разработке теории об обеспечении реальной безопасности общества (стратегическая цель) и сдерживания преступности, удержание её на социально приемлемом уровне (тактическая цель)»¹⁰. Применительно к обеспечению информационной безопасности, содержание уголовной политики на этом уровне определено принятыми вышеназванными документами. Что же касается цифровой безопасности, то в этой сфере не так все просто, как кажется на первый взгляд. Концептуальный уровень уголовной политики в сфере обеспечения цифровой безопасности частично реализован в Стратегиях развития отрасли информационных технологий, информационного общества, научно-технологического развития и Программе цифровой экономики, где указаны перспективы развития цифровых технологий и обеспечения информационной, а не цифровой безопасности.

В законодательстве РФ отсутствуют термины «цифровая безопасность» и «цифровые техноогии», вместо них используются «информационная безопасность» и «информационные технологии», не являющиеся синонимами и различающиеся по объектному составу. Нет понятия «сквозные цифровые технологии», но в Программе цифровой экономики перечень таких технологий определен и включает: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; промышленный интернет;

⁸ *Бабаев М.М.* Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 1. — С. 104.

⁹ *Пинкевич Т.В.* Уголовная политика: понятие, структура, современное состояние // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3; *Пинкевич Т.В.* Противодействие преступности: уголовная политика и проблемы правоприменительной практики // Проблемы экономики и юридической практики. — Вып. № 4. — 2017. — С. 96.

¹⁰ *Пинкевич Т.В.* Уголовная политика и современное уголовное законодательство // Преступность, уголовная политика, закон / Под ред. проф. А. И. Долговой. — М.: РКА, 2016. — С. 176.

компоненты робототехники и сенсорики; квантовые и производственные технологии; технологии беспроводной связи; виртуальной и дополненной реальностей и др.¹¹.

До принятия указанной Программы, в Стратегии развития отрасли информационных технологий, информационного общества речь шла об информационных технологиях¹².

Законодательный уровень уголовной политики в сфере информационной безопасности нашел свое отражение в статьях Уголовного кодекса РФ (например, ст. ст. 272–274.1, 171.2 и т. п.); в Федеральных законах «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ»¹³.

В сфере информационной безопасности правоприменительный уровень уголовной политики реализован судебными органами применительно к Федеральному закону «О персональных данных»¹⁴. Согласно ч. 5 ст. 18 данного закона при сборе личных данных оператор обеспечивает их обработку с использованием баз данных, находящихся на территории России. В связи с этим, Роскомнадзор обратился в Мосгорсуд с иском признать деятельность интернет-ресурсов (<http://www.linkedin.com>, <http://linkedin.com>) по обработке личных данных граждан нарушающей требования закона, а также права граждан на неприкосновенность частной жизни. Нарушение LinkedIn Corporation заключалось в сборе личных данных граждан без их локализации. Суд полностью удовлетворил требования истца¹⁵.

¹¹ Об утверждении программы «Цифровая экономика РФ: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-п // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/2369d7266adb33244e178738f67f181600cac9f2/ (дата обращения 14.10.2018).

¹² Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р (ред. от 18.10.2018) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154161/ (дата обращения 05.11.2018).

¹³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 29.10.2018); О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения 01.11.2018).

¹⁴ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ.— URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 05.11.2018).

¹⁵ Защита персональных данных: первые итоги и перспективы судебных дел. — URL: https://www.vegalex.ru/mobile/analytics/publications/protection_of_personal_data_first_results_and_prospects_of_lawsuits/ (дата обращения 05.11.2018).

На наш взгляд, концептуальный, законодательный и правоприменительный уровни реализации уголовной политики в сфере информационной безопасности направлены в основном на охрану информации в широком смысле, либо недопущения совершения преступлений в указанной сфере, с помощью информационных технологий.

С законодательным и правоприменительным уровнями уголовной политики в сфере обеспечения цифровой безопасности, как отмечалось ранее, ситуация более сложная. В настоящее время существуют единичные нормативно-правовые акты, регулирующие отдельные направления в развитии цифровых технологий и ряд сложных проблем в данной сфере остается нерешенным. Так, например, несмотря на то, что в текущем году внесены изменения в Федеральный закон «О персональных данных» в части использования большие данные, и подготовлен законопроект, предусматривающий нововведения в Закон об информации (требования об обязательном информировании пользователя об обработке связанных с ним больших данных)¹⁶, необходима подготовка и принятие самостоятельного Закона о больших данных, с целью ограничения использования личных данных третьими лицами в преступных целях.

Аналогично обстоит вопрос с нейротехнологиями, которые ставят свободу разума под угрозу. На наш взгляд, чтобы этого не произошло, необходимо принятие законодательных актов, направленных на защиту умственной свободы, психической неприкосновенности и психологической преемственности¹⁷.

Требуется особое внимание и законодательное регулирование искусственного интеллекта и робототехники, в части определения субъекта, использующего автоматизированные транспортные средства и беспилотные летательные аппараты, поскольку в случае ошибки указанных аппаратов сложно определить виновного и понять, почему искусственный интеллект принял то или иное решение в определенной ситуации. Необходима подготовка и принятие концепции регулирования искусственного интеллекта или конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, в которых будут сформулированы правила робототехники, изложены проблемы и возможные пути их

¹⁶ Написан первый российский закон о больших данных. О чем в нем сказано: URL: http://www.cnews.ru/news/top/2018-10-23_napisan_zakon_o_sbore_bolshih_dannyh_s_grazhdan (дата обращения 06.11.2018).

¹⁷ Новые права и законы должны защитить человеческие свободы от нейротехнологий. — URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nabor-novyh-prav-cheloveka-i-zakonov-prizvan-zashchitit-svobodu-ot-nejrotehnologij> (дата обращения 06.11.2018).

решения, с которыми может столкнуться общество, развивая искусственный интеллект¹⁸.

Относительно системы распределенного реестра или блокчейна, Министерство финансов РФ опубликовало законопроект «О цифровых финансовых активах», который призван узаконить в России инструменты, использующие блокчейн и исключить их применение преступным миром. Здесь дается определение майнингу, криптовалюте и токenu, ранее эти понятия не были прописаны в официальных документах¹⁹.

Не определено на законодательном уровне правовое положение использования: квантовых компьютеров, которые смогут предугадывать «шаги» хакеров в миллионах или миллиардах возможных итерациях. Квантовая мощь позволит осуществлять квантовое шифрование, но в то же время хакеры беспрепятственно смогут взламывать самые сложные методы безопасности, которые обеспечиваются относительно примитивными машинами²⁰; новых производственных технологий, к примеру установок аддитивного производства (3D-печати). С помощью 3D-принтеров возможно распечатать предметы для совершения преступлений: оружие, ключи, подделки произведений искусства и сканеры, способные дублировать практически любые запатентованные трехмерные предметы и многое другое. Государственная Дума РФ в этом направлении только предлагает ввести обязательную регистрацию 3D-принтеров²¹.

Безопасность интернета вещей складывается из безопасности связи, защиты и контроля устройства, контроля взаимодействий в сети. Так злоумышленники, используя уязвимости данных технологий, могут подслушивать конфиденциальные разговоры, а затем использовать их в преступных целях.

В Законах об информации, связи²² говорится о безопасности беспроводной передачи данных, где при авторизации, пользователь в обязательном порядке должен пройти идентификацию личности и своего гаджета. Идентификация

¹⁸ Концепция регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в России может появиться в 2018 году. — URL: http://inno.gov.spb.ru/news24/postid/own_news/3233 (дата обращения 06.11.2018).

¹⁹ Минфин опубликовал проект закона, регулирующего блокчейн. — URL: <https://roem.ru/25-01-2018/267012/minfin-block/> (дата обращения 06.11.2018).

²⁰ 10 невероятных последствий развития квантовых технологий. — URL: <https://hi-news.ru/technology/10-neveroyatnyx-posledstvij-razvitiya-quantovykh-technologij.html> (дата обращения 06.11.2018).

²¹ Госдума предлагает ввести обязательную регистрацию 3D-принтеров. — URL: <http://3dtoday.ru/blogs/news3dtoday/the-state-duma-proposes-to-introduce-compulsory-registration-of-3d-pri/> (дата обращения 06.11.2018).

²² О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 03.08.2018) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения 08.11.2018).

необходима при общественном доступе к wi-fi в общественных местах (кафе, библиотеках, школах, парках и т. п.). Однако ничем не регулируется использование точек доступа, установленных частными лицами, к которым пользователи могут подключаться анонимно, в том числе используя их в противозаконных целях.

Виртуальная и дополненная реальность также представляют определенную угрозу для общества. Очень часто в средствах массовой информации мы слышим о совершении подростками преступлений под влиянием компьютерных игр. Погружение ребенка в виртуальную (дополненную) реальность в игре помимо физических воздействий на организм виртуального путешественника может оказывать и психическое воздействие, в том числе на восприятие пользователем самого себя.

Таким образом, Россия находясь на пороге четвертой промышленной революции, с которой связывают появление современных цифровых технологий как движущего фактора цифровой экономики, не имеет необходимых рычагов для противодействия внутренним цифровым угрозам, посягающим как на цифровые технологии, так и совершаемым с их помощью правонарушениям. На наш взгляд, необходима серьезная проработка вопросов реализации уголовной политики в сфере цифровой безопасности не только на концептуальном, но и на законодательном, правоприменительном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доктрина информационной безопасности РФ: Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/#ixzz5X3ZCpkgN> (дата обращения 01.11.2018).
2. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/e91cc5f89aac60e19c6c6554fc03432f4ee971/ (дата обращения 01.11.2018).
3. *Бабаев М.М.* Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* — 2018. — № 1.
4. *Пинкевич Т.В.* Уголовная политика и современное уголовное законодательство // *Преступность, уголовная политика, закон* / Под ред. проф. А.И. Долговой. — М.: РКА, 2016.
5. *Пинкевич Т.В.* Уголовная политика: понятие, структура, современное состояние // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* — 2016. — № 3.
6. *Пинкевич Т.В.* Противодействие преступности: уголовная политика и проблемы правоприменительной практики // *Проблемы экономики и юридической практики.* — Вып. № 4. — 2017.

Нечаев А. Д.¹
Nechaev A. D.

**НЕОБОСНОВАННЫЙ ОТКАЗ В ПРИЕМЕ НА РАБОТУ ИЛИ НЕОБОСНОВАННОЕ
УВОЛЬНЕНИЕ: К ВОПРОСУ О ТРЕНДАХ СОВРЕМЕННОЙ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ**

UNFOUNDED REFUSAL IN EMPLOYMENT OR UNFOUNDED DISMISSAL: TRENDS
OF MODERN CRIMINAL POLICY IN RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о введении нового уголовно-правового запрета на необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста. Обосновывается, что статья 144.1 УК РФ противоречит принципу определенности уголовно-правового запрета и принципу равенства человека и гражданина перед законом.

Ключевые слова: необоснованный отказ в приеме на работу; необоснованное увольнение; лицо, достигшее пенсионного возраста.

Summary. The article deals with the criminal law's prohibition on unfounded refusal to employ, or unfounded dismissal of a prepension person. It is argued that the article 144.1 of the Criminal Code of the Russian Federation doesn't fulfilled the principle of legal certainty and the principle of equality of rights.

Keywords: unfounded refusal to employ; unfounded dismissal; prepension person.

В последние годы законотворческая форма реализации уголовной политики в России отличается завидной непоследовательностью и противоречивостью принимаемых решений, криминологической необоснованностью новых уголовно-правовых запретов и их практической не применяемостью, ускоренными процедурами принятия и безапелляционной поддержкой президентских и правительственных законопроектов. Как указывает В. И. Плохова: «Президент страны высказывает идею о необходимости за определенные действия привлекать совершивших их лиц к уголовной ответственности, законодатель очень поспешно вносит изменения в УК, без уяснения особенностей деятельности, без криминологического обоснования, часто выделение специальных

¹ НЕЧАЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кандидат юридических наук (Москва); NECHAEV ALEXEI DMITRIEVICH, Associate Professor at the Department of Legal Regulation of Economic Activity of Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor in Criminal Law and Criminology.

норм не соответствует и правилам соотношения их с общими нормами»². Не является в этом смысле исключением «поспешное» принятие решения об установлении уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста.

29 августа 2018 года Президент в своем обращении к гражданам России указал на необходимость «установить для работодателей ... уголовную ответственность за увольнение работников предпенсионного возраста, а также за отказ в приеме на работу граждан по причине их возраста»³. Соответствующий законопроект не заставил себя ждать и спустя неделю был внесен в Государственную Думу. Предлагалось дополнить уголовный закон новой статьей 144¹, устанавливающей ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста. Пояснительная записка не содержала какого-либо криминологического анализа ситуации, связанной с необоснованным отказом в приеме на работу или необоснованным увольнением соответствующих лиц. Необходимость новой статьи детерминировалась тем, что изменение пенсионного возраста вызывает «опасность необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения лиц, достигших предпенсионного возраста»⁴. При этом основания установления нового уголовно-правового запрета не были четко обозначены. Критической оценки заслуживает указание на необходимость обеспечения «сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы», поскольку эта задача не может решаться уголовно-правовыми нормами. Направленность законопроекта была совсем иной, и наиболее четко, как думается, ее обозначил в дальнейшем Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству — законопроект «будет способствовать обеспечению реализации прав граждан на труд»⁵. С точки зрения проведенного

² Плохова В.И. Роль криминологических исследований в совершенствовании уголовного права // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2011. — № 3 — С. 10.

³ Обращение Президента РФ к гражданам России от 29.08.2018 // Официальный сайт Президента РФ. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405> (дата обращения 18.10.2018).

⁴ Пояснительная записка к законопроекту № 544570–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения 18.10.2018).

⁵ Заключение Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству на проект № 544570–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения 18.10.2018).

контент-анализа весьма интересны официальные отзывы Правительства⁶ и Верховного Суда⁷, в которых никакого внимания вопросу обоснованности уголовно-правового запрета не уделялось, а лишь констатировалась поддержка законопроекта без какого-либо обоснования.

Принятие законопроекта Государственной Думой, его одобрение Советом Федерации и подписание Президентом РФ прошло в «ускоренном режиме». Законопроект миновал все необходимые стадии процесса законотворчества менее чем за месяц. В Федеральном законе от 03.10.2018 № 352-ФЗ⁸ нашла отражение не подвергавшаяся каким-либо изменениям первоначальная формула уголовно-правового запрета: «необоснованный отказ в приеме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, а равно необоснованное увольнение с работы такого лица по тем же мотивам».

Прежде всего, обращает на себя внимание рассогласованность наименования статьи и содержания ее диспозиции. Так, в наименовании акцент сделан на «лицо, достигшее предпенсионного возраста», то есть на потерпевшего. Такое наименование статьи предполагает, что конститутивным признаком состава преступления должно являться соответствующее лицо, однако фактическое содержание диспозиции свидетельствует о том, что не лицо, а мотив «достижения им предпенсионного возраста» является обязательным признаком рассматриваемого состава преступления. Подобная разнонаправленность вызывает проблемы в толковании нового уголовно-правового запрета — должно ли лицо, действительно, достигнуть предпенсионного возраста или же преступным будет считаться и необоснованный отказ в приеме на работу (или увольнение) любого лица, если оно совершено по указанному мотиву? Буквальное толкование, увы, свидетельствует о том, что потерпевший не является обязательным признаком данного состава преступления и даже при добросовестном заблуждении лица в достижении лицом такого возраста он может нести ответственность как за оконченное преступление. На ведущую роль мотива в сходных составах преступления, например в ст. 145 УК

⁶ Официальный отзыв Правительства РФ к законопроекту № 544570–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения 18.10.2018).

⁷ Официальный отзыв Верховного Суда РФ к законопроекту № 544570–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения 18.10.2018).

⁸ Федеральный закон от 03.10.2018 № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2018. — № 41. — Ст. 6192.

РФ, обращает внимание и Конституционный Суд РФ⁹. Следует признать, что подобное конструирование уголовно-правовой нормы внутренне противоречно и не отвечает требованиям определенности уголовно-правового запрета не только по причинам недоступности «содержащегося в этом запрете описания запрещенного деяния для понимания адресатом запрета», но и непредсказуемости «применения этого запрета»¹⁰.

Помимо нарушения принципа правовой определенности запрета значительные вопросы вызывает и соблюдение законодателем принципа равенства граждан перед законом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Согласно части 2 названной статьи государство приняло на себя обязательства гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на труд (ст. 37 Конституции РФ), независимо не только от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, но и от других обстоятельств. Косвенное подтверждение того, что возраст может служить в качестве «другого обстоятельства» находит свое отражение в целом ряде судебных актов органа конституционного надзора¹¹. Прямым доказательством является то, что в соответствии с ч. 2 ст. 3 ТК РФ никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника. Введение в уголовный закон новой статьи обуславливает постановку ряда вопросов, связанных с обеспечением принципа равенства граждан перед законом.

Во-первых, насколько общественная опасность рассматриваемых деяний по мотивам предпензионного возраста отличается от общественной опасности тех же деяний по мотивам «постпубертатного» возраста. Ст. 20 ТК РФ предусматривает, что вступать в трудовые отношения в качестве работников

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 353-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. — URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 18.10.2018).

¹⁰ *Алаторцев А. Ю.* Правовая определенность уголовно-правового запрета: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. — М., 2018. — С. 13.

¹¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 27.12.1999 № 19-П, от 06.06.1995— № 7-П; Определения Конституционного Суда РФ от 03.10.2002 № 233-О, от 08.02.2001 № 45-О, от 01.07.1998— № 84-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. — URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 18.10.2018).

имеют право лица, достигшие возраста 16 лет, а в случаях и порядке, которые установлены упомянутым кодексом, — также лица, не достигшие указанного возраста. Государственная защита детства является одним из основных направлений деятельности Российской Федерации, в связи с чем требует не меньшей охраны со стороны государства. Президент в своем обращении к Федеральному Собранию специально отметил, что «фокус внимания должен быть на тех, кто нужен стране: на молодых, здоровых, хорошо образованных людях». По его мнению, если «новые рабочие места, современные компании, привлекательные жизненные перспективы будут создаваться в других, успешных странах, куда будут уезжать молодые, образованные, талантливые люди, ... [то] ... общество будет терять жизнеспособность и энергию развития»¹². При рассмотрении законопроекта в первом чтении депутат А. В. Куринной задавался вопросом о том, «а молодые люди, которых не принимают на работу, чем хуже в данном случае, когда им точно так же отказывают, потому что они молодые, неопытные или ещё какие-то?» К сожалению, этот вопрос остался без ответа — вместо объективной оценки Т. А. Голикова лишь отметила, что «здесь, мне кажется, не нужно усугублять до уголовной ответственности»¹³.

Во-вторых, насколько общественная опасность рассматриваемых деяний по мотивам предпенсионного возраста отличается от общественной опасности тех же деяний по мотивам инвалидности, на что в первом чтении обращал внимание, например, депутат О. Н. Смолин¹⁴.

В-третьих, образует ли состав рассматриваемого преступления соответствующие действия (бездействие), которые совершены по мотивам достижения «пенсионного» возраста. Согласно прим. к ст. 144¹ УК РФ под предпенсионным возрастом понимается возрастной период продолжительностью до пяти лет, предшествующий назначению лицу страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ. Неординарно, необычно, но остается фактом то, что совершение тех же действий по мотивам достижения «пенсионного» возраста состава преступления по ст. 144¹ УК РФ не образует. Иное означало бы аналогию закона, которая в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ недопустима.

Наконец, в-четвертых, как указал Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, «рассматриваемые деяния

¹² Послание Президента Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 18.10.2018).

¹³ Стенограммы обсуждения законопроекта № 544570–7 // Портал открытых данных официального сайта Государственной Думы. — URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/544570–7> (дата обращения 18.10.2018).

¹⁴ Там же.

по своему характеру и способу совершения схожи с преступлениями, предусмотренными действующей статьей 145»¹⁵. Позиция о специальном характере уголовно-правовой нормы, закрепленной в ст. 145 УК РФ, по отношению к ст. 136 УК РФ неоднократно становилась предметом обсуждения в литературе. Так, Н. В. Качиной было обосновано, что «ст. 136 УК является по отношению к ст. 145 общей нормой»¹⁶. К. В. Дядюн отмечает, что «законодатель, по сути, просто вычленил одну из групп потерпевших из ст. 136 УК РФ»¹⁷. При этом выделение ст. 145 УК РФ в самостоятельную статью было обусловлено особыми гарантиями в отношении государственной защиты материнства, детства и семьи (ст. 38 Конституции РФ). Вместе с тем вполне логичным является сделанный в литературе вывод о том, что «смягчение наказания за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей ребенка в возрасте до 3 лет, не соответствует характеру общественной опасности данного преступления»¹⁸, а «отказ в приеме на работу женщине по мотиву пола повлечет ... более тяжкие последствия, чем совершение подобного деяния по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей»¹⁹. Подход к рассмотрению ст. 144¹ УК РФ как одной из форм дискриминации, т. е. ее специальный характер по отношению к ст. 136 УК РФ, был поддержан Комитетом Совета Федерации по социальной политике, отметившим, что закон направлен на «защиту граждан от дискриминации при приеме на работу или увольнении по мотивам достижения ими предпенсионного возраста»²⁰.

¹⁵ Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству о проекте федерального закона № 544570–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения 18.10.2018).

¹⁶ Качина Н. В. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ): обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2007. — С. 23.

¹⁷ Дядюн К. В. Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет // Научный вестник Омской Академии МВД России. — 2013. — № 2. — С. 28.

¹⁸ Новиков В. А. Дискриминация: преступление и административное правонарушение // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3. — С. 172.

¹⁹ Дядюн К. В. Указ. соч. — С. 28.

²⁰ Заключение Комитета Совета Федерации по социальной политике на проект № 544570–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения 18.10.2018).

Иными словами, законодатель избрал «фрагментарную» модель уголовно-правового регулирования, выделив группу лиц по нерелевантному, не уголовно-правовому признаку (лица, достигшие предпенсионного возраста). Думается, что это было обусловлено необходимостью показать заботу государства в условиях вызывающей общественный протест, но экономически оправданной реформы пенсионного законодательства. Однако попытку следует признать неудачной по целому ряду причин.

Во-первых, законодатель предусмотрел пониженную (а не повышенную!) уголовную ответственность по сравнению с общей нормой, закрепленной в ст. 136 УК РФ. Это означает привилегированный характер состава, описанного в ст. 144¹ УК РФ, по отношению к ст. 136 УК РФ. Отмечаемая в литературе сложность (невозможность) доказывания мотива «достижения предпенсионного возраста» будет обуславливать невозможность привлечения виновных в дискриминации лиц к ответственности.

Во-вторых, как справедливо в третьем чтении обратил внимание депутат Ю. П. Синельщиков, «эта статья позволит снова кошмарить бизнес, она может быть использована для провокаций в отношении неугодных руководителей предприятий, учреждений и организаций», а также появится «целая прослойка безработных граждан предпенсионного возраста, которые будут каждодневно рассылать свои анкеты, резюме по самым различным предприятиям и учреждениям с требованием принять их на работу, а затем, получив отказы, они будут заваливать органы предварительного следствия и прокуратуру просьбами возбудить уголовные дела»²¹.

В-третьих, несмотря на прогнозируемый «вал» заявлений в органы предварительного следствия, применяться на практике ст. 144.1 УК РФ не будет. Видными учеными-юристами, в частности А. В. Серебренниковой, доказано, что сходная по конструкции с рассматриваемой «ст. 145 УК РФ носит декларативный характер и практически не может быть применена ... сконструирована таким образом, что привлечь к ответственности работодателя ... невозможно»²². Как отмечает Н. А. Лукьянова, по ст. 145 УК РФ «за период с января 1997 года по июнь 2002 года общее количество осужденных ... составило всего 3 человека»²³. Аналогичные показатели о числе осужденных лиц приводит

²¹ Стенограммы обсуждения законопроекта № 544570–7.

²² *Серебренникова А. В.* Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008. — С. 31.

²³ *Лукьянова Н. А.* Противодействие преступлениям, посягающим на трудовые права граждан: законодательная регламентация, проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2003. — С. 20.

С. А. Юрков за период 2011–2015 годов — 3 лица²⁴. Изучение статистических данных за 2016 и 2017 годы показывают, что к уголовной ответственности по ст. 145 УК РФ привлечено всего лишь 4 лица. Повторю тезис, который уже неоднократно озвучивался в ряде предыдущих работ: с учетом того, что наказание определено как штраф либо обязательные работы — с предупреждением таких деяний (с учетом уровня их распространенности) вполне мог бы справиться и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях²⁵.

Депутат А. К. Исаев в третьем чтении отметил, что «задача уголовного права не сажать и штрафовать, а предотвращать общественно опасные деяния ... в тех случаях, когда общество чувствует особую опасность, оно вправе установить ... стоп-кран, красный свет, объявить ... деяние не административным проступком, а преступлением ... Так, Президент предложил сделать в отношении работников старших возрастных групп — твёрдо заявить, что их дискриминация является, с точки зрения общества, циничным поступком, преступлением»²⁶. Этот подход в доктрине уголовного права носит наименование «символической ценности» уголовного права, но вряд ли его стоит ставить во главу угла в современных условиях. Хотелось бы возразить А. К. Исаеву, сославшись на авторитетное для отечественной уголовной правовой доктрины мнение — мнение академика В. Н. Кудрявцева, который требовал соблюдения условия невозможности предотвратить вред другими средствами при разрешении вопроса о наличии (или отсутствии) потребности в установлении запрета²⁷.

Следует признать, что основным методом проведения уголовной политики в России в последние годы является «эксперимент». Так, депутат О. И. Аршба недвусмысленно выразил это следующей фразой: «Вы считаете, что эта статья не будет работать? Я считаю это фантазией, потому что она ещё не начала работать, и практики у нас нет. Когда появится, тогда и будем рассуждать на эту тему»²⁸. Н. А. Лопашенко весьма справедливо еще десятилетие назад возразила такому подходу: «никакие эксперименты с уголовным законодательством недопустимы, это даже не требует аргументации. А вот тщательный

²⁴ Юрков С. А. Некоторые проблемы применения статьи 145 УК РФ // Журнал российского права. — 2016. — № 10 (238). — С. 96.

²⁵ Нечаев А. Д., Янина И. Ю. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы криминализации деяний и их малозначительности // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 6. — С. 37.

²⁶ Стенограммы обсуждения законопроекта № 544570–7.

²⁷ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. — М.: Наука, 1982. — С. 269

²⁸ Стенограммы обсуждения законопроекта № 544570–7.

прогностический расчет ... должен проводиться всегда ... [как] неотъемлемая и обязательная часть криминологической экспертизы»²⁹.

Подводя итог, следует констатировать, что дополнение уголовного закона новой статьей (ст. 144¹ УК РФ) демонстрирует продолжение заданного вектора на конъюнктурное корректирование уголовного закона в отсутствие должных криминологических оснований. Используя образное выражение О. Н. Алимовой об «оторвавшихся от реальности чиновниках», следует признать, что отечественный законодатель утратил понимание того, в каком направлении он изменяет уголовный закон. Сегодня как никогда раньше ощущается острейшая потребность в научном обеспечении уголовного законодательства: к разработке и обсуждению проектов законов, вносящих изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, требуется привлекать широкие круги научной общественности, анализировать их мнения и вырабатывать оптимальные, а не «фрагментарно-конъюнктурные» модели уголовно-правового воздействия на отклоняющиеся формы поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алаторцев А. Ю.* Правовая определенность уголовно-правового запрета: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. — М., 2018.
2. *Дядюн К. В.* Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет // Научный вестник Омской Академии МВД России. — 2013. — № 2.
3. *Качина Н. В.* Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ): обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2007.
4. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: норма и патология. — М.: Наука, 1982.
5. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. — М.: Волтерс Клувер, 2009.
6. *Лукьянова Н. А.* Противодействие преступлениям, посягающим на трудовые права граждан: законодательная регламентация, проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2003.
7. *Нечаев А. Д., Янина И. Ю.* Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы криминализации деяний и их малозначительности // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 6.
8. *Новиков В. А.* Дискриминация: преступление и административное правонарушение // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3.
9. *Плохова В. И.* Роль криминологических исследований в совершенствовании уголовного права // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2011. — № 3 — С.5–12

²⁹ *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — С. 120.

10. *Серебренникова А.В.* Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008.
11. *Юрков С.А.* Некоторые проблемы применения статьи 145 УК РФ // Журнал российского права. — 2016. — № 10 (238).

Никулenco А. В.¹
Nikulenکو A. V.

**НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРАВОМЕРНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ,
ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ**

**DIRECTIONS OF CRIMINAL POLICY IN THE AREA OF REGULATION OF LAWFUL
CASE OF HARM IN CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIME OF ACTION**

Аннотация. В статье обозначены проблемы законодательного и правоприменительного характера в сфере обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также продемонстрированы возможности совершенствования уголовной политики.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовная политика, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Summary. The article identifies the problems of legislative and law enforcement nature in the sphere of circumstances precluding crime, and also demonstrates the possibility of improving criminal policy.

Keywords: criminal law, criminal policy, the circumstances excluding criminality of act.

Эффективная защита личности, общества и государства от общественно опасного посягательства обеспечивается не только установлением соответствующих уголовно-правовых запретов, но и путем регламентации правомерного причинения вреда при защите от общественно опасных посягательств, задержании лиц, совершивших общественно опасные деяния, и при устранении опасности. Тем самым обеспечивается реализация положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Кроме того, уголовный закон исключает ответственность лиц и в ряде иных случаев причинения вреда, связанных с принуждением, исполнением приказа или распоряжения, а также с обоснованным риском.

Однако с момента закрепления в УК РФ института обстоятельств, исключающих преступность деяния, возникли и до сегодняшнего дня остаются нерешенными целый ряд проблем как правотворческого, так и правоприменительного характера, устранение которых необходимо для организации

¹ НИКУЛЕНКО АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург); NIKULENKO ANDREI VYACHESLAVOVICH, Head of the Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor (St. Petersburg).

правильного отправления правосудия и укрепления законности в правовом обществе, обеспечения защиты прав граждан от преступных и иных общественно опасных посягательств.

В последнее время учёными предпринимаются попытки создать новые объяснения юридической природы таких обстоятельств. Интерес представляет, например, теория «внешнего фактора», согласно которой исключается признак не общественной опасности деяния, а его противоправности: причинённый вред считается допустимым при наличии предусмотренных законом оснований такой допустимости².

Согласно ещё одному мнению, обстоятельства данной категории исключают ответственность в силу социальной полезности деяний, совершаемых в предусмотренных законом условиях³.

Наконец, некоторые специалисты указывают, что основания исключения преступности деяния носят комплексный характер: отказ государства от уголовного преследования (исключение противоправности) в данной ситуации связано с отсутствием общественной опасности деяния, а также с возможным отсутствием вины лица в его совершении⁴.

Существуют и другие концепции, рассматривающие указанные обстоятельства⁵.

Нетрадиционной является концепция состава обстоятельств, исключающих преступность деяния. По аналогии с составом преступления и его элементами предлагал в свое время разрешать вопрос о правомерности или неправомерности содеянного А. А. Пионтковский⁶. Состав оборонительных — действий

² См.: *Блинников В. А.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрлитинформ, 2014. — С. 8.

³ См. подр.: *Пархоменко С. А.* Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — С. 23.

⁴ См.: *Меркурьев В. В.* Состав необходимой обороны. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — С. 33.

⁵ См., напр.: *Ситникова А. И.* Доктринальные модели и законодательные конструкции института обстоятельств, исключающих преступность деяния: монография. — Орел, 2009. С. 83–93; *Михайлов В. И.* О концепции нормативного правового регулирования случаев причинения правомерного вреда // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. — М., 2013. — С. 156–160; *Михайлов В. И.* Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине: Монография / РИО Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала РПА. — СПб., 2011. — С. 14.

⁶ См.: *Пионтковский А. А.* Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. — М., 1970. — С. 255 и др.

видел при необходимой обороне В. И Ткаченко⁷. Объективную сторону обороны исследовал Э. Ф. Побегайло⁸, выделял объективную и субъективную сторону Т. Г. Шавгулидзе⁹.

Состав правомерного поступка, исключаяющего преступность деяния, разработал в своё время Ю. В. Баулин¹⁰, включив в него объект, субъект, объективную сторону и субъективный контроль совершаемого поступка.

Еще дальше пошел Г. С. Курбанов¹¹, предлагая использовать понятие «состав» к любому юридическому факту, в том числе к обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния. Он предпринял попытку рассмотреть указанное поведение в качестве состава обстоятельств, исключаяющих общественную опасность и противоправность деяния. Однако, по мнению А. И. Ситниковой, «автор совершил подмену понятий и вместо обозначенных им обстоятельств, исключаяющих ответственность, рассмотрел деяния, совершенные при наличии этих обстоятельств»¹².

А. И. Ситникова, в свою очередь, полагает «ввести в научный оборот понятие “состав правомерного (непреступного) причинения вреда” в качестве общей модели обстоятельств, исключаяющих преступность деяния. Под составом правомерного (непреступного) причинения вреда при наличии исключительных обстоятельств следует понимать совокупность признаков, исключаяющих преступность деяния в случаях причинения вреда правам и законным интересам. Элементами этого состава являются: основание совершаемых действий, объект защиты, цель причинения вреда, способ действий, пределы действий во времени и условия правомерности причинения вреда»¹³.

Несмотря на то, казалось бы положительные стороны вышеупомянутых концепций, на наш взгляд, все они грешат громоздкостью конструкций, а в конечном итоге сводятся к условиям правомерности причинения вреда. Разумеется, в научном плане «состав правомерного причинения вреда» чрезвычайно важен, однако применять его в реальной жизни вряд ли возможно. Тем более, что если уж усвоение элементов и признаков состава преступления будущими правоведами (полицейскими, следователями, адвокатами

⁷ См.: Ткаченко В. И. Необходимая оборона по уголовному праву. — М., 1979. — С. 30.

⁸ См.: Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. — М., 1987. — С. 5.

⁹ См.: Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. — Тбилиси, 1966. — С. 25–26.

¹⁰ См.: Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния. — Харьков, 1991. — С. 145 и др.

¹¹ См.: Курбанов Г. С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния. — Баку, 1991. — С. 35.

¹² Ситникова А. И. Указ соч. — С. 80–81.

¹³ Там же. — С. 84–85, 105–106.

и судьями) на юридических факультетах различных вузов страны оставляет желать лучшего, что говорить о составе правомерного поступка. То же относится и к формированию концептуальных схем составов отдельных видов обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Таким образом, являясь приверженцем традиционного подхода к правовой оценке правомерного причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, позволим усомниться в действенности вышеперечисленных предложений и сконцентрироваться на устоявшемся подходе анализа условий правомерности того или иного обстоятельства. Поскольку таковые обстоятельства имеют ярко выраженную общественно-полезную и социально-значимую окраску, на наш взгляд, следует скорректировать условия их правомерности максимально комфортно для адресата этих положений — не только и не столько правоохранителя (полицейского, следователя, судью), но и простого гражданина, далекого от догматических построений юридических конструкций, понятных лишь узкому специалисту.

Эти условия традиционного подразделяются на две группы: характеризующие опасность (угрозу, проблему, которую необходимо разрешить и т. п.); и характеризующие поведение лица по реализации своих прав (обязанностей), в результате которого причиняется вред охраняемым уголовным законом интересам.

Показателен пример американского законодателя, предлагающего казуистичный, но все же продемонстрировавший свою действенность, подход. Так, например, каждый гражданин США знает о неприкосновенности своего жилища и что для его защиты он может причинять любой(!) вред посягающему на эту неприкосновенность безо всяких специальных оговорок.

На наш взгляд, «излишняя» (кавычки наши — *А. Н.*) казуистичность в случаях причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, будет способствовать гражданской инициативе, так как будет обеспечена доступность для понимания сущности этих норм обычными гражданами, добросовестному исполнению должностных обязанностей правоохранителями, прежде всего, полицейскими, а также значительно облегчит вопросы правовой оценки содеянного со стороны следователя и суда.

В этой связи важно обеспечить единство понимания и применения как гражданами, так и государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, предварительное расследование, надзор, защиту и собственно правосудие, уголовного и иного законодательства об обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния.

Необходимо качественно повысить уровень правовой культуры населения, значительная часть которого видит в уголовном праве лишь карательное начало и не учитывает позитивного содержания норм, регулирующих условия правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния,

содержащихся в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также иных нормативных правовых актах.

Коренного изменения требует и правовое мышление работников правоохранительных органов, которое, в первую очередь, должно быть ориентировано на обеспечение прав человека, прежде всего потерпевших, в сфере уголовной юстиции.

Зачастую сотрудники полиции, а также обычные граждане, стремясь совершить общественно полезные действия, пресечь совершение преступлений и иных общественно опасных деяний, задержать лиц, их совершивших, осуществить акт крайней необходимости или достичь социально значимой общественно полезной цели, вынуждены сами совершать поступки, связанные с причинением вреда ценностям, охраняемым уголовным законом. Юридическая оценка подобных действий неочевидна, поскольку по своим внешним признакам они совпадают с соответствующими деяниями, предусмотренными уголовным законом. Не случайно Верховный суд РФ в обзоре кассационной практики отметил, что за последние три года число ошибок при разрешении уголовных дел неуклонно растет. Каждый второй приговор отменен в результате неправильного применения судьями положений уголовного закона¹⁴.

Важно и то, что нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, являются в большинстве своем дозволительными, то есть рассчитанными на их активную реализацию гражданами, однако без достаточных юридических знаний, дополнительных разъяснений малоприменимы как гражданами, так и сотрудниками правоохранительных органов. По справедливому мнению В. И. Михайлова, «Нормативное регулирования случаев причинения правомерного вреда интересам, охраняемым уголовным законом, осуществляется нормами различных отраслей законодательства из-за высокого уровня обобщения, присущего уголовно-правовым нормам...»¹⁵

Наряду с развитием уголовного законодательства продолжает формироваться соответствующая судебно-следственная практика также требующая анализа в целях выработки мер по оптимизации правоприменения (прежде всего — квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния). По данным того же В. И. Михайлова, при оценке действий военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и иных лиц, в результате чего

¹⁴ Российская газета. — 2018. — 21 авг.

¹⁵ Михайлов В. И. О концепции нормативного правового регулирования случаев причинения правомерного вреда // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) / Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. — М., 2013. — С. 157.

причинён вред интересам, охраняемым уголовным законом, судами, нормы главы 8 УК России практически не применяются¹⁶.

Кроме того, статистика не свидетельствует об однозначном улучшении ситуации в рассматриваемой сфере: например, в 2010 г. в России по статье 108 УК РФ зарегистрировано 473 преступления, выявлено лиц, совершивших преступление — 631, в 2014 г. уже 280 преступлений, а выявлено 426 лиц, их совершивших¹⁷, в 2015 — 308 преступлений, в 2016 — 292, в 2017 — 244. По статье 114 УК РФ в 2010 г. зарегистрировано 1067 преступлений, выявлено лиц, совершивших преступление — 1313, в 2014 г. соответственно 1094 преступления и 1296 лиц, совершивших преступление¹⁸, в 2015 — 1297 преступлений, в 2016 — 1272, в 2017 — 1143. Таким образом, на фоне значительного сокращения количества зарегистрированных убийств, предусмотренных ст. 108 УК РФ, количество преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, предусмотренных ст. 114 УК РФ, остается практически неизменным. На наш взгляд, представленная статистика не может в полной мере отражать действительное положение дел.

По справедливому мнению Г. С. Шкабина¹⁹, возможны три варианта развития правового регулирования правомерного причинения вреда: 1. Будет продолжаться размывание основ кодифицированного построения уголовного права. В законах иной отраслевой принадлежности будут появляться «свои» обстоятельства, исключающие преступность деяния. 2. Возможен симбиоз уголовно-правовых и специально-отраслевых видов правомерного причинения вреда. Например, в уголовном законодательстве будут закреплены лишь общие виды (отсутствующие сейчас), например, «исполнение закона» или «выполнение профессиональных функций» и т. п. В зависимости от субъекта и сферы их применения свою конкретизацию они получают в иных нормативных правовых актах. 3. Принцип системности права будет соблюден и все законодательные конструкции, предусматривающие возможность правомерного причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, получают своё отражение в Уголовном кодексе РФ, в соответствии с ч. 1 ст. 1 УК. Кроме того, в случае конкуренции с иными нормативными актами уголовно-правовые нормы имеют над ними приоритет (согласно ст. 2 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ). Законы, согласно ч. 3 ст. 2 Федерального

¹⁶ См. подр.: Михайлов В. И. Указ. соч.

¹⁷ См.: Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы // Российская криминологическая ассоциация / Под ред. проф. Долговой А. И. — М., 2015. — С. 333.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: монография. — М.: ИД «Юриспруденция», 2018. — С. 37–38.

закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»²⁰, должны применяться лишь «в части, не противоречащей Уголовному кодексу Российской Федерации». «Другие законы и иные нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации, подлежат приведению в соответствие с Уголовным кодексом Российской Федерации» (ч. 2 ст. 2 этого Закона)²¹.

Наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния, в иных, нежели Уголовный кодекс РФ, нормативных правовых актах, в том числе не имеющих статус закона, на наш взгляд, порождает несколько проблем. Во-первых, это снижение статуса самого уголовного законодательства, исключительной прерогативой которого выступает определение преступности и наказуемости деяний, а также их непротивности. Во-вторых, отражение в «отраслевом» или специальном законодательстве порождает коллизии между различными законами, что, в конечном счете, приводит к проблемам их правоприменения. В-третьих, наконец, подобная бланкетность и неудобна и нелогична. Чтобы признать поведение лица правомерным, необходимо обратиться не к единому нормативному правовому акту — Уголовному кодексу, а проверить его поведение на соответствие нормам, прямо не предусматривающим уголовную ответственность.

Являясь последовательными приверженцами соблюдения принципа системности в праве, тем более уголовном, представляющем собой карательное начало, мы обоснованно полагаем, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, могут выделиться в самостоятельную подотрасль, которая будет содержать в своей структуре все обстоятельства, исключающие преступность деяния, в том числе те, которые в настоящее время урегулированы иными нормативными правовыми актами. Актуальным выглядит и наше предложение об изменении нынешнего названия главы 8 УК на «Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния», с изъятием из нее чужеродных в этом отношении обстоятельств, указанных сейчас в ч. 1 ст. 40 и ст. 42 УК РФ²².

²⁰ Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2955. Изменения, внесенные Федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ, вступили в силу со дня официального опубликования // Парламентская газета. — 2003. — 11 дек.

²¹ См.: *Никуленко А. В.* Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2011. — С. 86.

²² См. подробнее: *Милюков С. Ф.* Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния. — СПб., 1998. — С. 6–9; *Милюков С. Ф., Никуленко А. В.* Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. — СПб.: Юридический центр, 2015. — С. 173. Интересно также предложение К. И. Попова о переименовании указанной главы в Обстоятельства правомерного причинения вреда. См. подр.: *Попов К. И.* Обстоятельства правомерного причинения вреда // Российский следователь. — 2010. — № 1. — С. 17–20.

Разработка концептуальных основ обстоятельств правомерного причинения вреда позволила выработать определение обстоятельств, исключающих преступность деяния²³, которое, на наш взгляд, в дальнейшем должно получить соответствующее закрепление в уголовном законодательстве.

Обстоятельства исключающие преступность деяния — это предусмотренные уголовным законом, объективные условия правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, совершаемые для защиты иных более значимых охраняемых уголовным законом интересов или достижения общественно полезных целей.

Кроме того, положения уголовного законодательства о правомерном причинении вреда при всех обстоятельствах, исключающих преступность деяния, должны в полной мере распространяться на специально уполномоченных должностных лиц (в т. ч., сотрудников полиции и других правоохранительных органов) без каких-либо изъятий и дополнительной уголовно-правовой или иной регламентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баулин Ю. В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. — Харьков, 1991.
2. *Блинников В. А.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 216 с.
3. *Меркурьев В. В.* Состав необходимой обороны. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
4. *Михайлов В. И.* О концепции нормативного правового регулирования случаев причинения правомерного вреда // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) / Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. — М., 2013. — С. 156–160.
5. *Михайлов В. И.* Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине / РИО Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала РТА. — СПб., 2011.
6. *Никуленко А. В.* Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2011.
7. *Пархоменко С. А.* Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
8. *Ситникова А. И.* Доктринальные модели и законодательные конструкции института обстоятельств, исключающих преступность деяния / ОрелГТУ. — Орел, 2009.
9. *Шкабин Г. С.* Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения. — М.: ИД «Юриспруденция», 2018.

²³ О необходимости такого понятия говорит и Шкабин Г. С. (Указ соч. — С. 39).

Ниязова С.С.¹
Niyazova S. S.

**НАУЧНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
«ИСТЯЗАНИЕ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
В АСПЕКТЕ ЕГО СВЯЗИ С ПОВЕДЕНИЕМ ПОТЕРПЕВШЕГО**

SCIENTIFIC AND THEORETICAL PROBLEMS OF DETERMINING THE CONCEPT
OF «TORTURE» IN CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
IN CONNECTION WITH THE VICTIM'S BEHAVIOR

Аннотация. В статье изложены основные научные и теоретические проблемы определения понятия «истязание» в уголовном законодательстве Республики Узбекистан, а также некоторые аспекты поведения потерпевшего от истязания.

Ключевые слова: квалификация преступлений, истязания, побои, потерпевший, причинение страданий.

Summary. In the article set out the main scientific and theoretical problems of conception of violence on the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan as well as the relevance of some aspects of victim behavior.

Keywords: qualification of crimes, torture, beatings, the victim, causing suffering.

Одно из самых больших благ, данных человеку — его здоровье. Забота о защите и обеспечении его неприкосновенности является одной из задач государства. Вместе с тем в качестве функции уголовного закона определены защита личности, его прав и свобод. В Уголовном кодексе Республики Узбекистан среди преступлений против здоровья, совершаемых против личности с применением насилия, особое значение имеет преступление в виде истязания.

В соответствии со ст. 110 УК Республики Узбекистан, систематическое нанесение побоев или иные действия, носящие характер истязания, влекут уголовную ответственность. При этом указано, что они не должны повлечь последствий, предусмотренных в ст. ст. 104, 105 УК.

В уголовном законодательстве истязание внесено в преступления против здоровья. Тем не менее некоторые ученые так не считают. Например, по мнению П. Б. Бакунова, если в результате побоев и другого физического насилия, человек ощущает боли, но не нарушена анатомическая целостность тела или

¹ НИЯЗОВА САЛОМАТ САПАРОВНА, доцент кафедры уголовное право и криминология Ташкентского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (Ташкент, Узбекистан); NIYAZOVA SALOMAT SAPAROVNA, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Tashkent State Law University, PhD in Law, Associate Professor (Tashkent, Uzbekistan).

физиологические функции каких-либо органов, нельзя говорить о телесных повреждениях. Кроме того, причинение телесных повреждений является уголовным преступлением с материальным составом, в связи с чем закон требует наступления определенных последствий².

Тем не менее теория уголовного права, как и судебно-следственная практика признает истязание в качестве причинения телесных повреждений. Согласно Постановления Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 27 июня 2007 года «О судебной практике по делам о причинении умышленного телесного повреждения», побои или иные действия, носящие характер истязания, должны наноситься систематически, т. е. не менее трех раз, при этом они должны быть охвачены единым умыслом и направлены на причинение потерпевшему физического либо психического страдания³.

Как видно, уголовное право и судебная практика понимают побои в качестве действия по истязанию. В данной норме понятия «истязание» и «побои» используется в качестве альтернативного действия. По нашему мнению, побои — это отдельное общественно-опасное деяние. Побои означают, нанесение виновным лицом неоднократных ударов без причинения телесных повреждений. «Истязание — это деяние, связанное с систематическим нанесением побоев или совершением иных действий, в том числе в виде щипания, сечения, причинения множественных, но небольших повреждений тупыми или остроколющими предметами, термического воздействия и иные аналогичные действия».

Ученые также подходят к понятию «истязания» различно, отмечая побои в качестве одного из его видов. В частности, М. Н. Рустамбаев отмечает, что «истязание — это длительное причинение боли, щипание, сечение, причинение множественных, но небольших повреждений тупыми или остроколющими предметами, термическое воздействие и иные аналогичные действия. Истязание причиняет потерпевшему тяжелые физические и нравственные, психические страдания, боль, мучения»⁴.

² Бакунов П. Б. Умышленное причинение тяжких телесных повреждений: Учебное пособие. — Ташкент, 2010. — С. 7.

³ Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 27 июня 2007 г., — № 6 «О судебной практике по делам о причинении умышленного телесного повреждения» / Верховный суд Республики Узбекистан. Пункт 25. Часть 1. — Ташкент, 2007.

⁴ Рустамбаев М. Х. Курс уголовного права Республики Узбекистан. Особенная часть. Том 3: Преступления против личности. Преступления против мира и безопасности: Учебник для ВУЗов. — Т.: Илмизё, 2011. — С. 109.

С. И. Ожегов понимает «истязание» как причинение очень сильной боли или страданий (физическую или психическую боль)⁵. Мы не согласны с этим и считаем, что следует отличать понятия «истязание», «пытки», «причинение страданий» и «побои». Поскольку эти понятия играют важную роль в квалификации схожих преступлений, их разграничении.

Р. Д. Шарапов также признает истязание как продолжаемое, как правило насильственное, непосредственное воздействие на кожу человека в виде сильной физической боли (щипание, порезы, ожоги, касание тела электрической энергией, острым предметом и другие)⁶. По мнению П. Константинова, истязание «выражается в физическом или психическом воздействии посредством нанесения постоянных побоев или совершении иных насильственных действий или бездействия, без причинения средней тяжести или тяжких телесных повреждений»⁷. Мы, анализируя вышеуказанные мнения, можем присоединиться к взглядам Р. Д. Шарапова, так как истязание выражается в продолжаемых насильственных действиях в виде непосредственного воздействия на кожу человека для причинения сильной физической боли.

С медицинской точки зрения, истязание — это особое психофизиологическое состояние организма, возникающее в результате физической боли от очень сильных или разрушительных воздействий, сопровождаемых органическими или функциональными расстройствами конкретного организма⁸. По мнению Г. Н. Борзенкова, с медицинской точки зрения, физическая боль — это не предупреждение организма о неприятностях, боль сама по себе обладает повреждающим живые организмы эффектом и в своеобразной форме наносит вред здоровью. Такие эффекты могут иметь различные формы, например, сужение кровеносных сосудов, повышение кровяного давления, изменение уровня свертываемости крови, изменение уровня сахара в крови и др. Избиение, побои и истязания являются способами причинения различной степени телесных повреждений вплоть до тяжких⁹.

Как считает Р. Д. Шарапов, появление болевых ощущений в организме сопровождается рядом объективных изменений. Эти изменения влияют на различные системы жизнедеятельности, например, дыхательной и сердечно-сосудистой системы. С медицинской точки зрения, значительные физические боли не могут фиксироваться, но могут повлечь ухудшение состояния

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М., 1997. — С. 256.

⁶ Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. — СПб.; М., 2001. — С. 120.

⁷ Константинов П. Уголовная ответственность за истязание // Законность. — 2000. — № 4. — С. 10.

⁸ Большая медицинская энциклопедия: 35 тт. Т. 3. — М., 1999. — С. 294

⁹ Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. — М.: Зерцало, 2006. — С. 104–105.

здорового организма. Таким образом, физическая боль наносит серьезный вред здоровью человека¹⁰. Ф. Тахиров, не соглашаясь с вышеуказанным мнением, отмечает: «нанесение побоев или иных насильственных действий, причиняющих физическую боль нельзя отнести к телесным повреждениям. Само по себе причинение боли приводит к субъективно неприятной ситуации, но если это не приводит к коллапсу здоровья, сопровождаемому некоторыми объективными признаками (болевого шок), это не может быть признано телесным повреждением»¹¹.

По мнению А. Д. Тартаковского, именно систематичность истязания порождает физические или психические страдания¹². Мы также считаем, что систематические истязания влекут физические или психические страдания. Под систематичностью истязания понимается непрерывность совершения актов насилия, когда действия виновного взаимосвязаны и направлены против конкретного потерпевшего, и выражаются не только в причинении физической боли, но и душевных страданий, унижении¹³. Именно поэтому, на наш взгляд, не может квалифицироваться как истязание любое совершение насильственных актов более трех раз. Так как истязание выражается в схожих действиях, охваченных единым умыслом, его следует включить в категорию продолжаемых преступлений, например нанесение тяжких телесных повреждений в результате истязания и т. д.

Согласно мнению И. П. Портнова, для эпизодов избиений, как вида истязания, характерен небольшой интервал времени¹⁴. В. Б. Боровиков указывает, что в некоторых случаях судебная практика признает наличие состава преступления истязания при нанесении побоев, когда между этими действиями существует большой временной промежуток, обосновывая это их взаимосвязанностью, и целостностью их внутренней структуры¹⁵. В этом случае, для признания наличия состава преступления в виде истязания следует доказать,

¹⁰ *Шарапов Р. Д.* Физическое насилие в уголовном праве. — СПб.: М., 2001. — С. 120.

¹¹ *Тахиров Ф.* Уголовно-правовые проблемы борьбы с тяжкими телесными повреждениями. Дис. ...канд. юрид. наук. — Ташкент, 1989. — С. 21.

¹² *Тартаковский А. Д.* Некоторые вопросы характеристики истязаний по советскому уголовному праву // Теория и практика борьбы с правонарушениями. Вып. 1. — Душанбе, 1980. — С. 35.

¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Скуратова Ю. И., Лебедева В. М. — М., 1997. — С. 268.

¹⁴ *Портнов И. П.* Истязание (криминологические и уголовно-правовые аспекты). Насильственные преступления: природа, расследование, предупреждение // Сб. научн. трудов ВНИИ МВД. — М., 1994. — С. 89.

¹⁵ *Боровиков В. Б.* и др. Уголовный закон в практике мирового судьи: научно-практическое пособие / Под общ. ред. А. В. Галаховой. — М., 2005. — С. 53.

что все эпизоды организуют определенную систему поведения, имеют внутреннее единство, охвачены прямым умыслом виновного и направлены на причинение потерпевшему физических и психологических страданий. Как указывал Н.И. Загородников, «однократный акт причинения легкого телесного повреждения, повлекший физические страдания, боль (например, при ожогах), как исключение может быть квалифицирован в качестве истязания»¹⁶. При избивании признак причинения «страданий» в отличие от однократного нанесения побоев, присущ, именно, истязанию. Мы считаем обоснованным мнение Н.И. Загородникова о возможности причинения физических и психических страданий в результате однократных действий при квалификации преступления в виде истязания.

Кроме того, наряду с истязанием используется понятие «причинение страданий», что также представляет некоторые проблемы. В частности, как дано в Узбекском толковом словаре, «под причинением страданий понимается причинение физической или психологической боли»¹⁷. «Под причинением страданий следует понимать унижительные действия в виде лишения человека пищи, воды или отопления в течение длительного времени, либо содержание человека в условиях, которые могут нанести вред здоровью человека и пр.»¹⁸. Причинение боли — это щипание, порезы, нанесение многочисленных, но небольших повреждений тупыми или острыми предметами, а также действия, связанные с причинением долговременной боли посредством термических факторов и других похожих средств воздействия»¹⁹.

На основании указанных понятий мы также предлагаем следующее понятие — **«Причинение страданий (боли) — щипание, порезы, нанесение многочисленных, но небольших повреждений тупыми или острыми предметами, а также действия, связанные с причинением физической боли посредством других средств воздействия в течении долгого времени»**. Целесообразно внести это понятие в качестве дополнения в Постановление Пленума Верховного

¹⁶ Загородников Н.И. Преступления против здоровья. — М., 1969. — С. 111.

¹⁷ Толковый словарь узбекского языка: В 5 тт. Т. 1 / Под ред А. Мадвалиев. — Ташкент: Изд-во «Национальная энциклопедия Узбекистан», 2008. — С. 50.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 27 июня 2007 г., — № 6 «О судебной практике по делам о причинении умышленного телесного повреждения» / Верховный суд Республики Узбекистан . — Ташкент, 2007. — С. 4.

¹⁹ Степень тяжести телесных повреждений. Правила судебно-медицинского освидетельствования / Приложение— № 12 к приказу— № 551 министра здравоохранения Республики Узбекистан от 21 октября 1992 года (согласован с Генеральной прокуратурой, Верховным судом, Министерством юстиции, внутренних дел, Службой национальной безопасности Республики Узбекистан).

Суда Республики Узбекистан от 27 июня 2007 года «О судебной практике по делам о причинении умышленного телесного повреждения».

Как видим, понятие «причинение страданий» выражает достаточно узкую концепцию и не охватывает понятие «истязание». Тем не менее, понятие «причинение страданий» и «истязание» очень близки. В этой связи между понятиями «причинение страданий» и «истязание» возникает конкуренция. Для того, чтобы узнать, какое из этих понятий может включать в себя другое понятие, следует вновь обратиться к Узбекскому толковому словарю. В частности, как следует из Узбекского толкового словаря, «пытки — это причинение физических или психических страданий, причинение страданий, содержание в опасной для здоровья ситуации, причинение пыток»²⁰.

Кроме того, возникает вопрос, относится ли понятие «систематически», указанное в статье 110 УК, к «унижению» либо также к «причинению страданию». Так Т. К. Мирзаев и Р. Кобулов пишут, что «необходимым условием для ответственности за причинение страданий и унижения — это их систематичность»²¹.

Но мы не можем присоединиться к мнению данных авторов. Во-первых, для того, чтобы использовать слово «систематически» по отношению к «причинению страданий» необходимо после слова «унижение» использовать слово «или». Таким образом, законодатель относит признак непрерывности только по отношению к унижению и это верно. Причина в том, что если унижение не носит постоянный характер, его общественная опасность не высока, было бы неправильно оценивать это как преступление. Но для признания причинения страданий в качестве преступления, характер систематичности либо однократности не имеет значения. Это не трудно понять из данных выше определений обоим понятиям. Мы предлагаем заменить слово «унижение» словосочетанием «унижение чести и достоинства». Как отмечают К. Р. Абдурасулова и Ж. И. Сафаров, различие между понятиями «пытки» и «бесчеловечным или унижающим достоинство человека обращением» выражается в интенсивности причинения боли и страданий. Пытки — это сравнительно тяжкий вид жестокого обращения... Мы считаем, что даже однократное действие в зависимости от его тяжести и жестокости можно признать пыткой»²². Кроме того, под «унижением понимается тяжкое оскорбление чести и достоинства лица, его обесчещение»²³. По мнению Н. С. Салаева, это понятие имеет

²⁰ Толковый словарь узбекского языка: В 5 тт. Т.1. — С. 286.

²¹ — Мирзаев Т.К., Кобулов Р. Преступления против порядка прохождения военной службы: Учебное пособие. — Ташкент: Talqin, 2005. — С. 24.

²² Абдурасулова К.Р. Сафаров Ж.И. Пытки: национальные и международно-правовые аспекты. — Ташкент: ТГЮИ, 2008. — С. 21.

²³ Толковый словарь узбекского языка: В 5 тт. Т.1. — С. 437.

весьма общий характер, тогда как текст нормативно-правового документа должен быть изложен кратким, ясным и простым языком»²⁴.

Также, глава 4 Правил судебно-медицинского определения телесных повреждений, приложения № 2 к Приказу Министерства здравоохранения Республики Узбекистан № 251 от 1992 года посвящена рассмотрению этого вопроса, при этом понятия побоев, истязаний и мучений между собой довольно сильно различаются. Глава 4 Правил посвящена вопросу побоев, истязаний и мучений, согласно которым «побои не составляют особый вид телесных повреждений и характеризуется нанесением неоднократных ударов».

В отличие от побоев, как указано в Юридической энциклопедии Узбекистана о понятии истязаний, «истязание — это систематические, повторяющиеся или постоянные побои лица, нанесение телесных повреждений и причинение физических и психических страданий посредством физических действий».

На основе анализа указанных выше понятий, на наш взгляд, в пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 27 июня 2007 года «О судебной практике по делам о причинении умышленного телесного повреждения» следует внести следующее дополнение: **«Истязание осуществляется путем причинения физических страданий либо систематического (три или более раз) причинения мучительных болей, которые не должны повлечь последствий, предусмотренных в статьях 104, 105 Уголовного кодекса.**

Под причинением страданий понимаются избиение, щипание, порезы, царапание, нанесение многочисленных, но небольших повреждений тупыми или острыми предметами, а также действия, связанные с причинением физической боли посредством воздействия термических, химических и других веществ».

В данное Постановление Пленума Верховного суда следует внести также понятие **«Побои — это одновременное нанесение многочисленных ударов потерпевшему».**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алимов Л.Г.* Борьба с умышленными средней тяжести телесными повреждениями. дис. ... канд. юрид. наук. — Ташкент, 2008.
2. *Антоян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. — М., 2004.
3. *Бобушев С.Р.* Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по уголовному законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2009.

²⁴ *Салаев Н.С.* Нарушения уставных отношений между военнослужащими, на находящимися в подчинении друг другу (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Монография. — Ташкент: ТГЮИ, 2012. — С. 46.

4. *Борзенков Г.Н.* Квалификация преступлений против жизни и здоровья. — М.: Зерцало-М, 2006.
5. *Бородин С.В.* Преступления против жизни. — М.: Юристъ, 1999.
6. *Вениаминов В.Г.* Уголовная ответственность за побои и истязания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2005.
7. *Галюкова М.И.* Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2005.
8. *Кабанов П.Н.* Уголовная ответственность за побои и истязания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
9. *Каримова Г.Ю.* Преступления против здоровья, совершаемые несовершеннолетними из хулиганских побуждений: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010.
10. *Константинов П.* Уголовная ответственность за истязание // Законность. — 2000. — № 4.
11. *Пестерева Ю.С.* Уголовно правовая характеристика истязания. — М.; Омск, 2008.

Панченко П. Н.¹
Panchenko P. N.

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
 ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ НА ОСНОВЕ УСИЛЕНИЯ ЕЕ
 ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА**

**CRIMINAL POLICY AS A FACTOR OF EFFECTIVE COUNTERACTION TO CRIMES
 UNDERTAKEN ON THE BASIS OF ENHANCING ITS INFORMATION RESOURCE**

Аннотация. Анализируются резервы информационного ресурса уголовной политики и на этой основе намечаются направления повышения эффективности противодействия преступлениям. Делается акцент на необходимости существенного пополнения данного ресурса в системе уголовно-правовых и сопутствующих им наук.

Ключевые слова: резервы, информационный ресурс, уголовная политика, направления, повышение эффективности, противодействие преступлениям, система, науки.

Summary. Analyses of information resource reserves of criminal policy and, on this basis, outlines the directions of increase of efficiency of countering crimes. Emphasis on the need for substantial replenishment of this resource in the system of criminal justice and related sciences

Keywords: reserves, information resource, criminal policy, direction, improving efficiency, counteract crimes system science.

— *Чем объяснить, что у нас и сейчас еще мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет?*

— *Богата русская земля талантами, но почему-то часто проявляются они не во благо, а во вред.*

— *К сожалению, положительные проявления талантов у нас затруднены. Кругом... — шлабгаумы...*

— *Да, но даже малые дети у Максима Галкина на первом канале ТВ в передаче «Лучше всех!» блещут способностями так ярко, что... просто диву даешься.*

— *Да, но это, во-первых, дети, а во-вторых, кто сказал, что применять они будут свои способности именно во благо. Жизнь подчас так их... «причесывает», что... не до добрых намерений.*

¹ ПАНЧЕНКО ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ, профессор кафедры уголовного права Приволжского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор (Н. Новгород); PANCHENKO PAVEL NIKOLAEVICH, Professor of the Department of Criminal Law of the Privolzhsky Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (N. Novgorod).

— *Надо сделать так, чтобы дети, подрастая, дорожили своими способностями. И, подрастая, учились достойно ими распоряжаться.*

— *А как этого добиться?*

— *Читай эту статью.*

— *Слушаюсь, гражданин начальник.*

— *Почему так официально?..*

— *Так, ты же уже всех нас записал в преступники.*

— *Откуда у тебя эта глупость? Ведь ты же еще не читал статью.*

— *Зато тебя уже прочитал... — притом, как говорится, и вдоль и поперек.*

— *И что же ты во мне «вычитал»?*

— *А то, что нет доверия у нас друг к другу.*

— *Так в народе же говорят: доверяй, но проверяй...*

— *Вот и допроверялись... До того, что каждый в каждом видит уже себя, причем далеко не в лучшем виде. Так сказать, в меру собственной испорченности.*

— *Будем, исправляться — раз у нас тут... какой-то ГУЛАГ-2. Господи, прости... Вырвалось...*

— *Не оскорбляй страну, а то... ноги выдерну... И спички вставлю — чтобы не бегал по женщинам.*

— *А причем тут женщины?*

— *А притом, что у тебя даже на лбу написано: «Бабник!»*

— *Физиономист ты какой-то. Просто бандитизм вокруг... Ты еще скажи: «Моргалы выколю»; «Пасть порву»; «Голову откручу»; «Ребра переломаю»...*

— *Не перегибай... Мириться давай... И всё будет в порядке.*

— *Это — другой разговор.*

(Из диалогов о праве).

Если у кого-то где-то что-то не получается и все валится из рук, рушатся последние добрые намерения и вокруг возникает лес проблем, то во Франции по такому поводу обычно говорят: «Cherche la femme» (в русской транслитерации: «Шершэ ля фам»), что означает: «Ищите женщину».

У нас же в подобных случаях сегодня слышатся разговоры о недостатках информации, информатизации, цифровизации, коммуникации и второй волны индустриализации... Но вот что касается уголовной политики, то здесь действительно многое решается у нас наобум, методом проб и ошибок, а чаще — просто «тыка», то есть... как получится. А получается... как всегда, с чем, собственно, и связано наше нынешнее отставание в развитии, в том числе от Малайзии — даже по темпам экономического развития.

И если говорить о противодействии преступности, которая является *существенным* тормозом нашего движения вперед, то ее информационное обеспечение на самом деле сильно хромает. И если здесь всё оставить так, как есть, то переходный период уже не только еще больше затянется, но и сменит вектор направленности на 180 градусов, и мы совсем быстро придем туда же, откуда и пришли, то есть — снова к тому разбитому корыту: талоны, березовый сок в трехлитровых банках на полках магазинов, убогий ширпотреб и вечная грызня между собой, а заодно и со всем миром.

Таким образом, более широкое использование в уголовной политике информации, в том числе со статусом «знания» — это уже... не какая-нибудь там «красная тряпка», которой можно пугать Запад, не дань моде, не погоня за пустозвонством и тарабарщиной, а суровая правда жизни, настоятельная необходимость, жестокая особенность нынешней нашей судьбы.

Вот краткий перечень соответствующих аргументов такого вывода.

Первое. Проблема преступности остается всё еще довольно острой — особенно, если говорить о хищениях, в том числе о кражах, присвоениях, растратах, мошенничествах, незаконном предпринимательстве и других преступлениях, совершаемых в сфере экономической деятельности. Кстати, вот эти экономические преступления тоже, как и хищения, сопряжены с обманом и корыстью — сладкой, так сказать, «парочкой» нашей нынешней преступности.

Второе. Сама наша нынешняя преступность всё больше обзаводится тем же информационным ресурсом, которого так не хватает нашей уголовной политике. В связи с этим совершаемые сегодня преступления становятся не только более опасными, но и все более изощренными, ухищренными, коварными и неуязвимыми, в том числе с точки зрения перспектив их раскрытия, задержания виновных, привлечения их к ответственности, наказания, а также исправления виновных и предупреждения новых преступлений.

Третье. На почве информационного ресурса отдельные виды преступлений приобрели в последние два-три десятилетия довольно стойкий, так сказать, «накатанный» и к тому же труднопреодолимый характер. Достаточно в данной связи сказать, что по городам и весям Руси Великой пошли, можно сказать, нескончаемым потоком какие-то «ведуны», «вещуны», «гадатели» и «предсказатели». И, конечно же, прочие «маги», «волшебники», «ясновидящие» и «чудотворцы». Сотворен самый настоящий мошеннический «шабаш» в отношении наших граждан — особенно представителей старшего поколения и людей страдающих по тем или иным причинам различными дефектами сознания, внимания и сосредоточенности.

Четвертое. Наряду с этим практически повсеместно орудуют у нас и мошенники значительно большего масштаба, в том числе промышленяющие завладением не только чужими деньгами и драгоценностями, но и вкладками

в банках, средствами на банковских картах, машинами, квартирами, земельными участками, бизнесом.

Продолжает еще жить и черное «дело Мавроди». Хотя самого его уже нет, но дело его, похоже, живет. Благодарные его соратники и ученики не теряют случая, чтобы еще побряцать талантом учителя — если уместно здесь использовать слово «талант».

Пятое. В массовый мошеннический «шмон» XXI века всё больше вовлекаются аферисты не только «с улицы», но и с офисов, а также с торговых организаций и структур, предоставляющих услуги. В результате, например, ремонт компьютера обходится его владельцу порой дороже, чем стоимость самого компьютера.

Поражают растущих буквально не по дням, а по часам цены на товары первой необходимости и тарифы на самые нужные всем услуги. В том числе это касается и цен на бензин, а также тарифов на услуги ЖКХ. Например, в пересчете на нынешний курс рубля тарифы на услуги ЖКХ стали сегодня во много раз дороже, чем они были до приватизации жилья.

Шестое. Без устали «трясут» граждан и всякие официальные службы, «загибая» иногда до несуразных величин, например кадастровую стоимость налогооблагаемой недвижимости. Это касается того же жилья, квартир, индивидуальных домов, гаражей, земельных участков. Причем «отмазаться», грубо говоря, от подобной напасти» рядовому гражданину практически невозможно. Да и не рядовому человеку тоже, особенно если он как-то не связан с оценщиками или другими компетентными специалистами.

Седьмое. Своеобразным дополнительным налогом на население стала коррупция, которая вошла буквально в плоть и кровь наших чиновников, и тем самым изнутри подрывает сами основы существования нашей страны.

Если СССР погубила беспредельная жажда власти наших элит, то сегодня Российскую Федерацию губят буквально на корню их элементарная жадность к деньгам, которые им не принадлежат.

Дело доходит до того, что коррупция стала практически неотъемлемым условием существования наших элит, в связи с чем они не только легко и просто поддаются подкупу, но и без всякого стеснения запускают свои, образно говоря, «волосатые лапы» в казну, считая ее едва ли не своей собственностью.

Они же правдами и неправдами лезут в чужой бизнес, а это взаимобразно открывает и предпринимателям дорогу во власть.

Уже сегодня коррупция настолько распространилась, что стала тормозом развития. Чиновники ведут себя как какие-то временщики — дорвался до кормушки, нахапал, а когда его схватили за руку, то пишет заявление об освобождении от должности по собственному желанию — чтобы не загреметь... «под статью».

Именно коррупции мы обязаны тем, что наша экономика продолжает гнать брак, в том числе довольно часто намеренно. Даже в космической отрасли нашли «специалисты», которые позволяют себе сверлить дыру в корпусе космического корабля.

11 октября 2018 года был направлен на орбиту «Союз МС-10» с нашим космонавтом Алексеем Овчининим и астронавтом NASA Ником Хейгом (США), перед которыми ставилась, в частности, задача обследовать еще и извне оказавшийся просверленным изнутри «Союз МС-09» — на предмет обнаружения возможных других повреждений корпуса. Однако в результате аварии, случившейся буквально на третьей минуте после старта, экипаж вынужден был покинуть борт. К счастью, космонавт и астронавт не пострадали, но эта новая неудача заставляет о многом задуматься.

Беспокоит, наряду с другими тревожными моментами, еще и то, что примерно треть экономики России все еще находится в тени — особенно если говорить о малом и среднем бизнесе, который в тени, пожалуй, на две трети. Продукт, производимый в теневой экономике, большей частью вообще никуда не годится, но наша терпимость к ней приобретает все более стойкий характер...

Понятно, что и здесь не обходится без коррупции. Прежде всего, она повинна в том, что страна сегодня вообще никуда не идет, а остановилась в своем развитии и, похоже, вообще не понимает того, что ей в сложившейся ситуации надо делать.

Буксует у нас, к сожалению, не только экономика, но в таком же заторможенном состоянии также культура, образование, наука, техника, технологии.

И все это это требует принятия срочных мер противодействия обозначившимся губительным явлениям, в том числе, разумеется, явлениям криминального характера.

Но что надо сделать на этом направлении в первоочередном порядке? Попробуем ответить на поставленный вопрос по пунктам.

Пункт 1. Наладить статистику преступности. Давно уже сказано, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой» (К. Маркс). Вот почему ядром информационного ресурса уголовной политики была и остается статистика преступности. Без этого преступность в нашей стране будет продолжать играть свою роковую роль — роль тормоза, стопора, блокиратора развития.

Но для того, чтобы статистика преступности работала на уголовную политику, а следовательно, и на развитие, она должна быть достаточно полной, точной, объективной, систематизированной и, конечно же, основательно осмысленной, то есть хорошо проанализированной и приведшей к убедительным выводам относительно того, «Кто виноват?» и «Что делать?»

А для этого ее надо вывести ее «за скобки» ведомств, осуществляющих борьбу с преступностью. Почему? Да потому, что если ограничиваться только этим, то мы никогда не будем иметь той статистики, которая нужна обществу. Если бы результаты труда человека на предприятии оценивал только сам же этот человек, то предприятие быстро прекратило бы свое существование.

Поэтому назрела пора учредить над правоохранительными органами единый центр по координации всего дела борьбы с преступностью. В ведении его же должна быть и статистика преступности. А уже потом она должна перемещаться в Федеральную службу государственной статистики (Росстат). Вместе с тем, наряду с государственной статистикой преступности, в стране должна проводиться работа по сбору, обобщению, систематизации и анализу данных о преступности независимой общественной службой статистического учета и контроля (НОССУиК).

Статистика преступности должна включать и статистику лиц, совершивших преступления, а также статистику причин преступлений и способствующих совершению преступлений условий. Здесь же должны размещаться общие сведения о ситуации в социальной сфере, здравоохранении, культуре, образовании, науке — на предмет возможного обнаружения в них тех или иных явлений криминогенного свойства.

Необходимо публиковать ежегодные сборники статистики преступности, где содержались бы все необходимые сведения не только в целом по стране, но и по субъектам Федерации, а также крупным городам.

Нужны здесь также сведения о преступлениях, лицах, их совершающих, причинах преступлений и способствующих преступлениям условий за предшествующие десять лет.

Полезны тут и прогнозы состояния преступности на предстоящие годы — на год, три года и пять лет.

Пункт 2. Поднять уровень науки о преступности и борьбе с ней. С наведением порядка в статистике преступности открывается перспектива и более широкого использования возможностей математического анализа при изучении тенденций развития данного общественно опасного явления, а также законодательства, составляющего в единстве ядро правовой основы борьбы с преступностью.

Сегодня никто не знает, сколько изменений внесено в тот или иной закон. А между тем, если таких изменений становится настолько много, что они придают уже новое качество соответствующему закону, то надо менять весь закон в целом. А не продолжать его «штопать», «латать», «перелицовывать» на новый лад.

Конечно, может случиться и так, что в закон по тем или иным причинам вообще не внесено ни единого изменения, но он все же пришел в такое ветхое

состояние, что его тоже надо менять, причем, может быть, даже в срочном порядке.

Это может быть сравнимо с тем, что, допустим, человек настолько «заносил» майку, что в результате она стала просто сплошь и рядом дырявой. Не менять ее только потому, что на ней нет ни единой заплатки, не разумно.

Пункт 3. Уделять должное внимание изучению социальной сферы. К сожалению, научное сообщество все еще продолжает закрывать глаза на обостряющиеся противоречия в нашей социальной сфере. А между тем именно здесь генерируется основная масса совершаемых у нас преступлений. Но это лишь, образно говоря, *конечный продукт* криминогенных процессов. Главные их истоки — в проблемах экономики и культуры.

Для эффективного вытесняющего воздействия на преступления надо видеть всю пирамиду криминогенных явлений. Иначе ее не только невозможно будет обрушить, но и даже трудно будет понять, как и с какой стороны к ней вообще можно подойти — с соответствующим криминологическим инструментарием. Тем более, что пока этот инструментарий настолько несовершенный, что даже если бы нам с ним и удалось бы как-то подобраться к данной пирамиде, то сделать с ней что-либо оздоравливающее не удалось бы. И она продолжала бы стоять как скала, источая из себя свои черные струи, дымы и пепел преступностишений.

В настоящее время проблемы преступности и противодействия ей изучаются уголовно-правовыми и сопутствующими им науками. Задача же заключается в том, чтобы буквально все науки занимались исследованием этой проблематики. И не только науки юридические или иные гуманитарные, но именно все.

Даже, казалась бы, такая далекая от сугубо земных дел астрономия может тоже что-то дать антикриминальному научному потенциалу, в том числе в смысле информационно-аналитического содержания — например, в части построения версий относительно обитаемости внеземных пространств и вероятности присутствия в глубинах разумного Космоса «бацилл» криминогенности.

Не лишне заметить, что, например, отечественная фантастика изображает наших «братьев по разуму» обычно как верх совершенства всякой интеллектуальной сущности, в том числе в смысле душевных качеств и чистоты помыслов. Фантастика же западных писателей наделяет «небожителей», как правило, самыми самыми отвратительными чертами (коварство, злоба, ненависть, месть...), в силу чего они постоянно между собой грызутся, воют, учиняют в отношении друг друга какие-то злобные козни. А если и сплачиваются, то только для того, чтобы вместе обрушить на планету Земля всю свою

зловую психическую энергию, изуверскую физическую силу, беспредельную техническую мощь.

Особо важная роль в изучении факторов преступлений должна была бы, по логике вещей, принадлежать криминологии, несмотря на то, что в последние два-три десятилетия данная дисциплина настолько, грубо говоря, «просела», что даже слышались заявления о ее «паразитическом» состоянии как «науки ни о чем», а также, по этой причине о «нецелесообразности» преподавания в юридических вузах. Незачем, мол, морочить голову студентам всяким там «пустозвонством».

И хорошо, что сейчас такая позиция вроде бы постепенно уступает место надеждам на «выздоровление» этой отрасли знаний. Но важно, чтобы криминология поднялась все же до того уровня, при котором правоохранительные органы отчитывались бы перед правительством и президентом не только о том, сколько у нас пресечено и раскрыто преступлений, но и о том, сколько их предупреждено. Пока сведения такого рода направляются «наверх» только в отношении преступлений террористической направленности.

Лишь на основе *всего* комплекса наук можно осуществлять действительно высокоэффективную работу по предупреждению преступлений, в том числе с учетом установления уровня скрытых преступлений различных видов. Нужны и методы, которые позволяли бы устанавливать соотношение числа лиц, находящихся в связи с совершением преступлений в закрытых учреждениях, и числа лиц, которые, несмотря на совершение ими преступлений, остаются безнаказанными, а следовательно, продолжают находиться в открытом пространстве и с довольно высокой степенью вероятности совершают новые преступления.

Важно существенно пополнить противопреступный информационно-аналитический ресурс (ПИАР) наук, сопутствующих наукам прямой уголовно-правовой направленности. Предлагается заносить в него в сжатом виде все наиболее значимые научные достижения, способные тем или иным образом положительно повлиять на расширение и углубление антикриминального опыта — как и всего противопреступного информационно-аналитического ресурса в целом.

А теперь попытаемся ответить на вопрос о том, в чем же, собственно, состоит отличие просто информации от информации со статусом знаний. Если первая — это, например, сведения о событиях криминального характера, а также о нормах законов, на основе которых должно осуществляться противодействие преступлениям, то вторая — это уже сведения о применении закона в отношении предусмотренных им преступлений.

Казалось бы, все здесь понятно, но закон — это не только его буква, но еще и его дух, а это, в свою очередь — прежде всего, цели, принципы и результаты

действия закона. Говоря другими словами, если преступление — это сфера *сущего*, буква закона — сфера *должного*, дух закона — сфера *возможного*, то применение закона — сфера *обязательного*.

И здесь открывается перспектива преобразования знаний в ценности. Хотя сами знания — это тоже ценности, но одними ими, как говорится, сыт не будешь. Нужна еще и, так сказать, сама вполне осязаемая материя ценностей.

Подчас у человека возникает соблазн получить вместо ценности какую-то антиценность — может быть, по причине какой-либо ее «экзотической» привлекательности. Например, в виде информационного средства манипулированием сознаний. Если речь идет, например, о той широкомасштабной русофобии, которая вот уже примерно в течение пяти лет широко развернута на нашем телевидении, в том числе не только со стороны наиболее одиозных представителей *нашей* «пятой колонны», но и со стороны русофобов из других стран.

Правда, бросается в глаза то, что зарубежные злобные голоса по нашему адресу раздаются только со стороны представителей США, Великобритании, Польши и Украины. Совершенно очевидно, что в случае с представителями США сказывается неистовое рвение этой страны к мировому лидерству, а в случае с представителями Великобритании — традиционная ее поддержка американцев. Понятна и русофобская логика представителями Украины и Польши. Представители же Украины мотивированы устремленностью данного государства к вступлению в Евросоюз и НАТО — как и поддержкой США и Великобритании в их собственных устремлениях. С другой стороны, поляки неистово натравливают Украину на конфронтацию с Россией с целью последующего завладения западными украинскими территориями.

Всякие манипуляции сознанием в данной связи следует не только разоблачать, как это, в общем-то, сейчас и делается, но и время от времени пресекать, что тоже делается, хотя как-то вяло, да и... весьма редко.

И тем более недопустимо гипнотическое воздействие на людей — особенно если оно проводится вне стен медицинского учреждения и без согласия «подопытного» лица. В правильность этого посыла наглядно убеждает нас известный шоумен Максим Галкин вместе с привлеченным к проведению представления гипнотизером на первом канале ТВ в передаче «Звезды под гипнозом».

Пункт. 4. Обеспечить реальное пользование предоставленными гражданам Конституцией правами и свободами. К сожалению, научное сообщество пока еще, к сожалению, не обладает достаточными сведениями о том, как россияне реально пользуются предоставленными им Конституцией правами и свободами, а без них трудно судить о причинах совершаемых преступлениях.

Данное обстоятельство заставляет взять под контроль все установленные Конституцией права и свободы, и внимательно посмотреть на то, какое развитие получают они в отраслевом, межотраслевом и ином нашем законодательстве, и какие механизмы предусмотрены этим законодательством для реализации данных конституционных прав и свобод.

Пункт 5. Занести в информационно-аналитические ресурсы сведения о «почерке» совершаемых преступлений. Сведения об этом «почерке» позволяли бы не только раскрывать совершаемые преступления (буквально по горячим следам), но и предупреждать совершение новых преступлений, а также осуществлять их профилактику.

Пункт 6. Поставить под видеонаблюдение места, где наиболее часто совершаются преступления. Конечно же, достоянием информационно-аналитической базы должны стать сведения и о таких местах. Здесь обязательно должны быть установлены средства видеонаблюдения, а при необходимости — еще и организовано патрулирование по охране и поддержанию правопорядка.

Пункт 7. Учитывать закономерности развития общества — как при принятии законов, так и при их применении. Без знания этих закономерностей закон не только не может быть принят, но в него не могут вноситься и изменения. А поэтому сведения о таких закономерностях должны составлять едва ли не главное содержание противопреступных информационно-аналитических ресурсов.

* * *

Понятно, что основной инструмент уголовной политики — это уголовное право. Но уголовное право — это не столько право государства наказывать человека за преступление, сколько право человека жить в обществе без преступлений. Поэтому надо сделать так, чтобы человека ничто, нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах не провоцировало совершить преступление. И тогда он будет не просто человеком, а, как ему и положено быть — Человеком.

Перекислов В. Е.¹
Perekislov V. E.

**СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНА
В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

**RATIO OF THE CRIMINAL AND CIVIL LAW IN THE SPHERE
OF INTELLECTUAL PROPERTY: PROBLEM QUESTIONS OF LAW APPLICATION**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности. Показано несовершенство уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, обусловленное наличием общих проблем государственного регулирования данной сферы. Обосновывается вывод о том, что с позиции законодателя понятие «государственное регулирование в сфере интеллектуальной собственности» базируется на подзаконном нормотворчестве исполнительной власти.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, уголовный закон, гражданский закон, государственное регулирование, правовое регулирование, нормативный правовой акт, подзаконное нормотворчество, уголовная ответственность.

Summary. The article deals with the problematic issues of regulation of relations in the field of intellectual property. The article shows the imperfection of the criminal law protection of intellectual property, due to the presence of common problems of state regulation of this sphere. The conclusion that from the position of the legislator the concept of «state regulation in the field of intellectual property» is based on the subordinate rule-making by the Executive power.

Keywords: intellectual property, criminal law, civil law, state regulation, legal regulation, normative legal act, subordinate rulemaking, criminal liability.

Отношения, связанные с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, являются объектом уголовно-правовой охраны. В действующем УК РФ содержатся соответствующие статьи, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение авторских и смежных прав (ст. 146), нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147), незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180).

Анализ российской судебной практики показывает, что суды при разрешении соответствующих уголовных дел руководствуются Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения

¹ ПЕРЕКИСЛОВ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ, адвокат, адвокатская Палата Санкт-Петербурга, кандидат технических наук, доцент (Санкт-Петербург); PEREKISLOV VLADIMIR EVGENYEVICH, Attorney at Law, Chamber of St. Petersburg, PhD in Technical Sciences, Associate Professor (St. Petersburg).

судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» (далее — Постановление).

Так, разрешая вопрос о наличии в действиях лица составов преступлений, предусмотренных ст. 146, 147 и 180 УК РФ, «суды должны учитывать положения гражданского законодательства о том, что использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, являющихся объектом исключительных прав (интеллектуальной собственностью), может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя» (абз. 4 п. 4 Постановления).

Отметим, что данное Постановление было принято до вступления в силу части четвёртой ГК РФ, являющейся в настоящее время основным российским источником права интеллектуальной собственности; кроме того, в указанные статьи УК РФ с момента принятия Постановления неоднократно вносились изменения.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что применение уголовного закона в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности основано на базовых положениях гражданского закона, регулирующего соответствующие правоотношения.

Понятие «интеллектуальная собственность», как это следует из содержания ст. 1225 ГК РФ, включает в свой состав исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД) и приравненных к ним средств индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий (далее — СИ). В настоящее время к охраняемым РИД и СИ (интеллектуальной собственности) относятся 16 (шестнадцать) конкретных объектов, сгруппированных по 4 (четырёх) правовым институтам: 1) авторские права и смежные права (произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных, исполнения, фонограммы, сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач); 2) патентное право (изобретения, полезные модели, промышленные образцы); 3) институт правовой охраны нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности (селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау); 4) институт правовой охраны средств индивидуализации (фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения).

Соотнеся содержание понятия «интеллектуальная собственность» с диспозициями статей 146, 147 и 180 УК РФ, нетрудно заметить, что из уголовно-правовой охраны исключены топологии интегральных микросхем и фирменные наименования.

Уголовно-правовая охрана секретов производства (ноу-хау) возможна в рамках ст. 180 УК РФ исключительно при условии, что в отношении них был введен режим коммерческой тайны.

Анализируя терминологически-понятийный аппарат, использованный разработчиками ст. 146, 147 и 180 УК РФ, следует заметить, что он не в полной мере соответствует части четвёртой ГК РФ. Так, термин «изобретательские права» является устаревшим. Он использовался в советский период, когда основной формы охраны изобретений были не патенты, а авторские свидетельства. В настоящее время данный термин отсутствует в части четвёртой ГК РФ.

Из содержания диспозиций ст. 146, 147 и 180 УК РФ следует, что уголовно-правовая охрана в сфере интеллектуальной собственности направлена в первую очередь на имущественные отношения, поскольку охраняется именно исключительное право, и в меньшей степени — личные неимущественные или иные интеллектуальные права. Анализ судебных актов (приговоров и решений судов), показывает, что в данных делах потерпевшими, как правило, являются юридические лица (правообладатели), а не физические лица (граждане). Поэтому, на наш взгляд, статьи 146 и 147 УК РФ должны быть исключены из главы 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» и помещены в отдельную главу «Преступления против интеллектуальных прав (прав на интеллектуальную собственность)» раздела VIII «Преступления в сфере экономики».

Несовершенство уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности обусловлено, на наш взгляд, в том числе наличием общих проблем гражданско-правового регулирования соответствующих отношений. Данный вывод подтверждают результаты правового анализа содержания статьи 1246 ГК РФ («Государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности»). Первоначально эта статья содержала четыре пункта; с 01.10.2014 она состоит из шести пунктов и действует в новой редакции. Изменения вносились дважды: они коснулись пункта 2 (в отношении издания нормативных правовых актов, далее — НПА), добавлены также новые пункты 5 и 6, предусматривающие отдельные полномочия Правительства РФ в частных случаях регулирования.

Обратим внимание, что законодатель применительно к интеллектуальной собственности ввёл новый термин для гражданского права («государственное регулирование»), который не использовался ранее (в первой, второй и третьей частях ГК РФ). Что же понимает законодатель под государственным регулированием отношений в сфере интеллектуальной собственности?

Анализ содержания статьи 1246 ГК РФ показывает, что речь идёт об осуществлении следующих двух государственных функций (в п. 4 термин

«функции» прямо использован законодателем): 1) издание подзаконных нормативных правовых актов; 2) осуществление юридически значимых действий, связанных с правовой охраной РИД и СИ, в том числе действий по государственной регистрации отдельных РИД и СИ, приёму и экспертизе заявок, выдаче патентов и свидетельств и др.

При этом собственно государственная регистрация и осуществление иных юридически значимых действий в отношении РИД и СИ, порождающих юридические последствия, основывается на изданных подзаконных НПА. Таким образом, можно утверждать, что значение понятия «государственное регулирование», использованного законодателем в названии статьи 1246 ГК РФ, заключается преимущественно в подзаконном нормотворчестве со стороны исполнительной власти.

В ст. 1246 ГК РФ полномочиями по изданию нормативных правовых изначально наделены следующие органы: 1) уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий нормативно-правовое регулирование в сфере авторского права и смежных прав (п. 1); 2) уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий нормативно-правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности (п. 2); 3) уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий нормативно-правовое регулирование в сфере сельского хозяйства (п. 4).

Вышеуказанные федеральные органы исполнительной власти являются министерствами (Минкультуры России, Минэкономразвития России, Минсельхоз России), деятельностью которых руководит Правительство РФ. Анализируя внутреннюю логику ст. 1246 ГК РФ, приходим к выводу о том, что государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности состоит преимущественно в издании нормативных правовых актов тремя министерствами. Однако, наделяя эти органы полномочиями по изданию актов, содержащих нормы гражданского права, законодатель почему-то сразу «переходит» на самый нижний уровень в иерархии источников гражданского права, исключая в ст. 1246 ГК РФ роль Президента РФ и фрагментарно (усеченно) представляя роль Правительства РФ в данной сфере. Кроме того, в данной статье также нарушена иерархия (по юридической силе) подзаконных НПА, установленная в ст. 3 ГК РФ. Такая ситуация обусловлена, на наш взгляд, недостаточным уровнем юридической техники при разработке положений ст. 1246 ГК РФ. По нашему мнению, название этой статьи не соответствует её содержанию.

Более того, поскольку соответствующие нормы части четвёртой ГК РФ носят бланкетный характер, без принятия подзаконных НПА они просто не будут «работать». Именно бланкетность многих норм части четвёртой ГК РФ является в настоящее время проблемой правового регулирования

отношений в сфере интеллектуальной собственности. В связи с этим и появляется необходимость регулирования данной сферы со стороны исполнительной власти (так называемого «государственного регулирования»).

Из вышеизложенного можно заключить, что государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности разработчики ст. 1246 ГК РФ (с учётом её новой редакции) свели к подзаконному нормотворчеству, добавив к нему осуществление юридически значимых действий. Но, как было показано выше, объём участия государственных органов исполнительной власти в исследуемой сфере — достаточно обширен; однако ни формы такого участия, ни сами эти органы не перечислены исчерпывающим образом в ст. 1246 ГК РФ.

Недостаточная урегулированность в федеральном законодательстве данной сферы общественных отношений в ряде случаев объективно приводит к появлению несовершенных подзаконных актов, сложным и запутанным ситуациям, неизбежно влекущим судебные ошибки. Поэтому необходимо привести ст. 1246 ГК РФ в соответствии с общими принципами и началами гражданского права либо вовсе исключить её, так как она не содержит конкретных механизмов государственного регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности. Следует согласиться с мнением о том, что нормы этой статьи не несут никакой правовой нагрузки: они не имеют ни теоретического, ни практического значения².

Подводя предварительный итог вышеприведённым рассуждениям, укажем на следующее важное обстоятельство: наличие ст. 1246 ГК РФ (в её нынешнем виде) в части четвёртой ГК РФ подтверждает выводы известных российских учёных о неудачной кодификации законодательства об интеллектуальной собственности (Сергеев А. П., Лопатин В. Н. и др.).

В частности, доктор юридических наук, профессор В. Н. Лопатин, анализируя в 2014 г. выполнение семи задач, заявленных в 2006 г. при кодификации законодательства об интеллектуальной собственности, приходит к выводу, что ни одна из поставленных задач не выполнена; при этом, по его мнению, основной путь достижения заявленных целей и выполнения поставленных задач лежит в необходимости перехода к двухуровневой структуре законодательства в сфере интеллектуальной собственности: 1 уровень — кодификация общих положений в ГК РФ; 2 уровень — принятие специальных законов,

² Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) // СПС «Консультант Плюс», 2009.

действующих в этой сфере, либо принятие комплексного Кодекса интеллектуальной собственности³.

Данное мнение, на наш взгляд, следует всецело поддержать. К сожалению, при исключении специальных законов, ранее действовавших в сфере интеллектуальной собственности, неизбежно произошла замена законов на подзаконные акты.

Развивая приведённые тезисы, следует подчеркнуть, что вопросы совершенствования государственного регулирования в сфере интеллектуальной собственности должны быть увязаны с совершенствованием законодательства в части устранения негативных последствий кодификации, осуществлённой в 2006 году в разрез с позицией авторитетных учёных в этой области.

Государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности — это не только и не столько издание НПА и осуществление юридически значимых действий, связанных с правовой охраной РИД и СИ. Такие функции важны как правовые инструменты при государственном регулировании как государственном управлении сферой интеллектуальной собственности с позиций национальной безопасности. Государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности — это осуществление таких государственных функций, которые позволят использовать РИД в экономических отношениях с целью перехода (не на словах, а на деле) от сырьевой к инновационной экономике.

³ *Лопатин В. Н.* Семь уроков кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Юридический мир. — 2014. — № 1. — С. 30–38.

Пещеров Г. И.¹
Peschеров G. I.

Эволюция и перспективы развития уголовной политики России

EVOLUTION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL POLICY OF RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена эволюции и перспективам развития уголовной политики России, автор рассматривает исторические корни возникновения и развития двух концепций правосудия: традиционного и государственного. По мнению автора, сближение двух концепций приводит к укреплению государства и снижению преступности в стране и наоборот, противопоставление двух концепций приводит к увеличению преступности и возникновению волнений в стране.

Ключевые слова: человеческое общество, жизнедеятельность общества, национально-этническая концепция правосудия, государственная концепция правосудия, колебания преступности.

Summary. The article is devoted to the evolution and prospects for the development of criminal policy in Russia, where the author examines the historical roots of the emergence and development of two concepts of justice: traditional and state. According to the author, the convergence of the two concepts leads to the strengthening of the state and the reduction of crime in the country and vice versa, the opposition of the two concepts leads to an increase in crime and the emergence of unrest in the country.

Keywords: human society, vital activity of society, national-ethnic concept of justice, state concept of justice, fluctuations in crime.

Процесс развития человеческого общества происходит поэтапно, путем выбора наиболее рационального варианта деятельности на каждом этапе развития, практически во всех областях жизнедеятельности общества, в том числе и в области уголовной политики. Исторически сложилось так, что в первобытном обществе правосудие осуществлял жрец по понятию морали, потом вождь племени по справедливости, а с образованием государств возникла судебная система, которая, как правило, осуществляла правосудие в интересах власть имущих. Таким образом, в каждом народе в процессе эволюции сложились исторические и национально-этнические особенности понятия морали,

¹ ПЕЩЕРОВ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор военных наук, профессор, академик Академии военных наук (Москва); PESCHEROV GEORGY IVANOVICH, Senior Researcher, Scientific-Research Institute of Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Military Sciences, Professor, Academician of the Academy of Military Sciences (Moscow).

присущие каждой конкретной нации². Исторически эти национально-этнические особенности перерастают в национальные традиции, соблюдаемые населением в процессе жизнедеятельности даже строже, нежели государственные законы. Исходя из этого, государственная уголовная политика, как правило, строилась на основе желаемого достижения соответствия издаваемых законов национальным особенностям понятия морали. В противном случае, происходил бунт и появлялись национальные герои, которые осуществляли правосудие в соответствии с национальными особенностями населения (Зорро, Робин Гуд, мафия и т. д.).

Таким образом, в человеческом обществе исторически сформировались две концепции правосудия: 1) национально-этническая или традиционная концепция правосудия; 2) государственная концепция правосудия.

Национально-этническая, или традиционная концепция правосудия основана на историческом опыте народа, тех нравственных ценностях, которые обогатили народ в процессе ее эволюции, где отправными принципами жизнедеятельности являются: честность, справедливость и дружелюбие по отношению друг к другу; уважительное отношение к родителям, женщинам и пожилым людям; порядочность и скромность в повседневной жизни и др.

Государственная концепция правосудия основана на сохранении власти и государственного аппарата для обеспечения благоприятных жизненных условий для правящей элиты.

Исторически сложилось так, что чем ближе по содержанию эти концепции, тем крепче государство и тем меньше преступности в стране³. Если в уголовной политике имеют значительные расхождения в использовании приведенных концепций, то в обществе возникают различного рода противоречия, нарушающие нормальную жизнедеятельность населения. Однако, в силу различных социально-политических причин (необходимость коренного перелома национальных традиций, обычаев, принятие новой веры, колониальная политика и т. д.), иногда власть издает законы, противоречащие национально-этническим традициям, противопоставляя себя традициям народа. В результате, в зависимости от могущества власть имущих подавлять возникающих в народе правозащитников и вспыхивающие бунты, силовыми методами реализовывалась новая политика. В истории достаточно много примеров, когда власть добивалась силой осуществления коренных преобразований в государстве (крещение Руси князем Владимиром, введение европейских обычаев Петром I в России и др.) и наоборот, много случаев, когда власть вынуждена

² *Залепухин И.* По закону или по понятиям? // За решеткой. — №8. — 2014.

³ — *Машков С.А.* Судить по законам или по понятиям. Поправки в налоговое законодательство // Интернет-сайт: MirZnani.com.

была уступить требованиям народных масс (соляной бунт в Москве в 1648 г., медный бунт в 1662 г., чумной бунт в 1771 г. и др.).

Исторические факты подтверждают, что национальные традиции изменить достаточно сложно даже при наличии огромной силы, поскольку сознание народа инертно и определенная масса населения некоторое время продолжает жить устоявшимися в обществе нормами общежития. По мнению социологов, для изменения менталитета народа необходима смена 3-х поколений, это приблизительно около 100 лет, что обуславливается именно инертностью сознания народных масс.

Поэтому не удивительно, что во многом современные тюремные обычаи, законы преступного мира переняты именно из традиционной концепции правосудия, преследуя принцип справедливости, но с неким гипертрофированным акцентом воровской или преступной жизни⁴. Отсюда неуважительное отношение к закону, служителям правосудия и государству в целом. Сохраняющиеся в обществе наиболее рациональные принципы жизнедеятельности впоследствии переходят в традиции, обеспечивая населению правила поведения и жизнеустройства. Преступники, при всем своем многообразии, составляют низший слой общества, хранящий в памяти, как святыню, эти народные традиции. Отсюда и глубокий интерес преступного мира к традиционной концепции правосудия.

Более того, продолжающаяся в мире гуманизация уголовной политики коснулась также и российского общества и первые результаты, к сожалению, не радуют⁵. Проблема заключается в том, что гуманизация приводит к криминализации и осложнению социального климата в обществе. Человеческое общество в своем развитии постоянно колеблется от жестокости до гуманизма, стараясь занять рациональное направление для каждой эпохи развития, порой забывая, что самым рациональным направлением является золотая середина.

Представляется, что для укрепления государства и обеспечения снижения преступности в стране целесообразно проводить уголовную политику в соответствие с национально-этническим укладом народа, то есть, уголовная политика государства должна следовать по уже проложенной борозде национальных традиций народов, составляющих единое многонациональное государство.

⁴ Скобликов П. А. Вор в законе // МВД России: энциклопедия. — М.: OMG, 2002.

⁵ Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного права продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. // Закон. — 2015. — № 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Залепухин И.* По закону или по понятиям? // За решеткой. — №8. — 2014.
2. *Крылова Н.Е.* Гуманизация уголовного права продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. // Закон. — 2015. — №8.
3. *Машков С.А.* Судить по законам или по понятиям. Поправки в налоговое законодательство // Интернет-сайт: MirZnani.com.
4. *Скоблицов П.А.* Вор в законе // МВД России: энциклопедия. — М.: ОМГ, 2002.

Пинкевич Т. В.¹
Pinkevich T. V.

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY AND ITS IMPACT ON CRIMINOLOGICAL SECURITY OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы развития цифровой экономики и повышения уровня криминологической безопасности. Автор предлагает определить понятие цифровой экономики, уточняет цели одноименной программы и направления ее развития, дает прогноз влияния цифровых технологий на уровень криминологической безопасности, определяет криминологические риски. При этом автор приходит к выводу о том, что в настоящее время не выработаны эффективные механизмы обеспечения криминологической безопасности и минимизации рисков, поэтому особого внимания и законодательного регулирования требует использование нейротехнологий, искусственного интеллекта и робототехники, квантовых компьютеров, новых производственных технологий, к примеру, установок аддитивного производства (3D-печати) и пр., а также организационных антикриминальных инструментов.

Ключевые слова: цифровая экономика, технологии, криминологические риски, безопасность, стратегия, блокчейн, криптовалюта, большие данные, преступность.

Summary. The article deals with problematic issues, the development of the digital economy and the increase in the level of criminological security. The author proposes to define the concept of digital economy, specifies the objectives of the program of the same name and the direction of its development, predicts the impact on the level of criminological security and defines criminological risks. At the same time, the author comes to the conclusion that currently there are no effective mechanisms for ensuring criminological security and minimization of risks, so special attention and legislative regulation requires the use of neurotechnologies, artificial intelligence and robotics, quantum computers, new production technologies, for example, installations of additive production (3D printing), etc., as well as organizational anti-criminal tools.

Keywords: digital economy, technologies, criminological risks, security, strategy, blockchain, cryptocurrency, big data, crime.

¹ ПИНКЕВИЧ ТАТЬЯНА ВАЛЕНТИНОВНА, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук (Н. Новгород); PINKEVICH TATYANA VALENTINOVNA, Professor of the Department of Criminal and Penitentiary Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (N. Novgorod).

Цифровая экономика, ее потенциал семимильными шагами распространяется во все сферы деятельности современного общества, стремительно вытесняя старый уклад, старое мышление и устаревшие технологии. В тоже время ее развитие и распространение несет в себе огромный потенциал криминологических рисков², о чем свидетельствуют результаты проведенных исследований³, поскольку правовая основа, организационно-управленческие составляющие антикриминальных инструментов еще находятся на стадии разработки, слабым звеном сегодня можно назвать и безопасность, в том числе включая проблемы информационной и криминологической безопасности.

В 2017 г. утверждена программа «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», согласно которой развитие цифровой экономики является стратегически важным вопросом для России в целом, определяющим ее конкурентоспособность на мировой арене.

Но прежде, чем говорить о цифровой экономике, определимся с ее понятием. В научной литературе можно встретить понятия цифровой экономики, которые полностью противоречат друг другу. Изучение различных научных подходов к определению этого понятия позволили прийти к выводу, что следует опираться на понятие, данное в программе «Цифровая экономика Российской Федерации», которая представляет собой «совокупность общественных отношений, складывающихся при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития государств»⁴.

Для успешной ее реализации принята уже упомянутая в тексте статьи программа «Цифровая экономика Российской Федерации», целью которой является системное развитие и внедрение цифровых технологий во все области жизни, включающие пять основных направлений, на основе которых будут развиваться прикладные направления развития цифровой экономики в России на период до 2024 года.

² Пинкевич Т.В. Криминологические риски индустрии цифровых технологий в России // Криминальные реалии, реагирование на них и закон (Москва, 23–24 января 2018 г.) / Под ред. А. И. Долговой. — М., 2018. — С. 94–99.

³ Цифровая Россия: новая реальность. — URL: <https://www.mckinsey.com/ru> (дата обращения 18.11. 2018).

⁴ Об утверждении программы «Цифровая экономика РФ: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017— № 1632-п URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/2369d7266adb33244e178738f67f181600cac9f2/ (дата обращения 14.10.2018).

Основными сквозными цифровыми технологиями, которые входят в рамки настоящей Программы, являются: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности.

В то же время надо помнить, что «цифровая экономика — это не простая автоматизация производственных процессов, а кардинальные структурные изменения, затрагивающие, в том числе, отношения между участниками системы. В основу цифровой экономики заложены большие данные. По своей сути — это прогностическая экономика. Мы с вами вступаем в новую эру, когда выпуск той или иной продукции будет максимально индивидуализирован. Нас ждет изменение модели потребления, где ценность определяется реализацией в товаре индивидуальных потребностей. Цифровая экономика также видоизменяет принципы конкуренции. Борьба идет не столько за передел существующих рынков, сколько за формирование новых, где конкурируют не товары и технологии, а системы управления, опирающиеся на цифровые платформы»⁵.

Действительно, в последние годы внедрение технологических новшеств изменило мир. О том, что поменялся образ жизни каждого жителя планеты, даже говорить не приходится, так как это известный факт, и цифровые технологии внедрены и продолжают активно внедряться в медицину, в финансовую, банковскую сферы и другие сферы. Процессы внедрения цифровых технологий не только диктует новые правила, но и открывает недоступные ранее горизонты развития.

Говоря о цифровых технологиях, нельзя не обратить внимание уже сегодня на объемы личной информации, размещаемой и систематизируемой в сети «Интернет», которые возросли до беспрецедентных размеров. Происходящие процессы в цифровой среде способствовали появлению технологии «Больших данных» («big data»), под которой понимается «огромный объем неоднородной и быстро поступающей цифровой информации, которую невозможно обработать традиционными инструментами»⁶. Эти технологии носят универсальный характер и могут использоваться во многих сферах человеческой деятельности (банковской, страховой, медицинской, правоохранительной и т. д.), организациями: предоставляющими такие данные; занимающимися их хранением;

⁵ Информационная безопасность в мире цифровой экономики: <https://iecp.ru/articles/item/411822-proyekt-informatsionnaya-bezopasnost-v-mire-tsifrovoy-ekonomiki>

⁶ Мир big data в 8 терминах. — URL: <https://rb.ru/howto/big-data-in-8-terms/> (дата обращения 14.10.2018).

разрабатываемыми алгоритмы для их анализа⁷. Именно на основе результатов анализа этих данных будут строиться и уже строятся технологии управления.

Вместе с тем, развитие названных технологий, кажущееся воплощением научной фантастики, может привести, а в ряде случаев и привело к проблемам, которые уже существуют в современном мире. И здесь следует согласиться с мнением М. М. Бабаева, который пишет о том, что «в ходе хорошо известных огромных цивилизационных процессов в глобальном обществе произошли изменения, принесшие бесконечное число самых разнообразных новых, ранее не известных миру опасностей и угроз. Экономические, технические, технологические, информационные, демографические, экологические и иные новации, — все они, как известно, обладали и обладают одновременно как созидательным, так и разрушительным потенциалом»⁸.

С какими же проблемами уже сталкиваются физические и юридические лица, общество и государство? К таковым, прежде всего, следует отнести социально-экономические проблемы и проблемы правового характера, которые на законодательном уровне пока до конца не решены.

1. «Большие данные», как правило, собираются с той целью, чтобы посредством их объединения с иными базами извлечь новую информацию и применить ее на благо личности, общества и государства, но возможно ее использование и в преступных целях. В начале 2018 г. Президент РФ В. В. Путин заявил о том, что «Россия должна стать одним из мировых центров хранения, обработки, передачи и защиты информационных массивов — «Больших данных»»⁹. Однако Правительство РФ пока не знает, как проводить цифровое развитие страны таким образом, чтобы защитить личные данные людей и дать развиваться бизнесу¹⁰. На наш взгляд, актуальным остается вопрос с принятием Закона о регулировании «Больших данных», который предоставит возможность гражданам запретить использование их личных данных операторам связи и другим компаниям; исключит факты, когда лицо, на основании подписанного пользовательского соглашения, предоставляет свои персональные

⁷ Боевая Н. У новых стартапов в области big data неплохие шансы на успех. Коммерсантъ.ru. Интернет-газета. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3083474> (дата обращения 14.10.2018).

⁸ Бабаев М. М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. — № 1. — С. 106.

⁹ Путин призвал сделать Россию одним из мировых центров «больших данных». — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a97d1bd9a79476b19eab85c> (дата обращения 14.10.2018).

¹⁰ Законопроект о регулировании больших данных внесут до конца года. — URL: <https://pravo.ru/news/205919/> (дата обращения 14.10.2018).

данные для одних целей, а по факту они собираются и используются для других. При этом хочу заметить, что ввиду отсутствия Закона о регулировании «Больших данных», основным препятствием для злоупотребления частной информацией граждан является Закон о персональных данных. Однако, легитимное согласие на обработку персональных данных, их обезличивание, закрепленные в законе, не обеспечивают должной защиты личных сведений от использования третьими лицами. Поэтому требуется серьезная проработка вопроса о введении уголовной ответственности за использование личной информации физических лиц, с использованием технологии «Больших данных», повлекшее нарушение неприкосновенности частной жизни.

2. Внедрение и использование цифровых технологий приведет к сокращению занятости в результате автоматизации бизнес-процессов и росту безработицы. Многие считающиеся ранее профессиональными специалистами окажутся невостребованными в новых условиях, а молодежь, не получившая соответствующего образования, также останется за «бортом истории» и будет искать способы обеспечения своей повседневной жизни вне правового поля. А на фоне пенсионной реформы и продления срока выхода на пенсию такая ситуация приведет к еще большему расслоению общества и росту преступности. Даже внесение изменений в уголовное законодательство и дополнение его ст. 144.1. (Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста) УК РФ, проблем в этой сфере не решит.

Нельзя обойти стороной и проблемы миграции, которая является показателем ухудшения социально-экономических, политических и экологических условий. При этом увеличится не только внутренняя, но и внешняя миграция, а численность нелегальных мигрантов будет возрастать.

3. Существуют высокие риски как финансового, так и криминогенного свойства, связанные с большой популярностью криптовалюты, поскольку отсутствует ее правовой статус, она не обеспечена ликвидными активами и какими-либо гарантиями государственного либо частного капитала, поэтому осуществление операций на «виртуальных биржах» несет высокий риск потери стоимости криптовалют. Ее применение в теневой экономике позволяет обеспечить неподконтрольность национальным органам власти, но самое главное увеличит за счет роста экономической активности в киберпространстве, масштабы теневой экономики.

Сегодня в ряде таких стран мира как Япония, Швейцария, Швеция, Германия и др., криптовалюта стала не только полноценным платёжным средством, но и инвестиционным активом. И это не случайно, поскольку развитие индустрии цифровых технологий напрямую связано с использованием блокчейн-системы, которая способствует развитию мирового сообщества,

а современная модификация этой системы непосредственно связана с оборотом виртуальной валюты, что выступает одной из особенностей этой системы, то есть внедрение блокчейн-системы способствует формированию альтернативных децентрализованных валютных систем. И, если речь идет о запрете оборота виртуальной валюты, то одновременно должно быть запрещено и внедрение системы блокчейн, что напрямую связано со снижением цифрового суверенитета страны, оттоком специалистов из страны, с переходом оборота криптовалюты в «тень», увеличением и так высокого уровня теневой экономики, расширению уровня хакерских атак, появлению анонимных криптовалют.

Для России названная проблема болезненна, поскольку уже несколько лет вопрос легализации криптовалюты стоит на повестке дня перед ЦБ России и Правительством РФ. Начиная с 2015 г. она обсуждается на уровне главы государства и правительства, законодательных органов и научного сообщества¹¹, однако согласованной позиции заинтересованных ведомств относительно оборота криптовалюты не выработано. Необходимость принятия законопроектов, регулирующих деятельность участников рынка криптовалют, назрела. Развитие рынка криптовалюты и ее оборота, рост соответствующих транзакций с использованием криптовалюты, в том числе в рамках привлечения средств через первичное размещение токенов (Initial Coin Offering, ICO) ежедневно увеличивается. Это огромные денежные средства. Существенное число таких транзакций и ICO осуществляются российскими гражданами и компаниями в иностранных юрисдикциях, обладающих благоприятным правовым режимом, что требует правового регулирования. В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе РФ находятся три законопроекта (приняты 22 мая 2018 г. в первом чтении): «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»; «О цифровых финансовых активах»; «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ».

С их принятием у юридических лиц и граждан России появится возможность: создавать цифровые кошельки, которые позволят обеспечивать доступ к реестру цифровых транзакций; выпускать и приобретать токены; заключать смарт-контракты; участвовать в инвестировании криптовалюты; осуществлять в правовом поле деятельность, поскольку майнинг признается предпринимательской деятельностью, направленной на создание криптовалюты (майнинг).

¹¹ Пинкевич Т.В. Развитие цифровых технологий в России и их влияние на уровень криминологической безопасности // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям в сфере экономики» 31 октября 2017 / Нижегородская академия МВД России. — 2018.

Однако сложно согласиться с этой формулировкой. Принятие законов затягивается, но и их принятие не решит проблемы.

Уже сегодня следует говорить о росте преступлений в сфере финансовых пирамид и оборота криптовалюты. Сложно не назвать и такие виды преступлений, как мошенничество и вымогательство, совершаемые в сфере оборота виртуальных денег. Вымогательство как криминальный бизнес, о котором не раз предупреждали эксперты, получило уже высокий уровень распространенности во всем мире. При этом факты мошенничества в IT-сфере будут только увеличиваться.

Два наглядных факта свидетельствуют о том, что эксперты говорят об этом без преувеличения, поскольку в мае 2017 г. вирус WannaCry заразил сотни тысяч компьютеров в 150 странах, а 27 июня вирус Petya атаковал компьютерные системы по всему миру. Вымогатели требовали оплатить услуги разблокировки компьютеров биткоинами¹².

Нельзя сбрасывать со счетов и уклонение от уплаты налогов, так как анонимность проводимых платежей открывает широкий диапазон для «ухода от налогообложения, функционирования в теневом секторе экономики, а также повышает риски утраты валюты собственниками в случае банкротства электронных бирж по торговле криптовалютой или в результате хакерской атаки».

Использование криптовалюты способствует расширению криминальных границ не только в экономической сфере. В последние годы участились случаи использования криптовалюты при оплате: заказных преступлений, торговли людьми и органами и тканями человека для трансплантации, приобретении и распространении порнографических материалов, незаконно приобретенного оружия и боеприпасов, наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Только за 2015–2017 гг. количество фактов использования криптовалюты при приобретении наркотиков увеличилось в двадцать восемь раз.

Внедрение информационных технологий способствовало и изменению роли части организованной преступности, занимающейся информационным криминальным бизнесом, для которой криптовалюта является средством платежа и обналичивания.

Конечно же, все вышеизложенное вызывает беспокойство, поскольку, в конечном итоге, уровень криминологической безопасности постоянно будет высоким, а для его снижения пока не выработаны эффективные механизмы

¹² Черных Е. Новые криптовалюты: какие цифровые деньги выбирает международный криминал. Преступный мир переходит с биткойна на другие цифровые криптовалюты: <https://www.kp.kg/daily/26699.7/3723289/>

выявления и пресечения преступлений, совершенных в сфере цифровых технологий. Настало время изменить стратегию и тактику противодействия преступлениям, совершаемым в сфере цифровых технологий.

Необходимо и привлечение современных специалистов, имеющих определенные знания в названной сфере. Но самое главное — необходима подготовка:

- а) правовой базы. Помимо предложенного к принятию закона «О больших данных», необходимо внести изменения в ряд Федеральных законов. В их числе законы «О персональных данных» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Более того, требуют особого внимания и законодательного регулирования правовые основы использования нейротехнологий, искусственного интеллекта и робототехники, квантовых компьютеров, новых производственных технологий, к примеру установок аддитивного производства (3D-печати) и пр.;
- б) организационных антикриминальных инструментов.

В этих условиях, учитывая предшествующий опыт, когда граждане, да и юридические лица, не имея достаточных знаний в той или иной сфере, теряли свою собственность, становились банкротами и т. д., созрела необходимость правовой пропаганды и обучения граждан правовым основам цифрового права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабаев М.М.* Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. — С. 106.
2. *Боевая Н.* У новых стартапов в области big data неплохие шансы на успех. Коммерсантъ.ру. Интернет-газета. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3083474> (дата обращения 14.10.2018).
3. Законопроект о регулировании больших данных внесут до конца года. — URL: <https://pravo.ru/news/205919/> (дата обращения 14.10.2018).
4. Информационная безопасность в мире цифровой экономики: <https://iecp.ru/articles/item/411822-proyekt-informatsionnaya-bezopasnost-v-mire-tsifrovoy-ekonomiki>
5. Мир big data в 8 терминах. — URL: <https://rb.ru/howto/big-data-in-8-terms/> (дата обращения 14.10.2018).
6. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/2369d7266adb33244e178738f67f181600cac9f2/ (дата обращения 14.10.2018).
7. Об утверждении программы «Цифровая экономика РФ: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р. — URL: <http://www.consultant.ru/document/>

- cons_doc_LAW_221756/2369d7266adb33244e178738f67f181600cac9f2/ (дата обращения 14.10.2018).
8. *Пинкевич Т.В.* Криминологические риски индустрии цифровых технологий в России // Криминальные реалии, реагирование на них и закон (Москва, 23–24 января 2018 г.) / Под ред. А. И. Долговой. — М., 2018. С. 94–99.
 9. *Пинкевич Т.В.* Развитие цифровых технологий в России и их влияние на уровень криминологической безопасности // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям в сфере экономики» 31 октября 2017 / Нижегородская академия МВД России. — 2018.
 10. Путин призвал сделать Россию одним из мировых центров «больших данных». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a97d1bd9a79476b19eab85c> (дата обращения 14.10.2018).
 11. Цифровая Россия: новая реальность. — URL: <https://www.mckinsey.com/ru> (дата обращения 18.11. 2018).
 12. *Черных Е.* Новые криптовалюты: какие цифровые деньги выбирает международный криминал. Преступный мир переходит с биткойна на другие цифровые криптовалюты. — URL: <https://www.kp.kg/daily/26699.7/3723289>.

Полтавец В. В.¹
Poltavets V. V.

УЧЕТ ХАРАКТЕРА И СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ СУДОМ

CONSIDERING THE CHARACTER AND DEGREE OF THE PUBLIC DANGER OF THE COMMITTED CRIME AT ASSIGNMENT OF PUNISHMENT BY COURT

Аннотация. В статье исследуются вопросы назначения наказания судом с учетом характера и степени общественной опасности преступления. Анализ законодательных и доктринальных положений, а также судебной практики позволил прийти к выводу о проблематичности установления судом круга обстоятельств, определяющих содержание характера и степени общественной опасности преступления, что приводит порой к недостаточной мотивированности вынесенных судами решений. С целью оптимизации порядка назначения наказания предложено их авторское понимание, высказаны предложения по изменению положений УК РФ и постановления № 58 Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года.

Ключевые слова: преступление, наказание, назначение наказания, характер общественной опасности преступления, степень общественной опасности преступления.

Summary. In the article questions of assignment of punishment by court taking into account character and degree of public danger of crime are investigated. The analysis of legislative and doctrinal provisions and also jurisprudence allowed to come to a conclusion about problematical character of establishment by court of a circle of the circumstances determining the content of character and degree of public danger of crime that results sometimes in insufficient motivation of the decisions passed by vessels. For the purpose of optimization of an order of assignment of punishment, their author's understanding is offered. Offers on change of provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and resolution No. 58 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 are also stated.

Keywords: crime, punishment, the awarding of punishment, the character of the public danger of crime, the degree of public danger of crime.

¹ ПОЛТАВЕЦ ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук (Краснодар); POLTAVETS VALERIA VLADIMIROVNA, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, PhD in Law (Krasnodar).

Часть 3 ст. 60 УК РФ предусматривает в качестве общеобязательного правила учет судом характера и степени общественной опасности совершенного преступления. Данное правило отражает неразрывную связь и непосредственную зависимость между основными категориями уголовного права: преступлением и наказанием. Оглашенный фундаментальный постулат отражает содержание принципа справедливости, предусмотренное в ч. 1 ст. 6 УК РФ.

Положение о необходимости учета характера и степени общественной опасности в той или иной редакции нашло свое нормативное закрепление в большинстве уголовных законов зарубежных стран. Подобным образом этот вопрос регламентирован в УК Республики Казахстан. В ст. 36 УК Эстонской Республики предусмотрено, что суд при назначении наказания учитывает тяжесть и характер совершенного преступления. Латвийский законодатель установил необходимость учета судом характера совершенного преступного деяния и причиненного вреда. В ст. 65 УК Украины предусмотрена необходимость учета степени тяжести совершенного преступления судом. В некоторых случаях законодатель не использует термины «тяжесть преступления», «общественная опасность преступления», перечисляя в законе признаки, которые, фактически определяют содержание общественной опасности².

Названные термины неоднократно применялись законодателем при формировании содержания целого ряда статей УК РФ (ч. 1, 6 ст. 15, ч. 3 ст. 47, ч. 1¹ ст. 63, ч. 1 ст. 64, ч. 2 ст. 73 и др.). Однако в указанном кодифицированном источнике не раскрывается ни исчерпывающего, ни примерного перечня обстоятельств, составляющих содержание характера и степени общественной опасности преступления, как и не определяется степень их влияние на окончательную меру наказания. Однако учет названных обстоятельств является общеобязательным для суда при назначении наказания и, в силу этого, их индивидуально определенное судом содержание должно быть раскрыто в описательно-мотивировочной части приговора. В связи с чем следует полностью согласиться с Т. В. Непомнящей в том, что формальные ссылки на учет характера и степени общественной опасности преступления, не позволяют с уверенностью сделать вывод, что они действительно были учтены при назначении наказания³.

Анализ судебной практики свидетельствует о значительных трудностях в понимании практическими работниками содержания названных категорий. Это, как представляется, является причиной отсутствия в значительной части

² Например, ч. 2 ст. 54 УК Литовской Республики, ст. 53 УК Республики Польша, ч. 2 ст. 46 УК Федеративной республики Германии и др.

³ *Непомнящая Т. В.* Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006. — С. 51.

изученных приговоров конкретизации обстоятельств, выражающих характер общественной опасности преступления и подлежащих учету при назначении наказания судом. Также представляет интерес исследование, проведенное А. В. Приваловым, результаты которого свидетельствуют о затруднении дознавателей и следователей (20%), а также оперативных сотрудников (16%) с ответом на вопрос о соотношении характера и направленности преступлений⁴.

В доктрине уголовного права также отсутствует единое понимание обстоятельств, определяющих содержание характера общественной опасности преступления. Более того, наряду с названным понятием, в УК РФ законодателем используются следующие термины: «характер преступления» (ч. 1 ст. 55), «характер совершенного деяния» (ст. 96), а судебной практикой — «направленность преступления»⁵. Вместе с тем содержание и соотношение названных понятий трактуется неоднозначно.

Существующие точки зрения о понимании характера общественной опасности преступления условно можно разделить на три позиции. Первая заключается в его толковании как признака, свойственного всем преступлениям определенной группы либо вида. Эта точка зрения была высказана еще Я. М. Брайниним в 1953 году. После ее поддержали А. Д. Соловьев, И. И. Карпец, Г. Л. Кригер, В. М. Кудрявцев, А. П. Чугаев, М. О. Беляев и др. Так, по мнению Г. Л. Кригера, характер общественной опасности преступления определяет качественное своеобразие определенного вида преступления и зависит от содержания и социальной ценности общественных отношений, на которые посягает преступление, содержания вредных последствий и их размера, формы вины, способа совершения преступления, характера мотивов и цели преступления и иного⁶. Степень общественной опасности определяет тяжесть конкретного преступления и зависит от индивидуальных особенностей преступления. Поэтому, исходя из конкретных обстоятельств дела, суд и должен определить степень общественной опасности совершенного преступления⁷.

⁴ *Пилавов А. В.* О значении направленности и характера преступлений для их классификации // Пробелы в Российском законодательстве. — 2014. — № 2. — С. 200 [Электронный ресурс] // URL: file:///C:/Users/Артём/Downloads/o-znachenii-napravlennosti-i-haraktera-prestupleniy-dlya-ih-klassifikatsii.pdf (дата обращения 04.10.2018)

⁵ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»

⁶ *Кригер Г. Л.* Влияние характера общественной опасности преступления на дифференциацию и индивидуализацию ответственности // Проблемы правосудия и уголовного права / Под ред. А. М. Ларина, В. М. Савицкого, М. М. Славина, А. М. Яковлева. — М., 1978. — С. 143.

⁷ *Бажанов М. И.* Назначение наказания по советскому уголовному праву. — Киев, 1980. — С. 33.

Иные авторы считают, что характер и степень общественной опасности являются ее взаимосвязанными структурными элементами, придавая при этом характеру общественной опасности значение качественной, а степени — количественной характеристики общественной опасности, свойственной как виду, так и отдельному конкретному преступлению⁸. Например, Н. Ф. Кузнецова отмечала, что нельзя относить характер к групповым признакам соответствующего преступления, а степень — исключительно к индивидуальным. В тоже время она подчёркивала, что характер общественной опасности выражает ее качество, в то время как степень характеризует количественную сторону общественной опасности⁹.

Также существует и третья точка зрения, авторы которой полагают, что вообще не существует понятия характер общественной опасности преступления. Следует выделять только характер преступления и степень его общественной опасности. По мнению Г. Г. Криволапова, следует говорить только о характере преступления, который определяется направленностью деяния против того или иного объекта, размером причиненного вреда, формой вины и придает деянию качественную определенность¹⁰.

В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания суду необходимо учитывать характер общественной опасности преступления. В соответствии с п. 1 постановления № 58 Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. Кроме того, судам рекомендуется также учитывать наряду с причиненным преступлением вредом, направленность совершенного деяния. Однако при этом не раскрывается содержание последнего из названных понятий.

Анализ положений УК РФ, названного постановления и практики назначения наказания, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, следует различать типовую общественную опасность преступления как основополагающего института уголовного права и общественную опасность конкретного совершенного преступления. Следует признать, что именно эта позиция отражена в УК РФ. Так, классифицируя преступления на группы законодатель принимает во внимание именно типичные, наиболее общие и существенные признаки, отображающие основное содержание общественной опасности

⁸ *Непомнящая Т. В.* Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. — СПб., 2006. — С. 49.

⁹ *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. — М., 1969. — С. 68–73.

¹⁰ *Криволапов Г. Г.* Критерии разграничения преступления и проступка // Совершенствование деятельности органов внутренних дел в условиях развитого социализма / Московская Высшая школа милиции МВД СССР. — М., 1978. — Вып. 3. — С. 129.

преступления, ее качественную и количественную характеристику. Как справедливо отмечала Л. Н. Кривоченко, «общественная опасность, как признак преступления, исчерпывающим образом раскрывается уголовным законом с помощью признаков состава преступления. Ее оценка — прерогатива законодателя»¹¹, который на основании анализа типичных наиболее закономерных, общих субъективных и объективных признаков определяет общественную опасность отдельного вида преступления, формируя пределы санкции за его совершение. Кроме того, понимание общественной опасности позволяет установить систему мер уголовно-правового характера, порядок их применения, тем самым реализовать дифференциацию уголовной ответственности, закладывая основы для последующей индивидуализации наказания.

Общественная опасность конкретного преступления проявляется в индивидуальных особенностях совершенного. В силу чего суд, назначая наказание виновному, должен установить и учесть индивидуальные обстоятельства совершенного преступления. Изложенное позволяет говорить о необходимости изменить положения ч. 3 ст. 60 УК РФ, указав на необходимость учета судом характера и степени общественной опасности совершенного преступления. Данная практика будет соответствовать и положениям иных норм УК РФ, предусматривающим учет конкретно-индивидуальных признаков преступления. Примером этому является ч. 3 ст. 47, ч. 2 ст. 73 УК РФ.

Во-вторых, содержание характера общественной опасности определяет направленность совершенного деяния, которая обусловлена пониманием нарушаемых в ходе совершения преступления общественных отношений. Вместе с тем представляется спорной позиция Пленума Верховного Суда РФ о том, что характер общественной опасности зависит от всех установленных судом признаков состава преступления и, прежде всего, от размера причиненного преступлением вреда. Названные обстоятельства в большей мере определяют степень общественной опасности конкретного преступления, которая является индивидуальной количественной характеристикой содеянного. Вместе с тем характер наступивших последствий (особенно если диспозиция статьи предусматривает альтернативные, разнящиеся по содержанию последствия, например в ст. 246 УК РФ) оказывает значительное влияние и на понимание характера опасности конкретного преступления. В силу сказанного видится целесообразным внесение изменений в приведенное постановление № 58 путем изложения его п. 1 следующим образом: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом. При учете этого обстоятельства судам следует иметь в виду, прежде всего, значимость

¹¹ Кривоченко Л. М. Класифікація злочинів за ступенем тяжкості у Кримінальному кодексі України. — К., 2010. — С. 37.

охраняемых уголовным законом социальных ценностей, на которые направлено деяние, а также характер причиненного вреда».

Степень общественной опасности преступления, учитываемая судом в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ, определяется конкретными индивидуальными обстоятельствами совершенного преступления. Назначая наказание, суд должен учитывать своеобразие конкретного деяния относительно иных преступлений того же вида, обусловливаемое индивидуальными количественными характеристиками его общественной опасности, связанными с формой вины, целями и мотивами, размером наступивших последствий, степенью реализации преступного намерения, способом совершения преступления, ролью подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, и др.

В-третьих, особое значение для индивидуализации наказания имеет категория преступления, хотя анализ судебной практики позволяет констатировать отсутствие в значительном количестве приговоров ссылки на учет таковой. В ст. 60 УК РФ закон не содержит прямого указания на необходимость учета категории при назначении наказания. Впрочем, и Пленум Верховного Суда в названном постановлении № 58 также не обращает внимания судов на это обстоятельство. Однако установление категории преступления значимо для индивидуализации наказания, поскольку позволяет оценить его общественную опасность, определить вид и размер наказания виновному, применить иные уголовно-правовые институты¹². Кроме того, п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ закрепляет необходимость при постановлении приговора устанавливать категорию преступления и возможность ее изменения в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. С учетом сказанного представляется обоснованным дополнение ч. 3 ст. 60 УК РФ указанием на необходимость учета судом при назначении наказания категории совершенного преступления.

Полагаем, реализация перечисленных предложений позволит внести ясность в понимание положений ч. 3 ст. 60 УК РФ, оптимизировать законодательную регламентацию института назначения наказания в целом и будет способствовать повышению эффективности применения его нормативных предписаний в судебной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». — URL: <http://xn -- b1azaj.xn -- p1ai/2015/>

¹² См.: абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 года — № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного Кодекса Российской Федерации».

- postanovlenie-plenuma-vs-rf/№ 58-ot-22.12.2015.html (дата обращения 10.10.2018).
2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 года № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного Кодекса Российской Федерации». — URL: <http://www.vsrfr.ru/files/26761/> (дата обращения 10.10.2018).
 3. *Бажанов М. И.* Назначение наказания по советскому уголовному праву. К., 1980.
 4. *Криволапов Г. Г.* Критерии разграничения преступления и проступка // Совершенствование деятельности органов внутренних дел в условиях развитого социализма / Московская Высшая школа милиции МВД СССР. — М., 1978. — Вып. 3.
 5. *Кривоченко Л. М.* Класифікація злочинів за ступенем тяжкості у Кримінальному кодексі України. — К., 2010.
 6. *Кригер Г. Л.* Влияние характера общественной опасности преступления на дифференциацию и индивидуализацию ответственности // Проблемы правосудия и уголовного права / Под ред. А. М. Ларина, В. М. Савицкого, М. М. Славина, А. М. Яковлева. — М., 1978.
 7. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. — М., 1969.
 8. *Непомнящая Т. В.* Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. — СПб., 2006.
 9. *Пилавов А. В.* О значении направленности и характера преступлений для их классификации // Пробелы в Российском законодательстве. — 2014. — № 2. — С. 200 [Электронный ресурс] // URL: <file:///C:/Users/Artem/Downloads/o-znachenii-napravlennosti-i-haraktera-prestupleniy-dlya-ih-klassifikatsii.pdf> (дата обращения 10.10.2018).

*Полтавцева Л. И.¹,
Полтавцева А. В.²
Poltavtseva L. I., Poltavtseva A. V.*

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINAL POLICY AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития и реализации уголовной политики и их взаимосвязь с правозащитной деятельностью.

Ключевые слова: уголовная политика; правозащитная деятельность; институт медиации.

Summary. The article discusses trends in the development and implementation of criminal policy and their relationship with human rights activities.

Keywords: criminal policy; human rights activities; Institute of Mediation.

Отправной точкой в изложении нашей позиции можно считать положения Статьи 18 Конституции Российской Федерации, согласно которой «права и свободы человека и гражданина ... определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Ценность защиты прав и свобод человека и гражданина провозглашена в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, предложенной Общественной палатой РФ. Концепция определяет цели и задачи, основные направления и ожидаемые результаты реализации уголовно-правовой политики в терминах «обеспечения безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью»; «гарантирования прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений...»; «создание условий для максимально полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливый суд и компенсацию причиненного преступлением вреда»; «соответствия уголовного законодательства

¹ ПОЛТАВЦЕВА ЛАРИСА ИВАНОВНА, профессор кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала ФГОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор (Ростов-на-Дону); POLTAVTSEVA LARISA IVANOVNA, Professor of the Department of Criminal Procedure Disciplines of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, PhD in Psychology, Professor (Rostov-on-Don).

² ПОЛТАВЦЕВА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА, старший преподаватель кафедры гражданского права ФГОУВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (Ростов-на-Дону); POLTAVTSEVA ALINA VLADIMIROVNA, Senior Lecturer, Department of Civil Procedure, Rostov State Economic University (RINH) (Rostov-on-Don)

международным и конституционно-правовым стандартам безопасности и прав человека» и т. д.

В контексте развиваемой темы констатация ценности прав и законных интересов личности и гражданина, ориентация уголовной политики на их (права и законные интересы личности и гражданина) обеспечение и защиту нам представляется значимой и позволяет вывести за рамки настоящей работы анализ имеющихся различий в интерпретации самого понятия уголовной политики, дискуссий относительно актуальных для настоящего периода проблем и тенденций развития.

Одновременно следует признать, что обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина составляет основу и определяет цель правозащитной деятельности. Наиболее интенсивные попытки определить понятие и сущность правозащитной деятельности приходится на конец 90-х – начало 2000-х гг., что, на наш взгляд, объективно связано с демократическими преобразованиями российского общества отмеченного периода. Не претендуя на всеобъемлющий анализ высказанных суждений, обозначим основные подходы в определении понятия правозащитной деятельности. Правозащитная деятельность чаще всего рассматривается в контексте:

- ее целей и задач — как деятельность, направленная на защиту и восстановление прав человека; восстановление нарушенных прав; обеспечение прав и свобод человека и законных отношений между гражданами и государственными структурами;
- субъектов, осуществляющих правозащитную деятельность;
- сравнения (дифференциации) с правоохранительной деятельностью.

Результатом сравнительного исследования правозащитной деятельности и деятельности правоохранительной можно считать устоявшийся в научной среде подход, согласно которому прерогатива правоохранительной деятельности принадлежит государственным органам, а правозащитную деятельность осуществляют субъекты, не наделенные властными полномочиями.

В Российской Федерации к числу субъектов, осуществляющих правозащитную деятельность в сфере уголовного судопроизводства, в первую очередь относятся адвокаты. Также значительную роль в правозащитной деятельности играют уполномоченный по правам человека, общественные правозащитные организации. Однако из перечисленных субъектов правозащитной деятельности процессуальные полномочия в сфере уголовного судопроизводства закреплены только за адвокатами.

Поиск путей эффективного обеспечения прав и свобод личности и гражданина, восстановления их законных интересов в нашем государстве осуществляется в различных направлениях: проводится анализ правоприменительной практики, обсуждаются основные направления, содержание и формы

реализации уголовной политики, развивается институт правозащитной деятельности и т. д.

Так, например, к числу приоритетов уголовной политики относят оптимизацию системы мер уголовно-правового воздействия на преступность — совершенствование имеющихся и поиск новых мер, альтернативных уголовному наказанию. В этой связи заслуживает внимания имеющийся положительный опыт применения в уголовном судопроизводстве института медиации. Институт медиации официально введен в уголовное законодательство ряда зарубежных стран (США, Великобритания, Казахстан и др.) и способствует полному восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан.

Вышесказанное приводит нас к следующему выводу: введение института медиации в уголовное судопроизводство Российской Федерации в настоящее время возможно и целесообразно.

Возможность введения института медиации в сферу уголовно-процессуальных отношений обеспечена имеющимся отечественным опытом применения медиации в разрешении гражданско-правовых споров, а также международной практикой восстановительного правосудия по уголовным делам. Безусловно, проведение процедуры медиации может осуществляться лишь по составам преступлений, которые носят частный или частно-публичный характер.

Целесообразность введения института медиации, на наш взгляд, проявляется:

- в аспекте оптимизации системы мер уголовно-правового воздействия на преступность, как одному из приоритетных направлений уголовной политики;
- в аспекте полноты обеспечения прав и свобод личности и гражданина — применение медиации в уголовном судопроизводстве способствует не только обеспечению баланса прав и законных интересов как государства, так и гражданина, как потерпевшего, так и подозреваемого (подсудимого);
- в аспекте полноты разрешения конфликта и устранения причин его возобновления — собственно разрешение конфликта, является немаловажным, так как мудрость наших праотцов, нашедшая свое отражение в пословицах и поговорках говорит о том, что «худой мир лучше всякой войны (плохой мир, лучше доброй ссоры)».

Отдельного внимания заслуживает целесообразность введения в уголовное судопроизводство института медиации в контексте соблюдения интересов государства. В этой связи следует напомнить, что бремя содержания осужденных является прерогативой государства, обеспечиваемое в конечном счете за счет рядовых налогоплательщиков. Кроме того, достаточно остро

в обществе встает вопрос о социализации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы. В связи с этим представляется, что в отношении лиц, которые впервые привлекаются к уголовной ответственности, применение медиации будет носить экономически и социально целесообразный характер.

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время в нашем государстве существует нормативно-правовая база, регламентирующая медиацию, и для введения института медиации в уголовное судопроизводство необходимо лишь внести соответствующие поправки в Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», УПК РФ и УК РФ.

Рахманова Е. Н.¹
Rakhmanova E. N.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

ELDERLY AND CRIME

Аннотация. Рост численности населения старше 50 лет неуклонно ведет к росту преступности среди лиц пожилого возраста. В работе рассматриваются факторы, способствующие совершению ими преступлений. Обращается внимание на необходимость разработки уголовной политики в данном направлении.

Ключевые слова: лица пожилого возраста, преступность, факторы, способствующие совершению преступлений.

Summary. The growth of the population over 50 years of age steadily leads to an increase in crime among the elderly. The paper discusses the factors contributing to the commission of crimes. Attention is drawn to the need to develop a criminal policy in this direction.

Keywords: elderly people, crime, factors contributing to the commission of crimes.

Большая часть немногочисленных отечественных исследований, касающихся лиц старшего возраста (у нас в стране — это 50 плюс) и преступности, в основном, сосредоточены на проблемах виктимизации людей пожилого возраста, хотя для большинства стран мира сегодня преступность старшего поколения представляет собой отдельную и важную проблему.

Вопреки ожиданиям, в Российской Федерации, как и во многих странах мира, происходит снижение уровня преступности: так, с 2013 по 2017 гг. уровень преступности снизился на 4,9 % и составил 1 402,2 преступлений на 100 тыс. населения².

На состояние преступности, бесспорно, оказывают влияние, в том числе, и демографические процессы, а именно — неуклонное старение населения,

¹ РАХМАНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА, заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российского государственного университета правосудия», доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург); RAKHMANOVA EKATERINA NIKOLAEVNA, Head of the Criminal Law Departmen of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg).

² Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. / ФГКУ «ВНИИ МВД России». — М., 2018 (режим доступа: https://mvd.ru/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original-maket_24_04.pdf (20.07.2018))

снижение числа трудоспособного и криминально активного, прежде всего мужского населения.

Согласно данным ООН, в 2017 году количество жителей планеты в возрасте 60 лет и старше достигло 962 миллионов человек, составив 13 процентов мирового населения. Число людей преклонного возраста растет со скоростью три процента в год. Этому способствуют успехи медицины, расширение доступности образования, улучшение уровня и качества жизни в ряде стран, существенное снижение рождаемости. Сегодня самое большое количество лиц в возрасте 60 лет и старше проживает в Европе (25 процентов). Процессы старения ускоряются и в других регионах мира. Ожидается, что к 2050 году эта группа будет составлять четверть населения всех регионов за исключением Африки. Глобальная численность лиц пожилого возраста, согласно прогнозам, достигнет примерно 1,4 миллиарда человек к 2030 году, 2,1 миллиарда — к 2050 году, и 3,1 миллиарда — к 2100 году³.

Тенденция старения населения, характерная для многих стран, в значительной степени затронула и Россию. По данным Росстата, начиная с 1981 года (для расчета брались сведения с территорий, сегодня являющихся частью РФ) общее число пенсионеров в государстве постоянно увеличивается. На тот момент таковых насчитывалось 27,417 миллиона человек, на 2017 год эта цифра увеличилась до 45,687 миллиона человек⁴. Возрастной порог в 65 лет превысил уже каждый восьмой российский житель. В дальнейшем старение россиян приобретет еще больший масштаб: согласно официальному демографическому прогнозу, к 2030 г. доля населения в возрасте 65 лет и старше превысит 28 %.

Подобная ситуация привела к тому, что практически во всем мире в последние годы увеличивается число преступлений, совершаемых лицами пожилого возраста. Особенно остро данная проблема проявила себя в Южной Корее, Японии, Китае, США, странах Западной Европы.

В Японии зафиксирован наивысший рост числа преступлений, совершаемых пожилыми людьми старше 60 лет. Так, согласно данным Агентства национальной полиции 5,8 % арестов в 2005 году пришлась на людей 65 лет и старше. В течение десятилетия этот показатель вырос до 20 %. Согласно отчету Bloomberg, в японских тюрьмах каждая пятая из заключенных женщин — пожилого возраста. Причем девять из десяти попадают за решетку за такие мелкие правонарушения, как, например, кража в супермаркете.

³ Официальный сайт ООН// <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/ageing/index.html> (20.07.2018).

⁴ Страховой портал [Электронный ресурс]. URL <https://insur-portal.ru/pension/kolichestvo-pensionerov-v-rossii> (21.07.2018).

В Южной Корее число насильственных преступлений, таких как убийство и грабеж, совершенные пожилыми людьми, за последние годы выросло на 40%. В США в 2000 году привлечено к ответственности около 58 500 американцев в возрасте старше 65 лет. К 2013 году их число увеличилось на 44%. Следует отметить относительно высокую долю женщин-правонарушителей пожилого возраста, что традиционно объясняется демографическими факторами.

В Германии также растет уровень преступности среди пожилых людей. По данным статистики, с середины 1990 года преступность среди пенсионеров выросла на 28 процентов. Увеличилось и число отбывающих наказание пожилых людей. Власти Нижней Саксонии разрабатывают планы по созданию первой в Германии тюрьмы для заключенных старше 60 лет. Здесь будут содержаться исключительно старики, потребности которых, как убеждены чиновники, кардинально отличаются от потребностей молодых правонарушителей. Кстати, в Китае уже есть специальные тюрьмы для пожилых людей⁵.

Аналогичная картина наблюдается в России: доля людей 50 лет и старше среди осужденных понемногу возрастала с конца 1990-х годов, поднявшись до 9% в 2016–2017 годах против 4,8% в 1998–1999 годах. Конечно, по-прежнему большинство преступлений совершаются лицами 30–49 лет. Но растет доля и этой возрастной группы — до 51% в 2017 году против 34% в 2003 году.

Как мы понимаем, опираясь на математические расчеты (все больше людей становится старше, следовательно, необходимо ожидать больше преступлений, совершенных представителями этой возрастной группы), рост преступности пожилых людей можно ожидать в нашей стране и дальше.

Причины совершения преступлений пожилыми людьми, как представляется, лежат на поверхности. Определяющими, конечно, являются социально-психологические причины.

Во-первых, несмотря на то, что люди стать жить дольше, у них не всегда есть средства для поддержки самих себя. Социальное обеспечение и пенсии столь малы, что пожилым бывает трудно свести концы с концами. Рост цен на потребительские товары и услуги, а значит — рост расходов граждан России значительно обгоняет рост заработных плат и пенсий. Особенно тяжелым является положение одиноких пенсионеров и многодетных семей.

В 2017 году ситуация с соотношением доходов и расходов россиян не только не улучшилась, но стала хуже. Например, в Москве средние расходы пенсионеров составляют около 18,2 тысячи рублей, а размер пенсии — около 14,7 тысячи. Все это подталкивает пожилых людей к черте, за которой

⁵ *Berger R. Criminal Behavior among the Elderly: A Look into What People Think about This Emerging Topic/ Ragota Berger // Advances in Aging Research, 2018, 7, 1–16.*

начинается нищета. Некоторые просто вынуждены красть по мелочам в магазинах, чтобы жить в меру достойно. Правда, в соответствии с последними пенсионными решениями, в предстоящие шесть лет страховые пенсии по старости неработающих россиян ежегодно будут увеличиваться на одну тысячу рублей и к 2024 году их средний размер составит 20 тысяч рублей. В 2019 году пенсия указанной категории пенсионеров составит 15,4 тысячи рублей, отметили в ПФ. И представители правительства утверждают, что рост пенсии на 1 тыс. рублей позволит ей обогнать инфляцию.

Во-вторых, нельзя забывать, что УК РФ был принят в 1996 году, т. е. 20 лет назад. Иначе говоря, вот уже как 20 лет в нашей стране применяются длительные сроки и пожизненное лишение свободы. Совсем недавно «осужденный к пожизненному сроку за убийство и расчленение жертвы 63-летний Анвар Масалимов вышел на свободу по условно-досрочному освобождению после 25 лет тюрьмы. Число осужденных к пожизненному сроку, которые могут претендовать на УДО, сейчас приближается к полутысяче»⁶. Хочется верить, что многие пожилые преступники, выпущенные из мест лишения свободы, не захотят вновь оказаться за решеткой. Но нам хорошо известно о существовании определенного уровня рецидива, который относительно стабилен и не снижается. В нашей стране он составляет где-то около 650 тыс. человек в год и держится на таком уровне уже многие годы.

При этом порядок предоставления жилья лицам, освобождаемым из мест лишения свободы и не имеющим жилья, специально не определен: то есть получение жилья осуществляется бывшими заключенными в общем порядке, на общих основаниях. За долгие годы личность заключенного подавляется, он выпадает из общества, его нужно социализировать. На воле он чувствует себя чужаком, не знает, в какое учреждение идти, как обратиться к чиновникам, работодателям. Наконец, вернувшиеся из мест лишения свободы лица оказываются в изоляции, у большинства утрачены родственные связи и т. п.

При отсутствии определенной социальной помощи и поддержки шансы на снижение уровня рецидива, или хотя бы на его сохранение, малы, но шансы, что значительная часть данной категории лиц вернется в места лишения свободы, велики.

С другой стороны, общество должно быть готовым к ухудшению криминальной ситуации. Многие хорошо помнят последствия печально известной амнистии 1953 года, когда Указ распространялся на мужчин старше 55 лет, женщин старше 50 лет и на неизлечимо больных. Всего было освобождено 1 201 606 человек, которых отпустили в «никуда»: программу социальной

⁶ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/02/08/750301-na-svobodu-pozhiznenno-zaklyuchennih>.

адаптации разработать не успели. Криминогенная ситуация в СССР стала критической. Милиция не справлялась с разгулом преступности. Дошло до того, что власти призывали граждан забаррикадировать окна и не выходить на улицы.

В-третьих, потеря работы, позволяющей пожилым людям вносить свой вклад в общество и чувствовать себя нужными, приводят их к враждебности к другим, депрессии и даже антиобщественному поведению. Некоторые эксперты полагают, что на преступную тропу пожилых людей очень часто толкает одиночество: пенсионеры крадут ненужные им зонтики и зубочистки, чтобы хоть как-то разнообразить свое существование и привлечь к себе внимание. Некоторые надеются при этом, что их поймают с поличным.

Мы привыкли считать, что структура и характер преступности лиц пожилого и старческого возраста не может не отличаться от молодежной преступности. Общеизвестно, что возраст накладывает на поведение человека, его интересы, психологию, физическое состояние, определение целей и перспектив на будущую жизнь.

Но согласно современным зарубежным исследованиям и исследованию, которое в свое время провел Ю. М. Антонян⁷, преступления, совершаемые лицами пожилого возраста, имеют весьма широкий диапазон: от мелких краж до руководства крупными, даже сверхкрупными хищениями и лидерства в преступных организациях.

В Западной Европе отмечают, что среди преступлений, которые совершают пожилые люди и которые проявляют тенденцию к росту, можно назвать страховое мошенничество, мошенничество с кредитными картами, преступления, связанные с наркотиками, педофилию, порнографию и др.

В ряде стран Западных Европы отмечается увеличение числа уличных и насильственных преступлений, таких как грабежи и бандитизм, в которых участвуют пожилые люди. Так, несколько лет назад полиция Германии раскрыла бандитскую группировку, которая за пять лет ограбила банки на общую сумму 400 тысяч евро. Грабители в возрасте от 63 до 74 лет демонстрировали серьезность своих намерений с помощью пистолетов, кувалд и ручных гранат.

Растут преступления, совершенные на семейно-бытовой основе, на этнической почве, растет число пожилых людей, так или иначе вовлеченных в распространение наркотиков и т. д. Согласно исследованиям, проведенным в Санкт-Петербурге, в массиве внутрисемейных преступлений с участием пожилых граждан (он соответствует сумме убийств с преступниками и/или

⁷ Антонян Ю. М., Волкова Т. Н. Преступность стариков / Академия права и управления. — Рязань, 2005.

жертвами пожилого возраста) в Санкт-Петербурге ежегодно совершается в среднем каждое четвертое внутрисемейное убийство⁸.

Наконец, увеличение продолжительности жизни, которое неизбежно сопровождается болезнями и страданиями, ведет к росту убийств из сострадания.

Хотя делать широкие обобщения о преступности пожилых без специальных исследований, вероятно, нельзя, представляется, что с увеличением численности населения пожилого возраста сама по себе эта проблема не исчезнет, а будет только усиливаться. Демографический сдвиг в сторону старения населения, особенно когда пожилые люди все чаще сталкиваются с социальными проблемами, может означать, что все большее количество дедушек и бабушек вольются в ряды лиц, осужденных за совершение преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонян Ю. М., Волкова Т. Н.* Преступность стариков / Академия права и управления. — Рязань, 2005.
2. *Харламов В. С.* Внутрисемейные убийства пожилых граждан мегаполиса в криминологическом зеркале // *Российский следователь*. — 2012. — № 14. — С. 39–41.
3. *Berger R.* Criminal Behavior among the Elderly: A Look into What People Think about This Emerging Topic / *Ragota Berger* // *Advances in Aging Research*. — 2018, 7, 1–16.

⁸ *Харламов В. С.* Внутрисемейные убийства пожилых граждан мегаполиса в криминологическом зеркале // *Российский следователь*. 2012.— № 14. — С. 39–41.

*Репин М. Е.*¹

Repin M. E.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
И МАЛОЛЕТНИХ**

**CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF COUNTERACTION
AGAINST CRIMES AGAINST CRIMINAL PROTECTION SEXUAL UNKNOWLEDGE
AND SEXUAL FREEDOMS OF MINORS AND INFANT**

Аннотация. В статье высказываются определенная тревога и обеспокоенность, вызванные ростом преступности против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних; раскрываются основные её причины и условия; сформулированы действенные меры, направленные на профилактику преступной деятельности в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: несовершеннолетний, малолетний, преступление, профилактика преступлений, половая неприкосновенность и половая свобода несовершеннолетних и малолетних, преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних.

Summary. The article expresses certain concern and anxiety caused by the growth of criminality against sexual freedom and sexual inviolability of minors and infant; its main causes and conditions are revealed; effective measures aimed at the prevention of criminal activity in the sphere in question are formulated.

Keywords: minor, infant, crime, crime prevention, sexual inviolability and sexual freedom of minors and infant, crimes against sexual freedom and the inviolability of minors and infant.

Во все периоды, на любых этапах и стадиях развития общественных отношений преступность оставалась негативным и страшным социально-опасным явлением. На протяжении существования человека во всем мировом сообществе борьба с ней никогда не знала легких времен. Россия в этом плане не является каким-либо исключением из правил. В современных динамично развивающихся условиях всеобщей интеграции и глобализации одним из главных направлений деятельности любого государства и общества является профилактика преступной деятельности во всех сферах жизнедеятельности.

¹ РЕПИН МАКСИМ ЕВГЕНЬЕВИЧ, начальник смены дежурной части отдела полиции № 5 Управления МВД России по г. Н. Новгороду (Н. Новгород); REPIN MAXIM EVGENYEVICH, *Head of the Shift on Duty of the Police Department No. 5 of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of N. Novgorod (N. Novgorod).*

На данном этапе функционирования и развития общественных отношений противодействие преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, в том числе малолетних, приобретает одно из первостепенных и первоочередных направлений и значений².

В Российской Федерации в сфере защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних и малолетних проводится современная эффективная уголовно-правовая политика, содержащая в себе два приоритетных и основополагающих направления легитимного регулирования: предупредительно-охранительное; восстановительно-воспитательное³.

По имеющимся данным официальной статистики, к нашему сожалению, число потерпевших в возрасте от 14 до 18 лет на протяжении нескольких последних лет превышает 15 000 человек. В 2017 году количество пострадавших от преступлений детей в возрасте до 14 лет составило более 6 700. С января по июнь 2018 года расследовано более 9 тысяч дел против несовершеннолетних и малолетних (127 убийств, 695 изнасилований, 1 437 фактов насильственных действий сексуального характера), по ним были признаны потерпевшими 9 287 детей. При этом большинство преступлений совершено против половой неприкосновенности и половой свободы лиц, не достигших 18-летнего возраста. Только в 1-м полугодии 2018 года расследовано 4 927 эпизодов преступной деятельности данной категории дел⁴.

В 2016 году в Нижнем Новгороде группой лиц было совершено беспрецедентно жестокое и беспощадное изнасилование несовершеннолетней девушки⁵. Позднее преступники выложили видеозаписи и фотографии

² *Филлипова М. С.* Уголовная политика Российской Федерации в сфере защиты прав ребенка на современном этапе // Ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Защита несовершеннолетних от насилия / Сборник статей. Материалы междисциплинарного межведомственного круглого стола, 16 декабря 2014 г. Следственный комитет Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» / Институт повышения квалификации, Шестой факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Санкт-Петербург), 2014. — С. 109–111.

³ См. об этом подробнее: *Репин М. Е.* Актуальные проблемы современной уголовной политики Российской Федерации в сфере защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции 3 ноября 2016 г. / Под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. — СПб., 2016. — С. 258–265.

⁴ Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://sledcom.ru/> (дата обращения 02.09.2018).

⁵ Уголовное дело— № 16/13769 по обвинению Б. Н.С., П. И.А. и М. И.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2, ч. 3 ст. 131 Уголовного кодекса РФ // Архив Нижегородского районного суда Нижегородской области, 2016.

своего преступления в глобальной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Однако жертва нашла в себе силы и подала заявление в правоохранительные органы. В российском обществе вновь вспыхнули ожесточенные споры. Многие граждане оправдывали преступников. В последнее время в нашей стране такие деяния происходят с ужасающей периодичностью и регулярностью. Возможно, именно поэтому общество уже не в первый раз встает на защиту нарушившей закон стороны и обвиняет в случившемся саму жертву преступления. Прежде чем с особой категоричностью отстаивать определенные убеждения, представляется целесообразным подробнее рассмотреть соответствующие общественно-опасные деяния, проанализировать причины и условия, способствующие их совершению, в результате чего предложить комплекс конкретных и эффективных мер по их профилактике и недопущению в дальнейшем.

В современных условиях глобализации общественного развития реализуемая уполномоченными субъектами уголовная политика в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста, должна располагать действенной системой мер определенного реагирования как на преступные действия против их прав и свобод, так и проступки и правонарушения⁶.

Важнейшим этапом борьбы с преступностью против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних является профилактика правонарушений, которая, в свою очередь, не может находиться вне уголовной политики. Реализация же таковой во многом опирается, в том числе, и на административно-правовые нормы⁷.

В современном гражданском обществе и правовом государстве борьба с преступностью осуществляется комплексно, с использованием возможностей каждой из политик (криминологической, уголовно-правовой, уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной, административно-правовой), выступающих в качестве базисных элементов единой централизованной уголовной политики.

В научной литературе уже на протяжении нескольких последних лет отмечается необходимость формирования особой уголовной политики в отношении малолетних и несовершеннолетних⁸.

Следует отметить, что преступления против половой свободы и половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних является особо

⁶ *Азарова Е. Г.* Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: монография. — М., 2012. — С. 129.

⁷ *Дорошенко О. М.* Административная деликтность несовершеннолетних и роль полиции в противодействии ей // Административное и муниципальное право. — 2013. — № 1. — С. 30–33.

⁸ *Ткачев В. Н.* Проблемы реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д., 2007. — С. 5–24.

социально опасными явлениями. Как показывает сложившаяся правоохранительная и правоприменительная практика, в последующем лицо, его совершившее, с целью сокрытия своего деяния попытается лишить жертву жизни. Определенную тревогу и беспокойство такие преступные действия вызывают с учетом тех обстоятельств, что чаще всего насильственным действиям сексуального характера подвергаются малолетние и несовершеннолетние девочки. Беспомощное состояние имеет непосредственное отношение к возрастным аспектам развития человека⁹. Следовательно, в силу возраста они не могут оказать сопротивления, а тем более осознать, что хоть какими-то действиями они создают предпосылки для совершения преступления¹⁰.

На наш взгляд, одними из основных причин и условий низкой эффективности защиты малолетних и несовершеннолетних потерпевших от преступной деятельности против их половой неприкосновенности и половой свободы можно констатировать следующие:

- 1) Несовершенство действующего законодательства Российской Федерации, регулирующего общественные отношения в рассматриваемой сфере, требующего скорейшего совершенствования и реформирования;
- 2) Свободный доступ к сценам страшного насилия и явной порнографии, в том числе над подростками и детьми, в отечественных и зарубежных средствах массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение), включая единую глобальную информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- 3) Отсутствие должного и необходимого контроля за малолетними и несовершеннолетними, их поведением и образом жизни со стороны их родителей, родственников, опекунов и попечителей;
- 4) Недостаточная эффективная работа всей системы правоохранительных органов (Следственный комитет РФ, прокуратура РФ, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ, суды РФ и др.) по профилактике, пресечению, противодействию и выявлению преступной деятельности указанной категории дел¹¹.

⁹ Полянская В. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности потерпевших по делам о половых преступлениях понимать значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление // Сибирский государственный вестник. — № 1. — 2009. — С. 109.

¹⁰ Канукова И. В. Виктимность жертвы по делам о половых преступлениях // Студенческие южно-уральские криминалистические чтения: Сборник материалов всероссийской заочной научно-практической конференции. — Уфа, 2015. — С. 113–114.

¹¹ Репин М. Е., Кривоногова Д. Д. Меры защиты несовершеннолетних от наркоугроз // Ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных

Необходимо отметить тот факт, что меры предупреждения направлены на устранение условий и причин, порождающих преступность. В то время как уголовное наказание оказывает на нее воздействие, достигая свои цели и решая поставленные задачи непосредственно через личность преступника. Предупредительная деятельность по своему содержанию, масштабам мероприятий и количеству субъектов, участвующих в ней, значительно богаче и шире, чем практика применения уголовного наказания¹².

На наш взгляд, для достижения поставленных целей в борьбе с преступной деятельностью против половой неприкосновенности и половой свободы малолетних и несовершеннолетних, её профилактики, пресечения и предупреждения, необходимо:

- 1) Органам государственной власти, местного самоуправления и их должностным лицам:
 - проработать вопрос о расширении возможности максимального контроля общественных мест, на примере системы видеонаблюдения «Безопасный город» и кнопок экстренного вызова правоохранительных органов, которые смогут снизить вероятность совершения преступлений рассматриваемой категории¹³;
 - с целью совершенствования информационного обеспечения профилактики указанных преступлений активизировать использование всех возможных источников, включая граждан, располагающих сведениями о местах концентрации лиц, ведущих аморальный и противоправный образ жизни, а также граждан, оказывающих содействие правоохранительным органам на конфиденциальной основе;
 - посредством налаживания взаимодействия всех субъектов правоохранительной системы координировать и регулировать профилактику преступной деятельности данного вида¹⁴.

интересов ребенка, причинение ему вреда. Защита несовершеннолетних от насилия / Сборник статей. Материалы междисциплинарного межведомственного круглого стола, 16 декабря 2014 г. / Следственный комитет Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» / Институт повышения квалификации, Шестой факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Санкт-Петербург), 2014. — С. 92–96.

¹² Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. — М., 1961. — С. 11.

¹³ Безопасность в масштабах мегаполиса: «Безопасный город» — комплексная информационная система городского масштаба [Электронный ресурс]. — URL: https://www.itv.ru/verticals/homeland_security/ (дата обращения 14.09.2018).

¹⁴ Еремин А. С. Версии и планирование расследования изнасилования // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2011. — № 1. — С. 14.

2) Родителям и образовательным учебным заведениям:

- обеспечить незамедлительное и обязательное информирование правоохранительных органов государства о лицах, проявляющих повышенный интерес к теме полового воспитания несовершеннолетних, в том числе малолетних, и их половой жизни;
- максимальное использование защитных возможностей потенциальных потерпевших, что, в свою очередь, может быть достигнуто за счет организации целенаправленной воспитательной работы, включая половое и физическое воспитание, а также обучение приемам борьбы и самообороны¹⁵;
- не оставлять детей и подростков без должного контроля и надзора, особенно в вечернее и ночное время, когда особенно высока вероятность быть подвергнутым сексуальному насилию;
- следует быть особо внимательным, чутким и бдительным к повседневному поведению малолетних и несовершеннолетних, их привычкам и образу жизни¹⁶.

Первостепенное значение приобретает информирование граждан, не только для профилактики преступлений, но и для того, чтобы побуждать потерпевших как можно скорее обращаться в соответствующие правоохранительные органы. Кроме того, для успешной борьбы с такого рода преступными проявлениями представляется необходимым изменить существующие в обществе настроения, оценки личности и поведения тех несовершеннолетних и малолетних, которые уже стали жертвами. Воспитывая иные ориентиры еще со школьной скамьи, сможем добиться того, что преступники уже не смогут ожидать поддержки тех, кто считал бы осквернение детей и подростков и нарушение их половой неприкосновенности и свободы нормой.

Таким образом, мы приходим к выводу, что используя исключительно комплексный, системный и научно обоснованный подход к профилактике преступной деятельности против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, в тесном взаимодействии со всеми государственными органами и органами местного самоуправления, их должностными лицами, образовательными учреждениями, а также непосредственно самими родителями, мы сможем вести речь о возможности достижения поставленных целей предупреждения вышеуказанных противоправных деяний.

¹⁵ Галагузова М. А. Социальная педагогика: курс лекций. — М., 2003. — С. 63.

¹⁶ Серебровская Д. Д. Несколько слов о виктимности жертвы преступления, предусмотренного статьей 131 «Изнасилование» Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых): сборник статей / Под ред. Р. В. Павленкова, М. П. Полякова, А. Ю. Смолина, А. В. Рогова. — Н. Новгород, 2016. — С. 233–236.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азарова Е. Г.* Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: монография. — М.: КОНТРАКТ, 2012. — 256 с.
2. *Галагузова М. А.* Социальная педагогика: курс лекций. — М.: Издательский центр «ВЛАДОС», 2003. — 416 с.
3. *Дорошенко О. М.* Административная деликтность несовершеннолетних и роль полиции в противодействии ей // Административное и муниципальное право. — 2013. — № 1. — С. 30–33.
4. *Еремин А. С.* Версии и планирование расследования изнасилования // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2011. — № 1. — С. 14.
5. *Канукова И. В.* Виктимность жертвы по делам о половых преступлениях // Студенческие южно-уральские криминалистические чтения: Сборник материалов всероссийской заочной научно-практической конференции. — Уфа, 2015. — С. 113–114.
6. *Полянская В. А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности потерпевших по делам о половых преступлениях понимать значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление // Сибирский государственный вестник. — 2009. — № 1. — С. 109.
7. *Репин М. Е.* Актуальные проблемы современной уголовной политики Российской Федерации в сфере защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции: 3 ноября 2016 г. / Под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. — СПб.: ИД «Петрополис», — 2016.
8. *Репин М. Е., Кривоногова Д. Д.* Меры защиты несовершеннолетних от наркоугроз // Ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Защита несовершеннолетних от насилия / Сборник статей «Материалы междисциплинарного межведомственного круглого стола, 16 декабря 2014 г.» / Следственный комитет Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» / Институт повышения квалификации, Шестой факультет повышения квалификации (СПб), 2014. — С. 95–96.
9. *Сахаров А. Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. — М.: Госюриздат, 1961. — 279 с.
10. *Серебровская Д. Д.* Несколько слов о виктимности жертвы преступления, предусмотренного статьей 131 «Изнасилование» Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых): сборник статей / Под ред. Р. В. Павленкова, М. П. Полякова, А. Ю. Смолина, А. В. Рогова / Нижегородская академия МВД России. — Н. Новгород, 2016. — С. 233–236.
11. *Ткачев В. Н.* Проблемы реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д., 2007. — С. 5–24.
12. Уголовное дело № 16/13769 по обвинению Б. Н. С., П. И. А. и М. И. А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2, ч. 3 ст. 131 Уголовного кодекса РФ // Архив Нижегородского районного суда Нижегородской области, 2016.
13. *Филлипова М. С.* Уголовная политика Российской Федерации в сфере защиты прав ребенка на современном этапе // Ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Защита несовершеннолетних от насилия / Сборник статей. Материалы

междисциплинарного межведомственного круглого стола, 16 декабря 2014 г. / Следственный комитет Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации», Институт повышения квалификации, Шестой факультет повышения квалификации (СПб), 2014. — С. 109–111.

*Решетников А. Ю.*¹
Reshetnikov A. Yu.

МОДЕЛИРОВАНИЕ САНКЦИИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

MODELING OF THE SANCTIONS AT THE APPOINTMENT OF PUNISHMENT FOR UNFINISHED CRIME

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы неопределенности назначения наказания за неоконченное преступление. Высказывается мнение, что сложившаяся и во многом вынужденная практика восполнения пробелов уголовного закона, подобно тому, как это делает Верховный Суд Российской Федерации при назначении наказания за неоконченное преступление, не в полной мере отвечает идее законности.

Ключевые слова: наказание, неоконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление, судебная практика.

Summary. The article deals with the problems of uncertainty of sentencing for an unfinished crime. The opinion is expressed that the current and largely forced practice of filling the gaps of the criminal law, just as the Supreme Court of the Russian Federation does when imposing punishment for an unfinished crime, does not fully meet the idea of legality.

Keywords: punishment, unfinished crime, preparation for a crime, attempted crime, judicial practice.

Одна из особенностей назначения наказания за неоконченное преступление связана с необходимостью обязательного сокращения максимальной границы наказания при его назначении за неоконченное преступление. Это следует из содержания положений ч. 2, 3 ст. 66 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). С учетом этого правила суд должен самостоятельно, в том числе и с учетом иных положений закона, смоделировать санкцию². Однако установленные УК РФ параметры сокращения наказания

¹ РЕШЕТНИКОВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГКОУВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент (Москва); RESHETNIKOV ALEKSANDR YURYEVICH, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Federal State Public Educational Institution of Higher Education «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation», PhD in Law, Associate Professor (Moscow).

² Как отмечается в одном из определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за неоконченное преступление, является самостоятельной и включает в себя диспозицию и санкцию, которые отличаются по содержанию от диспозиции и санкции нормы за оконченное преступление. — См.: Апелляционное

могут вызывать ряд вопросов. Как отмечают представители судебной власти, отчасти это обусловлено тем, что положения ст. 66 УК РФ не позволяют должным образом индивидуализировать наказание³.

Результаты обобщения судебной практики по вопросам назначения наказания за неоконченное преступление показывают, что суды не всегда учитывают правило об обязательном сокращении максимальной границы наказания.

К примеру, при назначении наказания С., осужденному по приговору Ульяновского областного суда по ст. 15, п. «а», «е», «н» ст. 102 УК РСФСР, судом не были учтены требования ч. 3 ст. 66 УК РФ, в соответствии с которыми срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наказания, предусмотренного за оконченное преступление, что повлекло изменение приговора⁴.

В других ситуациях при применении положений ч. 2, 3 ст. 66 УК РФ суды не всегда точно определяют границы наказуемости неоконченных преступлений.

Так, исходя из правила об обязательном сокращении срока или размера наказания за неоконченное преступление, в случае совершения лицом, например, приготовления к преступлению, ответственность за совершение которого установлена ч. 2 ст. 211 УК РФ, при отсутствии смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, верхней границей наказания, которой следует руководствоваться суду, будут 6 лет лишения свободы. При этом минимальный срок лишения свободы, который может быть назначен лицу, составляет 7 лет. Возникает проблема, касающаяся того, как назначить лицу, признанному виновным в приготовлении к угону воздушного или водного транспорта или железнодорожного подвижного состава при наличии квалифицированных обстоятельств наказание в виде лишения свободы с минимальной границей санкции в виде лишения свободы в 7 лет и максимальной — в 6 лет с ограничением свободы до 2 лет.

В последние годы на практике подобная ситуация «неопределенности» границ наказания стала возникать все чаще ввиду уголовно-политических тенденций к ужесточению наказаний за преступления в сфере незаконного

определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2014 г. по делу № 50-АПУ14–27 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 8. — URL: <http://www.supcourt.ru/files/14941/> (дата обращения 20.09.2018).

³ См.: Николаева О. Н. Назначение наказания за неоконченное преступление // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. — 2005. — № 6 (2). — С. 195.

⁴ Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2000. — № 10. — URL: <http://www.supcourt.ru/files/11250/> (дата обращения 20.09.2018).

оборота наркотиков и повышения максимальных пределов наказуемости террористических преступлений.

Уголовный закон прямо не регламентирует, как следует поступать правоприменителю в таких случаях. Фактически он содержит лишь одно легальное основание выхода за нижнюю границу санкции — предписания ст. 64 УК РФ.

Между тем решение этой проблемы предлагает высшая судебная инстанция. В п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О судебной практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» отмечается, что если в результате применения ст. 66 и (или) ст. 62 УК РФ либо ст. 66 и ст. 65 УК РФ срок или размер наказания, который может быть назначен осужденному, окажется менее строгим, чем низший предел наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, то наказание назначается ниже низшего предела без ссылки на статью 64 УК РФ. В таких случаях верхний предел назначаемого наказания не должен превышать срок или размер наказания, который может быть назначен с учетом положений указанных статей⁵.

Оставив за рамками настоящей работы важную теоретическую проблему сущности подобного разъяснения высшей судебной инстанции и соотношения предлагаемого Верховным Судом Российской Федерации правила с принципами и предписаниями о наказуемости, содержащимися в УК РФ, зададимся другим более значимым в прикладном смысле вопросом: какими минимальными границами наказания следует руководствоваться суду при выходе за нижний предел санкции?

В смоделированном примере с угоном воздушного судна формальное сокращение наказания в два раза за приготовление к этому преступлению приводит суд к абсолютно определенной санкции. Однако в таком случае представляется невозможным индивидуализировать наказание, что противоречит базовой уголовно-правовой идее справедливости (ст. 6 УК РФ).

В названном случае вне зависимости от характеристик личности преступника и содеянного, смягчающих или отягчающих обстоятельств, приготовление к квалифицированному угону воздушного судна будет наказуемо лишением свободы на срок 7 лет. Если же воспринимать изложенное Верховным Судом Российской Федерации правило лишь как указание на то, что положения ст. 66 УК РФ, подобно ст. 64 УК РФ, дают основания для выхода

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 29 ноября 2016 г.) «О судебной практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2016. — № 2. — URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8470/> (дата обращения 20.09.2018).

за нижний предел санкции, то логично предположить, что в этом случае суд может руководствоваться минимальным размером наказания, предусмотренного ч. 2 ст. 56 УК РФ. Других параметров для определения нижней границы санкции, как было указано ранее, УК не содержит. Следовательно, наказание в виде лишения свободы за приготовление к угону воздушного судна должно назначаться в пределах от 2 месяцев до 7 лет.

Таким образом предлагается решать эту проблему в уголовно-правовой науке⁶. Справедливость подобного подхода также подтверждается современной практикой Верховного Суда Российской Федерации.

Так, по приговору Московского городского суда были осуждены: М. — по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228–1 УК РФ к 9 годам лишения свободы, Г. — по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228–1 УК РФ к 9 годам 6 месяцам лишения свободы и по ч. 1 ст. 228 УК РФ к 2 годам лишения свободы.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил приговор изменить в части назначенного осужденным наказания за преступление, поскольку, по смыслу ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 60 УК РФ максимально возможное и одновременно минимальное наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228–1 УК РФ, при отсутствии оснований для применения ст. 62, 64 УК РФ, составляет 10 лет лишения свободы.

Однако судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор оставила без изменения, а апелляционное представление без удовлетворения.

В обоснование такого решения судом было указано, что положения ч. 2 ст. 66 УК РФ устанавливают лишь верхний предел максимально возможного срока и размера наказания за приготовление к преступлению и каких-либо других ограничений не содержат.

Кроме того, по смыслу закона, если максимальное наказание, которое может быть назначено по правилам ч. 2 ст. 66 УК РФ, является менее строгим, чем нижний предел санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, то ссылка на ст. 64 УК РФ не требуется.

Поскольку судом установлено наличие смягчающего наказание М. обстоятельства, а также наличие у него и Г. других влияющих на назначение наказания обстоятельств, суд обоснованно учел их, а также принял во внимание положительные характеристики осужденных, степень их фактического участия в преступлении при назначении наказания и назначил осужденным наказание ниже максимально возможного.

⁶ См.: *Анисимов А. А.* Неоконченные преступления и особенности их доказывания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2003. — С. 25; *Решетников А. Ю.* Особенности назначения наказания за неоконченное преступление: проблемы теории и практики // Человек: преступление и наказание. — 2015. — № 4. — С. 96 и др.

При таких данных Верховный Суд Российской Федерации не нашел оснований для признания назначенного осужденным наказания незаконным и назначения им более строгого наказания, как об этом ставился вопрос в апелляционном представлении⁷.

Как следует из приведённого примера, подобным образом следует поступать судам и в тех ситуациях, когда при сокращении максимальных границ уголовного наказания верхний и нижний пороги санкций совпадают. Например, назначая наказание за покушение на террористический акт, сопряжённый с посягательством на объекты использования атомной энергии (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ), и применяя положения ч. 3 ст. 66 УК РФ, суду следует руководствоваться рамками новой санкции в виде лишения свободы в пределах от 2 месяцев до 15 лет.

Представляется, что сложившаяся и во многом вынужденная практика восполнения пробелов уголовного закона, подобно тому, как это делает Верховный Суд Российской Федерации при назначении наказания за неоконченное преступление, не в полной мере отвечает идее законности. В связи с чем в научной литературе обозначенную проблему все чаще предлагается разрешать за счет корректировки содержания самих уголовно-правовых предписаний. Одним из решений в данном случае может быть закрепление в ст. 66 УК РФ возможности одновременного сокращения не только максимального, но и минимального пределов наказания за неоконченное преступление⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимов А. А.* Неоконченные преступления и особенности их доказывания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2003. — 28 с.
2. *Николаева О. Н.* Назначение наказания за неоконченное преступление // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. — 2005. — № 6 (2). — С. 194–202.
3. *Питецкий В.* Назначение наказания за неоконченное преступление // Уголовное право. — 2001. — № 4. — С. 60–61.

⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2014 г. — № 5-АПУ14–11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 2. — URL: <http://www.supcourt.ru/files/14777/> (дата обращения 20.09.2018).

⁸ См.: подробнее о содержании предлагаемых нормотворческих решений: *Питецкий В.* Назначение наказания за неоконченное преступление // Уголовное право. — 2001. — № 4. — С. 61; *Решетников А. Ю.* Покушение на преступление в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 12 и др.

4. *Решетников А. Ю.* Особенности назначения наказания за неоконченное преступление: проблемы теории и практики // Человек: преступление и наказание. — 2015. — № 4. — С. 94–99.
5. *Решетников А. Ю.* Покушение на преступление в российском уголовном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.

Решняк М. Г.¹
Reshnyak M. G.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА**

ABOUT SOME PROBLEM ASPECTS OF MODERN CRIMINAL LAW LEGISLATION

Аннотация. В статье исследуются отдельные положения ст. 72 УК РФ, с изменениями и дополнениями, внесёнными Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ, в ракурсе действия уголовного закона во времени. На основе проведённого исследования сформулированы конкретные выводы и предложения относительно толкования новых положений уголовного закона в контексте его темпорального действия.

Ключевые слова: уголовное наказание, обратная сила уголовного закона.

Summary. The article examines some provisions of article 72 of the criminal code with amendments and additions made by the Federal law of July 3, 2018 № 186-FZ, from the perspective of the criminal law in time. On the basis of the study formulated specific conclusions and proposals for the interpretation of the new provisions of the criminal law in the context of its temporal action.

Keywords: criminal punishment, retroactive effect of the criminal law.

Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ² были внесены существенные изменения и дополнения в ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), установившие новый порядок зачёта периода нахождения лица под стражей в срок отбывания наказания. Данные законодательные новеллы обусловили возникновение ряда вопросов теоретического и прикладного характера, в том числе касающихся действия соответствующих положений уголовного закона во времени.

В пояснительной записке к законопроекту, внесённому в Госдуму РФ ещё 20 июня 2008 г. и выступившему основой для рассматриваемого

¹ РЕШНЯК МАРИЯ ГЕНРИХОВНА, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Карачаево-Черкесского филиала Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат юридических наук, доцент (Москва); RESHNYAK MARIA GENRIKHOVNA, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Karachay-Cherkessia branch of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», PhD in Law, Associate Professor (Moscow).

² См.: Федеральный закон от 3 июля 2018 г. — № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 28. — Ст. 4150.

Федерального закона³, в частности отмечается, что он направлен на компенсацию издержек, возникающих в связи с отсутствием в России возможности для того, чтобы привести условия содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в полное соответствие с имеющимися международными стандартами. Также авторы законопроекта указали, что его положения предусматривают применение повышенного коэффициента кратности, зависящего от вида исправительного учреждения, определяемого судом для отбывания назначенного наказания в виде лишения свободы. Это нововведение, по мнению разработчиков проекта, имело своей направленностью восстановление тех прав и законных интересов лиц, осуждённых к лишению свободы, которые были нарушены во время их содержания под стражей в период предварительного расследования.

Действительно, условия содержания под стражей, существующие на сегодняшний день в России, не соответствуют европейским стандартам и преимущественно уступают условиям отбывания наказания в виде лишения свободы в большинстве видов колоний, имеющихся в России. То есть лицо, пока ещё официально не признанное виновным в совершении преступления, при его заключении под стражу во время предварительного расследования и рассмотрения дела в суде, чаще всего претерпевает больше лишений, чем осуждённый, отбывающий наказание в колонии-поселении, воспитательной колонии или колонии общего режима.

Новые положения уголовного закона предписывают судам засчитывать время, проведённое лицом под стражей, в срок отбывания назначенного лишения свободы с учётом определённого пропорционального соотношения периодов применения соответствующих меры пресечения и вида наказания, если последнее назначено с отбыванием в колонии-поселении (2 дня содержания под стражей за 1 день в данной колонии), воспитательной колонии или колонии общего режима (1,5 дня за 1 день соответственно).

Для осуждённых к содержанию в дисциплинарной воинской части предусмотрено такое же пропорциональное соотношение, как и для последних двух видов колоний, тогда как применительно к колониям строгого и особого режимов, а равно к тюрьме сохранён прежний порядок зачёта времени содержания под стражей в срок отбывания лишения свободы, то есть день за день.

³ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона № 73983-5 «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» (по вопросу зачёта времени содержания лица под стражей до вступления приговора в законную силу в срок отбывания наказания в виде лишения свободы), внесённому депутатом Госдумы РФ Крашенинниковым П. В. // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ: URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/73983-5> (дата обращения 25.08.2018).

Измененный порядок не применяется и к осуждённым при особо опасном рецидиве, а также к тем, кому смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет, а также к тем, кто признан виновным в совершении преступлений террористической направленности.

Поскольку изменения и дополнения ст. 72 УК РФ направлены на улучшение положения определённых категорий лиц, содержащихся под стражей до вступления обвинительного приговора суда в законную силу, данные положения уголовного закона в соответствии со ст. 10 УК РФ имеют обратную силу, причём не только в отношении лиц, отбывающих наказание, но и лиц, отбывших его либо освобождённых от него, когда пропорциональный порядок зачёта времени нахождения под стражей может улучшить их положение (например, сократить период судимости).

Следует отметить, что, несмотря на общую позитивную направленность рассматриваемых новых положений ст. 72 УК РФ, они не обладают необходимой полнотой, системностью и определённой, в том числе не регламентируют порядок осуществления зачёта времени содержания лица под стражей, не учитывают возможность применения данной меры пресечения после вступления приговора суда в силу⁴.

Отсутствие единой концептуальной линии в рассматриваемых новых положениях уголовного закона проявляется и в том, что они одновременно имеют разную направленность: наряду с улучшением положения лица, совершившего преступление, они также могут ухудшить его положение в случаях применения к такому лицу меры пресечения в виде домашнего ареста вплоть до начала судебного заседания, когда соотношение времени нахождения под таким арестом по отношению к сроку лишения свободы составляет два дня домашнего ареста за один день отбывания данного вида наказания либо содержания под стражей (ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ). До соответствующих законодательных изменений время нахождения лица под домашним арестом вплоть до вступления приговора суда в законную силу засчитывалось из расчёта день за день. Поэтому новые положения уголовного закона в той части, в которой они регламентируют изменившийся порядок зачёта времени домашнего ареста до начала судебного разбирательства, не должны иметь обратную силу. В связи с этим суду при разрешении вопросов, связанных с применением новых положений ст. 72 УК РФ, необходимо одновременно учитывать их направленность на улучшение и (или) ухудшение положения соответствующего лица.

⁴ См.: *Шульгина Д.* Недостатки нового порядка зачета времени содержания в СИЗО в срок наказания // Электронный ресурс: URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/nedostatki-novogo-poryadka-zacheta-vremeni-soderzhaniya-v-sizo-v-srok-nakazaniya/> (дата обращения 28.08.2018).

Например, Судебная коллегия Верховного Суда РФ, рассмотрев дело в кассационном порядке, в своём определении, в частности указала, что из материалов дела следует, что М. с 25 апреля 2016 г. (со дня взятия его под стражу в зале суда) до вступления приговора в законную силу 29 июня 2016 г. содержался под стражей, поэтому этот период с учётом новых требований закона подлежит зачёту в срок наказания из расчёта 1 день содержания под стражей за 1,5 дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Вместе с тем положения ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ ухудшают положение осуждённого, поэтому решение суда о зачёте в срок наказания М. времени нахождения под домашним арестом с 19 ноября 2015 г. по 19 марта 2016 г. из расчёта 1 день содержания под домашним арестом за 1 день лишения свободы не подлежит пересмотру⁵.

Определённые вопросы вызывают положения новой части 3³ ст. 72 УК РФ, согласно которым время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчёта 1 день за 1 день в отношении срока нахождения осуждённого, отбывающего наказание в строгих условиях в воспитательной колонии или исправительной колонии общего режима, в штрафном или дисциплинарном изоляторе, помещении камерного типа либо едином помещении камерного типа, в случае применения мер взыскания к осуждённому в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством РФ. При буквальном и логическом толковании содержания ч. 3³ ст. 72 УК РФ можно сделать вывод, что по закону лицу, направляемому, например, для отбывания наказания в виде лишения свободы в колонию общего режима, льгота при зачёте времени содержания под стражей должна быть применена сразу при постановлении приговора (суд должен указать об этом в приговоре), однако в дальнейшем данную льготу могут пересмотреть, если осуждённый подвергнулся взысканиям в период отбывания наказания. Другими словами, анализируемые положения обуславливают зачёт времени содержания лица под стражей до вступления приговора в законную силу поведением этого лица в период отбывания наказания.

Таким образом, пропорциональный порядок, имеющий льготный характер, установленный в ч. 3¹ ст. 72 УК РФ, потенциально может быть признан условным, зависящим от поведения лица во время отбывания наказания. Отмену назначенной ранее по приговору суда льготы может вызвать нарушение режима, за которое к лицу были применены меры взыскания, установленные Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Несмотря

⁵ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2018 г. — № 20-УД18-9 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 25.08.2018).

на то, что за допущенные нарушения режима отбывания наказания осуждённый уже был подвергнут взысканию, за эти же нарушения его могут лишить предоставленной ранее льготы при зачёте времени содержания под стражей. Представляется, что это противоречит генеральной направленности изменений и дополнений ст. 72 УК РФ, а также Рекомендации № Rec (2006)13 Комитета министров Совета Европы, на которой была основана соответствующая законодательная инициатива⁶, и принципу запрета двойной ответственности за одно и то же нарушение закона.

Полагаем, что противоречивость содержания ч. 3³ ст. 72 УК РФ обусловлена тем, что при разработке новых положений уголовного закона не были учтены рекомендации Правового управления Госдумы РФ⁷, согласно которым сам по себе факт водворения осуждённого в указанные изоляторы и помещения и нахождения в них в течение определённого срока не может являться основанием для изменения размера наказания, установленного приговором суда. В связи с этим более обоснованным было бы распространить положения новой ч. 3³ ст. 72 УК РФ только на случаи изменения приговоров, по которым лица уже отбывают наказание в виде лишения свободы и в период последнего подвергались соответствующим взысканиям, что непосредственно необходимо было регламентировать в законе.

Таким образом, очевидно, что новые положения ст. 72 УК РФ, несмотря на значительный срок их разработки, не обладают в полной мере необходимыми системностью и определённостью, что может негативно сказаться на их применении, в том числе при разрешении сложных вопросов действия уголовного закона во времени. По мнению автора, данные положения нуждаются в дальнейшей доработке, а для оперативного реагирования на возникшие проблемы правоприменения целесообразно подготовить соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

⁶ См.: Рекомендация № Rec (2006)13 Комитета министров Совета Европы «Об использовании меры пресечения в виде заключения под стражу, условиях содержания под стражей и гарантиях против злоупотреблений» (принята 27 сентября 2006 г. на 974-м заседании представителей министров) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 25.08.2018).

⁷ См.: Заключение Правового управления Аппарата Госдумы Федерального Собрания РФ от 11 февраля 2015 г. № 2.2-1/609 «По проекту Федерального закона № 73983-5 «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации»» (повторно к первому чтению) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ: URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/73983-5> (дата обращения 25.08.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рекомендация № Rec (2006)13 Комитета министров Совета Европы «Об использовании меры пресечения в виде заключения под стражу, условиях содержания под стражей и гарантиях против злоупотреблений» (принята 27 сентября 2006 г. на 974-м заседании представителей министров) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 25.08.2018).
2. Федеральный закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 28. — Ст. 4150.
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 73983-5 «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» (по вопросу зачёта времени содержания лица под стражей до вступления приговора в законную силу в срок отбывания наказания в виде лишения свободы), внесённому депутатом Госдумы РФ Крашенинниковым П. В. // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ: URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/73983-5> (дата обращения 25.08.2018).
4. Заключение Правового управления Аппарата Госдумы Федерального Собрания РФ от 11 февраля 2015 г. № 2.2–1/609 «По проекту Федерального закона № 73983–5 “О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации”» (повторно к первому чтению) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ: URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/73983-5> (дата обращения 25.08.2018).
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2018 г. № 20-УД18-9 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 25.08.2018).
6. *Шульгина Д.* Недостатки нового порядка зачета времени содержания в СИЗО в срок наказания // Электронный ресурс: URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/nedostatki-novogo-poryadka-zacheta-vremeni-soderzhaniya-v-sizo-v-srok-nakazaniya/> (дата обращения 28.08.2018)

*Рускевич Е. А.*¹
Ruskevich E. A.

**ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ИКТ)**

**PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION OF MODERN CRIMINAL LEGISLATION
ON RESPONSIBILITY FOR CRIMES COMMITTED WITH THE USE
OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES (ICT)**

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемам модернизации отечественного уголовного законодательства в части противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. На основании имеющихся точек зрения в науке уголовного права, анализа материалов судебно-следственной практики автором формулируются конкретные рекомендации по совершенствованию УК РФ. Статья предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, практикующих юристов, а также для всех, кто интересуется проблемами соответствующей тематики.

Ключевые слова: уголовный закон, компьютерные преступления, компьютерная информация, киберпреступность.

Summary. The article is devoted to individual problems of modernization of domestic criminal legislation in terms of combating crimes committed using information and communication technologies. On the basis of existing points of view in the science of criminal law, analysis of materials of judicial-investigative practice, the author formulates specific recommendations for improving the Criminal Code of the Russian Federation. The article is intended for students, graduate students, teachers, law enforcement officers, practicing lawyers, as well as for anyone interested in the problems of relevant topics.

Keywords: criminal law, complicity, computer crimes, computer information, cybercrime.

Стремительно развивающаяся архитектура виртуального пространства не только качественно улучшает нашу жизнь, но и параллельно с этим генерирует новые риски и угрозы. Негативным следствием глобальной информатизации явилось появление не только нового вида преступлений (преступлений

¹ РУСКЕВИЧ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Москва); *RUSKEVICH EVGENY ALEXANDROVICH*, Assistant Professor of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named V. Y. Kikot, PhD in Law, Associate Professor (Moscow).

в сфере компьютерной информации), но и существенное изменение облика преступности в целом, которая в связи с использованием информационно-коммуникационных технологий приобрела несвойственные ей ранее признаки: экстерриториальность, гипертаргетированность, мультипликативность и др.

Несмотря на весьма активное обсуждение этой проблемы, использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях в последние годы по-прежнему является серьёзным вызовом как для правоохранительных, так и законодательных органов. Жертвами преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, ежегодно становятся миллионы людей и организаций, а также органы власти конкретных государств.

Так, по данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) в 2017 г. около половины российских компаний сталкивались с различными угрозами, а финансовые потери от хакерских атак понесли 22% из них. По данным всероссийского опроса предпринимателей, проведённого Аналитическим центром НАФИ в ноябре 2017 г., средняя сумма убытков в одной компании составила 299 940 рублей. В целом по стране потери от атак, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, оцениваются в 115 967 204 788 рублей².

Высокотехнологичная преступность новейшего времени представляет собой серьёзный вызов и для глобальной безопасности. В докладе The Global Risks Report 2016, подготовленном по итогам Давосского экономического форума, выход из строя критически важной информационной инфраструктуры назван среди наиболее актуальных угроз мировой экономике³.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации говорится о возрастании масштабов компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, а также увеличении числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина⁴.

Оценивая риски и угрозы стремительной «диджитализации» экономики, российский законодатель принимает меры, направленные на формирование

² Российские компании потеряли не менее 116 млрд рублей от кибератак в 2017 году. — URL: <https://www.nafi.ru/analytics/rossiyskie-kompanii-poteryali-ne-menee-116-mlrd-rubley-ot-kiberatak-v-2017-godu/> (дата обращения 30.06.2018).

³ The Global Risks Report 2016. — URL: <http://www.mmc.com/content/dam/mmc-web/Global-Risk-Center/Files/world-economic-forum-global-risk-report-2016.pdf> (дата обращения 17.06.2018).

⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2016. — № 50. — Ст. 7074.

эффективного правового инструментария противодействия киберпреступности в этой сфере. Вместе с тем, следует с сожалением заключить, что они представляют собой результат эпизодического и бессистемного законотворчества, угрожающего разрушением субстанциональных признаков всей отрасли уголовного права.

Так, с недавнего времени признаки компьютеризированного преступления приобрела кража. Федеральным законом от 23.04.2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч. 3 ст. 158 УК РФ была дополнена новым особо квалифицирующим обстоятельством совершения кражи — с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств.

По мнению отдельных специалистов, данное решение учитывает необходимость дополнительной защиты финансовых интересов граждан, кредитных организаций и государства в целом, а также предоставляет правоприменителям возможность задействовать весь спектр оперативно-розыскных мероприятий⁵.

Вместе с тем, на наш взгляд, анализируемая корректировка уголовно-правовой нормы об ответственности за кражу представляется крайне дискуссионной. Её следствием является то, что кража денежных средств с банковского счёта или электронных денежных средств оказалась механически приравнена к краже, совершённой в крупном размере. Таким образом, традиционная модель дифференциации ответственности за преступления против собственности на основе размера похищенного имущества была фактически нарушена.

Разработчики законопроекта указывали на то, что хищение денежных средств в электронной форме либо с банковского счёта клиента, как правило, сопряжено с профессионализмом преступников, их оснащённостью и, как следствие, повышенной общественной опасностью. Однако даже поверхностный анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что данный довод весьма далёк от реального положения дел. В этой связи уместен следующий пример хищения денежных средств с банковского счёта клиента на примитивно-бытовом уровне. В., находясь в квартире Ш., увидел на полке мебельной стенки сим-карту потерпевшей. Осознавая, что данная сим-карта ему не принадлежит, В. вставил ее в мобильный телефон и получил смс-сообщение от «Мобильного банка» о том, что на расчётном счёту банковской карты Ш. находятся денежные средства в размере 5900 рублей. Реализуя умысел на хищение чужого имущества, В., осознавая, что его действия никем

⁵ *Иванов И. С., Рязанцева С. В.* Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счёте, и электронных денежных средств // *Российский следователь.* — 2018. — № 8. — С. 49.

не замечены и носят тайный характер, используя мобильный телефон, с помощью услуги «Мобильный банк» осуществил операцию по переводу денежных средств в размере 5900 рублей, принадлежащих Ш., на расчётный счет своей банковской карты⁶.

Следует лишь дополнительно отметить, что подобная практика носит массовый характер. Полагаем, что единственно приемлемым выходом из сложившейся ситуации является исключение анализируемого особо квалифицирующего признака из уголовно-правовой нормы об ответственности за кражу.

Данным законом также скорректированы название и диспозиция ст. 159³ УК РФ путём указания на «электронные средства платежа». Понятие таких средств раскрывается в ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 года № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе». В целом указанная категория является более универсальной и охватывает не только платёжные карты, но и иные современные средства безналичных расчётов с использованием информационно-коммуникационных технологий (ApplePay, SamsungPay и др.). Вместе с тем заслуживает внимания то обстоятельство, что, изменив диспозицию ст. 159³ УК РФ, законодатель по каким-то причинам исключил оговорку о том, что соответствующие действия должны быть сопряжены с обманом уполномоченного работника кредитной или иной организации. Если согласиться с тем, что такой способ уже не является обязательным, то данный состав преступления станет абсолютно неотличимым от кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В связи с этим полагаем, что толкование данного преступления по-прежнему должно основываться на разъяснениях, сформулированных в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которым признаки ст. 159³ УК РФ имеют место только в случаях, когда хищение имущества осуществлялось путём сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности лицу карты (с учётом изменений — электронного средства платежа) на законных основаниях либо путём умолчания о незаконном владении им такой картой (с учётом изменений — электронным средством платежа).

Крайне дискуссионным и противоречащим теоретико-правовым основам дифференциации уголовной ответственности явилось решение законодателя о включении в ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ особо квалифицирующего признака, связанного с совершением компьютерного мошенничества в отношении

⁶ Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 11 января 2018 года по делу № 1-108/2018.

электронных денежных средств и средств, которые находятся на банковском счёте потерпевшего. С учётом специфического способа мошенничества в сфере компьютерной информации, как правило, не предполагает возможности его осуществления в отношении обычных (бумажных) денежных средств (исключением, пожалуй, может выступать противоправное вмешательство в работу программного обеспечения банкомата и последующее изъятие имеющихся денег). Это наглядно подтверждается и материалами довольно многочисленной судебной-следственной практики, где анализируемое преступление так или иначе всегда посягает на безналичные или электронные деньги. Таким образом, изменив редакцию ст. 159⁶ УК РФ, законодатель практически аннулировал действие её первой и второй части.

Более перспективным направлением, на наш взгляд, является установление повышенной ответственности за совершение мошенничества в сфере компьютерной информации «с неправомерным сокрытием либо изменением идентификаторов оконечного оборудования пользователя информационно-коммуникационной сети (в том числе сети Интернет)».

Как справедливо отмечает В. Х. Каримов, системы шифрования и сокрытия данных пользователей Интернета активно используется преступным миром, вследствие чего у заинтересованных структур, в том числе правоохранительных, возникают сложности в расшифровке сведений и установлении лиц, их использующих⁷.

В то же время предпринимаемые законодателем меры по защите национальной экономики от киберпреступности, к сожалению, не затронули современную редакцию уголовно-правовой нормы об ответственности за вымогательство (ст. 163 УК РФ), которая до настоящего времени не позволяет должным образом оценить требования о передаче денежных средств или иного имущества под угрозой совершения действий, связанных с блокированием, уничтожением или повреждением компьютерной информации.

В современных условиях такие деяния получают всё большее распространение. Так, в качестве примеров можно привести атаки на информационную инфраструктуру ряда государств, в том числе России, вирусов-шифровальщиков «WannaCry» и «Petya». В общей сложности только от «WannaCry» пострадало более 500 тысяч компьютеров, принадлежащих частным лицам, коммерческим организациям и правительственным учреждениям, в более чем 150 странах мира⁸. Как известно, условием возобновления доступа

⁷ Каримов В. Х. Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием систем анонимизации пользователей в сети Интернет // Российский следователь. — 2018. — № 6. — С. 52.

⁸ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3297338> (дата обращения 20 марта 2018).

к заблокированной компьютерной информации выступала выплата потерпевшим определённой суммы денежных средств.

В правоприменительной практике такие случаи квалифицируются исключительно по статьям о преступлениях в сфере компьютерной информации (ст. ст. 272, 273 УК РФ). Однако такая юридическая оценка является объективно неполной, поскольку охватывает только деяния, связанные с использованием вредоносного программного обеспечения и неправомерным доступом к компьютерной информации. Последующее же требование о передаче владельцем информационного актива денежных средств или иного имущества остаётся без надлежащей уголовно-правовой оценки. На это обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание в отечественной доктрине уголовного права⁹.

Полагаем, что данный пробел должен быть устранён посредством дополнения диспозиции ст. 163 УК РФ указанием на «угрозу совершения действий, связанных с блокированием, уничтожением или повреждением компьютерной информации».

Наличие существенных проблем в законодательном определении преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, пожалуй, наиболее ярко может быть представлено на примере уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258¹ УК РФ).

С момента появления в июле 2013 года данная норма подвергалась двум значимым изменениям. Так, в декабре 2017 года часть 2 была дополнена указанием на специфический способ совершения незаконных действий с особо ценными дикими животными и водными биологическими ресурсами — «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)».

Однако уже в июне 2018 года законодатель продолжил «оцифровку» ст. 258¹ УК РФ, включив в неё по сути самостоятельный состав преступления, установив в ч. 1¹ ответственность за незаконные приобретение или продажу особо ценных диких животных либо водных биологических ресурсов

⁹ См., например: *Тирранен В. А.* Проблема уголовной ответственности за криптовирусные атаки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. — М., 2018. — С. 637–640.

«с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет».

Как нетрудно заметить, разница между действующими редакциями частей 1¹ и 2 ст. 258¹ УК РФ заключается собственно в том, что в первом случае речь идёт об использовании информационно-телекоммуникационных сетей при приобретении или продаже особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов вообще, а во втором — о публичной демонстрации таких животных и ресурсов, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Таким образом, с формально-логической точки зрения использование информационно-телекоммуникационной сети является более объёмным понятием и охватывает таковое, совершаемое в целях публичной демонстрации соответствующих объектов. В этой части положения пункта «б» части 2 ст. 258¹ УК РФ являются специальной нормой по отношению к ч. 1¹ ст. 258¹ УК РФ.

Вместе с тем понятно, что договорённость о сбыте особо ценных диких животных или водных биологических ресурсов не может быть достигнута исключительно посредством демонстрации реализуемой особи животного или птицы в сети Интернет. Так или иначе сторонам необходимо оговаривать такие значимые условия, как цена незаконной сделки, порядок расчётов, условия и сроки доставки животного и т. п. Означает ли это, что ч. 2 ст. 258¹ УК РФ фактически теряет какое-либо прикладное значение? Полагаем, что ответ на поставленный вопрос должен быть отрицательным. Объясняется это тем, что наказание по ч. 2 ст. 258¹ УК РФ является более строгим чем в ч. 1¹ этой же статьи. Следовательно, в случае когда лицо использует информационно-телекоммуникационные сети для приобретения или продажи особо ценных диких животных без их визуальной демонстрации, применению подлежит ч. 1¹. В том же случае, когда потенциальному приобретателю предоставлялись визуальные материалы, содеянное необходимо квалифицировать уже по ч. 2 ст. 258¹ УК РФ.

Другой проблемой систематизации отечественного уголовного закона, является новелла, предусмотренная ст. 274¹ УК РФ. Как известно, Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» предполагает категорирование всех объектов прежде всего в зависимости от социальной, политической и экономической значимости. К сожалению, действующая редакция ст. 274¹ УК РФ не учитывает данное деление, что представляется существенным упущением не только с точки зрения игнорирования критериев дифференциации уголовной ответственности, но и что, пожалуй, более значимо, — анализируемая уголовно-правовая норма не позволяет должным образом оценить различия в объёме и значимости социальных последствий криминальных посягательств

на объекты критической инфраструктуры. Вместе с тем вполне очевидно, что совершение компьютерной атаки на IT-инфраструктуру банка из первой тройки и кредитно-финансовой организации из третьей сотни рейтинга представляет собой отнюдь не одно и то же. Возможности учёта опасности указанного деяния только лишь посредством дифференциации уголовного наказания, как представляется, явно недостаточны. Полагаем, что в этой части уголовно-правовая норма об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации также требует соответствующей корректировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов И. С., Рязанцева С. В.* Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счёте, и электронных денежных средств // *Российский следователь*. — 2018. — №8. — С. 46–50.
2. *Каримов В. Х.* Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием систем анонимизации пользователей в сети Интернет // *Российский следователь*. — 2018. — №6. — С. 51–54.
3. *Рускевич Е. А.* Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: учебное пособие. — М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2017. — 115 с.
4. *Тирранен В. А.* Проблема уголовной ответственности за криптовирусные атаки // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции*. — М., 2018. — С. 637–640.

Рябенко Ю. Н.¹
Ryabenko Yu. N.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ — ЗАПРЕТ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

UNDERAGE IN COURT OF JURY — PROHIBITION OR VALIDITY

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия норм права, предусматривающих порядок назначения уголовных дел к рассмотрению судом с участием присяжных заседателей и исключение из числа указанных дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей, уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовное дело, суд, присяжные, вовлечение.

Summary. The article discusses the contradictions of the law, procedure for the appointment of criminal cases to the court with jurors, the exclusion of criminal cases of crimes committed by persons under the age of eighteen years.

Keywords: underage, court of jury, criminal cases.

С участием присяжных заседателей уголовное дело рассматривается при наличии трех оснований, а именно: соблюдения подсудности, предусмотренной п. 2 и 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, заявленного ходатайства обвиняемым в совершении преступления о рассмотрении уголовного дела в указанном порядке, и принятия решения о выделении либо невозможности такого выделения уголовного дела в отдельное производство при наличии возражений у остальных обвиняемых по уголовному делу относительно его рассмотрения судом с участием присяжных заседателей.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2005 «О применении судам норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» установлено преимущество рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство в связи с наличием возражений у остальных обвиняемых.

¹ РЯБЕНКО ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА, прокурор учебно-методического отдела — межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих — начальник учебно-методического отдела прокуратуры Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург); RYABENKO YULIYA NIKOLAEVNA, Prosecutor of the St. Petersburg Interregional center of Professional Training of Prosecutors and Federal Civil Servants, Counselor of Justice. (St. Petersburg)

В число оснований необходимости выделения уголовного дела в отдельное производство при решении вопроса о назначении суда с участием присяжных заседателей включено обстоятельство, когда один или несколько обвиняемых являются несовершеннолетними согласно, постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.05.2018 № 11 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

В соответствии с введением Федеральным законом от 29.12.2017 № 467-ФЗ в новую редакцию статьи 30 УПК РФ пункта 2.1, уголовные дела о преступлениях, совершенные лицами в возрасте до восемнадцати лет, исключены из списка дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей.

Согласно особенностям производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних на досудебной стадии уголовного судопроизводства уголовное дело выделяется в отдельное производство в отношении несовершеннолетнего участвовавшего в совершении преступления вместе со взрослым.

Так, например, по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершении преступления взрослым путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, предусмотренным ст. 150 УК РФ.

Согласно п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления установлены как действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления. Преступление квалифицируется одновременно в соответствии со ст. 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 33 УК РФ соучастником преступления наряду с исполнителем признаётся и подстрекатель — лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Наказание за преступление, совершенное в соучастии, назначается с учетом положений ст. 67 УК РФ.

Для определения роли взрослого в вовлечении несовершеннолетнего в преступление необходимо устанавливать характер взаимоотношений указанных лиц, а также осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления.

Данные обстоятельства напрямую касаются, в том числе, юридической оценки квалификации совершенного конкретного преступления.

Выделение уголовного дела в отдельное производство в соответствии со ст. 422 УПК РФ и в порядке, установленном ст. 154 УПК РФ, зачастую

затрудняет расследование преступления и не всегда способствует правильному определению степени общественной опасности подсудимых.

Так, согласно Обзору законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 30.05.2007), отменено постановление судьи о возвращении уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с тем, что следователь не решил вопрос о выделении в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, чем нарушил положения ст. 422 УПК РФ.

Из указанного следует, что процессуальный закон не содержит прямого указания на необходимость вынесения органами предварительного расследования постановления о невозможности выделения в отдельное производство дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, привлеченного к уголовной ответственности по одному делу с совершеннолетними.

Изложенные нормы права, установленные законодателем, на деле противоречат абсолютному исключению несовершеннолетних из числа лиц, участвующих в качестве обвиняемых в рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей.

Таким образом, если необходимость обеспечения доказательствами вины обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УПК РФ, либо иная необходимость становятся причинами невозможности выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство, то по ходатайству взрослого обвиняемого уголовное дело должно рассматриваться судом с участием присяжных заседателей.

*Савинский А. В.*¹
Savinsky A. V.

**И НА СОЛНЦЕ ЕСТЬ ПЯТНА (О ПОГРЕШНОСТЯХ
 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ)**

**THERE ARE LEES TO EVERY WINE (ON THE ERRORS
 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA)**

Аннотация. В статье изложено сугубо субъективное, дискуссионное мнение автора относительно неточностей содержательного, стилистического и технико-юридического характера, вкрапившихся в Уголовный кодекс России. Такого рода погрешности затрудняют понимание уголовного законодательства, могут приводить к ошибкам в правоприменении.

Ключевые слова: уголовное законодательство, Уголовный кодекс, юридическая техника, теория уголовного права.

Summary. The article outlines the purely subjective, controversial opinion of the author on inaccuracies in content, stylistic and technical and legal nature that have crept into the Criminal Code of Russia. Such errors make it difficult to understand criminal law, they can lead to mistakes in law enforcement.

Keywords: criminal legislation, the Criminal Code of Russia, legal technique, the theory of criminal law.

В 1996 году был принят, а с 1 января следующего года вступил в законную силу Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ). Этот акт ознаменовал новую эпоху в отечественном уголовном праве: адекватно отобразил происходящие в российском обществе процессы демократизации, становления рыночной экономики, признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Жизнь показала, что в своей нынешней редакции УК РФ является сбалансированным, выверенным юридическим документом, который обладает многими достоинствами и, безусловно, пригоден для эффективного правоприменения судьями, прокурорами, следователями и другими профессионалами уголовной юстиции.

Вместе с тем определенные недостатки и погрешности вкрались и в УК РФ, что в определенной степени влияет на эффективность регулирования

¹ САВИНСКИЙ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ, доцент кафедры уголовного права и процесса Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктический) федерального университета имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент (Архангельск); SAVINSKY ALEXANDER VASILYEVICH, Associate Professor of the Department of Criminal law and process of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov», PhD in Law, Associate Professor (Arkhangelsk).

уголовно-правовых отношений. Эти погрешности затрудняют понимание и, в конечном итоге, соблюдение норм уголовного законодательства не искусственными в юридических премудростях обывателями. Формулировки некоторых статей как Общей, так и Особенной части УК РФ излишне сложны для восприятия, не лишены определенных смысловых, стилистических и технико-юридических неточностей. Диспозиции ряда норм чересчур лаконичны, в других, наоборот, допускается излишние повторы, уточнения, лишние слова. Весьма затрудняет восприятие смысла норм обилие отсылочных диспозиций. В ряде статей УК РФ допущены неточности смыслового и стилистического характера.

Понимаем, что критиковать принятый высшим законодательным органом кодифицированный правовой акт, успешно «работающий» более двух десятилетий — дело не вполне благодарное. Но, все же, руководствуясь исключительно благой целью, снижения уровня криминальных угроз личности, общества и государства, рискнем высказать наши — сугубо субъективные! — идеи на этот счет. В целом недочеты действующего УК РФ, как представляется, можно свести к следующим.

I. Стилистические погрешности

1. В статье 281 «Диверсия» указана специальная цель совершения взрывов, поджогов и иных действий — «подрыв и экономической безопасности и обороноспособности РФ». Употребленный разделительный союз «и» указывает на то, что диверсионные действия должны посягать одновременно на оба непосредственных объекта — экономическую безопасность и обороноспособность. Очевидно, однако, что такая целевая диада не всегда может наличествовать. Например, осуществление с антигосударственной целью взрыва на электростанции в местности, где нет ни военных объектов, ни оборонных предприятий, необходимо квалифицировать как диверсию, хотя данное деяние не посягает на обороноспособность страны. И наоборот, диверсия на атомной подводной лодке посягает лишь на обороноспособность. Вывод: разделительный союз «и» в тексте статьи 281 следует заменить на соединительный союз «или».

2. Подобная погрешность допущена и в названии статьи 205.4 «Организация террористического сообщества и (выделено мной, надо или. — А. С.) участие в нем».

3. Квалифицирующим признаком публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (часть 2 статьи 280.1), служит «использование средств массовой информации либо *электронных* (курсив мой. — А. С.) или информационно-телекоммуникационных сетей». А вот в квалифицирующем признаке

публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (часть 2 статьи 280) — «использование средств массовой либо информационно-телекоммуникационных сетей» — *электронные сети* почему-то отсутствуют.

4. В ч. 1 ст. 82 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания» в перечне статей УК РФ, предусматривающих преступления террористического характера и сопряженные с осуществлением террористической деятельности, в связи с совершением которых не применяется отсрочка отбывания наказания, упущено преступление, предусмотренное статьей 361 УК РФ «Акт международного терроризма».

5. При составлении УК РФ 1996 года и последующей систематизации уголовного законодательства не всегда соблюдался принцип комплексности законотворческой деятельности. Согласно ч. 2 ст. 1 УК РФ «Уголовное законодательство Российской Федерации», «новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Очевидно, что инкорпорированию в УК РФ подлежат все вновь принимаемые уголовные законы, содержащие любые уголовно-правовые нормы (а не только предусматривающие уголовную ответственность), а также нормы уголовно-правового характера, содержащиеся в законах иной отраслевой принадлежности. К сожалению, это делается не всегда. Так, в ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»² сформулировано основание освобождения от уголовной ответственности участника преступной группы. Эта норма создает надежную правовую основу для оперативного проникновения органов МВД и ФСБ в различного рода преступные структуры. Однако эта норма не нашла отражения в УК РФ, в связи с чем применяться не может. С учетом сказанного второе предложение ч. 1 ст. 1 УК РФ следовало бы сформулировать следующим образом: «Новые законы уголовно-правового характера, а также уголовно-правовые нормы, содержащиеся в законах иной отраслевой принадлежности, подлежат включению в настоящий Кодекс».

6. Раздел IX УК РФ называется «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Между тем в названии всех глав, входящих в этот раздел, понятие «общественный порядок» отсутствует, хотя видовым объектом таких преступлений, как «хулиганство» (ст. 213), «вандализм» (ст. 214), «массовые беспорядки» является именно общественный порядок. Принимая во внимание, что общественный порядок является компонентом общественной безопасности раздел IX следует назвать «Преступления против общественной безопасности», а главу 24 — «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

7. В ряде статей УК РФ по-разному именуется один и тот же государственный орган: «уголовно-исполнительная инспекция» — в ст. ст. 48 (ч. 1), 50 (ч. 1); «специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием наказания в виде ограничения свободы» — в ст. ст. 53 (ч. 3); «специализированный государственный орган, осуществляющий контроль за поведением условно осужденных» — ст. 73 (ч. 5), ст. 74 (ч. 1); «специализированный государственный орган» — ст. 79 (ч. 6); «орган, осуществляющий контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено» — ст. 82 (ч. 2). Во всех этих случаях речь идет об одном и том же государственном органе — уголовно-исполнительных инспекциях, действующих составе территориальных органов ФСИН РФ. Таким образом, было бы целесообразно именно это название употреблять во всех названных статьях.

II. ТЕХНИЧЕСКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОГРЕШНОСТИ

1. В ч. 2 ст. 92 «Освобождение от наказания несовершеннолетних прописано, что «...несовершеннолетние, совершившие преступления средней тяжести и тяжкие, могут быть освобождены от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа». И лишь в части 5 этой же статьи приведен перечень преступлений (очевидно, что это наиболее опасные из тяжких преступлений), в случае совершения которых несовершеннолетние не могут быть освобождены от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение. Полагаем, что данная норма только выиграла бы, если перечень этих преступлений поместить в ч. 2 ст. 92 УК РФ.

2. В ст. 56 УК РФ «Лишение свободы на определенный срок» определены максимальные сроки лишения свободы при совокупности преступлений: 25 лет, а в случае, если одно из преступлений предусмотрено ст. ст. 205-205⁶, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. ст. 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358, 360 и 361, — 30 лет. Однако положения ст. 56 плохо согласуются с содержанием ст. 69 «Назначение наказания по совокупности преступлений», где определено, что как при назначении окончательного наказания по правилам поглощения менее строгого наказания более строгим, так и по правилам полного или частичного сложения наказания, окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений. В то же время там ничего не говорится о предельных сроках назначения наказания в виде лишения свободы в размере 25 и 30 лет. Полагаем, что здесь был бы полезен повтор: максимальные сроки лишения свободы, назначаемые по совокупности преступлений, целесообразно указать и в ст. 69.

3. В ст. 205³ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», считаем, нет необходимости указывать преступления, предусмотренные ст. ст. 205¹, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361, ибо все они охватываются понятием «террористическая деятельность». Это вытекает из ч. 1 ст. 295¹ «Содействие террористической деятельности» и примечания к ст.е 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма».

4. По той же самой причине из текста ч. 1 ст. 205⁴ «Организация террористического сообщества и участие в нем» следует исключить указание на преступления, предусмотренные ст. ст. 205¹–205³, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361.

5. Не вполне ясно сформулированы некоторые положения, касающиеся уголовных наказаний и их уголовно-правовых последствий применительно к несовершеннолетним. В ст. 88 УК РФ названы все виды наказаний и их специфика применительно к несовершеннолетним. В то же время ничего не сказано об особенностях лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Очевидно, надо исходить из положений ст. 47 УК РФ, в соответствии с которой этот вид наказания может назначаться на срок от 1 года до 5 лет в качестве основного наказания и на срок от шести месяцев до 3 лет — в качестве дополнительного.

Таким же образом дело обстоит со сроком погашения судимости при условном осуждении несовершеннолетних: следует руководствоваться п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ, в соответствии с которым судимость погашается по истечении испытательного срока³. И в указанных случаях повторы, думается, только бы способствовали смысловой ясности норм.

6. В ст. 50 УК РФ «Исправительные работы» указывается, что среди прочих лиц «исправительные работы не назначаются военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также *военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву* (выделено нами. — А. С.)». Логичнее было бы перенести выделенное положение в ст. 51 «Ограничение по военной службе» либо, учитывая мизерный размер денежных выплат рядовому и сержантскому составу, вообще исключить его.

³ Подобное положение не вполне логично, ибо все иные уголовные наказания и другие уголовно-правовые последствия (сроки давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора, погашения судимости, условия условно-досрочного освобождения) применительно к несовершеннолетним отличаются существенной мягкостью по сравнению с совершеннолетними.

III. СМЫСЛОВЫЕ ПОГРЕШНОСТИ

1. В ч. 5 ст. 82¹ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией» указывается, что «...если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, признанный больным наркоманией, совершил новое преступление, суд отменяет отсрочку отбывания наказания, назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 («Назначение наказания по совокупности приговоров. — А. С.) настоящего Кодекса и направляет осужденного в место, назначенное в соответствии с приговором суда». Из части же 4 данной статьи усматривается, что такое «новое преступление» должно быть не любым, а преступлением, указанным в ч. 1 данной статьи (ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233)⁴. Считаем, что в текст ч. 5 ст. 82¹ следовало бы добавить слова «новое преступление, указанное в части 1 настоящей статьи».

2. Согласно ч. 1 ст. 9 «Действие уголовного закона во времени», «преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния». Для юристов, которые владеют способом системного толкования, здесь все понятно. А вот для обывателей не помешало бы чуточку расширить данное законоположение, добавив следующие слова: «с учетом происшедших изменений уголовного законодательства и обратной силы уголовно-правовых норм».

3. В ч. 5 ст. 34 «Ответственность соучастников преступления» указывается, что в случае недоведения исполнителем преступления до конца *по независящим от него обстоятельствам* (выделено нами. — А. С.) остальные соучастники несут ответственность за приготовление к преступлению или за покушение на преступление. Слова «по независящим от него обстоятельствам» являются лишними, ибо остальные участники несут ответственность за приготовление или покушение и в том случае, когда исполнитель не доводит преступление до конца вследствие добровольного отказа.

4. В соответствии с ч. 1 ст. 87 «Уголовная ответственность несовершеннолетних» несовершеннолетними признаются лица в возрасте от 14 до 18 лет. Однако в Уголовном кодексе термин «несовершеннолетние» употребляется не всегда точно в соответствии с этим совершенно определенным уголовно-правовым понятием. Так, в ст. ст. 73 (п. «а», ч. 1), 79 (п. «а», ч. 2), 82 (ч. 1) употребляется выражение «половая неприкосновенность *несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста*» (выделено нами. — А. С.). Правильнее было бы вместо слова «несовершеннолетних» употребить слово «лиц». Вообще, полагаем целесообразным лиц, не достигших 14-летнего возраста,

⁴ В случае совершения другого преступления суд отменяет отсрочку от отбывания наказания и назначает новое наказание в соответствии со статьей 69 УК РФ (по совокупности преступлений).

именовать «малолетними». Тем более что такое понятие употребляется в УК РФ (п. «з» ч. 1 ст. 63). Тогда не будет неопределенности, например в содержании ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ведь в зависимости от того, достигло вовлекаемое лицо четырнадцати лет или нет, юридическая оценка происшедшего содеянного существенно меняется: если вовлечен в совершение преступления малолетний (до 14 лет), то вовлекший его в совершение общественно опасное деяние отвечает по совокупности как исполнитель за это совершенное преступление и по ст. 150 УК РФ; а если в совершении преступления вовлечен несовершеннолетний, то он отвечает за совершенное преступление как исполнитель (при достижении возраста, с которого наступает уголовная ответственность), а вовлекший его в преступление отвечает по совокупности как организатор или подстрекатель за совершенное преступление и по ст. 150 УК РФ.

5. В ч. 4 ст. 46 «Штраф» указывается, что «...штраф в качестве дополнительного наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями настоящего Кодекса». Указание на то же самое ограничение необходимо сделать и применительно к штрафу как основному наказанию (за исключением назначения в порядке ст. 64 более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление).

6. В ч. 4 ст. 86 «Судимость» нечетко определены сроки погашения судимости для лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания. Неопределенность вносят слова «срок погашения судимости исчисляется *исходя из фактически отбытого срока наказания*» (курсив наш. — А. С.) с момента освобождения от отбывания основного или дополнительного видов наказаний». Возможны два варианта понимания этого законоположения:

а) если буквально понимать слова «исходя из фактически отбытого срока наказания», то срок погашения судимости будет соответствовать сроку погашения судимости за совершение преступления, категория которого соответствует отбытой части наказания. В этом случае сформулировать эту идею было бы целесообразно следующим образом: «срок погашения судимости условно-досрочно освобожденного равен сроку погашения судимости за преступление той категории тяжести, которой соответствует отбытая часть наказания, и начинает течь с момента фактического освобождения от основного и дополнительного видов наказаний». Впрочем, такое положение не соответствует ни смыслу, ни духу законодательства, ни судебной практике;

б) исключить слова «исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания». Текст ч. 4 будет выглядеть следующим образом: «срок погашения судимости начинает течь с момента освобождения от отбывания основного или дополнительного видов наказаний». Понятно, что этот срок определяется категорией совершенного преступления (ч. 2 ст. 86 УК РФ).

7. В ст. 2 «Задачи уголовного кодекса РФ» названы объекты уголовно-правовой защиты: права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй, мир и безопасность человечества. Исходя из содержания Особенной части УК РФ, сюда следовало бы добавить «государственную власть».

8. В ряде статей УК РФ (ч. 4 ст. 11, ст. 38 и др.) термин «лицо, совершившее преступление» употребляется применительно к лицам, еще не признанным преступниками вступившим в силу приговором суда. В целях согласования с презумпцией невиновности таких лиц правильнее называть «лицами, совершившими деяния, предусмотренные Особенной частью настоящего Кодекса».

10. Ч. 2 ст. 28 неудачно определяет второй вариант казуса (невиновное причинение вреда): «Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам». Очевидно, деяние будет невиновным лишь в том случае, когда в условия экстремальной обстановки или высоких нервно-психических перегрузок лицо не поставило себя само.

В заключение хочется выразить уверенность в том, что законодательная реализация изложенных выше предложений сделает российское уголовное законодательство более доступным и понятным для населения, повысит эффективность борьбы с преступностью.

Сафонов В. Н.¹
Safonov V. N.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ (или РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД «ДЕЛОМ СКРИПАЛЕЙ»)

PROBLEMS OF CRIMINAL–LEGAL PROTECTION OF THE STATE SECRETS (OR REFLECTIONS ON «SCRIPALIES' CASE»)

Аннотация. В статье анализируются нормы уголовного кодекса Российской Федерации, объектом охраны которых является государственная тайна. Автор в поддержку уже артикулированного другими исследователями мнения приходит к выводу о необходимости уточнения наименования ст. 275 УК РФ. Он также считает, что события, связанные с так называемым «делом Скрипалей», обнаруживают изъяны в сфере охраны государственной тайны. Один из них лежит в законодательной сфере и связан с несовершенством нормы о незаконном получении сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283–1 УК РФ). Второй изъян видится в области правоприменения. Здесь автор полагает, что действия представителей отечественных и зарубежных средств массовой информации по собиранию, передаче, разглашению сведений о «российских разведчиках» Руслане Боширове и Александре Петрове должны стать предметом уголовно-правовой оценки правоохранительных органов. По мнению автора, в зависимости от характера, цели совершения и субъекта этих действий, возможны несколько вариантов их уголовно-правовой квалификации.

Ключевые слова: государственная измена; государственная тайна; выдача государственной тайны; охрана государственной тайны; получение сведений, составляющих государственную тайну; собирание сведений, составляющих государственную тайну; шпионаж.

Summary. The article analyzes the norms of the criminal code of the Russian Federation, the object of protection of which is a state secret. The author in support of the opinion already articulated by other researchers comes to the conclusion that it is necessary to clarify the name of article 275 of the criminal code. He also believes that the events related to the so-called «case of Violinists» reveal flaws in the protection of state secrets. One of them lies in the legislative sphere and is associated with the imperfection of the rules on illegal receipt of information constituting a state secret (article 283¹ of the criminal code). The second flaw is seen in the area of enforcement. Here, the author believes that the actions of

¹ САФОНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург); SAFONOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of «Russian State University of Justice», PhD in Law, Associate Professor (St. Petersburg).

representatives of domestic and foreign media concerning the collection, transfer, disclosure of information about the «Russian spies» Ruslan Bashirov and Alexander Petrov should be the subject of criminal-legal assessment of law enforcement agencies. According to the author, depending on the nature, purpose and subject of these actions, there are several options for their criminal law qualification.

Keywords: treason; state secret; issuance of state secrets; protection of state secrets; obtaining information constituting a state secret; collecting information constituting a state secret; espionage.

I. Значение государственной тайны и необходимости её охраны трудно переоценить. И в этом смысле мы солидарны с теми исследователями, которые расценивают государственную тайну как центральную категорию государственного суверенитета².

Вместе с тем события последних месяцев показывают, что нормативно-правовое обеспечение охраны государственной тайны, а, следовательно, и правовая основа охраны внешней безопасности государства, нуждаются в оптимизации. Необходима и соответствующая коррекция правоприменительной практики. Основанием для таких выводов послужили события вокруг так называемого «дела Скрипалей». Вкратце напомним о самом «деле» и связанных с ним событиях. 4 марта 2018 года в Солсбери (Великобритания) был отравлен работавший на британские спецслужбы бывший сотрудник ГРУ Сергей Скрипаль, имеющий двойное гражданство (России и Великобритании) и его дочь, гражданка РФ Юлия. Скрипали были отравлены нервно-паралитическим веществом и госпитализированы в бессознательном состоянии. По заключению британских экспертов, при отравлении использовалось боевое отравляющее вещество класса «Новичок».

Правительство Великобритании обвинило Россию в причастности к покушению на убийство Скрипалей и в нарушении Конвенции о запрещении химического оружия. Россия эти обвинения категорически отвергает и считает, что отравление является провокацией, которая могла быть организована спецслужбами самой Великобритании или США. Разразился дипломатический конфликт. Лондон выслал 23 российских дипломата. Россия ответила на это зеркальными мерами. 5 сентября 2018 года британская полиция назвала имена и опубликовала фотографии двух российских граждан, подозреваемых в отравлении Скрипалей. По данным британских спецслужб, они являются офицерами ГРУ, прибывшими в Великобританию под вымышленными именами. Имена были названы — это Руслан Боширов и Александр Петров.

² Керимова С. С., Абдуллаев М. М. Вопросы регулирования государственной тайны России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2018. Том 33. Вып. 1. С.55–57.

Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй заявила, что отравление было санкционировано российским руководством, а министр безопасности Великобритании Бен Уоллес возложил ответственность за отравление лично на Владимира Путина. Россия в очередной раз отвергла все обвинения³.

Информация британского правительства послужила спусковым механизмом для активного поиска российскими журналистами (в том числе и в первую очередь по заданию британских СМИ) доказательств того, что Руслан Боширов и Александр Петров — имена вымышленные, а в действительности они — сотрудники Главного разведывательного управления Министерства обороны РФ. Заказчики — Русская служба Би-би-си, британское интернет-издание Bellingcat, принадлежащие М. Б. Ходорковскому порталы «МБХ Медиа» и Центр «Досье». И вот уже некоторые российские журналисты усердно собирают сведения, призванные (как они считают вместе со своими английскими работодателями) доказать выдвинутый британцами тезис. Исхожены города и веси необъятной России от села Лойга Архангельской области до Хабаровского края, опрошены их жители, незаконно получены копии личных документов указанных «фигурантов». Результат — задание выполнено: Руслан Боширов и Александр Петров, рапортуют подобострастные СМИ, — имена вымышленные, а в действительности они — сотрудники Главного разведывательного управления Министерства обороны РФ, соответственно полковник Герой России Анатолий Чепига и Александр Мишкин. На многочисленных порталах Интернета размещены сведения о том, где они родились, крестились, учились и проходили службу, за что и как поощрялись, куда переводились для дальнейшей службы, какие тайные операции им поручались, как они поощрялись, и где они проживают. А на сайте радиостанции «Эхо Москвы» красуются личные документы «разведчиков»⁴.

Трудно себе представить, чтобы СМИ других государств в схожей ситуации так же старались бы в пользу России.

На наш взгляд, рассматриваемые действия представителей российских СМИ подлежат уголовно-правовой оценке. И здесь возможны следующие варианты.

Вариант первый: Руслан Боширов и Александр Петров не являются российскими разведчиками, а российские журналисты, действовавшие по заданию британских СМИ, считали их таковыми. Уголовно-правовая оценка действий «собирателей» сведений о разведчиках зависит от цели собирания

³ Википедия. Свободная энциклопедия. — Электронный ресурс URL: ru.wikipedia.org (дата доступа 30.10.2018).

⁴ «Студент» Чепига, он же турист Боширов. Где в Москве прописывают грушников // Электронный портал радиостанции «Эхо Москвы» echo.msk.ru (дата доступа 30.10.2018).

и разглашения сведений и субъекта таких действий. Основой уголовно-правовой квалификации являются положения закона РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» с дальнейшими изменениями, а также статьи 275, 276, 283, 283-1 УК РФ. В соответствии с п. 4 ч. 5 закона № 5485-1 государственную тайну, в частности, составляют сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности: о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими разведывательную, контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность.

Сложившаяся ситуация по своей сложности соответствует задачам, решаемым студентами второго курса юридических вузов или факультетов при изучении Общей части уголовного права РФ. Речь идёт о так называемом покушении на негодный объект. Точная квалификация деяния для граждан РФ определяется в альтернативе вариантов: ч. 3 ст. 30, ст. 275 УК РФ (государственная измена), ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 283 УК РФ (разглашение государственной тайны при отсутствии признаков государственной измены) или ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 183¹ УК РФ (незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну).

Если при этом виновные преследовали цель подрыва безопасности России, то избирается первый вариант, если такой цели не было, то второй или третий с учётом особенностей объективной стороны преступления. Особенность квалификации при покушении на негодный объект определяется тем, что умыслом виновного охватывается причинение вреда отсутствующему в действительности правоотношению. В учебниках по уголовному праву РФ эту правовую конструкцию иллюстрирует довольно традиционный сюжет: «посягательство» на труп, который посягающий воспринимал как живого человека, намереваясь лишить его жизни, традиционно квалифицируется как покушение на убийство и карается в соответствии с уголовным законом.

Вариант второй: Руслан Боширов и Александр Петров являются российскими разведчиками. Действия лиц, по заданию британских СМИ собиравших и разгласивших о них сведения, подпадают под юрисдикцию тех же статей УК РФ, но без ссылки на ч. 3 ст. 30, т. е. расцениваются как оконченные преступления.

Мы не входим в нравственные и политические аспекты рассматриваемых вариантов. Здесь следует учесть и то обстоятельство, что разведка — специфический вид деятельности. Не бывает государств без спецслужб. Тайная деятельность государств друг против друга существовала всегда. Отказ от разведывательной деятельности превратит государство в обороняющееся. Коллаборационизм, в какие бы одежды он ни рядился: журналистское расследование, право на информацию и т. п., — в русском языке называется просто

и понятно как предательство, а на уголовно-правовом языке квалифицируется как государственная измена.

Здесь могут быть возражения, связанные с тем, что сами Руслан Боширов и Александр Петров не признают себя разведчиками. Не признала их таковыми и российская сторона. Однако определяющим при квалификации деяния как покушение на негодный объект является так называемый субъективный критерий, в соответствии с которым лица, собиравшие разведывательные данные в отношении Боширова и Петрова, считали их российскими разведчиками, желали собрать таковые сведения по заданию иностранной организации, собрали и передали их, т. е. совершили покушение на государственную измену в форме шпионажа.

Создаётся впечатление, что и сами журналисты понимают преступность своих действий. Не этим ли объясняется то обстоятельство, что журналист Центра «Досье» Сергей Канев, опасаясь уголовного преследования из-за раскрытия данных о Петрове и Боширове, считает, что «пора сушить сухари»⁵.

II. Вызывает вопросы редакция ст. 283¹ УК РФ. Диспозиция этой нормы связывает незаконность получения сведений, составляющих государственную тайну, с незаконностью способа. Наряду с очевидностью стремления законодателя — оградить государственную тайну от завладения ею ненадлежащим субъектом, очевидно и другое — ограниченный потенциал таковой охраны через криминализацию способа получения охраняемых сведений. В качестве таковых названы похищение, обман, шантаж, принуждение, угрозы применения насилия и иные незаконные способы. Но куда, например, относить обыкновенную, ничем не обусловленную просьбу, обращённую к секретносителю? Очевидно, возможны и другие способы, не охватываемые диспозицией рассматриваемой статьи. Полагаем, что эффективность данной нормы повысилась бы, если бы криминализация собирания сведений, составляющих государственную тайну (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 275 и 276 УК РФ) связывалась не со способом, а с лицом, не уполномоченным на такие действия. А во второй части ст. 283¹ УК РФ следует предусмотреть квалифицированный состав с повышенной санкцией: собирание сведений, составляющих государственную тайну, лицом, не уполномоченным на такие действия, с целью разглашения (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 275 и 276 УК РФ).

III. В научной литературе уже высказывались мнения о неудачности наименования ст. 275 УК РФ — государственная измена, что семантически буквально

⁵ Журналист Сергей Канев опасается уголовного преследования из-за раскрытия данных о Петрове и Боширове // Электронный портал радиостанции «Эхо Москвы» echo.msk.ru. 25 сентября 2018 (дата доступа 30.10.2018).

означает измену, совершённую государством⁶. С учётом существенности вреда, его содержания и адресата видится правильным иное наименование деяния, предусмотренного ст. 275 УК РФ, а именно как «Измена Российской Федерации».

Таким образом, и нормативная основа охраны государственной тайны и безопасности России, и правоприменительная практика в этой сфере нуждаются в коррекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронин В. Н.* Качество уголовно-правовой охраны сведений, составляющих государственную тайну: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 7 (80). — С. 98–107.
2. *Керимова С. С., Абдуллаев М. М.* Вопросы регулирования государственной тайны России // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. «Общественные науки». — 2018. — Том 33. — Вып. 1. — С. 55–57.
3. *Николаев К. Д.* Государственная измена как уголовно-правовая фикция // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2012. — № 2 (31). — С. 210–212.

⁶ *Николаев К. Д.* Государственная измена как уголовно-правовая фикция // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2012. — № 2 (31). — С. 210–212; *Воронин В. Н.* Качество уголовно-правовой охраны сведений, составляющих государственную тайну: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 7 (80). — С. 98–107.

Сергеева А. А.¹
Sergeeva A. A.

**ВЛИЯНИЕ ЛОББИСТКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**INFLUENCE OF LOBBING ACTIVITIES ON THE FORMATION OF CRIMINAL LAW
POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье рассматриваются опасная тенденция формирования уголовно-правовой политики в «узких» интересах отдельных «групп влияния» в современной России. Автор, проводя анализ основных результатов лоббистской деятельности по внесению изменений в отечественное уголовное законодательство, приходит к выводу о необходимости признания сферы уголовно-правовой политики, свободной от деятельности, связанной с оказанием воздействия на законотворческий процесс для выражения интересов (воли) отдельных социальных групп в нормах уголовного закона.

Ключевые слова: лоббистская деятельность, уголовно-правовая политика, законотворческий процесс.

Summary. The article deals with the dangerous tendency of criminal law policy formation in the «narrow» interests of certain «groups of influence» in modern Russia. The author analyzes the main results of lobbying activities to amend the domestic criminal legislation and comes to the conclusion that it is necessary to recognize the scope of criminal law policy, free from activities related to the impact on the legislative process to express the interests (will) of certain social groups in the norms of the criminal law.

Keywords: lobbying activity, criminal law policy, legislative process.

Исследование степени влияния лоббистской деятельности на формирование не только уголовно-правовой политики, но и государственной политики в целом, следует начать с констатации того факта, что лоббизм в законодательном процессе в Российской Федерации в настоящее время явление реально существующее, но стихийное, неурегулированное.

Осуществление лоббистской деятельности в Российской Федерации — это деятельность исключительно теневая, так как однозначно нельзя определить

¹ СЕРГЕЕВА АНЖЕЛИКА АНАТОЛЬЕВНА, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) ФГБОУВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук, доцент; SERGEEVA ANZHELKA ANATOLYEVNA, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), PhD in Law, Associate Professor.

ни количества лоббистов, ни общей суммы денежных средств, которая ежегодно расходуется на продвижение интересов отдельных групп в органах государственной власти. В России, по мнению экспертов, «такие подсчеты проводить довольно сложно, учитывая, что большинство финансовых ресурсов лоббистских кампаний циркулирует “в тени” и (или) официально не декларируется как деньги, направляемые на лоббирование частного интереса»².

В то же время лоббизм стал неотъемлемой составной частью современного законотворческого процесса. При этом под лоббированием в законотворческом процессе мы понимаем деятельность определенных социальных групп, сложившихся в различных сферах жизнедеятельности общества (например, финансовой, промышленной и др. сферах), которая осуществляется с одной целью, оказать воздействие (давление) на законотворческий процесс для выражения интересов (воли) этих групп в нормах права.

Не вступая в полемику относительно вредности или полезности лоббизма, отметим, что лоббистская деятельность в Российской Федерации направлена не только на изменение норм частного права. Лоббистскому воздействию постоянно подвергается и уголовный закон. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый в 1996 году, обладает несвойственным для уголовного законодательства качеством — излишней динамичностью, которая сопровождается стихийностью и бессистемностью принимаемых изменений и дополнений.

За период действия, начиная с 1 января 1997 года, редакция уголовного кодекса «совершенствовалась» 223 федеральными законами и 8 постановлениями Конституционного суда Российской Федерации. Безусловно, не все из них повлекли за собой существенные изменения правоприменительной практики. В то же время анализ сопутствующих принятию этих изменений событий позволяет констатировать тот факт, что изменение уголовного закона определенным образом входит в сферу интересов отдельных социальных групп.

Так, в 2004 году Постановлением Правительства РФ от 6 мая № 231 были утверждены размеры средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ³. Одним из явных инициаторов реформирования

² Цивилизованный лоббизм — средство или следствие борьбы с коррупцией?: российский профессиональный портал о лоббизме и GR. — URL: http://www.lobbying.ru/content/sections/articleid_3622_linkid_.html (дата обращения 16.10.2018).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2004 года— № 231 «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации»: система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/12135355/#ixzz5UTXprLx> (дата обращения 20.10.2018).

существующей на тот момент наркополитики следует признать Льва Семеновича Левинсона, который в настоящий момент является членом Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, секретарем Всероссийской коалиции общественных организаций «За демократическую альтернативную гражданскую службу», руководителем программы «Осознанный выбор» (просветительские программы по альтернативной гражданской службе), руководителем программы «Новая наркополитика», членом Правления фонда «Общественный вердикт». Лев Семенович имеет значительный опыт лоббирования, учитывая его многолетний опыт причастности к законотворческому процессу в качестве помощника члена Верховного Совета РФ с 1991 по 1993 г., помощника депутатов Государственной Думы первого — четвертого созывов (с 2004 г. — на общественных началах), координатора и члена рабочих групп по разработке ряда законопроектов⁴.

В своей работе «Наркомания преследования» Л. С. Левинсон так описал события: «Сама идея исчисления размеров посредством средних разовых доз потребления родилась раньше, в рабочей группе Комитета Госдумы по законодательству, образованной в 2000 году. В группу, возглавлявшуюся депутатом Валерием Воротниковым (группа “Народный депутат”), входили представители всех заинтересованных ведомств, в том числе Верховного Суда, МВД. Все они согласились с необходимостью закрепления порядка определения размеров наркотиков непосредственно в УК, поддержав введение в качестве меры средних разовых доз»⁵.

Принятию этого постановления предшествовали все необходимые атрибуты успешного лоббирования — создание инициативной группы, цель которой — продвижение идеи о создании рабочей группы по разработке законопроекта, подготовка рабочей группой проекта, проведение соответствующего исследования, результаты которых зачастую трудно верифицируемы (в данном случае исследование проводилось Институтом прав человека, ставшим впоследствии одним из создателей альянса «Новая наркополитика», существующих в различных странах мира правового регулирования в части ответственности за незаконный оборот наркотиков с привлечением к исследованию авторитетных специалистов), представление результатов исследования на «круглом столе» в Государственной Думе» (как правило, этот этап является одним из наиболее важных) и т. д.

⁴ Правовые консультации по делам, связанным с наркотиками. — URL: <http://www.hand-help.ru/doc12.3.html> (дата обращения 20.10.2018)

⁵ Левинсон Л. С. Наркомания преследования: из статей 2005–2017 / Ред. Окунь Е. В. — М., 2017. — С. 32. — URL: http://www.hand-help.ru/documents/kniga_np.pdf (дата обращения 16.10.2018)

Серьезное влияние на реформирование уголовного законодательства оказывает так называемое «ювенальное лобби». Одним из примеров эффективной деятельности ювенального лобби является принятие федерального закона от 3 июля 2017 года № 323-ФЗ, которым в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ внесены изменения по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности⁶. Среди прочих пристального внимания достойны изменения, вносимые в статью 116 УК РФ и ст. 20 УПК РФ. Речь идет о так называемом «законе о шлепках», суть которого заключалась, по справедливому мнению И. В. Понкина и М. Н. Кузнецова, в том, что в новой редакции ст. 116 УК РФ появились дискриминирующие нововведения по отношению к социальной группе членов семьи и других близких лиц (с учётом наличия значительных правовых дефектов новой ред. ст. 116 УК РФ)⁷.

Отметим, что в настоящее время ст. 116 УК РФ действует в редакции федерального закона от 7 февраля 2017 года № 8-ФЗ⁸, которым дискриминирующие нововведения были отменены (кстати, в том числе под воздействием «так называемого “антиювенального лобби”, активным участником которого выступают представители Русской православной церкви»).

Уголовное законодательство многократно менялось и продолжает реформироваться при непосредственном участии «бизнес-лобби». Так, федеральным законом от 29.12.2009 № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ было введено новое основание прекращения уголовного преследования

⁶ Федеральный закон от 3 июля 2017 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: опубликован 04.07.2016 на сайте <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607040116> (дата обращения 20.10.2018).

⁷ Кузнецов М., Понкин И. Русская народная линия. Заключение на Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в части закрепления новой редакции статьи 116 УК РФ // Ювенальная юстиция. — 2016. — 9 июля. — URL: http://ruskline.ru/analitika/2016/07/08/zaklyuchenie_na_federalnyj_zakon_ot_3_iyulya_2016_g_323fz_v_chasti_zakrepleniya_novoj_redakcii_stati_116_uk_rf (дата обращения 20.10.2018).

⁸ Федеральный закон от 07.02.2017— № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212385&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.6313108771133713#023117111907169696> (дата обращения 20.10.2018).

⁹ Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=110187&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.03272996254605198#08078462705279379> (дата обращения 20.10.2018).

по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (статья 28.1 УПК РФ), а федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰ была введена статья 76¹ УК РФ, которая предусматривала отдельное основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Действие статьи 28.1 УПК РФ этим же федеральным законом было расширено, а сама статья стала называться «Статья 28.1. Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности».

Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей»¹¹ в Российской Федерации был введен институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Одним из важных условий эффективного функционирования данного института является, как отметил сам Президент Российской Федерации В. В. Путин в ноябре 2012 года, «чтобы они [Борис Титов, Уполномоченный по защите прав предпринимателей, и его коллеги] занимались не лоббированием интересов бизнеса и не защитой тех, кто реально нарушает действующий закон, а тем, чтобы они занимались восстановлением нарушенных прав предпринимателей, если такие права нарушаются»¹².

На данный момент результаты работы «бизнес-лобби» впечатляют:

- вновь расширен перечень преступлений в статье 76¹ УК РФ (освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности);
- увеличены для экономических преступлений пороговые значения размера причиненного ущерба, позволяющие относить его к крупному или особо крупному размеру;
- достигнут компромиссный вариант привлечения к уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности по части 5 статьи 159 УК РФ (что всё же вызывает определенное

¹⁰ Федеральный закон от 07.12.2011 — № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200920&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8723363482137036#04259070595359251> (дата обращения 20.10.2018).

¹¹ Указ Президента РФ от 22 июня 2012 г. — № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей»: Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/70192424/#ixzz5UZZnUETL> (дата обращения 20.10.2018).

¹² Путин: бизнес-омбудсмены не должны заниматься лоббированием. — URL: <https://ria.ru/economy/2012.10.11/771849091.html> (дата обращения 16.10.2018).

недовольство в среде «бизнес-лобби», учитывая, что санкции части 5 и части 7 статьи 159 УК РФ более суровые по сравнению с санкциями статьи 159⁴ УК РФ, признанной утратившей силу с 12 июня 2015 года на основании пункта 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 года №32-П)¹³. В то же время для мошеннических действий, связанных с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, установлен «особый порядок» определения крупного и особо крупного размера (более льготный), отличный от порядка для общего субъекта преступления, и перечень достижений можно еще продолжать;

- рабочая группа по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства, созданная распоряжением Президента РФ в 2016 году, продолжает рассматривать предложения предпринимателей по реформированию уголовного и уголовно-процессуального законодательства (в идеале — декриминализация всех норм об ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности с одновременным введением административной ответственности с имущественными санкциями).

Не менее эффективным следует признать и деятельность «нефтегазового лобби». Один из примеров: федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ была введена новая редакция ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса РФ, которая определила признаки квалифицированного состава кражи из магистральных трубопроводов¹⁴. Законопроект об изменении уголовного законодательства в части наказания за незаконный отбор нефти и газа из магистральных трубопроводов был разработан депутатами В. Драгановым, В. Катренко, П. Крашенинниковым и В. Пехтиным еще в 2006 году¹⁵. Следует отметить, что у данного законопроекта, а в данный момент и нормы закона, было и остается

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014— № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=134843&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8920218458659488#015611035203689672> (дата обращения 20.10.2018).

¹⁴ Федеральный закон от 30.12.2006— № 283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=64943&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3178128891009515#004890947406192403> (дата обращения 20.10.2018).

¹⁵ Горелик Ольга. Нефтяная врезка в Уголовный кодекс // Бизнес от 04.10.2006. — URL: http://www.lobbying.ru/content/sections/articleid_2034_linkid_.html (дата обращения 20.10.2018)

много противников, основным доводом которых является необоснованность введения уголовной ответственности за хищение индивидуально-определенных видов имущества.

Позже федеральным законом от 29.07.2018 № 229-ФЗ «О внесении изменений в статью 215³ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была введена уголовная ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность (лицом, ранее привлекаемым к административной ответственности за аналогичное деяние)¹⁶.

Еще в 1999 г. в Государственную Думу был внесен законопроект о введении специальной уголовной ответственности за кражу, хищение изделий из цветных и черных металлов, повлекших остановку деятельности предприятий, учреждений и организаций, независимо от форм собственности, или иные тяжкие последствия. Ситуация с возникновением несанкционированного стихийного рынка черного и цветного металлов, когда хищение изделий из металла с предприятий, линий электропередач, городских систем канализации и т. п. приносило колоссальный ущерб предприятиям, по мнению Ф. Н. Багаутдинова и И. А. Гумарова, «позволяло ввести уголовную ответственность за данные деяния, но законопроект был отклонен»¹⁷.

Представляется, что регулирование лоббистской деятельности в Российской Федерации при всех минусах лоббирования является необходимой мерой, сопровождающей общее стремление к построению правового государства. Неконтролируемое продвижение интересов, которое имеет место де-факто, может укрепить и без того устойчивую практику принятия несбалансированных политико-правовых решений.

В то же время, по нашему мнению, сфера уголовно-правовой политики должна быть вне деятельности лоббистов, учитывая, что уголовный закон — это выражение сбалансированного, согласованного интереса личности, общества и государства, а репрессивное законодательство, по определению,

¹⁶ Федеральный закон от 29.07.2018— № 229-ФЗ «О внесении изменений в статью 215³ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=303435&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.263796971345474#09270465439579809> (дата обращения 20.10.2018).

¹⁷ Багаутдинов Ф. Н., Гумаров И. А. Уголовная ответственность за хищение из магистральных трубопроводов. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-hischenie-iz-magistralnyh-truboprovodov> (дата обращения 20.10.2018).

не может и не должно выражать «узкие» интересы отдельных социальных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Багаутдинов Ф.Н., Гумаров И.А.* Уголовная ответственность за хищение из магистральных трубопроводов. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-hischenie-iz-magistralnyh-truboprovodov> (дата обращения 20.10.2018).
2. *Горелик Ольга.* Нефтяная врезка в Уголовный кодекс // Бизнес от 04.10.2006. — URL: http://www.lobbying.ru/content/sections/articleid_2034_linkid_.html (дата обращения 16.10.2018)
3. *Кузнецов М., Понкин И.* Русская народная линия. Заключение на Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в части закрепления новой редакции статьи 116 УК РФ // Ювенальная юстиция. 2016. 9 июля. — URL: http://ruskline.ru/analitika/2016/07/08/zaklyuchenie_na_federalnyj_zakon_ot_3_iyulya_2016_g_323fz_v_chasti_zakrepleniya_novoj_redakcii_stati_116_uk_rf (дата обращения 16.10.2018)
4. *Левинсон Л.С.* Наркомания преследования: из статей 2005–2017 / Ред. Окунь Е.В. — М., 2017. — 247 с. — URL: http://www.hand-help.ru/documents/kniga_nr.pdf (дата обращения 16.10.2018).
5. Путин: бизнес-омбудсмены не должны заниматься лоббированием. — URL: <https://ria.ru/economy/2012.10.11/771849091.html> (дата обращения 16.10.2018).
6. Цивилизованный лоббизм — средство или следствие борьбы с коррупцией?: российский профессиональный портал о лоббизме и GR [Электронный ресурс]. — URL: http://www.lobbying.ru/content/sections/articleid_3622_linkid.html (дата обращения 16.10.2018).

*Симович М. Н.¹, Йовашевич Д.²,
Симович В. М.³
Simović M. N., Jovašević D.,
Simović V. M.*

**КОНФИСКАЦИЯ И ИЗЪЯТИЕ СОБСТВЕННОСТИ КАК ЧАСТЬ БОРЬБЫ
С ТЕРРОРИЗМОМ — СОВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ ПРЕСТУПНОСТИ**

**CONFISCATION OF AND RESTRICTION ON THE PROPERTY AS FUNCTION
OF FIGHT AGAINST TERRORISM AS A FORM OF MODERN CRIME**

Аннотация. К исполнителю преступления (физическому или юридическому лицу), как правило, применяются уголовные санкции — предусмотренные законом принудительные меры, которые выносит суд в целях защиты общества от преступности, с помощью которых у исполнителя преступления изымаются или ограничиваются свобода и права, или же его предупреждают о том, что его свобода и права будут ограничены, если он снова совершит уголовное дело.

Но, кроме и вместе с уголовными санкциями, которые выносят компетентные судебные органы в судебной процедуре, по отношению к исполнителям уголовного преступления применяются и «особые» меры уголовного правосудия.

В данных мерах особо выделены разные меры по изъятию имущественных ценностей: 1) которые получены с помощью совершения уголовного преступления и 2) которые получены как вытекающие из уголовного преступления. Подобные меры предусмотрены в соответствующих европейских документах: Конвенции Совета Европы и других европейских рекомендациях.

¹ МИОДРАГ Н. СИМОВИЧ, судья Конституционного Суда Боснии и Герцеговины, академик, постоянный профессор юридического факультета Независимого университета Бая-Луке (Сараево, Босния и Герцеговина); Academician MIJDRAG N. SIMOVIĆ, Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina, Full Professor of the Faculty of Law of the University of Banja Luka, Corresponding Member of the Academy of Sciences and Art of Bosnia and Herzegovina, Active Member of the European Academy of Sciences and Arts, Foreign Member of the Russian Academy of Natural Sciences and Active Member of the Balkan Scientific Center of the Russian Academy of Natural Sciences (Sarajevo, Bosnia and Herzegovina).

² ДРАГАН ЙОВАШЕВИЧ, постоянный профессор юридического факультета Университета в Нице (Ницца, Франция); DRAGAN JOVAŠEVIĆ, Full Professor of the Faculty of Law, Niš.

³ ВЛАДИМИР М. СИМОВИЧ, прокурор Прокуратуры Боснии и Герцеговины, профессор факультета безопасности и защиты Независимого университета в Бая-Луке и юридического факультета Университета Витеза (Сараево, Босния и Герцеговина); VLADIMIR M. SIMOVIĆ, Prosecutor of the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina and Associate Professor at the Faculty of Security and Protection of Independent University in Banja Luka and Faculty of Law of University «Vitez» in Vitez (Sarajevo, Bosnia and Herzegovina).

Ключевые слова: уголовное преступление, европейские стандарты, закон, изъятие имущественных ценностей, суд.

Summary. The perpetrator of the criminal offense (natural or legal person), as a rule, is imposed criminal sanctions. These are legally prescribed compulsory measures pronounced by the court for the purpose of protecting the society from crime, by which the rights and freedoms of perpetrator of the criminal offense are seized or restricted, or by which he is warned that he will be deprived of his freedoms and rights if he recommitts a criminal offense. However, even besides criminal sanctions imposed by the competent judicial bodies in the legally conducted proceedings, «special» criminal and legal measures shall also be applied to perpetrators of criminal offenses. Among these measures are especially distinguished different measures of confiscation of property gain: 1) obtained by the criminal offense, and 2) resulting from the criminal offense whose basis are contained in relevant European documents: the Convention of the Council of Europe and other European recommendations.

Keywords: criminal offense, European standards, laws, confiscation of property gain, the court.

In addition to criminal sanctions imposed to perpetrators of criminal offenses by judicial bodies in the legally conducted proceedings, all modern criminal legislations, including the legislation of the Republic of Serbia, recognize «special» property criminal measures (Jovašević, 2018: 278–281). They are used against the perpetrator of criminal offense to confiscate or restrict the use of particular property goods (objects, property, property gain), under condition that they are related to committed or attempted criminal offense. These measures are prescribed under the law (criminal or other) and are compulsory measures which are often more severe, by its content and duration, than the criminal sanction itself (Jovašević, Mitrović, Ikanović, 2017: 218–220).

There are several types of special property and legal measures in the criminal legislation of the Republic of Serbia, amongst which, in particular: 1) the confiscation of objects that is prescribed in Article 87 of the Criminal Code as a security measure, 2) the confiscation of property gain obtained by criminal offense, prescribed in Articles 91–93 of the Criminal Code; 3) the confiscation of property resulting from the criminal offense prescribed under the 2013 Law on Confiscation of Property Obtained by Criminal Offense; and 4) the Restrictions on the Disposal of Property prescribed by the Law on Restrictions on Disposal of Property for the Purpose of Fight Against Terrorism and Spreading of Mass Destruction Weapons from 2015.

EUROPEAN STANDARDS

as a very effective mean of fight against various forms and kinds of crime, particularly of property character, organized crime or criminal offenses of terrorism, at the universal (i. e., within and under the umbrella of the United Nations Organization and its specialized bodies or organizations) or at a regional level (the European Union and the Council of Europe) have recently issued several international documents establishing a system of standards regulating procedures in such matters.

The main, basic European legal act that prescribes the obligation of the States Parties to the Council of Europe, as the most massive political regional organization, to provide for in their national legislations effective mechanisms, measures, ways, bodies and procedures for confiscation of property or property gain acquired by criminal activities is the Convention of the Council of Europe on Laundry, Seizure and Confiscation of Incomes acquired by crime, of 8 November 1990 (which entered into force on 1 September 1993)⁴. In the essence of this Convention there are requirements, such as: 1) the necessity to lead a common criminal policy in fight against severe forms of criminal offenses that become an international problem, 2) the need to apply efficient modern methods at international level, and 3) the establishment of efficient international cooperation between the states, directly or through international bodies (Pavišić: 2006: 354–357). In addition to definition of concept and elements, i. e. characteristics of a special criminal offense «money laundering» under Article 6 of the Convention, it also gives definition of the concept of «illegal income» and «property acquired by criminal offense», provides for investigative and temporary measures, and measures of confiscation at the state level (Articles 2 to 4), international cooperation (section three — Articles 7–12), as well as the procedure for confiscation of illegally acquired property (section four — Articles 13–17).

In the field of prevention of various forms of serious crimes through confiscation of objects, property or incomes there are two significant decisions of the Council of the European Union. These are: 1) Framework Decision of the Council of the European Union 2001/500 / Police and judicial cooperation on money laundering, the identification, tracing, freezing, seizing and confiscation of instrumentalities and the proceeds of crime of 26 June 2001, and 2) Framework Decision of the European Council UNION^o 2005/212 / Police and judicial cooperation on the confiscation of crime-related proceeds, instrumentalities and property of 24 February 2005 (Petrović, Jovašević, 2010: 216–218). In this way, an efficient system of minimum of European standards has been established which

⁴ Official Gazette of the Federal Republic of Yugoslavia — International contracts, Nos. 7/2002 and 18/2005.

should provide for effective combat and countering against various types and forms of serious crimes having international element by which unlawful property gain is acquired (Jovašević, Ikanović, 2015: 178–181).

**PROPERTY MEASURE OF FIGHT AGAINST TERRORISM
IN THE REPUBLIC OF SERBIA**

amendments to the Criminal Code from December 2012⁵ have introduced more specific offenses of terrorism in this Chapter (Articles 391–393a of the Criminal Code), and two more criminal offenses were introduced in October 2014 (Jovašević, 2017: 354–357): a) participation in war or armed conflict in a foreign country — Article 386a of the CC; and b) organization of participation in war or armed conflict in a foreign country — Article 386b of the CC, in accordance with the obligations Serbia undertook after signing and ratification of universal and regional international documents.

For perpetrators of these criminal offenses, a special 2015 Law on restriction of disposal with property with the aim of preventing terrorism and spreading of weapons for mass destruction has introduced a special property criminal measure — restriction of disposal of property to prevent terrorism and spreading of mass destruction weapons⁶. Its application refers to a temporary ban on the transfer, conversion, disposal and transfer of property or temporary administration with that property on the basis of a decision of the competent state body, but property related to the criminal offenses of terrorism referred to in Articles 391–393a of the CC and concerning the spreading of mass destruction weapons⁷.

According to these resolutions, the Government of the Republic of Serbia, based on Article 3 of the Law, determines the list of persons based on:

- 1) a list of designated persons determined by the United Nations and other international organizations which the Republic of Serbia is a member,
- 2) upon a proposal of the competent state authorities, on the basis of justified assurance that the person is a terrorist, to finance terrorism, that is engaged in terrorist activities or commission of a terrorist act or spreading of mass destruction weapons. This «justified assurance» is the degree of belief that a reasonable person of average intellectual capacity can acquire on the basis of evidence — facts that are commonly known or provable, and credible information available to competent state organs, or
- 3) substantiated request of another country.

⁵ Official Gazette of the Republic of Serbia, Number 121/2012.

⁶ Official Gazette of the Republic of Serbia, Nos. 29/2015, 113/2017 and 41/2018.

⁷ There is an opinion that, historically observed, this measure has its origins in confiscation of objects (Marjanović, 1998: 375; Petrović, Jovašević, 2005: 373–375).

Therefore, as designated persons who come under the attack of the application of this Law, are considered a natural person, a legal entity, a group or association, registered or unregistered, designated and put on the list of terrorists, terrorist organization or financier of terrorists or persons who spread mass destruction weapons, on the basis of: the corresponding resolutions of the United Nations Security Council or acts of international organizations of which a State is a member, proposals of the competent state bodies or on the basis of a reasoned request of a foreign country. In doing so, the law itself defines the terms and the content «terrorist», «terrorist organization» or «terrorist activity», or the financing of spreading of mass destruction weapons.

Terrorist (Jovašević, 2002: 187–188) is a person who, alone or with other persons: a) attempts or commits a terrorist act in any way, directly or indirectly; b) incites and assists in the commission of a terrorist act; and c) has knowledge of the intention of a terrorist group to commit a terrorist act, contributes to the execution or helps a group to continue committing a terrorist act with a common purpose. The terrorist organization is a group of terrorists who: a) attempts to commit or commits a terrorist act in any way, directly or indirectly; b) incites and assists in the commission of a terrorist act; and c) has knowledge of the intention of a terrorist group to commit a terrorist act; contributes to the execution or helps a group to continue committing a terrorist act with a common purpose.

The terrorist act is an offense established under the protocols set out in the Annex to the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, as well as any other offense aimed at causing death or serious bodily injury to a civilian or any other person who is not actively involved in hostilities in the event of armed conflict, when the purpose of such an offense, by its nature or the combination of circumstances associated with that offense, is to intimidate the population or to force the government of a State or an international organization to do or to refrain from doing any of the acts. Financing of terrorism is also provocation and help in providing and collecting property, whether or not a terrorist act has been committed and whether the property was used for its execution.

Financing of spreading of mass destruction weapons includes actions of providing of financial funds or financial services that are entirely or partially directed towards the development, production, acquisition, possession, storage, delivery, providing of brokerage services, transshipment, transport or transfer of mass destruction weapons and funds for his transfer.

After the receipt of the report within the meaning of Article 10 of the Law, if the Minister of Finance determines that it is a «designated person» and the property subject to the restriction of disposition he shall, without delay, issue a decision order a restriction on the disposal with the property of that person. For

the application of this measure, it is necessary that the property is a property that signifies financial assets, property of any kind, movable or immovable, material or non-material, irrespective of how it has been obtained, documents or instruments in any form proving ownership or interest in relation to such assets or property (e.g. bank loans, travel and bank checks, money orders, shares, securities, bonds, bills, letters of credit, interest, dividends or other income charged on or arising from such assets or property, etc.) (Novoselec, 2004: 435).

The decision on the restriction of the disposal with property shall mandatory contain (Pavišić, Grozdanić, Veidć, 2007: 262–263) as follows: (1) data on the designated person, 2) data on assets whose disposal is restricted, 3) indication that assets will be managed by the Confiscated Property Management Department, and 4) listing of the persons to whom the ruling shall be delivered. This solution is submitted to a legal or natural person in whose possession the property is located, a designated person, the Confiscated Property Management Department, the Administration, the competent Public Prosecutor's Office, the authority responsible for security and intelligence affairs, the ministry for foreign affairs, as well as other state organs that may be connected with the property listed in that ruling. A legal or natural person in whose possession the property is located shall be obliged to restrict the disposal with the property on the basis of a ruling restricting the disposal of property.

The restriction of disposal of property (Bačić, 1998: 463) lasts until the designated person is on the list of designated persons, i. e. until the competent court's decision issued on the basis of this law (Article 12). Following the proposal of the Management Board, the Minister responsible for financial affairs is obliged to consider, two times a year, on the basis of the opinion of the competent state authorities, the justification for making a decision on the restriction of the disposal of property. If the minister finds that there were no conditions for making a decision on the restriction of the disposal of property, such solution shall be annulled. Property management whose disposal is restricted under this law shall be performed by the Confiscated Property Management Department (Article 13).

A designated person with restricted disposal with property may, pursuant to Article 15 of the Law, initiate proceedings before the court for the exclusion of the part of property that is necessary for basic living expenses (Grozdanić, Škorić, 2009: 205) (food, rent or housing loan, medical treatment or medicines, taxes, insurance premiums, utility costs, expenses for legal services, regular maintenance or custodial fees, whose disposal is temporarily restricted, or other assets or economic resources arising after the decision on restriction of disposal of property was made). For the purpose of deciding on the procedure for the exclusion of part of property, the basic court on whose territory the designated person is domicile or resident, or the court on whose territory the property that subject to restriction of

the disposal of property is located, has real jurisdiction (Turković et al., 2013: 117). The procedure for the exclusion of part of property is urgent and is conducted upon the rules of out-of-court procedure.

CONCLUSION

The Republic of Serbia, as many other modern criminal legislations, on the basis of international and European standards, in addition to and regardless of criminal sanctions imposed to perpetrators of criminal offenses by court authorities in lawfully conducted criminal proceedings, recognizes «special» property criminal measures. These are measures imposed by the court. By the application of these measures, the perpetrator of criminal offense in general or special forms of criminal offenses (offense of organized crime or terrorism) shall be confiscated the assets, property or property gain in its entirety or partially (temporarily or permanently). These measures are explicitly provided for by the law (criminal or other) which determines the manner, procedure and requirements for their application. These measures are also forcible measures and they are often presented in legal theory as more severe and less certain, according to their content or duration, than the criminal sanction itself.

Anyways, these are not criminal sanctions, even though they are a result of committed or attempted criminal offense. The Criminal Code of the Republic of Serbia calls them «special» criminal measures. This Code recognizes two measures of this kind. These are: a) confiscation of objects, and b) confiscation of property gain acquired by criminal offense, while two special laws from 2013 (for organized crime) and 2015 (for the acts of terrorism) recognize a specific «special» measures of confiscation or restriction of disposal of property, in relation to specific criminal offenses.

LITERATURE:

1. *Bačić F.* Criminal Code, Zagreb, Pravni fakultet, 1998.
2. *Grozđanić G., Marisabel Škorić M.* Introduction into Criminal Code, General Part, Pravni fakultet, Rijeka.
3. *Jovašević D.* Commentary to the Criminal Code of the FR Yugoslavia, Službeni glasnik, Beograd, 2002.
4. *Jovašević D.* Criminal Law, Special Part, Beograd, 2017.
5. *Jovašević D.* Criminal Law, General Part, Dosije, Beograd, 2018.
6. *Jovašević D., Mitrović LJ., Ikanović V.* Criminal Law of the Republika Srpska, General Part, Univerzitet Apeiron, Banja Luka, 2017.
7. *Jovašević D. Ikanović V.* International Criminal Law, Univerzitet Apeiron, Banja Luka.
8. *Marjanović Đ.* Criminal Law of Macedonia, General Part, Prosvetno del, Skoplje, 1998.
9. *Novoselec P.* General Part of Criminal Law, Pravni fakultet, Zagreb, 2004.
10. *Pavišić B.* Criminal Law of the Council of Europe, Golden marketing, Zagreb, 2006.

11. *Pavišić B., Grozdanić V., Petar Veić P.* Commentary to the Criminal Law, Narodne novine, Zagreb.
12. *Petrović B., Jovašević D.* Criminal (Penal) Law of Bosnia and Herzegovina, General Part, Pravni fakultet, Sarajevo, 2005.
13. *Petrović B., Jovašević D.* International Criminal Law, Pravni fakultet, Sarajevo, 2010.
14. *Turković K. et al.*, Commentary to the Criminal Law, Narodne novine, Zagreb, 2013.

Скрипченко Н. Ю.¹
Skripchenko N. Yu.

**РАЗЪЯСНЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОБ ИЗМЕНЕНИИ
КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**EXPLANATIONS OF THE SUPREME COURT'S PLENURY DECISION
OF THE RUSSIAN FEDERATION ON CHANGING THE CATEGORY OF CRIMES**

Аннотация. Анализируются вопросы, возникающие у судов при применении ч. 6 ст. 15 УК РФ в свете разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Ключевые слова: Пленум Верховного Суда РФ, категория преступления, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания.

Summary. Analyzed issues arising from the courts in the application of h. 6, Art. 15 of the Criminal Code of Russian Federation in the light of the explanations given by the Supreme Court's Plenary Decision of the Russian Federation in Decree No. 10 of 15 May, 2018 «On the practice of the courts applying the provisions of paragraph 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation».

Keywords: Supreme Court's Plenary Decision, Category of crimes, release from criminal liability, release from punishment.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ² ст. 15 УК РФ была дополнена частью 6, наделяющей суд правом изменять категорию преступления на менее тяжкую. Несмотря на относительно длительное существование указанной нормы (более 6 лет), практика ее применения насчитывает единичные примеры. Так, в 2016 г. суды на основании ч. 6 ст. 15 УК смягчили приговор 2060 осужденным, в 2017-м — 1851, что составляет всего 0,5 % от общего числа всех, кто признан виновным в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких. Опасаясь за «устойчивость» судебных решений, правоприменитель предпочитает «не усматривать оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ». В свете сказанного следует отдать должное оперативности в реагировании

¹ СКРИПЧЕНКО НИНА ЮРЬЕВНА, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», доктор юридических наук, доцент (Архангельск); SKRYPCHENKO NINA YURYEVNA, Professor, Department of Criminal Law and Procedure «Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov», Doctor of Law, Associate Professor (Arkhangelsk).

² Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. — № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 12.12.2011. — № 50. — Ст. 7362.

на вопросы, возникшие в связи с появлением у суда нового полномочия, Пленум Верховного Суда РФ, принявшему 15 мая 2018 г. Постановление № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»³ (далее — Постановление).

Анализ указанного документа свидетельствует о стремлении высшего судебного органа изменить «осторожное» судебское отношение к новой норме. Пленум не только напоминает о значимости правовых последствий категоризации преступлений, но и обращает внимание на необходимость проверки судами оснований для применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ в отношении каждого подсудимого (п. 1 Постановления).

Учитывая, что законодатель определил только условия для «смягчения» категории (наличие смягчающих наказание обстоятельств и отсутствие отягчающих, а также максимальные границы наказания, назначенного за совершенное деяние), перед судами возник вопрос о перечне конкретных «фактических обстоятельств преступления», которые могут быть положены в обоснование решения об изменении категории преступления. В абз. 2 п. 2 Постановления Пленум приводит примерный перечень конкретных фактов: способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенного в соучастии, вид умысла или неосторожности, мотив, цель совершенного деяния, характер и размер наступивших последствий и так далее. Такой подробный список позволит избежать формальных отказов судов в применении ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Исходя из открытого перечня обстоятельств, смягчающих наказание, на практике возникал вопрос о возможности учета при изменении категории преступления обстоятельств, признанных судом смягчающими на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ. Пленум обоснованно не дифференцирует обстоятельства, смягчающие наказание, установленные законом (ч. 1 ст. 61 УК РФ) и признанные судом (ч. 2 ст. 61 УК РФ), допуская учет последних при решении судом вопроса о возможности применения ч. 6 ст. 15 УК РФ (п. 3 Постановления).

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ не препятствует «переквалификации» преступления отягчающие обстоятельства, которые закреплены законодателем в качестве признака состава преступления (п. 4 Постановления), равно как особый порядок судебного разбирательства (п. 5 Постановления) и назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК) (п. 8 Постановления). Часть 6 ст. 15 УК РФ может быть применена и в отношении лиц, совершивших несколько

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 7.

преступлений, при этом суд должен сначала назначить вид и размер наказания по каждому преступлению, входящему в совокупность, затем обосновать свое решение об изменении категории преступления преступлений, а лишь затем определяет наказание по совокупности с учетом уже измененной категории (п. 6 Постановления).

Исходя из того, что от определения категории преступления зависит как наличие признаков отдельных составов преступлений (например, ч. 4 ст. 150, ст. 210, 316 УК РФ), так и признание уголовно-наказуемым приготовления к преступлению [уголовная ответственность наступает только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК)], на практике возникал вопрос о правовой оценке соответствующих деяний. Указанный вопрос нашел разрешение в п. 11 Постановления. В соответствии с которым применение положений ч. 6 ст. 15 УК РФ не влияет на юридическую оценку деяния, в том числе приготовления к совершению конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления, а равно не влечет правовых последствий для лиц, в отношении которых решение об изменении категории преступления не принималось. В частности, изменение судом категории преступления с особо тяжкого на тяжкое преступление не исключает уголовную ответственность другого лица за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления (ст. 316 УК РФ).

Особого внимания заслуживают разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ в п. 10 Постановления. В нем высший судебный орган высказал свою позицию по одному из дискуссионных вопросов, возникающих на практике в связи с реализацией судом положений ч. 6 ст. 15 УК РФ — о возможность освободить лицо от отбывания наказания по итогам «переквалификации» категории совершенного преступного деяния. Давая положительный ответ на данный вопрос, Пленум указывает: «Решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80¹, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания. В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ)». Указанные разъяснения идут вразрез с положениями уголовного закона, так как статьи 75, 76, 78 УК РФ закрепляют не основания освобождения наказания (именно данное решение должен принять суд исходя из разъяснений Пленума), а основания освобождения от уголовной ответственности.

Следует напомнить, что в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»⁴ содержал схожие положения, допуская «в случае, когда при постановлении приговора суд, назначив наказание, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления на менее тяжкую, при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 76¹ и 78 УК РФ, он освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания». Однако Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г.⁵ указанный пункт был исключен, думается, что основанием такого решения была резкая критика в адрес Суда, в связи с тем, что высший судебный орган фактически создал новую норму, предусматривающую основание освобождения от наказания, что в силу разделения властей отнесено к исключительной компетенции законодателя.

Учитывая, что правовое содержание указанных мер уголовно-правового характера не изменилось, возникает вопрос об обоснованности дублирования соответствующих разъяснений.

⁴ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 8.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 1.

Соколова О. В.¹, Степанова И. Б.²
Sokolova O. V., Stepanova I. B.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСЧИСЛЕНИЯ
 СРОКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ**

**CALCULATION OF SERVING TERM BY FORCED LABOR: PROBLEMS ISSUES
 OF LEGISLATIVE REGULATION**

Аннотация. Авторы статьи обращают внимание на несогласованность норм уголовно-исполнительного законодательства с нормами Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ в части исчисления срока отбывания принудительных работ. Предлагаются изменения в редакцию ст. 60.3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Высказывается предложение о зачете времени пребывания в помещении для нарушителей в срок лишения свободы.

Ключевые слова: принудительные работы, исчисление срока отбывания наказания, время содержания под стражей, помещение для нарушителей, межотраслевая коллизия.

Summary. The authors of the article pay attention to non-coordination of criminal-executive legislation provisions with the ones stated in the Criminal and Criminal-procedural Codes of the Russian Federation. The issue regards the question of calculation of serving a sentence term. Changes in the edition of Article 60.3 of Criminal-executive Code of the Russian Federation are proposed. The question of detention period offset in the room for violators to real imprisonment is raised.

Keywords: forced labor, calculation of serving a sentence term, period of detention, room for violators, interdisciplinary collision.

Включение в уголовное законодательство наказания, альтернативного лишению свободы, соответствует идеям гуманизации наказания и «рационализации политики в области уголовного правосудия» (раздел 5 Концепции развития уголовно-исполнительно системы до 2020 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р³). Юридическое сообщество

¹ СОКОЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент (Иваново); SOKOLOVA OLGA VLADIMIROVNA, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Ivanovo State University, Ph. D in Law, Associate Professor (Ivanovo).

² СТЕПАНОВА ИРИНА БОРИСОВНА, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент (Иваново); STEPANOVA IRINA BORISOVNA, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Ivanovo State University, Ph.D in Law, Associate Professor (Ivanovo).

³ Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (в ред. от 23.09.2015) // СЗ РФ. 2010. — № 43. — Ст. 5544; СЗ РФ. — 2015. — № 40. — Ст. 5581.

оценивает, в целом, положительно решение законодателя о дополнении перечня уголовных наказаний принудительными работами. При этом исследователи отмечают, что формированию положительного опыта правоприменительной практики должно способствовать совершенствование норм, регламентирующих не только порядок назначения, но и исполнения наказания, альтернативного лишению свободы.

В первую очередь, обращает на себя внимание отсутствие согласованности норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Федеральным законом от 03.07.2018 № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁴ был изменен порядок зачета времени содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу в срок отбывания принудительных работ: если ранее один день в следственном изоляторе (далее — СИЗО) засчитывался за один день пребывания в исправительном центре, то на сегодняшний день — за два дня (ч. 3 ст. 72 УК РФ).

Неизменным, в свою очередь, осталось содержание ст. 60.3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Согласно части второй данной статьи при исчислении срока принудительных работ в случае, если в отношении лица в качестве меры пресечения избиралось содержание под стражей, один день пребывания под стражей засчитывается за один день принудительных работ.

Межотраслевая коллизия должна быть устранена, по нашему мнению, путем внесения изменений в уголовно-исполнительное законодательство. Возможны два варианта: либо из текста ч. 2 ст. 60.3 УИК РФ следует вовсе исключить положение о зачете срока пребывания под стражей, не соответствующее уголовно-правовым предписаниям, либо скорректировать его с учетом содержания ст. 72 УК РФ в обновленной редакции: один день в СИЗО за два дня в исправительном центре. До тех пор, пока данная коллизия не будет устранена, её преодоление видится нам исключительно через применение ст. 72 УК РФ, т. е. через применение норм материального права.

Первый из указанных выше вариантов устранения коллизии представляется нам наиболее приемлемым. Дублирование материально-правовых предписаний в нормах уголовно-исполнительного законодательства является излишним, так как вопрос о зачете времени содержания под стражей разрешается судом при постановлении приговора и его последующем исполнении на основании норм Уголовного кодекса РФ (п. 9 ч. 1 ст. 308, п. 11 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

⁴ О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2018— № 186-ФЗ // Российская газета. — 2018. 5 июля.— № 143.

Несправедливым представляется также решение законодателя о правовом положении лица, осужденного к принудительным работам и конвоируемого к месту отбывания наказания после вступления приговора суда в законную силу. Речь идет о части 2 статьи 60.3 УИК РФ, согласно которой один день следования в исправительный центр под конвоем засчитывается за один день отбывания принудительных работ. На наш взгляд, объем правоограничений для осужденного, находящегося под стражей или под конвоем, является одинаковым. В ч. 3 ст. 60.2 УИК РФ законодатель подчеркивает, что «осужденные к принудительным работам, находящиеся к моменту вступления приговора в законную силу под стражей, направляются к месту отбывания наказания в порядке, установленном для лиц, осужденных к лишению свободы (под конвоем). Эти лица подлежат освобождению из-под стражи по прибытии в исправительный центр». В связи с тем, что условия отбывания принудительных работ более гуманные, чем те, которые созданы для осужденных, находящихся в СИЗО или под конвоем (и в том и другом случае под стражей), целесообразно засчитывать за один день пребывания под конвоем два дня отбывания принудительных работ. Такое решение соответствовало бы позиции Европейского Суда по правам человека о том, что «условия содержания под стражей не должны быть строже условий отбывания назначенного судом уголовного наказания»⁵. Полагаем, что конвоируемые для отбывания наказания лица, также как и осужденные, находящиеся в СИЗО до вступления приговора суда в законную силу, имеют право «на компенсацию издержек, возникающих в результате отсутствия ... возможности для приведения в полном объеме условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в соответствии с международными стандартами»⁶.

И еще одно положение ч. 2 ст. 60.3 УИК РФ требует, на наш взгляд, определенной корректировки. Полагаем, что его буквальное прочтение создает пробел в законодательном регулировании правового положения осужденного к принудительным работам, которому был разрешен выезд за пределы исправительного центра на время отпуска.

Законодатель поясняет, что один день краткосрочного выезда, предоставляемого осужденному в соответствии со статьей 60.4 УИК РФ, засчитывается за один день пребывания в исправительном центре. Термин «краткосрочный

⁵ Заключение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному и процессуальному законодательству по проекту федерального закона № 73983-5 «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/73983-5> (дата обращения 03.10.2018).

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/73983-5> (дата обращения 03.10.2018).

выезд» используется лишь в ч. 3 ст. 60.4 УИК РФ, применительно к ситуации выезда осужденного к принудительным работам для решения неотложных социально-бытовых и других вопросов на срок до пяти суток непосредственно после его постановки на учет и регистрации по месту пребывания (для гражданина Российской Федерации) или постановки на миграционный учет по месту пребывания (для иностранного гражданина или лица без гражданства). Осужденным к принудительным работам, не имеющим взысканий, администрацией учреждения по их заявлению на основании постановления начальника исправительного центра *разрешается выезд* (выделено нами — *О. В. Соколова, И. Б. Степанова*) за пределы исправительного центра на период ежегодного оплачиваемого отпуска. Во избежание вопросов об исчислении срока отбывания наказания в случае предоставления осужденному отпуска вне центра, предлагаем исключить из ч. 2 ст. 60.3 УИК РФ слово «краткосрочный».

С учетом всего выше изложенного предлагаем следующую редакцию ч. 2 ст. 60.3 УИК РФ: «В срок принудительных работ засчитывается время следования в исправительный центр под конвоем из расчета один день следования в исправительный центр под конвоем за два дня принудительных работ; а также время выездов, предоставляемых осужденному в соответствии со статьей 60.4 настоящего Кодекса, из расчета один день выезда за один день принудительных работ».

Следующее положение, на которое мы обращаем внимание, касается правового положения осужденных к принудительным работам, признанных злостными нарушителями порядка или уклоняющимися от отбывания наказания.

Злостность нарушения определяется законодателем, во-первых, как систематическое неисполнение обязанностей по соблюдению порядка отбывания наказания, под которым понимается совершение в течение года трех нарушений, предусмотренных частью первой статьи 60.15 УИК РФ (в их числе, например, нарушение трудовой дисциплины или установленных для осужденного правил проживания в исправительном центре). Во-вторых, согласно ч. 2 ст. 60.15 УИК РФ злостным нарушением порядка отбывания наказания признается однократное совершение таких действий, как, например, употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ; мелкое хулиганство; неповиновение представителям администрации исправительного центра или их оскорбление при отсутствии признаков преступления; отказ от работы; самовольное без уважительных причин оставление территории исправительного центра; несвоевременное (свыше 24 часов) возвращение к месту отбывания наказания и др.

Самовольное отсутствие на работе или в исправительном центре свыше одних суток влечет еще одно негативное последствие для осужденного: наряду с тем, что он признается злостным нарушителем установленного порядка,

время его отсутствия в срок принудительных работ не засчитывается (ч. 3 ст. 60.3 УИК РФ), а само лицо считается уклоняющимся от отбывания наказания (п. «г» ч. 1 ст. 60.17 УИК РФ).

В отношении осужденного, уклонившегося от отбывания принудительных работ или признанного злостным нарушителем, начальник исправительного центра после водворения такого лица в помещение для нарушителей направляет в суд представление о замене неотбытой части принудительных работ лишением свободы. Если же осужденный был объявлен в розыск, то он будет задержан судом. Механизм применения данных мер не является, по нашему мнению, до конца выработанным. Представляется целесообразным на законодательном уровне решить несколько проблемных вопросов.

Во-первых, не согласованы нормы уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства в части решения вопроса о задержании лица, уклоняющегося от принудительных работ. Согласно ч. 2 ст. 60.17 УИК РФ скрывшийся осужденный может быть задержан судом до 30 суток. Но природа такого задержания не определена законом четко. Например, в отношении уклонившегося от получения предписания, предусмотренного частью второй статьи 60.2 УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, применяется мера в виде заключения под стражу (п. 18 ст. 397 УПК РФ). Почему законодатель не указал и на иные категории уклоняющихся от принудительных работ, которым может быть применена такая мера, не совсем ясно. В УИК РФ речь идет именно о задержании судом. Полагаем, что время нахождения в СИЗО до решения вопроса о замене принудительных работ лишением свободы должно засчитываться по правилам ч. 3¹ ст. 72 УК РФ, а именно один день за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима; два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

Во-вторых, законодатель в ч. 6 ст. 60.15, ч. 3 ст. 60.17 УИК РФ не определяет предельного срока нахождения осужденного в помещении для нарушителей, а указывает, что его водворение продлится до решения суда. Для сравнения: если осужденный к принудительным работам, уклоняющийся от их отбывания, будет задержан на срок 48 часов, то максимальный срок пребывания под стражей может быть продлен судом до 30 дней (ч. 2 ст. 60.17 УИК РФ).

В-третьих, водворение осужденного в помещение для нарушителей, является, по сути, не мерой взыскания применительно к злостно уклоняющимся, а мерой их задержания для последующего решения вопроса о замене принудительных работ лишением свободы. Поэтому, на наш взгляд, срок пребывания в данном помещении должен засчитываться в срок отбывания не принудительных работ, а лишения свободы, которое будет назначено осужденному в порядке замены.

Условия содержания осужденных, водворенных в помещение для нарушителей, определены Приказом Минюста России от 29.12.2016 № 329 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»⁷. Данная мера взыскания: а) может назначаться как с разрешением выхода на работу, так и без него (п. 40 Правил); б) осужденным, водворенным в помещение для нарушителей без вывода на работу, предоставляется возможность ежедневной прогулки продолжительностью 2 часа (п. 41 Правил); в) курение осужденным, водворенным в помещение для нарушителей без вывода на работу, разрешается только во время проведения прогулки в выделенных и оснащенных специальных местах на открытом воздухе; г) прием пищи осужденными осуществляется в помещении для нарушителей.

Отсутствие возможности свободно передвигаться по территории исправительного центра сближает данную меру с иными мерами взыскания, например, помещением в штрафной изолятор, а также со строгими условиями отбывания лишения свободы в исправительных колониях общего режима (см., например, п. «г» ч. 4 ст. 121 УИК РФ). Законодатель полагает, что один день пребывания в ШИЗО сопоставим с одним днем содержания под стражей (ч. 3.3 ст. 72 УК РФ). В связи с этим, полагаем справедливым засчитывать один день пребывания в помещении исправительного центра для нарушителей за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима; два дня отбывания наказания в колонии-поселении. Если же суд не признает в действиях осужденного злостности уклонения от отбывания принудительных работ, то срок пребывания в помещении для нарушителей должен признаваться сроком отбывания меры взыскания и засчитываться за два дня принудительных работ.

Что касается неотбытой части принудительных работ, то она заменяется лишением свободы по правилам ч. 6 ст. 53¹ УК РФ из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ.

⁷ Приказ Минюста России от 29.12.2016— № 329 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 03.10.2018).

Стромов В. Ю.¹

Stromov V. Yu.

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**

PROBLEMS OF MODERN PENAL EXECUTION POLICY

Аннотация. Автором рассматриваются проблемы современной уголовно-исполнительной политики в сфере исполнения наказаний.

Ключевые слова: проблемы современной уголовно-исполнительной политики; сфера исполнения наказаний.

Summary. The author considers the problems of modern criminal executive policy in the field of enforcement of sentences.

Keywords: problems of modern penal policy; scope of punishment.

Констатируем, что система исполнения наказания в нашей стране продолжают оставаться государственной проблемой, по нашему мнению, создавая угрозу национальной безопасности. Именно поэтому 14 октября 2010 года Председателем Правительства РФ Путиным В. В., было подписано распоряжением № 1772-р, утвердившее федеральную концепцию, целенаправленную реформировать отечественную уголовно-исполнительную систему до 2020 года².

Генезис данной программы реформирования исполнения наказаний сопровождался разработкой нормативной базы. Правовой первоосновой этого крупномасштабного реформирования явились положения части 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, указывавшие на позиционирование в качестве образующих элементов общепризнанных принципов-норм международного права и международных договоров. Поэтому на первый план выступила необходимость повышения эффективности деятельности отечественной уголовно-исполнительной системы согласно современных пенитенциарных требований.

¹ СТРОМОВ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ, ректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат юридических наук, доцент (Тамбов); STROMOV VLADIMIR YURYEVICH, Rector of Tambov State University named G. R. Derzhavin, Ph. D in Law, Associate Professor (Tambov).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации— № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»// Собрание законодательства РФ. — 25.10.2010. — № 43. — Ст. 5544.

Актуализация также связана с окончательным переходом на рыночную экономику, существенным образом осложнившим соблюдение требований законодательства об обязательном привлечении к общественно-полезному труду осужденных, потребовав изменить действовавшие структуру и форы использования их труда. Фактическим последствием этого стало непосредственно резкое снижение удельного веса производственных объектов, которые в реальной действительности работали скооперировано с пенитенциарной системой и (или) использовали трудоспособных осужденных в деятельности их контрагентов.

Десятилетиями отечественная уголовно-исполнительная система, исполняя уголовное наказание «лишение свободы на определенный срок», систематически недофинансировалась государством, неэффективно решая актуальные задачи обеспечения национальной безопасности. Поэтому законодателем логично было решено гуманизировать уголовную и уголовно-исполнительную отрасли законодательства, а следовало реализовать комплексные правовые реформы, целенаправленные усовершенствовать уголовно-исполнительную систему, создав новые виды пенитенциарных учреждений, оптимизировав взаимосвязь государственных органов и институтов гражданского общества. Поскольку, фактически получив финансовую поддержку Европейского союза, начиная с 2009 г. Российская Федерация непосредственно приступила к эксперименту, направленному на внедрение персонифицировано-объективных средств контроля за содержанием осужденных — электронной системы. Затем российским Правительством были утверждены положения Перечня специальных средств, которые используются должностными лицами уголовно-исполнительных инспекций при надзоре за осужденными к ограничению свободы³, предусматривающий их вариативное применение⁴.

Поскольку последнее десятилетие связано с совершенствованием отечественной уголовно-исполнительной системы, соответственно в течение последних лет вступили в действие федеральные законы, а также положения правительственных нормативных актов, целенаправленно поддерживающих пенитенциарную систему, укрепляющих гарантии спецконтингента. Фактически их социальная реабилитация осужденных обусловлена необходимостью непосредственно реализовывать специальные программы, связанные с их

³ Колбасова Е. В. Механизм применения электронных средств контроля и надзора за осужденными к ограничению свободы // Юридическая наука. — № 3. — 2011.

⁴ Постановление Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении Перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства РФ. — 25.10.2010. — № 43. — Ст. 5544.

образованием, профессиональным обучением, физическим развитием, удовлетворяя религиозные и культурные потребности, соблюдая национальные традиции, обычаи для подготовки общественно-полезной жизнедеятельности при освобождении.

Исходя из увеличения количества осужденных, которые не имеют образования и трудовых навыков, в ИУ были созданы 510 профессиональных училищ, для профессиональной подготовки более 82 тысяч осужденных, где работают более 4 тысяч педагогов, и 445 школ и учебно-консультационных пунктов для обучения почти 49 тысяч осужденных и работы свыше 3 тысяч учителей. Вместе с тем в последний период стали наблюдаться проблемы ассигнования. Например, УФСИН по Иркутской области не финансировало деятельность восьми профессиональных училищ, созданных при ИУ. Целью реформы является переориентация созданного в УИС потенциала производства, прежде всего, на социальные задачи посредством восстановления и закрепления у осужденных профессиональных и трудовых навыков, которые необходимы в их ресоциализации. Также актуальной проблемой выступает размещение и обеспечение пребывания осужденных в условиях следственного изолятора. С помощью разнообразного бюджетного и внебюджетного финансирования в условиях СИЗО на систематической основе организован ремонт режимных корпусов, улучшены материально-бытовые условия для подозреваемых и обвиняемых. Данный контингент обеспечен индивидуальными спальными местами, также было улучшено материально-техническое обеспечение администрации и сотрудников. Поскольку много недостатков в деятельности управлений УИС в субъектах Российской Федерации посредством неэффективного использования организационных и финансовых возможностей аппарата полномочных представителей Президента России, иных федеральных и региональных структур законодательной и исполнительной власти для привлечения инвестиций, государственной поддержки целенаправленного реформирования отечественной пенитенциарной системы, то необходимо оптимизировать именно данное направление, обеспечить региональную интеграцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Постановление Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении Перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для

- обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства РФ. — 05.04.2010. — № 14. — Ст. 1663.
3. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. — 25.10.2010. — № 43. — Ст. 5544.
 4. *Колбасова Е. В.* Механизм применения электронных средств контроля и надзора за осужденными к ограничению свободы // Юридическая наука. — № 3. — 2011. — С. 54–56.

Сумачев А. В.¹
Sumachev A. V.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
PARENTAL AUTHORITY AND CRIMINAL LAW ASPECTS OF ITS IMPLEMENTATION

Аннотация. В статье определяется понятие «родительская власть». Анализируются особенности реализации родительской власти в регионально-национальном аспекте, а также очерчиваются уголовно-правовые грани реализации родительской власти в Российской Федерации.

Ключевые слова: родители, дети, родительская власть, воспитание, преступление.

Summary. The article defines the concept of «parental authority». The features of the implementation of parental power in the regional-national aspect are analyzed, as well as the criminal-legal boundaries of the implementation of parental power in the Russian Federation are outlined.

Keywords: parents, children, parental authority, education, crime.

Нет сомнений в том, что родительская власть как социально-нравственно-правовое явления вызывает огромный интерес у россиян. В частности, по запросу «родительская власть» в поисковой системе «Яндекс» нашлось 26 (!) млн результатов; в поисковой системе Google — 2 млн 770 тыс. результатов. При этом очень активно в сети «Интернет» обсуждаются вопросы форм и методов реализации родительской власти.

Но первоначально определимся с понятием «родительская власть». И, интересно отметить, что в Толковом словаре *русского* (курсив наш. — А. С.) языка, составленном Сергеем Ивановичем Ожеговым и Наталией Юльевной Шведовой, при толковании слова «ВЛАСТЬ» («1. Право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле») в качестве первого (!) примера указана «Родительская власть»². Исходя из вышеуказанного толкования, под «родительской властью» следует понимать право и возможность родителей подчинять своей воле своих детей.

¹ СУМАЧЕВ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», доктор юридических наук, профессор (Тюмень); SUMACHEV ALEKSEY VITALIEVICH, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of «Ugra State University», Doctor of Law, Professor (Tyumen).

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. — М.: А ТЕМП, 2004. — С. 86.

В свою очередь, педагог-воспитатель Алия Борисовна Эльмурзаева в статье «Родительская власть... это страшно?» относительно данной категории пишет: «Что такое РОДИТЕЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ? — это когда вы понимаете, что вы имеете опыт и мудрость, с помощью которых вы имеете ВЛАСТЬ ... ОГРАДИТЬ своего ребенка от НЕНУЖНЫХ или ВРЕДНЫХ вещей. По отношению к своему ребенку вы — как создатель произведения, как мастер, желающий сотворить нечто совершенное. И т. к. вы — мастер (или, во всяком случае, должны были им стать, прежде, чем сотворять ребенка))), то вы имеете ПРАВО определить цели жизни вашего творения, и вложить в свое творение те качества, которые вы считаете необходимыми» (стиль сохранен. — А. С.)³. Как видно, здесь сделан упор на целевые установки реализации родительской власти, а также конкретизированы «властный» и «подвластный» субъекты — соответственно: «мастер», который «сотворил ребёнка» (родители) и «свой ребенок» (не чужой).

Однако в понятии «родительская власть» должны быть отражены и некоторые правовые аспекты. Так, согласно Семейному кодексу Российской Федерации (далее — СК РФ) ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих) (ч. 2 ст. 56 СК РФ). При этом в процессе реализации своих родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей (абз. 1 ч. 1 ст. 65 СК РФ). Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке (абз. 2 ч. 1 ст. 65 СК РФ). В частности, согласно ст. 69 СК РФ, родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они, например, жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность. Более того, ответственность родителей за жестокое обращение с детьми может быть административной и даже уголовной: ст. 6.1.1. «Побои» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), ст. 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), ст. 117 «Истязание» УК РФ, ст. 127 «Незаконное лишение свободы» УК РФ и др.

Кроме того, формы реализации родительской власти могут, хотя и формально противоречить закону, но с точки зрения региональных или

³ Родительская власть... это страшно? // Проза.ру — URL.: <https://www.proza.ru/2014/12/03/1111> (дата обращения 31.09.2018).

национальных особенностей быть допустимыми именно для формирования необходимого поведения детей. Так, по свидетельству опрошенных в ходе проведения данного исследования, в сельской местности (в сравнении с городскими жителями) гораздо чаще практикуется физическое воздействие на ребенка (шлепки по попе, наказание ремнем); в городах распространено ограничение свободы «непослушного» ребенка (запирание в квартире, запрет покидать жилище под угрозой применения насилия); для представителей определенных национальностей (как правило, народности Северного Кавказа) телесные наказания в основном не практикуются, а принуждение в рамках воспитательного воздействия основано на авторитете старших — прежде всего отца.

Суммируя сказанное можно сформулировать следующее определение «родительской власти» — это право родителей формировать необходимое с их точки зрения (как правило, социально-полезное) поведение своих (не чужих) детей, реализуемое в допустимых законом и/или традициями формах.

Формы и методы реализации родительской власти могут варьировать от социально-правомерных (беседы, личный пример, стимулирование и т. п.) до формально противоправных (нанесение побоев, лишение свободы передвижения и т. п.). В русле нашего исследования особый интерес вызывают так называемые формально противоправные методы реализации родительской власти. Интерес этот в России обусловлен, как представляется, не только возможными юридическими последствиями для родителей, но и морально-нравственными установками жителей нашей страны. Так, Анна из г. Мурманск в заметке «Родительская власть» отмечает: «... я категорически против насилия над ребенком, но согласитесь — иногда разбаловавшееся или расхулиганившееся чадо только и можно остановить, что шлепком по попе»⁴. В комментариях к данной заметке Екатерина из г. Тверь пишет: «БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ — ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС!!! ... вот честно — сколько не пыталась — не получается — иногда такого натворят что ремень — сам в руки прыгает»⁵. Елена из г. Омск также откровенничает: «Я впервые взяла ремень в руки, когда Ярославу исполнилось шесть лет. Скажу честно, мне каждый раз бывает стыдно после физического наказания своего ребенка. Поэтому около полугода за ремень я не берусь. А стыдно за свою несостоятельность как родителя, неумение завоевать авторитет и любовь, которые могли бы направлять ребенка вместо шлепков и ремня»⁶.

⁴ Родительская власть // БЭБИ.РУ. — URL.: <https://www.baby.ru/community/view/126569/forum/post/274757/> (дата обращения 31.09.2018).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Даже эти немногочисленные мнения свидетельствуют о неоднозначности морально-нравственного обоснования россиянами насильственных форм реализации родительской власти. Более того, опять же, как представляется, ввиду традиционности данных методов воспитания в России, они — насильственные формы реализации родительской власти — не представляются «из ряда вон выходящими» явлениями. Свидетельством этого является некоторое даже юмористическое отношение к таким методам воспитания, например, в социальной сети «Одноклассники» была выставлена и широко обсуждалась картинка, на которой было написано: «Хотите, чтобы ваши дети росли здоровыми и послушными? Педиатры рекомендуют давать детям “Ремнишку”⁷. Комментарии были примерно следующего плана: “Лупидол” тоже хорошо помогает»; «Очень вкусные пилюли, сам пробовал»; «Если ремняшку без передозировки и усердия давать, она даже полезная. Испытано на людях 80-х, ах какими мы хорошими выросли» и др. Но были там и иные комментарии: «Имеются противопоказания. Перед применением следует внимательно ознакомиться с инструкцией». Так вот, такие «инструкции» по использованию «Ремнишки» или «Лупидола» определяются, в том числе, и в уголовном законодательстве России. Условно определим их как уголовно-правовые грани реализации родительской власти в Российской Федерации. Стоит заметить, что отношение законодателя к данному вопросу весьма неоднозначно. Так, применительно к вопросу об уголовной ответственности за побои (ст. 116 УК РФ) первоначально родители могли нести ответственность за нанесение побоев ребенку на общих основаниях. Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ законодатель конкретизировал ответственность за побои в отношении «близких лиц»⁸. Заметим, что в научной среде это законодательная новелла оценивалась неоднозначно. В частности, П. А. Скобликов резко возражал против криминализации побоев родителями своих несовершеннолетних детей⁹: «... по ст. 116 “Побои” УК РФ суд будет вынужден почти автоматически вынести обвинительный приговор родителю. Хотя бы единожды отшлепал? — Отшлепал. — Получай!»¹⁰.

Однако уже спустя чуть более 7 месяцев Федеральным законом от 07 февраля 2017 г. № 8-ФЗ законодатель декриминализировал нанесение побоев

⁷ Одноклассники. — URL.: <https://ok.ru/veseloeradio/topic/76859794595840> (дата обращения 31.09.2018).

⁸ Российская газета. — 2016. — 8 июля.

⁹ Скобликов П. А. Ослабление государственной монополии на насилие // Законодательство. — 2016. — № 11. — С. 59.

¹⁰ Там же. — С. 60.

ребенку (побои в отношении «близких лиц»), определив обязательное наличие для подобных случаев административной преюдиции¹¹.

Соответственно, уголовно-правовая грань реализации родительской власти в форме нанесения побоев ребенку в воспитательных целях в настоящее время в юридическом плане «отодвинута» за административно-правовую грань (первоначально такие действия оцениваются по ст. ст. 6.1.1. КоАП РФ).

Воспитательное воздействие в отношении ребенка может выражаться и в систематической порке, как ее порой называют — «субботней»¹². Но в данном случае уголовная ответственность наступает по ст. 117 УК РФ («Истязание») без административной преюдиции. При этом под «систематической поркой», как представляется, следует понимать не просто многократное нанесение побоев либо многократное совершение иных насильственных действий, а именно систематические периодически совершаемые действия, например «по субботам — порка». Если же нанесение побоев, пусть и многократное, но осуществляемое не периодически, а лишь за факт допущенного ребенком проступка, исключает системность и, соответственно, уголовно-правовую оценку действий как истязания (ст. 117 УК РФ).

Реализация родительской власти может выражаться в лишении ребенка свободы передвижения, что формально схоже с «незаконным лишением свободы» (ст. 127 УК РФ). Данная форма воздействия достаточно распространена и может считаться весьма эффективной. Однако, если в процессе незаконного лишения свободы ребенка как воспитательной меры осуществляется жесткое психическое воздействие (например, закрывание в темной кладовке, в подвале, в холодном помещении), содеянное может быть оценено как преступление.

Таковы основные уголовно-правовые грани реализации родительской власти в Российской Федерации. Вместе с тем, как представляется, вопрос уголовно-правового регулирования реализации родительской власти весьма значимый и требует более детального исследования с точки зрения морально-нравственных, социально-педагогических и юридически-допустимых граней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А по субботам — порка. Николай Филимонов // DA.RU. — URL.: <http://kprn.clubpn.org/club/libr/old/saturday.htm> (дата обращения 31.09.2018).
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. — М.: А ТЕМП, 2004. — 944 с.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — №7. — Ст. 1027.

¹² А по субботам — порка. Николай Филимонов // DA.RU. — URL.: <http://kprn.clubpn.org/club/libr/old/saturday.htm> (дата обращения 31.09.2018).

3. Родительская власть // БЭБИ.РУ. — URL.: <https://www.baby.ru/community/view/126569/forum/post/274757/> (дата обращения 31.09.2018).
4. Родительская власть... это страшно? // Проза.ру — URL.: <https://www.proza.ru/2014/12/03/1111> (дата обращения 31.09.2018).
5. *Скобников П.А.* Ослабление государственной монополии на насилие // Законодательство. — 2016. — № 11. — С. 55–61.

*Титов А. Н.*¹

Titov A. N.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПРАВОСЛАВИЕ

CRIMINAL POLICY OF THE DONETSK REPUBLIC AND ORTHODOXY

Аннотация. Статья посвящена соотношению норм православия и уголовного закона Донецкой Народной Республики. Отмечается, что духовность является категорией как теологической, так и уголовно-правовой. Предлагается использовать нормы православия при формировании уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика, христианство, православие, духовность, криминализация.

Summary. The article is devoted to the relationship between the norms of Orthodoxy and the criminal law of the Donetsk People's Republic. It is noted that spirituality is a category of both theological and criminal law. It is proposed to use the norms of Orthodoxy in the formation of criminal law.

Keywords: criminal policy, Christianity, Orthodoxy, spirituality, criminalization.

Для Донецкой Народной Республики (далее — ДНР), как неотъемлемой части русского мира, традиционным носителем культуры было и остается православие. Принятое в 988 году Святым равноапостольным великим князем Владимиром христианство наполнило все сферы жизни Киевской Руси, стало основой формирования права, в том числе и права уголовного, помогая народу сохранить духовные ценности и распространить их путем передачи от поколения к поколению.

Нормы, принятые иерархами церкви, сегодня носят преимущественно рекомендательный характер, хотя основная их идея совпадает с идеей государственной политики ДНР. А поскольку при отсутствии в народе положительного нравственного идеала никакие меры принуждения, запугивания или наказания не смогут остановить злой воли, поэтому профилактика преступности возможна прежде всего через воспитание и просвещение, направленные на утверждение в обществе истинных духовных и нравственных ценностей².

Как вероучение христианство изучают богословы и теологи, в то же время юристам оно интересно исключительно в рамках компаративистского анализа, вследствие того, что религиозные нормы имеют значительное влияние на формирование позитивного права, в том числе права уголовного. Интерес

¹ ТИТОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, адвокат, кандидат юридических наук, доцент (г. Донецк); ТИТОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, lawyer, PhD in Law, Associate Professor (Donetsk).

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Церковь и время: научно-богословский и церковно-общественный журнал. — 2000. — № 4 (13). — С. 61.

к религии и церкви возрождается с каждым днем, что, в свою очередь, выражается в возвращении к естественно-правовым теориям, одной из которых является теологическая.

Согласно теологической теории, право является системой норм и правил поведения, которые исходят от Бога, поэтому содержат в себе непреложные истины, ценности и блага для достойного существования человечества.

Универсальность теологической теории подтверждается не только тем, что она содержит кроме антропологического, еще и метафизическое измерение в объяснении происхождения права и государства, но и ее способностью связать право со справедливостью. Так, одна из основных идей римского права, на котором основываются современные правовые системы стран Европы, в том числе система права ДНР, звучит как: «*Jus est ars boni et aequi*» – «Право есть искусство добра и справедливости». В качестве фундамента римского права использована идея естественного права, которое трактуется как система неотъемлемых принципов и прав, вытекающих из человеческого естества и независимых от объективной точки зрения человечества. Концепция естественного права включает в себя фактическое требование совершенного права (идея верховенства права) и, в случае социальной допустимости, предметность закона (позитивного права) от универсальных правоположений.

Мысли о божественном происхождении государственной власти и закона развивались и совершенствовались на протяжении столетий. Так, в XX веке сторонниками естественно-правового и теологического учений стали Ж. Маритен, А. Ауэр, Э. Вольф, Х. Домбоис, Ф. Харст. Среди отечественных правоведов и богословов свой вклад в развитие этой теории сделали Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, А. Ф. Лосев, И. А. Ильин, Г. С. Сковорода, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, Л. И. Шестов и др.

Согласно теории божественного происхождения, государство и право не является продуктом первичной воли Бога, а следствием вынужденной реакции на происходящее. Грехопадение, которое оставило свой негативный след в природе человека, повлияло на возникновение сдерживающих грех и зло факторов. Люди стали требовать внешнего противодействия недостаткам, поэтому сначала Богом, а после самим человеком стали устанавливаться запреты и разрешения для урегулирования общественной жизни: ограничения зла и поддержки добра. В этом случае закон как результат реализации государственной власти подлежит неукоснительному исполнению, так как служит гарантом земного порядка и способом исполнить Божью волю, так как в конце концов именно в Боге (его разуме, воле и творениях) вместе с волей, умом и творчеством человека содержится изначальная основа и источник права. И хотя теологическая теория, по мнению представителей материалистической

науки, недоказуема, она также и неопровержима, поскольку вопрос о ее истинности или ложности решается вместе с вопросом реальности существования Бога и вопросом веры.

Христианство как планетарная религия предоставило общую характерную ценностно-нормативную направленность целому ряду локальных цивилизаций и культур западного и славянского миров, является глобальной системой социального контроля. Этот контроль осуществляется на всех уровнях, от лично-индивидуального до макросоциального в масштабах целых цивилизаций³. В таком случае религиозные нормы могут санкционироваться в виде норм позитивного права или составлять одни из факторов правоопределения, воздействуя на законодателя при выборе того или иного варианта правовой регламентации общественных отношений, а также на правосознание и юридически значимое поведение субъектов права (как людей верующих, так и неверующих, или тех, которые исповедуют другие религии)⁴. В праве этот феномен назван правовой традицией.

Под правовой традицией следует понимать категорию, которая выражает настоящее право в его связях с прошлым, с историей. Иногда правовая традиция противопоставляется или отождествляется с правовой культурой, однако смысловые значения в этих терминах разные. Правовая традиция — это не правовые явления, а категория, объясняющая их своеобразие. В отличие от правовой культуры, выражающей сам феномен, правовая традиция является механизмом формирования этого феномена, его трансмиссии и функционирования⁵.

Так, христианство, будучи морально-нормативной системой, влияет на формирование и реализацию светских правовых норм, формирует и свою особую правовую традицию. В процессе своеобразной имплементации христианских норм в право мы, применяя право, тем самым обращаемся за помощью к религии, в случае с христианской религией — к нормам канонического права. Как когда-то каноническое право было источником рецепции римского права в его византийской версии в государствах Восточной Европы⁶, так и сегодня оно влияет на современные процессы правореализации. Со времен Средневековья и позднее западная ветвь христианства (католицизм

³ *Бачинин В.* Интертекст мировой цивилизации: христианская геосоциальная девиантология (методологические проблемы). — URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/634>.

⁴ *Вовк Д.* Християнська права традиція як категорія теорії права. — Харьков, 2013. — С. 37.

⁵ *Чистов К. В.* Фольклор, текст, традиция. — М., 2005.

⁶ *Харитонов Е. О.* Нариси теорії цивілістики (поняття та концепти): монографія. — Одеса, 2008. — С. 336, 357.

и протестантизм) непосредственно повлияла на законодательство стран Западной Европы, в Восточной Европе же доминировало православие.

Христианская правовая традиция — это категория, которая выражает влияние христианства на право, что ощущается как в странах, которые находятся в пределах европейской цивилизации, так и в отдельных случаях за ее пределами⁷. В литературе нередко европейскую цивилизацию называют «христианской цивилизацией». К ней, безусловно, следует отнести и Донецкую Народную Республику. ДНР — государство многонациональное и поликонфессиональное. Некоторая часть граждан нашей страны исповедуют ислам, иудаизм, различные течения буддизма и индуизма, применяет эзотерические практики или провозглашает себя атеистами. Между тем большинство граждан ДНР позиционируют себя как православные христиане.

Как отмечает К. С. Бухтиярова, учитывая христианское понимание сущности и роли права, в науке решена проблема целевой нагрузки уголовного права: 1) уголовное право в общественном сознании должно открыться как некий высший социальный порядок; 2) уголовное право должно быть независимым от произвола и содержать минимум возможностей применения силы. Только в этом случае доступна реализация идеи верховенства права, а равно противодействие преступности⁸.

Первая и основная форма воздействия православного вероучения на уголовное право — идейно-моральностная. Поскольку право — это не только правило поведения, содержащееся в законе, но и воплощение этого правила в повседневную реальность, именно от моральных принципов человека и общества зависит эффективность права. Формирование и позитивация правовой нормы, ее восприятие и реализация субъектами права обусловлены рядом факторов: моральной позицией субъектов права, отношением к этой норме различных сообществ, проявлением традиции⁹, уровнем нравственности и духовности как общества в целом, так и каждого его члена и др. Поэтому религия, как таковая предлагающая вечные идеалы и ценности, закрепляет нравственные истины, становится так называемым «идейным вдохновителем» права, несмотря на то, что, на первый взгляд, она имеет отличный от права предмет регулирования — отношения между верующим, Богом и церковью¹⁰. Так, религиозные нормы приобретают статус правовых в тех государствах, где религия является официальной; в светских государствах религиозные нормы

⁷ Вовк Д. Указ. соч. — С. 48.

⁸ Бабиніна К. С. Кримінальне право України в православному вимірі (стан, динаміка та перспективи): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. — Одеса, 2016. — С. 50.

⁹ Вовк Д. Указ. соч. — С. 50.

¹⁰ Папаян Р. А. Христианские корни современного права. — М., 2002. 416 с.

носят рекомендательный для законодателя характер. Исходя из ст. 9 Конституции Донецкой Народной Республики, религиозные объединения в ДНР отделены от государства и равны перед законом. Никакая религия и идеология не могут устанавливаться в качестве государственных или обязательных¹¹.

Производя устойчивую систему ценностей, религиозные нормы играют существенную роль в формировании правопослушного поведения человека и имеют превентивный характер, поэтому не могут быть полностью оторванными от права даже в секулярных светских государствах. Сегодня церковь совершила попытку перевести канонические нормы и догматические правила православия на светский язык. Таким образом, происходит регулирование отношений верующих между собой и к светской власти — это вторая форма реализации религиозных норм в уголовном праве.

Ситуация, когда христианские нормы попадают в правовое поле, возможна в случае совпадения предмета религиозных и правовых отношений. Ярким примером совпадения интересов права и религии становятся уголовно-правовые отношения, в ходе которых получают реализацию христианские заповеди: «Не убий! Не прелюбодействуй! Не укради! Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего!» (Исх. 20: 13–16). Так, А. Ф. Кистяковский в конце XIX века отметил, что уголовное право, как совокупность уголовных законов, современно первым зачаткам человеческой общественности¹². А, по мнению А. А. Тер-Акопова, религиозно-правовая гармония основывается не на приспособлении религии к государству и праву, а, наоборот, на строительстве государства и права по религиозным нормам¹³.

Третьей формой реализации религиозных норм в уголовном праве является нравственно-аналоговая форма. Исходя из нее, христианские нормы, не воплощаясь непосредственно в праве, влияют на их формирование. Хотя эта форма неявная и сложная, она не менее значима для права, чем предыдущие.

Задачи христианского вероучения как нормативной системы в отличие от права являются только целевыми. Христианство воплощает идеальную модель поведения человека в жизни и становится тем конечным результатом, к которому должен стремиться каждый христианин. Так, оно способно быть фундаментом, но не может быть инструментарием, используемым для решения любых текущих, частных, общественных, государственных, экономических

¹¹ Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года. — URL: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>.

¹² Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. — Киев, 1875. — С. 57.

¹³ Тер-Акопов А. А. Нравственность и право. — М., 2005. — С. 4.

или политических задач. А поскольку идеал, к которому апеллирует христианство, сам Бог, то право должно постоянно соотноситься с религиозными нормами и по возможности заимствовать модели должного поведения, содержащиеся в них.

В целом же, несмотря на различия, можно сделать вывод, что право и религию объединяют нормативность и системность. Уголовное право как отрасль права также имеет названные свойства, с помощью которых оно осуществляет свою регулятивную и охранительную функции в обществе путем установления запретов на определенное поведение. В случае несоблюдения уголовно-правового запрета, применяется уголовное наказание или иные меры государственного принуждения.

Уголовное право в узком смысле — это система юридических норм, определяющих преступность и наказуемость деяний; в широком — отрасль права, которая регулирует общественные отношения, связанные с совершением преступных деяний, назначением наказания и применением иных мер уголовно-правового характера, устанавливает основания привлечения к уголовной ответственности или освобождения от уголовной ответственности и наказания¹⁴.

По мнению И. Г. Швидченко, религия по своей сути является несравненно более широким явлением и глобальной понятийной категорией, чем уголовное право во всех его проявлениях, и далеко не ограничивается теми целями и задачами, которые стоят перед уголовным правом. Вместе с тем, предметно-объектные и методологические основы уголовно-правового и религиозного регулирования общественных отношений имеют достаточно существенные и многочисленные общие и отличительные черты¹⁵.

Нормативность как основная внешняя взаимосвязь уголовного права и христианства предполагает возможность нарушения, которое в христианстве называется грехом, а в уголовном праве — преступлением. Нарушения всегда вызывают определенные последствия в виде обязанности загладить вину: в христианстве — это раскаяние и покаяние, в праве — ответственность и наказание. Похожа также процедура искупления вины. Как в первом, так и во втором случае действует суд: суд Божий — в христианстве, и суд светский — в уголовном праве. Структурное сходство обязывает светский суд права тянуться за идеальным Божьим судом истины.

¹⁴ Уголовное право // Энциклопедический словарь экономики и права. — URL: http://www.financetimes.ru/glossary/dic_economic_law/?dic_tid=16606.

¹⁵ Швидченко І.Г. Свобода віросповідання як об'єкт кримінальноправової охорони: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Киев, 2009. — С. 15.

Единство предмета уголовного права и христианства проявляется еще в том, что среди объектов уголовно-правовой охраны на первом месте стоят жизнь и здоровье, честь и достоинство, права и свободы — все, что для христианства относительно человеческой земной жизни является первоочередным. Поскольку уголовный закон призван осуществлять защиту человека, общества и государства от посягательств и охранять личные, общественные и государственные интересы, он в полной мере воплощает основную идею христианского вероучения, которая заключается в любви к ближнему. Уголовный закон ДНР также охраняет все другие освященные христианством ценности: семью, детство, собственность, труд, равенство людей и др.

Кроме вышеупомянутого, уголовное право и христианство связывает религиозный аспект: христианство, вместе с другими религиями выступает предметом уголовно-правовой охраны, а проповедуемые христианством нравственные идеи формируют правосознание и правореализацию.

Православие, в силу светскости ДНР, не имеет публичного характера, поэтому не может выступать от имени государства и адресовать свои догматы всему обществу в качестве обязательных. Также православие нельзя рассматривать как средство регулирования общественных отношений. Однако, признавая за ним возможность претензии на истину, государство может заимствовать из православного вероучения то, что относится к предмету уголовного права: способность разрешения конфликтов и регулирования отношений между людьми посредством убеждения, а не запретами или принуждением.

Наиболее остро государство нуждается в таком заимствовании в переходные периоды жизни общества и государства, когда происходит смена власти (а в случае с ДНР — еще и вооруженный конфликт), а, следовательно, изменение концепций, парадигм, теорий и правовых школ, приводящие к проблемам реализации права. Признание представителями государственной власти того факта, что сила, которая основывается на убеждении, действеннее, чем сила, основанная на принуждении¹⁶, активизировало поиск новых возможностей эффективной реализации права и закона. Сегодня императив и принуждение, присущие уголовному праву, все чаще предлагается заменить убеждением. Убеждение, в свою очередь, предлагается обосновывать идеями, которые утверждают нравственные ценности: равенство, свободу, справедливость и др., т. к. они универсальны.

¹⁶ Иеромонах Даниил (Чадаев). Нравственность как аксиологический аспект права. — URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3631149.html>.

Православные нормы, традиции и обычаи представляют собой относительно древние, основанные на христианской религии, передаваемые из поколения в поколение принципы и образцы поведения, служащие основой духовного формирования личности и обеспечивающие твердые критерии и гарантии высоконравственных человеческих ценностей, идеалов и требований. Православные ценности (совесть, достоинство, жертвенность, справедливость, свобода выбора), духовность и нравственность способны служить опорными столбами для законодателя и правоприменителя при формировании и применении нормы-запрета¹⁷.

В процессе криминализации деяния важным является тот факт, что выявление его уголовно наказуемым должно иметь моральную поддержку большинства членов общества в связи с отрицательной моральной оценкой криминализируемого деяния. Криминализация не должна разрушать эти представления, так как отход от данного принципа может привести к неэффективности уголовного закона.

Для эффективного функционирования криминализации необходимо определиться с её идеологией, что позволит обеспечить единство целей и задач. Такой идеей должна стать идея духовности, связываемая на территории ДНР на протяжении более тысячи лет с православными традициями и обычаями. Для православия духовность — это исполнение заповедей Иисуса Христа, главной из которых является: «Любите ближнего, как самого себя...». Человеколюбие и гуманное, терпимое отношение людей друг к другу, в том числе к тем, кто преступил закон, совершил преступление, и означает духовность.

Духовность как основная идея православия и теологическая категория предполагает следование нравственным началам и неукоснительное исполнение нравственных законов. Исходя из уровня духовности человека, можно говорить о его преступной склонности, так как совершению человеком преступления предшествует разрушение нравственного начала в нём самом. Духовность предполагает не только нравственное воспитание общества, основанное на православных традициях и обычаях, но и влияет на формирование новой нормы уголовного права. Это, с одной стороны, позволяет выработать у преступника ценности и качества, необходимые для возникновения системы самоконтроля, удерживающей его в рамках законопослушного поведения (специальная превенция), но также служащей предупреждением преступлений другими лицами (общая превенция).

¹⁷ Бухтиярова К. С. Православие в системе культурных детерминант криминализации // Теоретичні та практичні проблеми забезпечення сталого розвитку державності та права: матер. Межнар. наук. конф. (Одеса, 30 листопада 2012 р.). Т. 2. — Одеса, 2012. — С. 236.

Духовность, являясь категорией теологической, является и уголовно-правовой категорией, что делает её предметом уголовно-правовой науки. Уголовное право и уголовный закон выражают духовность общества и отдельных его членов, являясь духовным образованием. Уголовный закон, выступая в качестве способа регулирования определённых отношений и защиты интересов каждого человека, общества в целом и государства, выражает духовность разного уровня¹⁸. От уровня духовности общества, от его правосознания и понимания зависит эффективность применения уголовно-правовой нормы.

К сожалению, придется констатировать, что одним из недостатков уголовно-правовой политики Донецкой Народной Республики является отсутствие идеологии, определяющей основные подходы к целям и задачам рассматриваемой деятельности. Основой такой идеологии, по нашему мнению, может и должна стать идея духовности, в основе которой лежит соблюдение нравственных начал. Разработка проблемы уголовно-правового изучения православных традиций, обычаев, ценностей и их влияния на уголовную политику актуальна прежде всего для определения уголовно-правовых возможностей использования норм православия при формировании уголовно-правовой нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года. URL: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения 19.10.2018).
2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Церковь и время: научно-богословский и церковно-общественный журнал. — 2000.
3. *Бабиніна К. С.* Кримінальне право України в православному вимірі (стан, динаміка та перспективи): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Одеса, 2016. — 226 с.
4. *Бачинин В.* Интертекст мировой цивилизации: христианская геосоциальная девиантология (методологические проблемы). URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/634> (дата обращения 19.10.2018).
5. *Бухтиярова К. С.* Православие в системе культурных детерминант криминализации // Теоретичні та практичні проблеми забезпечення сталого розвитку державності та права: матер. Міжнар. наук. конф. (Одеса, 30 листопада 2012 р.). Т. 2. — Одеса, 2012. — С. 236–238.
6. *Вовк Д.* Християнська правова традиція як категорія теорії права. — Харьков, 2013.
7. Иеромонах Даниил (Чадаев) Нравственность как аксиологический аспект права. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3631149.html> (дата обращения 19.10.2018).
8. *Кистяковский А. Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права. — К., 1875. 413 с.
9. *Папаян Р. А.* Христианские корни современного права. — М., 2002
10. *Тер-Акопов А. А.* Нравственность и право. — М., 2005

¹⁸ *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. — М., 2003. — 478 с.

11. *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. — М., 2003
12. *Харитонов Є. О.* Нариси теорії цивілістики (поняття та концепти): монографія. — Одеса, 2008
13. *Чистов К. В.* Фольклор, текст, традиція. — М., 2005.
14. *Швидченко І. Г.* Свобода віросповідання як об'єкт кримінальноправової охорони: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — К., 2009.

Тиханьи М.¹
Tihanyi M.

ИЗМЕРИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

MEASURABILITY OF THE SOCIAL EFFECTS OF LAW ENFORCEMENT

Аннотация. Данные современных научных исследований в настоящее время играют более важную роль, чем количественные показатели, являющиеся результатом полицейской работы, а большинство показателей качества — например, «признание общества» или доверие к полиции, стали более приемлемыми с научной точки зрения. Начиная с 1990-х годов, возникла необходимость выхода за пределы утилитарного подхода к оценке эффективности, развития концепции процессуального правосудия и включения элементов социального равенства. Также следует учитывать, что невозможно получить достоверные данные без учета местных социокультурных и криминологических характеристик. В целях обеспечения эффективной работы и устойчивого развития необходимо разработать и постоянно управлять системой измерения и оценки, которая — концентрируясь на конкретных областях — предоставит нам обратную связь о сути и изменениях в деятельности полиции. Современное венгерское законодательство, регулирующее вопрос производительности полиции, не имеет развитой методологии или устарело с точки зрения статистической науки. В этом исследовании автор изучил вопросы, связанные с необходимостью учета социального измерения и легитимности при оценке производительности полиции. Учитывая вышеизложенное, автор приходит к выводу о необходимости научной разработки концепции производительности полиции, а также пересмотра критериев эффективности ее работы в соответствии с международными правовыми трендами.

Ключевые слова: качество работы полиции, хорошая полиция, индикаторы качества полиции, эффективность качества.

Summary. It must be accepted that every human activity is perfectible and can be improved. One of the prerequisites of development is finding aspects where there is room for development. These can be called quality indicators. The aim of the author is to outline a possible rating mechanism for police work. Mainly practical solutions will be presented, based on theoretical principles laid out by the «Good government — Good policing» workgroup of the Law Enforcement Faculty at the National University of Public Service. The evaluation system is not based on measuring the performance of the police organisation, but on social influences

¹ МИКЛОН ТИХАНЬИ, доцент кафедры общественной безопасности факультета правоприменения Национального университета государственной службы, доктор права (Будапешт, Венгрия); MIKLÓS TIHANYI, PhD, Assistant Lecturer, National University of Public Service, Faculty of Law Enforcement, Public Security Department (Budapest, Hungary).

induced by the police in public safety. Of course, because of the cooperative societal nature of public safety, the outcome of police work cannot be measured exactly, because the impacts of the other actors of society cannot be excluded. However, there is no better solution at the present, and a different interpretation would ignore the social function of the police.

Keywords: quality of police work, good policing, quality indicators of the police, legitimacy of the police, efficiency-effectiveness-quality

ISSUE RAISED

At present there is an ongoing research at NUPS with a goal to develop a tool to measure law enforcement activities. Any activity can be measured if we have a measurement system — in our case it is the effect of law enforcement on social phenomena — and a tool / instrument to precisely measure. Measuring law enforcement activities is not a new idea. But while the law enforcement system measures itself, it may go against how society measures effectiveness. *Therefore, we intend to work out quality indicators to measure the effect on society in harmony with good governance, and those indicators reflect on the effectiveness to make societal goals come true.*

EFFECTS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

We need to set those areas we intend to measure. A model is necessary to consider the unique features of various fields, and this model can reflect on the quality of the entire law enforcement system. Therefore, we need to define the affected areas.

There are six functions how society can judge the work of the police:

I. **Community Service.** It focuses on local issues and provides the locals information. They are typically local police activities, e. g. emergency calls and reaction time that are **available to the public**.

II. **Intervention.** Handling crises or crowd control during events. They are of great interest to the public and are activities by police troop. These activities mainly focus on solving one clearly defined task.

III. **Victim Protection.** To avoid secondary victimization.

IV. **Local Investigations.** Investigation in respective jurisdictions of area and national investigating authorities.

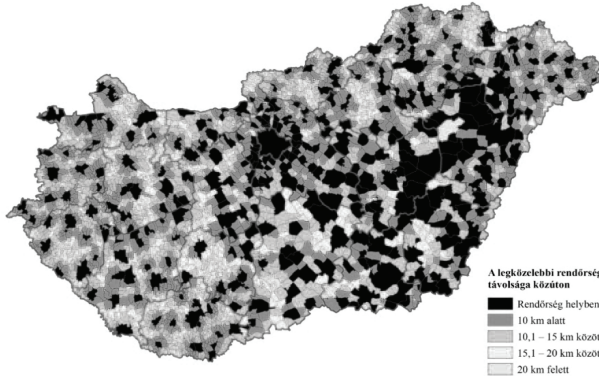
V. **Maintaining Public Order.** The effective public order maintenance function of the police. (Rogge, Verschelde, 2012)

ESTABLISHING INDICATOR GROUPS

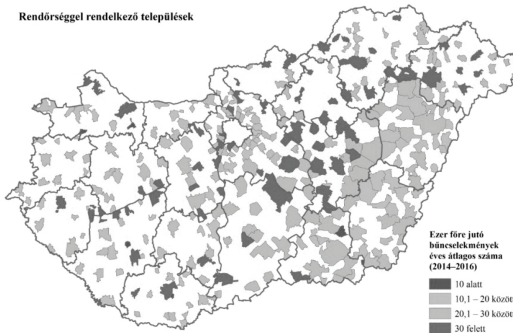
After setting the above areas, indicator groups are defined as elements of quality measurement. Here I focus on law enforcement only.

Availability to the public has three indicators. One is the reporting people’s personal evaluation. The second is the physical availability of the police — how fast they can be accessed by road. It shows the area of responsibility (AoR) and is worth measuring compared with crime rate.

The map shows the average distance between the police and the locals. Red is the most favorable distance, the local police, while dark blue is the largest distance between the two.

This map depicts crime data in towns with local police stations. Blue refers to the least and red to the most crime-ridden areas. No significant correlation is visible.

Reaction time (time between emergency call and police action) indicates accessibility. It has three phases: 1. The call is received at the call center and is

dispatched. 2. The report arrives to the county operations management center and the patrol is dispatched. 3. The patrol arrives at the scene to take police measures. The average response time is 30 minutes.

I. During interventions, quality indicators can be defined separately as using troop has its own separate purpose that is to secure the particular events. Events vary in nature, so we only examine two types, namely political rallies and sports events (mainly football games). The indicator can be defined as the ratio of

$$\frac{\text{Number of police intervention activities related to event security}}{\text{Estimated number of attendees}}$$

II. The lower the ratio, the better the quality. During high-risk events, police preparedness is also higher. The activities are mainly carried out in the background and include coordination with the organizers, setting security rules, and criminal intelligence. The smaller, visible part is police actions. High-level preparedness lowers risk and in such cases there is less or no need for police action. The goal is to reduce the use of force.

II. Several indicators are used in maintaining public order. The first is the crime-population ratio adjusted to GDP and unemployment data.

The second is the police success rate that can be expressed (percentage) as

$$\frac{100 \text{ recorded crimes}}{\text{number of cases of } \textit{flagrante delicto} + \text{number of taking in for questioning due to suspicion}}$$

Ez

There is no significant difference between the two actions in the denominator. The only difference is that in the first case the police notice the crime being committed, while in the second, only the signs, evidences, or any tools are noticed that may indicate the crime committed. Naturally, where there are more crimes committed, more will be known to the authorities, therefore more arrests can be expected.

In case of misdemeanors subject to incarceration, the detection success rate is as follows:

$$\frac{\text{Known misdemeanors subject to incarceration minus shoplifting, lewd behavior and driving under ban}}{\text{Successfully closed cases}}$$

Successfully closed cases refer to the fact that the person is identified, the case is processed to the court, and it is determined whether or not misdemeanor has

been committed. The exclusion of some cases was necessary as people who commit them are all known due to the fact they are typically caught in the act.

Traffic police success is measured by the below indicator

$$\frac{\text{number of people held liable for administrative offence}}{\text{number of accidents caused by the same offence}}$$

There are two infringements in traffic police that play an important role and can be influenced by police checks: driving under influence (DUI) and excessive speeding. As a result, we focus on these two. All traffic police measures intend to make traffic safer to have less accidents. Police checks may influence the number of accidents if they are properly carried out. If potential speedy drivers or drunk drivers can expect police check anywhere and anytime, it may restrain them from their hazardous intention. If the number of accidents caused by infringements decreases due to police checks, and they are sanctioned, the police measures well serve their social purpose. If the number of accidents, however, fail to decrease, the police measures and sanctions perform poorly. The indicator measures whether or not the number of accidents decreases proportionately, and also the effect of measures on traffic safety.

7. One of the border police activity indicators is the effectiveness against illegal migration:

$$\frac{\text{Illegal activity related to migration}}{\text{border section}} \quad \times 100 \text{ km}$$

The indicator depicts the proportionate pressure by immigration on the borders. The other indicator measures police actions against illegal activities at the border crossing points.

$$\frac{\text{illegal activities minus illegal migration}^2}{\text{number of border crossings}}$$

The most essential indicator is discussed last — police legitimacy. How well police measures are accepted by society, show people's attitude towards the police. People usually feel whether or not police actions are good. Our experience says they accept measures and sanctions if they are not severe and are well-explained. Legitimacy would be best measured by questionnaires. But we also found that

² Any and all recorded crimes committed at the border crossing points are not counted in the previous indicator.

complaints against the police could also be a good indicator. Complaints first became widely spread after the regime change. In 2008 the Independent Police Complain Commission was established consisting of independent lawyers who examine accidental constitutional violations. The commission was necessary due to some previous 'not-too-objective' complaint procedures. Today citizens have a chance their complaints be examined either by the police or the IPCC. Whether or not the complaints are grounded does not have an effect, as we measure acceptance and not legality. Even if there are large numbers of complaints, the measures may not have been illegal, but they were not welcome by the citizens.

CONCLUSION

The quality of police activities are influenced by several factors, many of which are out of the police operation range and cannot be influenced, such as geographical and ethnographical factors. Researchers must determine which are the ones that influence police activities strongly enough to be considered adjustment factors for indicators. The project 'Jó állam – jó rendészet' (Good governance – good law enforcement) at NUPS Faculty of Law Enforcement offers good opportunities for such research. Quality systems that ignore factors affecting police are not adequate to properly portray the quality of police operations. If we consider area factors, we will have an objective measuring instrument that can be used anywhere.

*Топильская Е. В.*¹
Topil'skaya E. V.

**ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ СОУЧАСТНИКОВ:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ**

**VOLUNTARY REFUSAL OF PARTICIPANTS:
PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION**

Аннотация. В статье рассматриваются условия добровольного отказа организатора, подстрекателя и пособника по действующему уголовному законодательству. Автор обращает внимание на отступление от правил юридической техники при конструировании норм о добровольном отказе соучастников и предлагает устранить противоречия в законодательных формулировках.

Ключевые слова: соучастники, добровольный отказ, уголовная ответственность.

Summary. The article deals with the conditions of voluntary refusal of the organizer, instigator and helper under the current criminal law. The author draws attention to the deviation from the rules of legal technique during the formulation of articles of the criminal code on the voluntary refusal of accomplices, and proposes to eliminate contradictions in the legislative definitions.

Keywords: accomplices, voluntary refusal, criminal responsibility.

Вопрос об уголовной ответственности соучастников при добровольном отказе упирается в признание законодателем акцессорной природы соучастия. Однако подход российского уголовного закона к институту соучастия является комбинаторным, так как необходимое условие наличия фигуры исполнителя сочетается с наличием у каждого из соучастников самостоятельного основания ответственности. Именно комбинаторный подход заставляет признавать оконченные действия организатора, подстрекателя и пособника, при добровольном отказе исполнителя, неоконченными преступлениями — приготовлением или покушением.

Уголовное законодательство 1996 г. впервые регламентировало особые условия ответственности организатора, подстрекателя и пособника в случае их добровольного отказа от совершения преступления, ранее уголовные кодексы не конкретизировали эти условия в зависимости от вида соучастника. Так, Кодекс 1922 г. вообще не содержал норм о добровольном отказе.

¹ ТОПИЛЬСКАЯ ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук; TOPILSKAYA ELENA VALENTINOVNA, Associate Professor of the of Department of Criminal Law of the North-Western Branch of Russian State University of Justice, PhD in Law.

Статья 19 УК РСФСР 1926 г. указывала лишь, что если «преступление не было совершено по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление, от его совершения, суд устанавливает соответствующую меру социальной защиты за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся»². Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в ст. 16 устанавливал аналогичное правило: «лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления»³.

Однако предпринятая в действующем уголовном законе детализация, с учетом комбинаторности подхода к ответственности соучастников при добровольном отказе, породила дискуссии в доктринальной среде о том, что все же имел в виду законодатель в ч. 4 ст. 31 УК РФ: добровольный отказ или фактически деятельное раскаяние.⁴ Резон в претензиях к неопределенности закона имеется, так как организатор, подстрекатель и пособник, хотя и связаны в уголовной ответственности с фигурой исполнителя, тем не менее выполняют и свою собственную объективную сторону. Да и описание в законе условий добровольного отказа для соучастников, не являющихся исполнителями, более похоже именно на деятельное раскаяние (активные действия, направленные на пресечение или предотвращение совершения преступления исполнителем), в то время как ч. 1 ст. 31 УК РФ определяет добровольный отказ как пассивное поведение — прекращение приготовления к преступлению или действий, направленных на совершение преступления. Кроме того, как отмечают некоторые ученые, например Р. Д. Шарапов, законом не урегулировано то, как оценивается ответственность «одного из соисполнителей, который начал выполнять объективную сторону преступления, совершив, таким образом, определенную часть преступных действий, но в последующем отказался доводить преступление до конца совместно с другим исполнителем, который самостоятельно завершил задуманное»⁵. К этому следует добавить,

² Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // СУ РСФСР. — 1926. — № 80. — Ст. 600 (утратил силу).

³ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — 31 окт. — № 40. — Ст. 591 (утратил силу).

⁴ См.: *Михалёва Т.И.* Актуальные проблемы регламентации добровольного отказа соучастников // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: Материалы международной научно-практической конференции. — Калининград. — 2016. — С. 212.

⁵ *Шарапов Р.Д.* Особенности добровольного отказа от преступления соучастников // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Материалы всероссийской научно-практической конференции. — Омск. — 2014. — С. 6.

что наличие нескольких соисполнителей, один из которых добровольно отказался от доведения преступления до конца, может осложнить и оценку ответственности соучастников других видов.

На наш взгляд, основная проблема законодательной регламентации этого института заключается в том, что ч. 4 ст. 31 УК РФ по-разному описывает условия, при которых освобождаются от уголовной ответственности организатор преступления и подстрекатель, а также пособник. В отношении первых двух видов соучастников законодатель устанавливает требование «предотвратить доведение преступления исполнителем до конца», а применительно к пособнику требование сформулировано как необходимость «предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления». Более того, в научной литературе высказывается мнение о том, что функциональная роль организатора и подстрекателя также различна, и это различие должно определять и специфический характер добровольного отказа для каждого из этих видов соучастников⁶. Теоретики даже находят объяснение этому несоответствию; так, например, А. В. Шеслер пишет, что более жесткие условия добровольного отказа для подстрекателя и организатора обусловлены тем, что «подстрекатель, возбудив в исполнителе решимость совершить преступление, а организатор, соединив усилия других соучастников, положили начало развитию причинной связи между совместно совершаемым действием и единым преступным результатом»⁷, а вот пособник, укрепляя у исполнителя решимость совершить преступление, не порождает причинную связь, а лишь способствует ее развитию.

Однако представляется, что разграничивать ответственность соучастников, руководствуясь критерием отношения к формированию и развитию причинной связи, не совсем верно, тем более что уголовный закон в ч. 1 ст. 34 УК РФ содержит конкретные предложения о том, чем следует руководствоваться: характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Да и условия добровольного отказа пособника в действительности являются не менее, как полагает А. В. Шеслер, а более жесткими, чем установленные для организатора и подстрекателя. Ведь, исходя из текста нормы, осуществление исполнителем части объективной стороны не является препятствием для признания наличия добровольного отказа у организатора и подстрекателя, им достаточно не дать исполнителю довести преступление до конца. А вот на пособника возлагается более трудновыполнимая

⁶ См., напр.: Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. — СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. — С.320–321.

⁷ Шеслер А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex Russica. — 2015. — № 6. — URL: http://lexrussica.ru/articles/article_101523.html?issue=lexrussica-6-2015 (дата обращения 08.10.2018).

задача — предотвратить в целом совершение преступления исполнителем, то есть вообще не допустить даже начала выполнения исполнителем объективной стороны.

Скорее всего, при конструировании нормы об условиях ответственности соучастников при добровольном отказе не в полной мере были соблюдены правила юридической техники, а в частности — нарушено правило тождества интерпретации тождественных объектов и правило отсутствия противоречий между частями нормы. Это становится ясным при систематическом толковании частей 4 и 5 ст. 31 УК РФ: согласно части 4, организатор преступления и подстрекатель к преступлению выполняют добровольный отказ тем, что должны не допустить доведения преступления исполнителем **до конца**. От пособника же требуется **предотвратить совершение преступления**. Однако в части 5 ст. 31 УК РФ законодатель называет требуемые от организатора и подстрекателя действия по-другому, именно так, как ранее определял добровольный отказ пособника, — «**предотвращением совершения преступления исполнителем**», а о пособнике вообще не упоминает. Следует также обратить внимание на отсутствие единообразия в описании того, как реализуется добровольный отказ применительно к разным видам соучастников: если организатор и подстрекатель должны достигнуть цели — предотвратить доведение исполнителем преступления до конца, то пособнику достаточно использовать средства — предпринять все зависящие от него меры, направленные на предотвращение преступления. Если толковать закон буквально, то из ч. 4 ст. 31 УК РФ прямо вытекает, что пособник при добровольном отказе, в отличие от других видов соучастников, не несет уголовной ответственности независимо от того, удалось ли ему предпринятыми мерами предотвратить преступление. В то время как неудавшиеся действия организатора и подстрекателя по пресечению преступления будут расценены иначе — как деятельное раскаяние, и не повлияют на факт привлечения их к уголовной ответственности, отразятся лишь на мере наказания.

Необходимо исправить этот дефект законодательной техники, устранив противоречия между частями 4 и 5 ст. 31 УК РФ, а также между законодательной регламентацией добровольного отказа различных видов соучастников. Кроме того, следует привести нормы об ответственности соучастников в соответствие с общими положениями учения о добровольном отказе, то есть не выходить за пределы законодательной дефиниции: отказ от доведения преступления до конца (а не «предотвращение совершения преступления»).

Характерно, что в судебной практике добровольный отказ соучастников любого вида, не являющихся исполнителями, трактуется именно так: отказ от доведения преступления до конца. К примеру, Искандарян, отбывающий наказание в исправительной колонии, получил по телефону предложение

за денежное вознаграждение приискать лицо, которое совершит убийство К. Искандарян подыскал исполнителя убийства по найму, через своего знакомого передал исполнителю убийства аванс и сведения о потерпевшем К. Правоохранительные органы получили информацию о готовящемся заказном убийстве, но сотрудникам уголовного розыска были известны лишь дата намеченного преступления, фамилия исполнителя преступления и номер его телефона, данных о личности потерпевшего они не имели. Сотрудники уголовного розыска установили, что исполнителя убийства искал содержащийся в исправительной колонии Искандарян. Они прибыли в колонию, вызвали Искандаряна в оперативную часть и предложили ему сотрудничество. Искандарян принял это предложение и сообщил данные о потерпевшем, показав на своем телефоне схему его места жительства и номер его автомобиля. С помощью этой информации был задержан исполнитель убийства М. и его соучастники, прибывшие к месту жительства потерпевшего для совершения преступления.

Суд первой инстанции сделал вывод о том, что убийство К. было предотвращено благодаря сообщенной Искандаряном информации о потерпевшем. Оценивая действия Искандаряна как добровольный отказ, суд исходил из того, имелась ли у него свобода выбора поведения после предложения сотрудников уголовного розыска о сотрудничестве, а также из того, имел ли он возможность довести преступление до конца.

Искандарян пояснил в судебном заседании, что после того, как работники уголовного розыска предложили ему назвать адрес потерпевшего, у него было два варианта поведения: назвать адрес или молчать, он понимал, что, если он не назовет адрес, то убийство К. будет совершено. Он сам сделал выбор, не желая, чтобы на нем была чья-то смерть, он назвал адрес потерпевшего.

«Приведенные доказательства, — указала Судебная коллегия Верховного Суда РФ в кассационном определении, — свидетельствуют о том, что сведения о готовящемся преступлении, которыми располагали сотрудники полиции, наличие возможности задержать Искандаряна в рамках дела о преступлении в отношении К. не препятствовали Искандаряну продолжить совершение преступления. Искандарян, осведомленный о том, что правоохранительным органам стало известно о его причастности к преступлению, тем не менее сохранял реальную возможность довести начатое преступление по лишению жизни К. до конца и осознавал, что его отказ сообщить правоохранительным органам сведения о потерпевшем и месте преступления приведет к тому, что исполнители убийства доведут преступление до конца. Никакие

внешние обстоятельства, в том числе и его арест по новому обвинению, этому не препятствовали»⁸.

При таких обстоятельствах суд обоснованно пришел к выводу о том, что решение Искандаряна сообщить требуемую от него информацию было принято им без какого-либо принуждения, по своей воле, так как он имел свободу выбора, сообщать известную ему информацию или нет, осознавая при этом возможность доведения преступления исполнителем до конца.

Активные действия Искандаряна, выразившиеся в своевременном сообщении органам власти сведений о месте убийства и сведений о потерпевшем, правильно расценены судом как добровольный отказ Искандаряна от преступления, при этом в судебных решениях он назван одновременно подстрекателем и пособником⁹.

Представляется, что для оптимизации законодательной регламентации данного института под добровольным отказом всех видов соучастников, не являющихся исполнителями, следует понимать лишь прекращение действий, направленных на подготовку или совершение преступления. Иными словами, следует признать, что добровольный отказ организатора, подстрекателя и пособника, означающий, что уголовной ответственности они не подлежат, возможен лишь до окончания выполнения ими своей части объективной стороны. У подстрекателя она закончится в тот момент, когда ему удастся сформировать у исполнителя решимость совершить преступление. У организатора — когда он завершит организацию совершения преступления, но в любом случае до начала выполнения исполнителем объективной стороны преступления.

Конечно, нужно принять во внимание, что пособник, в отличие от других видов соучастников, может оказать содействие исполнителю не только до начала выполнения последним объективной стороны, но и по окончании преступления, заранее обещая скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления, предметы, добытые преступным путем, либо приобрести или сбыть такие предметы. Но в отношении соучастия он все равно вступает до начала действий (бездействия) исполнителя. Именно поэтому для выполнения условий добровольного отказа пособник должен не просто отказаться от намерения содействовать преступлению, но и поставить об этом в известность исполнителя.

⁸ Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. № 33-О12-36. — URL: www.garant.ru (дата обращения 16.10.2018).

⁹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // СУ РСФСР. — 1926. — № 80. — Ст. 600 (утратил силу).
2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — 31 октября. — № 40. — Ст. 591 (утратил силу).
3. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 августа 2016 г. № 11-АПУ16-19. — URL: www.garant.ru.
4. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. № 33-О12-36. — URL: www.garant.ru.
5. *Козлов А.П.* Учение о стадиях преступления. — СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. — С. 320–321.
6. *Михалёва Т.И.* Актуальные проблемы регламентации добровольного отказа соучастников // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: Материалы международной научно-практической конференции. — Калининград, 2016. — С. 211–212.
7. *Шарапов Р.Д.* Особенности добровольного отказа от преступления соучастников // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Материалы всероссийской научно-практической конференции. — Омск, 2014. — С. 3–8.
8. *Шеслер А.В.* Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex Russica. — 2015. — № 6. — URL: http://lexrussica.ru/articles/article_101523.html?issue=lexrussica-6-2015.

*Улезько С. И.*¹
Ulezko S. I.

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ANALYSIS OF SOME PROBLEMS OF YATROGEN CRIMES

Аннотация. В данной работе автор дает ответ на вопрос, почему именно в последние годы актуализировалась тема ятрогенных преступлений. Предложено определение самих этих преступлений, определена авторская позиция относительно объекта и субъективной стороны ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: ятрогения, преступления, здоровье, объект, вина.

Summary. In this paper, the author gives an answer to the question why the topic of iatrogenic crimes has been updated in recent years. The definition of these crimes is offered, the author's position concerning object and the subjective party of iatrogenic crimes is defined.

Keywords: iatrogeny, crime, health, object, guilt.

О ятрогенных преступлениях заговорили в России достаточно недавно. Наука начала освещать эту проблему чуть раньше, а затем к ней обратились практики. 4 октября 2017 года под председательством Александра Бастрыкина в Следственном комитете Российской Федерации прошло совещание по вопросам расследования ятрогенных преступлений. В своем выступлении я коснусь ряда вопросов, которые требуют своего пояснения и обсуждения в связи с появлением самой проблемы ятрогенных преступлений. Прежде всего, необходимо понять, почему в России эта проблема стала актуальна именно сейчас? В ряде научных исследований, в том числе в работе Замалеевой С. В. «Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации» автор отмечает, что социальная обусловленность преступлений данного вида, их актуальность обусловлена, во-первых, тем, что ятрогенные преступления относительно распространены и типичны². С учетом того, что преступления, которые сегодня считаются ятрогенными (причинение смерти по неосторожности, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, незаконное производство аборта, неоказание помощи больному), были отражены еще в УК РСФСР и имели достаточно широкую сферу применения еще при советской власти, их типичность и распространённость сегодня не является новым

¹ УЛЕЗЬКО СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ, профессор кафедры уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Грозный); ULEZKO SERGEY IVANOVICH, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Chechen State University, Doctor of Law, Professor (Grozny).

² Замалеева С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: Автореф. дис ... канд. юридич. наук. — Екатеринбург, 2016. — С. 8.

фактором для актуализации данной проблемы. Более того, сравнительно новые виды ятрогенных преступлений (заражение другого лица ВИЧ-инфекцией, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензии на избранный вид деятельности, нарушение санитарно-эпидемиологических правил), наоборот, не типичны и не распространены по сравнению с другими видами преступлений. Поэтому фактор типичности и распространённости не объясняет, почему проблеме ятрогенных преступлений сейчас придается такое значение. Вторым фактором, обусловившим актуализацию данной проблемы, автор называет неблагоприятную динамику вышеуказанных преступлений, обусловленную экономическими, общесоциальными, техническими, психологическими и правовыми детерминантами³. Данный фактор присущ не только данному виду преступлений, поэтому тоже не в полной мере объясняет, почему эта проблема стала актуальна именно сейчас. По этой же причине можно отвергнуть и такие факторы, как неэффективность гражданско-правовых и административных средств борьбы с ятрогенными правонарушениями; возможность воздействия на данный вид преступности уголовно-правовыми средствами; неприятие обществом ятрогенных преступлений⁴.

Актуализация проблемы ятрогенных преступлений связана, прежде всего, со сменой общественно-экономической формации. Но смена формации лишь высветила проблему. Окончательно она оформилась, когда российское общество вступило в эпоху консьюмеризма⁵. Сегодня изменилась основа отношений между врачом и пациентом, медицинская помощь стала оцениваться как медицинская услуга, введен новый механизм финансирования медико-социальной помощи населению в связи с внедрением в России системы обязательного и добровольного медицинского страхования. Именно эти факторы актуализировали проблему ятрогенных преступлений.

Следующим спорным утверждением является положение, что ятрогения — это деяние медицинского работника, в результате которого причинен вред здоровью пациента или наступила его смерть⁶. Это неверное определение, потому что ятрогения не деяние, а последствие деяния, как определено 43-й Всемирной ассамблеей здравоохранения МКБ-10. Если исходить

³ Замалева С.В. Указ. соч. — С. 8

⁴ Там же. С. 8 .

⁵ Консьюмеризм — историческое явление, характеризующее движение граждан или государственных организаций за расширение прав потребителей и усиление их воздействия на продавцов и производителей, обеспечение качества потребительских товаров (услуг).

⁶ Замалева С.В. Указ. соч. — С. 17 .

из буквального толкования этого термина, то ятрогения это результат профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, приведших к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидности или смерти. Согласно Международной классификации болезней десятого пересмотра (принята 43-й Всемирной ассамблеей здравоохранения МКБ-10), ятрогения — это любое нежелательное или неблагоприятное последствие профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнение медицинских мероприятий, развившиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий⁷. Ятрогенные последствия наступают в результате дефекта оказания медицинской помощи/услуги, который определяется как допущенное медицинским работником нарушение ее безопасности, в результате которого причинен вред здоровью пациента или наступила смерть последнего, независимо от вины работника. Только в случае установления вины работника речь может идти о ятрогенных преступлениях.

Отталкиваясь от общего понимания преступлений, в категорию ятрогенных преступлений попадают общественно опасные, противоправные, виновные деяния, совершенные медицинскими работниками, причинившие вред здоровью или повлекшие смерть человека. Это определение позволяет сузить широкий круг преступлений, связанных с осуществлением медицинской деятельности. В нем четко ограничивается, во-первых, объект преступления: охраняемые уголовным законом общественные отношения, касающиеся жизни и здоровья. Причем этот объект может выступать как в роли дополнительного, так и основного непосредственного объекта и располагаться в разных главах и разделах УК РФ. Не совсем верно утверждение некоторых ученых, что основными непосредственными объектами ятрогенных преступлений являются жизнь или здоровье пациента⁸. Если взять за основу это утверждение, то круг ятрогенных преступлений ограничивается только преступлениями с вышеуказанным основным объектом, т. к. основной непосредственный объект всегда находится в рамках родового объекта преступления, является подсистемой последнего. Но даже сторонники критикуемого нами определения ятрогенными считают не только составы преступлений, перечисленных в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Во-вторых, обязательными последствиями при ятрогенных преступлениях является причинения вреда здоровью или жизни человека. Нет вреда здоровью или

⁷ Международная классификация болезней МКБ-10. — Электронная версия. URL: <http://www.mkb10.ru> (дата обращения 12.11.2018)

⁸ Замалева С. В. Указ. соч. — С. 8.

жизни пациента — нет ятрогенного преступления. Поэтому не совсем верны высказывания тех ученых, которые считают создание только самой угрозы причинения вреда здоровью или жизни обязательным признаком ятрогенных преступлений⁹. Если вреда жизни или здоровья пациенту не причинено пусть даже и в ходе ненадлежащей оказанной медицинской помощи, то ятрогении нет. Понятие «вред здоровью человека» в уголовном законе не раскрывается. С медицинской точки зрения под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды¹⁰.

Иными словами, вред здоровью человека может состоять: а) в причинении телесного повреждения, вызвавшего видимое нарушение анатомической целостности органов (тканей) организма человека или расстройство их физиологических функций; б) в том или ином заболевании (включая психическое расстройство, наркоманию или токсикоманию); в) в особо патологическом состоянии (например, шок, кома, гнойно-септические состояния)¹¹.

Вина при совершении этих общественно опасных деяний ограничивается лишь неосторожной формой по отношению к наступившим неблагоприятным последствиям. Это достаточно важный и тонкий момент. Некоторые ученые, давая характеристику ятрогенным преступлениям, определяют их как неосторожные преступления против жизни и здоровья, связанные с ненадлежащим оказанием медицинской помощи¹². Неосторожность наличествует только применительно к последствиям. Отношения к деянию может быть и в форме умысла, а к последствиям в форме неосторожности (например, ст. 122 УК РФ). Это преступление с двумя формами вины. В соответствии со ст. 27 УК РФ в целом такое преступление считается совершенным умышленно. Поэтому ятрогенные преступления никак нельзя назвать только неосторожными

⁹ Яни П. С. Состав нарушения специальных правил безопасности: форма вины // Законность. — 2016. — № 6. — С. 39–43.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70563/ (дата обращения 12.11.2018).

¹¹ Кравченко Р. М. К вопросу об уголовно-правовой оценке некачественного медицинского вмешательства // Российский следователь. — 2017. — № 13. — С. 29.

¹² Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола: 3 марта 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия / Под общ. ред. Е. Н. Рахмановой, д. ю. н., доцента. — СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — С. 198.

преступлениями. Неосторожность наблюдается всегда только применительно к последствиям, а само преступление может быть и умышленным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70563/ (дата обращения 12.11.2018).
2. *Замалева С. В.* Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. — Екатеринбург, 2016.
3. *Кравченко Р. М.* К вопросу об уголовно-правовой оценке некачественного медицинского вмешательства // Российский следователь. — 2017. — № 13. — С. 27–31.
4. Международная классификация болезней МКБ-10. — Электронная версия. URL: <http://www.mkb10.ru> (дата обращения 12.11.2018).
5. Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола: 3 марта 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия / Под общ. ред. Е. Н. Рахмановой, д. ю. н., доцента. — СПб: ИД «Петрополис», 2017. — С. 216.
6. *Яни П. С.* Состав нарушения специальных правил безопасности: форма вины // Законность. — 2016. — № 6. — С. 39–43.

Цветков П. В.¹
Tsvetkov P. V.

**О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 184 УК РФ**

ABOUT DIRECT OBJECT OF THE CRIME
PROVIDED BY ST. 184 CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Статья посвящена непосредственному объекту преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ. Анализируются позиции ученых, делается вывод о несоответствии места расположения ст. 184 в разделе IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Ключевые слова: объект преступления, спортивные соревнования, зрелищные коммерческие конкурсы.

Summary. The article is devoted to the direct object of the crime under article 184 of the Criminal Code. Positions of scientists are analyzed and the conclusion about discrepancy of the location of Art. 184 in section IX of the Criminal Code «Crimes against public safety and public order» is drawn.

Keywords: object of the crime, sports, entertainment commercial competitions.

Определение места конкретной статьи в Уголовном кодексе, с одной стороны, сложная задача, поскольку зачастую трудно оценить, на что именно направлено преступное посягательство, какие общественные отношения страдают в большей степени, а, с другой, точность определения непосредственного объекта преступления позволяет правильно квалифицировать деяние и разграничивать его с другими.

Ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» в настоящее время находится в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» и, соответственно, в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Но до сих пор среди ученых и практиков нет единства мнений по поводу непосредственного объекта ст. 184 УК РФ и расположения статьи в структуре Особенной части кодекса. Рассмотрим некоторые из них.

1. Объект преступления — общественные отношения, регулирующие предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также обеспечивающие добросовестную конкуренцию между субъектами экономической

¹ ЦВЕТКОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ, старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург) / TSVETKOV PAVEL VALERYEVICH, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg)

деятельности². Эта позиция объединяет два подхода к пониманию непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ, которые соотносятся между собой как общее и частное: отношения в сфере предпринимательской деятельности и отношения, обеспечивающие добросовестную конкуренцию между субъектами экономической деятельности.

Понимание непосредственного объекта рассматриваемого преступления как общественные отношения, регулирующие предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также обеспечивающие добросовестную конкуренцию между субъектами экономической деятельности, сложилось в период действия УК РФ и ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в старых редакциях³, до внесения в них изменений в 2007 г.

Современное название ст. 184 УК РФ звучит как «оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». Очевидно, что законодатель сместил акцент с охраны только профессионального спорта, как это было ранее, на спорт в целом. Другими словами, совершить преступление, предусмотренное ст. 184 УК РФ, можно не только с целью оказания противоправного влияния на результат профессионального спортивного соревнования, но и на результат любого спортивного соревнования.

Вопрос можно ли отнести спорт к предпринимательской деятельности обсуждался в юридической литературе еще до указанных выше законодательных изменений. В данном случае следует согласиться с позицией ряда авторов, которые полагают, что профессиональный спорт не может считаться предпринимательской деятельностью, поскольку перестал быть своеобразным товаром, реализуемым на рынке⁴.

² *Афанасьев Н. Н.* Уголовное право. Особенная часть: Учеб. для юрид. вузов / Отв. ред.: Н. И. Ветров, Ю. И. Ляпунов. — М.: Новый Юрист, 1998. — С. 290–291; *Волженкин Б. В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — С. 89–92; *Кузьмин С. В.* Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2002. — С. 16–17.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 28.12.2013 // Консультант Плюс. Версия Проф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018]. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ: ред. от 17.04.2017 // Консультант Плюс. Версия Проф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018].

⁴ *Алексеева А. П.* Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов спортивных соревнований // Общество и человек. 2011. — № 1 (2). С. 9–11; *Анцыгин А. В.* Противодействие преступлениям в сфере спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: межотраслевые и внутриотраслевые рассогласования

Нужно отметить, что легального определения понятия «зрелищный коммерческий конкурс» до сих пор не существует. Действующее законодательство определяет лишь основы конкурсной деятельности, которые содержатся в гл. 57 ГК РФ. Согласно ст. 1057 ГК РФ, под публичным конкурсом «понимается лучшее выполнение работы или достижение иных результатов за денежное вознаграждение или иную награду». Отсюда зрелищный коммерческий конкурс можно определить как «публичный конкурс, направленный на извлечение доходов от его проведения, при условии демонстрации конкурентного процесса неопределенно широкому кругу лиц»⁵.

Анализ ст. 184 УК РФ показывает, что она направлена на защиту зрелищных коммерческих конкурсов, во-первых, как социально-полезной сферы, а не как предпринимательской деятельности, а, во-вторых, на защиту зрелищных коммерческих конкурсов как деятельности не только по организации таких конкурсов (которая может быть предпринимательской), но и в целом по участию в них (что, как представляется, не обязательно является предпринимательством). Иными словами, содержание конкуренции в сфере зрелищных коммерческих конкурсов заключается не в соперничестве между собой хозяйствующих субъектов, а в соперничестве участников состязаний на принципах справедливого соперничества в целях выявления лучшего.

2. Объект как общественные отношения, обеспечивающие интересы потребителей материальных и иных благ⁶. Согласно данной точки зрения, в результате проведения официальных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов создается специфический товар (услуга) — спортивное зрелище или коммерческий конкурс, которое реализуется потребителям⁷. Оказание противоправного влияния на результат соревнований и конкурсов способно ухудшить их зрелищность, уменьшить к ним интерес со стороны

// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. — № 2 (26). — С. 188.

⁵ Кузьмин С. В. Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2002. — С. 24.

⁶ Аслаханов А. А. Преступность в сфере экономики (криминологические и уголовно-правовые проблемы) // Московский юридический институт МВД России. — М., 1997. — С. 72; Гаухман Л. Д. Преступления в сфере экономической. — М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1998. — С. 17–19; Дулатбеков Н. О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания): Учебное пособие. — Ярославль: Изд-во Ярославского университета, 2001. — С. 10.

⁷ Алексеев С. В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта: Учебник / Под ред. П. В. Крашенинникова. — М. Юнити-Дана; Закон и право, 2005. — С. 203.

конечного потребителя и, как следствие, привести к тому, что у рекламодателей откажутся размещать рекламу, а телекомпании — приобретать права на освещение подобных мероприятий. В итоге, как справедливо отмечает Д. Н. Изотов, основной вред от снижения качества спортивного зрелища наносится прежде всего интересам организаторов спортивных мероприятий⁸, а не спортсменам, участвующим в них. Это же в полной мере относится и к зрелищным конкурсам. Таким образом, можно сделать вывод, что ст. 184 УК РФ направлена на охрану общественных отношений, обеспечивающих интересы организаторов, а не потребителей (зрителей) или участников.

3. Объект как общественные отношения, содержанием которых является служба в организациях, устраивающих и проводящих профессиональные спортивные соревнования либо зрелищные коммерческие конкурсы⁹. Данная точка зрения, также, как и первая, основана на понимании спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов исключительно как коммерческих видов деятельности. Но приверженцы рассматриваемой точки зрения понимают под объектом преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ, не отношения в сфере предпринимательства, а службу в организациях, устраивающих и проводящих профессиональные (официальные) спортивные соревнования либо зрелищные коммерческие конкурсы, и предлагают переместить ст. 184 УК РФ в главу 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

Но для отнесения рассматриваемого состава к преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях необходимо, чтобы указанные в ст. 184 УК РФ лица состояли на службе в этих организациях. Т.е. они должны выполнять «функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также постоянно, временно либо по специальному полномочию выполнять организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях»¹⁰. Но ни спортсмены, ни участники конкурсов, ни спортивные судьи или члены жюри не выполняют перечисленные выше функции, поэтому говорить о том, что они состоят на службе в коммерческих организациях, не приходится.

⁸ Изотов Д. Н. О месте подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований в системе особенной части УК РФ // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 32.

⁹ Кузьмин С. В. Указ. соч. — С. 74.

¹⁰ П. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // РГ. Федеральный выпуск № 5031 (207).

4. Объект как общественные отношения, обеспечивающие подготовку, организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов в условиях справедливости, объективности и беспристрастности¹¹. Непосредственный объект преступления определяется на основе толкования уголовного закона. При этом в формальных составах предписаниями, чаще всего позволяющими выявить непосредственный объект, являются признаки объективной стороны, локализирующие направленность посягательства и тем самым явно или неявно указывающие на объект преступления¹². Признаками объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ, являются, главным образом, общественно опасное деяние (передача, склонение или принуждение, или предварительный сговор) и сфера его совершения (официальные спортивные соревнования или зрелищные коммерческие конкурсы). Но на основании анализа лишь одних объективных признаков преступления сделать вывод об объекте преступления представляется достаточно сложно. На непосредственный объект преступления указывают не только признаки объективной стороны, но и субъективной. В частности, в ст. 184 УК РФ в качестве конструктивного признака состава преступления указана цель — оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Результатом таких мероприятий является победа того или иного участника. Общественная опасность преступления, исходя из анализа диспозиции нормы, заключается, таким образом, в достижении победы нечестным путем, в фальсификации результатов соревнований или конкурсов. Об этом говорится и в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 184 Уголовного кодекса Российской Федерации»: «ст. 184 УК РФ призвана сохранить честность и объективность спортивных соревнований <...> Одной из целей организации и проведения профессиональных спортивных соревнований, а также зрелищных коммерческих конкурсов является выявление их победителей в результате честного, основанного на профессиональном мастерстве соперничества»¹³. В связи с этим поведение

¹¹ *Изотов Д. Н.* О месте подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований в системе особенной части УК РФ // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 32

¹² *Игнатов А. Н.* Уголовное право России. Учебник для вузов: В 2-х томах. Т. 1. Общая часть. [Электронный ресурс] / Отв. ред.: А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. Электрон. дан. — М.: НОРМА, 2000. — Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/jur/jur436.htm>

¹³ *Алексеев С. В., Сараев В. В., Соловьев А. А., Шевчук А. П.* Заключение Комиссии по спортивному праву Ассоциации юристов России на проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 184 Уголовного кодекса Российской Федерации», вносимый депутатом Государственной Думы А. Т. Сихарулидзе // Спорт: экономика,

лиц, нарушающих законные требования к проведению, организации и оценке официальных спортивных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов, а также участие в подобных мероприятиях, деформирует общественное сознание, нивелирует представления о справедливой честной борьбе в ходе зрелищных состязаний¹⁴.

Подводя итог сказанному, полагаем правильным считать непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ, общественные отношения, обеспечивающие подготовку, организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов в условиях справедливости, объективности и беспристрастности и «наиболее близкими по содержанию к общественным отношениям в сфере спорта являются общественные отношения, образующие родовый объект преступлений, нормы об уголовной ответственности за которые помещены в раздел IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»¹⁵. Поэтому статья «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» может быть помещена в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С. В.* Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта: Учебник / Под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2005.
2. *Алексеев С. В., Сараев В. В., Соловьев А. А., Шевчук А. П.* Заключение Комиссии по спортивному праву Ассоциации юристов России на проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 184 Уголовного кодекса Российской Федерации», вносимый депутатом Государственной Думы А. Т. Сихарулидзе // Спорт: экономика, право, управление. 2009. № 4. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018].
3. *Алексеева А. П.* Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов спортивных соревнований // Общество и человек. — 2011. — № 1 (2). — С. 9–11.
4. *Анцыгин А. В.* Противодействие преступлениям в сфере спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: межотраслевые и внутриотраслевые

право, управление. — 2009. — № 4. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018].

¹⁴ *Дворецкий М. Ю., Ненахова А. С.* Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: проблемы теории и практики применения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2011. — № 4 (96). — С. 313.

¹⁵ *Изотов Д. Н.* Указ. соч. — С. 32.

- рассогласования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 2 (26). — С. 186–190.
5. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
 6. *Дворецкий М.Ю., Ненахова А.С.* Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: проблемы теории и практики применения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2011. — № 4 (96). — С. 311–315.
 7. *Изотов Д.Н.* О месте подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований в системе особенной части УК РФ // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 31–34.
 8. *Кузьмин С.В.* Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2002.

Шарапов Р. Д.¹
Sharapov R. D.

**ХИЩЕНИЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ:
ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

THEFT OF NON-CASH AND ELECTRONIC FUNDS: QUALIFICATION ISSUES

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы квалификации хищений безналичных и электронных денежных средств. Дается доктринальная оценка позиции законодателя и судебной практики по вопросу о моменте окончания хищений безналичных и электронных денежных средств, разграничении «компьютерной кражи» и мошенничества в сфере компьютерной информации. Затрагивается проблема уголовно-правовой оценки криптовалюты как предмета имущественных преступлений.

Ключевые слова: хищение, безналичные деньги, электронные денежные средства, криптовалюта.

Summary. In the article some questions of qualification of theft of non-cash and electronic money resources are considered. The doctrinal assessment of the position of the legislator and judicial practice on the issue of the end of embezzlement of non-cash and electronic funds, the delineation of «computer theft» and fraud in the field of computer information is given. The problem of the criminal-legal assessment of the crypto-currency as a subject of property crimes is touched upon.

Keywords: embezzlement, non-cash money, electronic money, crypto currency.

30 ноября 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум) принял постановление № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее — постановление). Данное постановление пришло на смену ранее действовавшему по указанной категории дел постановлению от 27 декабря 2007 г. № 51. Период без малого в десять лет является более чем достаточным для того, чтобы вновь обобщить судебную практику по делам о мошенничестве, присвоении и растрате с учетом произошедших изменений в уголовно-правовом регулировании оснований ответственности за мошенничество, переоценки судами некоторых вопросов квалификации хищений чужого имущества, в том числе хищений денежных средств в безналичной форме.

¹ ШАРАПОВ РОМАН ДМИТРИЕВИЧ, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург); SHARAPOV ROMAN DMITRIEVICH, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal and Executive Law of the St. Petersburg Legal Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Jurisprudence, Professor (St. Petersburg)

Признав, наконец, прямо возможность хищения безналичных денежных средств, в том числе электронных денежных средств, не только путем мошенничества, но и путем кражи (абз. 2 п. 5, абз. 3 п. 17, п. 21 постановления) (несмотря на то, что с позиций гражданского права безналичные деньги имеют не вещную, а обязательственную правовую природу²), Пленум, однако, кардинально изменил свое отношение к определению момента окончания такого преступления. Теперь его следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Ранее подобное преступление считалось оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного. Эта позиция была созвучна с общим моментом окончания хищения в его привычной трактовке высшим судебным органом, ибо именно с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества. Как же оценивать изменившуюся позицию Пленума, учитывая, что буквально абзацем выше (абз. 1 п. 5) момент окончания хищения путем мошенничества разъяснен в привычном для судебной практики и теории контексте?

Оценка момента окончания преступления — давняя проблема квалификации хищений. Одной из основных ее причин является сохраняющийся диссонанс в описании этого признака, с одной стороны, законодателем (причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества), с другой стороны, высшей судебной инстанцией («если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению», «когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению»).

В теории уголовного права распространено мнение, что речь идет об одном и том же: «ущерб наступает только тогда, когда собственник лишен возможности распорядиться своим имуществом, что естественно корреспондирует

² Новоселова Л.А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. — М., 1996. — С. 46; Суханов Е. Комментарий ГК РФ // Хозяйство и право. — 1996. — № 7. С. 16; Коростелев М.А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — С. 9.

с обретением такой возможности похитителем»³. Однако в практике известны случаи, когда момент причинения ущерба собственнику вследствие изъятия у него имущества наступает раньше момента получения виновным реальной возможности пользоваться и распоряжаться изъятим имуществом как своим собственным (например, при хищениях путем перебрасывания имущества за пределы охраняемой территории в надежде завладеть им спустя некоторое время). Обычно в таких случаях содеянное квалифицируется как покушение на преступление.

Очевидно, к такому разряду случаев относится хищение безналичных денежных средств, когда в результате противоправных действий виновного происходит списание денег с банковского счета потерпевшего, но зачисления их на банковский счет виновного или других лиц сразу же не происходит (скажем, из-за технических задержек в процессинге или ошибки работника процессингового центра). С учетом нового разъяснения Пленума содеянное нужно квалифицировать как оконченное преступление.

Дискуссия по этому поводу, развернувшаяся на заседании Пленума 30 ноября 2017 г., не случайна. С одной стороны, не напрасны опасения одного из разработчиков рассматриваемого постановления П. С. Яни о том, что иная, в отличие от прежней, трактовка Пленумом момента окончания хищения безналичных денег приведет к безответственности за соучастие в преступлении лиц, причастных, скажем, к обналичиванию похищенных денег, или перечисливших их в последующем со своего счета на другой счет по указанию похитителя. Представляется, что в таких случаях не исключается применение ст. 175 УК РФ при отсутствии заранее данного обещания сбыта безналичных денег, добытых преступным путем, иначе содеянное все же является соучастием в форме интеллектуального пособничества. Прав П. С. Яни и в том, что датирование момента окончания хищения безналичных денежных средств фактом изъятия денег с банковского счета их владельца вместо факта зачисления их на банковский счет виновного или других лиц, как было прежде, делает невозможным для субъекта добровольный отказ от преступления в отмеченный промежуток времени.

С другой стороны, небезосновательна позиция судьи Верховного Суда РФ Т. П. Хомицкой, согласно которой по уголовным делам данной категории не всегда удастся достоверно установить куда «ушли» деньги, пропавшие со счета потерпевшего, что не должно влиять на квалификацию мошенничества как оконченного преступления, ибо с момента изъятия (списания) денежных средств с банковского счета их владельца, последний фактически лишается права владеть, пользоваться и распоряжаться своими деньгами, что

³ *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. — СПб., 2002. — С. 267.

означает причинение ущерба собственнику имущества, символизирующего согласно буквальному толкованию пункта 1 примечания к ст. 158 УК РФ момент окончания хищения⁴.

Думаю, Пленум оказался прав, заняв последнюю позицию, поскольку, на мой взгляд, в вопросе оценки момента окончания хищения настало время переходить от теории завладения к теории изъятия⁵, которая основана на действующем законодательстве.

Представляются крайне актуальными разъяснения, имеющие значение для разграничения мошенничества в сфере компьютерной информации с другими формами хищения.

В период, когда в уголовном законодательстве отсутствовал состав мошенничества в сфере компьютерной информации, практика квалификации кражи в виде хищения чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации, не вызывала сомнений. Однако в условиях введения в УК РФ ст. 159⁶, предусматривающей в числе способов «компьютерного мошенничества» ввод компьютерной информации, такая практика устоялась, что подтвердил Пленум в абз. 2 п. 17 постановления.

Как кражу, а не мошенничество в сфере компьютерной информации, Пленум предложил квалифицировать хищение безналичных денежных средств путем использования необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информации держателя платежной карты (например, персональных данных владельца, данных платежной карты, контрольной информации, паролей), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием (абз. 3 п. 17 постановления), а также хищение путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т. п.) (абз. 1 п. 21 постановления). При этом Пленум специально подчеркнул, что такие хищения квалифицируются как кража при условии, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети.

⁴ URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/26093 (дата обращения 29.09.2018).

⁵ *Ермакова О. В.* Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика: монография. — М., 2013. — С. 82–124.

Таким образом, критерием для разграничения мошенничества в сфере компьютерной информации и «компьютерной кражи», как полагает Пленум, является использование или неиспользование виновным такого способа хищения, который можно охарактеризовать как «компьютерный взлом» — вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, т. е. «целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) — ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации» (абз. 1 п. 20 постановления), в том числе способы, характеризующие объективную сторону составов преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272, 273, 274¹ УК РФ) (абз. 2 п. 20 постановления).

Стало быть, ввод компьютерной информации как один из способов преступления, предусмотренного в ст. 159⁶ УК РФ, по логике Пленума, также должен носить характер «компьютерного взлома», поскольку этот способ представляет собой один из случаев вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Напротив, используемый при хищении простейший ввод компьютерной информации в виде, например, авторизации при помощи чужих учетных данных в системе интернет-банка, создания платежных поручений в чужих аккаунтах системы интернет-платежей и т. п., не дает оснований квалифицировать содеянное как мошенничество в сфере компьютерной информации, а является способом кражи.

Описанная позиция Пленума непротиворечива с уголовно-политической точки зрения, поскольку усугубляет криминологический изъян Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, которым введены привилегированные составы мошенничества, и который породил уголовно-политический дисбаланс в наказуемости мошенников в зависимости от профиля их преступной специализации, профессионализма и хитрости⁶.

Своевременные коррективы по исправлению этого дисбаланса внес законодатель, приняв Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ, в соответствии с которым «компьютерная кража» (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенные с банковского

⁶ *Шарапов Р. Д.* Новые уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество: инструмент реальной борьбы или бутафория закона? // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2013. — № 3 (3). — С. 60–66.

счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ) приравнены к категории тяжких преступлений и наказуемы практически одинаково.

В последние несколько лет мировая экономика демонстрирует тенденцию появления виртуальных денег — децентрализованной цифровой валюты (криптовалюты), не связанной с официальными банковской и иными платежными системами. Криптовалюта из простых вычислительных операций превратилась в реальное средство платежа, участвующее в гражданском обороте и имеющее свою стоимость, определяемую реальными рыночными механизмами посредством соответствующих обменных бирж.

Признание криптовалюты предметом уголовно-правовой охраны от имущественных посягательств неизбежно предполагает положительный ответ на вопрос об уголовно-правовой оценке данного финансового инструмента в качестве предмета преступлений против собственности. А это возможно при условии, если усмотреть, что криптовалюта соответствует всем признакам чужого имущества как предмета имущественных преступлений.

Решение этой задачи в части установления в криптовалюте экономического признака чужого имущества, как представляется, не вызывает затруднений, поскольку платежные свойства криптовалюты, нашедшие первоначально свое применение в различных сферах экономических взаимоотношений, уже хорошо известны.

Более трудоемким занятием является стыковка физико-технических свойств криптовалюты (ее форма и содержание соответствуют уголовно-правовому понятию компьютерной информации) с физическим признаком предмета имущественных преступлений, который по традиции отражает вещно-правовые представления о чужом имуществе как предмете преступлений против собственности. Однако эту задачу возможно решить при условии использования приема юридической фикции, который был применен судебной практикой, а затем Пленумом Верховного Суда Российской Федерации для распространения оснований уголовной ответственности за хищение чужого имущества на посягательства против безналичных денежных средств, в том числе электронных денег.

Наконец, установление юридического критерия чужого имущества применительно к криптовалюте предполагает официальное признание последней объектом гражданских прав наряду с безналичными денежными средствами (ст. 128 ГК РФ), легитимацию ее в качестве законного средства платежа на фондовых и товарных рынках, а значит, и наличие правового регулирования сделок с криптовалютой, регламентацию механизма защиты владельческих прав ее собственников. Всего этого, однако, на сегодняшний день в Российской Федерации нет, благодаря чему в существующих условиях обладателей

криптовалюты невозможно уравнивать в правах с привычными собственниками вещей и безналичных денег, а значит, нельзя признать криптовалюту предметом уголовно-правовой охраны от преступлений против собственности.

Список литературы

1. *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. — СПб., 2002.
2. *Ермакова О. В.* Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика: монография. — М., 2013.
3. *Коростелев М. А.* Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014.
4. *Новоселова Л. А.* Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. — М., 1996.
5. *Суханов Е.* Комментарий ГК РФ // Хозяйство и право. — 1996. — № 7.
6. *Шарапов Р. Д.* Новые уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество: инструмент реальной борьбы или бутафория закона? // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2013. — № 3 (3).

Шепелева С. В.¹, Зюрзя Н. А.²
Shepeleva S. V., Zyurzya N. A.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

PROBLEMS OF APPLICATION OF CONDITIONAL SENTENCE I N RELATION TO FOREIGN CITIZENS

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены проблемы применения условного осуждения в отношении иностранных граждан. Сделан вывод о том, что и российский, и зарубежный опыт свидетельствует, что установление только уголовно-правового запрета никогда полностью не исключало криминальное поведение иностранных граждан в обществе. Поэтому предупреждение совершения новых преступлений не может обеспечиваться только уголовно-правовыми предписаниями, а, следовательно, и претендовать на признание в качестве цели именно уголовного наказания. Учитывая вышеизложенное, применительно к иностранным гражданам необходимо детализировать установление испытательного срока, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление.

Ключевые слова: иностранный гражданин, наказание, условное осуждение, уголовно-правовой запрет, осужденный.

Summary. In this article the problems of application of conditional sentence against foreign citizens are considered. It is concluded that both Russian and foreign experience shows that the establishment of only a criminal ban has never completely ruled out criminal behavior of foreign citizens in society. Therefore, the prevention of the Commission of new crimes cannot be ensured only by criminal law regulations, and, consequently, it is not possible to claim recognition as the purpose of criminal punishment. Given the above, in relation to the foreign citizens

¹ ШЕПЕЛЕВА СВЕТЛАНА ВИТАЛЬЕВНА, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления ФГБОУ ВШ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург); SHEPELEVA SVETLANA VITALYEVNA, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor (St. Petersburg).

² ЗЮРЗЯ НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА, магистрант 2 курса юридического факультета Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург); ZYURZYA NADEZHDA ANATOLYEVNA, the 2nd Year Undergraduate Student of the Law Faculty of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg (St. Petersburg).

must detail a probationary period during which the conditionally convicted person should their behavior prove its correction.

Keywords: foreign citizen, punishment, suspended sentence, criminal prohibition, convicted.

Развитие международного сотрудничества, привлечение иностранных инвестиций, упрощение процедур въезда и пребывания иностранцев на территории Российской Федерации привели к увеличению числа иностранных граждан и лиц без гражданства, посещающих страну с различными целями.

Вызывает озабоченность уровень преступности среди данной категории населения России: в 2017 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 41 000 преступлений, в том числе гражданами государств — участников СНГ — 36,2 тысячи преступлений, их удельный вес составил 88 % от числа правонарушений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства³.

В настоящее время российское законодательство закрепляет ряд мер уголовно-правового характера в виде, например, принудительной высылки за пределы страны иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших уголовные правонарушения на территории Российской Федерации. Но, следует констатировать, что в отечественном законодательстве в части, например, применения условного осуждения в отношении иностранных граждан существует определенные проблемные моменты.

Уголовно-правовой статус иностранного гражданина определен внутренним законодательством государства и международно-правовыми актами. Путем наделения граждан иностранных государств определенным объемом прав и обязанностей на своей территории, государство руководствуется необходимостью выполнить международные обязательства, общепризнанные принципы и нормы международного права.

Обращаясь к анализу правового положения иностранных граждан в России, отметим основной нормативный правовой акт: Федеральный закон от 25.07.2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — Закон).

В соответствии со ст. 4 вышеуказанного Закона, у иностранных граждан в РФ объем прав и обязанностей наравне с гражданами России, исключение составляют случаи, предусмотренные федеральным законодательством. Данная норма корреспондирует с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, которой устанавливается аналогичное положение.

³ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800/> (дата обращения 12.10.2018).

В общем правовое положение иностранных граждан находится в зависимости от оснований пребывания их на территории РФ. Так, иностранные граждане могут: временно пребывать в РФ на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, получить миграционную карту, но не иметь вида на жительство или разрешения на временное проживание; временно проживать в РФ — это иностранные граждане, которые получили разрешение на временное проживание; постоянно проживать в РФ — это иностранные граждане, которые получили вид на жительство.

Законом распространяется свое действие и на лиц без гражданства, поскольку понятием «иностраный гражданин» включается в себя понятие «лицо без гражданства». Исключения составляют случаи, когда федеральное законодательство для лиц без гражданства устанавливает специальные правила, которые отличаются от правил, установленных для иностранных граждан. В связи с чем в целом правовое положение лиц без гражданства приравнивается к правовому положению иностранных граждан.

Привлечение к уголовной ответственности в РФ основано на конституционном принципе равенства человека и гражданина перед законом. В частности, в ст. 4 УК РФ данный принцип сформулирован нижеследующим образом: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Как нам видится, иностранный гражданин — это человек со своим менталитетом, поведением, манерой взаимоотношений с другими людьми. И в чем-то, безусловно, иностранные граждане отличаются от граждан РФ. Это не является положительным или отрицательным фактором, это нормально. И, при совершении иностранным гражданином уголовного преступления, одним из главных и злободневных вопросов, по нашему мнению, является проблемность применения условного осуждения в отношении иностранного гражданина. Поскольку остается не ясным, достигнет ли условное наказание своей цели, насколько эффективной будет являться правоприменительная деятельность и будет ли понимать условно осужденный иностранный гражданин последствия осуждения и свои обязанности, налагаемые на него законом в связи с этим.

Анализ действующего уголовного законодательства свидетельствует о неудачном предложении тех целей, которые могут быть достигнуты в результате назначения (исполнения) уголовного наказания в виде условного осуждения. Если и согласиться с тем, что уголовное наказание может достигнуть одновременно нескольких целей, то необходимо понимать, что

они должны быть содержательно обособлены, а достижение этих целей осуществляется независимо друг от друга. Цели, обозначенные в действующем уголовном законе, данному требованию, по нашему мнению, не отвечают: нельзя добиться исправления осужденного, который, будучи полностью исправленным, вновь совершит преступление; нельзя констатировать факт предупреждения совершения новых преступлений, если в обществе совершаются (и будут совершаться) уголовно наказуемые деяния.

Учитывая данные обстоятельства, следует выделить критерии формулирования целей уголовного наказания.

Во-первых, цель уголовного наказания должна достигаться в результате реализации только норм уголовного права (формальный критерий). Это связано с закрепленным в ч. 1 ст. 1 УК РФ императивным положением об Уголовном кодексе как единственном источнике отечественного уголовного законодательства. Рассмотрение целей уголовного наказания в качестве межотраслевого института уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административного права фактически приведет к невозможности их достижения. Если же заявленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели и будут реализованы в обозримом будущем, то установить время их достижения не представится возможным.

Во-вторых, цель уголовного наказания является достижимой, то есть она представляет собой тот результат, который подлежит фиксации и учету как состоявшийся в реальной действительности (материальный критерий). Абстрактное описание цели уголовного наказания не позволит точно уяснить ни содержание результата правоприменительной деятельности, ни особенности применения средств его достижения.

В ст. 73 УК РФ определены пределы применения условного осуждения. Считаю необходимым указать на несовершенство данной уголовно-правовой нормы. Так например, ч. 2 ст. 73 УК РФ указывает только на то, что, назначая условное осуждение судом должны учитываться характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Никакие иные ограничения в данной норме не содержатся, что, в свою очередь, дает возможность суду применить ее к лицам, которыми были совершены тяжкие и особо тяжкие преступления, имеющим судимость, при рецидиве преступлений. Даже раскаяния в совершенном преступлении не требуется от условно осужденного.

По нашему мнению, применительно к иностранному гражданину, несколько абсурдным является содержание положений ст. 73 УК РФ об условном осуждении: суд, назначая наказание, может прийти к выводу о достижении его целей без реального исполнения. На этом основании назначенное наказание постановляется считать условным. В этом случае наказание не подлежит

реальному применению, что переводит его в разновидность юридической фикции.

По нашему мнению, следует обратить внимание на то, что суд должен продемонстрировать уверенность исправления осужденного — иностранного гражданина — уже на стадии окончания судебного разбирательства и принятия решения по делу — назначения вида уголовного наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Однако при этом суд должен установить испытательный срок, в течение которого осужденный должен доказать свое исправление (ч. 3 ст. 73 УК РФ).

Какие же доказательства должен предъявить осужденный — иностранный гражданин — представителям контролирующих его органов в подтверждение уже юридически состоявшегося признания возможности достижения исправления без применения наказания? Рациональное объяснение этому факту видится в том, что суд на момент вынесения приговора способен только предполагать, что исправление подсудимого наступит без применения наказания, хотя никакой уверенности в этом нет и быть не может. Следовательно, решение суда об отказе от применения наказания противоречит прежде всего уголовно-правовому принципу справедливости (ст. 6 УК РФ).

В правовой литературе указываются некоторые фактические обстоятельства, установление которых свидетельствует об исправлении преступника. В частности, М. А. Ефимов связывает факт исправления осужденного с соблюдением всех правил, представляющих собой режим исправительно-трудового учреждения, наличие поощрений и отсутствие дисциплинарных взысканий, помощь администрации пенитенциарного учреждения, работу над повышением своего образовательного уровня, включающую обязательное ознакомление с периодической и иной литературой, участие в общественной и творческой жизни коллектива осужденных и др.⁴ Схожие критерии исправления позднее выделялись А. И. Васильевым, Ф. Р. Сундуровым, Г. П. Байдаковым, А. Ф. Сизым⁵ и др.

Некоторые авторы, занимавшиеся рассмотрением данной проблемы, пришли к выводу о необходимости построения системы критериев, позволяющих оценить степень исправления осужденного. В качестве критериев исправимости назывались: отношение к совершенному преступлению и назначенному наказанию, к установленному порядку исполнения наказания, воспитательной работе, к необходимости участия в самодеятельных организациях и коллективах осужденных, самооценка, психофизиологическое состояние и т. п.,

⁴ *Ефимов М. А.* Доказательства исправления и перевоспитания заключенного и их оценка. — М., 1964. — С. 8.

⁵ *Сизый А. Ф.* Юридические основания применения поощрительных норм к осужденным по исправительно-трудовому законодательству // Проблемы исполнения уголовных наказаний: Сб. науч. трудов. — Рязань, 1991. — С. 84—87.

а предложенные системы включали от шести⁶ до двенадцати структурных элементов.

Но, при анализе приведенных суждений об особенностях определения исправления осужденного прежде всего обращает на себя внимание односторонность авторских подходов решения проблемы: все предложенные критерии распространяют свое действие только на осужденных — граждан РФ, отбывающих наказание в виде реального лишения свободы. О том, каким образом оценить исправление лица, которому назначен иной вид уголовного наказания или в отношении которого лишение свободы суд постановил исполнять условно, а уже тем более — иностранного гражданина, авторы умалчивают, хотя цель исправления носит универсальный характер и распространяется на все виды уголовных наказаний.

Рассматривая материалы судебной практики, можно сделать вывод о применении судами общей юрисдикции условного осуждения к иностранным гражданам. Так, в частности, согласно Кассационному определению Верховного Суда РФ от 05.03.2013 № 58-О13–5⁷, приговор по делу о покушении на дачу взятки должностному лицу изменен: назначенное судом наказание в соответствии со ст. 73 УК РФ считать условным, поскольку исправление и перевоспитание лица (иностранного гражданина) возможны без изоляции от общества, и такой вид наказания более благоприятно скажется на условиях жизни его семьи.

То есть в указанном нами примере судебной практики большей частью реализована превентивная цель. Официально запрещая соответствующий вид поведения, признавая его общественно опасным и, как следствие, уголовно наказуемым, государство обеспечило устрашающее воздействие на сознание осужденного. Боязнь лишиться значимых прав и свобод может обеспечивать законопослушное поведение, однако, не у всех представителей общества.

Вместе с тем, вполне закономерно, что отдельно взятыми условно осужденными иностранными гражданами, в результате непонимания цели условного наказания, умышленно или неумышленно, будут допускаться нарушения правил отбывания наказания. Так, например, согласно Апелляционному определению Верховного Суда РФ от 01.08.2018 № 25-АПУ18–4⁸: Ембергенов Е. К. осужден по п. «б» ч. 2 ст. 223 УК Республики Узбекистан к 5 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года за то, что 27 марта 2016 г.

⁶ Поздняков В. Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2005. — № 2. — С. 36.

⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 05.03.2013 № 58-О13-5 // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 01.08.2018 № 25-АПУ18-4 // СПС «Консультант Плюс».

по предварительному сговору с другими лицами незаконно пересек государственную границу между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан, перейдя на территорию Республики Узбекистан вне пункта пропуска.

Поскольку после постановления приговора и ознакомления его с правилами отбывания наказания при условном осуждении Ембергенов Е. К. стал уклоняться от исполнения возложенных на него обязанностей, не являлся в органы внутренних дел по месту жительства для регистрации, оставил место постоянного жительства и выехал в Республику Казахстан, не уведомив об этом органы внутренних дел, условное осуждение было отменено. Суд обратил назначенное осужденному наказание в виде лишения свободы на срок 5 лет к исполнению в исправительной колонии общего режима. В соответствии с указанным постановлением суда Ембергенов Е. К. был объявлен в розыск и в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Не согласившись с таким решением суда, Ембергенов Е. К. обжаловал его в Верховный Суд Российской Федерации, указывая, что он не уклонялся от отбывания, назначенного ему наказания, а вынужден был уехать в Казахстан, так как в Республике Узбекистан у него не было работы, и он не мог обеспечивать свою семью, в том числе двоих малолетних детей. Утверждает, что при переездах в другие страны всегда соблюдал правила пересечения государственных границ и визового режима. Выражает сомнение в справедливости его осуждения по ч. 3 ст. 322 УК РФ. Отмечает, что в связи с его задержанием и содержанием под стражей в Астраханской области, его одежда, обувь, строительные инструменты, деньги, другие вещи остались без присмотра в Республике Казахстан, он не получает никакой информации о своей семье, родных и близких. Заявляет о желании вернуться на свою родину, просит освободить его из-под стражи и разрешить самостоятельно, а не путем применения экстрадиционных мер, выехать в Республику Узбекистан.

Согласно вынесенному Определению Верховного Суда РФ постановление оставлено без изменения, так как иностранный гражданин, осужден к 5 годам лишения свободы за совершение деяния, являющегося уголовно наказуемым по законодательству Республики Узбекистан и РФ, иммунитетом от уголовного преследования не обладает, статуса беженца и политического убежища не имеет, срок давности обвинительного приговора не истек, уголовное преследование не имеет политических мотивов, дискриминационного характера, будет осуществляться на началах равенства перед законом и судом.

В завершение отметим следующее.

1. И российский, и зарубежный опыт красноречиво свидетельствует, что установление только уголовно-правового запрета никогда полностью не исключало криминальное поведение иностранных граждан в обществе.

Поэтому предупреждение совершения новых преступлений не может обеспечиваться только уголовно-правовыми предписаниями, а следовательно, и претендовать на признание в качестве цели именно уголовного наказания.

2. Учитывая вышеизложенное, применительно к иностранным гражданам необходимо детализировать установление испытательного срока, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление. Например, дополнив п. 5 ст. 73 УК РФ положением, прямо запрещающим выезд условно осужденного иностранного гражданина за рубеж.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ефимов М. А.* Доказательства исправления и перевоспитания заключенного и их оценка. — М., 1964.
2. *Поздняков В.* Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2005. — № 2. — С. 36.
3. *Сизый А. Ф.* Юридические основания применения поощрительных норм к осужденным по исправительно-трудовому законодательству // Проблемы исполнения уголовных наказаний: Сб. науч. трудов. — Рязань, 1991. — С. 84–87.

Якулин В.¹
Vid Jakulin

ПОЛИТИКА НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СЛОВЕНИИ

SENTENCING POLICY IN SLOVENIA

Аннотация. Автор рассматривает политику назначения уголовного наказания в Словении. Он верит, что политика назначения наказания в Словении слишком мягка, и для жертв даже оскорбительна. Автор рассматривает существующую официальную уголовную политику, судебную политику в сфере назначения наказания и политику в сфере назначения наказания прокуратуры. Особую критику он высказывает по поводу обвинительного уклона, который, по его мнению, ведет к нарушению принципа равенства перед законом, который является одним из важнейших принципов любой правовой системы.

Ключевые слова: Словения, политика назначения уголовного наказания, официальная уголовная политика, судебная политика назначения наказания, прокурорская политика назначения наказания.

Summary. The author deals with the sentencing policy in Slovenia. He believes that sentencing policy in Slovenia is too mild and for victims even offensive. The author considers in his paper a statutory penal policy, court sentencing policy and prosecutorial sentencing policy. He is in particular critical towards prosecutorial sentencing policy for which he is convinced that it leads towards the infringement of equality before the law, which is one of the most important principles of every legal system.

Keywords: Slovenia, sentencing policy, statutory penal policy, judicial sentencing policy, prosecutorial sentencing policy.

Sentencing policy can be defined and assessed in different ways. It could be simply considered as a kind of policy, while its assessment depends on a value judgement and expectations of the estimator. Such an assessment is of course inevitably subjective. Arising from the belief that the sentence imposed should represent a just recompense to a perpetrator for the evil he caused, I cannot consider the current sentencing policy in Slovenia appropriate and fair. Sentencing policy in Slovenia is in my opinion too lenient and even offensive for victims of crime.

It has been known for a long time that courts in Slovenia impose sentences which are near the minimum of prescribed frame of penalty for a given criminal offence. It is simply not possible to believe that the majority of criminal offences

¹ ЯКУЛИН ВИД, профессор юридического факультета Люблянского университета, кандидат юридических наук (Любляна, Словения); VID JAKULIN, Full Professor at the Faculty of Law, University of Ljubljana, Slovenia.

processed by courts deserve in terms of their seriousness and dangerousness a sentence which is near the minimum sentence set out for a given criminal offence. If this was really true, it would mean that prescribed penalties are disproportionately heavy. This presumption does not however hold true, because a comparative overview shows that prescribed penalties in Slovenia are quite comparable to the penalties in other European countries or that they are even much lighter.

In spite of the fact that penal policy is treated in this paper as a kind of policy, it could be nevertheless defined in a more concrete way. We can make a distinction between statutory penal policy (in terms of penalties laid down in statutes) and court penal policy (sentencing policy). While a statutory penal policy consists of a deliberate prescription of penalties for criminal offences contained in a criminal code on the ground of their dangerousness for protected goods, a court sentencing policy refers to a type and severity of sentence imposed by courts on offenders for concrete criminal offences.²

Special problem regarding penal policy is the rule on mandatory use of a more lenient law, derived from the first paragraph of Article 15 of the International Covenant on Civil and Political Rights. We are referring to the rule, well known to lawyers, according to which it is mandatory in the case, when a criminal code has been modified subsequent to the commission of a criminal offence until the final judgement and a provision is made by law for the imposition of the lighter sentence, to use a new, more lenient law. Disputability of this rule, which was by various theoreticians even further extended, can be best illustrated by the following example. Let us take, for example, two defendants who committed the same criminal offence. One would comply with a court summons and would be convicted by a final judgement, while the other would evade in different ways a court summons (by concealing himself, with escape to a foreign country, by non-acceptance of summons) and would luckily live to see the modification of the criminal code prescribing a less harsh penalty for the offences he committed. On the ground of the rule, described above, a court should use for this perpetrator a new, more lenient law, which could mean that the legal order rewards those who are able to outwit it. This is an anomaly which should be in my opinion eliminated.

The case described becomes even more disputable, if it is a question of an accomplice or accomplices involved in the same crime. To illustrate this situation, I shall mention the case of three accomplices involved in the criminal offence of robbery (a qualified form of criminal offence). After the court rendered the first instance judgement, the criminal code was altered and pursuant to the modifications set out in the new law, a different legal qualification of the act committed was introduced and consequently the imposition of a less severe

² Horvatić Ž. P. 167.

sentence, different from the previous one for a couple of years. The fact that the imposition of the considerably lighter sentence on the two of the accomplices was not influenced by their personal circumstances, but was rather due to the circumstance that the new law was more lenient, indicates that not only a problem of justice is in question, but also a problem of equality before the law, which is one of the most important principles of constitutional law.³

Professor Katja Filipčič estimates that sentencing policy of courts in Slovenia is getting tougher. Such a conclusion is made on the basis of the analysis of statistical data. She established that the number of prisoners in Slovenia had been increasing since 1990. The reason for such a situation can be attributed either to a more frequent imposition of a prison sentence or/and to the imposition of longer prison sentences. Statistical data do not however indicate a more frequent imposition of prison sentence, which means that the increase in the number of prisoners results from the imposition of longer prison sentences. Professor Filipčič presents three possible explanations for the imposition of longer prison sentences: a structure of committed criminal offences, recidivism of criminal offenders and a public opinion which is favourable to a more severe punishment. Statistical data actually indicate a rise in the rate of recidivists, while public opinion has been traditionally more inclined to a harsher punishment. Although Professor Filipčič admits that it is not possible to assess the seriousness of crimes committed only from statistical data, she nevertheless concludes that the structure of criminal offences has not changed greatly after 1990.⁴

Contrary to Professor Filipčič, I am convinced that the structure of criminal offences has considerably changed after 1990. There is an increasing number of property criminal offences with elements of violence, for example robberies with the use of firearms, resulting in deaths. A decline of social control after 1990 resulted in increased possibilities for the operation of organised criminal groups. Law enforcement agencies have already detected in Slovenia the operation of powerful foreign criminal groups, dealing with narcotic drugs, trafficking in human beings, trafficking in arms and with similar serious forms of crime. All of this makes me think that the court sentencing policy has not become more severe, but has been rather adapted to the changed structure of crime.

A gradual renunciation of the principle of legality and giving more and more discretionary powers to public prosecutors have led to the development of prosecutorial sentencing policy, which also deserves all attention.

³ See the judgement of the District Court in Ljubljana under no. III K 39/2008 from 4. 9. 2008 and the judgement of the Higher Court in Ljubljana no. III Kp 160/2008 from 5. 2. 2009.

⁴ *Filipčič K.* PP. 17–21.

The current Criminal Procedure Act (hereinafter CPA) already vests public prosecutors with large powers. A public prosecutor may transfer under certain conditions a crime report or a summary charge sheet to a settlement procedure, he can suspend prosecution with the consent of the injured party or he is not obligated at all to initiate criminal proceedings or can abandon prosecution. The mentioned provisions show that public prosecutors can exercise sentencing policy even before the case comes before a court (if a defendant complies with the instructions of a prosecutor and carries out tasks that he imposed on him, the case will not even be brought to court, because a crime report will be rejected by a prosecutor). These provisions are in my opinion very questionable, because they mean that a public prosecutor is vested with powers to set «sentencing frameworks» in each individual case, what represents a relatively large risk for the violation of the principle of equality before the law.

Act Amending the CPA, which came into force on November 29, 2011 and has been applied since May 15, 2012, represents even more profound intervention in this subject matter.⁵ This amendment namely introduced the institute of guilty plea agreement or plea bargaining.

This institute of the CPA, brought about by the Amending Act, is in my opinion very problematic and at least for two reasons even unconstitutional. Provisions, by which a judge's decisions are restricted to the formal examination of plea agreement and in respect of sentencing, to the motion of public prosecutor, deprive a judge of his basic function — that is a function of judging; this is by no doubt disputable by itself, because a judge cannot exercise the function for which he was elected. What seems even more problematic is that a public prosecutor and defendant (or his defence counsel) set «sentencing frameworks» in each case, which implies that they create an ex post facto paradigm for each individual case. Such a conduct necessarily results in the violation of equality before the law, which constitutes one of the basic legal principles of every legal order.

Courts still render their judgements in the name of the people. It is neither desirable nor convenient if people wonder about or even disdain judgements rendered in their name. In such a case people either do not understand a message given by a judicial branch of government or something might be wrong with this message. The time will show how the mentioned novelties concerning prosecutorial sentencing policy will function in practice and how will be the «bargaining with justice» accepted by people.

⁵ Act Amending the Criminal Procedure Act (ZKP-K), Official Gazette of RS, no. 91/2011

LITERATURE

1. *Filipčič Katja*: «Kaznovalna politika v Sloveniji», 3. Konferenca kazenskega prava in kriminologije, Zbornik 2010, Ljubljana, GV Založba in Pravna fakulteta v Ljubljani, 2010.
2. *Horvatić Željka*: «Kaznena politika», the entry in the book Rječnik kaznenog prava, Zagreb, Masmedia 2002.
3. Kazenski zakonik (KZ-1): Uradni list Republike Slovenije št. 55/08, 68/08 (amendment), 39/09 (KZ-1A), 91/11 (KZ-1B), 54/15 (KZ-1C), 38/16 (KZ-1D and 27/17 (KZ-1E).
4. Zakon o kazenskem postopku, unofficially consolidated text from 18.6.2018.

Янина И. Ю.¹

Yanina I. Yu.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРИЧИНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ

THEORY OF CRIMINAL LAW INFLICTION IN RUSSIAN CRIMINAL POLICY

Аннотация. В статье показывается взаимосвязь теории уголовно-правового причинения и уголовной политики через процессы криминализации и декриминализации деяний. С целью повышения качества проведения российской уголовной политики предлагается при криминализации и декриминализации деяний применять теорию уголовно-правового причинения.

Ключевые слова: уголовная политика, криминализация, декриминализация, уголовно-правовое причинение, объект уголовно-правовой охраны, общественная опасность.

Summary. The article shows the relationship between the theory of criminal law and criminal policy through the processes of criminalization and decriminalization of acts. In order to improve the quality of the Russian criminal policy it is proposed to apply the theory of criminal law in the criminalization and decriminalization of acts.

Keywords: criminal policy, criminalization, decriminalization, the causing of criminal law, the object of criminal legal protection, public danger.

Общеизвестно, что преступление влечет вред в объекте уголовно-правовой охраны. Кроме того, охраняемые уголовным законом общественные отношения нарушаются и неправомерными деяниями — исключаящими уголовную ответственность² и некриминализованными³.

Правовая природа преступных, исключаящих уголовную ответственность и некриминализованных деяний неодинакова. При преступном деянии

¹ ЯНИНА ИРИНА ЮРЬЕВНА, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», кандидат юридических наук (Саранск); YANINA IRINA YURYEVNA, Senior Lecturer of Department of Criminal Law, Criminalistics and Criminology, Mordovian State University, PhD in Law (Saransk).

² *Исключающее уголовную ответственность деяние* — запрещенное уголовным законом действие (бездействие), совершенное при наличии условий, при которых уголовная ответственность не наступает. К примеру, тайное хищение чужого имущества, совершенное невменяемым, не является преступлением (отсутствует субъект состава кражи), но объекту уголовно-правовой охраны — отношениям собственности причиняется вред.

³ *Некриминализованное деяние* — не признанное на законодательном уровне общественно опасным действие (бездействие), нанесшее вред находящимся под защитой уголовного закона общественным отношениям.

устанавливается уголовная ответственность. При исключаящем уголовную ответственность и некриминализованном деянии, хотя и по разным причинам, таковая не наступает: исключаящие уголовную ответственность деяния характеризуются отдельными признаками состава преступления и внешне напоминают его; некриминализованные деяния находятся за пределами уголовно-правового регулирования.

Возникновение вреда в объекте уголовно-правовой охраны — это то рациональное звено, которое позволяет рассматривать в одном уголовно-правовом явлении — причинении, столь не схожие между собой деяния.

Социально значимый вред и социально значимые изменения, будучи неотъемлемыми признаками объекта уголовно-правовой охраны, обусловленные исполнением преступного, исключаящего уголовную ответственность либо некриминализованного деяния, положены в основу теории уголовно-правового причинения⁴. Теория уголовно-правового причинения представляет собой некий инструментарий, позволяющий доказывать преступность и криминализованных, и некриминализованных деяний.

С помощью теории уголовно-правового причинения представляется возможным определить криминальность деяния, в отношении которого установлен уголовно-правовой запрет⁵. В случаях, когда криминализованное деяние не влечет социально значимый вред и социально значимые изменения в объекте уголовно-правовой охраны, необходимо поставить под вопрос целесообразность его нахождения в уголовном законе. Если же некриминализованное деяние влечет социально значимый вред и социально значимые изменения в объекте уголовно-правовой охраны, следует его включить в число уголовно-наказуемых деяний.

Нужно понимать, что для криминализации деяния недостаточно констатировать факт возникновения социально значимого вреда и социально значимых изменений в объекте уголовно-правовой охраны. Негативное воздействие на объект уголовно-правовой охраны — всего лишь форма такого принципа криминализации, как вредоносность деяния. Общественная опасность и распространенность деяния, наряду с вредоносностью, крайне важны для криминализации, но не являются ее основанием. Ю. И. Бытко единственным основанием криминализации признает справедливость⁶.

⁴ См. подробнее об этом: *Янина И.Ю.* Причинение и специальное причинение в уголовном праве: монография. — М.: Юрлитинформ, 2019. — С. 8–31.

⁵ Далее по тексту с учетом положений теории уголовно-правового причинения обосновывается, что криминализованное деяние, предусмотренное ст. 144¹ УК РФ, не обладает достаточной для преступления степенью общественной опасности.

⁶ См.: *Бытко Ю.И.* Справедливость и уголовная политика: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017. — С. 97.

Как видим, теория уголовно-правового причинения взаимосвязана с такими методами уголовной политики⁷, как криминализация и декриминализация. «Охватить весь комплекс проблем, связанных с криминализацией и декриминализацией, — как справедливо отмечают М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, — под силу лишь отдельной, комплексной, междисциплинарной науке уголовной политики»⁸. В связи с этим вызывает интерес проблема соотношения теории уголовно-правового причинения с проводимой российской уголовной политикой.

Вопросы преступности Э. В. Густова ставит в центр уголовной политики⁹. В самом деле, определение круга преступных деяний является приоритетным направлением российской уголовной политики. Основные результаты уголовной политики находят непосредственное отражение в тексте уголовного закона. Весьма часто законодательные изменения связаны с дополнением УК РФ новыми составами преступлений; реже — с исключением деяний из числа уголовно-наказуемых.

За последние полтора года осуществлена криминализация более десяти деяний. К примеру, в 2017 году уголовный закон дополнен ст. 151² УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего»¹⁰, ст. 171⁴ УК РФ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции»¹¹, ст. 285⁴ УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»¹²; в 2018 году — ст. 200⁴ УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»¹³, ст. 144¹ УК РФ «Необоснованный

⁷ Подавляющее число ученых-криминалистов относят криминализацию и декриминализацию к методам уголовной политики. См., напр.: *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — С. 34; *Нечаев А. Д.* Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний: монография. — М.: Юрлитинформ, 2018. — С. 28.

⁸ *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Российская уголовная политика и уголовный закон: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017. — С. 331.

⁹ См.: *Густова Э. В.* Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 1. — С. 224.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 07.06.2017— № 120-ФЗ // СЗ РФ. — 2017. — № 24. — Ст. 3489.

¹¹ См.: Федеральный закон от 26.07.2017— № 203-ФЗ // СЗ РФ. — 2017. — № 31 (ч. 1). — Ст. 4752.

¹² См.: Федеральный закон от 29.12.2017— № 469-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 1 (ч. 1). — Ст. 53.

¹³ См.: Федеральный закон от 23.04.2018— № 99-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 18. — Ст. 2569.

отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста»¹⁴.

Ю. И. Бытко очень точно подчеркивает, что многие решения о криминализации «принимаются «по горячим» следам ... деяний, ... «разогретых» средствами массовой информации»¹⁵. Ярким тому подтверждением служит ст. 144¹ УК РФ.

Инициатором криминализации деяния, предусмотренного ст. 144¹ УК РФ, выступил Президент Российской Федерации В. В. Путин. Принятая 3 октября 2018 года статья 144¹ УК РФ носит исключительно политизированный характер. Реформа, направленная на увеличение пенсионного возраста, вызвала широкий общественный резонанс; во многих российских городах — в Москве, Екатеринбурге, Ульяновске — прошли митинги под лозунгами «Я против повышения пенсионного возраста», «Геноцид собственного народа». И как следствие, для того чтобы стабилизировать сложившуюся обстановку в стране установлен уголовно-правовой запрет, связанный с защитой трудовых прав лиц предпенсионного возраста.

Необходимо сказать, что в Особенной части уголовного закона содержится схожая норма — ст. 145 УК, предусматривающая ответственность за ограничение конституционного права на труд беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет. За период с 2013 по 2017 годы на территории Российской Федерации по ст. 145 УК РФ вынесено всего 5 обвинительных приговоров — 2 приговора в 2013 году, 1 приговор — в 2016 году и 2 приговора — в 2017 году¹⁶. Приведенные статистические данные позволяют утверждать о том, что в правоприменительной деятельности ст. 145 УК РФ не работает.

При этом преступления, предусмотренные ст. 145 и 144¹ УК РФ, различаются только по признакам потерпевшего: в ст. 145 УК РФ потерпевшей является беременная женщина или женщина, имеющая детей в возрасте до 3 лет; в ст. 144¹ УК РФ — лицо женского или мужского пола, достигшее предпенсионного возраста. Совпадение деяний, запрещенных ст. 145 и 144¹ УК РФ, по всем элементам состава преступления, за исключением факультативного признака объекта — потерпевшего от преступления, означает, что статье 144¹ УК РФ, равно как и статье 145 УК РФ, будет присвоен статус «мертвой» нормы.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 03.10.2018 № 352-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 41. — Ст. 6192.

¹⁵ *Бытко Ю. И.* Справедливость и уголовная политика: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017. — С. 99.

¹⁶ См.: Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Форма— № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 2013–2017 гг. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 14.10.2018).

В качестве непосредственного объекта преступления, закрепленного ст. 144¹ УК РФ, следует рассматривать общественные отношения, обеспечивающие право лиц предпенсионного возраста на труд. Законодатель состав рассматриваемого запрещенного уголовным законом деяния сконструировал по типу формального; преступление окончено с момента необоснованного отказа в приеме на работу или увольнения с работы лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста.

Особенность преступлений с формальным составом состоит в том, что в таких деяниях вред является признаком только объекта преступления. В преступлениях с материальным составом вред отражается в двух элементах состава: в объекте (хотя и не учитывается при квалификации) и в объективной стороне.

Применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 144¹ УК РФ, вред находит свое отражение в объекте, но не в объективной стороне. Однако, следуя теории уголовно-правового причинения, нетрудно установить, что необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы лиц предпенсионного возраста не достигают криминальной степени общественной опасности, поскольку трудовые права граждан защищаются, и весьма действенно, нормами трудового, гражданского и административного законодательства. Общественные отношения, в том числе и трудовые права граждан, должны ставиться под охрану уголовного закона лишь в тех случаях, когда не срабатывают механизмы иных отраслей права.

Криминальная степень общественной опасности деяния, запрещенного ст. 144¹ УК РФ, не подтверждается и в пояснительной записке к проекту федерального закона, в которой в качестве обоснования криминализации нововведения указывается только на возникновение опасности отказа в приеме на работу или увольнения лиц в связи с достижением ими предпенсионного возраста¹⁷. То обстоятельство, что в объективных признаках состава преступления, расположенного в ст. 144¹ УК РФ, отсутствует вред означает, что такое деяние не оказывает негативного воздействия на объект уголовно-правовой охраны.

Таким образом, теория уголовно-правового причинения, будучи инструментом доказывания преступности, имеет важное значение в процессе криминализации и декриминализации деяний. Применение теории уголовно-правового причинения при криминализации и декриминализации деяний, на наш взгляд, позволит повысить качество проведения российской уголовной политики.

¹⁷ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 544570-7. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения 14.10.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 544570-7. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения 14.10.2018).
2. Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СЗ РФ. — 2017. — № 24. — Ст. 3489.
3. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Российская уголовная политика и уголовный закон: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017.
4. *Бытко Ю. И.* Справедливость и уголовная политика: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017.
5. *Густова Э. В.* Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 1. — С. 224–228.
6. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. — М.: Волтерс Клувер, 2009.
7. *Нечаев А. Д.* Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний: монография. — М.: Юрлитинформ, 2018.
8. *Янина И. Ю.* Причинение и специальное причинение в уголовном праве: монография. — М.: Юрлитинформ, 2019.

РАЗДЕЛ II. ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

SECTION II. THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Алешин В. В.¹
Aleshin V. V.

СООТНОШЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ

RELATION OF ORGANIZED CRIME AND CORRUPTION

Аннотация. Автор статьи исследует проблемы соотношения организованной преступности с коррупцией.

Ключевые слова: Коррупция, коррупционные преступления, государственный служащий, организованная преступность.

Summary. The author of current article research the problem of ratio organized crime and corruption.

Keywords: corruption, corruption crimes, civil servant, organized crime.

Организованная преступность и коррупция неразрывно между собой связаны, что достаточно часто обозначалось в документах ООН, в частности в Конвенции ООН против коррупции². Это опасное явление сопровождается организованную преступность на национальном и транснациональном уровнях и является неотъемлемой составляющей организованной преступной деятельности. Представители всех организованных преступных сообществ так или иначе поддерживают коррупционные связи с чиновниками, представителями правоохранительных органов и политических кругов — для достижения цели извлечения преступных доходов, и для защиты от социального контроля³.

Действительно, рассматривая вопрос данного явления становится сложным отрицать, то обстоятельство, что зачастую коррупционные преступления совершаются в неразрывной связи с организованной преступностью. На наш взгляд, конечной целью организованной преступной группы или сообщества

¹ АЛЕШИН ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель — Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, Санкт-Петербург); ALESHIN VIKTOR VLADIMIROVICH, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor — Kleimenov Ivan Mikhailovich, Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law (St. Petersburg).

² Конвенции ООН против коррупции (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.)

³ *Топильская Е. В.* Криминология организованной преступности: в 2-х т. Т. 2: Противодействие организованной преступности в документах (российский и международный опыт): Сборник документов с комментариями: монография. — СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. — 600 с.

является получение незаконных доходов, которыми можно было бы распоряжаться без каких-либо ограничений со стороны государственных структур, в связи с чем для преступного синдиката вопрос безопасности их свободы и свободы их незаконных средств может быть разрешен за счет взаимодействия с различными органами государственной власти в лице государственных служащих, путем их подкупа, который может выражаться в различных формах. Например, совершение должностным лицом входящих в его служебные полномочия действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, или за содействие должностным лицом в силу своего должностного положения совершению указанных действий (бездействию) или за совершение должностным лицом незаконных действий (бездействие)⁴.

Рост и расширение коррупционной и организованной преступности однозначно следует относить к числу наиболее сложных проблем в общественной и государственной жизни. На наш взгляд, организованная преступность, сопряженная с коррупцией, превратилась в одну из самых главных причин негативного воздействия на социальные, политические и экономические процессы внутри самых разных стран. В связи с чем внимание к разработке эффективного законодательства и мер, способствующих раскрытию и предотвращению этого явления должно быть самым пристальным. Думается, что для выполнения этих условий необходимо выработать единый подход к пониманию места и роли коррупции, в системе других преступлений, в том числе организованной преступности.

Об органической связи коррупции и организованной преступности свидетельствуют самые различные факторы. Так, Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности включает в себя п. а. ч. 1. ст. 8, где говорится о криминализации коррупции, а в частности обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей⁵.

На наш взгляд, это ясно свидетельствует о том, что данные явления признаются взаимосвязанным, ведь совершенно очевидно, что организованные преступные группы непременно пользуются возможностями повлиять

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013— №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — №9. — 2013, сент.

⁵ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000).

на государственных служащих, путем вышеперечисленных мер воздействия, что ведет к нарушению нормальной жизнедеятельности общества и государственных институтов.

Помимо этого, о тесной взаимосвязи коррупции и организованной преступности говорит и то обстоятельство, что основным корруптером становится организованная преступность и контролируемые ею легализованные или легальные структуры. Это одна из закономерностей и функционирования организованной преступности, и широкомасштабной коррумпированности общества. Деятельность организованных преступных группировок по предоставлению запрещенных законом товаров и услуг требует значительной степени кооперации и организации. Как и любая коммерческая деятельность, преступный бизнес требует предпринимательских навыков, профессионализма в конкретной области и умения координировать свои операции помимо применения методов насилия и коррупции, призванных содействовать ведению дела. К их числу относятся самые различные средства — от выплаты взяток должностным лицам правоохранительных органов до проникновения или внедрения своих людей в политические структуры⁶.

Организованная преступность использует коррупцию для обеспечения не только корыстных, но и политических мотивов, так как в их деятельности прослеживается двойная цель. Первая — обеспечить сверхдоходы, а вторая это сохранения власти с целью преумножения доходов. Если речь заходит о коррумпированности государственных служащих, а тем более масштабной, то мы можем говорить о том, что законопослушные граждане утрачивают свои права на государственный аппарат, ведь, по сути, он начинает работать на того, кто его сумел «перекупить». Зачастую это может приводить к тому, что это причиняет невосполнимый вред налогоплательщикам, гражданам государства⁷. Поэтому коррупцию, крепко смешанную с организованной преступностью, на наш взгляд, следует оценивать как явление, угрожающее национальной безопасности государства.

Более подробно следует остановиться на вовлечение организованной преступностью государственных служащих в коррупционную деятельность. Так, внедрение судебных работников в организованную преступность, может повлечь за собой вынесение неправомερных судебных решений в интересах преступных групп, в необоснованном принятии обеспечительных мер, в частности блокировки банковских счетов, а также в самоустранении судебной

⁶ Основы борьбы с организованной преступностью: Монография / Под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. — М., 1996.

⁷ Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — 912 с.

власти от восстановления нарушенных прав. Если мы коснёмся должностных лиц, чья прямая задача борьба с преступностью, в том числе организованной, и их деятельность направлена в интересах криминалитета, то мы можем говорить о том, что вред наносимый подобными действиями возрастает в разы ведь, по сути государство начинает, образно говоря, терять сотрудников призванных защищать интересы государства и это неумолимо ведет к существенному увеличению общественной опасности преступлений против государственной власти и интересов государственной службы⁸. Анализирую вышесказанное, можно сказать, что чем больше государственный аппарат поражен коррупцией, сопутствующей организованной преступности, тем меньше шансов, что государство сможет противостоять захвату основных позиций криминалитетом, постепенно утрачивая свою жизнеспособность, что в конечном итоге может привести к тому, что криминальная среда полностью его подменит.

Может показаться, что все вышеизложенное свидетельствует, о том, что организованная преступность и коррупция представляют собой единый организм, который невозможно разделить. Считаю, что это изрядно преувеличенное представление. Совершенно очевидно, что данные явления сопутствуют друг другу, но по своей природе это самостоятельные социальные явления. Для субъектов организованной преступности коррупция лишь один из многих способов осуществления своей деятельности. Однако, вероятно, осуществление этой деятельности будет существенно урезано. Точно так же, на наш взгляд, можно говорить о коррупции, где простая дача взятки должностному лицу не всегда представляет собой проявление организованной преступной деятельности.

Таким образом, можно сделать следующий вывод о природе этих социальных явлений. Коррупция и организованная преступности заинтересованы во взаимодействии, однако могут существовать и по отдельности. В процессе своего развития в каждом отдельном государстве они могут пересечься, многократно увеличив свой преступный потенциал, но это совершенно не обязательно должно произойти. В связи с этим, на наш взгляд, первоочередной задачей любого государства в плане борьбы с этими явлениями должны стоять минимизация, а в идеале и полный недопуск организованной преступности до государственных структур и любой политической власти, ведь именно это может поставить под сомнение суверенитет того или иного государства.

⁸ *Топильская Е. В.* Криминология организованной преступности: в 2-х т. Т. 1 // Противодействие организованной преступности в документах (российский и международный опыт): Сборник документов с комментариями: монография. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция ООН против коррупции (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — 26 июль. — № 26. — Ст. 2780.
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ. — 2004. — 4 окт. — № 40. — Ст. 3882.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. — 2013. — 17 июль. — № 154.
4. *Топильская Е. В.* Криминология организованной преступности: в 2-х т. Т. 1: Противодействие организованной преступности в документах (российский и международный опыт): Сборник документов с комментариями: монография — СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015.
5. *Топильская Е. В.* Криминология организованной преступности: в 2-х т. Т. 2: Противодействие организованной преступности в документах (российский и международный опыт): Сборник документов с комментариями: монография — СПб.: ИД Алеф-Пресс, 2015 г.
6. Основы борьбы с организованной преступностью: Монография / Под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. — М., 1996.

*Бараев А. С.*¹
Baraev A. S.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

SEVERAL PROBLEMS OF LEGALIZATION (MONEY-LAUNDERING) OF MONEY AND OTHER PROPERTY, OBTAINED BY CRIMINAL WAY

Аннотация. В статье раскрывается содержание некоторых проблем, возникающих при квалификации легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем. Автором приводятся примеры из практики, демонстрирующие ошибки судов в квалификации указанного преступления. В статье также приводятся отличительные особенности, характерные для такого преступления.

Ключевые слова: легализация, отмывание, квалификация преступления, преступно полученные денежные средства, придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом.

Summary. The article reveals the content of some problems which arises the offence of legalization (laundering) of funds or other property obtained illegally. The author gives examples in case law which are demonstrating the errors of the courts in characterizing the crime of legalization (laundering). The character of such crime is considered in the article.

Keywords: legalization, laundering, the offence of crime, the money-laundering offence, giving «a legal form» to illegal or undocumented property.

Легализация денежных средств и иного имущества, полученных преступных путем, занимает особое место среди преступлений в сфере экономики, поскольку зачастую носит транснациональный характер, связана с деятельностью организованных преступных групп и преступных сообществ, а также тесно взаимосвязана с другими преступлениями. Именно поэтому представляется необходимым правильно квалифицировать такие преступления, что нередко представляет сложность для следственных и судебных органов.

¹ БАРАЕВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, Санкт-Петербург); BARAEV ALEKSEI SERGEEVICH, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor — Kleimenov Ivan Mikhailovich, Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, St. Petersburg).

В соответствии с диспозицией норм ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ, совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем или приобретенными лицом в результате совершения преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

Таким образом, виновность лица в совершении какого-либо преступления, в результате которого денежные средства либо иное имущество были легализованы, должна быть установлена судебным приговором, вступившим в законную силу, или иным решением следственного органа. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указано: «По смыслу закона, вывод суда, рассматривающего уголовное дело по статье 174 или статье 174¹ УК РФ, о преступном характере приобретения имущества, владению, пользованию или распоряжению которым виновный стремится придать правомерный вид, наряду с иными материалами уголовного дела может основываться на:

- обвинительном приговоре по делу о конкретном преступлении, предусмотренном одной из статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (об основном преступлении);
- постановлении органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) за совершение основного преступления в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случаях, предусмотренных пунктом 6 части 1 статьи 24 УПК РФ, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, а также по основаниям, предусмотренным статьей 28.1 УПК РФ, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка;
- постановлении органа предварительного расследования о приостановлении дознания или предварительного следствия в связи с не установлением на момент рассмотрения уголовного дела лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого за основное преступление, если материалы уголовного дела содержат доказательства,

свидетельствующие о наличии события и состава такого преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка»².

Однако стоит отметить, что само по себе наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора не может являться единственным и достаточным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, предусмотренной ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ.

Так, приговором Тракторозаводского районного суда г. Челябинска от 04 октября 2016 года Журавлев В. В. осуждён за совершение сделок с денежными средствами в крупном размере в период с 2009 года по 18 марта 2013 года, приобретёнными им в результате преступлений, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами. Осужденный не согласился с выводами суда о наличии в его действиях легализации лишь на том основании, что он не смог документально подтвердить наличие у него денежных средств, на которые приобреталось имущество. Он указал, что вынесение в отношении него приговора, которым он признан виновным в совершении незаконного сбыта наркотических средств, не свидетельствует о том, что спорное имущество приобреталось на денежные средства, добытые преступным путём, а факт получения в результате преступлений суммы не был установлен указанным приговором. Суд апелляционной инстанции отменил указанный приговор в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, и вынес оправдательный приговор. По мнению суда апелляционной инстанции, совокупность исследованных в судебном заседании суда первой инстанции и суда апелляционной инстанции доказательств является недостаточной для выводов о том, что имущество, приобретённое Журавлевым В. В. в период с 07 февраля 2009 года по 18 сентября 2012 года, оформленное как на себя, так и на своих близких родственников, было полностью оплачено денежными средствами, добытыми им в результате совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, за которые он осуждён 31 августа 2015 года приговором Тракторозаводского районного суда г. Челябинска³.

Таким образом, можно сделать вывод, что для привлечения лица к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 174 и 174¹ УК РФ, необходимы доказательства, которые прямо подтверждают незаконность и преступный характер приобретения денежных средств или какого-либо

² Бюллетень Верховного Суда РФ. — №9. — Сентябрь, 2015.

³ Апелляционный приговор Челябинского областного суда от 25.12.2017 года по делу №10-5577/2017// Электронный ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SyCxGVLgRP5z/?regular-txt> (дата доступа — 11.10.2018).

имущества, а также наличие цели придания правомерного вида пользованию и распоряжению указанным имуществом.

Еще одной существенной проблемой в вопросах квалификации отмыwania денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, является установление цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно приобретенными денежными и средствами и иным имуществом. А именно, не всегда действия, направленные на получение возможности для законного осуществления права собственности в отношении имущества, которое было приобретено преступным путем, свидетельствуют о наличии цели придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению таким имуществом.

Сложность возникает в том, что чаще всего сделки с имуществом, добытым преступным путем, совершаются в иных целях, а не для того чтобы придать правомерный вид владению, пользованию или распоряжению незаконно полученным имуществом. Как указывают авторы Т. П. Страмилова и Д. Н. Лисичников, это обуславливается тем, что «обязанность объяснять источники происхождения имущества возложена только на государственных и муниципальных служащих, остальным категориям граждан, в случае получения ими денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, нет нужды придавать им легальный характер»⁴. Также следует обратить внимание на позицию Д. В. Токманцева, который, говоря о легализации доходов, полученных от преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, указывает, что «многие операции рассматриваются лишь как часть объективной стороны сбыта наркотиков, способ совершения (конспирации) данного преступления, передачи и получения денежных средств, распоряжения ими в личных целях приобретения имущества, который не подпадает под действие ст. 174 УК РФ и ст. 174¹ УК РФ»⁵.

Не всегда суды верно устанавливают наличие цели, состоящей в исключительности придания правомерного вида пользованию и распоряжению нелегально полученными денежными средствами. Например, Челябинский областной суд прекратил уголовное дело в отношении осужденного Фалькова А. Д. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ. Согласно предъявленному обвинению Фальков А. Д., ссылаясь на наркотические средства, получал от потребителей наркотических средств

⁴ *Страмилова Т. П., Лисичников Д. Н.* Проблемы квалификации легализации (отмыwania) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Молодой ученый. — 2018. — № 30. — С. 139–142. — URL <https://moluch.ru/archive/216/52170/> (дата обращения 06.10.2018).

⁵ *Токманцев Д. В.* Проблемы квалификации операций с денежными средствами, полученными от наркопреступлений // Уголовное право. — 2015. — № 4. — С. 68–74.

денежные средства, которые поступали на ранее открытые им счета в ЗАО «Банка КИВИ». По мнению органов следствия, полученные от потребителей наркотических средств денежные средства Фальков А. Д. перевел на карты VISA Direct, используемые им для получения денежных средств от незаконного сбыта наркотических средств, а именно, совершил финансовые операции по переводу денежных средств. Суд указал, что «предъявленное обвинение ... не содержит описания конкретных действий, совершенных Фальковым А. Д. с денежными средствами, полученными преступным путем таким образом, чтобы источники этих доходов казались законными. К подобным действиям нельзя отнести осуществляемый Фальковым А. Д. перевод денег со счетов электронных кошельков на счета банковских карт. Таким образом, перевод Фальковым А. Д. денежных средств со счетов «киви-кошелек» на банковские карты был направлен на то, чтобы иметь реальную возможность распорядиться полученными деньгами. Использование им банковских карт, оформленных на посторонних лиц, подтверждает лишь факт конспирации в его действиях, которая сама по себе не указывает на цель придания действиям осужденного правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами в том смысле, как это понимается в ст. 174¹ УК РФ»⁶.

Также можно привести в пример приговор Первомайского районного суда Санкт-Петербурга от 27.07.2017 года, которым Логинов Р. В. был оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 174¹ ч. 2 УК РФ ввиду отсутствия состава преступления. В приговоре суда первой инстанции указано, что цель придания правомерного владения, пользования и распоряжения похищенным денежным средствам Логиновым Р. В. не преследовалась, а проведение финансовых операций осуществлялось с целью распоряжения похищенными денежными средствами и их сокрытия. При проверке законности и обоснованности указанного решения в апелляционном порядке Кировский областной суд подтвердил данный довод, а также указал, что «установленные судом фактические обстоятельства дела указывают лишь на то, что в данном случае имело место простое обращение виновным лицом похищенного имущества в свою пользу, которое не образует состава, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ преступления»⁷.

Таким образом, обязательным элементом субъективной стороны состава преступления легализации преступно полученных доходов и иного имущества

⁶ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 10.10.2016 года по делу № 10-4828/2016 // Электронный ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YfQbPубTvhW/?page> (дата доступа 10.10.2018).

⁷ Апелляционное определение Кировского областного суда от 27.07.2017 года по делу № 22-1571/2017 // Электронный ресурс. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/РсЕУу1IBdTUV/?page> (дата доступа 18.10.2018).

является наличие определенной цели — придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом, полученным преступным путем. О наличии данной цели могут свидетельствовать такие действия лица, которые направлены на установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав и обязанностей. Таким образом лицо срывает подлинное (преступное) происхождение доходов (денежных средств или иного имущества) для того, чтобы получить возможность осуществлять в отношении этих доходов правомочия собственника, при этом придавая статус законно приобретенных. При отсутствии такой цели у лица содеянное не может быть квалифицировано по ст. 174 или ст. 174¹ УК РФ.

Следует отметить, что данные проблемы встречаются на практике довольно часто, несмотря на имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Их можно объяснить, в первую очередь, сложностью доказывания обстоятельств как объективной, так и субъективной стороны состава преступления, а также относительно небольшой судебной практикой по указанным преступлениям. Так, согласно отчету Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания в 2017 году, по ст. 174 УК РФ всего осуждено 5 человек, а по ст. 174¹ УК РФ — 28 человек⁸. Таким образом, очевидно, что данное преступление носит латентный характер, и эффективная реализация уголовной ответственности за указанное преступление возможна только в том случае, если государство предпримет меры по усилению контроля за наличным и безналичным денежным обращением по расчетам и физических лиц, и субъектов экономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 9. — Сентябрь, 2015.
2. *Емцева К. Э.* Спорные вопросы квалификации преступлений в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Вестник КРУ МВД России. 2015. № 4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-kvalifikatsii-prestupleniy-v-sfere-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennyh> (дата обращения 06.10.2018).
3. *Страмилова Т. П., Лисичников Д. Н.* Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным

⁸ www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k4-svod_vse_sudy-1-2017.xls

путем // Молодой ученый. — 2018. — № 30. — С. 139–142. — URL <https://moluch.ru/archive/216/52170/> (дата обращения 06.10.2018).

4. *Токманцев Д. В.* Проблемы квалификации операций с денежными средствами, полученными от наркопреступлений // Уголовное право. — 2015. — № 4. — С. 68–74.
5. *Филатова М. А.* Разрешение Пленумом Верховного Суда спорных вопросов понимания легализации преступных доходов // Уголовное право. — 2016. — № 3. — С. 86–93.

*Вернер А. Р.*¹

Werner A. R.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

TO THE QUESTION ABOUT PROBLEMS OF QUALIFICATION OF OBTAINING A BRIBE

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние уголовно-правового регулирования института получения взятки. Автор указывает на то, что преступление, выраженное в получении взятки, является одним из самых опасных. Автор указывает на сложность реализации данного института и сложности, с которыми сталкиваются правоприменители в процессе квалификации данного преступления. В заключение статьи делается вывод о необходимости дальнейшего исследования данного состава уголовно-правовой наукой.

Ключевые слова: коррупционные преступления, получение взятки, интересы государственной службы, совокупность преступлений, продолжаемое преступление.

Summary: The article examines the current state of criminal law regulation of the institution of bribe taking. The author points out that the crime, expressed in taking bribes, is one of the most dangerous. The author points out the complexity of the implementation of this institution and the difficulties faced by law enforcement in the process of qualifying this crime. The conclusion of the article concludes that it is necessary to further study this composition by criminal law science.

Keywords: corruption crimes, bribe taking, public service interests, set of crimes, continuing crime.

Борьба с преступлениями коррупционной направленности является одной из приоритетных задач правоохранительных органов нашего государства на современном этапе. «Коррупция — своего рода измерение, барометр существующей законности и этики в обществе. Коррупция в судах подрывает основные принципы правосудия, подвергает опасности стабильность демократических институтов и морали. Подобные действия нарушают как

¹ ВЕРНЕР АНАСТАСИЯ РОМАНОВНА, студентка 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Научный руководитель — Безбородов Д. А., профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербург); VERNER ANASTASIA ROMANOVNA, Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Research Supervisor — Bezborodov Dmitry Anatolyevich, Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor (St. Petersburg).

конституционные права граждан, так и дискредитируют судебные органы, подрывают авторитет закона, наносят ущерб интересам государственной власти»². Однако, несмотря на весь комплекс мер, предпринимаемых в указанной сфере, рост коррупционных преступлений продолжает увеличиваться.

Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в январе — июне 2016 г. выявлено 21 359 (+ 5,1 %, 20 319) преступлений коррупционной направленности³.

Коррупция, в соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции», является «злоупотреблением служебным положением, дачей взятки, получением взятки, злоупотреблением полномочиями, коммерческим подкупом либо иным незаконным использованием физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества <...>, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц <...>, а также совершение данных деяний от имени или в интересах юридического лица»⁴.

Среди преступлений коррупционной направленности, на наш взгляд, преступление, выраженное в получении взятки, является одним из самых опасных.

Указанное преступление представляет собой самостоятельный состав, предусмотренный ст. 290, 291² УК РФ.

Следует отметить, что получение взятки является преступлением с очень высокой степенью латентности. Одной из причин такого положения, на наш взгляд, можно считать то, что при совершении данного преступления обеспечиваются преступные интересы как взяткополучателя, так и взяткодателя. Поэтому обе стороны взяточничества заинтересованы в сокрытии преступления. Подобное положение, к сожалению, существенно затрудняет выявление данного преступления.

В последних новеллах уголовного законодательства законодатель существенно расширил субъектный состав данного преступления. В частности, к субъекту данного преступления относят должностное лицо, иностранное должностное лицо, должностное лицо публичной международной организации.

Указанные изменения свидетельствуют о том, что получение взятки является преступлением высокой степени общественной опасности, поскольку

² Рахманова Е. Н. Об укреплении доверия к судам и снижения коррупции // Адвокатская практика. — 2013. — № 6. — С. 29.

³ Официальный сайт Правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации // URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 14.02.2018).

⁴ Корниленко Ю. А. Коррупция в статистике современной России // Молодой ученый. — 2017. — № 46. — С. 203–205. — URL <https://moluch.ru/archive/180/46475/> (дата обращения 13.03.2018).

объект данного преступления затрагивает общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Определенные трудности в юридической практике вызывает и квалификация данного преступления.

Так, когда правоприменитель дает уголовно-правовую оценку в случае, когда должностное лицо получает взятку одновременно от нескольких взяткодателей, он может столкнуться с проблемой, связанной с разграничением единичного преступления и совокупности преступных деяний.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» дает разъяснения по этому вопросу. В абз. 2 и 3 п. 21 постановления сказано, что «Совокупность преступлений отсутствует и в случаях, когда взятка или незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе получены или переданы от нескольких лиц, но за совершение одного действия (акта бездействия) в общих интересах этих лиц. Не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе, через посредника, взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких обстоятельствах образует совокупность преступлений»⁵.

Однако в юридической литературе некоторые авторы справедливо полагают, что «количество действий (актов бездействия), совершаемых за взятку, не может служить надежным критерием разграничения совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и единичного получения взятки»⁶.

Кроме того, при квалификации рассматриваемых преступных деяний правоприменители сталкиваются с проблемой разграничения совокупности преступлений от продолжаемого преступления. Особенно это касается случаев, когда способ совершения преступления выражается в передаче должностному лицу обещанного вознаграждения несколькими этапами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что квалификация коррупционных посреднических услуг, выразившихся в одновременной передаче должностному лицу взяток от нескольких взяткодателей, должна осуществляться

⁵ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. — № 24 // Российская газета. — № 154.

⁶ Капинус О. С., Ображиев К. В. Одновременное получение взятки от нескольких лиц: проблемы квалификации // Общество и Право. — 2016. — № 4 (58)

с учетом результатов уголовно-правовой оценки деяний взяткополучателя и взяткодателей. И если самостоятельно действующие взяткодатели передают через одного посредника взятки для одного должностного лица, то посредник, так же как и взяткополучатель, должен нести ответственность за совокупность преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. — № 154.
2. Официальный сайт Правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации // URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 14.02.2018).
3. *Капинус О. С., Ображиев К. В.* Одновременное получение взятки от нескольких лиц: проблемы квалификации // Общество и Право. — 2016. — № 4 (58).
4. *Корниленко Ю. А.* Коррупция в статистике современной России // Молодой ученый. — 2017. — № 46. — С. 203–205. — URL <https://moluch.ru/archive/180/46475/> (дата обращения 13.03.2018).
5. *Рахманова Е. Н.* Об укреплении доверия к судам и снижения коррупции // Адвокатская практика. — 2013. — № 6. — С. 29–34.

Винокурова М.Б.¹
Vinokurova M.B.

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО Ч. 1 СТ. 182 УК РФ

OPTIMIZATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY UNDER THE PART 1 OF ARTICLE 182 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматривается статистика, а также судебная практика по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, в аспекте законопроекта о частичной декриминализации части первой данной статьи.

Ключевые слова: преступления с использованием сети «Интернет», экстремистские преступления, национальная ненависти и вражда, декриминализация.

Summary: The article deals with statistics and judicial practice on the crimes provided for by article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the statistics and judicial practice in the aspect of the need for humanization of criminal legislation.

Keywords: crimes using the Internet, extremist crimes, national hatred and enmity, decriminalization.

За последние годы в Российской Федерации возросло количество преступлений, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по каким-либо социальным признакам, совершенных публично или с использованием средств массовой информации, в том числе с использованием сети «Интернет». Данный состав преступления предусмотрен ч. 1 ст. 282 УК РФ. По сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2016 году около 65 % всех экстремистских преступлений было совершено с использованием информационно-коммуникационных сетей².

В соответствии со статистическими данными Департамента Верховного Суда Российской Федерации, количество лиц, осужденных по ст. 282 УК РФ,

¹ ВИНОКУРОВА МАРИЯ БОРИСОВНА, студент 1 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Топильская Елена Валентиновна, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, Санкт-Петербург); VINOKUROVA MARIA BORISOVNA, the First-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Research Supervisor — Topilskaya Elena Valentinovna, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, St. Petersburg).

² Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — URL: <http://genproc.gov.ru/> (дата обращения 10.10.2018).

за последние 5 лет выросло более чем в два раза. Так, в 2013 году за данное преступление было осуждено 185 человек, в то время как в 2017 году обвинительные приговоры по данному составу преступления были вынесены в отношении 461 человека³.

К примеру, 12.09.2018 Пермским краевым судом был вынесен обвинительный приговор в отношении журналиста Юшкова Р., который был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, и приговорен к двум годам лишения свободы условно за опубликование в сети «Интернет» статьи «Хватит кормить чужаков». В своей статье Юшков Р. привел статистические данные подушного производства и потребления в разных республиках СССР из газеты «Комсомольская правда» и указал, что во всех республиках, где преобладало население нерусской национальности, потребляли в разы больше, чем производили. Таким образом, автор статьи сделал вывод, что в СССР происходило очевидное перераспределение ресурсов из русских регионов в нерусские.

Большой резонанс в обществе получил приговор Старооскольского городского суда Белгородской области в отношении А. Крузе, который был приговорен к двум с половиной годам колонии-поселения за репост четырех картинок, содержащих, по мнению стороны обвинения, признаки побуждения к совершению насильственных действий по отношению к евреям, кавказцам и азиатам.

Более мягкий приговор был вынесен Игринским районным судом Удмуртской области в отношении Шастина А. В., который 12.10.2017 был приговорен к двум годам лишения свободы условно за размещение с использованием сети «Интернет» комментария, содержащего отрицательное отношение пользователя к представителям негроидной расы⁴. Однако нужно заметить, что осуждение к уголовным наказаниям за посты в социальных сетях зачастую расценивается общественным мнением как посягательство на свободу слова и как преследование за выражение позиции. Поэтому сложившаяся ситуация требует взвешенного подхода, с соблюдением баланса между конституционными гарантиями прав граждан и положениями уголовной политики.

В связи с ростом числа уголовных дел об экстремистских преступлениях с использованием сети «Интернет», в целях установления единообразия судебного правоприменения, Пленум Верховного Суда Российской Федерации 20 сентября 2018 года внес изменения в постановление 2011 года

³ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. — URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 08.10.2018).

⁴ Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения 12.10.2018).

о судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности. В поправках Пленум Верховного Суда РФ указал, что привлечение к уголовной ответственности за выражение своего мнения должно быть исключительной мерой. Необходимо установить, что лицо, размещающее ту или иную информацию, осознавало, что его действия направлены против основ конституционного строя и имеют своей целью возбудить ненависть, вражду или унижить человеческое достоинство.

Также Верховный Суд пояснил, что помимо контекста и содержания информации экстремистского характера судебные инстанции должны учитывать тот факт, самостоятельно ли пользователем Интернета был создан пост, или же он был заимствован. Кроме того, необходимо оценить содержание всей страницы данного лица, выяснить, как действовал пользователь до и после размещения информации, пытался ли увеличить количество просмотров поста⁵.

Однако, несмотря на стремление к единообразию судебной практики, вопрос о необходимости привлечения к уголовной ответственности пользователей социальных сетей за размещения сообщений, содержащих экстремистский характер, остается дискуссионным.

С одной стороны, каждый человек должен нести ответственность за свои публичные высказывания, с уважением относясь к представителям всех национальностей, рас и социальных групп. С другой стороны, если исходить из определения преступления, как общественно опасного деяния, то в большинстве случаев высказывания пользователей социальных сетей не несут серьезную общественную опасность. По нашему мнению, большинство молодых людей, размещающих в Интернете сообщения экстремистского характера, делают это под влиянием моды, ради шутки, без мотива возбуждения ненависти или вражды к определенной социальной группе.

В настоящее время Президентом Российской Федерации внесен законопроект, частично декриминализирующий ст. 282 УК РФ. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано на то, что не во всех случаях привлечение к уголовной ответственности за деяния, предусмотренные частью первой статьи 282 УК РФ, является обоснованным. Президент Российской Федерации ссылается на упомянутое выше постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 23 «О внесении изменений

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации— № 32 от 20.09.2018 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года— № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»». — URL: <http://www.vsrif.ru/> (дата обращения 15.10.2018).

в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», согласно которому судам следует исходить из характера и степени общественной опасности содеянного. Таким образом, для того, чтобы исключить случаи привлечения лица к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства, проектом федерального закона предусматривается изложить в новой редакции статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой указанные в части первой этой статьи деяния будут признаваться уголовно наказуемыми в случае, если они совершены лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года⁶. В официальном отзыве Правительства Российской Федерации от 25.09.2018 законопроект был поддержан.

На наш взгляд, данные поправки в уголовное законодательство являются обоснованными и необходимыми в условиях сложившейся общественно-политической ситуации и развития научно-технического прогресса. В соответствии с принципами уголовного права наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния. Представляется, что если размещение в сети «Интернет» материала, который можно расценить как публичное возбуждение ненависти или вражды либо унижение человеческого достоинства по социальным признакам, совершено впервые, то привлечение виновного к административной ответственности является более соразмерным средством воздействия, чем уголовное наказание. Кроме того, стоит учитывать тот факт, что в России с каждым днем растет число пользователей социальных сетей, в настоящее время практически у каждого человека есть свой аккаунт и доступ к нему в любое время и в любом месте. Поэтому рост количества преступлений в Интернете представляется вполне объяснимым. Уголовное законодательство должно развиваться и изменяться с учетом тенденций современного общества. В связи с этим предложения Президента РФ по гуманизации уголовного законодательства в данной сфере представляются логичными и обоснованными. О полной декриминализации ст. 282 УК РФ, конечно, речи идти не может. Россия является многонациональным государством, в п. 2 ст. 29 Конституции которого закреплена недопустимость пропаганды или агитации, возбуждающей, в том числе, расовую или национальную ненависть и вражду. Таким

⁶ Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. — URL: <http://duma.gov.ru/> (дата обращения 12.10.2018).

образом, в уголовном праве должны быть установлены санкции за нарушение данной основы Конституционного строя. Однако, по нашему мнению, категория тяжести данного преступления должна быть изменена, его следует отнести к категории преступлений небольшой тяжести по степени общественной опасности, соответственно пределы уголовной ответственности за него должны быть пересмотрены.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 32 от 20.09.2018 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». — URL: <http://www.vsrp.ru/> (дата обращения 15.10.2018).
2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — URL: <http://genproc.gov.ru/>
3. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. — URL: <http://duma.gov.ru/>
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. — URL: <http://www.cdep.ru/>
5. Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <http://www.sudact.ru/>

*Власова Е. Д.*¹
Vlasova E. D.

ДЕТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

CHILDREN'S TERRORISM: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Аннотация. Проблема квалификации детского терроризма на сегодня является наиболее острой, ведь лица, не достигшие установленного законом возраста, не могут привлекаться к уголовной ответственности за террористический акт, но и проигнорировать содеянное законодатель не может в силу масштабности и бесчеловечности содеянного.

Ключевые слова: малолетние, терроризм, несовершеннолетние, ответственность, противозаконная деятельность.

Summary. The problem of legal qualification of children's terrorism is the most acute today, because persons who have not reached the legal age cannot be held criminally responsible for a terrorist act, but the legislator cannot ignore the act because of the scale and inhumanity of the act.

Keywords: infant, terrorism, juvenile, responsibility, illegal activities.

Понятие «терроризм» в Российской Федерации законодательно закреплено в ч. 1 ст. 205 УК РФ: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

Помимо Уголовного кодекса понятие «терроризм» регламентируется п. 1 ст. 3 Федерального Закона № 35 от 06.03.2006 г. «О противодействии терроризму»: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные

¹ ВЛАСОВА ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». (научный руководитель: Петровский Николай Казимирович, доцент кафедры уголовного права, Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербург); VLASOVA EKATERINA DMITRIEVNA, the Second-Year Student of Master's Degree at the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Research Supervisor — Petrovsky Nikolai Kazimirovich, Associate Professor of the Department of Criminal Law, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg).

с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»².

По общему правилу, физическое лицо подлежит уголовной ответственности за террористический акт с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Однако, как показывает практика, с каждым годом в осуществлении террористических актов всё больше задействовано несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, то есть признаваемых, согласно российскому законодательству, малолетними. Данное положение о возрастном цензе регулирует Гражданский кодекс Российской Федерации в ч. 1 и 2 ст. 28 ГК РФ: «... несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних)...», «Малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет...»³.

История не только России, но и мира знает много примеров, когда дети, не достигшие четырнадцати лет, совершали террористические акты. Массово такие случаи были распространены в России в 1990–2000-е годы в годы Первой и Второй чеченской кампании; в Европе 16 декабря 2016 двенадцатилетний мальчик пытался устроить теракт на рождественской ярмарке в городе Людвигсхафен-на-Рейне, расположенном на западе Германии, пытаясь привести в действие самодельное взрывное устройство, начиненное металлическими поражающими элементами, однако детонатор не сработал. И хотя ответственность за данное деяние взяла на себя запрещенная исламская группировка ИГ, факт остается фактом — исполнитель преступления — малолетний ребенок⁴.

В последние годы озабоченность многих криминологов вызывает резкое повышение общественно опасной активности подростков в возрасте 12–14 лет. Одних убийств такие лица совершают более 1 тыс. ежегодно. В связи с этим в криминологической и уголовно-правовой науке совершенно обоснованно поднимается вопрос о возможности и правомерности понижения нижнего возрастного порога ответственности за убийство и другие особо тяжкие преступления до 12–13 лет⁵.

Таким образом, де-юре — малолетние не могут быть привлечены к уголовной ответственности за террористический акт в силу недостижения

² Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ.

⁴ <https://meduza.io/news/2016/12/16/12-letnego-zhitelya-germanii-zapodozrili-v-popytke-ustroit-terakt-na-yarmarke>.

⁵ Бурлака С.А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: учебное пособие / БелЮИ МВД России. — 2-е изд. — Белгород, 2013.

необходимого для привлечения к уголовной ответственности возраста — 14 лет, хотя де-факто состав преступления есть.

Кроме того, важно учитывать такой момент, что к малолетним, несовершеннолетним не могут применяться пытки, жестокое обращение, совершаться иные действия, пагубно влияющие на их физическое и психологическое развитие. Данное право ребенка закреплено в ч. 1 ст. 40 Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989): «Государства — участники признают право каждого ребенка, который, как считается, нарушил уголовное законодательство, обвиняется или признается виновным в его нарушении, на такое обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе»⁶.

В связи с этим остается открытым вопрос — как квалифицировать содеянное данной возрастной группой лиц, в особенности, если только они являются и организаторами, и исполнителями преступления? Возможна ли отсрочка привлечения к уголовной ответственности в данном случае до достижения возраста 14 лет или лица останутся безнаказанными?

На наш взгляд, до наступления возраста уголовной ответственности за террористический акт (возраст — 14 лет) в уголовном законодательстве следует предусмотреть отсрочку назначения наказания для малолетних, совершивших туристические акты, помещая их в специальные воспитательные учреждения для малолетних под надзор воспитателей и сотрудников правоохранительных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001). — URL: <http://base.garant.ru/2561763> (дата обращения 17.09.2018).
3. *Бурлака С.А.* Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: учебное пособие / БелОИ МВД России. 2-е изд. — Белгород, 2013.

⁶ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).

Гоголев И. И.¹
Gogolev I. I.

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ
 В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

ADMINISTRATIVE PREJUDITION IN CRIMINAL LAW OF MODERN RUSSIA

Аннотация. В статье предпринята попытка сопоставления точек зрения сторонников и противников применения института административной преюдиции в уголовном праве современной России. Рассмотрены позиции ученых, касающиеся основных конституционных прав и свобод граждан, а также теоретико-правовые аспекты вопроса.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовное право, административное право.

Summary. The article attempts to compare the points of view of supporters and opponents of the use of the institution of administrative prejudice in the criminal law of modern Russia. The positions of scientists concerning the basic constitutional rights and freedoms of citizens, as well as theoretical and legal aspects of the issue are considered.

Keywords: Criminal law, administrative prejudice, administrative law.

На сегодняшний день среди составов преступлений, включенных в УК РФ существуют составы, сформированные на основе административной преюдиции. Однако в научных и практических кругах не утихают дискуссии о необходимости, целесообразности и правомерности включения указанного института в систему уголовного права современной России.

Рассмотрим аргументы как сторонников, так и противников введения института административной преюдиции², на основе которых сформируем комплексную позицию в отношении указанного института.

¹ ГОГОЛЕВ ИЛЬЯ ИГОРЕВИЧ — студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель — Безбородов Дмитрий Анатольевич, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербург); GOGOLEV ILYA IGOREVICH, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Research Supervisor — Bezborodov Dmitry Anatolyevich, Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor (St. Petersburg).

² См. об этом: Антонова Е. Ю. К вопросу о криминализации преступлений в административной преюдицией // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 3 ноября 2017 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный

Обобщая дефиниции понятия «административная преюдиция в уголовном праве», данные в учебной и научной литературе, можно сделать вывод о том, что административная преюдиция в уголовном праве — это институт права, предполагающий наступление уголовной ответственности за совершение нескольких одинаковых административных правонарушений за определенный период времени.

В таком случае, общественная опасность, необходимая для привлечения лица к уголовной ответственности, формируется не за счет совершения деяния, являющегося преступлением и, как следствие, обладающим общественной опасностью, а за счет наделения лица и его поведения признаками общественной опасности ввиду ее «накопления» путем многократного совершения административного правонарушения. Совершение нескольких административных правонарушений влечет за собой причинение существенного вреда частным и государственным интересам, создает у правонарушителя ощущение безнаказанности и незначительности применения к нему мер административной ответственности.

О личности преступника как о ключевом факторе, связующем административную преюдицию и предупреждение преступлений в своих работах пишет и В. П. Малков³, считая, что виновный при совершении повторных преступлений демонстрирует вызов обществу и тем самым обнаруживает свою повышенную опасность, которая формирует у него в дальнейшем преступный профессионализм⁴.

Распространена в профессиональных юридических кругах позиция А. З. Рыбак, согласно которой *«никому не представляется равнозначно подходить к разбою и краже по одному полену всей поленницы, однако личности преступников таковы, что если они похитили в первый раз полено, то затем, ощущая безнаказанность или “мягкость” наказания, они захотят похитить вязанку дров, а затем и всю поленницу, так “из кошки появится саблезубый тигр”»*⁵.

университет правосудия»; Отв. ред. д. ю. н., доц. Е. Н. Рахманова. — СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — С. 47–57; там же: Дикаева М. С., Дикаева Э. С. О криминологической обоснованности установления административной преюдиции за уголовно наказуемые побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 1161 УК РФ). — С. 141–147; Сафонов В. Н. Взаимодействие уголовного и административного права: социальные запросы и реальность // Библиотека криминалиста. — 2016. — № 4 (27). — С. 316–319.

³ Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. — Казань, 2006. — 140 с.

⁴ Юнусов А. А., Серкова Т. В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 1 (33).

⁵ Рыбак А. З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. — 2015. — № 2.

Такая позиция сторонников института административной преюдиции опровергается ее противниками аргументом о том, что административные правонарушения не наделяются законом признаком общественной опасности, а значит, ни по одному, ни в совокупности не могут стать общественно опасными. Кроме того, современная правовая действительность зиждется на аксиоме, закрепляющей возможность привлечения лица к ответственности только за конкретные действия (бездействие), запрещенные законом, что препятствует привлечению к какой бы то ни было ответственности за качества характера и намерения лица. В этом случае институт административной преюдиции выступает существенным нарушением основ публичного права и свидетельствует о неправовом усилении репрессивного механизма государства.

В. С. Комиссаров⁶, Н. Ф. Кузнецова⁷ полагают, что административные правонарушения, сколько бы лицо их не совершило, не обладают общественной опасностью, и потому не перерастут в преступление, как *«сто кошек не могут приобрести качества тигра»*.

Кроме того, сторонниками института административной преюдиции высказывается точка зрения, при которой административная преюдиция — мера гуманизации законодательства, направленная на защиту прав и законных интересов потерпевших лиц, препятствует профессионализации преступного сообщества. В таком случае к ответственности привлекается не лицо, совершившее общественно опасное деяние, а лицо, которое в силу сформировавшихся личных качеств, убеждений и направленности поведения само по себе несет общественную опасность.

Противники института административной преюдиции, в свою очередь, говорят о нарушении базового принципа права — «non bis in idem» — принципа, запрещающего наказывать лицо за одно и то же деяние дважды. Кроме того, указанный принцип сводит на нет рассуждения об общественной опасности личности преступника, так как такой вывод формируется за счет многократности совершения отдельных и самостоятельных правонарушений, за которое лицо уже понесло предусмотренную законом ответственность.

Также сторонники института административной преюдиции стоят на том, что административная преюдиция является эффективной мерой предупреждения преступлений, способной пресекать значительное количество преступлений, которые могут быть совершены потенциальными преступниками.

⁶ Курс уголовного права: учебник: В 5 т. Т. 3: особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. — М., 2002. — 470 с.

⁷ Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. — 2003. — № 1. — С. 3–19.

Однако, по нашему мнению, нецелесообразно среди множества превентивных мер избирать в качестве основной ту, что существенно нарушает права и свободы человека и гражданина притом, что современная криминологическая наука и иные науки правового характера, включающие в свой предмет профилактику совершения преступлений, предлагают достаточно широкий спектр научно обоснованных методов и методик предупреждения преступлений, работы с детьми раннего и подросткового возраста, потенциально опасными категориями населения и социальными группами повышенного риска.

Таким образом, административная преюдиция в рамках уголовного права не может рассматриваться ни как правовой механизм гуманизации уголовного законодательства, ни как мера профилактики преступлений и препятствования профессионализации преступности.

По нашему мнению, цели, на достижение которых направлена административная преюдиция, могут быть достигнуты иными правовыми и неправовыми (социологическими, криминологическими, педагогическими, экономическими) мерами, спектр которых достаточно широк и разнообразен притом, что такие меры не посягают на основополагающие конституционные принципы привлечения к ответственности, не создают правовой неопределенности и служат надлежащей защите прав и свобод человека в правовом государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Антонова Е. Ю. К вопросу о криминализации преступлений в административной преюдицией // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 3 ноября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; Отв. ред. д. ю. н., доц. Е. Н. Рахманова. — СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — С. 47–57.
2. Дикаева М. С., Дикаева Э. С. О криминологической обоснованности установления административной преюдиции за уголовно наказуемые побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 1161 УК РФ) // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 3 ноября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; Отв. ред. д. ю. н., доц. Е. Н. Рахманова. — СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — С. 141–147.
3. Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. — 2003. — № 1. — С. 3–19.
4. Курс уголовного права: учебник / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. В 5 т. Т. 3: особая часть. — М., 2002. — 470 с.
5. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. — Казань, 2006.
6. Рыбак А. З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. — 2015. — № 2.

7. Сафонов В. Н. Взаимодействие уголовного и административного права: социальные запросы и реальность // Библиотека криминалиста. — 2016. — № 4 (27). — С. 316–319.
8. Юнусов А. А., Серкова Т. В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 1 (33).

Дубровина Е. С.¹
Dubrovina E. S.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**CURRENT PROBLEMS OF THE HUMANIZATION
OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION**

Аннотация. В последнее десятилетие уголовное законодательство активно совершенствуется с учетом произошедших в стране политических, социальных и экономических преобразований. В статье рассматриваются проблемы модернизации уголовного законодательства, возникающие в связи с политикой гуманизации. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о необходимости конкретизации условий реализации принципа гуманизма на современном этапе развития России для повышения результативности внутренней политики государственной власти.

Ключевые слова: уголовное право РФ, УК РФ, уголовно-правовая политика, гуманизация уголовного законодательства, принцип гуманизма.

Summary. In the last decade, the criminal legislation has been actively improved in the light of the political, social and economic changes that have taken place in the country. The article deals with the problems of modernization of criminal legislation arising in connection with the policy of humanization. The analysis made allows us to conclude that it is necessary to specify the conditions for implementing the principle of humanism at the present stage of Russia's development in order to increase the effectiveness of the internal policy of the government.

Keywords: criminal law of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, criminal policy, the humanization of criminal law, the principle of humanity.

Модернизация уголовного законодательства обусловлена процессами мировой глобализации и быстрыми темпами научно-технического прогресса. Последовательное развитие и реализация провозглашенных в Уголовном Кодексе принципов, необходимость обеспечения охраны и защиты прав человека и гражданина привели к распространению глобализационных процессов на уголовное право Российской Федерации. Международно-правовые нормы определяют основные направления развития уголовно-правовой политики в отечественном уголовном праве.

¹ ДУБРОВИНА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА, аспирант Московского государственного областного университета (МГОУ), Институт экономики, управления и права, кафедра уголовного права (Москва); DUBROVINA EKATERINA SERGEEVNA, Postgraduate Student, Moscow State Regional University (MSRU), Institute of Economics, Management and Law, Department of Criminal Law (Moscow).

Уголовно-правовая политика — главная составляющая государственной политики противодействия преступности и направление деятельности публичной власти в сфере защиты наиболее значимых для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений от преступных посягательств. Отражается в принципах определения круга преступных деяний, их законодательных признаков, формулировании идей и принципиальных положений, форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность в целях ее снижения и нейтрализации негативного влияния на социальные процессы².

Принцип гуманизма представляет собой признание ценности человеческой личности как активного и разумного индивида, который имеет право на жизнь, свободу, всестороннее и гармоничное развитие и реализацию своих способностей, а также на соблюдение и осуществление этих прав. Сущность данного принципа — общечеловеческие нравственные ценности, отражающие гуманность общественных взаимоотношений. Содержание можно рассматривать в философском, историческом и юридическом аспектах. Гуманизм является многоаспектным явлением и выступает в качестве принципа цивилизованных отношений.

Гуманизация уголовного законодательства — прогрессивный, исторически продиктованный процесс развития, ставящий своим приоритетом внедрение общечеловеческих ценностей и обеспечение гарантий их реализации с целью учета интересов человека, его прав и свобод, индивидуальных особенностей его личности в уголовном судопроизводстве. Действующее российское уголовное законодательство закрепляет принцип гуманизма, который призван обеспечивать безопасность гражданина и не допускать унижения человеческого достоинства при назначении наказания. Президент РФ в послании Федеральному Собранию в 2008 г. отметил важность гуманизации уголовного закона: «...нельзя забывать и о таком принципиальном вопросе, как гуманизация закона и порядка его применения»³. С того момента государством был взят курс на гуманизацию, которая стала основополагающим направлением реформы уголовно-правовой системы. Гуманизация уголовного законодательства — процесс изменения уголовного закона и практики его применения, который осуществляется для роста степени криминальной безопасности человека и утверждения принципов равенства, справедливости, человечности. Ведущие направления процесса гуманизации уголовного законодательства

² Савенков А. Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 5–13.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>.

России: улучшение правового положения личности в уголовном праве; декриминализация отдельных видов преступлений; совершенствование и смягчение системы уголовных наказаний, модернизация уголовно-исполнительных норм⁴.

Тем не менее, на сегодняшний день существует достаточно большой круг актуальных проблем и задач, возникающих в процессе модернизации уголовного законодательства. Существует возможность выделить самые главные проблемы, требующие активного решения в скорейшие сроки, это своеобразная основа для деятельности по устранению существующих препятствий, встающих на пути модернизации уголовного права.

1. В уголовном праве возникают ситуации отсутствия норм, необходимых для разрешения нуждающихся в правовом регулировании обстоятельств. Правовые новеллы уголовного закона нередко вступают в противоречие с другими нормами уголовного законодательства. Связано это с недостаточностью научной проработки, отсутствием учета практики применения действующих нормативных правовых актов и хаотичным характером вносимых изменений в законодательство. Предложения о внесении изменений и дополнений зависят от резонансных событий, происходящих в обществе. Для решения данной проблемы необходимо, чтобы процессу внесения любых изменений и дополнений, предшествовала криминологическая оценка вносимых преобразований, а также научно-практический разбор с участием ведущих экспертов и специалистов в области уголовного права.

2. Система санкций, установленная УК РФ, предусматривает слишком широкий диапазон ответственности за одно и то же деяние при отсутствии четких критериев оценки обстоятельств его совершения. В связи с этим необходимо устранение противоречий и неполноты системы правовых последствий совершения преступлений, установленных уголовным законом. Вместе с этим важно продолжать разработку мер освобождения от наказания лиц, которые не представляют для общества опасности.

3. Игнорирование на практике судами возможности сменить категорию преступления на более мягкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. За прошедший 2017 г. приговор смягчили 0,5 % от числа всех осужденных за преступления средней, тяжкой и особо тяжкой категорий. С целью помочь судам гуманизировать и индивидуализировать наказание, используя нормы действующего законодательства, в мае 2018 г. Верховный Суд принял постановление, разъясняющее вопросы учета смягчающих обстоятельств. Судьям

⁴ Половинко Т.Ю., Подройкина И.А. Направления развития российского уголовного права с учетом влияния международного опыта // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2017.— № 4 (29). — С. 71–76.

рекомендуется проверять возможность применения смягчения приговора в каждом конкретном случае⁵. Ожидается, что это должно помочь решить названную проблему и способствовать активному использованию данной нормы закона, появлению практики.

4. До сих пор судами активнее всего применяется наказание в виде лишения свободы. Несмотря на то, что лишение свободы — вынужденная мера за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Для решения этой проблемы необходимо расширение практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы. Кроме того, необходимы изменения в законодательной регламентации лишения свободы и наказаний, не связанных с лишением свободы⁶.

5. За годы осуществления уголовного судопроизводства с участием коллегии присяжных заседателей был выявлен целый ряд проблем правоприменения (к примеру, проблемы формирования коллегии присяжных). Необходимо расширять границы участия граждан в уголовном судопроизводстве и развивать институт суда присяжных.

6. Требуется разработка механизма конфискации ценностей, денег, имущества и доходов, полученных преступным путем и дальнейшее закрепление в отдельном законе, регулирующем сферу борьбы с уклонениями от уплаты налогов, коррупцией, отмыванием денег, финансированием терроризма. В первую очередь детальное регулирование должно касаться конфискации имущественных активов, которые находятся на территории иностранного государства. Проблема возврата нелегально выведенных за рубеж денежных средств является фундаментальной на сегодняшний день для всего мирового сообщества.

7. Комплекс проблем, связанных с экстрадицией требует своего разрешения и законодательного урегулирования. Выдача своих граждан, совершивших преступление на территории другого государства; выдача иностранных граждан для привлечения их к ответственности в родном государстве; конкуренция уголовных юрисдикций между государством, которому был причинен вред и государством, гражданином которого является лицо, совершившее преступление, чтобы осуществить правосудие; проблемы беженцев.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 г. Москва «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065/.

⁶ *Непомнящая Т.В.* Гуманизация практики назначения уголовных наказаний: желаемое и действительное // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2017. — № 3 (52). — С. 135–139.

8. В совершенствовании нуждается система постпенитенциарного воздействия для предотвращения совершения рецидива преступлений. Вместе с этим требуется совершенствование ресоциализирующего аспекта уголовно-правовой политики для того, чтобы отбывший наказание человек мог приспособиться к жизни в обществе, мог начать новую жизнь, исправиться, не смотря на то, что однажды он оступился. Именно тут важную роль играет гуманное отношение социума к бывшим осужденным. Поэтому следует упомянуть проблему правового информирования населения и формирования правосознания граждан, которая очень широко охватывает весь процесс гуманизации уголовного права, касается каждой возникающей проблемы при внесении новелл в законодательство.

9. В условиях активного развития общества особое внимание необходимо обращать на правовое регулирование киберпространства, цифровой экономики, искусственного интеллекта. На современном этапе быстро развиваются информационные технологии. Новые технологии нередко используются в преступных целях, которые не ограничены государственными границами, данная проблема носит транснациональный характер. Преступления в сфере высоких технологий ежегодно увеличиваются в объеме преступного оборота⁷. Необходимо исследование, изучение, описание новых преступных деяний, методов противодействия, пресечения и расследования.

Уголовно-правовая политика активно предпринимает меры для решения существующих проблем. Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 гг. просит сконцентрировать внимание на противодействии транснациональной преступности, на преступлениях в сфере новых технологий и на новых технологиях как орудии управления процессами преступности. Данные направления уголовной политики отражают реальность XXI века. Актуальность изучения проблем гуманизации определяется представлением о значении принципа гуманизма в обеспечении прав и свобод человека в уголовном законодательстве. В связи с тем, что обеспечение их реализации не должно нарушать права и законные интересы и законопослушных граждан и лиц, совершивших преступления. Для достижения целей гуманизации уголовного права необходимым условием является то, гуманный подход должен быть одинаковым по отношению абсолютно к каждому человеку⁸. Прежде

⁷ Иванчин А. В. Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 годы: достоинства и недостатки // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2017. — № 3 (41). — С. 54–58.

⁸ Кашепов В. П., Гравина А. А., Кошаева Т. О. Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / Под общей ред. В. П. Кашепова / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ИНФРА-М, 2015.

всего, требуется изменить стратегию деятельности государства в сфере противодействия преступности, и для достижения повышения эффективности уголовной политики важно продолжать гуманизацию уголовно-правовой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 г. Москва «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065/.
2. *Иванчин А. В.* Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 годы: достоинства и недостатки // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». — 2017. — № 3 (41). — С. 54–58.
3. *Кашепов В. П., Гравина А. А., Кошаева Т. О.* Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / Под общей ред. В. П. Кашепова / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ИНФРА-М, 2015.
4. *Непомнящая Т. В.* Гуманизация практики назначения уголовных наказаний: желаемое и действительное // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2017. № 3 (52). — С. 135–139.
5. *Половинко Т. Ю., Подройкина И. А.* Направления развития российского уголовного права с учетом влияния международного опыта // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2017. — № 4 (29). — С. 71–76.
6. *Савенков А. Н.* Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 5–13.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>.

*Епифанова Н. А.*¹
Epifanova N. A.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**A LEGAL ENTITLY AS A MEMBER OF THE CRIMINAL PROCIDING.
HISTORICAL ASPECT**

Аннотация. В работе изложена позиция автора по вопросу участия юридических лиц в уголовном процессе. Проводится сравнительный анализ с законодательством СССР. Делаются выводы относительно нынешнего устройства процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, юридические лица, участник процесса, конституционные принципы.

Summary. In work, the author's position on the participation of legal entities in the criminal trial is stated. The comparative analysis with the legislation of the USSR is carried out. Conclusions of rather a present device of a process are drawn.

Keywords: criminal trial, legal entities, participant of process, constitutional principles.

Разделение предметов защиты уголовного закона являлось одним из проявлений особого характера советского государства, основанного на господстве особой формы собственности на средства производства — всенародной (социалистической). Для реализации таких постулатов в нормах советского уголовного права собственность достаточно однозначно разделилась на социалистическую и личную к моменту принятия Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»² и «Об уголовной ответственности за хищение государственного

¹ ЕПИФАНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Рахманова Е. Н., зав. кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербург); EPIFANOVA NATALYA ALEKSEEVNA, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor: Rakhmanova Ekaterina Nikolaevna, Head of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor, St. Petersburg)

² См: Указ Президиума ВС СССР от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан» // Ведомости ВС СССР. — 1947. — № 19.

и общественного имущества»³. При этом пока признавалась в качестве самостоятельного предмета охраны советским уголовным правом наряду с государственным имуществом «колхозное, кооперативное или иное общественное имущество». Такое разделение вполне соответствовало представлениям о многоукладном характере тогдашней советской экономики. В частности, И. В. Сталин в своей статье «Экономические проблемы социализма в СССР» характеризовал его следующим образом: «В настоящее время у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная — общенародная, и колхозная, которую нельзя назвать общенародной. В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность. В колхозных же предприятиях, хотя средства производства (земля, машины) и принадлежат государству, однако продукция производства составляет собственность отдельных колхозов, так как труд в колхозах, как и семена, — свой собственный, а землей, которая передана колхозам в вечное пользование, колхозы распоряжаются фактически как своей собственностью, несмотря на то, что они не могут ее продать, купить, сдать в аренду или заложить»⁴.

Указанные выше особенности советской экономики того периода отражались также и в особенностях организации правоохранительных органов, среди которых можно отметить принятие постановления СНК РСФСР от 6 февраля 1924 года «О ведомственной милиции» в котором указывалось, что «... охрана разного рода имущества, принадлежащего предприятиям и учреждениям, а также частным предприятиям, имеющим государственное значение, возлагается на существующую общую милицию, с передачей ей всех обязанностей по охранению общественного порядка, спокойствия и революционной законности в пределах территорий, занимаемых вышеуказанными предприятиями и учреждениями». На основании этого постановления в рамках существующей общей милиции предлагалось сформировать дополнительные штаты милиционеров, содержащиеся за счет заинтересованных в охране ведомств и предприятий.⁵ Как видно из вышеприведенных документов, особый режим негосударственной коллективной собственности отражался не только в введении в уголовное право отдельных составов преступлений, но и в особом порядке

³ См: Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947 «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» // Ведомости ВС СССР. — 1947. — № 19.

⁴ См: *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР // *Сталин И. В.* Сочинения. — Т. 16. — М.: Писатель, 1997. — С. 164.

⁵ См.: *Ерин Д. А.* Подзаконное нормотворчество должностных лиц советской милиции в сфере обеспечения охраны социалистической собственности в первые годы НЭПа // Пробелы в российском законодательстве. — 2009. — № 4. — С. 317–319.

охраны такой собственности, а также особом порядке финансирования такого рода правоохранительной деятельности. Следует однако отметить, что уже с появлением в 1937 году в структуре НКВД отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в сферу внимания указанного органа попадают организации всех существовавших в то время форм собственности (как государственной, так и разного рода кооперативной)⁶. Полагаю, что к данному моменту уже вполне обозначились применительно к правоохранительной деятельности советского государства коренные отличия личного и общественного имущества в качестве объекта преступных посягательств.

Окончательным закреплением обобщенного понятия «социалистическая собственность» в уголовном праве можно считать принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, в котором соответствующие составы преступлений объединяются в главу вторую «Преступления против социалистической собственности», а в текстах статей данной главы речь идет о «государственном или общественном» имуществе в качестве объекта соответствующих преступных посягательств.

Анализ отдельных статей Кодекса позволяет сделать вывод о том, что на момент его принятия имущественные отношения в СССР не представляли такой однозначной схемы, как высказываемое многими современными исследователями, таким как Гамидуллаева Х. С., Анисимов В. Ф., Скоробогато А. В., прямое противопоставление предметов охраны из второй и пятой глав. Это видно из ст. 94 УК РСФСР «Причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием», которая специально выделяет в качестве потерпевшего — государство или общественную организацию. То есть имущество, о котором идет речь в УК, представляет собой не однородный массив, а подразделяется на обобщенно государственное и имеющее в качестве владельца конкретную общественную организацию. При этом в формулировках иных составов преступления признается существование и иных субъектов права собственности, кроме граждан, государства и общественных организаций. В частности, в ст. 151 УК РСФСР речь идет о собственности «объединений, не являющихся социалистическими организациями», а в ст. 168 УК РСФСР допускается возможность причинения «значительного ущерба колхозу, совхозу или другому государственному или общественному хозяйству».

⁶ См: *Постников С. В.* Становление и развитие органа, осуществляющего правоохранительную функцию государства в сфере экономики в период с 1937 по 1991 год (на примере отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* — 2014. — № 2 (26). — С. 262–267.

Такое имеющее на первый взгляд место противоречие по вопросу соотношения государственной и иных форм собственности разрешалось совокупностью положений гл. 2 Конституции СССР 1977 года, в которой в ст. 10 закрепляется понятие «социалистическая собственность» в отношении средств производства, существующая в СССР в формах «государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной». При этом, кроме средств производства, социалистическую собственность могло составлять также «имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач»⁷.

Причем, в соответствии с положениями ст. 13 Конституции СССР 1977 года «в личной собственности могут находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения», а положениями ст. 17 допускалась «индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей»⁸.

Как видно из процитированных выше положений, участие в уголовном процессе советского государства теоретически носило двойственный характер: с одной стороны, это была обычная для любого общественного устройства правоохранительная деятельность, а, с другой, государство выступало в качестве собственника большей части имущества, не являющегося личным имуществом граждан. Так, ст. 11 Конституции СССР прямо устанавливалось, что «государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства»⁹.

Таким образом, с точки зрения стоявших перед советским государством задач и особой роли в нем социалистической собственности, представляется вполне обоснованным выделение в тот момент в уголовном праве такого объекта, как социалистическая собственность в особый объект преступных посягательств с отдельными относительно иного имущества составами преступлений и порядком защиты.

⁷ См: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.; Очерк истории Советской Конституции. — М.: Политиздат, 1987.

⁸ См: Там же.

⁹ См: Там же.

При этом следует отметить, что в уголовном процессе того времени потерпевшим признавалось лишь физическое лицо (ст. 53 и 136 УПК РСФСР), а «предприятие, учреждение или организация» могли участвовать в уголовном процессе в качестве гражданского истца (ст. 54 и 137) или гражданского ответчика (ст. 55 и 138)¹⁰.

Примерно в таком состоянии советское уголовное право застала смена общественно-экономической формации. И, если вполне логичным казались нормы Федерального закона от 1 июля 1994 года № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», исключаящие из Уголовного кодекса РСФСР составы преступлений в отношении социалистической собственности, то совершенно без внимания остался вопрос адекватного представительства в уголовном процессе интересов частной собственности, принадлежащей юридическим лицам¹¹. И даже нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 года о возможности признания потерпевшим юридического лица не решили данной проблемы.

Более того, в период фактического отсутствия адекватного представительства частного предпринимательского интереса в правоохранительной деятельности государства стихийно выработались или приспособились к существующим условиям такие меры самозащиты предпринимательского права как частная охранная и детективная деятельность и страхование соответствующих рисков.

Участие юридических лиц в уголовном процессе по-прежнему вызывает определенные трудности (в основном, в процессе реализации прав и обязанностей потерпевшего), неизвестные, например, советскому уголовному праву, отделявшему потерпевших юридических лиц по форме собственности (ст. ст. 89–101 УК РСФСР) в отдельный объект преступных посягательств (социалистическая собственность) с другим порядком представительства потерпевших (ст. 53–55 УПК РСФСР) в уголовном процессе.

В результате это привело к тому, что вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением юридическому лицу, решаются зачастую отдельно и вне зависимости от соответствующего уголовного процесса. В качестве примера можно привести рассматривавшее арбитражными судами дело № А56–78097/2013 по иску Общества с ограниченной ответственностью «Золотой дисконт» к Закрытому акционерному обществу «Страховое акционерное общество «ГЕФЕСТ», Обществу с ограниченной ответственностью

¹⁰ См: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР: В 9 тт. Т. 8. — С. 613.

¹¹ См: Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства РФ. — 04.07.1994. — № 10. — Ст. 1109.

«Частное охранное предприятие «ФОРТ-С» и Обществу с ограниченной ответственностью «Охранное предприятие «АРЕС» о взыскании 3 413 296,22 рублей страхового возмещения, 3 215 564,57 рублей в возмещении убытков, солидарно. Указанная выше сумма являлась, по мнению истца, совокупным ущербом от открытого похищения ювелирных изделий из принадлежащего истцу ювелирного магазина. По данному факту постановлением от 09.08.2013 года возбуждено уголовное дело по части 3 статьи 162 УК РФ. Постановлением от 19.08.2013 года Общество признано потерпевшим по уголовному делу № 60560. Постановлением от 20.11.2013 года уголовное дело № 60560 приостановлено за розыском неустановленного лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Таким образом, отсутствие вступившего в законную силу приговора по уголовному делу не помешало арбитражному суду сделать вывод о факте совершенного преступления и о размере причиненного им ущерба¹².

Приведенный выше пример достаточно однозначно свидетельствует о том, что, хотя равенство всех форм собственности формально продекларировано в отечественном уголовном праве с 1997 года, особенности его реализации вынуждают юридические лица искать иные способы защиты от причиняемого преступлениями ущерба, зачастую игнорируя предполагаемые отечественными уголовно-процессуальными нормами способы. Привлечение в этом процессе арбитражных судов дополнительно подрывает еще и авторитет судебной системы, создавая положение, при котором одни органы судебной власти выносят решения по вопросам, которые должны становиться предметом исследования других судебных органов. Возможно безусловный отказ от принципов советской уголовно-правовой доктрины, разделявшей предметы преступных посягательств в числе прочего на собственность коллективных и индивидуальных субъектов, был не самым лучшим способом реализации конституционного принципа равенства всех форм собственности, ведь общественная опасность покушений на собственность юридических лиц (обеспечивающая зачастую интересы множества связанных с этим юридическим лицом отдельных субъектов) имеет явно иную природу, нежели у покушений на личную собственность граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президиума ВС СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6083#07978808380144683>.

¹² См: Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ed968d72-e9d6-46c4-bced-8f54bafa150b>.

2. Указ Президиума ВС СССР от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14597#07156154988158915>.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР», т. 8, с. 613 URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=34685&rnd=C3D0CB9C7E0EC3D5AED703D5AEEB99E7&dst=101743&fld=134#06322166346090321>.
4. Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР». URL: <http://base.garant.ru/1309410>.
5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.; Очерк истории Советской Конституции. — М.: Политиздат, 1987.
6. *Ерин Д.А.* Подзаконное нормотворчество должностных лиц советской милиции в сфере обеспечения охраны социалистической собственности в первые годы НЭПа // Пробелы в российском законодательстве. — 2009. — № 4. — С. 317–319.
7. *Постников С.В.* Становление и развитие органа, осуществляющего правоохранительную функцию государства в сфере экономики в период с 1937 по 1991 год (на примере отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 2 (26). — С. 262–267.
8. *Сталин И.В.* Сочинения: В 18 тт. Т. 16. — М.: Писатель, 1997.

Иващенко К. А.¹
Ivashchenko K. A.

**КОНКУРЕНЦИЯ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 178 УК РФ**

COMPETITION OF COMMON AND SPECIAL NORMS IN SOLVING THE ISSUE ON
CRIMINAL RESPONSIBILITY EXEMPTION FOR THE CRIMES NAMED IN ART. 178
OF CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы соотношения норм Общей и Особенной части Уголовного кодекса РФ, регулирующие порядок и условия освобождения от уголовной ответственности при совершении преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Автором сделаны выводы о конкуренции и порядке применения ст. 76¹ УК РФ и примечания к ст. 178 УК РФ относительно субъектов преступления.

Ключевые слова: конкуренция норм Общей и Особенной частей УК РФ

Summary. This article discusses Criminal Code of the Russian Federation Common and Special Part norms relations in governing the procedure and conditions for exemption from criminal responsibility for committing a crime named in Art. 178 of the Criminal Code. The author made conclusions about the competition and for application procedure of Art. 76¹ of the Criminal Code and the notes to Art. 178 of the Criminal Code regarding the subjects of the crime.

Keywords: competition of norms of the General and Special Sections of the Criminal Code of the Russian Federation.

В настоящее время в сфере противодействия экономической преступности государство весьма активно применяет нормы стимулирующе-компенсационного характера, что в значительной степени вызвано принятием общего курса на гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства. Одним из проявлений такого подхода выступает возможность применения института освобождения от уголовной ответственности посредством его отражения в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Действующий уголовный закон в Общей части УК РФ содержит отдельную главу, посвященную данному институту уголовного права. Кроме того, в Особенной части УК РФ в целом ряде статей, устанавливающих ответственность

¹ ИВАЩЕНКО КРИСТИНА АНДРЕЕВНА, аспирант ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», начальник отдела по борьбе с картелями Санкт-Петербургского УФАС России (Санкт-Петербург); IVASHCHENKO KRISTINA ANDREEVNA, Graduate Student of the Russian State University of Justice, Head of the Anti-Cartel Department of St. Petersburg OFAS Russia (St. Petersburg).

за совершение экономических преступлений, предусмотрены основания освобождения от уголовной ответственности в виде примечаний к статьям Особенной части, в которых речь идёт о позитивном поспреступном поведении виновных лиц², указываются конкретные обстоятельства и ожидаемое поведение от виновного лица, в результате которых лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности. При этом необходимо отметить, что освобождение от уголовной ответственности — это обязанность правоприменителя, а не его право. Таким образом, нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности, следует отнести к императивным и учитывать особенности таких норм при их применении на практике. Это в полной мере относится и к ст. 178 УК РФ.

Подобная практика смягчения ответственности позволяет, с одной стороны, соблюсти публично-правовой баланс между тяжестью и неотвратимостью наказания, а, с другой, способствует эффективности работы по предотвращению и пресечению картелей. Данный институт получил широкое распространение в европейских странах и успел положительно зарекомендовать себя³.

С учетом особенностей состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, более детальному изучению и толкованию подлежат основания, предусмотренные ст. ст. 75 (Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием), 76 (Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим), 76¹ (Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности), 76² (Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа), 78 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности).

Анализ вышеперечисленных статей и ч. 3 примечания к ст. 178 УК РФ, в которой установлены специальные условия освобождения от уголовной ответственности, отличные от норм общей части, позволяет говорить о наличии конкуренции уголовно-правовых норм, которая подлежит разрешению применительно к рассматриваемому составу преступления.

Под конкуренцией уголовно-правовых норм понимается ситуация, при которой возможно применение сразу нескольких оснований освобождения от уголовной ответственности, однако применить следует только одно из них. В уголовном праве существует правило, согласно которому, если возможно применение одновременно общей и специальной нормы, применяется

² Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / РГУП / Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М., 2017. — С. 209.

³ *Суслов Е.* Программа смягчения ответственности за картели. Практика России, Великобритании и ЕС, Конкуренция и право (<http://www.cljournal.ru/nomer03/64.html>)

специальная норма. Таким образом, возникает необходимость разграничить рассматриваемые нами нормы относительно сформулированного правила.

Поскольку конкуренция норм может возникать как в пределах одной части УК РФ, так и между нормами, находящимися в разных частях, то изначально следует определиться со специальной нормой Общей части и ее последующим соотношением с примечанием к ст. 178 УК РФ.

Из рассматриваемых нами статей Общей части, освобождающих лицо от уголовной ответственности, не подлежит применению ст. 76 УК РФ (применение с потерпевшим), поскольку объектом уголовно-правовой защиты при совершении преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, является сфера экономической деятельности, а вред, причиненный потерпевшему в результате совершенного деяния — это последствие, которое не влияет на признание нормы специальной.

Ст. 78 УК РФ (в связи с истечением сроков давности) также не подлежит рассмотрению, поскольку регламентирует пресекательный срок, при наступлении которого подлежит прекращению всякое дальнейшее уголовное преследование вне зависимости от состава преступления и наличия конкуренции норм.

Таким образом, в Общей части между собой конкурируют нормы, предусмотренные статьями 75, 76¹, 76² УК РФ. По нашему мнению, с учетом отражения в ст. 76¹ УК РФ непосредственно состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ, а оставшиеся статьи подлежат применению в общем порядке, то именно ст. 76¹ является специальной нормой Общей части, которая, в свою очередь, конкурирует с примечанием к ст. 178 УК РФ.

При решении вопроса о том, какая из норм является специальной, необходимо рассмотреть условия их применения, которые приведены в таблице № 1.

Анализ таблицы позволяет сделать вывод, что ст. 76¹ УК РФ является специальной нормой для ч. 1 ст. 178 УК РФ и применяется к любому участнику антиконкурентного соглашения, вне зависимости от очередности сообщения лицами о совершении ими преступления.

В то же время примечание к рассматриваемой статье распространяет свое действие на все ее части, включая квалифицированные составы. Более того, согласно п. 3 примечания к ст. 178 УК «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно *первым из числа соучастников преступления* добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Таблица № 1.

<i>Статья 76¹ УК РФ</i>		<i>Примечание 3 к статье 178 УК РФ</i>
— статья распространяется только на ч. 1 ст. 178 УК РФ		В примечании не отражено ограничение по его действию
— преступление совершено впервые		— первым из числа соучастников общило о преступлении
— лицом, совершившим преступление, в полном объеме возмещен причиненный потерпевшему ущерб		
лицо, совершившее преступление перечислило:	в бюджет возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба	— возместило ущерб или иным образом загладило вред
	в бюджет доход, полученный в результате совершения преступления и денежное возмещение, в размере двукратной суммы дохода	
	в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления и денежное возмещение, в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления	— активно способствовало раскрытию или расследованию
	перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и денежное возмещение, в двукратном размере этой суммы	— в действиях нет иного состава

Конструкция указанных норм свидетельствует о том, что лицу, совершившему преступление с квалифицирующими признаками (ч. 2 и ч. 3 ст. 178 УК РФ), законодателем не предоставлена возможность освобождения от уголовной ответственности по ст. 76¹ УК РФ.

Проведенный анализ общей и специальной нормы при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности за совершение анализируемого преступления, позволяет сделать вывод, что содержащееся в законе примечание 3 к ст. 178 УК РФ предъявляет к первому лицу, добровольно сообщившему о преступлении, меньшее количество требований и условий. При этом положения ст. 76¹ УК РФ подлежат применению к остальным участникам антиконкурентного соглашения, совершившим деяние, подпадающие только под признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ, а также регламентируют более строгие требования и условия для освобождения от уголовной ответственности.

В этом видится попытка законодателя обеспечить снижение латентности указанного преступления за счет активного содействия следствию со стороны первого из соучастников антиконкурентного соглашения. В этом также можно отметить попытку гармонизации законодателем порядка освобождения от ответственности за участие в картеле, предусмотренного административным и уголовным законодательством.

Вместе с тем ни теоретические, ни эмпирические исследования результатов внедрения программ ослабления наказания за участие в картеле не позволяют сделать вывод об их однозначной эффективности. В самом общем виде вывод исследователей в данной сфере можно сформулировать следующим образом: программа может достичь поставленных перед ней целей, но конечный результат будет зависеть от того, как будет сконструирована программа⁴.

На сегодняшний день и без того перегруженная ввиду своей бланкетности и альтернативности квалифицирующих признаков ст. 178 УК РФ дополнительно усложнена порядком применения норм об освобождении от уголовной ответственности участников картельного сговора. На наш взгляд, это еще больше усложняет применение ст. 178 УК РФ. В связи с чем видится необходимой гармонизация ст. 76¹ и 178 УК РФ в части установления единых требований для освобождения от уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлова Н. С. Экономические основания освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства: дисс. ... канд. эконом. наук. — М., 2013.
2. Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / Под ред. Е. Н. Рахмановой; РГУП. — М., 2017.
3. Суслов Е. Программа смягчения ответственности за картели. Практика России, Великобритании и ЕС, Конкуренция и право (<http://www.cljournal.ru/nomer03/64.html>).

⁴ Павлова Н. С. Экономические основания освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства: дисс. ... канд. экон. наук. — М., 2013. — 190 с.

*Исакова Д. Д.*¹
Isakova D. D.

КОНТРОЛЬ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

MONEY FLOWS CONTROL AS A METHOD OF STRUGGLE AGAINST ORGANIZED CRIME

Аннотация. Автор данной статьи исследует проблему необходимости контроля денежных потоков граждан с целью уменьшения доли теневой экономики в государстве и влияния организованной преступности.

Ключевые слова: деньги, контроль, теневая экономика, легализация доходов, организованная преступность.

Summary. The author of this article explores the problem of the need to control the cash flows of citizens in order to reduce the share of the shadow economy in the state and the influence of organized crime.

Keywords: money, control, shadow economy, income legalization, organized crime.

В современном мире подавляющее большинство финансовых операций подлежат контролю, ведь нас окружает множество платежных средств, таких как: банковские карты, электронные карты, электронные платежные системы, которые не позволят совершить их бесследно.

Затруднительно представить себе человека ни разу не имевшего дело с деньгами. Деньги — это особый вид универсального товара, используемого в качестве всеобщего эквивалента, посредством которого выражается стоимость всех других товаров. Деньги представляют собой товар, выполняющий функции средства обмена, платежа, измерения стоимости, накопления богатства, образно говоря, «товар всех товаров».²

Человеку добросовестно накопившему на ту или иную покупку, несложно подтвердить источник происхождения своего капитала, будь то накопления

¹ ИСАКОВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА, студентка 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, Санкт-Петербург); ISAKOVA DARIA DMITRIEVNA, the Second-Year Student of Master's Degree at North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor — Kleimenov Ivan Mikhailovich, Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law).

² Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2011.

за несколько лет, наследство, подарок или выигрыш. По-другому обстоит ситуация с теми, кто объяснить происхождение своего капитала не может. Как правило, это люди не имеющие работы или занимающие какие-либо формальные низкооплачиваемые должности, зачастую не имеющие счетов в банках, но имеющие дорогостоящие имущество. В большинстве случаев доходы такой категории населения находятся в теневом, криминальном секторе, который то и дело связан с организованной преступностью.

В подобном рода ситуациях со стороны государственных органов должны возникать вопросы к «чистоте» их средств, ведь именно за счет такого внимания, на наш взгляд, мы сможем осуществлять борьбу с организованной преступностью в разы эффективнее, ведь одной из основных целей организованной преступности является получение сверхдоходов и их последующая легализация.

С позиции юриспруденции, легализация сводится к тому, чтобы замаскировать незаконно добытые денежные средства под видом правомерного владения, пользования и распоряжения ими через финансовые операции или иные сделки. Легализация денежных средств по своему существу заключается в выведении из теневой части экономики незаконных капиталов в законный оборот, как правило, через банковский или предпринимательский сектор.

Вышеназванный сектор экономики характеризуется неподконтрольностью государству и характерен практически для всех государств. Особо привилегированные классы в этих странах зачастую имеют офшоры. Основные различия теневой экономики между странами сводится к ее объемам, формам реализации и уровню правового контроля за ней.³

Российская Федерация вошла в пятерку стран, в которых преобладает скрытая экономика, заняв четвертое место в рейтинге, составленном из двадцати восьми стран. Ее объем приблизительно составляет 33,6 триллиона рублей, или 39 % от прошлогоднего ВВП страны, что было отмечено в исследовании Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА), которое было посвящено оценке и прогнозу развития глобальной скрытой экономики. Показатель скрытой экономики Российской Федерации крайне высок на 84 %, чем в среднем по миру. Большие объемы лишь у Украины (46 % от ВВП, или 1,1 трлн грн.), Нигерии (48 % ВВП) и Азербайджана (67 % ВВП), а замыкает пятерку государство Шри-Ланка с показателем 38 %⁴.

³ Лунев В. В. Преступность и теневая экономика // Экономическая наука современной России. — 2005. — № 1. — С. 76.

⁴ The Association of Chartered Certified Accountants. — URL: <https://www.accagloba.com/gb/en.html> (дата обращения 13.10.2018).

Чем меньше сектор теневой экономики, тем лучше мы сдерживаем экспансию организованной преступности. На наш взгляд, именно контроль денежных потоков как способ борьбы с организованной преступностью помог бы сократить отток финансов в теневой сектор экономики, а также в дальнейшем способствовал бы выведению на «чистую воду» тех граждан, доходы которых так или иначе связаны с деятельностью организованной преступности.

На всей территории Российской Федерации с 2001 года действует Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения⁵. Данным законом предусмотрено что контролируемой сделка признается, если сумма операций с денежными средствами или иным имуществом равна или превышает 600 000 рублей или эквивалентна этой сумме денег в иностранной валюте⁶.

Однако, по нашему мнению, данная сумма для РФ является необоснованно завышенной, поскольку заимствована из США, где за покупку свыше 10 000 \$ необходимо подавать сведения в налоговую, подтверждающие легальность доходов, в противном случае грозит уголовная ответственность и огромный штраф⁷. У российских граждан такой необходимости нет поскольку обязательства по подтверждению легальности доходов отсутствует, как и наказание за совершение подобного рода действий.

Также стоит отметить, что данный закон не распространяется на всех граждан и все проводимые ими операции, а лишь на те, где хотя бы у одной из участвующих сторон есть сведения о причастности к преступной деятельности.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что для эффективной борьбы, с организованной преступностью нам необходимо всеми доступными правовыми средствами урезать сектор теневой экономики, что позволит существенно сократить уровень доходов преступных групп. Все это, в конечном итоге, может быть достигнуто за счет контроля денежных потоков граждан.

⁵ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (последняя редакция) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834 (дата обращения 13.10.2018).

⁶ Там же.

⁷ The Internal Revenue Code (IRC). — URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26> (дата обращения 13.10.2018)

В России уже давно созданы инструменты с помощью которых можно осуществлять контроль денежных потоков.

Во-первых, это федеральная налоговая служба в базах которой содержатся сведения о всех налогоплательщиках и об их имуществе. Именно у налоговых органов должны возникать вопросы откуда у того или иного лица капитал на покупку того или иного имущества.

Во-вторых, это банковский сектор, который содержит сведения о всех своих клиентах и производимых ими операциях. В этом случае контроль будут подвержены только операции, производимые по банковским счетам, однако так как их доля с каждым годом только растет в будущем это сыграет положительную роль.

И, в-третьих, это контрольно-кассовая техника юридических и физических лиц, осуществляющих деятельность по продаже дорогостоящих товаров или услуг. Поскольку, на наш взгляд, недостаточно двух вышеперечисленных пунктов, ведь учет всего имущества и банковских операций не позволит полностью контролировать существующие денежные потоки, так как деньги бывают не только безналичными, но и наличными, которые отследить гораздо сложнее. Наличные деньги — это именно та часть денежных потоков, которая в большей степени уходит в теневой сектор либо легализуется, и только с помощью контрольно-кассовой техники возможен их учет.

Подводя итог стоит сказать, что, производя контроль денежных потоков, мы значительно снизим влияние организованной преступности за счет реализации эффективного и современного законодательства. Очевидно, что контроль денежных потоков позволит обеспечить безопасность нормальной жизнедеятельности экономических отношений от воздействия организованной преступности, а это, в свою очередь, будет способствовать плодотворному развитию общества и государственных институтов. В связи с вышесказанным, считаю, что одним из приоритетных направлений в борьбе с организованной преступностью, в части ее оседлости в сфере теневой экономики, должно стать ее максимальное вымещение из нормального экономического сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения 13.10.2018).
2. *Топильская Е. В.* Криминология организованной преступности: Монография: В 2-х тт. Т. 2. — СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. — 600 с.
3. *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2011.

4. *Лунеев В. В.* Преступность и теневая экономика // *Экономическая наука современной России*. — 2005. — № 1.
5. The Internal Revenue Code (IRC). — URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26> (дата обращения 13.10.2018).
6. The Association of Chartered Certified Accountants. — URL: <https://www.accaglobal.com/gb/en.html> (дата обращения 13.10.2018).

*Кетенчиева Е. С.*¹
Ketenchieva E. S.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ

MODERN CONDITION OF CRIME MIGRANTS

Аннотация. В статье затрагивается вопрос о количественных и качественных показателях преступности мигрантов, а также законодательные пути противодействия преступности иностранных граждан и лиц без гражданства

Ключевые слова: мигрант, преступность мигрантов, иностранный гражданин, лицо без гражданства, противодействие преступности.

Summary. The article touches upon the issue of quantitative and qualitative indicators of the criminality of migrants, as well as legislative ways of combating crime of foreign citizens and stateless persons

Keyword: migrant, crime of migrants, foreign citizen, stateless person, combating crime.

Актуальность изучения преступности как предмета не только Уголовного права, но и криминологии, в настоящее время становится все более актуальным. Так, например, преступность мигрантов как обособленный вид совокупности преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства имеет свои характерные черты, детерминанты и развитие в Российской Федерации.

Несмотря на то, что количественные показатели осужденных мигрантов падают (рис. 1), качественные изменяются в другой тенденции.

Резкое падение кривой, указывающей на количественный показатель осужденных мигрантов, вызван сокращением квот на временное проживание на территории Российской Федерации.

Подписанным распоряжением на 2016 год Правительство Российской Федерации установило квоту на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства 125 900 разрешений на временное проживание в России с распределением по субъектам Федерации в соответствии с их заявками (в 2015 году квота составляла 151 175 разрешений)².

¹ КЕТЕНЧИЕВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА, адъюнкт адъюнктуры ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», Санкт-Петербург; KETENCHIEVA ELENA SERGEEVNA, Post-Graduate of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg).

² Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2015 № 2197-р (ред. от 15.11.2016) «Об установлении квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации на 2016 год». — URL: <http://government.ru/docs/20332/> (дата обращения 19.09.2018)

На 2017 год в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 2428-р была установлена квота на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства 110 880 разрешений на временное проживание в России, что на 15 тысяч разрешений меньше, чем в 2016 году³.

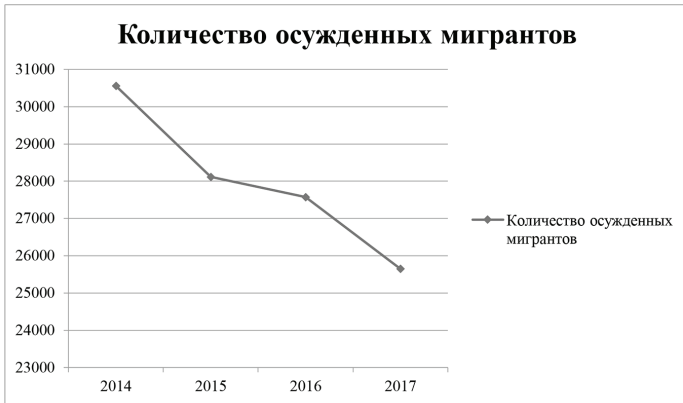

Рисунок 1

На 2018 год в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2017 года № 2581-р «Об установлении квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации на 2018 год»⁴ общее количество квот составило 90 360, что на 20 тысяч разрешений меньше, чем в 2017 году.

Таким образом, уменьшая количество мигрантов, Правительство Российской Федерации наметило тенденцию к снижению и количества осужденных. Однако данные законодательные изменения не оказали должного воздействия

³ Распоряжение Правительства РФ от 15.11.2016 № 2428-р (ред. от 22.11.2017) «Об установлении квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации на 2017 год» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 48 (часть III). — Ст. 6795.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2017 года № 2581-р «Об установлении квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации на 2018 год». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/555715584> (дата обращения 09.06.2018).

на качественные показатели преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, а именно, совершение ими особо тяжких преступлений (рис. 2).

Как мы можем заметить на нижепредставленной диаграмме, количество мигрантов, совершивших особо тяжкие преступления, в ответ на законодательные введения не уменьшается, а, наоборот, растет. Также и кривая осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства за тяжкие преступления в 2015 и в 2016 годах растет, а область осужденных за преступления небольшой тяжести остается неизменной.

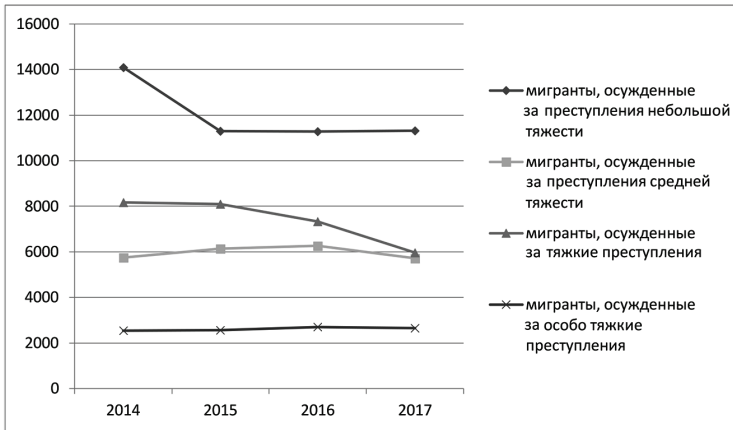

Рисунок 2

На основе вышесказанного автор делает вывод о том, что действия законодателя не смогли должным образом уменьшить преступность мигрантов в качественном показателе.

*Кирдин Н. И.*¹
Kirdin N. I.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

PREVENTION OF RECIDIVISM

Аннотация. В статье анализируются и исследуются проблемы и недостатки законодательных подходов к предупреждению и профилактики рецидивной преступности.

Ключевые слова: рецидивная преступность, предупреждение преступности, административный надзор.

Summary. The article analyzes and studies the problems and shortcomings of legislative approaches to the prevention of recidivism.

Keywords: recidivism, crime prevention, administrative supervision.

Профилактика рецидивной преступности, как и борьба с преступностью, в целом, предполагает комплексный и многогранный подход. На сегодняшний день наше законодательство в целом можно охарактеризовать как «динамичное», поскольку быстро меняет вектор развития и требует оперативного подхода, однако обязательно следует учитывать посредственную мобильность законодательства. Поэтому назрела потребность в серьезном пересмотре всей системы предупредительного воздействия на рецидивную преступность и модернизации предпринимаемых мер.

Уровень рецидивной преступности в 2010–2012 годах пересёк значительную планку и превысил 100 000 преступлений, совершенных ранее судимыми лицами². Эти показатели подтолкнули законодателя задуматься о более эффективных методах профилактики и предупреждения рецидивной преступности. Законодатель наконец-то понял, что от увеличения расходов на уголовно-исполнительную систему общий уровень рецидивной преступности никак не может снизиться. Стоит отметить, что с 2003 года расходы

¹ КИРДИН НИКИТА ИГОРЕВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Научный руководитель: Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, Санкт-Петербург) / KIRDIN NIKITA IGOREVICH, Second-Year Student of Master's Degree of the North-West Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor — Kleimenov Ivan Mikhailovich, Professor of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, St. Petersburg).

² *Закатнова А.* И судимы были // Российская газета. — № 211. — 2013.

на уголовно-исполнительную систему выросли в 6 раз³. При этом уровень рецидивной преступности за этот период существенно увеличился, доля повторно осужденных выросла с 51 до 64 %⁴.

Согласно данным МВД РФ, количество зарегистрированных преступлений к 2017 году снижалось и ежегодно уменьшается доля лиц, ранее судимых за совершение преступлений в общем количестве осужденных. По данным краткой характеристики состояния преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2018 года, почти каждое второе (57,8 %) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления⁵. Если исходить из тех данных, что нам предоставляет МВД, то можно сделать вывод, что с 2015 года появились небольшие изменения в лучшую сторону и некий спад по состоянию рецидивной преступности, но эти показатели, исходя из рассмотренных статистических данных и характеристик, всё так же незначительные.

Профилактика рецидивной преступности требует комплексного изучения и серьезного вмешательства со стороны государства. Разумно было бы опереться на опыт западных стран и попробовать применить их идеи, но препятствием к этому становится бюджетная целесообразность и количество времени, которое будет затрачено на изучение всех этих вопросов. Таким образом, законодатель пошёл по тривиальному пути, обратился к советскому опыту профилактики рецидивной преступности и вернул институт административного надзора, который в советское время показывал достаточную эффективность.

Административный надзор — это осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных данным Федеральным законом⁶. Проще говоря, это система ограничений, которые накладывают на бывших заключенных после того, как они выходят на свободу.

³ Статистические данные Федерального казначейства [Электронный ресурс] // URL: <http://www.roskazna.ru>.

⁴ Основные показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы: статистический сборник / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — М., 2008.

⁵ Состояние преступности по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф>

⁶ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «Консультант Плюс».

На момент принятия в 1997 году Уголовно-исполнительного кодекса РФ он соответствовал целям и казался вполне достаточным для исправления осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений. Но даже после его принятия, несмотря на то, что он предусматривал средства исправления осужденных и помощь в социальной адаптации, ситуация по контролю за рецидивной преступностью была печальной, так как не существовало правовых инструментов регулирования и контроля за поднадзорными лицами. Таким образом, этих мер оказалось мало для предупреждения рецидивной преступности, требовались комплексные изменения.

В советское время уровень рецидивной преступности среди лиц, состоявших под административным надзором, колебался в пределах 10 %. После принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации действовавший вполне эффективно институт административного надзора был упразднен из-за якобы нарушения прав человека, гарантированных Конституцией.

Действительно серьезные шаги по профилактике рецидивной преступности начались с принятия Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», в котором были определены задачи административного надзора. Согласно ст. 2 закона, основной задачей административного надзора является предупреждение совершения лицами, в отношении которых установлен административный надзор, повторных преступлений и других правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов. Также к задачам относится создание общего правового механизма административного надзора, создание условий для эффективной деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных органов, снижение экономических затрат на борьбу с преступностью.

Безусловно, с принятием данного Федерального закона было положено начало борьбы с рецидивной преступностью и, наконец, появились инструменты воздействия на поднадзорных лиц⁷. Однако этот закон направлен не на причину, а на следствие увеличения статистики рецидивной преступности. Вместо того чтобы учесть человеческий фактор, поспособствовать человеку в адаптации к жизни законопослушного гражданина, с помощью этого закона на человека накладывается ряд ограничений, которые никаким образом не помогут в дальнейшем не совершать преступления. Таким образом, с принятием Федерального закона об административном надзоре ситуация все равно не изменилась, согласно статистическим данным, доля рецидивных

⁷ Оноколов Ю. П. Административный надзор — необходимая часть системы профилактики правонарушений // Административное право и процесс. — 2014. — С. 33.

преступлений в структуре преступности возросла и в 2015 году достигла уже 51 %⁸.

Профилактика рецидивной преступности требует индивидуального и мобильного подхода, поскольку в настоящее время советский опыт является неэффективным и уже показал свою бесполезность в современной России⁹. Деятельность по ресоциализации и постпенитенциарной адаптации поднадзорных лиц в этой связи должна показывать свою эффективность постольку, поскольку она предусматривает индивидуальность подхода. Мы должны понимать, что людям, вышедшим из тюрьмы, необходима социальная адаптация, и государство должно способствовать им в этой адаптации¹⁰. Необходимо учитывать, что часто поднадзорный имеет низкий профессиональный уровень, минимальную мотивацию к труду, склонность к неадекватному поведению и нарушению трудовой дисциплины. В результате чего бывшие осужденные менее востребованы на рынке труда, чаще подвержены риску увольнения и дискриминации при приеме на работу. В целях решения этих проблем необходимо эффективное взаимодействие подразделений полиции с органами социального обеспечения, службой занятости населения, общественными организациями. К сожалению, в настоящее время инструменты оказания такой помощи осужденным отсутствуют.

Также мы не должны забывать про работу органов правопорядка, одной из задач которых является составление объективной оперативно-розыскной характеристики лица на основании проведенной оперативным уполномоченным работы, позволяющей сделать вывод о его потенциальной опасности и способности вновь совершить преступное посягательство. Данная форма очень эффективна и оперативна, так как она индивидуальна и учитывает все особенности преступника-рецидивиста¹¹.

Таким образом, несмотря на то, что наше законодательство имело довольно неплохую платформу для профилактики и удачный опыт предыдущих лет по противодействию рецидивной преступности, в конечном итоге это не дало эффективных результатов. И даже с принятием Федерального закона

⁸ Основные показатели состояния судимости в России за 2007–2016 годы: статистический сборник // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — М., 2017.

⁹ Михалюк Е.В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Прокурор. — 2015. — № 3. — С. 57–61.

¹⁰ Многократный рецидив преступлений: монография // Под ред. Ю.М. Антоняна; Академия ФСИН России. — Рязань, 2009. — С. 316.

¹¹ Никитин Е.Л., Степанова О.Н. Оперативно-профилактическое наблюдение как форма профилактики повторной и рецидивной преступности // Законность. — 2016. — № 4. — С. 20.

об административном надзоре, который регламентирует систему ограничений поднадзорных лиц, ситуация не изменилась. Исходя из этого, даже с учетом того, что лицам, осужденным за повторные преступления, назначается административный надзор, статистика по рецидивной преступности не меняется в лучшую сторону из-за ряда проблем: недостаточная эффективность норм законодательства; отсутствие какой-либо прецедентной статистики и единой практики по установлению административного надзора; посредственная реализация административного надзора территориальными органами МВД.

Плачевную статистику по уровню рецидивной преступности может изменить точечное оперативно-профилактическое наблюдение со стороны органов МВД и дополнительные правовые инструменты для взаимосвязи органов правопорядка, различных общественных организаций, органов социального обеспечения, которые с помощью взаимодействия смогут помочь поднадзорным лицам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «Консультант Плюс».
2. Состояние преступности по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф>.
3. Основные показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы: статистический сборник / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — М., 2008.
4. Основные показатели состояния судимости в России за 2007–2016 годы: статистический сборник / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — М., 2017.
5. *Закатнова А.* И судимы были // Российская газета. — № 211. — 20.09.2013.
6. *Михалюк Р.В.* Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Прокурор. — 2015. — № 3. — С. 498.
7. Многократный рецидив преступлений: монография / Под ред. Ю.М. Антоняна; Академия ФСИН России. — Рязань, 2009.
8. *Никитин Е.Л., Степанова О.Н.* Оперативно-профилактическое наблюдение как форма профилактики повторной и рецидивной преступности // Законность. — 2016. — № 4. — С. 35–38.
9. *Оноколов Ю.П.* Административный надзор — необходимая часть системы профилактики правонарушений // Административное право и процесс. — 2014. — С. 60–63.

Комаров В. Б.¹

Komarov V. B.

**ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ЗА НАМЕРЕННОЕ
НЕВЫПОЛНЕНИЕ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В ВИДЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ**

**RECEIVING A BRIBE BY Official FOR INTENTIONAL OMISSION
OF THE PROFESIONAL DUTIES**

Аннотация. В статье дается уголовно-правовая характеристика бездействию должностного лица как условию получения им взятки. Анализируются вопросы квалификации данной формы взяточничества. Предлагается включить в ч. 1 ст. 290 УК РФ формулировку: «за исполнение служебных полномочий в пользу взяткодателя или представляемых им лиц».

Ключевые слова: бездействие, взятка, получение взятки, служебные полномочия.

Summary. This article provides criminal legal characteristic inaction officer as a condition for receipt of a bribe. The issues of qualification of this form of bribery. It is proposed to include in Part 1 of Article 290 of the Criminal Code, the wording «for the performance of official duties in favor of the briber or persons represented by him.».

Keywords: inaction, bribe, bribe-taking, official authority.

В числе видов служебного поведения должностного лица, за которое им может быть получена взятка, фигурируют действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица (ч. 1 ст. 290 УК РФ). «Под входящими в служебные полномочия действиями (бездействием) должностного лица, — согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, — следует понимать такие действия (бездействие), которые оно имеет право и (или) обязано совершить в пределах его служебной компетенции (например, сокращение установленных законом сроков рассмотрения обращения взяткодателя, ускорение принятия должностным лицом соответствующего решения, выбор должностным лицом в пределах своей компетенции или установленного законом усмотрения наиболее благоприятного для взяткодателя или представляемых им лиц решения)»².

¹ КОМАРОВ ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ, аспирант кафедры уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета (Тюмень); KOMAROV VYACHESLAV BORISOVICH, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Process, Institute of State and Law, Tyumen State University (Tyumen).

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 9.

В теории уголовного права поставлен вопрос о том, что указание в диспозиции ч. 1 ст. 290 на бездействие, за которое может быть получена взятка, не корректно, так как бездействие не может входить в служебные полномочия должностного лица³. В частности, С. М. Фоминых предлагает реконструировать диспозицию ч. 1 ст. 290 УК РФ по типу ч. 1 ст. 173 УК РСФСР, предусматривавшей ответственность за получение взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения.

Позиция С. М. Фоминых и других исследователей о замене в ч. 1 ст. 290 УК РФ «бездействия» на «невыполнение действия» заслуживает внимания, однако основана данная позиция на неверной трактовке мздоимства в виде служебного бездействия, совершаемого за взятку, как несовершения должностным лицом действий, которые оно должно было выполнить в соответствии с занимаемой должностью и объемом прав и полномочий⁴.

Если говорить о бездействии в привычном уголовно-правовом смысле слова как о невыполнении должностным лицом действий, которые оно должно было и могло выполнить в соответствии с имеющимися у него служебными полномочиями, то при таком понимании бездействия последнее, действительно, не может входить в служебные полномочия должностного лица. Полномочия по бездействию, как справедливо отмечает П. С. Яни, представить себе довольно сложно, во всяком случае в судебной практике такая формулировка не встречается, а по ст. 285 УК РФ практика квалифицирует бездействие должностного лица, состоящее в несовершении им действий по службе, которые оно должно было совершить при наступлении определенных обстоятельств⁵. Служебные полномочия должностного лица не могут включать незаконное невыполнение своих должностных обязанностей. Получение незаконного имущественного вознаграждения за подобное поведение квалифицируется по ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение взятки за незаконное бездействие.

Следовательно, под бездействием, входящим в служебные полномочия должностного лица, получение взятки за которое влечет ответственность по ч. 1 ст. 290 УК РФ, понимается иное поведение должностного лица, не связанное с противоправным неисполнением своих служебных функций,

³ *Фоминых С. М.* Уголовная ответственность за получение взятки муниципальным служащим: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 71.

⁴ *Качмазов О. Х.* Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву. Владикавказ, 2000. С. 80; *Бабий Н. А.* Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России: монография. — М., 2014. — С. 81–82.

⁵ *Яни П.* Должностное злоупотребление — частный случай превышения полномочий // Уголовное право. — 2012. — № 1. — С. 138.

а напротив, находящееся в рамках его служебной компетенции. Такое поведение состоит в воздержании должностного лица от совершения действий вопреки интересам службы, которые должностное лицо не вправе совершать, если имеются предусмотренные нормативными правовыми актами определенные обстоятельства. Например, в соответствии с ч. 7 ст. 141 УПК РФ анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Следовательно, непринятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела в случае поступления анонимного заявления о преступлении является бездействием, входящим в служебные полномочия должностных лиц органов расследования.

Получение взятки за бездействие, входящее в служебные полномочия должностного лица, чаще всего имеет место при вымогательстве взятки со стороны должностного лица. Под вымогательством взятки, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, следует понимать не только требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать взятку с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (например, умышленное нарушение установленных законом сроков рассмотрения обращений граждан)⁶. Б. В. Волженкин писал: «При вымогательстве взятка дается за то, чтобы должностное лицо действовало (бездействовало) законно, правомерно или, иначе говоря, совершало действие (бездействие), входящее в его служебные полномочия, без нарушения обязанностей по службе»⁷.

В связи с этим, трудно согласиться с решением Президиума Верховного Суда РФ по уголовному делу Бобылева, осужденного судом первой инстанции за получение взятки, совершенное с ее вымогательством. Установлено, что Бобылев, работая главным инспектором отдела собственной безопасности таможенного управления, а затем заместителем начальника отдела, заявил Р., ведущему инспектору таможни, о том, что в отношении него имеются компрометирующие материалы, и потребовал 15 тыс. долларов США. При получении денег Бобылев был задержан.

Президиум Верховного Суда РФ по протесту заместителя Генерального прокурора РФ переквалифицировал содеянное Бобылевым на покушение на мошенничество с использованием своего служебного положения,

⁶ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 9.

⁷ Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. — СПб., 2005. — С. 198.

обосновав свое решение следующим. Как установлено судом, осужденный никаких конкретных действий в пользу Р. или его близких не совершал и не мог совершить, покровительства оказать также не мог. Из дела усматривается, что какими-либо материалами, свидетельствующими о совершении Р. противоправных действий, осужденный не располагал, а его умысел изначально был направлен на завладение денежными суммами путем обмана потерпевшего. С этой целью Бобылев лично составил не соответствующие действительности материалы и, используя их, требовал от потерпевшего деньги. Начальник отдела службы безопасности таможенного управления и его заместитель показали в суде, что с 30 января 1998 г. Бобылева перевели в Московскую западную таможенную и по своему должностному положению он не мог контролировать деятельность Р. Кроме того, ни органы следствия, ни суд не указали, какой ущерб законным интересам потерпевшего могли причинить действия (бездействие) осужденного при неисполнении его требования о даче взятки или какие вредные последствия в случае дачи взятки предотвращались для потерпевшего, если к последнему не было и не могло быть каких-либо претензий в связи с его деятельностью по таможенной службе. Вместе с тем, если вначале Бобылев по службе мог контролировать работу потерпевшего, то затем, на момент передачи денег, они работали в разных подразделениях и осужденный никакого отношения к деятельности потерпевшего не имел.

Таким образом, фактически Бобылев, используя свое служебное положение и злоупотребляя доверием потерпевшего, пытался обмануть его, вводя в заблуждение и заявляя о том, что в отношении него существуют компрометирующие материалы, добиваясь передачи ему 15 тыс. долларов США⁸.

Первое, что становится не ясным, исходя из приведенного судебного решения, — почему действия Бобылева переквалифицированы на мошенничество, а не на вымогательство по ст. 163 УК РФ, учитывая, что признаки последнего (шантаж) в данном случае усматриваются? Однако главная ошибка надзорной инстанции, по нашему мнению, состоит в том, что Президиум Верховного Суда РФ дал неверную оценку деянию Бобылева, перепутав признаки вымогательства взятки со служебным поведением должностного лица, за которое последний получает взятку. Факт того, что Бобылев объективно не располагал компрометирующими Р. материалами и не мог с учетом занимаемой должности контролировать работу потерпевшего, не влияет на оценку его противоправного требования как вымогательства взятки. Это специально подтвердил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам

⁸ Постановление № 7п 02 пр по делу Бобылева: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2002 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 12.

о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», дав разъяснение о том, что для квалификации содеянного по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ не имеет значения, была ли у должностного лица реальная возможность осуществить угрозу, если у лица, передавшего взятку имелись основания опасаться осуществления этой угрозы⁹. Как видно из приведенного решения, Бобылев не имел реальной возможности совершить действия по службе, связанные с реализацией компрометирующих материалов в отношении Р. за отсутствием таковых, однако высказал угрозу совершения таких противоправных действий. В итоге Бобылев добился получения взятки за несовершение противоправных действий по службе, т. е. за бездействие, входящее в его служебные полномочия.

Итак, под бездействием, входящим в служебные полномочия должностного лица, следует понимать находящееся в пределах служебной компетенции должностного лица поведение, состоящее в воздержании его от совершения действий вопреки интересам службы. Взятка, обусловленная законным бездействием должностного лица, дается за его добросовестное поведение по службе, за то, чтобы должностное лицо не совершало действий, которые оно не имеет права совершать (обязано не совершать) при наличии предусмотренных законом обстоятельств.

Данное толкование служебного бездействия, как одного из видов служебного поведения за взятку, не устраняет необходимости ликвидировать противоречие между указанным пониманием бездействия и традиционной трактовкой бездействия в уголовном праве как одной из форм преступного деяния, состоящей в невыполнении лицом возложенной на него юридической обязанности совершить определенные позитивные действия. Принцип системности и определенности права предполагает, чтобы один и тот же термин, используемый законодателем при описании различных составов преступлений, понимался одинаково. В этой связи из диспозиции ч. 1 ст. 290 УК РФ целесообразно исключить конструкцию, подразделяющую служебное поведение взяткополучателя на действие и бездействие, входящие в служебные полномочия должностного, заменив ее более емкой и с уголовно-правовой точки зрения терминологически непротиворечивой формулировкой. По нашему мнению, предпочтительной является следующая формулировка: *«за исполнение служебных полномочий в пользу взяткодателя или представляемых им лиц»*.

В свою очередь, в изменении нуждается разъяснение, данное в пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 9.

преступлениях», который может выглядеть так: «Под исполнением служебных полномочий в пользу взяткодателя или представляемых им лиц следует понимать использование прав и (или) выполнение обязанностей, которые входят в служебную компетенцию должностного лица и которыми оно наделено в установленном законом или иным нормативным правовым актом порядке».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 9.
2. Постановление № 7п02пр по делу Бобылева: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2002 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 12.
3. *Бабий Н. А.* Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России: монография. — М., 2014.
4. *Волженкин Б. В.* Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. — СПб., 2005.
5. *Качмазов О. Х.* Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву. — Владикавказ, 2000.
6. *Фоминых С. М.* Уголовная ответственность за получение взятки муниципальным служащим: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
7. *Яни П.* Должностное злоупотребление — частный случай превышения полномочий // Уголовное право. — 2012. — № 1. — С. 133–138.

*Кривенко В. А.*¹

Krivenko V. A.

ТОЛКОВАНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

INTERPRETATION OF THE LEGAL PRINCIPLE IN THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Аннотация. В статье рассматривается понятие принципа законности в национальном и международном законодательстве. Автором проводится анализ правовых позиций Европейского суда по правам человека. Раскрывается теоретическое и практическое значения позиций Европейского суда по правам человека для российского права.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, уголовный закон, принципы уголовного права, принцип законности, судебная практика.

Summary. Definition of principle of legality in international and national legislation is considered in the article. The author analyzes legal positions of the European court of human rights. The theoretical and practical significance of the positions of the European court of human rights for the Russian law is revealed.

Keywords: European court of human rights, criminal law, principles of criminal law, principle of legality, judicial practice.

Принцип законности был провозглашен в период буржуазных революций. Представители гуманистического направления в праве (Монтескье, Вольтер, Беккариа и другие) придавали ему важное значение. Формула *nullum crimen nullum poena sine lege* («нет преступления, нет наказания без точного указания закона») рассматривалась ими как необходимая основа справедливого закона и деятельности органов уголовного правосудия.

Уголовно-правовой принцип законности заложен в статье 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Наказание исключительно на основании закона»)². Осуждение за действия, не предусмотренные законом

¹ КРИВЕНКО ВАЛЕРИЯ АНДРЕЕВНА, студентка 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Дикаев Салман Умарович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, Санкт-Петербург); KRIVENKO VALERIA ANDREEVNA, the Second-Year Student of Master's Degree at the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor: Dikayev Salman Umarovich, Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, St. Petersburg).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS— №5) от 04.11.1950: с изм. от 13.05.2004. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2018).

в качестве преступления, является грубым нарушением прав человека. Гарантии статьи 7 Конвенции являются важным элементом верховенства закона и имеют большое значение в конвенционной системе защиты. Отступления от указанных прав в соответствии со статьей 15 Конвенции в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах не допускаются³.

Российская Федерация является частью мирового сообщества, поэтому уголовно-правовая политика в ней реализуется с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, а также практики ЕСПЧ.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) принцип законности отражен в статье 3. Содержание данного принципа заключается в том, что лицо привлекается к уголовной ответственности в том случае, если им совершено деяние, напрямую предусмотренное уголовным законом, и назначение наказания происходит также в точном соответствии с нормами УК РФ. Вопросы уголовной ответственности и наказания не могут решаться иными нормативными правовыми актами. Другими словами, нет преступления и наказания без указания на то в законе.

Частью 2 ст. 3 УК РФ установлен запрет на применение уголовного закона по аналогии, то есть восполнение пробела в праве путем распространения действия закона на случаи, непосредственно им не регулируемые.

Исследование правовых позиций Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), в сфере уголовно-правовых отношений имеет важное теоретическое и практическое значение для отечественного правоприменителя. Для уяснения тех или иных норм законодательства и принципов права судьи обращаются не только к разъяснениям Пленума Верховного Суда России или позициям, выработанным Конституционным Судом России, но и к практике Европейского суда по правам человека. По статистике около 43 % следователей и 60,9 % судей периодически используют в своей практической деятельности международно-правовые акты и решения ЕСПЧ. А 18,6 % следователей и 20,5 % судей используют их на постоянной основе⁴.

Положения статьи 7 Европейской конвенции по правам человека (далее — ЕКПЧ), по образному выражению одного зарубежного автора, до сих пор

³ Постановление ЕСПЧ от 14.03.2013 «Дело «Касымаханов и Сайбаталов (Kasymakhunov and Saybatalov) против Российской Федерации» (жалоба № 26261/05 и 26377/06). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.03.2018).

⁴ *Мальшева Ю. В.* Теоретико-правовые основы реализации решений Европейского Суда по правам человека в уголовном процессе российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 1 (41). — URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения 01.03.2018).

остаются «скрытой жемчужиной» Конвенции⁵. Однако даже в относительно небольшой практике ее применения ЕСПЧ можно увидеть ряд важных для понимания выводов.

Пункт 1 статьи 7 Конвенции толкуется Судом не только как запрет придания обратной силы закону, устанавливающему уголовную ответственность, но и как отражение принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*, то есть установления законом преступности деяния и наказания за него в целом. Таким образом, установленная в статье 7 ЕКПЧ гарантия считается неотъемлемым элементом принципа верховенства права⁶. Из этого вытекает необходимость ясного определения нарушения в законе⁷.

Любое преступление, а равно и меры уголовной ответственности за его совершение должны быть четко определены в законе. Кроме того, они должны быть определены таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, и получения юридической консультации — каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия). Неточность, неясность и неопределенность закона влекут невозможность однозначного толкования и, следовательно, произвольное применения его норм — в противоречие названным конституционным принципам, из которых, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, «вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан» (Постановления от 15 июля 1999 года № 11-П и от 27 мая 2003 года № 9-П).

На необходимость соблюдения принципа правовой определенности указывает и Европейский Суд по правам человека при применении содержащихся или вытекающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод общих принципов, которые лежат в том числе в основе оценки соответствия ее положениям национального права. Согласно позициям Европейского суда по правам человека закон должен отвечать установленным Конвенцией стандартам. Данные стандарты требуют, чтобы законодательные нормы были сформулированы достаточно точно и ясно, и позволяли любому, в том числе

⁵ *Murphy C.* The Principle of Legality in Criminal Law under the European Convention on Human Rights // *European Human Rights Law Review*. — No. 2. — 2010. — P. 192–207.

⁶ Постановление ЕСПЧ от 12.02.2008 по делу «Кэфкарис (Kafkaris) против Кипра» (жалоба № 21906/04). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2018)

⁷ Постановление ЕСПЧ от 15.11.1996 «Дело «Кантони (Cantoni) против Франции» (жалоба — № 17862/91). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2018)

с помощью обращения к судебной практике, знать к каким последствиям приведут те или иные его действия (бездействия)⁸.

Анализ решений, принятых в данном отношении ЕСПЧ, позволяет говорить о том, что на первый план выходит не наличие письменно оформленного запрета, а его определенность, вытекающая из природы права. Норма может считаться законом, если она сформулирована с достаточной степенью точности: лицо должно иметь возможность, получив при необходимости соответствующую юридическую консультацию, предвидеть в разумных пределах и применительно к конкретным обстоятельствам те последствия, которые может повлечь за собой данное поведение. Подобный подход к определению критериев «разумной предсказуемости» в английском праве весьма точно и образно был описан лордом Моррисом в решении по делу издательства «Нуллер» (Knüller), рассмотренного в 1973 году и получил в литературе название «принцип тонкого льда» (thin ice). При осуждении лица за деяние (оскорбление общественной морали), которое ранее ни статутным, ни общим правом преступным не признавалось, лорд Моррис указал, что лицо, осознающее, что его поведение находится на границе с преступным, несет риск того, что его деяние будет признано таковым (буквально: «тому, кто катается на коньках по тонкому льду, трудно точно указать на место, где он провалится под лед»)⁹.

Если коснуться практики ЕСПЧ по данной статье с участием Российской Федерации, то следует отметить относительно небольшое количество дел. Большинство дел из этого перечня вызвали широкий общественный резонанс (Навальный против Российской Федерации 17.10.2017, Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации 25.07.2013). В решении по делу Навальный против Российской Федерации суд счёл нарушенными права заявителя на наказание исключительно на основании закона. По мнению суда, уголовные обвинения в данном деле были «широко и непредсказуемо истолкованы»¹⁰.

В постановлении ЕСПЧ по делу «Касымаханов и Сайбаталов (Kasymakhunov and Saybatalov) против Российской Федерации» заявители, члены организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», обвинялись в пособничестве и подстрекательству к терроризму, создании преступного сообщества и использовании подложных документов (Касымаханов), пособничестве и подстрекательству

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2018).

⁹ Ashworth A., *Horde J.* Principles of Criminal Law. 7th ed. Oxford University Press, 2013. P.62.

¹⁰ CASE OF NAVALNYE v. RUSSIA (Application no. 101/15) 17.10.2017. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus> (дата обращения 01.04.2018).

к терроризму, созданию и членстве в экстремистской организации (Сайбаталов). Заявители жаловались на то, что решение Верховного Суда РФ о запрете Хизб ут-Тахрир не было официально опубликовано, то есть нормы права не отвечали требованиям ясности и предсказуемости. Суд отметил, что положения УК РФ сформулированы достаточно точно и лицо при необходимости может предположить, какие действия и бездействия повлекут уголовную ответственность. Отсутствие официально опубликованного решения не означает, что нормы перестали быть доступными и предсказуемыми. В отношении первого заявителя права не были нарушены. В отношении второго заявителя: членство в экстремистской организации признается преступлением в том случае, если данная организация распущена либо запрещена официальным судебным актом в связи с её экстремистской деятельностью. Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года о запрете Хизб ут-Тахрир не было официально опубликовано до июля 2006 года, то есть позже совершения преступления. Соответственно, суд усмотрел нарушение статьи 7 ЕКПЧ¹¹.

Таким образом, принцип законности является важным гарантом верховенства права, он обеспечивает запрет на произвольное преследование и наказание. Данный принцип пронизывает все нормы международного и национального законодательства, он отражает общечеловеческие ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS №005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2018).
2. Постановление ЕСПЧ от 12.02.2008 по делу «Кафкарис (Kafkaris) против Кипра» (жалоба № 21906/04). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2018).
3. Постановление ЕСПЧ от 14.03.2013 «Дело «Касымаханов и Сайбаталов (Kasymakhunov and Saybatalov) против Российской Федерации» (жалоба № 26261/05 и 26377/06). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.03.2018).
4. Постановление ЕСПЧ от 15.11.1996 «Дело «Кантони (Cantoni) против Франции» (жалоба № 17862/91). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2018).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 №8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2018).

¹¹ Постановление ЕСПЧ от 14.03.2013 «Дело «Касымаханов и Сайбаталов (Kasymakhunov and Saybatalov) против Российской Федерации»» (жалоба № 26261/05 и 26377/06). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.03.2018).

6. *Мальшева Ю.В.* Теоретико-правовые основы реализации решений Европейского Суда по правам человека в уголовном процессе российской Федерации // Труды Академии управления МВД России 2017. № 1 (41). — URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения 01.03.2018).
7. CASE OF NAVALNYYE v. RUSSIA (Application no. 101/15) 17.10.2017. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus> (дата обращения 01.04.2018).
8. *Ashworth A., Horder J.* Principles of Criminal Law. 7th ed. Oxford University Press, 2013. — P.62.
9. *Murphy C.* The Principle of Legality in Criminal Law under the European Convention on Human Rights // European Human Rights Law Review. — No. 2. — 2010. — P.192–207.

Ларченко А. А.¹

Larchenko A. A.

**ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ
ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ
ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

**EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRECIATION
OF THE RIGHT TO TAKE DEFINED POSITIONS
OR TO WORK FOR DEFINED ACTIVITIES**

Аннотация. В настоящее время существует проблема эффективности исполнения уголовного наказания и в целом уголовно-правового запрета. Анализ и изучение норм уголовного и уголовно-исполнительного права Республики Беларусь показывает, что существуют проблемные вопросы, связанные с исполнением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которые требуют надлежащего законодательного регулирования.

Ключевые слова: наказание, вид уголовного наказания, лишение права занимать определенную должность, лишение права заниматься определенной деятельностью, запрет права на труд.

Summary. Currently, there is a problem about the effectiveness of the execution of criminal punishment and the overall criminal law prohibition. Analysis and study of the norms of criminal and penal law of the Republic of Belarus shows that there are problematic issues related to the execution of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities that require proper legislative regulation.

Keywords: punishment, type of criminal punishment, deprivation of the right to occupy a certain position, deprivation of the right to engage in certain activities, prohibition of the right to work.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься профессиональной или иной деятельностью. Эта мера наказания устанавливается в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления на срок от одного года до пяти лет.

¹ ЛАРЧЕНКО АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ, аспирант отдела правоохранительной деятельности и осуществления правосудия — «Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь» (Могилев, Беларусь) / LARCHENKO ALEXANDER ANATOLYEVICH, Postgraduate Student of the Law Enforcement and Justice Department — «National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus» (Mogilev, Belarus).

Исполнение этого наказания, назначенного в качестве дополнительного к наказанию в виде ареста, ограничения свободы, лишения свободы или направления в дисциплинарную воинскую часть, осуществляется учреждением, исполняющим основное наказание, а после отбытия основного наказания — уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденного.

Уголовно-исполнительная инспекция ведет учет осужденных, контролирует соблюдение осужденными предусмотренного приговором суда запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, проверяет выполнение предписаний приговора администрацией организаций по месту работы осужденных, а также органами, правомочными аннулировать разрешение на занятие соответствующим видом деятельности, запрещенной для осужденного, организует проведение с осужденным воспитательной работы.

Администрация учреждения, в котором отбывает наказание лицо, осужденное также к дополнительному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, не может привлекать осужденного к работам, выполнение которых ему запрещено.

Предписания приговора при исполнении данного вида наказания обязательны для администрации организации по месту работы осужденного. Администрация организации по месту работы осужденного обязана:

- не позднее трех дней после получения копии приговора суда и извещения уголовно-исполнительной инспекции освободить осужденного от должности или от занятия тем видом деятельности, права на занятие которой он лишен; внести в трудовую книжку осужденного запись о том, на каком основании, на какой срок и какие должности он лишен права занимать или какого рода деятельностью лишен права заниматься; направить в уголовно-исполнительную инспекцию сообщение о выполнении предписаний приговора;
- представлять по требованию уголовно-исполнительной инспекции документы, связанные с исполнением наказания;
- в случаях изменения или прекращения трудового договора с осужденным в трехдневный срок сообщить об этом в уголовно-исполнительную инспекцию;
- выдать лицу, отбывшему наказание или освобожденному от него в установленном законом порядке, по его просьбе взамен трудовой книжки ее дубликат без внесения в него записи о наказании.

Требования приговора суда о лишении права заниматься определенной деятельностью обязательны для органов, правомочных давать разрешение

на занятие такой деятельностью и аннулировать выданные разрешения. Правомочные органы не позднее трех дней после получения копии приговора и извещения уголовно-исполнительной инспекции обязаны аннулировать разрешение на занятие той деятельностью, которая запрещена осужденному, изъять соответствующий документ, предоставляющий данному лицу право заниматься указанной деятельностью, и направить сообщение об этом в уголовно-исполнительную инспекцию.

Срок исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенного в качестве основного наказания или в качестве дополнительного к наказанию, не связанному с ограничением или лишением свободы, а также при отсрочке исполнения наказания и условном неприменении наказания, если исполнение дополнительного наказания не отсрочено, исчисляется с момента вступления приговора в законную силу. В срок исполнения наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью.

Осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью обязаны выполнять предписания приговора, представлять по требованию уголовно-исполнительной инспекции документы, связанные с отбыванием указанного наказания, сообщать в уголовно-исполнительную инспекцию о месте работы, его изменении или об увольнении с работы. Если осужденный нарушает запрет, установленный приговором суда (не увольняется с должности, на которой ему запрещено работать, продолжает заниматься запрещенной деятельностью и т. д.) инспектор предлагает ему немедленно прекратить занятие определенной деятельностью и отбирает об этом подписку. Уголовно-исполнительная инспекция вносит администрации учреждения, предприятия представление с предложением в трехдневный срок принять меры к прекращению запрещенной деятельности осужденного². Однако, при этом имеется случаи, в которых осужденный не уведомляет о смене места работы уголовно-исполнительную инспекцию и работает у нового нанимателя по договору подряда, при этом деятельность или профессия, которой он занимается ему запрещена по приговору суда, а наниматель не знает о запрете данной деятельностью или работы у данного нового работника. В связи с тем, что некоторые наниматели не платят отчисления в ФСЗН (Фонд социальной защиты населения) по лицам, устроившимся к ним на работу по договору подряда, уголовно-исполнительная инспекция не может отследить место работы осужденного устроившегося на работу

² Бочков И. А. Уголовно-исполнительное право Республики Беларусь: Учебно-методический комплекс. — Полоцк, 2005. — С. 95.

к данному нанимателю, так как в базе ФСЗН сведения о работнике (осужденном) отсутствуют, а иных баз, по которым можно отследить работника в Республике Беларусь, в настоящее время нет. В связи с чем в данных указанных случаях осужденное лицо не исполняет указанное в приговоре суда наказание и при таких обстоятельствах не несет уголовную ответственность, что, в свою очередь ставит по угрозу исполнения наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью считается отбытым с момента истечения назначенного судом срока. Согласно ч. 1 ст. 90 УК Республики Беларусь, возможно условно-досрочное освобождение от этого наказания.

Уклонение осужденного от исполнения приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью наказывается в соответствии со ст. 417 УК Республики Беларусь штрафом или арестом на срок до шести месяцев. Неисполнение должностным лицом приговора суда о лишении права занимать определенную должность либо занятии определенной деятельностью является преступлением и влечет уголовную ответственность в соответствии со ст. 423 УК Республики Беларусь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в Республике Беларусь, является видом наказания не связанного с лишением свободы и изоляции от общества, при этом носит ограничения к праву на труд, применяется в виде основного либо дополнительного наказания. Применяется данный вид наказания к субъекту, совершившему преступления, которым является должностное лицо или лицо, которое занимается определенной деятельностью с использованием своих преимуществ (полномочий) перед другими лицами. Исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в практике исполнения имеет различные проблемные аспекты, которые нуждаются в анализе и дополнительном доктринальном осмыслении с целью решения данных проблем и более эффективного использования данного вида наказания в системе исполнения наказаний в Республике Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бочков И. А.* Уголовно-исполнительное право Республики Беларусь: Учебно-методический комплекс. — Полоцк. — 2005.
2. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. — URL: <https://helpiks.org/8-8083.html> (дата обращения 15.10.2018).

*Мороз А. А.*¹

Moroz A. A.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 222–222¹ УК РФ**

**SOME QUESTIONS OF THE QUALIFICATION OF CRIMES PROVIDED
BY ST. 222–222¹ OF THE CRIMINAL CODE**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы, возникающие при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 222–222¹ Уголовного кодекса РФ. Выделяются недостатки правовой системы при определении предмета преступления в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств.

Ключевые слова: незаконные оборот, оружие, уголовная ответственность, предмет преступления.

Summary. The article discusses some of the controversial issues that arise when qualifying crimes under Art. 222–222¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The shortcomings of the legal system are distinguished in determining the subject of a crime in the sphere of illegal trafficking in weapons, ammunition, explosives and explosive devices.

Keywords: Illegal trafficking, weapons, criminal liability, the subject of a crime.

Неправомерный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств является одним из наиболее серьезных факторов, способствующих ухудшению криминогенной обстановки, росту организованной преступности, терроризма в стране и представляет реальную угрозу государственной, общественной и личной безопасности. В России нет ни одного региона, где не было бы преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия². Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной

¹ МОРОЗ АРТЕМ АНАТОЛЬЕВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Берестовой Андрей Николаевич, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербург); MOROZ ARTEM ANATOLYEVICH, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor — Berestovoy Andrey Nikolaevich, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg).

² *Задаян А. А.* Проблемы уголовно-правового предупреждения незаконного оборота оружия: монография. – М., 2015. – С. 17.

категории за 2017 год отмечается в г. Москве — 18 672, г. Санкт-Петербург — 12 802, Челябинской области — 8 832³.

Осуществление контроля за оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств является одним из основных направлений деятельности государства. Данный контроль осуществляется посредством целого комплекса средств и методов, среди которых главенствующую роль занимают нормативно-правовые акты.

Особенным регулятором оборота оружия выступает Федеральный закон РФ от 13 ноября 1996 г № 150-ФЗ «Об оружии»⁴. Данный Федеральный закон регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации, направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия, видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия.

Среди наиболее актуальных проблем совершенствования законодательства об ответственности за правонарушения и преступления в сфере оборота оружия следует назвать проблему обеспечения соотносимости уголовных и административных норм⁵, сложность представляет содержание и характеристика предмета, особенностей и видов деяний, предусмотренных ст. 222–226¹ УК РФ. Пробелы и неоднозначность трактовки некоторых норм законодательства вызывают затруднения в практике их применения и отрицательно влияют на результаты борьбы с данной категорией преступлений. Единообразное толкование и применение законодательства о противодействии незаконному обороту оружия поможет избежать судебных ошибок и будет способствовать более эффективному противодействию преступным проявлениям в сфере оборота оружия⁶.

Проблемы, возникающие при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 222, 222¹ УК РФ, связаны как с характеристикой предметов, так и с характеристикой деяний, входящих в объективную сторону преступления.

³ Информация по данным сайта <http://crimestat.ru/>

⁴ Практика мирового судьи: применение уголовного закона: Научно-практическое пособие / РГУП ; Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М., 2017. — С. 335.

⁵ См. подробнее об этом: Сафонов В. Н. Взаимодействие уголовного и административного права: социальные запросы и реальность // Библиотека криминалиста. — 2016. — № 4 (27). — С. 316–319.

⁶ Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств: учебное пособие / Уральский юридический институт МВД России. — Екатеринбург, 2017. — 47 с.

Так, в некоторых случаях возникает вопрос о том, подпадает ли под действие ст. 222 УК РФ неисправное либо учебное оружие. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств» разъясняет, что в том случае, если оружие «содержало цель привести его в пригодное состояние и совершило какие-либо действия по реализации этого намерения», то это должно рассматриваться как уголовно наказуемое деяние⁷.

Так, при задержании сотрудниками полиции у Г. был обнаружен пистолет Парабеллум П-08. Проведенная экспертиза показала, что пистолет неисправен и не пригоден для производства выстрелов по причине внесения в его конструкцию необратимых изменений самодельным способом с использованием специального станочного, инструментального, сварочного оборудования и абразивного инструмента. Однако технические изменения основной части-рамки позволяют ее использовать по своему целевому назначению: как для сборки на ней механизмов и деталей от представленного на экспертизу пистолета, так и от другого огнестрельного оружия аналогичной конструкции, так и для производства отдельных выстрелов в составе другого огнестрельного оружия. На основании этого гражданин Г. был признан виновным в хранении и ношении основных частей огнестрельного оружия⁸.

Однако нужно отметить, что в приведенном примере гражданин Г. был признан виновным в незаконном хранении и ношении не оружия, а в совершении этих действий в отношении основных частей, так как именно основная часть в виде рамки сохраняла возможность использования по своему целевому назначению.

Вместе с тем не признается уголовно наказуемым хранение непригодных боеприпасов.

Так, гражданин С. был оправдан по обвинению в хранении патронов калибра 12,7 мм от антиснайперской винтовки 23 мм по следующим причинам. Гражданин С. привез данные патроны как сувениры в память о командировках в Северо-Кавказский регион, в Чеченскую Республику в период 2000–2002 гг. Он считал, что порох в патронах отсырел, и они не пригодны к производству выстрелов и планировал передать патроны в музей воинской славы. Учитываемая показания С., подтвержденные тем, что указанные предметы хранились

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // URL: <http://www.consultant.ru>.

⁸ Приговор Хамовнического районного суда г. Москва от 11 февраля 2017 г. по делу № 1-4/17. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения 18.10.2018).

на стеклянной полке в комнате, что отражено в протоколе обыска, копии приказов о нахождении гражданина С. в командировках в Северо-Кавказской регион в 2000–2002 гг., а также, что заключением баллистической экспертизы не разрешен вопрос о пригодности указанных боеприпасов к выстрелам и такой вопрос следователем перед экспертом не ставился, суд обоснованно истолковал все сомнения в этой части в пользу подсудимого⁹.

Еще одна проблема, связанная с предметом преступлений, предусмотренных ст. 222 УК РФ, возникает в случаях, когда лицо совершает перечисленные в законе действия в отношении так называемого «обреза».

Статья 6 «Ограничения, устанавливаемые на оборот гражданского и служебного оружия» Федерального закона «Об оружии» устанавливает запрет на оборот в качестве гражданского и служебного оружия на территории Российской Федерации огнестрельного длинноствольного оружия с емкостью магазина (барабана) более 10 патронов, за исключением спортивного оружия, имеющего длину ствола и длину ствола со ствольной коробкой менее 500 мм и общую длину оружия менее 800 мм, а также имеющего конструкцию, которая позволяет сделать его длину менее 800 мм и при этом не теряется возможность производства выстрела.

В связи с этим укорачивание ствола (обрез) длинноствольного гладкоствольного оружия, когда оно приобретает длину со ствольной коробкой менее 500 мм, при наличии экспертизы, результаты которой указывают на возможность производства выстрела, приводит к необходимости оценки полученного обреза в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 1–3 ст. 222 УК РФ. В свою очередь, те же действия, которые привели к укорачиванию ствола длинноствольного гладкоствольного оружия, когда его длина, несмотря на это, составила вместе со ствольной коробкой 500 мм и более, в соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 222 УК РФ, не требуют оценки полученного укороченного длинноствольного гладкоствольного оружия в качестве предмета, предусмотренного ч. 1–3 ст. 222 УК РФ. Однако такое укороченное длинноствольное гладкоствольное оружие может выступать в качестве предмета, предусмотренного ч. 4 ст. 222 УК РФ.

Необходимо отметить, что ответ на вопрос об отнесении того или иного предмета к указанной категории преступлений в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств является сложным и неоднозначным. Государство стремится противостоять валу вооруженной преступности и той опасности, которую несет незаконный оборот

⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 11 марта 2017 г. по делу № 22–716/2017. — URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения 18.10.2018).

оружия, взрывчатых веществ или взрывчатых устройств. Несомненно, имеется ряд нормативно-правовых актов о контроле за оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств, однако проблемы квалификации и ответственности решены не совсем удачно, а поэтому законодательство по указанному вопросу нуждается в совершенствовании. Требуют теоретического осмысления вопросы согласования положений уголовного права с тенденциями развития государства и общества, использования новейших достижений человеческих знаний в самых различных сферах.

Кроме того, работники правоохранительных органов в своей профессиональной деятельности часто сталкиваются со значительными трудностями в уяснении действительного содержания положений уголовного закона, устанавливающих ответственность за незаконные деяния с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывчатыми устройствами. Возникает острая необходимость урегулирования данной сферы для единообразной практики, внесения определенных коррективов в действующие законы и подзаконные нормативные акты в силу возникающих проблем и противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // URL: <http://www.consultant.ru>.
3. *Задоян А. А.* Проблемы уголовно-правового предупреждения незаконного оборота оружия: монография / А. А. Задоян. — М., 2015.
4. Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / Под ре. Е. Н. Рахмановой; РГУП. — М., 2017. С. 335.
5. *Сафонов В. Н.* Взаимодействие уголовного и административного права: социальные запросы и реальность // Библиотека криминалиста. — 2016. — № 4 (27). С. 316–319.
6. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств: учебное пособие / Уральский юридический институт МВД России. — Екатеринбург, 2017.

Старцева Д. А.¹
Startseva D. A.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА, СВЯЗАННЫХ
С НЕОКАЗАНИЕМ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ (СТ. 125 УК РФ)**

**CRIMINAL LAW ESTIMATION OF THE ACTIONS OF THE PERSON CONNECTED
WITH NON-PROVIDING HELP TO A PATIENT (ART. 125 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Аннотация. Преступления против здоровья человека занимают значительное место в общей структуре преступности в РФ, среди которых особое место отведено преступлениям, совершаемым теми, кто обязан сохранять и восстанавливать здоровье — медицинскими работниками. В связи с этим немалую сложность представляет квалификация большинства преступлений в сфере оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: неосторожные преступления, медицинские работники, объективные, субъективные признаки.

Summary. Crimes against human health occupy a significant place in the overall structure of crime in the Russian Federation, among which a special place is given to crimes committed by those who are obliged to maintain and restore health — by medical workers. In this connection, the qualification of the majority of crimes in the field of medical care is of considerable complexity.

Keywords: Careless crimes, medical workers, objective symptoms, subjective symptoms.

Государство, на конституционном уровне признавая жизнь и здоровье человека в качестве приоритетных объектов охраны, устанавливает различные социальные и правовые механизмы защиты этих благ, в том числе гарантии надлежащего оказания медицинской помощи. Однако несмотря на предпринимаемые усилия, в современных условиях все еще можно констатировать недостаточную эффективность медицинского обслуживания населения, что, помимо объективных трудностей материально-технического характера, зачастую

¹ СТАРЦЕВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, студент 2 курса магистратуры ФГБОУ-ВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Берестовой Андрей Николаевич, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербург); STARTSEVA DARYA ALEXANDROVNA, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Research Supervisor — Berestovoy Andrey Nikolaevich, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg).

объясняется субъективными факторами: недобросовестным отношением врачей к своим профессиональным обязанностям, необоснованным отказом в медицинской помощи или оказанием ее не в полном объеме, неправомерным вмешательством медицинских работников в физиологические процессы пациентов². Противодействовать этим негативным факторам призвана вся система экономических и социально-правовых гарантий безопасности личности, среди которых особое место занимает совокупность соответствующих уголовно-правовых норм.

С субъективной стороны неказание помощи больному характеризуется, по нашему мнению, двойной формой вины. Необходимо отметить, что данная позиция в науке уголовного права не единственная, но преобладающая.

В подтверждение данной точки зрения можно указать следующее.

Ч. 2 ст. 24 УК РФ гласит, что деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступным лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Анализ диспозиции ч. 1 ст. 124 УК РФ позволяет сделать вывод, что в статье речь идет об умышленном нарушении возложенных на лицо законом или специальным правилом обязанностей, повлекшем по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, то есть о двойной форме вины. Такое заключение следует из сравнения конструкций анализируемой нормы и ч. 2 ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего выполнения лицом своих профессиональных обязанностей). Как отмечает Е. В. Топильская, законодатель «предусматривает также возможность совершения преступления с двумя формами вины: при условии совершения умышленного преступления, которым причинены тяжкие последствия, не охватывающиеся умыслом виновного, но по отношению к последствиям установлена вина в форме неосторожности»³.

Вместе с тем характеристика двойной формы вины, данная в ст. 27 УК РФ, в данном случае вряд ли полностью применима. Речь может идти о возможности небрежного отношения к последствиям. В преступлениях с двойной

² Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола: 2 марта 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; Под общ. ред. Е. Н. Рахмановой, д. ю. н., доцента. — СПб: ИД «Петрополис», 2017; *Филатов В. Б., Решетников А. В., Погорелов Я. Д., Жилинская Е. В., Моргулис А. Л.* Ответственность медицинских работников, связанная с их профессиональной деятельностью в контексте нового уголовного законодательства // URL: www.sueneews.ru (дата обращения 15.10.2018).

³ Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М., 2017. — С. 73.

формой вины, как было указано выше, лицо относится умышленно к своему действию (бездействию). Но в рассматриваемом случае определять вид умысла невозможно и нецелесообразно, так как разграничение умысла на прямой и косвенный должно происходить на основе волевого отношения виновного к последствиям, которое в данном случае является неосторожным. Иными словами, в содержание умысла входит осознание опасности совершенного действия или бездействия»⁴. Логический анализ и сопоставление интеллектуальных и волевых моментов умысла и неосторожности убеждает в наличии двойной формы вины в составе ст. 124 УК РФ: по отношению к бездействию наличествует умысел, а отношении последствий — неосторожность.

Вместе с тем нельзя не отметить, что правовое содержание вины в этом случае ставится под сомнение предписаниям ст. 27 УК РФ, которые позволяют как признавать двойную форму вины в ст. 124 УК РФ, так и полностью отрицать ее, переводя умышленное деяние в разряд неосторожных преступлений. В качестве одного из возможных вариантов совершенствования законодательства в части регламентации форм вины видится изменение ч. 2 ст. 24 УК РФ на следующую редакцию: «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено в названии соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса». Такая норма позволит систематизировать не только преступления с двойной формой вины, но и неосторожные посягательства.

В целом, неоказание помощи больному относится к преступлениям, совершенным с двумя формами вины: умысел (как прямой, так и косвенный) в отношении бездействия-невмешательства и неосторожность в отношении последствий.

Важно подчеркнуть условие наступления уголовной ответственности: медицинские работники — субъекты неоказания помощи — должны заниматься медицинской практикой⁵.

Врач, акушер, фельдшер и прочие лица, имеющие медицинское образование, но не занимающиеся медицинской практикой, не несут уголовную

⁴ Григонис Э. П., Леонтьев О. В. Ответственность за преступления, совершаемые медицинскими работниками: учебное пособие. — СПб.: СпецЛит, 2015. — С. 17.

⁵ Сергеев Ю. Д., Бисюк Ю. В. Ненадлежащее оказание экстренной медицинской помощи: науч.-практ. руководство. — М.: Юрайт, 2016. — С. 31; Бавсун М. В. Проблемы реализации уголовной ответственности за ненадлежащее оказание помощи больному // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола 2 марта 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; Под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. — СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — С. 35.

ответственность за неоказание помощи больному. Обязанность действовать возлагается на лицо законом или специальным правилом. В случае, когда лицо оставило медицинскую практику, отсутствуют нормативные основания для привлечения к ответственности за бездействие. При этом оно может быть подвергнуто уголовно-правовой репрессии, но за совершение другого преступления — оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 12.10.2018).
2. Григонис Э. П., Леонтьев О. В. Ответственность за преступления, совершаемые медицинскими работниками: учебное пособие / Э. П. Григонис, О. В. Леонтьев, — СПб.: СпецЛит, 2015.
3. Практика мирового судьи: применение уголовного закона: Научно-практическое пособие / Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М., 2017.
4. Сергеев Ю. Д., Бисюк Ю. В. Ненадлежащее оказание экстренной медицинской помощи: науч.-практ. руководство. — М.: Юрайт, 2016.
5. Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола 2 марта 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; Под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. — СПб., 2017.
6. Филатов В. Б., Решетников А. В., Погорелов Я. Д., Жилинская Е. В., Маргулис А. Л. Ответственность медицинских работников, связанная с их профессиональной деятельностью в контексте нового уголовного законодательства // URL: www.cyenews.ru. (дата обращения 15.10.2018).

*Стрельникова Д.Л.*¹
Strelnikova D. L.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА СО СМЕЖНЫМИ И КОНКУРИРУЮЩИМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DIFFERENTIATION FRAUD WITH RELATED AND COMPETITING CRIMES

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы разграничения мошенничества и смежных с ним составов преступлений, а также разграничение общего и специального состава мошенничества. Зачастую кража, грабеж, присвоение и растрата имеют сходные с мошенничеством черты. Автором приводятся конкретные примеры судебных решений, свидетельствующих об определенных сложностях при разграничении указанных составов преступления.

Ключевые слова: мошенничество, кража, присвоение и растрата, квалификация, состав преступления, способы совершения преступления.

Summary. Problematic issues of differentiation between fraud and related offence are considered in the article. Often theft, robbery, misappropriation and embezzlement have similar features to fraud. The author gives specific examples of court decisions, which reveals difficulties in the delimitation of fraud and related offences.

Keywords: fraud, theft, robbery, misappropriation and embezzlement, offence of crime, delicti, modus operandi.

Мошенничество относится к категории преступлений против собственности и представляет собой один из видов хищения чужого имущества. Нередко на практике возникают проблемы с правильной квалификацией преступного деяния как мошенничества. Сложность заключается в том, что мошенничество совершается особыми способами, а именно путем обмана или злоупотребления доверием, но нередко данные способы могут использоваться преступниками при совершении иных видов хищения. В такой ситуации представляется необходимым отграничивать мошенничество от смежных составов преступления, таких как кража, присвоение и растрата. Кроме того, в связи

¹ СТРЕЛЬНИКОВА ДАРЬЯ ЛЬВОВНА, студентка 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Рахманова Е. Н., зав. кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербург); STRELNIKOVA DARYA LVOVNA, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor: Rakhmanova Ekaterina Nikolaevna, Head of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor, St. Petersburg).

с принятием Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² и введением специальных составов мошенничества также возникли сложности разграничения данных составов преступления с основным составом мошенничества.

Как было указано выше, основными способами совершения мошенничества являются обман и злоупотребление доверием. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» «обман ... может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»³. Злоупотребление доверием, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, заключается в «использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам»⁴.

По мнению И. О. Автандиловой, для мошенничества характерна добровольная передача имущества виновному, поскольку он, воздействуя на сознание потерпевшего, склоняет его к передаче имущества путем обмана или злоупотребления доверием⁵. Что отличает его от кражи, когда виновный изымает какое-либо имущество у лица, незаметно для него и для других лиц.

Потерпевший от мошенничества убежден в законности требований виновного лица, заблуждаясь относительно фактических обстоятельств, которые выступают основаниями для незаконной передачи имущества, а также относительно характера передачи. Зачастую преступники располагают к себе будущих жертв, входят к ним в доверие и, используя такое доверие, похищают имущество. Так, Смольнинским районным судом Санкт-Петербурга осужден Тихоненко В. М., который под предлогом оказания потерпевшей содействия в приобретении железнодорожных проездных билетов на пассажирский поезд, обещая при этом, что в течение нескольких дней оформит бронирование железнодорожных проездных билетов, не намереваясь исполнить указанное

² Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 49. — Ст. 6752.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 2. — 2018.

⁴ Российская газета. — 2017. — № 7446.

⁵ См. *Автандилова И. О.* Отличие мошенничества от смежных преступлений: проблемы квалификации // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 2. — С. 221.

обещание, похитил принадлежащие потерпевшей денежные средства и распорядился ими по своему усмотрению⁶.

Таким образом, при мошенничестве обман является способом совершения преступления, в то время как при краже обман может выступать как способ облегчения преступления. Так, приговором Почепского районного суда Брянской области осуждена Рыбникова Е. И. по п. «а» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая, находясь в квартире потерпевшей, с целью кражи, с помощью обмана, представившись потерпевшей работником поликлиники, незаконно проникла в дом потерпевшей, где отвлекла внимание последней и тайно похитила её деньги, лежавшие в комнате на диване. В данном случае виновная использовала обман в целях облегчения совершения преступления⁷.

При грабеже также виновный может применять обман как средство или способ совершения преступления. Так, например, при проникновении в жилое помещение под видом представителя государственной власти — сотрудника полиции с целью проведения якобы обыска и изъятия вещей для обращения в свою собственность. В таких случаях преступники используют обман в личных качествах субъекта, а также относительно характера передачи имущества.

Необходимо также разграничивать мошенничество от растраты или присвоения. В соответствии с легальным определением, содержащимся в ст. 161 УК РФ, присвоение или растрата представляют собой хищение чужого имущества, вверенного виновному. Отличительной особенностью данного вида хищения выступает то обстоятельство, что в отношении похищаемого имущества виновный обладает правами владения, либо полномочиями по его по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в силу должностного или иного служебного положения, договора или специального поручения. Присвоение, в свою очередь, представляет собой безвозмездное, совершенное с корыстной целью, противоправное обращение лица вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника. Таким образом, преступления совершаются различными субъектами. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, выступает материально ответственное лицо либо лицо, использующее свое служебное положение. Так, П. предложил помочь потерпевшему с ремонтом автомобиля, после чего забрал его автомобиль на территорию двора своего домовладения. Затем, приехав к П., потерпевший не обнаружил там свой автомобиль, на что тот пояснил ему, что

⁶ Приговор Смольнинского районного суда Санкт-Петербурга от 05.12.2017 г. по уголовному делу № 1-433/2017 // <http://sudact.ru>.

⁷ Приговор Почепского районного суда Брянской области— № 1–8/2014 от 29 января 2014 г. по делу № 1-183/2013 // <http://sudact.ru>.

переместил автомобиль на территорию домовладения своего отца и в ближайшее время закончит ремонтные работы. После этого ему стало известно, что П. продал его автомобиль. При этом потерпевший пояснил, что документы на автомобиль находились в салоне в бардачке. Действия П. были квалифицированы по ч. 2 ст. 159 УК РФ, поскольку потерпевший подтвердил, что не давал П. право распоряжаться автомобилем, П. не намеревался выполнять ремонтные работы с автомобилем, имея умысел на его хищение, вводя потерпевшего в заблуждение о том, что переместил автомобиль на территорию домовладения своего отца и в ближайшее время закончит ремонтные работы⁸.

С другой стороны, К., на основании устной договоренности с потерпевшей, получил от последней для ремонта принадлежащий ей автомобиль. Вверенный ему автомобиль К. перегнал по месту своего проживания. В тот же день у К. возник преступный умысел на хищение вверенного ему автомобиля путем присвоения для использования его в личных целях. Реализуя свой преступный умысел, К. присвоил себе автомобиль и стал использовать его как личный транспорт. Затем, К., используя в личных целях вверенный ему автомобиль, не справился с управлением и совершил опрокидывание автомобиля в кювет. В результате этого автомобиль получил механические повреждения и стал не пригоден для дальнейшей эксплуатации. В то же время у К., возник преступный умысел на растрату вверенного ему автомобиля путем разбора и продажи его по частям. В данном случае его действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 160 УК РФ⁹.

Необходимо отметить также проблемы, возникающие при разграничении специальных видов мошенничества и общего состава мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ. В соответствии со ст. 17 УК РФ данная проблема должна решаться по правилу конкуренции общей и специальной норм. Однако не всегда такая проблема может быть решена с помощью данной нормы.

Зачастую проблемы квалификации связаны с применением такого признака, как совершение мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности является одним из видов мошенничества, предусмотренного в настоящее время ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, и оно также совершается путем обмана или злоупотребления доверием. Но данную форму мошенничества характеризует преднамеренность неисполнения договорных обязательств в будущем. Таким образом,

⁸ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 24 апреля 2018 г. по делу № 22-2267/2018 // <http://sudact.ru>.

⁹ Приговор Городецкого районного суда Нижегородской области от 30 марта 2016 г. по делу № 1-60/2016 // <http://sudact.ru>.

лицо, вступая в обязательство или заключая гражданско-правовой договор, уже предполагает, что не будет их исполнять, а завладеет соответствующими денежными средствами, иным имуществом либо правом на имущество в своих корыстных интересах. Несмотря на то, что постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 32-П положения статьи 159⁴ УК РФ признаны несоответствующими Конституции Российской Федерации, действовавший в период с 29 ноября 2012 года и до момента признания его противоречащим Конституции РФ¹⁰ уголовный закон, они по-прежнему на практике подлежат применению, поскольку улучшают положение лица (ст. 10 УК РФ).

Так, апелляционным приговором Самарского областного суда действия Григоряна А. К. были переквалифицированы с ч. 4 ст. 159 на ч. 1 ст. 159⁴ УК РФ в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Суд первой инстанции указывал, что Григорян заведомо знал, что не способен выполнять условия договоров по строительству объектов, скрыл информацию о наличии неисполненных обязательств перед другими заказчиками, продолжал вводить в заблуждение потерпевших и заключать с ними договоры строительного подряда, преследуя цель использовать полученные деньги на другие нужды. Кроме того, при обосновании квалификации по ст. 159 УК РФ судом первой инстанции сделан вывод о том, что деяния Григоряном А. К. осуществлялись под видом предпринимательской деятельности и фактически были направлены не на исполнение договорных обязательств, а на хищение имущества потерпевших, при этом организации фактически предпринимательской деятельностью и финансово-хозяйственной не занимались, заключение договоров с клиентами создавало видимость законности преступной деятельности, в составе этих организаций отсутствовали соответствующие специалисты, фирмы использовались в качестве инструмента совершения мошеннических действий. Но в данном случае суд апелляционной инстанции установил, что Григорян А. К. помимо инкриминируемых в обвинении действий осуществлял строительство и других объектов, которые были им успешно завершены, что подтверждалось исследованными доказательствами¹¹.

Необходимо в данном случае согласиться с Р. В. Гибадуллиным, который указывает, что основным критерием отсутствия факта предпринимательской деятельности является доказанность возникновения умысла на неисполнение договорных обязательств до заключения гражданско-правовой

¹⁰ Вестник Конституционного Суда РФ. — № 2. — 2015.

¹¹ Апелляционный приговор Самарского областного суда от 19 марта 2018 г. по делу № 22–1204/2018// <http://sudact.ru>.

сделки¹². То есть, если лицо, зарегистрированное в качестве предпринимателя либо выполняющее управленческие функции юридического лица, заключив на законных основаниях гражданско-правовой договор, не исполнило свои обязательства, то критерием отнесения его действий, подпадающим под ч. 3 ст. 159 УК РФ, будет являться доказанность факта отсутствия намерений осуществлять предпринимательскую деятельность изначально, до заключения сделки, исполнять свои гражданско-правовые обязанности.

Таким образом, несмотря на имеющиеся разъяснения, на практике представляется сложным отграничение мошенничества от смежных составов преступления. Для правильной квалификации мошенничества следует учитывать, что данный вид хищения совершается определенными способами: путем обмана или злоупотребления доверием. Остальные же виды хищения имущества могут использовать данные способы в качестве облегчения совершения преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 49. — Ст. 6752.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. — № 2. — 2015. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении растрате» // Российская газета. — 2017. — № 7446.
4. *Автандилова И. О.* Отличие мошенничества от смежных преступлений: проблемы квалификации // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 2. — С. 221–223.
5. *Гибадуллин Р. В.* Вопросы правоприменительной практики по расследованию мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2016. — № 3 (131). — С. 78–82.

¹² См. *Гибадуллин Р. В.* Вопросы правоприменительной практики по расследованию мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2016. — № 3 (131). — С. 78–82.

Трофимов Л. М.¹
Trofimov L. M.

**Административная преюдиция в уголовной политике
в сфере противодействия обороту наркотических средств
и психотропных веществ**

ADMINISTRATIVE PRE-JUDICIATION IN CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE
OF COMBATING ILLICIT TRAFFICKING
OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Аннотация. В статье рассматривается административная преюдиция как мера профилактики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, обосновывается её применение к наркозависимым.

Ключевые слова: наркотические средства и психотропные вещества, наркозависимые, административная преюдиция.

Summary. The article deals with administrative prejudice as a measure of crime prevention in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, substantiates its application to drug addicts.

Keywords: narcotic drugs and psychotropic substances, drug addicts, administrative prejudice.

В соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (далее Конвенция ООН)² каждой стороне-участнику, учитывая собственные национальные конституционные установления и основополагающие начала правовой системы, необходимо предпринимать такие меры, в которых может создаться потребность для решения вопроса о признании правонарушением в силу собственного законодательства умышленного хранения, приобретения

¹ ТРОФИМОВ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Гельдибаев Мовлад Хасиевич, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербург) / TROFIMOV LEONID MIKHAYLOVICH, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-West Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor — Geldibaev Movlad Hasievich, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, St. Petersburg).

² Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. — Вып. XLVII. — М., 1994. — С. 133–157.

или культивирования наркотического средства или психотропного вещества для личного потребления, что является нарушением положений указанной Конвенции ООН.

Во исполнение положений обозначенной Конвенции ООН в отечественном законодательстве достаточно жестко регулируется оборот наркотических средств и психотропных веществ и противодействие незаконным действиям в этой сфере.

Так, преамбула к Федеральному закону от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»³ содержит в себе правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействия их незаконному обороту. В первую очередь, данные правовые положения созданы в целях охраны здоровья и жизни населения, общественной и государственной безопасности.

Ст. 40 рассматриваемого Закона устанавливает запрет на потребление наркотических средств и психотропных веществ без соответствующего назначения врача.

В настоящее время наркомания является серьёзной проблемой, которая представляет угрозу человечеству и как социальное явление активно распространяется в нашей стране.

Официальная статистика по зарегистрированным наркозависимым, состоящим на учётах в медицинских учреждениях, говорит, что начиная с 2009 года ежегодно происходит рост наркозависимых (с 503 тысяч человек в 2009 году до 900 тысяч человек — в 2017 году)⁴. При этом имеется и существенный процент латентности в данной сфере. Так считается, что в России постоянных наркопотребителей более 8 миллионов человек, периодически употребляют наркотики разного вида и различным путём ещё более 10 миллионов человек⁵.

По мнению Н. В. Павловской, наркозависимые стоят на первом месте в группе риска совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Наркозависимым движет не только мотив извлечения незаконного

³ Федеральный закон от 08.01.1998— №3-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Российская газета. — 1998. — 15 янв.

⁴ Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/ (дата обращения 16.10.2018).

⁵ Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков. — URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml> (дата обращения 16.10.2018).

дохода при распространении наркотиков, но и удовлетворение собственных потребностей в употреблении наркотиков⁶.

Как показывают исследования, совершению многих видов преступлений предшествует неоднократное совершение аналогичных, однородных административных правонарушений⁷.

В связи высокой опасностью угрозы данного явления предпринимаются различные меры по совершенствованию регулирования отношений в этой сфере. Как отмечает С. В. Чирков, «В современной отечественной юридической науке, говоря о политике противодействия преступности в целом, и наркомании в частности, следует употреблять термин уголовная политика»⁸.

Бесспорно, что уголовная политика является составляющей государственной политики в сфере борьбы с наркоманией. Ее основной задачей является обеспечение эффективного механизма противодействия распространению наркотиков и наркомании в обществе.

Отечественный законодатель в целях противодействия и профилактики данному явлению предусмотрел в ст. 6.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) административную ответственность за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, в ст. 20.20 КоАП РФ — за потребление указанных средств или веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах, в ст. 20.21 КоАП РФ — за появление в общественных местах в состоянии опьянения, в ст. 20.22 КоАП РФ — за нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление ими указанных средств или веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ.

Кроме того, в силу ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ суд, назначая административное наказание за совершение вышеперечисленных административных правонарушений, лицу, признанному больным наркоманией либо которое потребляет указанные средства или вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, может возложить на такое лицо обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением указанных средств или психотропных без назначения

⁶ См.: Павловская Н. В. Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 145.

⁷ См., напр.: Мусеибов А. Г. Теоретические основы методики предупреждения преступлений: Дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2003. — С. 122.

⁸ Чирков С. В. Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Вектор науки ТГУ. — 2014. — № 1 (27). — С. 187.

врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. Если же лицо уклоняется от исполнения обозначенной обязанности, то оно может быть привлечено к административной ответственности по ст. 6.9.1 КоАП РФ.

Установив, что наркозависимые входят в группу риска совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, учитывая повышенную общественную опасность данных преступлений, направленных против здоровья населения и общественной нравственности, полагаем, что криминализация административных правонарушений с введением административной преюдиции в данной сфере будет вполне оправданной мерой государственной политики.

В юридической литературе имеется и иная точка зрения в части того, что расширение уголовной ответственности с помощью криминализации правонарушений не всегда обоснованно⁹. Однако в нашем случае криминализация обосновывается высокой степенью общественной опасности. Более того, административную преюдицию можно рассматривать и как средство частной и общей превенции преступлений в рассматриваемой сфере.

Административная преюдиция как средство криминализации деяний законодательно сконструирована из условия привлечения лица к административной ответственности, временного промежутка, в течение которого лицо является подвергнутым административному наказанию (периода административной наказуемости), и совершения в этот период тождественного деяния.

Криминализовав обозначенные административные правонарушения и введя административную преюдицию, можно сформулировать диспозицию и санкцию ст. 228⁵ УК РФ следующим образом: «Потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача либо появление в общественных местах в состоянии наркотического опьянения, либо потребление указанных средств или веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах, либо нахождение в состоянии наркотического опьянения несовершеннолетних, а равно потребление ими указанных средств или веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, лицом подвергнутым административному наказанию за совершение одного из административных правонарушений, предусмотренных ст. ст. 6.9, 6.9.1, 20.20–20.22 КоАП РФ, связанных исключительно с нарушением законодательства в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, либо имеющим судимость за совершение одного из преступлений, предусмотренных ст. ст. 228–230, 231–234¹ настоящего Кодекса либо настоящей статьей,

⁹ *Лунеев В. В.* Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. — 2007. — № 5. — С. 41.

наказываются штрафом в размере до двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет».

Полагаем, что отнесение данного общественно опасного деяния к категории преступлений небольшой тяжести и отсутствие в санкции статьи наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, будет соответствовать гуманному подходу к лицам, употребляющим наркотические средства и психотропные вещества, с учётом того, что наркомания, согласно Международному классификатору болезней официально признана болезнью¹⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. — Вып. XLVII. — М., 1994. — С. 133–157.
2. Международный классификатор болезней. URL: https://medaboutme.ru/zdorove/spravochnik/bolezni/?utm_medium (дата обращения 16.10.2018).
3. *Лунеев В. В.* Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. — 2007. — № 5. — С. 39–58.
4. *Муσειбов А. Г.* Теоретические основы методики предупреждения преступлений: Дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2003
5. *Павловская Н. В.* Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.
6. *Чирков С. В.* Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Вектор науки ТГУ. — 2014. — № 1 (27). — С. 187–190.

¹⁰Международный классификатор болезней. URL: <https://medaboutme.ru/zdorove/spravochnik/bolezni/?utmmedium> (дата обращения 16.10.2018).

*Хочуева Р. А.¹.
Khochueva R. A.*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

SOME ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE RECIDIVISM

Аннотация. В рамках данной статьи автор исследует некоторые вопросы, касающиеся законодательного регулирования рецидива преступлений. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что конструкция статей УК РФ² касающиеся определения рецидива, не является совершенной и требуется ряд дополнений. Отмечена необходимость законодательного закрепления положения о том, что условное осуждение и отсрочка должны быть учтены при признании рецидива, если они были отменены, но лицо уклонялось от отбывания лишения свободы.

Ключевые слова: рецидив, рецидивная преступность, рецидив преступлений.

Summary. In the framework of this article, the author investigates some issues related to the legislative regulation of recidivism. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the design of the articles of the criminal code concerning the definition of relapse is not perfect and requires a number of additions. It is noted that it is necessary to legislate the provision that conditional conviction and postponement should be taken into account when recognizing a relapse, if they were canceled, but the person evaded from serving imprisonment.

Keywords: Relapse, recidivism, legislative regulation of recidivism.

В исследовании аспектов множественности преступлений, рецидив принято выделять как самый опасный. Это вполне объяснимо с точки зрения уголовного права, поскольку рецидивная преступность является ядром всей преступности в целом. Подчеркнем, что общественная опасность рецидива преступлений определяется фактом того, что совершение новых преступлений

¹ ХОЧУЕВА РУСУДАН АЛИМОВНА, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Рахманова Е. Н., зав. кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербург); KHOCHUYEVA RUSUDAN ALIMOVNA, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor: Rakhmanova Ekaterina Nikolaevna, Head of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996— № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

в течении срока сохранения судимости, свидетельствует о том, что у преступника-рецидивиста выработалось сознательное решение продолжать преступную деятельность, более того, появляются «профессиональные навыки» осуществления данной деятельности.

Проблема рецидива преступлений является крайне сложной в аспекте не только правовой природы, но и содержания рассматриваемого явления. В связи с этим, невзирая на наличие многочисленных исследований, вопрос, касающийся рецидива преступлений, во многих отношениях остается открытым. В 2003 году Федеральным законом № 162-ФЗ в УК РФ внесено более 250 изменений, которые, по мнению законодателя, позволяют достигнуть обеспечения гуманизации отечественного уголовного закона. При этом ряд изменений законодательства носил принципиальный характер. К примеру, была достаточно серьезным образом видоизменена общая структура множественности преступлений, из-за чего, достаточно сильно изменилось как теоретическое, так и практическое понимание института рецидива преступлений. При этом, учитывая произведенные изменения, можно выявить некоторые проблемы, которые возникли в виду применения ст. 18 УК РФ.

Одним из наиболее проблемных вопросов, которые на сегодняшний день вызывают наиболее серьезные дискуссии в юридической науке, является момент возникновения рецидива. Иными словами, с какого момента повторное совершение преступления будет считаться рецидивом. В современном российском уголовном праве подобный промежуток получил наименование «судимость», которая, как следует из содержания ст. 86 УК РФ, начинает течь с момента вступления приговора суда в свою законную силу, а прекращается, в свою очередь, — в момент снятия. Однако представим себе ситуацию, когда в отношении лица, которое совершило преступление, ведется предварительное расследование и в течении данного времени (которое может быть достаточно продолжительным), лицо вновь совершает преступление. Формально это рецидивом являться не будет, однако высокая степень общественной опасности лица, совершившего два преступления, очевидна.

Так, в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ: «При признании рецидива преступлений не учитываются: судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса». Исходя из нормы данной статьи, мы можем сделать вывод о том, что в случае, если условное осуждение отменяется и лицо направляется в места лишения, то данная судимость будет учитываться в контексте рецидива. Однако на практике часто возникают

случаи, когда суд отменяет условное осуждение, однако преступника направить в исправительное учреждение для отбывания наказания фактически невозможно, т. к. он попросту скрывается от правосудия. И именно в этот момент времени он может снова совершить преступление. При этом в его действиях не будет рецидива преступлений, хотя, его общественная опасность явно гораздо выше, нежели чем у лица, которое не уклонялось от реального отбывания наказания после отмены условного осуждения. Учитывая данное обстоятельство, представляется необходимым внесение законодательных корректировок в рассматриваемую норму. На наш взгляд, вполне целесообразным будет введение в ч. 4 ст. 18 УК РФ п. «г», который должен установить, что условное осуждение, ровно как и отсрочка отбывания наказания, должны быть учтены, когда были отменены, но преступник при этом уклонялся от отбывания наказания.

Перейдем к рассмотрению следующего вопроса. Как известно, уровень рецидива преступлений несовершеннолетних является довольно высоким и, к сожалению, неуклонно растет. Большая часть преступлений, которые совершают указанные лица, — умышленные. Вместе с тем лица, достигшие совершеннолетия и переведенные в колонии общего режима, имеют негативную характеристику. В связи с этим, на наш взгляд необходимо закрепить специальные положения о рецидивной преступности несовершеннолетних, поскольку данный вид рецидива обладает такой же социально-психологической природой, исходя из чего ему следует придать определенное уголовно-правовое значение, однако оно не должно быть таким же суровым, как при рецидиве взрослых преступников³.

Подводя итог всему вышеизложенному, мы можем отметить, что изложенные выше по тексту проблемы не являются исчерпывающим перечнем проблем института рецидивной преступности, правовой институт рецидива преступлений порождает и ряд других вопросов, а это означает, что современная законодательная дефиниция рецидива вызывает дискуссии, она требует дальнейшего развития и более глубокого исследования. На наш взгляд, необходимо продолжать теоретические исследования рецидивной преступности в целях повышения эффективности мер ее противодействию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 43. — Ст. 5544.

³ *Кобец П. Н.* Понятие рецидива преступлений в отечественном законодательстве // Символ науки. — 2015. — № 5. — С. 173.

2. *Кобец П.Н.* Понятие рецидива преступлений в отечественном законодательстве // Символ науки. — 2015. — № 5.
3. *Кукушкина М.В.* К вопросу о понятии, видах и значении рецидива преступлений в уголовном праве России // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): научный журнал. Вып. 6. — Ярославль: ЯрГУ, 2017.
4. *Питецкий В.* Назначение наказания при рецидиве преступлений // Законность. — 2004. — № 9.

Чепурная А. С.¹
Cheripurnaya A. S.

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ОТ ПРЕСТУПНОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ

NECESSARY DEFENSE AS A WAY OF PROTECTION AGAINST CRIMINAL OMISSION

Аннотация. Актуализируется проблема возможности применения необходимой обороны в целях защиты от общественно опасного деяния, выраженного в форме бездействия.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, признаки необходимой обороны, действие, бездействие.

Summary. Actualized the problem of the possibility of using the necessary defence in order to protect against a socially dangerous act expressed in the form of omission.

Keywords: Extrajudicial forms of protection of the rights and freedoms of the individual, self-defense, characteristics of self-defense, action, omission.

Необходимая оборона — институт уголовного права, регулирующий обстоятельство, исключающее преступность деяния, основанный на неотъемлемом праве человека на защиту правоохраняемых интересов. Согласно ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), необходимая оборона — это состояние защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Исходя из законодательного определения, одним из признаков необходимой обороны является направленность на защиту от общественно опасного посягательства на личность и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства. Согласно ст. 14 УК РФ

¹ ЧЕПУРНАЯ АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА, студентка 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель — Безбородов Д. А., доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент)/ СHERIPURNAYA ANASTASIA SERGEEVNA, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Research Supervisor — Bezborodov Dmitry Anatolyevich, Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor (St. Petersburg).

общественно опасное деяние может выражаться как в действии, так и в бездействии. В связи с чем возникает вопрос о том, может ли быть необходимая оборона направлена как на защиту от преступления в форме действия, так и на защиту от преступления в форме бездействия.

На наш взгляд, проблема возможности направленности необходимой обороны от преступления в форме бездействия связана с законодательной техникой, примененной в ст. 37 УК РФ. Как мы уже отмечали выше, данная статья, определяя понятие необходимой обороны, оперирует словом «посягательство» и именно неточное понимание правоприменителями сущности посягательства влечет за собой рассматриваемую нами проблему.

Согласно толковому словарю, под посягательством понимается попытка (незаконная или осуждаемая) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь². Уголовный кодекс не дает понятия посягательства, однако использует этот термин в различных статьях. Так, «посягательство» можно встретить в задачах Уголовного кодекса (согласно ст. 2 УК РФ одной из задач является охрана защищаемых законом прав и свобод от преступных посягательств), при определении понятия необходимой обороны, при определении категории преступлений (например, в ст. 59 УК РФ указывается, что смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь) и, чаще всего, в описании объективной стороны составов преступлений (например, ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»).

На наш взгляд, необходимая оборона не может быть направлена на защиту от посягательства, выраженного бездействием, поскольку она подразумевает под собой способ защиты, к которому лицо вынуждено прибегнуть при посягательстве на охраняемый интерес. Сам смысл слова «посягательство» подразумевает активные действия виновного характера, иначе говоря, «институт необходимой обороны поощряет любую правомерную активность граждан, направленную на пресечение общественно опасных посягательств»³. Аналогичный довод также приводят сторонники направленности необходимой обороны против действия.

Точки зрения о том, что необходимая оборона направлена только против защиты от посягательства в виде действия, придерживаются, к примеру, Смирнов А. М. и Баранова Е. А. в своей работе, посвященной отличиям необходимой обороны от внесудебных криминальных форм защиты прав и свобод

² Толковый словарь Ожегова С. И. // Сайт ONLINEDIC.NET словари онлайн: URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/index.php> (дата обращения 30.09.2018).

³ Берестовой А. Н. Понятие и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния / Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие; РГУП; Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М., 2017. — С. 144.

личности (самосуда)⁴. Ю. В. Баулин также отрицал возможность необходимой обороны от бездействия, полагая, что сущность обороны заключается в причинении вреда именно посягающему, с тем чтобы таким образом предотвратить или пресечь начавшееся посягательство⁵.

В уголовном праве имеются и противоположные точки зрения. Как правило, в качестве примера применения необходимой обороны от бездействия приводят случаи отказа должностного лица выполнить свои обязанности (например, стрелочника на железнодорожных путях), что может привести к причинению вреда охраняемым законом интересам.

Ю. М. Ткачевский считает возможным выражать преступное посягательство как источник опасности при необходимой обороне как в действии, так и в бездействии, приводя следующий пример: если военнослужащий получает приказ в установленной форме, не исполняет его и это грозит причинением существенного вреда военной службе, то в подобной ситуации может иметь место необходимая оборона⁶. Подобный пример рассматривает Т. Ю. Орешкина, говоря о конкуренции обстоятельств, исключающих преступность деяния в случае общественно опасного бездействия, когда человека, пренебрегающего своей обязанностью совершить определенные действия (например, авиадиспетчера), надо заставить действовать, применив к нему физическую силу. В доктрине распространена позиция, согласно которой пресечение общественно опасного бездействия следует оценивать как необходимую оборону, которую аргументируют в том числе тем, что бездействие — это форма деяния, и его нельзя противопоставлять действию, что принуждение к действию для выполнения лицом его правовой обязанности не включено в уголовный закон в качестве самостоятельного обстоятельства и пр.⁷ Однако в отношении бездействующего нельзя применять насилие, если предотвращение последствий возможно иным способом, без причинения вреда, недопустимо и причинять вред, больший или равный предотвращенному, т. е. на такую ситуацию

⁴ Смирнов А. М., Баранова Е. А. Необходимая оборона и ее отграничение от внесудебных криминальных форм защиты прав и свобод личности (самосуда) // Российский следователь. — 2016. — № 10. — С. 38–40.

⁵ Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. — Харьков, 1991. — С. 227.

⁶ Ткачевский Ю. М. Институт необходимой обороны // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2003. — № 1. — С. 20–38.

⁷ Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — С. 95.

распространяется норма о крайней необходимости, несмотря на то что отсутствует такое условие, как причинение вреда третьим лицам⁸.

Точку в этом споре ставит, как всегда, судебная практика. Согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее — Постановление Пленума ВС РФ)⁹ посягательством, защита от которого допустима в пределах, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ, является совершение деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда.

При этом судебную практику по конкретным делам о необходимой обороне от преступления, выраженного бездействием, нам найти не удалось. Согласно данным «Отчета об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел»¹⁰ деяния, совершенные с применением необходимой обороны, имеют место только в отношении составов, подразумевающих посягательство в форме действия (в Отчете есть указание на составы гл. 32 УК РФ, однако номера статей по составам не раскрываются, потому эти статистические данные не были нами учтены).

Таким образом, необходимая оборона при бездействии, во-первых, на наш взгляд, противоречит смыслу института, закладываемому законодателем и состоящему в причинении вреда лицу, посягающему (совершающему активные действия) на охраняемый интерес, а, во-вторых, не подтверждена практически. Для более правильного понимания необходимой обороны считаем необходимым либо закрепить понятие посягательства на законодательном уровне (учитывая, что это слова встречается в Уголовном кодексе 21 раз) либо установить законодательное определение необходимой обороны не через термин «посягательства», а используя категорию форм общественно опасного деяния.

⁸ Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера // Уголовное право. — 2016. — № 4. — С. 66–76.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. — 2012. — 3 окт. — № 227.

¹⁰ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения 30.09.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. — 2012. — 3 окт. — № 227.
2. *Баулин Ю. В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. — Харьков, 1991 — С. 227.
3. *Берестовой А. Н.* Понятие и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния // Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / РГУП; Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М., 2017. — С. 142–157.
4. *Меркурьев В. В.* Состав необходимой обороны. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 216 с.
5. *Орешкина Т. Ю.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера // Уголовное право. — 2006. — № 4. — С. 66–76.
6. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения 30.09.2018).
7. *Смирнов А. М., Баранова Е. А.* Необходимая оборона и ее отграничение от внесудебных криминальных форм защиты прав и свобод личности (самосуда) // Российский следователь. — 2016. — № 10. — С. 38–40.
8. *Ткачевский Ю. М.* Институт необходимой обороны // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2003. — № 1. — С. 20–38.
9. Толковый словарь Ожегова С. И. URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/index.php> (дата обращения 30.09.2018).

Шапошникова Е. В.¹
Shaposhnikova E. V.

**К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВЕ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

TO THE QUESTION OF ILLICIT TRAFFICING OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC
SUBSTANCES IN THE INTERNET

Аннотация. В статье раскрываются особенности и актуальные на сегодняшний день проблемы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ посредством сети «Интернет», и противодействия этому.

Ключевые слова: наркотики, психотропные вещества, сеть «Интернет», пропаганда продажи наркотических средств посредством интернет-ресурсов, влияние на пользователей сети «Интернет».

Summary. The article reveals the features of the current problems of the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances through the Internet, counteraction.

Keywords: drugs, psychotropic substances, the Internet, the promotion of the sale of narcotic drugs through Internet resources, the impact on users of the Internet.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»², одной из основных угроз государственной и общественной безопасности является незаконная деятельность преступности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Общественную опасность данного вида преступлений можно характеризовать их социальным вредом, что выражается в способности формировать негативные последствия для общества в целом и для конкретного индивида в частности.

¹ ШАПОШНИКОВА ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВНА, студентка 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Научный руководитель: Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, Санкт-Петербург); SHAPOSHNIKOVA EVGENIYA VIKTOROVNA, the Second-Year Student of Master's Degree of the North-West Branch of the Russian State University of Justice (Research Supervisor — Kleimenov Ivan Mikhailovich, Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law (St. Petersburg).

² Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения 31.12.2015).

Распространение наркотиков, увеличение наркопреступности оказывают влияние на все сферы жизни общества: социальную, духовную, политическую, экономическую. Но первоначально ставится под угрозу как физическое, так и психическое здоровье человека, поскольку наркотические средства и психотропные вещества влияют как на мозг в отдельности, так и на весь организм в целом. В связи с этим государство не может не ставить борьбу с наркотиками в список первоочередных задач в сфере борьбы с преступностью.

Но, несмотря на активную деятельность государства по уменьшению (в идеале — полной ликвидации) количества преступлений данного вида, преступность находит новые пути для распространения наркотиков среди населения и получения корыстной выгоды.

Одним из них можно назвать сеть «Интернет» — всемирную систему объединённых компьютерных сетей для хранения и передачи информации, что логично привело к принятию Федерального закона от 01.03.2012 № 18-ФЗ, благодаря которому с 1 января 2013 года³ ст. 228¹ УК РФ имеет новую редакцию, а именно: в результате изменения в п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ выделен квалифицирующий признак — с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Данные нововведения характеризуются общественной опасностью наркопреступности в сети «Интернет», поскольку компьютеризация населения набирает большие обороты, средства компьютерной техники стали предметом необходимости и сеть «Интернет» стала общедоступной.

Помимо этого, при совершении наркопреступлений растёт частота использования в преступных целях знаний специалистов в сфере информационных технологий, что приводит к усилению технической оснащённости преступников.

Общественная опасность незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ посредством сети «Интернет» характеризуется⁴: анонимностью сторон, участников групп, «покупателей» и «продавцов»; многообразием сайтов, посвящённых наркотикам, социальных групп; возможностью изменения наименования сообществ, что затрудняет отслеживание сайтов и групп данной тематики; массовостью; упрощённым согласованием продаж, приобретения, производства наркотиков; большее число пользователей,

³ Российская газета. — 2012. — 6 март. — № 48.

⁴ Щурова А. С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2017. — С. 52.

относящихся к незащищённому слою населения (дети, подростки); повышение технической оснащённости субъектов преступления и т. п.

Благодаря сети «Интернет», её распространению, высокому уровню анонимности и скорости связи, для субъектов преступления максимально облегчен поиск клиентов, лиц, которых можно вовлечь и склонить к потреблению наркотиков, совершать иные незаконные действия.

Сеть «Интернет» — удобное средство для получения различной информации, в том числе и на тему наркотиков. Данную информацию можно получить из различных источников.

Они могут быть легальными, научно-образовательными, как научные статьи, пропаганда вреда наркотиков, медицинские данные, статистика.

Но могут быть также ресурсы, которые содержат сведения об изготовлении, приобретении, потреблении, сбыте наркотиков, описание действия различных наркотических средств, возникающих приятных ощущений после их потребления и т. д., при этом без негативной окраски, что приводит к популяризации употребления наркотиков.

Помимо этого информацию можно получить через общение, обмен мнениями, которые могут выражаться как в виде передачи нейтральной информации, так и негативной, позитивной. Общение может быть индивидуальным, а может быть массовым: различные форумы, группы.

Наибольшую опасность представляют группы, объединённые для совершения наркопреступлений.

В связи с особенностью данного способа совершения преступления можно также говорить о другом негативном, но, к сожалению, имеющем место факте: в сети «Интернет» высок уровень латентности. Лица, так или иначе обнаружившие сайты с незаконной продажей наркотических средств и психотропных веществ, или, к примеру, групп, пропагандирующих употребление наркотиков, не сообщают об этом правоохранительным органам. В той же мере жертвы подобного рода преступлений чаще всего также не обращаются, а выбирают путь анонимного лечения (в лучшем случае).

Число пользователей сети «Интернет» постоянно растёт благодаря всеобщей компьютеризации, переводу всевозможных услуг и деятельности различных организаций в виртуальное пространство, возможности бесконтактной оплаты. Это приводит к тому, что «товар» можно приобрести, минуя встречи с продавцом, получить его на руки, как обычную посылку или в неприметном месте, где поток людей строго контролируется для ликвидации привлечения внимания со стороны простых прохожих и сотрудников правоохранительных органов.

Помимо этого, можно говорить о появлении новых субъектов соучастия⁵: оператор/диспетчер, розничный закладчик, курьер, программный специалист. Говорить не в той мере, что данные роли можно в скором времени вносить в Уголовный кодекс Российской Федерации, но в достаточной, чтобы осознавать специфические черты каждой из них.

Таким образом, сеть «Интернет» выступает мощным средством влияния на потребление наркотических средств, их аналогов, растений, содержащих наркотические средства. Существенной особенностью сети является свободный и практически неконтролируемый доступ к информации пронаркотического типа.

В связи с этим встаёт необходимость разработки эффективных способов борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в сети «Интернет».

В качестве примера таких мер можно выделить: применение правовых мер воздействия к лицам, совершившим преступления посредством сети «Интернет»; повышение уровня ответственности владельцев социальных сетей для увеличения мониторинга групп, посвящённых наркотикам (в позитивном ключе); повышение правосознания у детей, подростков; общественный мониторинг сети «Интернет»; организацию «горячих линий» для сообщения о нелегальном контенте; сбор, а также систематизация владельцев сайтов; поощрительные меры за создание антинаркотических и иных социально-полезных ресурсов; повышение технического оснащения правоохранительных органов, их образования; мониторинг сети «Интернет» сотрудниками специальных подразделений правоохранительных органов, направление сведений на блокирование доступа к сайту пронаркотического характера; создание программного обеспечения, направленное для увеличения количества препятствий к созданию негативных ресурсов; постоянное совершенствование в этих целях тактики подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств.

В связи с вышеуказанным, можно прийти к выводу, что основным методом борьбы с незаконным оборотом наркотических средств (и иных преступлений) в сети «Интернет» является строгий контроль и мониторинг интернет-ресурсов, что является, несомненно, необходимым.

Но при повышении контроля и строгости, стоит также учитывать и мнение общественности, которое негативно реагирует на нововведения данного рода, поскольку это из-за своей специфики воспринимается как «блокирование»,

⁵ Чистанов Т.О. Незаконный сбыт наркотических средств посредством телекоммуникационных сетей Интернет // Международный научно-исследовательский журнал. — Екатеринбург, 2017. — С. 3.

ограничение граждан к информации, подведение к тотальному контролю за населением.

Поэтому можно говорить о том, что внедрение новых средств для борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в сети «Интернет» необходимо, но должно осуществляться с полным продумыванием действий и проверки эффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 17.10.2018).
2. *Сергеев А. Н.* Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под общ. ред.: Сергеев А. Н. — М.: Щит-М, — 2002.
3. *Чаркин А. И.* Наркомания как негативное социальное явление и особенности ее криминалистической характеристики // Российский следователь. — 2004. — № 2. — С. 27–30.
4. *Чистанов Т. О.* Незаконный сбыт наркотических средств посредством телекоммуникационных сетей Интернет // Международный научно-исследовательский журнал. — Екатеринбург, 2016.
5. *Щурова А. С.* Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): уголовно-правовое и криминологическое исследование: Автореф. дис. ... к. ю. н. — Екатеринбург, 2017.
6. *Яковлева О. А.* Интернет-магазин: правовая реальность // Финансовые и бухгалтерские консультации. — 2008. — № 4. — С. 31–37.

Уголовная политика и правоприменительная практика

Сборник материалов
VI Международной научно-практической конференции
(2 ноября 2018 года, Санкт-Петербург)

Под редакцией
Екатерины Николаевны Рахмановой,
заведующей кафедрой уголовного права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
доктора юридических наук, доцента

Технический редактор: Пронина А. С.
Корректор: Петрова Т. А.
ООО ИД Петрополис

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
офис-центр 1, 2 эт., пом. 22, тел. 336 50 34
e-mail: <http://www.petrobook.ru>
Подписано в печать 26.03.2019.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 36,5.
Тираж 40 экз. Заказ 18.
Отпечатано в типографии «Град Петров»